

КАЛЕБ КАРР

Доктор Ласло Крайцлер, алиенист

Продолжение
мирового бестселлера
«АЛИЕНИСТ»

АНГЕЛ ТЬМЫ

Annotation

Вскоре после дела Джона Бичема доктору Ласло Крайцлеру и его блестящей команде предстоит взяться за новое опасное расследование.

То, что поначалу казалось обычным похищением с целью выкупа дочери высокопоставленного испанского дипломата, внезапно оборачивается делом о таинственной женщине, которая неслышно и неотвратно, словно ангел смерти, несет гибель маленьким детям.

Удастся ли Крайцлеру с его помощниками остановить серийную убийцу, пока она не нанесла новый удар?..

- [КалекКарр](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

Калейб Карр

Ангел тьмы

Моим отцу и матери

*Считается не то, что был в темном доме, а то,
что вышел из него.*

Теодор Рузвельт

© Caleb Carr, 1997

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1

19 июня 1919 года

Наверно, можно было начать историю вроде этой как-то покрасивше, что ли – поиграть словами, развести читателей, как разводит простофиль хороший шулер. Но если честно, для такой игры я не слишком-то спор на язык, да и остроумием особым не блещу. Слова никогда не значили для меня много, и хоть за все эти годы мне встретилось немало людей, по праву считавшихся великими говорунами и мыслителями, все равно я остался, как это принято говорить, человеком простым. Так что и простое начало вполне устроит.

Первым делом следует рассказать – эдак попросту, – почему я той ночью запер лавку и ушел в подсобку, несмотря на то, что вполне еще мог себе неплохо поторговать. А вечер стоял удивительный – из тех, ради которых я тогда и жил: когда можно спокойно следить за суетой на проспекте, отгородившись от него одной лишь рубашкой, курить, наблюдая, как дым дорогих сигарет улетает прямым к звездам, и в результате начиная верить, что, быть может, у жизни во всем этом дурдоме и есть какой-то смысл. Цокот копыт остался в прошлом – коняг, тянувших по улицам коляски и фургоны, уже давно сменили бензиновые автомобили да грузовики; после полуночи их бег слегка поутих, а значит, вскоре следовало ждать нашествия леди и джентльменов в намерении приобрести у меня отборное курево после ужина в отеле «Албемарл» или «Хоффман-хаусе». Прежде чем отправиться в другую лавку, они, конечно, удивятся, обнаружив, что я закрылся ранее обычая, но удивление их будет недолгим, и, когда господа эти обретут искомое, вокруг величественного небоскреба «Утюг» осядет значительная тишина. Одинокий и причудливый силуэт все так же царит над Мэдисон-сквер – а вы как думали? – хотя в пору строительства из-за самой его конструкции да и вычурного фасада архитекторы и критики друг другу глотки рвали. Башня «Метрополитэн Лайф», подпирающая небо на другой стороне парка, возможно, будет и повыше, только она и рядом не стояла с «Утюгом» по стилю и внушительности; не говоря уже о соседствующих зданиях, вроде «Мэдисон-сквер-гардена», увенчанного статуей Дианы, некогда шокировавшей своею наготой, – они словно пережиток иного столетия, что мстится канувшим в одночасье минувшей ночи. Экая славная ночка, сказали бы многие, но для кого-то из нас она обернулась тайнами и

опасностями, явив множество загадок человеческой души, о коих люди, по преимуществу разумные, предпочли бы и вовсе не знать. Даже немногим способным заинтересоваться подобным зверств Великой войны уже хватило. Сейчас они жаждут одного – веселиться; причем жаждут непреклонно.

Безусловно, именно это желание двигало теми, кто направлялся сейчас к моей лавке, рассчитывая обзавестись куревом, столь необходимым долгими часами за игорным столом или в танцзале. Более мрачные поводы исключались самой погодой. Легкие касания мягких и невесомых ладоней ночного воздуха обволакивали мятущуюся душу – и вот она уже рвется в город, точно бродячая псина, почуявшая кость в глубине мусорного отвала у скотобойни. Большинство таких порывов так ни к чему, разумеется, не приводили, но это неважно: и само по себе это – странное удовольствие, дать себе поверить, что на грязных трепаных улицах Большой Луковицы возможно все, а если искомое не отыщется сегодня, тем больше поводов возобновить попытки завтра.

Знакомое чувство – сколько раз я думал так же, пока не достиг нынешнего, весьма прискорбного состояния. Вечная перспектива однажды вместе с кашлем выплюнуть собственное легкое изрядно омрачила мое существование на этом свете, поскольку мало приятного в его утехах, ежели повсюду, куда бы ни шел, за тобой тянется след крови и гноя, словно ты – какой-то жалкий израненный зверь. Но память моя никуда не делась, и, разумеется, я отлично припоминаю обжигающий восторг тех ночей, ту свободу, когда ты – сам по себе, а весь мир лежит покорно у твоих ног. Да нет, уверен, и вы, даже с таким жутким кашлем, как мой, в ту ночь не вернулись бы под крышу, не будь у вас на то чертовски серьезного повода. Стараниями мистера Джона Скайлера Мура у меня такой повод имелся.

Он пожаловал ко мне около часа назад, пьяный, как извозчик (что для человека, с ним знакомого, вообще-то не сюрприз), долго изливал желчь на малодушие редакторов, издателей да и всего американского народа совокупно. Послушать его (точнее, послушать вино и виски в нем), так этой стране сказочно повезло, коли она эдак развилась, как сейчас: столько тайного ужаса, трагедий и увечий искалечили наше общество. Учтите, по мне – он говорит дело; слишком много лет прослужил я в доме нашего общего друга, видного алиениста доктора Ласло Крайцлера, чтобы теперь списывать мрачные речи мистера Мура на пьяный бред. Но, как это часто бывает со всеми пьянчугами, гость мой отнюдь не собирался предаваться вселенской тоске вечно: он явно искал конкретную жертву, и в отсутствие кого-либо еще становилось совершенно ясно, что подойду и я.

Всему виной стала книга, которую он писал последние месяцы – с самого дня смерти президента Рузвельта. Я читал ее, как и все мы – и мы поделились с мистером Муром мнениями касательно его труда, и пожелали ему удачи, но никому из нас, включая доктора, и в голову не пришло, что автор всерьез намерен отыскать для нее издателя. В рукописи излагалась история расследования убийств, совершенных Джоном Бичемом, – первое дело, которое выпало вести вместе доктору, мистеру Муру, мисс Саре Говард, братьям-детективам Айзексонам, Сайрусу Монтроузу и мне. История эта вышла настолько интересного свойства, что ни один издатель в здравом уме не осмелился бы предложить ее публике. Это верно, многие не прочь пощекотать себе нервишки, почитывая что-нибудь эдакое на сон грядущий, но ведь всяким вкусам есть предел, а история Бичема решительно не вписывалась ни в какие ворота – для тех-то дней и того века. Может, ее и следовало рассказать, как того требовал мистер Мур, но сколько в нашем мире таких историй, которым не суждено быть рассказанными лишь потому, что люди не готовы слушать?

Первую ошибку я совершил, когда поделился этим соображением с мистером Муром.

Тот наградил меня редким своим взглядом – тяжелым, исполненным гнева. Джона Скайлера Мура я знал лет с одиннадцати – стало быть, уже года двадцать четыре – и, пожалуй бы, встал в тупик, спроси меня кто, известен ли мне более справедливый, порядочный и вообще добрый человек. Но хлебнуть ему довелось много чего, и, как это частенько бывает, в душе его образовалось клокочущее озеро боли и горечи, кои подчас не могут не выплеснуться наружу. На моей памяти вызывало подобные всплески всякое, но никогда еще так сильно, как в тот вечер: он *жаждал* рассказать миру историю Бичема и люто ярился на всех, кто пытался воспрепятствовать ему, даже не говоря о тех, кто попробует эту причудь хотя бы понять. А в данном случае – к несчастью – этим кем-то выпало быть мне.

А ведь он был уже немолод, мистер Мур, совсем немолод – багровые складки на его шее, подпираемые накрахмаленным воротничком, выдавали, как он прожил свою жизнь; однако глаза горели той же яростью, что вспыхивала всякий раз, когда обладатель их сталкивался с несправедливостью или же с тем, что считал глупостью. И отступит он при этом, заметьте, в свои шестьдесят с гаком не больше, чем в моем возрасте. Зная все это, я прикинул, что долгой проповеди мне не избежать, а потому вскарабкался по деревянной лестнице и с полки изъял внушительную банку, где хранилась особо недешевая смесь превосходных табачных

листьев из Турции и Джорджии. После чего я выставил второй плетеный стул под небольшой полосатый навес, что прикрывает обе мои витрины – «С. ТАГГЕРТ, ТАБАЧНИК, ОТБОРНЫЕ ИМПОРТНЫЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СМЕСИ» наилучшим сусальным золотом – и принялся набивать товар в гильзы из вкуснейшей английской бумаги. В таком-то антураже мы вдвоем и расположились, а майский ветерок тем временем уносил уличное зловоние к восточным пределам города.

– Так что же, Стиви? – объявил великий журналист тем тоном, за который его не раз увольняли из газет по всему Восточному побережью. – Если я правильно тебя понял, в конце концов и ты готов влиться в заговор молчания вокруг кошмаров частной жизни наших добропорядочных соотечественников?

– Не желаете ли закурить, мистер Мур? – поинтересовался в ответ ваш покорный заговорщик поневоле. – И немного поразмыслить над тем, что вы только что лягнули. Это же я, Стиви – тот же Стиви, который не раз пускался с вами в небожеские предприятия в деле Бичема, когда был еще совсем несмышленьшим.

– Сперва я и полагал, что говорю именно с ним, – неуверенно заметил мой собеседник, – но твой тон заставил меня в этом усомниться.

– Огоньку? – предложил я, чиркая спичкой по брючине, пока мистер Мур рылся в кармане. – Нельзя сказать, что вы ошиблись, – продолжил я, – но ведь нужно знать, как подходить к людям.

– А! – воскликнул он. – Иными словами, я, кто работал в лучших изданиях страны, а ныне освещает величайшие события дня на страницах «Нью-Йорк Таймс», я – и не умею найти подход к своей публике?

– Вот только пыжиться не надо, – ответил я. – Насколько известно даже мне, «Таймс» увольняла вас дважды – и все именно из-за того, что вы не знали, как подойти к своей публике. Дело Бичема было крепким – даже слишком крепким для ваших читателей, чтобы ставить на эту лошадку. Что, нельзя было подвести их к нему помягче – начать с чего-нибудь другого, не с выпотрошенных мальчиков-проститутов, каннибализма и глаз в банках?

Великий борзописец зашипел, овевая меня дымом, но я уловил и легкий кивок: дескать, возможно, я прав; быть может, история измученного мучителя, который вымещал собственную ярость на самых несчастных молодых людях в этом городе, – не лучший способ знакомить публику как с психологическими теориями доктора Крайцлера, так и с тайными грехами американского общества. И это мимолетное допущение (если только я прав и это действительно оно), видимо, не слишком-то обрадовало мистера Мура. Заунывное ворчание, исторгшееся из его груди, похоже, говорило: «Я

– и вдруг прислушиваюсь к профессиональным советам бывшего мелкого жулика, подвизающегося на ниве торговли табачными изделиями!» Меня его реакция позабавила: а как иначе, ибо в манере мистера Мура сейчас больше от капризного дитя, нежели от рассвирепевшего старика.

– А давайте попробуем оглянуться, – предложил я с облегчением от того, что гнев его, похоже, сменился покорностью. – Давайте-ка вспомним все наши тогдашние дела – может, какое и не будет так эпатировать, однако ж сгодится для ваших целей?

– Не выйдет, Стиви, – подавленно буркнул Мур. – Ты же знаешь не хуже меня, что дело Бичема – не только первая, но и самая яркая иллюстрация ко всему, что Крайцлер годами пытался донести этим людям.

– Кто знает, – ответил я. – Может, и другие подойдут? Вы ведь всегда признавали, что у меня память лучше всех из нас – так, может статья, я и помогу вам припомнить?

Здесь, признаюсь, я немного покривил душой: мне уже вспомнилось подходящее дельце – самое интригующее и захватывающее из всех, что выпали нам на долю. Однако если б я сейчас принялся рьяно подсовывать его мистеру Муру... для человека в его состоянии это стало бы все равно что красной тряпкой перед быком. Он меж тем добыл из кармана фляжку и уже изготовился к ней приложиться, как вдруг с проспекта громоподобно рывкнула выхлопная труба «фордовского» моторного грузовика, и мистер Мур от неожиданности взвился со стула на добрый фут в воздух. Старики всегда так реагируют на подобные вещи – им уж не привыкнуть к звукам нового времени. Впрочем, хрюкнув и опустившись обратно на стул, мистер Мур соизволил все же уделить минуту размышлениям касательно моего предложения. Однако плавное покачивание головой свидетельствовало, что размышления эти проделали полный цикл и вернулись к тому же безутешному выводу: во всей нашей практике не было дела более подходящего и наглядного, чем дело Бичема. Я вздохнул и, поглубже затянувшись, тихо спросил:

– А что насчет Либби Хатч?

Друг мой слегка побледнел и глянул на меня с таким видом, будто сама дамочка сейчас объявится из глубин моей лавки и отчитает его, доведись ему ляпнуть о ней что-то не то. Таково обычное действие, производимое ее именем на всякого, кто хоть однажды переходил ей дорожку или как-то мешал.

– Либби Хатч? – тихо отозвался мистер Мур. – Нет. Нет, как ты мог? Это не... нет, это... ты же просто не мог... – Он и дальше так бормотал, не ошарашь я его прямым вопросом, отчего ж это я не мог? – Так... – начал

он, по-прежнему больше напоминая до полусмерти перепуганное дитя, – как же ты мог... да как вообще кто-либо осмелива... – В этот миг до части его мозга, не затуманенной алкоголем, все же дошло, что женщина добрых лет двадцать как мертва: убедившись в этом, он сразу надулся и несколько приосанился. – Во-первых, – произнес он (воздев палец и приготовив к тому же остальные, дабы подчеркнуть лишний раз, что одним доводом дело не исчерпается), – я счел, что ты намерен предложить такую историю, что будет не ужаснее дела Бичема. В деле же Хатч мы имеем не только похищения, но и убийства младенцев, осквернение могил – при том что могилы оскверняли мы сами, да простит нас Всевышний...

– Верно, – отозвался я, – да только...

Но ни о каких «да только» и речи идти не могло – мистер Мур не внимал голосу разума. Взметнулся второй палец, и он попер дальше:

– Во-вторых, моральные последствия... – как же он любил этот риторический оборот, – ... дела Хатч, пожалуй, гораздо опаснее истории с Бичемом.

– Все правильно, – попробовал вклиниться я, – именно поэтому...

– И наконец, – прогремел мистер Мур, – если бы даже эта история и не была столь дьявольски ужасающа и опасна, – уж не тебе, Стиви Таггерту, ее рассказывать.

В этом месте я не понял. Вообще-то мне до сей минуты не приходило в голову, что именно я должен рассказывать эту историю, но его заявление, что рассказывать ее не мне, здорово меня покорило. На что это он намекает?

Все еще надеясь, что я как-то превратно истолковал его речь, я вынужден был задать прямой вопрос: что же конкретно может воспрепятствовать мне поведать устрашающую сагу Либби Хатч, если мне вдруг придет эдакое в голову? К вящей досаде моей мистер Мур заметил в ответ, что у меня отсутствует как надлежащее образование, так и соответствующие навыки.

– Ты что себе думаешь? – спросил он, явно не истощив запасов уязвленной гордыни. – По-твоему, книгу написать – все равно что выписать чек на товар? Ремесло писателя не так уж отличается от торговли куревом?

Тут меня уж несколько перестал забавлять сидевший передо мной пьянчуга, однако я решил предоставить ему еще один шанс.

– Неужто вы забыли, – тихо процедил я, – что с тех самых пор, как я поселился у доктора Крайцлера, он лично занимался моим образованием?

– Пара лет свободных слушаний, – вспыхнул мистер Колонка Редактора, – ничто по сравнению с полным курсом Гарварда.

– Ну так поправьте меня, если я сейчас ошибусь, – парировал я, – да только гарвардское образование не больно-то помогло *вашей* скромной рукописи увидеть свет. – Тут глаза мистера Мура сузились. – Разумеется, – втирал я глубже соль в его раны, – я так и не пристрастился к питию, как это полагается господам ваших занятий. Но во всем остальном, смею надеяться, я ничем не уступаю вам щелкоперам.

Последнее слово прозвучало подчеркнуто – к этому оскорблению мой собеседник всегда относится болезненно. Но я отнюдь не перестарался. Замечание сие призвано не ранить, но жалить, и в этом я преуспел – мистер Мур несколько секунд слова не мог вымолвить, а когда все же нашел в себе силы открыть рот, я был готов к тому, что уравновесит или превзойдет мощь моей оплеухи. Словно два бойцовых пса в яме, кои устраивали в квартале, где прошло мое детство, мы рвались с цепей, уже достаточно оценив и облаяв друг друга, – пришла пора вцепиться в ухо.

– Трусость и глупость нью-йоркских издателей и американской читающей публики не имеют никакого отношения к *моей* бездарности в том, что касается Слова, – яростно отчеканил мистер Мур. – Но если *тебе*, Таггерт, когда-нибудь и впрямь удастся научить меня чему-то новому в этом ремесле, открыть мне глаза на неизвестные ранее аспекты работы Крайцлера, да, черт побери, *на что угодно*, кроме табачных листьев, – я буду счастлив напялить фартук и простоять за твоей стойкой... целую неделю!

А вот тут вам кое-что надобно понимать: мы с мистером Муром оба – игроки. Свой первый «фараон» для соседских ребятишек я разложил, когда мне было восемь, да и мистер Мур не мог пропустить интересного риска в игре. Да что там, именно азартные игры и положили начало нашей дружбе: этот человек научил меня всему, что мне известно о лошадках, и я готов это признать, хоть он и смотрел на меня свысока. Так что теперь, когда он сделал свою ставку, я отнюдь не рассмеялся. Не стал отказываться от пари. Я лишь посмотрел ему в глаза и произнес единственное слово:

– Заметано.

И мы сплюнули на пол, как научил его я, и пожали друг другу руки, как научил меня он. Мы оба знали, что дело и впрямь заметано.

Мистер Мур поднялся, затянулся в последний раз окурком и сказал едва ли без приятности, будто и не было у нас сегодня перепалок:

– Спокойной ночи, Стиви.

Все перешло на иной уровень: это уже не назовешь разминкой для ума, теперь это пари, стало быть обсуждать его доле – святотатство. Впредь оставалась только игра, бег к финишной ленточке, один победитель – один

проигравший, и вряд ли я буду видеть его часто или увижу вообще, пока мы не разберемся окончательно, кто из нас кто.

Вот таким манером я и оказался в ту ночь (и, как я предполагал, она такая будет не единственной) наедине с воспоминаниями о деле Хатч: о людях, протянувших нам руку помощи, о том, что нам мешало, о друзьях (и о более чем просто друзьях), которых мы потеряли в той охоте, о диковинных местах, куда заносило нас, – и о самой Либби Хатч. И вовсе не хочу скрывать теперь, когда мистер Мур меня покинул и мне довелось пораскинуть мозгами: некоторые его заявления били точно в яблочко – как ни крути, а история Либби Хатч выходила куда страшнее и опаснее, нежели все, что выпало на долю нашу в погоне за мясником Джоном Бичемом. Вообще-то при иных обстоятельствах мурашки на моей коже и кошки в душе, что лишь множатся от воспоминаний, быть может, и заставили бы меня отказаться от пари.

Но тут откуда ни возьмись – кашель: грубый, изматывающий, он брызгал кровавыми сгустками и бог-его-ведаешь-чем-там-еще прямо на страницу передо мной. И – вот что смешно – я вдруг для себя уяснил: это ведь кашель удерживает меня над повестью, какие бы кошки-мурашки ни терзали меня. Доктор Крайцлер сказал, что может значить для меня такой кашель; и я больше не уверен, сколько лет, а то и месяцев отпущено мне на этой земле. Так пускай приходит Либби Хатч за мной, коли попытаюсь я рассказать ее историю. Пусть ее странный жалкий призрак исторгнет душу из моего измученного тела за то, что я осмелился открыть вам ее тайну. Она мне, скорее всего, тем самым окажет услугу, ибо вместе с кашлем стихнут тогда и воспоминания...

Но Судьба никогда не будет столь милосердна, Либби – тоже. Память о ней будет терзать единственное место – эти страницы передо мной, кои послужат не вящей выгоде издателя, а лишь выигрышу в пари. После же я оставлю эти записи для тех, кому случится наткнуться на них после моего ухода и кто пожелает в них заглянуть. Они могут ужаснуть вас, читатель, а история может показаться чересчур противоестественной, чтобы произойти на самом деле. В те дни, когда разворачивалось это дело, слово такое – *противоестественно* – произносилось слишком уж часто. Но память моя отнюдь не истрепалась вместе с легкими, и можете мне поверить: если история Либби Хатч чему и учит нас, так вот оно. В царстве Природы находится местечко для всего, что общество зовет «противоестественным» поведением. Вообще-то именно так и говорил всегда доктор Крайцлер: не бывает под солнцем ничего поистине естественного или же нет.

Глава 2

Все началось с шороха: легкого царапанья ботинка о каменно-кирпичный фасад дома № 283 по Восточной 17-й улице, принадлежавшего доктору Ласло Крайцлеру. Шорох этот – знакомый всякому сорванцу с таким же детством, какое выпало мне, – легко достиг моего слуха сквозь закрытые окна моей комнаты. Случилось сие поздним воскресным вечером 20-го июня 1897 года – двадцать два года назад, чуть ли не ночь в ночь. Я валялся на своей узкой койке, пытаюсь учиться – но безуспешно. Тот вечер тоже был чересчур напоен ветерками и ароматами весны, слишком омыт лунным светом, чтобы всерьез рассматривать какое бы то ни было мышление (или же сон). Как это часто бывает в Нью-Йорке, ранняя весна выпала сырой и холодной, недвусмысленно давая понять, что далее нам опять уготована от силы неделя-другая хорошей погоды, прежде чем на город обрушится летний зной. В то воскресенье поначалу прошел хороший дождь, но уже к вечеру распогодилось, и природа по всему предвещала наступление погожих деньков – жаль только недолгих. Так что если кому-то из вас придет в голову, что мне посчастливилось уловить этот шорох снаружи отчасти потому, что я просто ждал удобного повода улизнуть на улицу, я не стану этого отрицать. Однако ж, сколько себя помню, я всегда очень внимательно прислушивался к звукам ночи, в какое бы место меня ни заносило.

Моя комната располагалась наверху – на четвертом этаже, который от роскошных докторских гостиной и столовой отделяли два этажа и полмира, а от величественной, однако несколько спартански обставленной спальни на третьем этаже – двенадцать футов по вертикали. В мансардной простоте верхнего этажа (которую большинство, не задумываясь, окрестило бы «покоями прислуги»), слуховыми окнами во двор смотрела комната Сайруса Монтроуза, который делил со мной кучерские, равно как и прочие домашние обязанности, а чуть сбоку имелась комнатка поменьше, кою мы использовали под кладовую. Мое жилище смотрело на улицу, хоть было и не так велико; но, с другой стороны, во мне и не было Сайрусовых шести с хвостиком футов росту. Однако жить спереди – все равно довольно роскошно для тринадцатилетнего мальчишки, если учесть, что мальчишка этот с рождения привык ютиться в трущобах Пяти Углов, на задах, в одной съемной комнате с матерью и чередой ее мужчин, спать на любых пяточках тротуаров или переулков, что могли предложить ему хоть чуточку покоя на

пару-другую часов (впервые удрав из дому от упомянутой матери и мужчин в три годика, а в восемь – смывшись навсегда), а после с боем вырывался из камеры заведения, которое фараоны в шутку звали «казармой» «Приюта для мальчиков» на острове Рэндаллс.

Вспоминая о той юдоли скорбей, наверно, будет не лишним сказать вам сразу, дабы прояснить для вас несколько туманных обстоятельств. Некоторые из вас могли прочесть в газетах, что я чуть не убил охранника, который пытался меня изнасиловать, пока я пребывал на острове в заключении; и не сочтите меня бессердечным, если скажу, что в некотором смысле я до сих пор жалею, что не прикончил его, ибо то же самое творил он и с другими мальчишками, а также – готов об заклад побиться, стоило делу моему лечь под сукно, а самого его вернули в должность, – почти наверняка вернулся к своим отвратительным забавам. Может, я и зло это говорю, не знаю; не хотелось бы считать себя человеком обозленным. Но я ловлю себя на том, что все, приводившее меня в ярость в детстве, саднит до сих пор. Посему если вам покажется, будто все, что я излагаю на нижеследующих страницах, не отражает мягкости, свойственной возрасту, могу заверить вас: это лишь потому, что я убежден: ни сама жизнь, ни воспоминания не подвластны времени так, как подвластен ему табак.

На верхнем этаже резиденции Крайцлера осталась только одна неупомянутая комната, которая для всех домашних уже давно, считайте, перестала существовать вовсе. От наших с Сайрусом покоев ее отделяла прихожая, и комнату эту обычно занимала горничная; но уже целый год не обитала в ней ни единая живая душа. Я вовсе не случайно упомянул о «живой душе»: фактически хранились в этой комнатке немногие скорбные пожитки и еще более скорбные воспоминания о Мэри Палмер, чья гибель при распутывании дела Бичема разбила доктору сердце. С тех пор особняк наш перевидал немало поваров и горничных, кои появлялись перед завтраком и покидали нас после обеда, одни – вполне способные, другие – прямо скажем, сущее бедствие; однако ни я, ни Сайрус не жаловались на подобную текучку, ибо ни нам, ни доктору не приходило в голову нанять кого-нибудь постоянно. Извольте ли видеть, мы оба – хоть и наособицу, само собой, от доктора – тоже любили Мэри...

Как бы там ни было, 20 июня, около одиннадцати вечера я в своей комнате безуспешно сражался с уроками, заданными мне на неделю доктором Крайцлером, – упражнениями по арифметике и чтением по истории, – когда услышал, как хлопнула входная дверь внизу. Тело мое в единый миг подобралось – я всегда реагировал и реагирую так до сих пор на стук двери посреди ночи, – и, прислушавшись, я уловил уверенные и

тяжелые шаги по сине-зеленому персидскому ковру на лестнице. Я перевел дух: походку Сайруса, как и ее сопровождающие пыхтенье и тихое мычанье под нос, не узнать решительно невозможно. Я вновь растянулся на койке, воздев над собой книгу, в уверенности, что друг мой вскоре сунет в дверь свою огромную черную голову – проверить, как у меня дела. Я даже на это рассчитывая.

– Все тихо, Стиви? – произнес он, заходя в комнату, голосом низким, одновременно мощным и нежным. Я кивнул и, глядя ему в глаза, поинтересовался:

– Я так понимаю, сегодня он остается в Институте?

Сайрус тоже мягко кивнул:

– Пока – в последний раз. Говорит, жалко время терять... – Он помолчал – в паузе читалось беспокойство, – а потом зевнул. – Ты смотри не засиживайся – он велел заехать за ним поутру. Ландо я пригнал назад – впрочем, если хочешь, можешь взять коляску, чтоб одна из лошадок отдохнула.

– Ага.

После чего тяжелые стопы повлеклись к задней части дома, хлопнула дверь. Я отложил книгу и перевел потухший взор сперва на обои в белоголубую полоску перед собой, затем – на мансардное окошко в ногах моей кровати: за ним шелестели густые кроны Стайвесант-парка через дорогу.

Ни теперь, ни тогда не видел я особого смысла в том, как жизнь валит неприятности на человека, их не заслуживающего, а величайшие на свете ослы и мерзавцы существование ведут подолгу безмятежное. Доктора в тот момент я видел ясно, точно стоял рядом с ним в Институте (то есть – Крайцлеровском детском институте на Восточном Бродвее): он уже давно убедился, что детей уложили спать, равно как и раздал последние наставления персоналу касательно вновь прибывших либо особо беспокойных пациентов, и теперь сидит у большого секретера и разбирается с горой бумаг – отчасти по необходимости, отчасти дабы избежать дум о том, что все может в любой миг закончиться. Он и будет сидеть здесь в круге мягкого света от зеленой с золотом лампы «Тиффани», поглаживать усы и крохотную эспаньолку под нижней губой, время от времени потирать увечную левую руку – она, похоже, тревожила его по ночам сильнее, чем в иное время. Но совершенно точно пройдет еще много часов, пока усталость не отразится в его острых черных глазах, и если удастся доктору поспать, то уснет он, уронив длинные черные волосы на бумаги перед собой, и дремать будет урывками.

Изволите ли видеть, доктору выдался год трагедий и раздоров –

начался он, как я уже упоминал, со смерти единственной женщины, которую он любил по-настоящему, а прорвало все необъяснимое самоубийство одного из его юных питомцев в Институте. За этим последним инцидентом последовало судебное разбирательство касательно общего положения дел в Институте, и завершилось оно судебным запретом. Шестидесят дней доктор не должен и близко подходить к зданию, пока полиция расследует все обстоятельства, и начинались эти шестидесят дней завтрашним утром; мне по этому поводу есть что сказать, но – в свой черед.

Пока же я лежал и перебирал в уме несчастья доктора Крайцлера, до слуха моего неожиданно долетело, как я уже упоминал, тихое царапанье из-за окна. И, как я сказал, опознал я этот звук сразу – мои собственные ноги издавали его слишком много раз, чтобы я его не признал. Сердце мое встrepенулось отчасти нервически, но скорее – в возбуждении, и я на миг подумал, не призвать ли Сайруса; но тут спорая череда неумело соскальзывающих шажков по стене снаружи дала мне понять, что навестит меня сейчас отнюдь не такой гость, с которым я не смогу справиться. Поэтому я просто отложил книгу, метнулся к окну и высунул наружу нос.

Иногда я невольно улыбаюсь, вспоминая те дни – и еще больше те ночи, – и осознавая, сколько времени мы ползали по крышам, забирались в чужие окна и выбирались из них, а почти весь остальной город крепко спал. Промысел этот мне знаком, благодарение моей маменьке, натаскавшей меня, карапуза, едва я выучился ходить, пробираться эдаким вот манером в дома и изымать оттуда такое добро, которое потом можно будет толкнуть скупщику. Но зрелище добропорядочных молодых светских друзей доктора, которые отжимают оконные рамы и сами протискиваются внутрь, аки банальные воры-домушники, – и тогда, и теперь зрелище это казалось мне презабавным. Но я все равно не мог бы улыбнуться шире от картины, представшей мне в ту ночь.

Ибо передо мной была мисс Сара Говард – она уже успела нарушить все правила, что содержались бы в библии взломщика, буде таковая имелась в наличии, и матросской бранью поливала все вокруг до самых небес. Одета она была, как обычно одевалась днем – в простое темное платье без всех этих модных исподних финтифлюшек, но хоть наряд ее и был незамысловат, ей чертовски трудно было держаться за трубу водостока и выступающие угловые камни, и от падения на передний двор докторова жилища и сокрушения всех, без сомнения, костей в теле ее отделяла какая-то крысиная попка. Волосы мисс Говард были, вероятно, первоначально собраны в тугий узел на затылке, но тот – как и она вся – теперь растрепался; лицо же ее, хорошенькое, хоть и простоватое, являло яростное

раздражение.

– Вам повезло, мисс Говард, что я не фараоны, – сказал я, выбираясь на подоконник. Голова ее резко дернулась, и зеленые глаза вспыхнули так, что блеску бы позавидовал любой изумруд. – Уж они бы вас еще до завтрака в «Восьмигранник» закатали.

Последний был зловещим строением на острове Блэквеллз посреди Ист-ривер; вместе с двумя крыльями по сторонам главного корпуса под куполом «Восьмигранник» служил печально известной в городе женской тюрьмой и сумасшедшим домом.

Мисс Говард лишь нахмурилась и перевела взгляд на свои ноги.

– Все из-за этих клятых ботинок, – сказала она. Я тоже взглянул на них и сразу понял, в чем дело: вместо пары легких скромных туфель или даже тапочек, которые позволили бы ей цепляться пальцами за выступы каменной кладки, мисс Говард – новичок – надела тяжелые, подбитые гвоздями скалолазные ботинки. Они слегка походили на те, кои, путешествуя по крышам Нью-Йорка, носил убийца Джон Бичем, и я немедленно прикинул, откуда она почерпнула эту мысль.

– К таким вам нужна веревка и снаряжение, – сказал я, хватаясь правой рукой за оконную раму, а левую протягивая ей. – Помните, Бичем лазал по гладким кирпичным стенам. К тому же, – добавил я с улыбкой, вытягивая ее на свой подоконник, – он знал, что делает.

Мисс Говард уселась рядом, отдышалась и едва удостоила меня косым взглядом.

– Это подлый удар, Стиви, – пробормотала она. Но в следующий же миг на раздраженном лице ее вспыхнула веселость: и сама внешность ее, и настроения всегда менялись вот так внезапно, будто у кошки, брошенной в воду. Она мне улыбнулась. – Сигареты есть?

– Что блох у дворняги, – отозвался я, потянувшись в комнату за пачкой и протягивая одну сигарету ей. После чего угостился и сам, чиркнул спичкой по подоконнику, и мы оба затаились. – Должно быть, скучно стало жить на Бродвее...

– Вовсе нет, – ответила она, выдохнув дым в сторону парка, и достала пару обычных туфель из сумки, висевшей у нее на шее. – Кажется, я наконец раскопала такое дело, в котором нет никаких неверных супругов и богатеньким дитятком тоже не пахнет...

Здесь требуется слово пояснения: после того, как с Бичемом было покончено, наш дружный отряд расследователей, за исключением мисс Говард, вернулся к своим обычным занятиям. Мистера Мура приняли на старую работу – криминальным репортером «Таймс», хотя он так и не

оставил привычки бодаться с редакторами. Люциус и Маркус Айзексоны тем временем вернулись в Управление полиции – особый уполномоченный Теодор Рузвельт повысил их в звании, но стоило ему отбыть в Вашингтон на должность заместителя военно-морского министра, а Нью-Йоркскому управлению полиции вернуться к привычному укладу жизни, их живо понизили обратно до детектив-сержантов. Доктор Крайцлер возвратился в Институт и к консультациям по криминальным делам, а мы с Сайрусом – к ведению докторова хозяйства. А вот мисс Говард больше не радовала секретарская жизнь, пусть даже и в Управлении полиции. Так что она продлила аренду нашей бывшей штаб-квартиры в доме 808 по Бродвею и открыла собственное сыскное агентство. Круг своих клиентов она ограничила только женщинами, которым в те годы было весьма нелегко получать такого рода услуги (не то чтобы это было им просто и сейчас). Проблема, как она только что дала понять, сводилась к тому, что нанять ее могли себе позволить единственные клиентки – стержовные аристократки, которым хотелось знать, не гуляют ли их мужья налево (как правило ответ был: гуляют), или как именно сбившиеся с пути наследники семейных состояний проводят свободное время. За год такой вот работы мисс Говард так и не расследовала ни единого убийства, ни единого случая мерзкого шантажа и, я думаю, уже начала разочаровываться в профессии частного детектива. Однако сегодня ночью горящее лицо ее и впрямь подтверждало слова: ей в самом деле попало нечто пикантное.

– Ну что ж, – сказал я, – если это действительно так важно, могли бы войти и через парадную дверь. Время бы сэкономили. Да и шею свернуть куда сложнее.

Позволь себе взрослый мужчина отпустить в адрес Сары Говард подобную шуточку, в нос ему тут же неудобно уперся бы «дерринджер», с которым она не расставалась. Но я-то был мальчишкой, так что мы могли разговаривать без околичностей.

– Я знаю, – ответила Сара, хихикнув над собой и стаскивая подбитые ботинки; потом засунула их в сумку и надела более разумную обувь. – Просто мне пришло в голову, что немного практики не помешает. Если собираешься ловить преступников, сам должен отчасти им быть, как я поняла.

– Да что вы говорите.

Мисс Говард завязала шнурки, замяла сигарету и, растерев табак, оставшийся в окурке, пустила его по ветру. После чего скатала оставшуюся бумагу в тугий шарик и тоже выбросила щелчком.

– Так, ладно... Доктора Крайцлера нет здесь, не так ли, Стиви?

– Увы, не судьба, – отозвался я. – Он в Институте. Должен быть завтра утром.

– Да, я знаю, – расстроено качнула головой она. – Должно быть, он просто сокрушен.

– Не то слово. Хуже было только... ну, в общем, понятно.

– Понятно... – Зеленые глаза мисс Говард задумчиво обратились к парку, но затем она тряхнула головой. – Стало быть, если доктора нет, вам с Сайрусом ничто не мешает мне помочь. Если, конечно, захотите.

– Куда едем?

– В гости к мистеру Муру, – ответила она, восстанавливая узел на затылке. – Он не открывает дверь. И не отвечает на звонки.

– Так может, его просто дома нет? Вы же знаете мистера Мура – первым делом следует явиться в Филей, поискать в игорных домах. Бабушка его померла лишь полгода назад, не мог же он спустить все ее состояние.

Мисс Говард лишь покачала головой:

– Привратник говорит, что Джон вошел около часа назад. С какой-то юной леди. И они пока не выходили. – Ее лицо осветилось проказливой улыбкой. – Он дома еще как, просто не хочет, чтобы его отвлекали. Но вот ты нас к нему проведешь.

На кратчайший миг я подумал о докторе – сколь истово он пытался удержать меня от извечной моей склонности к авантюрам, подобным той, что сейчас предлагала мисс Говард; но, как я уже сказал, раздумья мои были недолгими.

– Только что вернулся Сайрус, – ответил я, улыбнувшись в ответ. – Он согласится – последнее время наш дом все больше напоминает мертвецкую. А так хоть можно немного развлечься.

Ее улыбка разом превратилась в боевой оскал:

– Отлично! Стиви, я знала, что на тебя можно положиться.

Я кивнул, забираясь обратно в комнату:

– Ага. Если б вы еще знали, на какую обувь стоит полагаться...

Мисс Говард снова рассмеялась и хлопнула меня по плечу, когда мы направились будить Сайруса.

Я не ошибся, предположив, что после скверного года в доме на 17-й улице Сайрус с радостью согласится на все, лишь бы покончить с рутинной. В какие-то секунды он вновь облачился в свой легкий твидовый костюм, накрахмаленную сорочку и галстук, а когда мы уже двигались к выходу, нахлобучил на голову любимый старый котелок. Уже вдвоем мы выслушали мисс Говард: необходимо доставить мистера Мура в № 808 по

Бродвею, где ее возвращения дожидается некая леди в большом смятении. Ее дело, объявила мисс Говард, суть «не только криминального свойства – не исключено, что оно может иметь и международный резонанс». Ничего сверх вышесказанного она сообщить нам не пожелала, во всяком случае – сейчас; впрочем, более этого ни меня, ни Сайруса не интересовало – нам хотелось как-то действовать, и оба мы по личному опыту знали: с такой проводницей именно это нам и предстоит. Длительные разъяснения могут обождать. Мы едва ли не пронеслись через фойе, вылетели во дворик, обнесенный чугунной оградой, где Сайрус – вечно он осторожничает – убедился, что дом надежно заперт, после чего по тропинке мы проследовали к калитке и двинулись на запад по тротуару 17-й улицы, пока не свернули к северу по Третьей авеню.

Не было смысла выводить лошадей и ландо из маленького каретного сарая по соседству, равно как и ни к чему было тратить время, пытаясь поймать кэб, ибо от Грамерси-парка, 34, где после смерти бабушки с начала года обосновался мистер Мур, нас отделяло всего четыре с небольшим квартала. Пока мы, перемещаясь от одного круга света дугового фонаря, коими была уставлена Третья, к другому, шагали мимо простых трех- и четырехэтажных строений, время от времени проходя под широкими навесами то бакалейной, то овощной лавок, мисс Говард, вверив Сайрусу свою левую, а мне правую руки, непринужденно болтала обо всех незначительных проявлениях ночной жизни, встречавшихся по пути, откровенно пытаясь тем самым унять возбуждение, говоря ни о чем в особенности. В ответ и я, и Сайрус больше отмалчивались; не успели мы толком сообразить, как свернули на 12-ю улицу и достигли громады бурого песчаника за № 34 по Грамерси-парк; квадратные эркеры и окна в башенках отдельных квартир до сих пор сияли газовым и электрическим светом. Это был один из самых старых жилых домов в городе, и также один из первых, именовавшихся «жилыми товариществами», что подразумевало совместное владение домом всеми его жильцами. После внезапной кончины бабушки мистер Мур одно время подумывал переселиться в какой-нибудь фешенебельный дом ближе к северу, вроде «Дакоты», но в итоге, мне кажется, так и не решился удаляться от мест, знакомых ему с юности. Утратив второго из двух своих оставшихся родственников, с которыми был по-настоящему близок (первый, его брат, много лет назад выпал за борт парохода, до бесчувствия накачавшись морфием и алкоголем), мистер Мур отчаянно пытался сохранить за собой дом бабушки на Вашингтон-сквер, но та четко указала в своем завещании: особняк должен быть продан, а выручка поделена между ее склочными

аристократами-наследниками. Столь неожиданное и всецелое одиночество само по себе оказалось для мистера Мура достаточно обескураживающим и без переезда в неведомые дали: в результате он вернулся в Грамерси-парк – места, где рос и познавал неприглядные стороны жизни, еще подростком шныряя по закоулкам вокруг Газового Завода на востоке.

Поднимаясь по ступеням к колоннам из бурого мрамора, обрамлявшим цветные витражи парадного входа, я не упустил из виду тенистый участок деревьев, изгородей и дорожек у нас за спиной – два квартала в ширину, один в длину, – который и был Грамерси-парком. О, пусть его окружали богатые особняки и частные клубы, наподобие «Игроков», а вдобавок еще и чугунная решетка высотой в шесть, а то и семь футов: любой хулиган с Газового Завода, если таковой действительно имел право именовать себя хулиганом, с легкостью мог перемахнуть через ограждение и, затаившись в зарослях, безнаказанно выскочить на ничего не подозревающего прохожего. И пока не увидел фараона, совершавшего обход, я не решился отвернуться от этой темной массы и присоединиться к Сайрусу и мисс Говард, остановившимся у дверей.

В такой час они были надежно заперты, однако в раме имелась маленькая электрическая кнопка. Мисс Говард поднесла к ней палец, и мы отчетливо услышали где-то внутри звонок. Вскоре в цветном стекле я заметил небольшую фигуру – она медленно приближалась к двери, и через несколько секунд мы стояли лицом к лицу с пожилым джентльменом в полосатой жилетке и черных брюках; выглядел он так, точно его лет десять назад забыли похоронить. И без того сморщенное лицо его при виде нас скучилось еще больше.

– Ей-богу, мисс Говард, это совершенно супротив пристойности, – сипло прокряхтел он. – Совершенно супротив. Ежели мистеру Муру угодно не отзываться на свой звонок, стало быть, я убежден...

– Все в порядке, Стивенсон, – холодно обрезала его Сара. – Я телефонировала мистеру Муру заранее, и он пригласил нас с друзьями навестить его. А что до вашего звонка, то он определенно неисправен. Мистер Мур сообщил мне, где хранит свой запасной ключ от парадного на случай, если такое произойдет вновь.

Старая развалина одарила нас с Сайрусом долгим надменным взглядом.

– Да неужели? – пробормотал он. – Что ж, коль так, уверен, что с меня снимается ответственность, буде случится что-либо неподобающее. Совершенно супротив, однако... – Он обернулся к дверям лифта за спиной. – Стало быть, вам лучше зайти.

Мы проследовали за привратником: сперва он раздвинул внешнюю деревянную створку роскошно отделанного лифта, затем внутреннюю – железную решетку. Примостившись на миниатюрный пуфик, обитый бархатом, в надежде сим поддеть вредного старика (к слову сказать, успешно), я принялся разглядывать полировку панелей красного дерева и латуни, попутно дивясь, какому несчастному приходится полжизни поддерживать всю эту роскошь в порядке. Если все это работа самого старикана, то надлежит признать – у него есть веский повод для сварливости. Закрыв решетку и затворив дверцу, он натянул пару поношенных и нечистых кожаных перчаток и резко и сильно рванул смазанный трос лифта – тот в углу тянулся из пола вверх и уходил в потолок, – приведя тем самым эту штуковину в движение. Мы начали плавно подниматься к пятому этажу, где мистер Мур занимал апартаменты, выходившие окнами на парк к северу от здания.

Вновь лязгнула решетка, скрипнула дверь, и мы с Сайрусом устремились за мисс Говард по коридору, выкрашенному бежевым; там и сям стены прерывались деревянными дверьми, отполированными едва ли не сильнее лифтовой кабинки. Добравшись до квартиры мистера Мура, мисс Говард постучала и сделала вид, словно дожидается, пока ей откроют. Обернувшись к привратнику, продолжавшему внимательно наблюдать за нами, она сказала:

– Уже поздно, Стивенсон. Не смеем вас больше задерживать.

Тот неохотно кивнул, закрыл лифт и уехал обратно вниз.

Как только он исчез, мисс Говард приложила ухо к двери, потом глянула на меня – в ее зеленых глазах плясал азарт.

– Ладно, Стиви, – прошептала она. – Твой черед.

Пусть и обращенный к стезе праведной с тех пор, как я впервые ступил на порог дома доктора Крайцлера двумя годами ранее, я по-прежнему не расставался с некоторыми из своих старых орудий труда: время от времени они могли пригодиться. Среди них был и мой небольшой набор отмычек, при помощи коих я живо справился с весьма примитивными кулачками в дверном замке мистера Мура. С легким щелчком дверь приоткрылась, и мисс Говард довольно просияла.

– Тебе правда стоит меня как-нибудь этому выучить, – прошептала она, беззвучно похлопав меня по спине и слегка толкнув дверь. – Ну, вот и мы.

Мистер Мур обставил свое жилище всей мебелью покойной бабушки, которую ему дозволило изъять семейство, дополнив ее некоторым количеством элементов английского провинциального интерьера,

подобранных с помощью доктора Крайцлера. Так что место производило двойственное впечатление: с одной стороны, здорово смахивало на гнездышко престарелой леди, с другой – на заскорузлую холостяцкую нору. Квартира состояла примерно из семи комнат, скомпонованных таким безумным манером, каковым никому бы не пришло в голову располагать помещения в обычном доме. Бесшумным гуськом пробрались мы через темный центральный зал, стараясь не сходить с дорожки; на полпути нам стали попадаться предметы мужского и женского гардероба. Завидев это, мисс Говард помрачнела, и ее суровость лишь усиливалась по мере того, как мы приближались к двери спальни, из-за которой раздавались хихиканье и смех. Вся подобравшись перед дверью, она уже сжала кулак и вознамерилась от души постучать, но дверь вдруг отворилась сама и оттуда выпорхнула женщина.

И это была – сейчас-то уж я могу судить об этом с куда большим знанием дела, нежели тогда, – действительно *женщина*. Кроме длинных золотистых волос, доходивших до талии и покрывала, служившего ей единственным одеянием, кое она придерживала сбоку одной рукой, у этой особы имелась великолепная пара ножек, начинавшаяся изящными лодыжками и заканчивавшаяся, казалось, где-то под потолком, – а потолки в этом доме были высоченными, скажу я вам. Уже выйдя из спальни, она продолжала хихикать, а изнутри до нас донесся голос мистера Мура, умолявший ее вернуться.

– Обязательно, Джон, обязательно, – мелодично проворковала женщина густо-красными устами. – Но ты должен чуток подождать. – Она прикрыла за собой дверь, повернулась к ванной, располагавшейся в конце холла, – и тут заметила нас.

Она не проронила ни слова, лишь озадаченно улыбнулась. Мисс Говард улыбнулась в ответ, хоть я видел, чего ей это стоило, и прижала палец к губам, показывая, что ей лучше бы не шуметь. Та повторила жест, хихикнула еще раз – она была очевидно пьяна – и, не требуя от нас дальнейших объяснений, продолжила путь в ванную. Это вызвало у мисс Говард куда более искреннюю улыбку, хотя и довольно стервозную, надо заметить, когда она распахнула дверь в спальню.

Скудное освещение из холла позволило нам разглядеть лишь грудку простыней на огромной кровати, хотя даже с порога было заметно, что под этой грудой кто-то есть. Мы с Сайрусом остались у двери, а мисс Говард прошагала к ложу и остановилась по правую от него сторону, словно ожидая чего-то. Очень скоро масса под простынями зашевелилась, после чего из недр вынырнул обнаженный торс мистера Мура: короткие волосы

его были всклокочены, а на симпатичном лице отражалось блаженство. Глаза были закрыты, когда он как-то по-детски выпростал руки и ухватился за талию мисс Говард. Не сказать, чтобы это сильно ее порадовало, однако она не шелохнулась; между тем, ощупав ее платье, мистер Мур пробормотал:

– Нет, нет, Лили, тебе *нельзя* одеваться, ты же *не можешь* уйти, такая ночь *не может* вот так вот закончиться...

После чего на свет был извлечен «дерринджер». Даже сейчас я не могу сказать вам, где именно прятала его мисс Говард, чтобы он всегда оставался сокрытым от взоров, однако неизменно наготове; но ствол его в мгновение ока усталился мистеру Муру аккурат в переносицу. Улыбка его потухла, а глаза распахнулись, стоило мисс Говард взвести курок.

– Думается мне, Джон, – невозмутимо произнесла она, – что даже через все эти простыни я бы могла прострелить тебе оба яичка одним выстрелом, так что мой тебе совет – держи свои руки при себе.

Взвизгнув, мистер Мур шарахнулся от нее, молниеносно нырнув под простыни, словно подросток, пойманный за рукоблудием.

– Сара! – возопил он одновременно в испуге и гнев. – Какого черта ты здесь делаешь? И как ты сюда попала?

– Через парадный вход, – просто ответила она; «дерринджер» снова исчез в складках ее платья.

– Парадный? – проревел мистер Мур. – Но дверь заперта, я уверен, что... – Обернувшись к двери, он заметил сначала Сайруса, а затем и меня – этого оказалось вполне достаточно. – Стиви! Та-а-ак!.. – Пригладив волосы и стараясь взять себя в руки, мистер Мур поднялся с ложа, по-прежнему завернутый в простыню, и выпрямился, как только сумел. – Я-то полагал, Таггерт, что узы мужской чести оградят тебя от соучастия в подобного рода предприятия. И что вы сделали с Лили?

– В ванной она, – ответила мисс Говард. – И ее, похоже, не слишком обескуражило наше появление. Теряешь хватку, Джон.

Мистер Мур только помрачнел и снова глянул в дверной проем.

– Я обращаюсь к вам, Сайрус. Зная, что вы человек чести, полагаю, у вас должна быть крайне веская причина быть здесь?

Сайрус кивнул с чрезвычайно снисходительной улыбкой, которую часто можно было наблюдать у него на лице, когда он разговаривал с мистером Муром.

– Мисс Говард полагает, достаточно веская, сэр, – ответил он. – Для меня этого вполне довольно. Вам же лучше спросить об этом у нее самой.

– А если я не желаю с ней разговаривать? – буркнул мистер Мур.

– Тогда, сэр, разъяснений вам придется ожидать весьма долго...

Не видя иного выхода, мистер Мур замолк, и, пожав плечами, снова плюхнулся на кровать.

– Ну ладно, Сара. Поведай же мне, с какого такого перепугу ты посчитала должным вломиться в мой дом. И во имя всего святого, Стиви, угости меня сигаретой.

Пока я зажигал спичку и подносил ее оскорбленному хозяину, мисс Говард обогнула кровать, остановившись прямо напротив лежащего мистера Мура.

– У меня есть дело, Джон.

– Превосходно, – выдохнул тот с огромным клубом дыма. – Ты требуешь первой полосы, или хватит внутренней страницы?

– Нет, Джон, – настойчиво продолжила мисс Говард. – Я думаю, на этот раз все по-настоящему. Думаю, дело действительно крупное.

Сам тон ее убавил сарказма в голосе мистера Мура.

– Вот как... Что же там?

– Сегодня вечером в № 808 пришла женщина. Сеньора Изабелла Линарес. О чем-нибудь говорит?

Мистер Мур энергично потер лоб.

– Ни о чем. Что добавляет ей некоторого сходства с тобой. Ну, хватит уже игр, Сара, – кто она?

– Мужа ее зовут, – ответила мисс Говард, – сеньор Нарсизо Линарес. Теперь говорит о чем-нибудь?

Мистер Мур медленно перевел на нее взгляд, заинтригованный так, что мисс Говард это явно понравилось.

– Разве он не... он вроде занимает какой-то пост в испанском консульстве, или я путаю?

– Вообще-то он личный секретарь при консуле Испании.

– Так. И что, говоришь, его жене понадобилось в № 808?

Мисс Говард со значением принялась мерить шагами спальню:

– У нее есть четырнадцатимесячная дочь. Точнее – была. Ребенка похитили. Три дня назад.

Лицо мистера Мура приняло скептическую мину:

– Сара. Мы говорим о дочери личного секретаря консула Испанской империи в городе Нью-Йорк. Той самой Испанской империи, которую последние годы пытались втянуть в войну, понося на чем свет стоит, мистер Уильям Рэндолф Херст, наш друг из военно-морского министерства... – здесь он имел в виду мистера Рузвельта, – ... некоторые мои начальники, кое-кто из влиятельных дельцов и большинство населения

этой страны. Неужели ты всерьез полагаешь, что, если бы такого ребенка похитили здесь, в Нью-Йорке, Испанская империя не воспользовалась бы удобным случаем и не возвестила бы о вопиющей выходке, обвиняя своих американских критиков в бесчеловечности? Войны, знаешь ли, затевались и избегались по куда менее значимым поводам.

– В том и дело, Джон, – продолжила Сара, а мы с Сайрусом тем часом придвинулись ближе, заинтересованные ее речью и опасаясь ненароком пропустить самую соль. – Ты *будешь* ожидать от официальной Испании именно такой реакции, верно? А вот и ничего подобного. Сеньора Линарес сообщила, что ребенка похитили вечером, когда она одна гуляла с ним в Сентрал-парке. Она не смогла разглядеть похитителя – тот подкрался сзади и чем-то ударил ее по голове. Но когда она добралась до дома и рассказала мужу о случившемся, тот отреагировал более чем странно – дико отреагировал. Его почти не озаботило произошедшее с женой, еще меньше его заинтересовала судьба дочери. Он сказал, чтобы супруга об этом никому не рассказывала – дескать, им следует подождать, когда похититель потребует выкуп, а если такового требования не поступит, стало быть, дитя забрал какой-то безумец и уже убил.

Мистер Мур пожал плечами:

– Так *бывает*, Сара.

– Но он даже не *попытался* обратиться в полицию! Прошел целый день, требования так и не поступили, так что сеньора Линарес заявила, что если муж не намерен обращаться к властям, то к ним обратится она. – Мисс Говард сделала паузу, нервно заломив руки. – Он избил ее, Джон. Жестоко избил. Тебе стоит увидеть ее – в сущности, тебе *придется* ее увидеть. Она в растерянности – муж сказал, что ей достанется куда серьезнее, если она даже заикнется еще раз о том, чтобы пойти в полицию. В итоге несчастная исповедалась своей подруге из французского консульства – той пару месяцев назад я помогла разобраться с какой-то брачной ерундой. Француженка рассказала ей обо мне. Сеньора нас ждет. Ты должен пойти и побеседовать с ней...

– Эй, эй, минуточку, – очнулся мистер Мур, вынимая изо рта сигарету и пытаясь спасти от Сары остатки своей ночи наслаждений. – Ты кое-что позабыла. Во-первых, эти люди – представители дипломатической миссии. И подчиняются несколько другим законам. В данном случае я не могу точно сказать, в чем состоят отличия, но они есть. Во-вторых, коль этот самый Линарес не заинтересован в правосудии, то кто мы такие, чтобы...

Его монолог прервало появление женщины, несколько минут назад еще делившей с ним ложе, – она внезапно возникла за нашими с Сайрусом

спинами. Судя по виду, за это время она отыскала в холле все свои вещи и теперь стояла перед нами, полностью одетая на выход.

– Прости меня, Джон, – тихо произнесла она. – Я не была уверена, что нужно этим людям, но это, похоже, действительно важно – в общем, я, наверное, пойду. Не провожай меня.

И она повернулась к выходу. У мистера Мура внезапно сделался вид человека, на пару секунд присевшего на электрический стул; в отчаянии он взвизгнул:

– Нет! – и, придерживая простыню на бедрах, ринулся к двери. – Нет, Лили, подожди!

– Заходи завтра в театр! – ответила ему женщина уже от входной двери. – Я бы не прочь как-нибудь продолжить! – И с этими словами она исчезла.

Мистер Мур приблизился к мисс Говард и одарил ее тем взглядом, который, наверное, можно определить как «пылкий».

– Ты, Сара Говард, только что уничтожила мне ночь, обещавшую стать одной из трех лучших в моей жизни!

Та лишь слегка улыбнулась:

– Я не стану интересоваться, каковы были оставшиеся две. Нет, правда, я сожалею, Джон, но ситуация чрезвычайная.

– *Лучше бы ей на деле оказаться таковой.*

– Она такова, поверь мне. Ты еще самого интересного не слышал.

– О, разве?..

– Сеньора Линарес посетила меня тайно, после окончания рабочего дня. Дабы удостовериться, что за ней не следит никто из Консульства, она поехала по линии Эл с Третьей авеню в центр. Когда она сходила с поезда на 9-й улице, ей пришлось пройти всю платформу до выхода. И ненароком она бросила взгляд в последний вагон.

Здесь мисс Говард выдержала паузу, заставив мистера Мура несколько разнервничаться:

– Сара, не могла бы ты меня избавить от этих драматических пауз? У меня и без того достаточно скверное настроение. *Что же она там увидела?*

– Она увидела свою дочь, Джон.

Мистер Мур поморщился:

– Ты хочешь сказать, она *подумала*, что увидела свою дочь – выдала желаемое за действительное, что-то вроде того, да?

– Нет, Джон. *Ребенок был ее.* На руках у женщины, – здесь мисс Говард позволила себе еще одну улыбку-паузу. – Белой американской женщины.

Мистер Мур переварил этот клочок информации с измученным, хоть и заинтересованным стоном: охотник за сенсациями возобладал над развратником. И обернулся ко мне – все еще недовольный, однако смирившийся с нынешней своей участью:

– Стиви... как покаяние за это вторжение, не откажи в любезности – помоги отыскать мою одежду. Мы отправимся в № 808 и, с божьей помощью, во всем разберемся. Но учти, Сара, «дерринджер» не «дерринджер», а только если это твое дело окажется липой, ты проклянешь тот день, когда мы впервые повстречались!

– О, я прокляла его давным-давно, – расхохоталась мисс Говард, и смех ее подхватили мы с Сайрусом. – Давай, Стиви, посмотрим, сможем ли мы привести нашего безутешного друга в норму. А то время уже поджигает.

Глава 3

Вниз по улице к № 808 по Бродвею я не ходил уже добрый год, хотя по моей походке вы бы ни за что об этом не догадались. Я вспомнил вычитанное в «Основах психологии» – не книге, а натуральном испытании, измышленном несколько лет назад старым гарвардским преподавателем доктора Крайцлера профессором Уильямом Джеймсом, – и как я продирался сквозь нее вместе с остальными членами нашего отряда во время расследования дела Бичема: мозг не единственный орган, накапливающий воспоминания. Отдельные части тела – из тех, что попроще, к примеру мышцы, располагают собственными методами накопления опыта и высвобождения ононого в единый миг. Раз так, ноги мои в ту ночь успешно это доказали, и, в сущности, я мог проделать это путешествие, даже если кто-нибудь рассек бы мне спинной мозг прямо у основания черепа и заставил бежать, положившись на мудрость одного лишь позвоночника, будто я – какая-нибудь из тех несчастных лабораторных лягушек, коих профессор Джеймс и его студенты всегда норовили искромсать на мелкие кусочки.

Пока мы прокладывали путь вдоль Грамерси-парка и вниз к Ирвинг-плейс, я снова принялся настороженно высматривать, не появятся ли случайно в округе ребята с Газового Завода: они вполне могли в этот час выйти на охоту за беспечной пьянью, направлявшейся домой после игорных заведений Филея. Но в воздухе и не пахло никакой угрозой – чувствовался один лишь влажный запах, что всегда следует за дневным дождем, так что по пути к югу я несколько расслабился. Мисс Говард по-прежнему не собиралась делиться с нами информацией касательно дела, пока мы не достигнем № 808 и не встретимся с означенной дамой, так что наши усилия сосредоточились на единственной задаче – доставить туда мистера Мура. Работенка оказалась хитрее, чем могло представиться на первый взгляд. Мы ведь не просто так решили дойти до центра через Ирвинг-плейс: поверни мы к Четвертой авеню и дальше к югу в сторону Юнион-сквер, нам пришлось бы миновать «Винный сад» Брюбахера, где как пить дать собралось сейчас немало собутыльников мистера Мура, предающихся обыкновенной для этого заведения потехе: ставкам на жизнь и смерть пешеходов, колясок и повозок, старающихся избежать столкновения с дребезжащими трамваями, что регулярно носились по Бродвею и вокруг площади на предельной скорости. Оказавшись перед

подобным искушением, мистер Мур скорее всего не устоял бы. Впрочем, Ирвинг-плейс тоже была не безупречна – приманкой здесь выступала «Таверна Пита» на 18-й улице, старый уютный кабачок, некогда служивший излюбленным прибежищем босса Твида¹ и его подручных из Таммани; что же до мистера Мура, в свое время он частенько проводил здесь вечера со своими друзьями, журналистами и литераторами. Между тем, стоило оранжевому сиянию закопченных окон Пита остаться за нашими спинами, как мистер Мур допетрил, что туда же отправились его последние надежды на спасение: его ворчание решительно уступило место жалостливому нытью.

– Я это все к чему, Сара: завтра же *понедельник*, – упрекнул он ее, когда мы дошли до 14-й улицы. По левую руку от нас показался обманчиво-жизнерадостный фасад Таммани-холла – по мне, так здорово смахивавший на эдакий кирпичный комод, только что невменяемых размеров. – А быть в курсе, касаясь положения дел у Крокера и его свиней, – продолжил мистер Мур, указав рукой в сторону Холла, – нелегкое дельце, да и нервное весьма. Я уже молчу про эту испанскую заваруху.

– Глупости, Джон, – едко парировала мисс Говард. – В этом городе настоящие политики давно повывелись, и тебе, как никому, об этом известно. Стронг – самая хромая из уток², что когда-либо заседали в Ратуше, и ни Крокер, ни Платт – (здесь она имела в виду предводителей демократов и республиканцев), – не намерены допустить в ноябре в мэрское кресло очередного реформатора. А когда придет зима, так они и сами без твоего мудрого руководства прекрасно вернутся к своим грязным делам.

Словно в подтверждение ее слов, ночную тишину разодрал многоголосый рёгот – мы как раз преодолевали вброд разлившееся после дождя озеро навоза и конской мочи, в которое превратилась 14-я улица. Перебравшись, мы не могли не обернуться: нашим взорам предстала небольшая толпа прекрасно одетых, пьяных и крайне довольных мужчин, вываливавших из Таммани-холла; в зубах у каждого торчала сигара.

– Хм-м, – протянул мистер Мур несколько обескураженно, следуя за нами к западу и одновременно пялясь на этих людей. – Не уверен, что все *настолько* просто, Сара. А даже если и так – это не проясняет суеты вокруг кубинского кризиса. В наших переговорах с Мадридом наступает критический момент³.

– Чепуха. – Мисс Говард задержалась ровно настолько, чтобы ухватить мистера Мура за рукав, понуждая его шагать быстрее. – Даже если бы ты

занимался международными, а не городскими делами, тебе все равно пришлось бы в какой-то момент упереться лбом в стену. Генерал Вудфорд – новый американский посол в Испании – еще даже не *отбыл* в Мадрид, и Маккинли⁴ не намерен отправлять его, пока не получит полного отчета от специального посла на Кубе – как же его... ну этот, Калхун.

– Ну за каким дьяволом, – тоскливо пробормотал мистер Мур, – мне обязательно спорить с девицей, которая читает мою чертову газету чаще *меня?*..

– И что в совокупности, – подытожила мисс Говард, – значит, что завтра утром в редакции тебя не ждет ничего серьезнее привычного беглого обзора жертв сезонной вспышки насилия... Ах да, у нас еще и юбилей королевы Виктории на носу – наверняка «Таймс» повыжмет из него все соки.

Мистеру Муру не оставалось ничего, только хохотнуть:

– Правая колонка на первой полосе с описанием всего торжества – и еще специальные снимки в воскресном номере. Боже мой, Сара, разве это не бывает *утомительно* – знать все со всех углов?

– В этом деле я пока даже углов не вижу, Джон, – ответила мисс Говард, когда мы выбрались на Бродвей. Грохот, производимый экипажами на улице, слегка приглушался, когда они выезжали на мощенную брусчаткой авеню, однако даже относительная тишина была не в силах смягчить беспокойство мисс Говард. – Признаюсь тебе – меня оно пугает. Чем-то жутким веет от самой этой истории...

Последовало еще несколько безмолвных секунд нервной ходьбы, и вот перед нами уже вздымались сперва – готический шпиль церкви Милости Господней, с царственной легкостью вытянувшийся над окружающими зданиями, затем – желтые кирпичные стены и монастырские окна № 808. Вообще-то наша старая штаб-квартира была сейчас ближе к нам, нежели церковь: здание стояло фактически вплотную к северной ограде церковного дворика, однако в этой части города ты всегда первым делом видишь шпиль, а потом уже – все остальное. Даже вечносияющие витрины универсального магазина «Маккрири» на другой стороне Бродвея или гигантский чугунный монумент мелочной торговле, коим являлся старый магазин Стюарта на 10-й улице, здорово проигрывали церкви. Единственным зданием, приближавшимся к ней по значимости, был № 808 – а все потому, что проектировал его тот же архитектор, Джеймс Ренвик, который, судя по всему, втайне рассчитывал, что этому маленькому бродвейскому перекрестку суждено стать не просто рынком, а своего рода мемориалом нашим средневековым предкам.

Мы дошли до очаровательной кружевной решетки парадного подъезда № 808 – ее стиль называли *ар нуво*⁵, что для меня звучало довольно бессмысленно с тех пор, как я заметил: всякий следующий пижон от искусства претендует на звание «нуво», – и тут мы с Сайрусом и мистером Муром немного помедлили. Не то чтобы нам было боязно входить – достаточно припомнить, что какой-то год назад, во время расследования, пролившего свет на невыразимые ужасы и безжалостно унесшего жизни наших друзей, это место служило нам вторым (а подчас и первым) домом. Все вокруг на Бродвее выглядело в точности так же, как и в те мрачные дни: магазины, тенистый и призрачный церковный двор, изящный, но без вычурности отель «Сент-Денис» (тоже возведенный по проекту мистера Ренвика) – все было таким же, как тогда, и это лишь прибавило живости полезшим наружу воспоминаниям. Так что прежде чем зайти, мы выждали около минуты на пороге.

Мисс Говард скорее всего почувствовала нашу нерешительность и, понимая, чем она вызвана, воздержалась от явных понуканий.

– Я знаю, что прошу сейчас слишком многого, – с редкой для нее неуверенностью произнесла она, озираясь, – но вы... все вы... когда вы ее увидите, поговорите с ней, пожалуйста, хоть пару минут, выслушайте ее...

– Все в порядке, Сара, – прервал ее мистер Мур, оставив недовольство и уместно смягчив тон. Он обернулся сперва ко мне, затем к Сайрусу, как бы стараясь убедиться, что говорит от лица всех нас. Нам, разумеется, не было надобности уточнять это вслух. – Это совсем ненадолго, – продолжил он, задрав голову к фасаду дома № 808. – Но мы здесь, с тобой. Веди.

Мы проследовали через мраморный вестибюль в величественную клетку лифта и начали неторопливое вознесение к шестому этажу. Глядя на Сайруса и мистера Мура, я бы мог сказать, что они понимали то же, что и я: невзирая на всю эту нервозность, мы не намерены были спускаться вниз, пока не вляпаемся по уши в такое, о чем еще пожалеем. Отчасти причина этого крылась в нашей взаимной дружбе с мисс Говард, отчасти – ну а отчасти в том, что у любого, рожденного в Нью-Йорке, в крови. *Нюх* – неважно, на что: на историю, дело, приключение; как ни верти, мы были готовы к чему угодно. Ну, разумеется, никто не мешал нам при этом молить небеса, чтобы мы не столкнулись с тем опустошением, кое несло в себе дело Бичема, но молиться мы только и могли – свернуть с избранного пути было уже не в наших силах.

Лифт тяжело и неожиданно остановился, что свойственно лифтам в коммерческих постройках, а именно таковой был № 808, полный мебельных контор и разнообразных потогонок. Отчасти это и явилось

причиной, по которой выбор доктора Крайцлера остановился именно на этом здании: здесь мы могли без помех предаваться своим следственным делам под надежным прикрытием сонма безобидных мелких предприятий. Но мисс Говард такая секретность была уже ни к чему – через решетку лифта я разглядел аккуратную вывеску прямо на двери нашей бывшей штаб-квартиры:

АГЕНТСТВО ГОВАРД
следственные услуги для дам

Выпустив нас из лифта, она отомкнула входную дверь и, распахнув ее, придержала, пока мы все не оказались внутри.

Громада помещения, простиравшегося почти на весь этаж, лежала во мраке; единственный свет пробивался от дуговых фонарей Бродвея и верхних окон «Маккрири» через дорогу. Но и этого хватило, чтобы понять – мисс Говард лишь слегка изменила декор. Мебель была все та же, купленная доктором в прошлом году на антикварном аукционе, – она некогда принадлежала маркизу Луиджи Каркано. Диван, большой стол красного дерева и таких же представительных размеров мягкие кресла – все это было расставлено на зеленом восточном ковре по привычным местам; мы неожиданно почувствовали себя дома. Бильярдный стол теперь располагался в глубине, ближе к кухне, прикрытый дощатым кожухом и задрапированный шелковым покрывалом. Насколько я понял, эта вещь вряд ли могла внушить должную уверенность клиенткам мисс Говард. Но пять канцелярских столов никуда не делись, хотя мисс Говард переставила их иначе – скорее в ряд, чем как раньше, кругом, – и кабинетный рояль по-прежнему стоял в углу у одного из готических окон. Завидев инструмент, Сайрус немедленно подошел, с легкой улыбкой поднял крышку, нежно коснулся двух клавиш и посмотрел на мисс Говард.

– Все еще строит, – тихо сказал он.

Та кивнула и тоже одарила его легкой улыбкой:

– Все еще строит.

Сайрус пристроил котелок на табурете, присел за рояль и мягко повел мелодию. Сперва мне показалось, что он играет одну из тех оперных арий, которые доктор так часто любил слушать в его исполнении у нас дома, но вскоре до меня дошло, что сейчас из-под его рук струится медленная обработка какой-то знакомой народной песни, которую я никак не мог точно опознать.

Мистер Мур, глазевший из другого окна на едва видимое мерцание

Гудзона вдали, обернулся к Сайрусу, и на его лице тоже сверкнула улыбка.

– «Шенандоа», – тихо пробормотал он, словно Сайрусу удалось подобрать ключевую ноту, объединившую в себе все странные и меланхоличные чувства, с новой силой охватившие нас при виде комнаты.

В другом затененном углу я заметил добавление, привнесенное в интерьер мисс Говард: огромную японскую ширму – сейчас все ее пять панелей были раздвинуты. Из-за краешка выглядывал угол большой грифельной доски в дубовой раме: *Доски*, как мы всегда ее именовали. Сколь долго ей пришлось пылиться в углу, хотелось бы мне знать.

Мисс Говард, выделившая нам несколько минут на ностальгию, в предвкушении потерла руки и с тем же неведомым ей прежде колебанием в голосе, произнесла:

– Сеньора Линарес ожидает на кухне за чашечкой чая. Я ее приведу.

С этими словами она скользнула в заднюю часть дома, где смутно освещенный дверной проем обозначал чье-то живое присутствие.

Я подошел и запрыгнул на один из подоконников, с которого открывался вид на церковный сад, – мой излюбленный насест в этом доме – и, достав из кармана маленький нож, принялся подравнивать лезвием ногти; Сайрус не прекращал играть, и вскоре из кухни до нас долетел отзвук двух женских голосов.

В тусклом свете вскоре показались два силуэта, и даже в царившем вокруг сумраке я заметил, как мисс Говард поддерживает другую даму – не столько потому, что последняя не могла стоять сама (хотя ей явно было больно передвигаться), сколько ради того, чтобы помочь ей справиться, как я ощутил, с каким-то невыразимым ужасом. Когда они вышли на середину комнаты, я разглядел, что эта женщина обладает прекрасной фигурой и с ног до головы закутана в черное: слой за слоем, атлас за шелком, – и все венчает такая же черная шляпа с широкими полями, с которой свисает непроницаемая черная вуаль. Одна рука дамы сжимала рукоять зонтика, сработанную из слоновой кости, и когда Сара отпустила ее, женщина перенесла свой вес на него.

Мы все было поднялись с мест, однако внимание сеньоры Линарес привлек только Сайрус.

– Прощу вас, – мелодично произнесла она, хотя на благозвучности голоса явно сказались часы рыданий. – Продолжайте. Песня очень приятная.

Сайрус повиновался, однако играл так же негромко, как и прежде. В этот миг навстречу женщине шагнул мистер Мур и галантно протянул руку:

– Сеньора Линарес, меня зовут Джон Скайлер Мур. Подозреваю, мисс

Говард уже сообщила вам, что я репортер...

– ...«Нью-Йорк Таймс», – закончила за него женщина из-под вуали, легко пожимая протянутую руку. – Признаюсь вам честно, сеньор, будь вы сотрудником любого другого из местных изданий, подобных тем, что принадлежат Пулитцеру и Херсту, едва ли я согласилась бы на эту встречу. Они напечатали столько гнусной лжи о деяниях моих соотечественников на Кубе по отношению к этим повстанцам...

Мистер Мур окинул ее внимательным взглядом.

– Боюсь, это так, сеньора. Но также боюсь, что как минимум часть напечатанного ими – правда.

Подбородок его собеседницы при этих словах слегка дернулся вверх, и даже через вуаль можно было почувствовать захлестнувшую женщину волну печали и стыда.

– Хотя, к счастью, – продолжал мистер Мур, – мы здесь для того, чтобы обсуждать не политику, а исчезновение вашей дочери. При условии, конечно, что эти две темы не имеют между собой ничего общего.

Мисс Говард наградила мистера Мура стремительным взглядом изумления и неодобрения, а голова сеньоры Линарес уже вернулась в исходную горделивую позицию:

– Я дала слово мисс Говард излагать только факты.

– Правда, Джон, ну как ты можешь... – покачала головой Сара.

– Приношу извинения, – отозвался тот. – Вам обеим. Но, согласитесь, совпадение и впрямь из ряда вон выходящее. Последние дни о войне между нашими державами болтают с легкостью, точно о погоде, – и тут из всех отпрысков дипломатических представителей, обитающих в Нью-Йорке, таинственным образом пропадает именно дочь высокопоставленного испанского чиновника.

– Джон, – раздраженно повторила мисс Говард. – Быть может, нам с тобой лучше...

Но Линарес остановила ее, подняв руку:

– Нет, мисс Говард. Скепсис сеньора Мура для нас вполне понятен. Однако скажите мне, сэр: если я была бы всего лишь пешкой в какой-то дипломатической игре, зашла бы я столь далеко?

С этими словами женщина откинула вуаль на шляпу и шагнула в поток света из окна.

Вообще-то в той части Нижнего Ист-Сайда, где я родился и провел первые восемь лет своей жизни, вам быстро примелькался бы вид женщин, отхвативших порядочную трепку от своего благоверного. Что же до меня, то, учитывая пристрастия моей матушки к собственным кавалерам, порой

приходилось воочию наблюдать за отправлением подобных экзекуций. Но за все эти годы я и близко не видывал ничего похожего на то, что утворили с этой миловидной леди. Через пол-лица ее тянулся огромный синяк, начинавшийся где-то над левым глазом, из-за чего тот опух так, что просто не раскрывался, и доходивший до щеки, где от удара кожа просто разошлась, образовав глубокую рану. По обеим сторонам от ее носа полыхало натуральное лоскутное одеяло красных, черных, желтых и зеленых кровоподтеков, краем захватывая область под правым глазом, который чудом остался нетронутым: было ясно, что нос ее сломан. Кожа на подбородке была ободрана чуть ли не целиком, правый угол рта оттягивался книзу другой раной, отчего губы женщины теперь постоянно и недовольно кривились. По тому, как неловко она передвигалась, было понятно: то же самое причинили всему ее телу.

Когда мистер Мур, Сайрус и я разом непроизвольно выдохнули, сеньора попыталась улыбнуться, и в ее неповрежденном очаровательно-карем глазу мелькнула искорка.

– Если бы вы меня спросили, – пробормотала она, – я была бы вынуждена сообщить вам, что упала с мраморной лестницы консульства, лишившись чувств от горя при известии о смерти нашей дочери. Видите ли, так уже решено моим супругом совместно с консулом Бальдасано, и когда избегать разъяснений посторонним невозможно, я буду обязана сообщать, что наша девочка умерла после болезни. Вот только она не умерла, сеньор Мур. – Женщина качнулась на шаг-другой вперед, опираясь на зонтик. – Я видела ее! Я... видела...

Казалось, она близка к обмороку, и мисс Говард быстро подошла к ней и препроводила к одному из шикарных мягких кресел маркиза Каркано. Я обернулся к мистеру Муру и увидел, как по лицу его пробежала целая гамма разнообразных эмоций: гнев, ужас, сочувствие, однако над всеми возобладало испуганное оцепенение.

– Стиви... – слабо вымолвил он, невнятно взмахнув мне рукой.

Я уже держал наготове пачку сигарет и подкуривал нам по одной. Вручил ему сигарету, проследил за тем, как он несколько раз прошелся взад-вперед по комнате, и благоразумно убрался с дороги, когда мистер Мур вдруг бросился к телефонному аппарату, что размещался на столе у меня за спиной.

– Это нам не по зубам, – бормотал он, поднимая телефонную трубку. И затем – уже отчетливо: – Оператор? Управление полиции на Малберри-стрит. Главная контора, Сыскное бюро.

– *Что?* – взволнованно переспросила мисс Говард, видя, что на лице

сеньоры Линарес отразился ужас. – Джон, ни в коем случае, я же тебе говорила...

Тот предостерегающе поднял руку:

– Не беспокойся. Я просто хочу выяснить, где они. Сара, ты же знаешь ребят – если мы их попросим, они сохранят все в тайне.

– Кто? – прошептала сеньора Линарес. Но внимание мистера Мура уже поглотил телефонный аппарат.

– Алло? Главная контора? Послушайте, у меня срочное сообщение личного характера для детектив-сержантов Айзексонов – вы не могли бы сообщить мне, где они?.. Ага. Прекрасно, спасибо. – Он повесил трубку и обернулся к нам. – Стиви, там вроде на пирсе «Кьюнарда»⁶ обнаружено тело. Этим занимаются Люциус и Маркус. Как думаешь, сколько времени у тебя уйдет, чтобы смотаться туда и вернуться с ними?

– Ну, если Сайрус поможет мне с экипажем, – ответил я, – то полчаса. В крайнем разе – минут сорок пять.

Мистер Мур повернулся к Сайрусу:

– Вперед.

Вдвоем мы устремились к лифту. Но перед самой дверью я замешкался и повернулся к мистеру Муру:

– Вы же не думаете, что нам следует...

Тот поспешно затряс головой:

– Мы пока точно не знаем, с чем здесь столкнулись. И я не хочу просить его сюда возвращаться, пока все не прояснится.

Сайрус положил руку мне на плечо:

– Стиви, он прав. Пойдем.

Я шагнул в лифт, Сайрус задвинул решетку, и мы тронулись по шахте вниз.

Так как ровно через дорогу от нас располагался отель «Сент-Денис», у № 808 можно было легко поймать кэб практически в любое время суток: как раз сейчас у входа в отель стояла парочка, и мы с Сайрусом сразу направились к ним. Первый экипаж оказался четырехколесным, управлял им чудаковатый старикан в жухло-красной ливрее и жеваном цилиндре. Он дремал на козлах, и от него уже за добрых шесть футов разило спиртным. Хотя коняга у него была неплоха – серая кобылка, и выглядела вполне свежей.

Я повернулся к Сайрусу:

– На заднее сиденье его. – Скомандовав, я запрыгнул на козлы и принялся спихивать с них дрыхнувшего хозяина. – Эй... Эй, папаня! А ну бегом очухался, клиент у тебя!

Пока я сталкивал его на железную подножку слева, дедуля исторгал из себя пьяно-сконфуженно:

– Чё это... Чё это ты се думаешь... да чё ж ты творишь-то?

– Чё-чё... – буркнул я, устраиваясь поудобнее и хватая поводья. – Правлю отсюда.

– Тебе не можно править! – возопил извозчик, когда Сайрус силком запихнул его в пассажирское отделение и бухнулся рядом, захлопнув миниатюрную дверцу.

– Мы тебе по двойному тарифу заплатим, – отозвался он, не выпуская старика из крепких объятий. – И не ной, пацан отличный кучер.

– Вы ж меня фараонам подставите! – заревел старый дурень, стаскивая с головы свой цилиндр и демонстрируя нам присобаченную к нему лицензию. – Не можно мне с законом шутковать – я ж лицезивный извозчик, вот, понятно?

– Да ну? – откликнулся я, обернувшись, выхватив у него цилиндр и водрузив на себя. – Ну так теперь я тут самый лицензированный, так что сядь и помалкивай!

Дед выполнил первое требование, но даже не подумал подчиниться второму и пронзительно скулил, точно хряк недорезанный; я же тем временем огрел вожжами кобылкин круп, и мы рванули по мостовой Бродвея со скоростью, коя более чем оправдывала ту прыть, с которой я обошелся с животным.

Глава 4

Огибая угол 9-й улицы, мы набрали такой дикий темп – признаюсь, дикий даже для меня, – что кэб чуть было не встал на два колеса. В те дни, до того еще, как компания запустила действительно большие лайнеры («Мавританию» и бедную старушку «Лузитанию»⁷) пирс линии «Кьюнард» все еще находился у самого окончания Кларксон-стрит, кварталом выше Вест-Хаустон; однако я собирался по возможности держаться подальше от толчеи на этой транспортной артерии. Даже поздней воскресной ночью ее заполняла плотная масса шлюх, воришек и их нетрезвых жертв; теперь же, после отбытия уполномоченного Рузвельта в Вашингтон, она стала только гуще. Тамошний бардак здорово бы замедлил наше движение. Вместо этого мы пролетели через тихие жилые кварталы 9-й улицы, пересекли Шестую авеню и устремились на запад по Кристофер, замечая по ходу все более отчетливые признаки того, о чем мисс Говард упоминала, пока мы шли к № 808: преступники вершили свои дела вне своих берлог, притонов и борделей, и такого тут было до чертиков, причем творилось все это без малейшей опаски, которую в свое время, хоть и ненадолго, удалось вколотить в эту братию мистеру Рузвельту. Дополняло картину периодическое явление фараонов, занимавшихся здесь тем, что уполномоченный так усердно старался предотвратить, мотаясь по улицам и осуществляя регулярные ночные проверки: они вжимали поборы, надирались пьяными у танцзалов и салунов, заигрывали со шлюхами и спали там, где настигал их сон. О да, старый город действительно осознал, что Рузвельта уж нет, а реформатор мэр Стронг вскорости допрыгается: преступный мир почувствовал, что вскоре сможет вновь вздохнуть свободно.

Когда мы достигли Бликер-стрит, мой взгляд (и, должен признаться, желудок) налетел на нечто, заставившее меня спешно затормозить, каковое действие несколько удивило Сайруса.

– Что случилось, Стиви? – крикнул он мне, но в ответ я мог лишь ошарашенно пялиться на пятно линялого синего шелка да невообразимую копну светлых волос. Судя по тону, Сайрус разглядел то же, что и я. – А, Кэт... – Наверняка он нахмурился, произнося ее имя.

Я щелкнул поводьями и направил нас прямо к синему шелку и светлым волосам, принадлежавшим Кэт Девлин... ладно, назовем ее пока моей старой доброй знакомой; она работала в одном из детских домов

терпимости на Уорт-стрит. Она была с каким-то разряженным джентльменом, по виду вполне способным быть ее дедушкой: самой-то Кэт было всего четырнадцать; короче, они как раз собрались перейти Бликер, когда я пустил кэб следом за ними.

– Стиви, у нас нет на это времени, – услышал я слова Сайруса – он произнес их мягко, но со значением.

– Ладно, всего-то одна минутка, – бросил я в ответ.

Кэт вздрогнула, когда прямо перед ней неожиданно выросла конская морда, посмотрела вверх, и голубые глаза на ее хорошеньком личике вспыхнули яростью:

– Эй! Какого хрена ты себе тут... – И тут она увидала меня. Взгляд ее сразу смягчился, однако озадаченность из него не ушла, хоть улыбке и удалось изогнуть тонкие губы. – Ты чего, Стиви? Ты что здесь делаешь вообще? Да еще с этим кэбом... ты мне чуть кавалера не напугал. – Улыбаясь, она повернулась к своему спутнику, в ответ сжавшему ее ручку покрепче, отчего сердце мое заколотилось жарче. А он еще похлопал по ее руке дорожной перчаткой и отвратительно ухмыльнулся.

– Вообще-то я собирался спросить то же самое у тебя, – сказал я. – Уж больнодалече к западу сегодня работаешь, нет?

– О, я дорожаю в этом мире, – ответила она. – На следующей неделе забираю у Фрэнки свое барахло и перехожу работать на Гудзон-стрит. К Пыльникам.

Тут она вдруг громко и болезненно шмыгнула носом, хихикнула, пытаюсь скрыть неловкость, и быстро утерла носик. На ее потраченной молью перчатке осталась кровавая полоса – и все, сказанное ею, внезапно стало мне понятно.

– Пыльники, значит... – выдавил я, чувствуя, что жар в моей груди оборачивается страхом. – Кэт, ты же не можешь...

Она сообразила, что за этим последует, и поспешила через дорогу.

– Это просто дружок мой, – проворковала она своему кавалеру и через плечо крикнула мне: – Эй, Стиви, забегай к Фрэнки на этой неделе, пересечемся! – В равной степени это было и предложением отвалить, и приглашением завалить. – И хватит уже кэбы-то угонять!

Я хотел ответить как-нибудь так, чтобы она оставила свою добычу и поехала с нами, однако Сайрус сзади стиснул мое плечо.

– Так не годится, Стиви, – сказал он тем же мягким, но уверенным тоном. – Нет времени.

Я знал, что он прав, но ни тени покорности не промелькнуло в моем согласии – я только ощутил, как все тело точно свело в судороге, да такой

жестокой, что у меня все поплыло перед глазами. Из горла моего внезапно вырвался короткий вопль, я выхватил из висевшего рядом чехла длинный бич, взмахнул им над головой и резким движением расправил в сторону человека, пересекавшего улицу под ручку с Кэт. Жало бича лизнуло самую верхушку его цилиндра, аккуратно его продырявив и отправив в полет на добрых шесть футов – прямым в лужу из дождевой воды и конской мочи.

– Стиви! Проклятье! Ты не посме... – взвилась Кэт.

Но дальше слушать я был не намерен: щелкнул поводьями и отправил серую кобылу вприпрыжку по Кристофер-стрит, оставив за спиной все еще громкие, но теперь неразборчивые проклятья Кэт.

Полагаю, вы уже поняли, что Кэт для меня была не просто подружкой. Но девчонкой моей она не была ни в коем разе; да она, по сути, вообще ничьей девчонкой-то не была. Ответить же, какое место занимала она в моей жизни, я бы тогда не смог, не смогу и сейчас. Я бы сумел, наверное, брякнуть, что она была той первой, с кем у меня состоялись интимные отношения, – за тем исключением, что сопутствующий таковой заявке счастливый образ юной любви был далек от имевшего место быть в действительности. Правда в том, что для меня она была тайной, головоломкой – и в грядущем ей было уготовано стать еще головоломнее, когда жизнь ее нежданно совершила поворот, коему было предназначено связать ее с делом, только начинавшим нами распутываться.

К тому времени, как мы добрались до Гудзон-стрит, я все еще был взбешен; дернув левой рукой на себя поводья и тем самым понуждая кобылу свернуть к центру, я даже не попытался ее притормозить. Снова мы чуть было не встали на два колеса, но хотя извозчик на заднем сиденье и взвизнул от ужаса, я не услышал ни звука протеста от Сайруса, привыкшего к моей манере ездить и знавшего, что ни одного экипажа я еще ни разу не опрокинул. Справа от нас пронеслись потемневшие красные кирпичи старой церкви Святого Луки, затем салуны и лавки нижней Гудзон-стрит, и через несколько секунд мы выехали на Кларксон – лишь затем, чтобы совершить еще один безумный разворот, на сей раз к западу. Впереди мгновенно вынырнула набережная и река – вода в ней была чернее ночи. Пирс в конце улицы оказался неожиданно оживленным для столь позднего часа.

Выбравшись из засилья складов и матросских ночлежек, заполнявших последние несколько кварталов Кларксон-стрит, мы смогли разобрать очертания большого парохода, пришвартованного к длинной темно-зеленой массе пирса «Кьюнард»: то была «Кампанья», которой еще и пяти лет не стукнуло, – она пребывала в горделивом покое, сияя цепочками маленьких

огней на шлюпочной палубе, что освещали две ее темно-красные, с черным верхом трубы, статный белый мостик, спасательные шлюпки, изящные обводы корпуса – словом, все, что недвусмысленно намекало на впечатляющие достижения, ожидавшие компанию-первопроходца трансатлантических просторов в недалеком будущем.

На берегу рядом с пирсом сгрудилась толпа народу, и, когда мы подъехали ближе, я разглядел, что среди них полно как фараонов в мундирах, так и детективов в гражданском. Еще я увидел несколько матросов и портовых рабочих – и, как ни странно, кучку пацанов, одетых в одни лишь мокрые штаны, обрезанные по колено. Подпрыгивая на месте, приседая и дрожа – отчасти из-за явно недавнего купания в холодной реке, отчасти от возбуждения, – они кутались в большие куски парусины. Картину освещали несколько факелов и электрический фонарь кого-то из портовых рабочих. Ни следа наших детектив-сержантов, что, впрочем, конечно, пока ничего не означало – те в поисках улики запросто могли нырнуть на дно Гудзона в водолазных шлемах, каковую меру средний нью-йоркский детектив счел бы наверняка бесполезной.

Когда мы подъехали к набережной, Сайрус извлек из бумажника некоторую сумму денег и вложил в трясущуюся руку извозчика, сопроводив сие лишь словами:

– Жди здесь. – Учитывая состояние бедняги, тот вряд ли осмелился бы послушаться. И все же на случай, если ему придет в голову слинять, я прихватил с собой на голове его «лицезивный» цилиндр, когда мы начали протискиваться через толпу.

Общаться с фараонами я предоставил Сайрусу, прикинув, что сколь бы нью-йоркская полиция ни в грош не ставила черных, мне бы они уделили еще меньше внимания. Тем более что я уж давно заметил парочку офицеров, знакомых мне по временам, когда я еще отзывался на кличку «Стиви-Свисток» и, чего уж таить, был весьма известной персоной на Малберри-стрит. Когда Сайрус поинтересовался насчет Айзексонов, ему, что называется, «неохотно» указали в центр толпы:

– Ниггер к жидятам! – И мы стали протискиваться вперед.

Я уж несколько месяцев не видался с нашими детектив-сержантами, однако сложно было бы представить братьев в более характерной для них обстановке. На бетоне набережной они расстелили широкий кусок ярко-красной клеенки и склонились над ним. Статный и красивый Маркус – голова, увенчанная шапкой курчавых темных волос, нос величествен и благороден – уже успел выложить на него мерную ленту и несколько поблескивавших металлом измерительных инструментов, и сейчас снимал

размеры с какого-то все еще неясного мне предмета, лежавшего у него под ногами. Его младший брат, Люциус – пониже и покрепче, с более жидкими волосами, местами являвшими взору неизменно вспотевшую кожу на черепе, – шнырял вокруг с чем-то вроде медицинских инструментов в руках – такие доктор Крайцлер держал у себя в смотровом кабинете. За их трудами наблюдал капитан, его я узнал – по фамилии Хоган, и в тот момент он покачивал головой, как это обычно делали все старые служаки, коим выпадало наблюдать за работой братьев Айзексонов.

– Боюсь, *маловато* здесь будет, чтоб хоть как-то разобраться, – похохатывал капитан. – Лучше б нам дно протралить да посмотреть, не отыщется ли там чего-нибудь более подходящего, скажем башки. – При этом фараоны вокруг подобострастно захихикали. – Ну, а *этому*, стало быть, прямая дорога в морг... хоть я даже не знаю, за каким дьяволом эта штука может пригодиться мясникам.

– В том, что у нас тут есть, содержится масса улик, – не оборачиваясь, уверенно отвечал ему Маркус. – По крайней мере, они подскажут нам, как это совершилось.

– А удаление с места преступления лишь приведет к обычному ущербу для сопутствующих улик, – торопливо и возбужденно добавил Люциус. – Так что если вы, капитан Хоган, окажете нам любезность и отзовете всех этих людей подальше, позволив нам закончить, времени на поездку в мертвецкую у вас образуется куда больше.

Хоган опять рассмеялся и отвернулся:

– Эх вы, еврейчики... Вечно себе, понимаешь, думаете. Лады, народ, а ну, сдали назад – позволим нашим *экспертам* закончить работу.

Тут Хоган глянул на нас, и я поспешно натянул цилиндр пониже, продолжая надеяться, что так меня, глядишь, никто и не узнает. Сайрус же направился напрямиком к капитану.

– Сэр, – начал он с куда большим пиететом, нежели, как я знал, на самом деле испытывал. – Я располагаю крайне важным личным сообщением для господ детектив-сержантов.

– Что вы говорите, надо же? – ехидно ответил Хоган. – Знаешь, вряд ли господам детектив-сержантам сильно охота, чтоб какой-нибудь зулус прерывал их научные, понимаешь, изыскания...

Но Айзексоны расслышали голос Сайруса и уже успели к нему обернуться. Увидев старого знакомого, они расплылись в улыбках.

– Сайрус! – воскликнул Маркус. – Ты-то что здесь делаешь?

Детектив-сержант завертел головой по сторонам – я знал, кого он ищет, и заранее прижал палец к губам, чтобы ему не вздумалось окликнуть

меня, когда он меня заметит. По счастью, это сработало – Маркус молча кивнул, продолжая улыбаться; следом за братом кивнул мне и Люциус. Затем оба поднялись с корточек, и нам во всей красе впервые явилось то, что лежало на клеенке.

То была верхняя часть мужского торса, отхваченная чутка пониже ребер. Шея тоже была срублена начисто и, судя по срезу, работал здесь отнюдь не профессионал. Еще у этого куска мяса не хватало рук. Остальное выглядело довольно свежим. Сам вид, а также отсутствие характерной вони говорили, казалось, о том, что в воде останки провели не так уж много времени.

По кивку Сайруса братья отошли с нами в сторонку, и мы шепотом обменялись более теплыми приветствиями.

– Ты что ж это, Стиви, никак работу сменил? – поинтересовался Люциус, промокая носовым платком лысину и указывая на мой головной убор.

– Нет, сэр, – ответил я. – Но нам срочно потребовалось сюда добраться. Мисс Говард...

– Сара? – вмешался Маркус. – С ней все хорошо? Чтото случилось?

– Она в № 808, сэр, – ответил Сайрус. – С клиенткой и мистером Муром. У них дело, с которым, как они полагают, вы сможете им помочь. Это срочно, однако... должно быть неофициально.

Люциус вздохнул:

– Как, впрочем, и все, что в наше время способно послужить развитию криминалистики. В общем, я так понимаю, единственное, что мы еще способны здесь свершить, – помешать этому стаду скормить останки львам в зверинец Сентрал-парка.

– А что здесь произошло? – спросил я, снова бросая взгляд на жуткую четвертину на клеенке.

– Дети заметили его в реке, – ответил Маркус. – Крайне грубая работа. Явно несколько часов как мертв. Но есть кое-какие любопытные детали, и нам бы хотелось сперва занести их в протокол. Дадите нам пять минут?

Сайрус кивнул, и детективы вернулись к работе. Я слышал, как Люциус оглашает остальным фараонам обнаруженные улики: по тону его было понятно, что он вполне отдает себе отчет, сколь бесполезно все это, а потому, возможно, говорил он с ними несколько надменнее обычного.

– А теперь, капитан, потрудитесь записать: я *уверен* – и плоть, и позвоночный столб были разрезаны посредством некоего подобия грубой пилы. Мы можем исключить возможность свершения сей ампутации каким-либо студентом-медиком с целью хищения внутренних органов –

никто не стал бы уродовать внутренние органы. И вон те прямоугольные участки удаленной кожи представляют для нас особенный интерес – они именно что удалены умышленно: по всей вероятности, дабы ликвидировать некие особые приметы. К примеру – татуировки, поскольку мы с вами в портовом районе... быть может, обычные родинки. Однако из этого следует, что убийца почти наверняка был хорошо знаком с жертвой...

Насмотревшись достаточно на мясо и фараонов – те поочередно балагурили либо игнорировали все, что вещал им Люциус, – я повернулся к мальчишкам, которые и нашли труп. Те все еще пребывали в возбуждении, не оправившись от шока, так что сейчас в каком-то нервическом веселье приплясывали вокруг. Я заметил, что вроде как знаком с самым тощим, и подвалил к нему, чтобы немного поболтать.

– Эй, Носяра, – тихонько позвал я; тощий немедленно обернулся и ослабил. Не нужно было предупреждать его, что не стоит выкрикивать мое имя при фараонах: малой был из той шайки пацанов, что ходили под Сумасшедшим Мясником, одним из подручных Монаха Истмена, – я работал с ними, пока не загремел на остров Рэндаллс, – так что он прекрасно знал: ни к чему мне лишний раз пересекаться с «быками». Если уж те однажды отметили тебя как баламута, впредь, где б вы ни встретились, обязательно с нездоровым удовольствием доколупаются, сделал ты что-нибудь эдакое или не сделал.

– Стиви-Свисток! – шепотом обрадовался Носяра, плотнее запахивая вокруг себя кусок парусины и потирая здоровенную и странно изогнутую часть своего лица, за которую, собственно, и заработал погоняло. – Извозом промышляешь? А я-то думал, ты работаешь на того трёхнутого доктора.

– Я и работаю, – отозвался я. – Долгая история. Чего здесь стряслось, лучше расскажи.

– Ну, – протянул пацан, снова принимаясь возбужденно приплясывать на месте. – Мы тут со Шлёпом да Болезным Луи, – и он показал на остальных ребят; я кивнул им, и они кивнули мне в ответ, – ну, мы просто гуляли, значит, по набережной, смотрели, типа, может, какая вещь ничейная у пирса подзавалаялась...

Я хихикнул:

– Ничейная вещь? Во, Носяра, ты даешь.

– Не, ну надо ж это как-то обзывать, если быки зацапают. Короче, канаем мы к пирсу, и тут глядь, фиговина красная в воде бултыхается. Прикинули, может, там чего вкусного внутрих упрятано, да нырнули за ней, как были, в портках, ну, короче. Вытягиваем, значит, ее эдак преспокойненько... ну и можешь представить, на чё это было похоже, когда

мы ее развернули... – Он присвистнул и рассмеялся: – *Братан*. Болезный Луи сблевал после этого, наверно, раз восемь – хрена ль там не проблеваться, коль у тебя полжелудка всего...

– Эй-эй-эй, – возмутился Болезный Луи. – Я те, Носяра, уже мильон раз говорить задолбался – это мой *кишечник*, таким вот я на свет уродился, без половины кишок, а не чего там другого!

– Ну, ладно-ладно... короче, – продолжал Носяра. – Пошли мы, значит, за фараоном, может, думаем, тут награда какая светит. Ну, и, короче, впредь будем умнее. Теперь эти гады не отпускают нас ни фига – прикинь, подозревают, может, это мы чего утворили! Не, ты прикинь, с какой это стати нам понадобится людей распиливать? И, главное, как, Господи Иисусе? У меня что один малый идиот, – он ткнул пальцем в пацана по кличке Шлёп, который, как я присмотрелся, похоже, вообще слабо улавливал, что происходило вокруг, – что второй, с полжелудком своим...

– Я ж те задолбался говорить, Носяра! – опять заверещал Болезный Луи. – Это мой...

– Все, все, твой кишечник, – успокаивающе буркнул Носяра. – А теперь завали пасть, будь так добёр. – И он обернулся ко мне с ухмылкой. – Не, ну вот ведь дебилы ёкарные. Такие вот, короче, дела, Свисток, сам-то каким ветром здесь?

– Я, – начал я, оглядываясь на толпу вокруг останков и замечая, что та начала вроде бы понемногу редеть. – Да пару тут друганов заехал подобрать. – В этот момент Сайрус и детектив-сержанты двинулись ко мне. – Ладно... мне пора уже. Но вообще я вроде собирался к Фрэнки заскочить на этой неделе. Сам там не будешь?

– Ну, если только фараоны когда-нибудь нас отпустят, – весело осклабился Носяра. – Не, ты прикинь, нам эдакую вот фиготень шить, а? – завел он сызнава, когда я двинулся обратно. – Это ж ни фига не логически! Хотя кто ж здесь хоть раз слышал о логическом фараоне, а, Свисток?

Я ухмыльнулся ему в ответ, откозырял и вместе с Сайрусом и Айзексонами поспешил к экипажу.

Извозчик по ходу опять вырубился, хотя, когда Сайрус забирался назад, воспрял и тихенько так заскулил – вроде как надеялся, что вся эта скачка ему привиделась в похмельном кошмаре:

– О нет... нет, не надо! Послушайте, вы, я фараонов позову, если...

Маркус, устраиваясь на маленькой железной подножке справа, пока его брат таким же образом обосновывался слева, сверкнул полицейской бляхой.

– Фараоны уже здесь, сэр, – произнес он невозмутимо, перебрасывая

через плечо ранец с инструментами и мертвой хваткой цепляясь за борт салона. – Окажите любезность, извольте сесть обратно и не шуметь – поездка не займет много времени.

– О нет... не займет, – обреченно простонал старик, – никак не займет, особенно поминая ту, что я пережил по дороге сюда...

Пока он ныл, я влез на козлы, прищелкнул поводьями, и мы загремели обратно по бульжникам Кларксон-стрит, оставляя за спиной странную сцену на набережной и рассчитывая – как выяснилось впоследствии, напрасно, – что более нам такого не услышать и не увидеть.

Пока экипаж наш несся на восток, моя голова аж кипела от мыслей, крутившихся вокруг кровавого зрелища да нашей безрадостной встречи с Кэт и ее клиентом. Но стоило нам выехать обратно на Гудзон-стрит и повернуть к северу, внимание мое окончательно отвлекли знакомые и – учитывая обстоятельства и мои думы – радостные звуки: едва поблизости не осталось ни одного фараона, способного услышать их разговор, братья Айзексоны немедленно предались любимой своей забаве – яростной перебранке.

– Вот не мог ты просто удержаться, не мог, скажи? – слышал я голос Маркуса, пробивавшийся сквозь бой кобылкиных подков по камням.

– Удержаться от чего? – визгливо отзывался с другого края сражающийся там за жизнь Люциус, решив заранее уйти в оборону.

– Ты же просто воспользовался удобным моментом, чтобы прочитать им всем лекцию, будто мы в начальной школе, – раздраженно продолжал Маркус.

– Я отмечал важные улики! – яростно сопротивлялся Люциус. Глянув разок через плечо, я увидел, как детектив-сержанты, словно два мальчишки, чего-то не поделившие меж собой, подались с подножек друг к другу, не обращая внимания на Сайруса и ошалелого извозчика, зажатых между ними в салоне. Впрочем, старик явно решил, что странная эта сцена суть новое свидетельство того, что он похищен маньяками.

– Ах, он отмечал важные улики, – передразнил брата Маркус. – Да ты же рисовался! Будто нам и так мало проблем в Управлении без того, чтоб ты изображал классную даму!

– Но это просто нелепо... – попытался возразить Люциус, но Маркус не давал ему спуску:

– Нелепо? Ты с восьми лет себя так ведешь!

– Маркус! – попытался перевести разговор Люциус. – Здесь не место и не время для таких разговоров...

– День за днем, стоило нам прийти со школы, как на тебе: «Маменька!

Папенька! А я могу наизусть пересказать все наши уроки, вот послушайте, послушайте!»

– ... не место вытаскивать наружу личные...

– И ведь ни разу в голову ему не пришло, что маменьке с папенькой, может, подери тебя черт, страшно утомительно выслушивать все его уроки. Так нет же, он просто брал и шпарил, точно...

– Они гордились мной! – воскликнул Люциус, позабыв обо всех предыдущих попытках соблюсти достоинство.

– О чем ты вообще думал? – заорал в ответ Маркус, когда я направил кобылку через Кристофер-стрит и на восток по 10-й, не желая лишней раз опять встречаться с Кэт. – Что этот, значит, Хоган вернется на Малберри и скажет: «Иисусе Христе, Мария и Иосиф, ай да Айзексоны – как они здорово знают свое дело: вот и сегодня показали нам такое-разэдакое!»? Да ты еще на верный шаг приблизил наше с тобой увольнение!

«Дискуссия» продолжалась в том же духе, пока на Бродвее я не повернул к северу и не развернулся у парадного крыльца отеля «Сент-Денис». Во всем мире не было двух детективов лучше братьев Айзексонов, впервые явивших мастерство свое в деле Бичема: помимо криминологии, они были искушены в медицине и юриспруденции, а также неусыпно отслеживали все теории и практики мирового сыска. Это благодаря их познаниям в еще не принятой на вооружение дактилоскопии мы получили первую зацепку в деле Бичема. Они располагали арсеналом камер, химикалий и микроскопов, с помощью коих справлялись с любыми трудностями, которые обычным детективам могли бы показаться абсолютно неразрешимыми; и все же при этом они страсть как любили побраниться друг с другом, и бранились при первой же удобной возможности, будто две старые наседки.

Сайрус выдал извозчику скромные чаевые, я вернул деду цилиндр, и мы наконец оставили его перед отелем приходить в себя. Быстрым шагом мы перешли к дому № 808 и набились в лифт. Оказавшись внутри, детектив-сержанты слегка поутихли, однако это коснулось лишь громкости их спора, но никак не его пыла.

– Маркус, во имя всего святого, – причитал Люциус, – можем мы поговорить об этом дома?

– А как же, – отвечал ему брат, оправляя сюртук и приглаживая назад густые волосы. – Маму еще к разговору подключим...

– То есть? – спросил Люциус несколько ошарашенно.

– Она ведь займет твою сторону. Она всегда так делает – чувства твои боится задеть. Разумеется, она скажет, что всегда обожала твои

выступления. А по правде – так помирала со скуки. Уж ты мне поверь – она частенько на тебя жаловалась, когда тебя не было рядом.

– Да как ты!.. – начал было Люциус, но в эту секунду лифт достиг шестого этажа и по обыкновению резко и тяжело замер. Вывеска Сары на знакомой двери, похоже, моментально вернула братьев во взрослую жизнь – оба они смолкли как по команде, столь же внезапно, как и начали этот спор. Что же до нас с Сайрусом, единственное, в чем мы действительно преуспели, – это стоически удерживаться от душивших нас приступов хохота все время, пока поднимались наверх. Но, ступив на порог старой нашей штаб-квартиры, и мы ощутили всю серьезность момента.

Глава 5

Мы обнаружили мистера Мура, мисс Говард и сеньору примерно там же, где они и пребывали, когда мы их покинули, хотя по тому, что мистер Мур подвинул свое кресло ближе к сеньоре Линарес и внимательно ее слушал, можно было сделать вывод, что та произвела на него довольно большое впечатление. Главным образом потому, конечно, что обаятельной леди всегда было легко произвести впечатление на мистера Мура, а сеньора Линарес определенно таковым обаянием обладала, несмотря на все эти ужасные раны, ушибы и вуаль, которой она снова закрыла лицо. Мисс Говард тем временем расхаживала по комнате и курила – в форменном ужасе, я полагаю, не только от жестокости, с которой обошлись с этой дамой, но от жестокости вообще, привычной для множества других женщин, богатых и бедных, неспособных, черт возьми, никак ей воспрепятствовать.

Сеньора Линарес взглянула на вошедших братьев Айзексонов все с той же тревогой, какую выказала при первом знакомстве с нами, однако мистер Мур поспешил ее успокоить.

– Сеньора, это те самые люди, о которых я вам говорил. Лучшая пара детективов во всем Управлении полиции Нью-Йорка. Невзирая на их официальные должности, вы можете целиком положиться на их благоразумие. – Сказав так, он с улыбкой пожал руки Маркусу и Люциусу. – Привет, ребята. Я слышал, дела на набережной плохи.

– Джон, – улыбнулся в ответ Маркус, слегка кивнув.

– Да обычное убийство, представляющееся хогановской бригаде неразрешимым, – добавил Люциус. – Хотя, если вы спросите моего мнения, это простейшее дело, так называ...

– Конечно-конечно, вот только они тебя не спрашивали, правда? – перебил Маркус, на что Люциус наградил его красноречивым взглядом, сулившим брату страшные кары, ежели он вздумает вдруг продолжить свою мысль. Взгляд этот Маркус достойно выдержал и обернулся к мисс Говард, дабы заключить ту в целомудренные, но при этом весьма искренние объятия. – Здравствуйте, Сара. Вы прекрасно выглядите.

– Маркус, вы неподражаемый льстец, – ответила она, после чего подошла к Люциусу и легонько клюнула его в щеку, прекрасно зная, что тот ни за что не осмелится самостоятельно к ней прикоснуться. – Привет, Люциус.

Поцелуй привел к тому, что младший Айзексон густо залился краской

и тут же полез за носовым платком, чтобы утереть выступивший на лбу пот.

– О, Сара! Как же, здравствуйте. Приятно... видеть вас очень приятно.

– Жаль, обстоятельства не самые приятные, – ответила мисс Говард, оборачиваясь к своей гостье. – Джентльмены, позвольте представить вам сеньору Изабеллу Линарес.

Брови обоих Айзексонов взлетели вверх.

– Супругу личного секретаря консула Бальдасано? – тихо уточнил Маркус.

Сеньора только легко кивнула; мистер Мур, в свою очередь, сокрушенно покачал головой и пробормотал:

– Ну я же репортер, я просто *обязан* знать это... – и уже громче, Айзексонам: – Слушайте... А почему бы нам с вами, ребята, не уединиться на кухне за чашечкой кофе? Заодно я посвящу вас в курс дела.

Детектив-сержанты, сконфуженные, однако заинтригованные, с готовностью согласились и последовали за ним. Напряжение, впрочем, осталось, но ненадолго – Сара, поднаторевшая в разрешении неловких ситуаций, быстро разрядила обстановку:

– Сайрус? Сеньора сказала, что ее восхитила твоя игра. Быть может, тебе известны какие-нибудь мелодии ее родины?

– Нет, – отозвалась сеньора – с благодарностью, однако настойчиво. – Нет, сеньор, я... не в настроении для подобных мелодий. И воспоминаний... мотив, который вы наигрывали тогда, – то была музыка вашего народа?

– Это была американская народная песня, – объяснил Сайрус, возвращаясь за рояль. – Как и большинство ей подобных, она не принадлежит какому-то конкретному народу.

– Она поистине берет за душу, – сказала сеньора. – Могу я услышать еще?

Сайрус склонил голову, на миг задумался, после чего мягко принялся наигрывать «Лорену» – старый мотивчик. Сеньора Линарес откинулась в кресле, тяжело вздохнула и несколько минут просто внимала музыке. Затем накрыла своей ладонью руку мисс Говард и произнесла:

– Молю бога, чтобы мы оказались правы в том, что сейчас делаем. И чтобы не оказалось, что я попросту сошла с ума.

– Вы не сошли с ума, – непоколебимо ответила ей мисс Говард. – У меня есть некоторый... *опыт* общения с безумцами.

– Ваш сеньор Мур – он не выглядел настолько в этом уверенным.

– Это в его манере. Он ведь журналист. А журналисты бывают только двух видов – либо циники, либо лжецы. Так вот он из первых.

В ответ сеньора Линарес сумела тихо и болезненно хмыкнуть – и тут в комнату вернулись мистер Мур и братья Айзексоны. Маркус задержался у задрапированного тканью бильярдного стола и оставил на нем ранец с инструментами. Когда же он догнал мистера Мура, Люциус, шедший следом, приблизился к столу, открыл ранец и принялся выкладывать сверкающие инструменты.

Маркус встал рядом с мисс Говард, мистер Мур присел на корточки подле сеньоры Линарес.

– Сеньора, – сказал он, – для того чтобы помочь вам, мы должны убедиться в нескольких вещах: во-первых, осмотреть травмы на вашем лице и голове, а во-вторых, выяснить подробности происшествий в Централ-парке и на станции Эл. С вашего позволения, эти люди осмотрят ваши раны и зададут вам несколько вопросов. Процедура может показаться довольно утомительной, но, поверьте, это необходимо.

Сеньора еще раз тяжело вздохнула, после чего выпрямилась в кресле, откинула вуаль и сняла шляпу, сопроводив это всего одним словом:

– Хорошо.

Маркус немедленно вооружился настольной электрической лампой, стоявшей неподалеку, подняв ее над головой сеньоры так, чтобы свет падал на лицо и голову, после чего мягко произнес:

– Возможно, вам стоит закрыть глаза, мадам.

Та подчинилась, зажмурив единственный подвластный ей глаз, и Маркус щелкнул выключателем.

Его лицо дернулось, когда он увидел раны, а ведь подумать только – этот человек совсем недавно хладнокровно изучал обезглавленное, расчлененное и фактически распиленное пополам тело. Но то, что сделали с женщиной, потрясло своей злобностью даже его.

Люциус подошел к брату, держа в руках несколько медицинских и измерительных инструментов – некоторые Маркус тут же у него забрал. Хотя внимание Сайруса за роялем сразу же приковала сцена, разыгрывавшаяся в небольшом круге света посреди комнаты, он не прекратил играть, понимая, что музыка успокаивает сеньору Линарес. Ну а я... я просто снова запрыгнул на подоконник и прикурил сигарету, не желая упускать ничего из происходящего.

– Сара, – сказал Люциус, склоняясь над головой сеньоры с чем-то вроде пары стальных зондов. – Вы же не против конспектировать результаты осмотра?

– Нет, нет, что вы, разумеется, – спохватилась мисс Говард и схватила блокнот с карандашом.

– Очень хорошо, в таком случае начнем с ранений в затылочной области. Скажите, сеньора, вы получили их при нападении в парке?

– Да, – ответила женщина, и на лице ее промелькнула боль. Но она не пошевелилась.

– И где точно это произошло? И когда? – спросил Маркус, не отрываясь от изучения затылка сеньоры.

– В четверг вечером. Мы как раз покинули музей искусств «Метрополитэн». Я часто беру Ану... мою дочь... я часто брала ее туда с собой. Ей очень нравился зал скульптур – даже не знаю, почему. Статуи приводили ее в возбуждение, она всегда так радовалась, удивлялась... В общем, после этого мы с ней всегда сидели у египетского обелиска – она в это время дремала. Обелиск тоже необычайно восхищал ее, хотя и не совсем так, как скульптуры...

– И там на вас и напали – прямо под открытым небом?

– Да.

– И никто этого не видел?

– Похоже, что нет. Весь день накрапывал дождик, и в тот момент все предвещало его возобновление – наверное, людям не хотелось мокнуть. Хотя когда я очнулась, подле меня оказалось несколько весьма любезных человек.

Люциус взглянул на Маркуса:

– Видал, под каким углом? И ведь никаких разрывов.

– Именно, – ответил Маркус таким же деловым тоном. – И вроде даже без сотрясения. – После чего обратился к сеньоре: – Какие-нибудь непривычные ощущения после происшествия вас не преследовали? Звон в ушах, быть может, яркие пятна перед глазами?

– Нет.

– Головокружения, ощущение давления внутри черепа?

– Нет. Меня осматривал врач, – ответила сеньора Линарес, уже немного увереннее. – Он сказал, что...

– С вашего позволения, сеньора, – произнес Люциус, – мы не будем полагаться на чужие отчеты. У нас имеется достаточный опыт общения с нью-йоркскими врачами, равно как и с результатами их трудов... особенно в подобных делах.

Сеньора замолкла, отчего стала походить на школьницу, которая во время урока ляпнула какую-то несурязицу.

– Стало быть, никакого сотрясения... – пробормотал Маркус. – Ай как чисто сработано...

– Угол удара безупречен, – добавил Люциус. – Должно быть, кто-то

неплохо... *если вот только...* Сеньора, вы вроде сказали, что не видели нападавшего?

– Вовсе не видела. Я сразу же провалилась в беспамятство, хотя, мне кажется, не очень надолго. Но к тому времени, когда я очнулась, он уже сбежал. С Аной.

– Вы сказали «он», – заметил Маркус. – Почему?

Сеньора смутилась:

– Я... даже не знаю. Со мной такого раньше никогда не...

– Ничего-ничего, – успокоил ее Маркус. – Все нормально. Я просто спросил. – Однако по тому, как он глянул на мисс Говард, и по возбуждению, что промелькнуло на лицах обоих братьев, я был готов дать руку на отсечение, что все это было ни черта не «просто».

Маркус тем временем вернулся к расспросам.

– Каков ваш рост, мадам?

– М-м... Чуть больше пяти футов и пяти дюймов.

Маркус кивнул, пробормотав:

– Удар прямой, чистый... Не дубинка...

– Точка соприкосновения тоже слишком четкая, слишком жесткая, – согласился Люциус. – По-моему, кусок трубы. Они как раз начали работу над новым крылом музея на Пятой авеню. Начали укладывать трубопровод...

– И там их полно, – добавил Маркус и посмотрел на меня. – Стиви, а ну-ка поди сюда.

Несколько удивленно я подчинился и встал между братьями так, чтобы взглянуть на затылок сеньоры, где красовалась приличных размеров шишка.

– Ну как, знакомо? – спросил меня Маркус с легкой улыбкой.

– Вы что, покопались в моем деле на Малберри-стрит? – спросил я.

– Просто ответь на вопрос, – сказал Маркус все с той же легкой ухмылкой.

Я посмотрел еще раз и кивнул:

– Ну да. Конкретно свистнуто. Хорошим таким обрезочком свинцовой трубы.

– Чудно, – подытожил Маркус, кивком веля мне вернуться обратно на подоконник.

(Ну вот, теперь весь мир знает, откуда взялось мое погоняло. Если кому интересны подробности – не извольте беспокоиться, все будет, разве что малость попозже.)

Айзексоны переместились из-за спины сеньоры и встали впереди, так

что ей пришлось снова закрыть правый глаз. Люциус быстро осмотрел ушибы и сломанный нос, не переставая при этом кивать:

– Это, надо полагать, муж постарался.

– Очень на то похоже, – подтвердил Маркус. – И совершенно непохоже на то, что мы видели на затылке.

– Именно так, – добавил Люциус. – Что, в свою очередь, предполагает...

– Именно... – эхом отозвался Маркус. – Сеньора, вы говорили, что ни вы, ни кто-либо в консульстве не получали требований выкупа, так?

– Так.

Братья снова обменялись друг с другом уверенными взглядами и кивками, в которых уже сквозило охватившее их возбуждение.

– Так, ладно, – сказал Маркус, опускаясь на одно колено.

Сеньора едва заметно вздрогнула, когда он взял ее за руку: со стороны выглядело так, будто он таким образом пытается успокоить ее, однако я заметил, как один из пальцев Маркуса скользнул к внутренней стороне ее запястья.

– Пожалуйста, держите глаза закрытыми, – продолжил он, доставая из кармана часы. – И расскажите нам все, что помните о той женщине, которую вы видели в поезде с вашим ребенком.

Мистер Мур обернулся к мисс Говард, пробормотав ей вполголоса что-то неразборчивое – вид при этом у него был знакомо скептический.

– Нельзя ли потише, Джон? – обратился к нему Люциус. – Всего пару минут, и мы с удовольствием все вам растолкуем. Просто уже довольно поздно, и сеньору, должно быть, заждались дома...

– Насчет этого можете не волноваться, – сказала сеньора Линарес. – Отсюда я поеду к хорошей подруге, которая работает во французском консульстве, – это она посоветовала мне обратиться к мисс Говард. Она сняла номера в отеле «Астория», а мужу моему мы сказали, что останемся на ночь за городом.

– «Астория»? – ухмыльнулся Маркус. – Я б тоже был не прочь так заночевать за городом... – Сеньора позволила себе легкую улыбку – насколько это позволял ей изуродованный рот. – Ну а теперь, – продолжил Маркус. – Расскажите о той женщине...

При этих словах лицо сеньоры Линарес переполнилось тем же ужасом, что витал вокруг нее весь вечер, и, не выдержав, она все же открыла здоровый глаз.

– Меня никогда так ничего не пугало, сеньор, – прошептала она. – Так... меня поразило это зло.

Маркус показал жестом, что ей все же следует закрыть глаз; она подчинилась, после чего детектив-сержант опять устался на часы.

– Не сразу, конечно. Сперва она просто сидела, держа Ану. На ней было платье, какое обычно носят няньки или гувернантки, – во всяком случае, мне так показалось. Ее лицо, когда она смотрела на Ану, было пронизано нежностью – в каком-то смысле, наверное, даже любовью. Но стоило ей взглянуть в окно... – В этот момент свободная рука сеньоры крепко сжала подлокотник кресла. – У нее были глаза хищного зверя. Как у огромной кошки, чарующие и, однако... такие *голодные*. Я думала, что боюсь за Ану, еще не видя этого лица, но лишь в тот момент я ощутила, что такое настоящий страх.

– Вы не можете вспомнить, какого цвета было ее платье? – спросил Люциус. Мне показалось, что этот вопрос значил для него куда больше мелкой детали. Но сеньора ответила, что не помнит. – А шляпки на ней не было? – И вновь сеньора мотнула головой.

– Простите меня, – сказала она. – Только лицо... меня так поразило ее лицо, что, кроме него, я почти ничего не заметила.

Мисс Говард деловито заносила все на бумагу. Я заметил, как мистер Мур покосился на нее и незаметно закатил глаза, всем видом своим показывая, что все эти драматичные детали представляются ему обычными причитаниями истерички, коей довелось пережить чудовищную трагедию, – в последнем даже мистер Мур не смел усомниться. Однако на лицах Айзексонов, обращенных друг к другу, читались иные чувства: понимание, уверенность, предвкушение – все это и много чего еще. И мне было видно: мистеру Муру слегка неуютно от того, что он никак не может разделить подобных чувств.

– И вы уверены, что женщина вас не разглядела? – спросил Люциус.

– Да, детектив. Меня надежно скрывала крыша платформы все время, пока я бежала за поездом, да там и без того было уже темно. Я помню, что кричала и стучала в окно вагона, когда поезд выезжал со станции, но к тому времени состав уже двигался слишком быстро. Она могла *кого-то* заметить, но узнать меня не смогла бы никак.

– Вы не могли бы сейчас примерно вспомнить рост и вес той женщины? – задал следующий вопрос Люциус, вернувшись к осмотру затылка сеньоры.

Линарес ответила не сразу.

– Она сидела, – в итоге медленно произнесла она. – Но я бы не сказала, что она была намного выше меня. Возможно, потяжелее, но и то самую малость.

– Прошу прощения, что это занимает столько времени, – сказал Маркус. – Но еще один момент... у вас нет какого-нибудь портрета вашего ребенка? Вы можете открыть глаза, если это необходимо.

– Ах да... – Сеньора Линарес развернулась в кресле. – Я принесла один мисс Говард, она попросила – у вас же сохранилась та фотография?

– Конечно, сеньора, – ответила мисс Говард, беря со стола фотографический снимок размером где-то три на пять дюймов, заключенный в рамку. – Вот она.

Пока мисс Говард вручала портрет сеньоре, Маркус и бровью не повел, даже не ослабил хватку на ее запястье, так что женщине пришлось брать фотографию левой рукой. Маркус проследил за тем, как она посмотрела на портрет, не переставая сверяться с часами; затем сеньора протянула снимок Люциусу, который в свою очередь поднес его к лицу Маркуса.

– Он был сделан всего несколько недель назад, – уточнила сеньора. – Весьма примечательная работа – Ана здесь так исполнена жизни и энергии, а ведь сейчас чрезвычайно редки фотографы, способные уловить подлинную душу ребенка. Но этот человек преуспел в своем ремесле, вы не находите?

Оба Айзексона, что называется, мельком глянули на портрет, после чего Люциус, не зная, куда лучше его примостить, обратился ко мне:

– Стиви... не мог бы ты?...

Я снова вскочил, чтобы забрать у него фотографию и передать ее мисс Говард, которая уже успела вернуться к своим деловитым записям. Задержавшись буквально на пару секунд, чтобы самому бросить взгляд на портрет, я... ну, в общем, здорово она меня поразила, чего уж там. Мне как-то не то чтобы часто доводилось возиться с малыми детьми, так что они меня особо не трогали. Но эта крохотная девчушка с мягкими темными волосами, чуть ли не круглыми черными глазенками и пухлыми щечками, обрамлявшими улыбку, словно говорившую, что ее обладательница готова к любым забавам, уготованным ей жизнью, – в общем, было в ней что-то, знаете, притягивающее. Может, из-за того, что в ней чувствовалось больше характера, чем в обычном младенце; хотя, возможно, все это представилось мне оттого, что я знал о ее похищении.

Только я успел вернуться на подоконник, как Маркус – его глаза все еще были прикованы к часам – пробормотал:

– Прекрасно, – после чего наконец выпустил руку сеньоры и встал с колена. – Просто прекрасно. Теперь, сеньора, вам следует отдохнуть. Сайрус? – Тот встал из-за инструмента и приблизился к Маркусу. – Мистер

Монтроуз, как мне представляется, будет счастлив убедиться в том, что вы в безопасности доберетесь до «Астории». С ним вам бояться нечего.

Сеньора посмотрела на Сайруса, и на лице ее отразилось кроткое доверие.

– Да. Я это почувствовала. – Тут к ней опять вернулась прежняя растерянность. – Но что же с моей дочерью?

– Не стану обманывать вас, сеньора, – ответил Маркус. – Дело это весьма непростое. Ваш муж запретил вам обращаться в полицию? – Та с несчастным видом кивнула. – Ну же, не стоит... – продолжил Маркус, провожая ее к двери, у которой к ним присоединилась мисс Говард. – Очень возможно, что по прошествии некоторого времени это может сыграть нам на руку.

– Но вы же сами – полисмены? – спросила сеньора попрежнему в замешательстве, когда Сайрус распахнул перед ней решетку лифта. Она вновь надела свою большую черную шляпу, закрепив ее на прическе восьмидюймовой булавкой с камнем.

– И да, и нет, – ответил ей Маркус. – Главное – в том, что вы не должны терять надежды. Следующих суток нам, полагаю, хватит, чтобы сообщить вам, что мы сможем тут сделать.

Сеньора обернулась к мисс Говард, но та лишь добавила:

– Пожалуйста, поверьте мне – едва ли вам удастся найти джентльменов, заслуживающих большего доверия, нежели эти господа.

Сеньора Линарес снова кивнула и шагнула в лифт, опуская на лицо вуаль.

– Что же, тогда... я подожду. – Она еще раз окинула взглядом нашу штаб-квартиру и тихонько добавила: – Точнее будет сказать, нам всем придется подождать...

Мистер Мур взглянул на нее с некоторым удивлением:

– Всем? И чего же нам всем предстоит дожидаться, сеньора?

Та указала вглубь помещения кончиком зонта.

– Здесь ведь *пять* столов, не так ли? И все вы... такое ощущение... впрочем, да. Я считаю, нам всем следует подождать. Появления человека, который сидит за пятым столом. Или когда-то сидел...

Я сильно сомневаюсь, что среди нас нашелся тот, кто не испытал легкого трепета от ее тихих слов.

Даже не пытаясь что-либо возразить, Маркус молча кивнул сеньоре и бросил Сайрусу:

– Прямиком в «Асторию», потом встретимся в «Лафайетте». Мы будем снаружи, на веранде. Есть вопросы, на которые только вы со Стиви можете

ответить.

Сайрус кивнул и нахлобучил на голову котелок, а мисс Говард, прежде чем закрыть дверь комнаты, наградила сеньору последним ободряющим взглядом:

– Постарайтесь не терять надежды, сеньора, – сказала она. Женщина в ответ лишь коротко кивнула, и через мгновение их с Сайрусом не стало.

С уходом их Маркус принялся мерить шагами комнату, Люциус – упаковывать инструментарий, мисс Говард же задумчиво подошла к окнам на улицу и с какой-то странной печалью уставилась вниз на Бродвей. Один лишь мистер Мур проявлял видимое беспокойство.

– Ну-с? – изрек он в конце концов. – Так что же вы обнаружили?

– Много всего, – тихо отозвался Люциус. – Хотя, не сказать, чтобы достаточно.

Последовала еще одна пауза, в финале коей мистер Мур вскинул руки к потолку:

– И не поделитесь ли вы, джентльмены, этим знанием, или это секрет меж вами и сеньорой?

Маркус раздумчиво хмыкнул:

– А она умна, эта леди...

– О да, – согласилась мисс Говард от окна, тоже позволив себе легкую улыбку.

– Умна? – переспросил мистер Мур. – Или просто безумна?

– Нет-нет, – быстро ответил Люциус. – До безумия ей далеко.

Казалось мистер Мур сейчас взорвется:

– Так, ну хорошо. Слушайте, ребята, вы наконец соберетесь поведать мне, что у вас на уме или нет?

– Обязательно, Джон, – ответил Маркус. – Но давайте сперва доберемся до «Лафайетта». Я жутко проголодался.

– Мы жутко проголодались, – поправил брата Люциус, беря ранец с инструментами. – Стиви?

– Я б чего-нибудь покушал. – Вот все, на что меня хватило. Истина ж, однако, заключалась в том, что меня тоже весьма занимало, что думают насчет всего этого детектив-сержанты; но еще меня здорово потрясли последние слова сеньоры Линарес у дверей, и в настоящую секунду я пребывал в настроении далеком от, скажем так, радужного.

У двери мисс Говард сняла с деревянной вешалки короткий жакет.

– Ну что, пойдете? Предлагаю спуститься по лестнице – в здании уже нет никого, кто бы мог поднять сюда лифт.

И мы направились к черному ходу. Мистер Мур пристроился к нам

сзади – он казался по-прежнему расстроенным.

– Что это нашло на всех вас? – пожаловался он. – Ведь это, в конце концов, простой вопрос: мы имеем на руках дело, или же мы дела на руках не имеем?

– О, дело-то у нас есть, – отозвался Маркус и повернулся к мисс Говард. – Ваша мечта сбывается, Сара.

Та улыбнулась в ответ, хотя не без тени прежней меланхолии.

– Кому-то *следует* быть поосторожнее с мечтами...

Мистер Мур упер руки в бока.

– Ох-ах, ну и что *это* все значит? Слушайте, я *не собираюсь* никуда идти, пока *кто-нибудь* не соизволит объяснить мне, что тут, черт возьми, на самом деле творится, ясно? Какого дьявола – если мы имеем дело, отчего у вас такие кислые физиономии?

Люциус крикнул, вскидывая ранец на плечо:

– Если коротко, Джон, дело у нас действительно имеется, это правда – и весьма запутанное притом. Вряд ли мне нужно уточнять, что с учетом фигур, замешанных в нем, оно может оказаться куда как значительным. Очень значительным и очень грязным. Но, между тем, сеньора была права. Без *него*, – и Люциус обернулся к столу, помещавшемуся справа от четырех остальных, – шансы наши ничтожны.

– А учитывая, через что ему довелось пройти, – добавила мисс Говард, пока мы топали к пожарной лестнице за кухней, – мне кажется, вряд ли кто-то из нас сможет точно сказать, что он за него возьмется. Проклятье, да я не уверена даже в том, имеем ли мы вообще такое право – *просить* его. – Она замолчала и обернулась ко мне. – На эти вопросы, как верно заметил Маркус, способны ответить лишь вы с Сайрусом.

Я всей шкурой своей ощутил, как на мне сошлись взгляды, – не скажу, что с таким ощущением мне бывало вообще когда-либо удобно. Но так ли, эдак, а полагалось чего-то сказать.

– Ну, значит... мне кажется, наверное... стоит дождаться Сайруса, вот только...

– *Вот только* – что? – спросил Маркус.

– Вот только, – ответил я, – готов все свои деньги поставить, что все зависит от завтрашнего утра. От того, как он расстанется с Институтом. Хотя, мисс Говард, вы, конечно, правы – я даж не знаю, удобно ли просить...

Она кивнула мне и отвернулась, а через мгновение растворилась во мраке черного хода. Вот так, в тревоге и неуверенности, мы начали свое долгое нисхождение сквозь тьму – к Бродвею.

Глава 6

Пока мы вкушали яства среди железных решеток под сенью зеленых насаждений на открытой веранде кафе «Лафайетт» на углу 9-й и Университи-плейс, Айзексоны рассказали нам, что же, по их мнению, им удалось почерпнуть из беседы с сеньорой Линарес. Теория братьев наглядно проявила их талант делать неожиданные выводы из всего, что скорее напоминало беспорядочное нагромождение фактов, – и, как всегда, мы лишь головами качали в изумлении.

Удар по затылку сеньоры, сказали детектив-сержанты, оставлял нам две версии касательно нападавшего: либо тот прекрасно владел дубинкой, иными словами – был специалистом по приведению людей в бессознательное состояние; либо обладал куда меньшей физической силой, и ему просто повезло, что удар пришелся точно в цель и не привел к серьезным травмам. По первому варианту наблюдался серьезный прокол: если нападение было делом рук профессионала, он должен был иметь примерно такой же рост, что и сеньора, – это следовало из угла атаки и расположения шишки на затылке женщины; кроме того, ему зачем-то пришлось отказаться от привычной дубинки в пользу куда более опасного орудия – обрезка трубы. Что не менее важно, он пренебрег риском быть замеченным в столь людном и посещаемом районе – аккурат у правой стороны музея «Метрополитэн» – и чуть ли не посреди бела дня.

Взвесив все это, детектив-сержанты почли за лучшее пока отступить от версии, по которой ребенок Линаресов мог быть похищен опытным в подобных делах преступником, действовал ли похититель по чьему-либо заказу или же преследовал собственные мотивы. Вряд ли такой человек запросто пошел бы на такой риск – двинуть кого-то по голове куском трубы без всякой прокладки; к тому же подобный похититель наверняка предпочел бы действовать в куда менее оживленном районе, нежели египетский обелиск в Сентрал-парке. Таким образом, у нас оставался любитель, действовавший, возможно, наобум, ничего заранее не планируя, и, что представлялось крайне возможным, этим любителем могла быть женщина. Тот факт, что сеньора в своем рассказе назвала преступника «он», еще ничего не значил: она сама признала, что не видела нападавшего, и, следовательно, могла оговориться, будучи дамой из аристократической дипломатической семьи и не допуская, что женщина способна на подобное деяние. Меж тем удар указывал и на женскую руку – особы, сходной по

фигуре с самой сеньорой, средней физической силы; к тому же описание женщины в поезде, приведенное сеньорой Линарес, соответствовало этим требованиям.

Допустим, но что конкретно дало нам это описание? – желал знать мистер Мур. Что заставило детектив-сержантов поверить рассказу сеньоры? Не показалось ли им, что сей рассказ был чересчур насыщен мелкими деталями для наблюдательницы с одним глазом, которая только что заметила своего пропавшего ребенка и в результате впала в неизбежный шок? Отнюдь, возражал ему Люциус; на самом деле в описании сеньоры отсутствовали те характерные подробности, что обыкновенно свойственны рассказам «патологических лжецов» (что, как я знал уже тогда из работ доктора, обозначало людей, заходивших в фантазиях своих так далеко, что они сами начинали верить своей лжи). Скажем, она в общих чертах описала платье той женщины, но затруднилась с определением цвета; смогла составить приблизительное представление о ее габаритах, но и только-то; даже не смогла вспомнить, была ли на той шляпа. Также на это указывали и другие, менее заметные знаки – то, что сеньора говорила правду, подтверждали, как выразился Люциус, «физиологические реакции».

В те времена у светлых умов мира криминалистики уже, очевидно, проскальзывала гипотеза, что ложь у человека неизбежно сопровождается изменениями в ряде его телесных аспектов. Некоторые из возможных симптомов, утверждали эти деятели, таковы: учащение сердцебиения и дыхания на фоне повышения потливости кожи и мускульного напряжения, а также еще ряд менее видимых примет. На тот момент еще ни один из симптомов не получил медицинского, или, как выразился Люциус, «клинического» обоснования; но Маркус все равно, как я тогда заметил, держал палец на запястье своей собеседницы, пока они обсуждали загадочную женщину из поезда. И все это время не отрывал взгляд от часов. А ведь они беседовали о вещах крайне волнительных, между тем, пульс сеньоры не учащался даже в тот миг, когда взгляд ее упал на портрет дочери. Как и многие из приемов, использовавшихся братьями Айзексонами, это наблюдение вряд ли сыграло бы какую-то роль в суде, однако самим детектив-сержантам оно давало дополнительные основания ей верить.

Этого вполне хватило, чтобы успокоить сомнения мистера Мура относительно сеньоры – однако важнее для нас по-прежнему было, согласится ли доктор Крайцлер участвовать в деле. Меня на этот счет потерзали еще – равно как и Сайруса, когда он вернулся из «Астории», и

могу признаться – мы оба в конце концов начали сопротивляться. Как бы ни завораживало нас это дело, верность мы хранили доктору, а вся эта Линаресиада стремительно превращалась из ночной забавы в нечто куда более значимое и серьезное. Ни я, ни Сайрус не были уверены, что доктор сейчас в надлежащей форме, чтобы заниматься предприятием, требующим столько сил. Это правда, как отметил мистер Мур, – после вердикта суда у нашего друга и нанимателя образуется свободное время; но правда и в том, что человек этот отчаянно нуждался в отдыхе и исцелении. Мисс Говард не преминула почтительно заметить, что доктор всегда находил величайшее отдохновение в своих трудах; но тут ей возразил Сайрус, сказав, что доктор сейчас – чуть ли не на последнем издыхании, такого нам раньше видеть не доводилось, и всякому человеку рано или поздно требуется передышка. Заранее сказать это было никак невозможно, но к концу трапезы мы все пришли к тому же заключению, которое высказал я, покидая № 808: реакция доктора на наше предложение будет зависеть от того, как он воспримет свой уход из Института. Мы с Сайрусом заверили мистера Мура, что кто-либо из нас немедленно телефонирует ему в редакцию «Таймс», едва доктор вернется домой. На том и разошлись, и всех нас преследовало чудное ощущение: какие бы действия мы ни предприняли в грядущие день-другой, волны от них разойдутся далеко от Манхэттена, островка, внезапно показавшегося нам вдруг крайне маленьким.

Добравшись домой, я ухитрился пару часов вздремнуть, хотя едва ли сон этот можно было считать спокойным. В восемь ровно я был уже на ногах – и, покидая топчан, вдруг вспомнил, что сегодня первый официальный день лета. Выглянув наружу, я убедился, что последние тучи унесло, а с северо-запада веет свежим ветерком. Я оделся, произвел из своих длинных волос некое подобие порядка и устремился в узкий каретный сарай доктора по соседству – задать Фредерику, нашему надежному черному мерину, какого-никакого овса да вычистить его скребницей перед дневными трудами. Возвращаясь обратно в дом, я заключил по грохоту горшков и котлов, доносившихся с кухни, что нас почтила визитом нынешняя экономка миссис Лешко, которая даже воды вскипятить не умела без грохота. Я быстро ублажил себя чашечкой ее горчайшего кофе, после чего вывел коляску и покатил.

Двинулся я привычным маршрутом – по Второй авеню к центру до Форсайт-стрит и дальше налево по Восточному Бродвею, – но Фредерика гнать не стал, памятуя о его трудовых заслугах предыдущим вечером. Дорога моя пролегла мимо многочисленных танцзалов, притончиков, игорных берлог и салунов Нижнего Ист-Сайда, один вид коих мог

повергнуть в раздумья относительно того, каким же боком мир докатился до такой ручки, что непременно вообще нужно куда-то ехать. Ну, за причиной ходить далеко не надо было: все этот двенадцатилетний пацан из Крайцлеровского института, Поли Макферсон – проснулся как-то среди ночи пару недель назад, вылез из общей спальни в умывальную и учинил себе из старой газовой трубы да шнура от портьеры форменную виселицу. Раньше пацан этот числился мелким воришкой – таким мелким, что в подобных деяниях было бы стыдно признаться моим старым дружбанам по банде Сумасшедшего Мясника; его прихватили – можете себе такое представить, – когда он хотел пощупать шпика (понятно, в штатском): карман фараону хотел подбрить, дуралей. Ввиду его явной неискушенности, судья предоставил ему возможность провести пару-тройку лет в Крайцлеровском институте после того, как наш доктор паренька освидетельствовал и вынес такой вариант на рассмотрение. Был Поли мелюзгой, это да, но вот дурнем он не был – сразу понял, какова альтернатива, и согласился.

Так что ничего необычного в его истории в принципе не было: имелись у доктора и другие студенты, попавшие в Институт сходным образом. Да и с самого появления Поли на Восточном Бродвее ничто не предвещало беды. Он был немного капризен и замкнут, это правда, но не более того – и уж, конечно, никто не мог себе вообразить, что он удумает вздернуться. Что не помешало сплетням о самоубийстве дойти до муниципалитета и гостиных нью-йоркского общества, точно – простите за прямоту – дерьму по канализации. И многими салонными специалистами сей инцидент представлялся прямым подтверждением некомпетентности доктора Крайцлера и опасности его теорий. Хотя сам доктор раньше детей никогда не терял; а тут неожиданность и необъяснимость мотивов самоубийства просто подорвали его дух, и без того надломленный гибелью Мэри Палмер.

И вот в дыру эту, как в пропасть, ухнуло немало его жизненной энергии, прежде казавшейся неисчерпаемой и позволявшей нашему доктору столько лет удерживать и отражать почитай ежедневные наскоки врагов-коллег, общественных мыслителей, судей и стряпчих, не говоря уже о заурядных скептиках, бесчисленное количество коих прошло перед ним за время его работы в Институте и выступлений в судах с учеными свидетельствами. И ни разу доктор не отступил – отступать он просто не умел. Но толику огня своего и уверенности все же утратил – ту часть пламени души, что до сих пор держала его врагов в поводе. Чтобы осознать перемену, полагаю, нужно было видеть его в действии прежде – как видел

его я, своими глазами пару лет назад. Это, любезные мои, было зрелище...

Мы встретились с ним на Джефферсон-маркет, в здании, прямо слизанном с замка какого-нибудь богемского принца: меня всегда поражало, что красота его слабо вяжется с полицейским судом, размещавшимся в этих стенах. Как я уже говорил, с трех лет я жил вроде как сам по себе, а когда мне стукнуло восемь, так уже даже и не вроде; к тому времени я уже был сыт по горло всеми этими взломами и проникновениями ради поддержания мамыши и всех ее бесчисленных хахалей. Последней каплей стала перемена в старухиных вкусах: она решила пересесть с хмельного на опий и зачастила в одну берлогу в Чайнатауне, которую держал торговец, которого все звали Ты Жир (его настоящее китайское имя было непригодно, а погоняло было довольно уместным и, похоже, никогда его не бесило). Я тогда мамаше сказал, что не желаю, как другие восьмилетки, воровством обеспечивать ей бухло и дрянь, – логично, что подобное заявление было серьезной гарантией хорошей трепки, да еще и по голове. Молотя меня, мамаша орала, что если я думаю заделаться таким неблагодарным сучонком, так теперь сам могу и о себе заботиться; в ответ я напомнил, что уже давно это делаю, по большей части, свалил от нее в последний раз – и сошелся с бандой соседских уличных арапчат. Маменька моя тем временем живо перебралась к Ты Жиру и принялась обеспечивать неиссякаемый поток дряни уже собственным телом, а не моим воровством.

Ну как бы там ни было, мы с моей шайкой неплохо заботились друг о друге: зимние ночи проводили, сбившись в кучку на горячих паровых решетках, летом приглядывали, чтобы кто-нибудь из нас случайно не утонул, пока мы охлаждаемся в речке. Годом к десяти я уже сделал себе неплохое имя как шулер и карманник, а также криминальный мастер на все руки; был я, конечно, мелюзгой, но постоять за себя мог со знанием дела – при помощи обрезка свинцовой трубы. Собственно, так я свое погоняло и заработал – Стиви-Свисток, от «свистнуть по черепу». Другие ребята с собой таскали ножи и стволы, но я быстро сообразил, что фараоны обращаются с тобой помягче, если ты не вооружен до зубов; да и бог свидетель – хлопот с законом мне и без того хватало.

В общем, мои заслуги и репутация в итоге достигли того уровня, когда мной заинтересовался Сумасшедший Мясник, который, как я уже упоминал, командовал детьми, работавшими на банду Монаха Истмэна. Мне всегда нравился Монах с его нелепыми котелками и домом, забитым кошками и птицами (или, как он любил говорить, «кисками-птисками»); и хотя Сумасшедший Мясник, на мой вкус, чересчур заслуживал свою

кличку, я не замедлил воспользоваться шансом продвинуться в криминальном мире. Вместо того чтобы промышлять карманами только себе на потребу, я вскоре начал обчищать целые толпы народу с помощью моих товарищей по шайке, а также налетать на фургоны доставки и красть что только можно из лавок и со складов. Иногда меня, конечно, ловили, но, в общем и целом, сразу отпускали: мы были довольно большой шайкой, и прокурору было чертовски сложно выдвинуть прямое обвинение против кого-нибудь одного. Ну а в довершение мне было-то всего одиннадцать, и, когда требовалось, я с легкостью прикидывался невинным сироткой.

Однако судья, на которого я нарвался в тот день на Джефферсон-маркет, даже на это не купился. Фараоны прихватили меня за то, что я сломал ногу охраннику в штатском в одном из универмагов Б. Олтмана на 19-й улице, когда мы с приятелями обрабатывали карманы покупателей. Обычно я вообще-то лучше обращался со своим оружием – старался оставить только синяк и обходился без переломов, – но этот гад схватил меня за горло так, что я чуть не задохся. Так что на Джефферсон-маркет я загремел быстрее плевка, и пока сидел под высокой башней с красивыми судейскими часами, выслушал целую лекцию о морали.

Старый пустозвон за судейским столом обзывал меня как только мог – от злостного курильщика (я дымил с пяти лет), до пьяницы (что выказывало истинный уровень его осведомленности – я в жизни к зелью не притрагивался); в итоге он договорился до того, что назвал меня «прирожденной разрушительной угрозой обществу», – в тот момент фраза эта показалась мне пустым звуком, но, как выяснилось впоследствии, стала ключом к моему спасению. Видите ли, так уж вышло, что в тот день за дверями суда околачивался некий рьяный специалист-мозговед, питавший особый интерес к детям: он ожидал следующего слушания, где должен был давать показания; и когда судья ляпнул «прирожденный» и уже собрался законопатить меня на два года на остров Рэндаллс, я вдруг услышал откуда-то из-за спины незнакомый голос. Ничего подобного я и вправду раньше не слыхивал – уж тем паче в зале суда. Человек этот говорил с сильным немецко-венгерским акцентом и прям-таки громы и молнии метал, будто проповедник былых времен.

– И *каковы* же, – потребовал голос, – квалификации Вашей Чести, что вы так точно выводите психологические заключения касательно этого мальчика?

В тот момент глаза всех, включая мои собственные, обратились к задним скамьям, где им предстала знакомая многим картина: в атаку шел известнейший алиенист доктор Ласло Крайцлер, один из наиболее

ненавидимых, равно как и уважаемых людей в городе – длинные волосы его и плащ развевались, глаза горели антрацитово-черным пламенем. Я и предполагать не мог, что однажды сам привыкну к такому зрелищу; тогда же я понимал только одно – не человек передо мной, а сам дьявол, и дерзость у него тоже прям-таки дьявольская.

Судья, в свою очередь, сперва устало схватился за голову, словно господь наш милостивый ниспослал в малое владенье его дождь из жаб и пиявок.

– Доктор Крайцлер... – начал он.

Но доктор уже воздел обвиняющий перст:

– Неужто было произведено освидетельствование? Может, кто-либо из моих уважаемых коллег дал вам повод использовать подобные определения? Или же вы, сэр, подобно многим судьям этого города, самостоятельно решили, что вправе судить вопросы, затрагивающие подобные области?

– Доктор Крайцлер, – вновь попытался судья, но куда там.

– Вы вообще хотя бы представляете себе, какими симптомами сопровождается то, что вы охарактеризовали как «прирожденную тягу к разрушениям»? Вы вообще уверены в *существовании* такой патологии? Это есть невыносимая, безграмотная и вызывающая спекуляция...

– *Доктор Крайцлер!* – взревел судья, грохнув кулаком. – *Это мой зал!* И поскольку вы не имеете никакого отношения к текущему разбирательству, я требую...

– Нет, сэр! – выкрикнул в ответ доктор. – Это я требую! Вы меня вынудили стать свидетелем этого разбирательства – меня и других уважаемых психиатров, коим случилось услышать ваши безграмотные речи! Этот мальчик... – И тут, впервые взглянув в мою сторону, он указал на меня, и провалиться мне сквозь землю, если я смогу сейчас передать все, что было в этом его взгляде.

В сверканье глаз его я увидел надежду, а легкая, едва заметная улыбка доктора будто советовала мне мужаться. Впервые в жизни своей я вдруг почувствовал от кого-то старше пятнадцати лет нечто похожее на безразличие к моей судьбе. Вы и представить себе не можете, что значит жить, не зная подобной симпатии, пока судьба не столкнет вас с ней нос к носу; воистину удивительное переживание.

Черты лица доктора посуровели, когда он вновь накинул на судью:

– Вы назвали этого мальчика «прирожденной разрушительной угрозой обществу». Я требую доказательств справедливости этого обвинения! Я требую проведения нового слушания на основании официального

заклучения по крайней мере одного квалифицированного алиениста или психиатра!

– Вы можете требовать все, что угодно, сэръ! – возмутился судья. – Но это *мой* суд и мое заключение остается в силе! А теперь будьте любезны ожидать слушания, на которое вас вызвали, иначе я вас самого отправлю за решетку за оскорбление суда!

Грянул молоток, и я отправился на остров Рэндаллс. Но прежде чем покинуть зал суда, я обернулся, чтобы еще раз глянуть на этого загадочного человека, возникшего, как мне тогда почудилось, из воздуха, чтобы заступиться за меня. Он встретил мой взгляд, и по выражению лица его было ясно, что дело мое далеко от завершения.

Так оно и вышло. Три месяца спустя в сырой кирпичной камере главного корпуса «Приюта для мальчиков» я «повстречался» с надзирателем, о котором уже рассказывал. Дело-то несложное – если хорошенько поискать, кусок свинцовой трубы отыщется где угодно, и вскоре по своем прибытии на остров я его нашел. Держал его в матрасе, предполагая, что однажды товарищи ли мои, надзиратели – но кто-нибудь вынудит меня им воспользоваться; вот бычара этот и пожалел, что так оно вышло. Пока он пытался одновременно завалить меня и стянуть свои портки, я дотянулся до трубы и в две минуты устроил ему три перелома на одной руке, два на другой, раздробленную лодыжку и массу осколков кости в том месте, где у него прежде располагался нос. Я все еще мутузил его под ободряющий визг остальной ребятни, когда меня оттащила пара других вертухаев. Глава заведения затребовал слушания, чтобы решить, переводить меня в приют для умалишенных или нет, а между тем история просочилась в прессу. Доктор Крайцлер услышал об этом деле и заявился в суд, где еще раз потребовал психологического освидетельствования. На сей раз судья был куда более вменяем, так что доктору такую возможность предоставили.

Два дня мы просидели в кабинете на Острове и только и делали, что говорили – причем большую часть первого дня о деталях моего дела не упоминали вовсе. Он расспрашивал меня про мое детство, и, что еще важнее, много всего рассказал про свое; пусть и не скоро, но это здорово меня успокоило – поначалу мне было сильно не по себе рядом с человеком, которому я был благодарен, однако боялся его до жути. В первые часы нашей беседы я узнал множество мрачных фактов из жизни доктора – тех, что, наверное, и посейчас не знает больше никто; нынче-то я понимаю, что он пользовался своим прошлым, чтобы вытянуть из меня мое.

И вот что было странно: пока мы болтали, я стал понимать – ну,

насколько мог понимать такой необразованный и мелкий пацан, – что жизнь такую я вел не просто так, не потому я выбрал кривую дорожку, чтобы потрафить собственной злобе, а, скорее, из необходимости. И это не доктор мне внушил; точнее, он позволил мне самому до такого додуматься, выказывая сочувствие всему, через что я прошел, и даже являя некоторое восхищение тем, как я держался. По сути, его, похоже, не только удивил тот факт, что я пережил то, что пережил, и делал то, что делал, но и в какой-то степени позабавил; и я быстро сообразил, что представляю для него не только научный интерес – мы понравились друг другу.

Вот в чем был подлинный секрет его успеха у детей: он не занимался благотворительностью, не было в нем этой миссионерской показушной щедрости. Неблагополучные дети, богатые ли, бедные, доверяли ему единственно потому, что ощущали: он что-то извлекает для себя, помогая им. Он любил это занятие – действительно любил возиться со своими юными подопечными, отчасти даже эгоистично. Казалось, они смягчали тяготы того жалкого мира, в котором он проводил большую часть времени – мира тюрем, психушек, больниц и судов, давали ему надежду на будущее с одной стороны и развлекали с другой. А когда ты малой, ты ведь все время ищешь такого человека, который протягивает тебе руку помощи не затем, чтобы поладить с Иисусом своим Христом, а просто потому, что ему это нравится. У каждого свой взгляд на мир – вот и все, что я хочу сказать, – и у доктора он был ясным и незамутненным. Потому-то ему и верили.

Насчет же моей вменяемости – на слушании доктор воспользовался всем, о чем мы говорили, чтобы в два счета разделаться с версией о моем безумии, тем более что она прекрасно сочеталась с одной маленькой теорией, которую он разрабатывал годами: он называл ее «контекстом». Она вообще стояла практически за всеми его трудами, и суть ее заключалась вот в чем: никакие действия и мотивы человека нельзя постигнуть в полной мере, пока не будут выяснены и обсуждены все обстоятельства, кои сопутствовали детству его и взрослению. Просто и безобидно, скажете вы; на деле же немалых трудов стоило отстаивать эту теорию в свете того, что она, дескать, идет наперекор традиционному американскому укладу жизни, предполагая оправдание для преступников. Но доктор неустанно повторял, что объяснение не есть оправдание, и он всего лишь пытается понять человеческое поведение, а вовсе не облегчить преступникам жизнь.

К счастью для меня, выдался редкий день, когда его слова нашли благодарного слушателя: комиссия повелась на его анализ моей жизни и

поведения. Правда, когда он дошел до предложения о переводе меня в его Институт, они заартачились: мол такой знаменитый сорванец, как Стиви-Свисток, должен отправиться туда, где его будут держать на коротком поводке. Они спросили у доктора Крайцлера, нет ли у него каких-нибудь других предложений; минутки две он подумал, даже не взглянув на меня ни разу, а затем объявил, что желает взять меня в услужение, в дом и, стало быть, нести всю ответственность за мое дальнейшее поведение. Комиссия от такого предложения малость ошалела, кое-кто даже воспринял слова доктора как шутку. Он сказал им, что вовсе не шутит, и после некоторого обсуждения вопрос был решен.

Впервые мне стало чутка не по себе; не то чтобы у меня возникли поводы не доверять доктору – просто те два дня, которые мы с ним проболтали, заставили меня здорово задуматься, в частности над тем, смогу ли я что-либо изменить в своей жизни? Сомнения грызли меня все время, пока я собирал по камере скудные свои пожитки и шел потом через старый мрачный двор «Приюта для мальчиков», чтобы сесть к доктору в его экипаж (в тот день он разъезжал в бордовом ландо). Мое смятение никак не ослабло при виде огромных размеров черного мужика, восседавшего на месте кучера; но у него было доброе лицо, и, соступив с подножки, доктор улыбнулся мне и показал на гиганта.

– Стиви, – сказал он мне. – Это Сайрус Монтроуз. Возможно, тебе будет любопытно узнать, что он тоже в свое время находился на полпути в исправительное учреждение, навстречу судьбе гораздо суровее твоей, когда наши пути пересеклись и он стал работать у меня. (Позже я узнал, что в молодости Сайрус убил продажного фараона-ирландца, который чуть ли не до смерти избивал одну цветную шлюху в борделе, где Сайрус работал тапером. Родителей его растерзала толпа ирландцев во время призывных бунтов 63-го года, и на суде доктор убедительно доказал, что это являлось «контекстом» его жизни, и Сайрус просто не мог поступить иначе в той ситуации в борделе – психика не позволяла.)

Я кивнул гиганту, который в знак приветствия коснулся своего котелка и ответил мне теплым взглядом.

– Стал-быть, – сказал я неуверенно, – я... буду работать на вас, так вы решили?

– О да, будешь, – ответил доктор. – Но еще ты будешь учиться. Будешь читать, выучишься математике, постигнешь историю. Помимо всего прочего.

– Да ну? – отозвался я, сглатывая; в конце концов, я в жизни и дня за партой не провел.

– А как же, – ответил доктор, доставая серебряный портсигар, извлекая сигарету и прикуривая. Он заметил, как жадно я слежу за его движениями. – О, а вот с *этим*, боюсь, придется покончить. Никакого курения, молодой человек. И вот это, – добавил он, делая шаг навстречу и внимательно изучая мое барахло, – больше тебе не понадобится. – Он вытащил мой обрезок трубы из прочих тряпок и отбросил подальше, в чахлую траву.

Выходило, что мне не оставалось ничего, кроме учебы, и этот факт никак не мог смягчить моего раздражения.

– Ладно... так что там насчет работы? – выдавил я в итоге. – Что я буду делать?

– Ты упоминал, – сказал доктор, забираясь обратно в ландо, – что в бытность твою у Сумасшедшего Мясника, когда вам приходилось угонять фургоны, ты обычно ими правил. На то, полагаю, была какая-то особая причина?

Я пожал плечами:

– Лошадей люблю. Да и с экипажами управляюсь вполне себе.

– Ну, тогда поздоровайся с Фредериком и Гвендолин, – ответил доктор, указывая зажженной сигаретой на мерина и кобылу, впряженных в ландо. – И бери вожжи.

Настроение мое сразу подпрыгнуло. Я обошел вокруг ландо, погладил морду холеного черного мерина, провел ладонью по коричневой шее кобылы и ухмыльнулся:

– Серьезно, что ль?

– Идея поработать на меня явно понравилась тебе больше идеи поучиться, – сказал доктор. – Ну так давай посмотрим, как ты справишься с работой. Сайрус, можешь слезть оттуда и помочь мне с моим планом визитов на сегодня. Я тут слегка запутался. Если судить по моим записям, мне следовало быть в суде на Эссекс-стрит еще два часа назад. – И когда чернокожий гигант слез с козел, доктор еще раз глянул на меня. – Ну? У тебя есть работа, не так ли?

Я вновь ухмыльнулся, коротко кивнул, запрыгнул на освободившееся место и хлестнул поводьями лошадиные крупы.

И ни разу, как говорится, не оглянулся назад.

Да, то были славные деньки, пока мы не знали, кто такой Джон Бичем, и Мэри Палмер еще была жива. Славные деньки, в чьем возвращении, как мне стало ясно, у нас появился серьезный повод усомниться. Те люди, что противостояли доктору и его теории контекста (и, как мне кажется, делали это из страха перед его исследованиями жестокого и преступного

поведения, заставлявшими доктора совать нос в то, как американцы растят своих детей), возражали его доводам, утверждая, что Соединенные Штаты построены на идее свободы выбора – и ответственности за этот выбор – вне зависимости от обстоятельств прошлого тех, кто этот выбор делает. На уровне законности доктор им не возражал: он просто искал более глубоких научных ответов. И равновесие в этой битве противоречивого алиениста с теми, кого он так нервировал, держалось много лет. Когда же повесился маленький Поли Макферсон, враги доктора получили возможность выйти из этого пата – и ухватились за нее.

Однако судья, председательствовавший на первом слушании дела, был человеком справедливым и доктора сразу не прихлопнул. Вместо этого назначил 60-дневное расследование, о котором я уже упоминал, переведя детей, содержащихся в Институте, на это время под опеку суда и назначив временным управляющим преподобного Чарльза Бэнкрофта, отставного управляющего сиротским приютом. Самому же доктору запретили показываться в Институте: для человека его темперамента шестьдесят дней – да еще при полном отсутствии уверенности в исходе расследования – могли показаться истинной вечностью. Да и не только его одного касался уход из Института. Сами детишки играли важную роль – ведь не выдержи кто-нибудь из них (а там некоторые ребята были на взводе), доктор наверняка взял бы всю ответственность на себя. Он всегда учил своих подопечных черпать уверенность в том, что как минимум один человек в них верит, и смело полагаться на эту уверенность в будущем. Но смогут ли они воспользоваться ею теперь, когда ставки так высоки, а исход – настолько туманен?..

Едва я свернул на Форсайт-стрит, тишину разорвал грохот выстрела из переулка; Фредерик в ужасе вскинулся, а я вернулся на грешную землю и завертел головой в поисках источника неприятностей. Выстрел донесся со стороны старого доходного дома – сущей преисподней, которую живой человек мог бы назвать «домом». Я спрыгнул с козел, чтобы успокоить Фредерика, похлопал его по могучей шее и скормил пару кусков сахара, которые всегда таскал в кармане, когда был за извозчика. Все это время я не спускал глаз с переулка и вскоре разглядел причину переполоха: безумного вида мужчина, маленький и жилистый, с большими вислыми усами и в фетровой шляпе с широкими обвислыми полями. Он вышел с древней двустволкой в руках, наглее некуда, словно ему было решительно наплевать, кто за ним наблюдает. За его спиной раздался крик, но он даже не обернулся, заявив во всеуслышанье:

– Вот я и *позабочусь* о твоём, блядь, маленьком хахале! – После чего

трусцой добежал до угла Эддридж-стрит, за коим и исчез. Фараонов рядом, понятно, не случилось; они вообще редко показывались в этой части города, а если кто-то и был неподалеку, грохот дробовика, скорее всего, заставил его развернуться и резво почапать в другую сторону.

Я вернулся на козлы, и мы со всей прыти помчались к Институту. Добравшись до номеров 185-187 по Восточному Бродвею – двух зданий красного кирпича с черным кантом по низу, которые доктор купил и переоборудовал под свои нужды бог знает сколько лет назад, – я заметил молодого патрульного, караулившего парадный вход. Соскочив на землю, я вновь потрепал по шее Фредерика, скормил ему еще кусок сахара и направился к фараону, который был, похоже, настолько зеленым, что даже не знал меня.

– Полагаю, вам не будет интересно знать, что какая-то морда с дробовиком шляется по Эддридж, – сказал я.

– Да что ты говоришь, – ответил фараон, смерив меня взглядом. – А тебе что за дело?

– Да никакого, – пожал плечами я. – Просто показалось, что оно скорее ваше.

– Мое дело – здесь, – объявил фараон, поправив свой легкий летний шлем и надувшись так, что с его синей груди чуть было не брызнули пуговицы. – *Судебные дела.*

– М-да, – произнес я. – Ну, может, вы тогда скажете доктору Крайцлеру, что его возница прибыл. Это ведь первая задача суда – убедиться, что он держится подальше от здания.

Фараон зыркнул на меня, поворачиваясь к ступеням.

– Знаешь, – сказал он, подходя к двери, – такое вот поведеньице тебе когда-нибудь боком выйдет, сынок.

Я дождался, пока он скроется внутри, а потом покачал головой и сплюнул в канаву.

– Такними штаны и побегай, – буркнул я. – *Сынок.* (Наверное, мне стоит здесь отметить, что все годы с доктором Крайцлером не изжили во мне одного, наряду с тягой к куреву, – отношения к фараонам.)

Через пару минут патрульный вернулся в сопровождении доктора Крайцлера, группки его студентов и набожного с виду мешка с костями, в котором я заподозрил преподобного Бэнкрофта. Ребята – самые юные из подопечных доктора – были довольно типичной подборкой тех, кого он привечал в Институте: маленькая девочка из богатой семьи, которая всю жизнь отказывалась разговаривать с кем-либо, кроме собственной няни, – до того, как повстречалась с доктором Крайцлером, разумеется; потом еще

пацан, чьи предки-бакалейщики из Гринвич-Виллидж колотили его почем зря лишь потому, что зачат он был случайно, и они его терпеть не могли; еще одна девчушка – ее обнаружил один из приятелей доктора во взрослом публичном доме, хотя ей было от силы лет десять (доктор, к слову, никогда особо не расспрашивал, что же забыл в публичном доме означенный приятель); ну и мальчик из особняка в Род-Айленде – этот все свои восемь лет жизни в нескончаемых припадках ярости крушил все, к чему ни притрагивался.

Все они были облачены в институтскую серо-голубую форму, придуманную самим доктором, дабы богатые детки не могли помыкать бедными. Первая малышка – та, что никогда не разговаривала, – буквально висела у доктора на ноге, не давая ему идти, пока он на ходу делился последними инструкциями и советами с преподобным. Другая девочка просто сцепила за спиной руки и хлопала глазами так, будто вообще не понимала, что за дьявольщина тут творится. Мальчики, напротив, веселились – скакали вокруг доктора, из-под его прикрытия награждая друг друга шутивными тычками. Типичная вроде бы картина для этого места: однако, присмотревшись, вы без труда заметили бы признаки чего-то не вполне естественного.

В первую очередь, это было видно по самому доктору. Его черный полотняный костюм был измят и местами – до складок, ясно давая понять, что его владелец проработал в нем всю ночь. Впрочем, даже если бы вам ничего не сообщила одежда, это сделало бы его лицо: взгляд у доктора был предельно уставший и опустошенный, без всякого намека на то довольство, что осеняло его черты лишь в Институте. Обращаясь к преподобному, он немного подавался вперед – так неуверенно и несвойственно себе, что даже мистер Бэнкрофт, похоже, это почувствовал: обнял доктора за плечо и сказал, что ему бы лучше просто расслабиться и попытаться выпавшие недели использовать во благо, а здесь все утрясется к лучшему. Доктор при этих словах замолчал и лишь смиренно качнул головой, потер глаза и вдруг вспомнил о детях, прыгавших вокруг.

Он улыбнулся и даже попытался воспрянуть духом, когда сначала отдирает девочку от ноги, а затем утихомиривал расшалившихся пацанов, разговаривая с ними, как он это обычно делал со всеми нами, – ласково, но прямо, словно и не существовало меж ними разницы в возрасте. Затем он поднял глаза и увидел меня на тротуаре; я заметил, что ему потребно усилие, чтобы дойти до коляски, – однако вторая девочка сделала все, чтобы эту задачу ему усложнить. Из-за спины она извлекла букет роз из местной цветочной лавки, обернутый в простую бумагу: розовые и белые

лепестки, казалось, распространяли вокруг себя само лето во всей его славе. Доктор улыбнулся и присел перед ней, чтобы принять букет, хотя, когда она обвила руки вокруг его шеи – падший ангелочек, коему доктор подарил второе детство, – улыбку его с лица словно стерло, и он, я видел, сдерживается из последних сил. Доктор быстро поднялся, еще раз наказал мальчикам вести себя пристойно, пожал руку преподобному Бэнкрофту и чуть ли не бегом скатился по ступенькам. Я заранее оставил дверцу коляски открытой, так что он просто рухнул в салон.

– Отвези меня домой, Стиви, – вот и все, что он смог произнести. Я быстрее плевка метнулся наверх с бичом в руке. Мы уже разворачивались, уже катили обратно, а дети все еще стояли на крыльце и махали нам вслед; доктор не ответил им, лишь вжался в бордовую кожу сидений.

Он оставался безмолвным все время, пока мы ехали к северу, даже когда я заикнулся о той встрече с вооруженным безумцем. Пару раз я оборачивался к нему, чтобы убедиться, что он не уснул. Он не спал; но хоть утро с каждой минутой и становилось только прекраснее, и легкий ветерок наполнял улицы свежестью, ароматом листвы, превосходившим сейчас даже извечную вонь мусорных куч, конского навоза и мочи, доктор ничего этого, казалось, не замечал. Правую руку свою он сжал в кулак и легонько постукивал им себе по губам, напряженно уставясь в пустоту, левая же с такой силой вцепилась в розовый букет, что доктор поранился о шипы. Я услышал, как он зашипел от боли, но я ничего не сказал – я просто не знал, что тут *можно* сказать. Он был словно стреляная пуля, это было ясно, и лучшее, что я мог тут поделаться, – отвезти его домой побыстрее. С этим намерением я подхлестнул Фредерика, наказав ему пошевеливаться, и вскоре мы уже огибали Стайвесант-парк.

Оказавшись внутри дома на 17-й улице, доктор обратился к нам с Сайрусом. Лицо его было пепельным от измождения.

– Мне нужно попытаться немного отдохнуть, – пробормотал он, начиная подниматься по лестнице. На кухне грянуло какое-то ведро, и он замер, едва заметно вздрогнув, – грохот вышел, пожалуй, даже для миссис Лешко слишком оглушительным. За ним не замедлил последовать поток, как мне показалось, русских проклятий.

Доктор вздохнул:

– Если возможно как-то объясняться с этой женщиной, не будете ли вы любезны попросить ее хотя бы пару часов соблюдать в доме тишину? Если она не в силах, дайте ей на сегодня выходной.

– Да, сэр, доктор, – ответил Сайрус. – Если вам что-нибудь необходимо...

Тот лишь поднял руку и признательно кивнул, после чего растворился на верхней площадке лестницы. Мы с Сайрусом переглянулись.

– Ну? – прошептал мне Сайрус.

– Плохо дело, – ответил я. – Но у меня есть мысль... – Тут из кухни снова громыхнуло и донеслась очередная серия проклятий. – Ты займешься миссис Лешко, – сказал я, – а мне надо позвонить мистеру Муру.

Сайрус кивнул, и я рванул через кухню, обогнув по пути ворчащую и моющую пол массу плоти в синем платье, именуемую миссис Лешко. Вдоль стены, выложенной белым кафелем, с которой свисали всевозможные горшки да кастрюли, напрямик в буфетную – там висел телефон.

Закрыв за собой дверь, я схватил маленькую слуховую трубку, дернул стебель рупора до своего роста и призвал телефонистку, которую попросил соединить меня с «Нью-Йорк Таймс». Через пару секунд на другом конце провода возник мистер Мур.

– Стиви? Мы тут кое-что раскопали. Интересное.

– Да? Что-то насчет младенца?

– Только подтверждение того, что малышка на самом деле пропала – никто из прислуги консульства ее уже много дней не видел. Я не хотел расспрашивать никого рангом выше после того, через что довелось пройти сеньоре. Но лучше сам рассказывай – что там у тебя?

– Ну, в общем, он совсем расклеившись, – ответил я. – Но сейчас пошел наверх отдыхать. И я думаю...

Мистер Мур помолчал, ожидая, что я продолжу. Я отчетливо слышал треск печатных машинок в редакции.

– И ты думаешь?..

– Да, не знаю... это дело... Если вы ему все правильно преподнесете, он и правда может... Я имею в виду связь с этими испанскими делами... и насчет сеньоры, если нам удастся их свести... и чтобы портрет этой мелкой...

– О чем ты, Стиви?

– Да ни о чем... Он правильно настроен, тут все в порядке. И если дело ведет в ту сторону, куда может...

– А-а... – облегченно выдохнул мистер Мур. – *Понял...* Похоже, твое образование начинает приносить плоды, мой мальчик.

– Чё, правда?

– Если я понял тебя правильно, ты говоришь о том, что это дело может вытащить за собой на свет божий довольно неприглядные подробности касательно тех же общественных кругов, что суют доктору палки в колеса.

И тот факт, что здесь замешано невинное дитя, все это лишь усугубит. Верно?

– Ну типа да. Что-то вроде.

Мистер Мур присвистнул:

– Вот что я тебе скажу, Стиви. Я знаю Ласло еще с тех пор, когда мы с ним были моложе тебя сейчас. И мне все равно, насколько ему надоело и он вымотан, но если уж это его не расшевелит, значит, Ласло умер и мы уже сейчас можем готовить похороны.

– Ага. Только нам нужно правильно ему подсунуть идею.

– На этот счет можешь не беспокоиться. Я уже обо всем позаботился. Скажи доктору, что мы все явимся к нему на коктейль. – Тут я услышал, как на том конце линии кто-то позвал мистера Мура. – Да? – ответил он в сторону. – Что? *Бенсонхёрст*? Нет-нет-нет, Гарри, я занимаюсь *Нью-Йорком*! Да какая мне разница, что там сказал босс Платт, Бенсонхёрст – это *не* Нью-Йорк! Но это и не было моим сюжетом с самого начала!

Ну, хорошо, хорошо... – Голос его снова стал яснее. – Стиви, мне пора – тут какой-то сумасшедший врач вчера свою семью пытался перестрелять в Бенсонхёрсте. Властям явно не нравится, как мы преподнесли эту историю. В общем, не забудь – мы собираемся на коктейль.

– Но вы же не рассказали мне, что вы там раскопали...

– Потом, – ответил он.

Щелчок, и тишина. Похоже, у меня не оставалось другого выбора, кроме как дожидаться вечера и выяснить, о чем же таком любопытном толковал мистер Мур.

Глава 7

Доктору Крайцлеру удалось проспать до середины дня, после чего он вызвал Сайруса в свой кабинет. Я тоже сунул голову в дверь, дабы сообщить доктору, что мистер Мур, мисс Говард и Айзексоны намереваются прийти на коктейль, перспектива чего вроде немного его утешила. Далее они с Сайрусом принялись перебирать всю почту за последние дни, которая миновала внимание доктора. Пока они были всецело сосредоточены на этом занятии, я попытался пару часиков поучиться, однако довольно вымученно. В итоге, придумав себе отговорку, что многие дети и так летом не учатся, я спустился в каретный сарай, чтобы тайком курнуть там, а заодно подсыпать Фредерику еще овса и лишний раз пройтись скребком по его шкуре. Затем настала очередь Гвендолин, ожидавшей с обыкновенным своим терпением. Она была доброй кобылой, такой же сильной, как и Фредерик, но без присущего ему пыла – и ее присутствие подействовало на меня несколько умиротворяюще.

Гости объявились около половины седьмого. Солнце все еще ярко сияло меж двумя квадратными коренастыми башнями церкви Святого Георгия, что на западной стороне Стайвесант-парка: сегодня был самый длинный день в году, и все прогнозы сходились на том, что такая дивная погодка должна продержаться почти всю неделю. Мистер Мур с компанией поднялись в гостиную, где доктор все еще был погружен в чтение какого-то письма, одновременно слушая игру и пение Сайруса: тот исполнял печальную оперную арию о том, наверно, как люди влюбляются, после чего умирают (насколько я разузнал о сем музыкальном жанре – извечная оперная тема). За нижеследующей сценой я наблюдал с верхнего пролета лестницы, укрывшись в уголке потемнее.

Доктор встал и тепло пожал каждому руку, а мистер Мур хлопнул его по спине.

– Ласло... отвратительно выглядите, – объявил он, немедленно доставая серебряный портсигар, где у него хранились сигареты, набитые дивной смесью виргинского и русского черных табаков.

– Хорошо, что вы это заметили, Мур, – со вздохом ответил доктор, указывая мисс Говард на мягкое кресло, стоявшее напротив. – Сара, прошу вас.

– Джон, как всегда, – само воплощение такта, – произнесла та, присаживаясь. – С учетом всех обстоятельств, доктор, мне кажется,

выглядите вы просто изумительно.

– М-да... – буркнул доктор неуверенно. – С учетом всех обстоятельств... – Мисс Говард вновь улыбнулась, сообразив, насколько двусмысленным вышел ее комплимент, но доктор вернул ей улыбку, разряжая обстановку и показывая, что по достоинству оценил ее слова. – И детектив-сержанты здесь, – продолжил он. – Это, без сомнения, приятный сюрприз. Сегодня я получил письмо от Рузвельта – как раз читал его, когда вы появились.

– Правда? – спросил Люциус, вместе с братом подвигаясь ближе к креслу доктора. – Что же он пишет?

– Спорю, он теперь не так измывается над моряками, как проделывал это с нашими патрульными, – добавил Маркус.

– Неприятно вас прерывать, – вмешался мистер Мур из другого угла гостиной, – но *все же* мы здесь ради коктейлей. Ничего, Крайцлер, если мы сами себе их смешаем? – И он указал на тележку из красного дерева со стеклянными полочками, нагруженную бутылками. – Не верится мне, что эта валькирия внизу возьмет сей труд на себя. Она, к слову, беженка, что ли?

– Миссис Лешко? – Доктор кивком указал на тележку со спиртным, и мистер Мур бросился к ней, словно умирающий от жажды в пустыне. – Да нет, боюсь, она – наша нынешняя экономка. И к моему глубочайшему сожалению, наша кухарка. Я просил Сайруса попробовать подыскать ей другое место... Мне бы не хотелось ее увольнять, прежде чем она не найдет себе работу.

– То есть, я вас правильно понял – вы питаетесь ее стряпней? – изумился мистер Мур, выставляя в ряд шесть стаканов и наполняя каждый поочередно джином, небольшим количеством вермута и завершая композицию капелькой горькой настойки: он называл эту штуку *мартини*, хотя я слышал, как некоторые бармены звали ее *мартинес*⁸. – Ласло, вы же знаете, какова русская кухня, – продолжил он, обнося всех напитками. – Я имею в виду, они же едят лишь потому, что им *приходится*.

– Я прискорбно осведомлен об этом, Мур, уж вы мне поверьте.

– Так что с письмом, доктор? – спросила мисс Говард, потягивая коктейль. – О чем нам хотел поведать наш глубокоуважаемый заместитель министра?

– Боюсь, ни о чем хорошем, – ответил доктор. – Последний раз, когда я получал весточку от Рузвельта, он сообщал, что проводит довольно много времени с Кэботом Лоджем в доме Генри Адамса⁹. Сам Генри сейчас

в Европе, однако там его нелепый брат – похоже, держит двор в его столовой.

– Брукс? – поинтересовалась мисс Говард. – Вы находите это скверным, доктор?

– Вы же не считаете, что к нему в самом деле кто-то *прислушивается*, – вставил Маркус.

– В этом я не вполне уверен, – ответил доктор. – Я отписал Рузвельту, что считаю Брукса Адамса субъектом, склонным к бреду, возможно даже – патологически склонным. В нынешнем письме он утверждает, что скорее согласен в целом с моей оценкой, но все еще видит некоторый прок во многих идеях этого человека.

– Это пугает, – выпучил глаза Люциус. – Все эти бредни насчет «боевого духа» и «крови воинов»...

– Форменный нонсенс, вот что это такое, – провозгласил доктор. – Когда люди, подобные Бруксу Адамсу, зовут к войне, дабы воодушевить соотечественников, они тем самым лишь демонстрируют собственную дегенеративность. Хотел бы я взглянуть на этого крикуна поблизости от поля боя...

– Ласло, – сказал мистер Мур, – успокойтесь. Брукс сейчас в моде, вот и все. Никто не принимает его всерьез.

– Так нет же, такие люди, как Рузвельт и Лодж, воспринимают его *идеи* всерьез. – Доктор встал и, немного пройдясь, остановился у крупной пальмы в горшке рядом с распахнутым двустворчатый окном, не переставая покачивать головой. – Они там в своем Вашингтоне сейчас, будто школьники, строят планы войны с Испанией – и я вам вот что скажу: война эта изменит страну. Глубоко изменит. И далеко не к лучшему.

Мистер Мур улыбнулся, допивая:

– Вы говорите, как профессор Джеймс. Он утверждает то же самое. Вы, кстати, так с ним и не виделись?

– Не говорите ерунды, – отозвался доктор, слегка смутившись при упоминании своего старого учителя, с которым, по правде сказать, он действительно не разговаривал уже много лет.

– Что ж, – сказал Люциус, пытаясь выглядеть беспристрастным. – У испанцев, допустим, *есть* веский повод на нас обижаться – мы же как только их не обзывали, от свиней до мясников, из-за их обращения с кубинскими повстанцами.

Мисс Говард выказала озадаченную улыбку:

– Как, интересно, одна персона может являться и свиньей, и мясником?

– Уж не знаю как, но им удалось, – ответил мистер Мур. – Они вели

себя как кровожадные дикари, пытаюсь задавить бунт, – все эти их концентрационные лагеря, массовые казни...

– Да, но и повстанцы платили им той же монетой, Джон, – вмешался Маркус. – Зверские убийства пленных солдат – и гражданского населения, если то не соглашалось «бороться за правое дело».

– Маркус прав, Мур, – нетерпеливо бросил доктор. – Это восстание не имело никакого отношения ни к свободе, ни к демократии. Оно – ради власти. У одной стороны она есть, другой ее хочется. Вот и все.

– Верно, – пожав плечами, согласился мистер Мур.

– А мы, выходит, желаем учредить своего рода Американскую Империю, – добавил Люциус.

– Да. И да поможет нам бог. – Доктор вернулся к своему креслу, взял со стола письмо мистера Рузвельта и еще раз его проглядел. Сел, сгибая его пополам, и отложил, брезгливо фыркнув. – Но... довольно об этом, – сказал он, проведя рукой по лицу. – Хорошо... полагаю, вы все же расскажете мне, что вас сюда привело?

– Что *привело* нас? – Произнося это, мистер Мур выглядел воплощением оскорбленной невинности – такой спектакль сделал бы честь любой звезде варьете с Бауэри. – А что *должно* было нас сюда привести? Беспокойство. Моральная поддержка. Что ж еще?

– И *только*? – подозрительно спросил доктор.

– Нет. Не только. – Мистер Мур обернулся к роялю. – Сайрус, как ты считаешь, нельзя ли нам насладиться чем-то менее погребальным? Я уверен, все мы здесь глубоко сочувствуем Отелло, задушившему по ошибке свою милую супругу, однако на фоне удивительных красот, являемых Природой за окном, мне кажется, стоит позабыть о таких настроениях. Ты, случаем, не знаешь чего-нибудь менее... ну, что ли... менее нудного, а? В конце концов, друзья и коллеги, лето на дворе!

Сайрус ответил тем, что плавно перешел на «Белое» – песенку, популярную годами в сороковых, – в точности угодив мистеру Муру. Тот мгновенно заулыбался доктору, посмотревшему на него с некоторым беспокойством.

– Бывают моменты, – сказал он, – когда я действительно сомневаюсь в вашей вменяемости, Мур.

– Ох, ну ладно вам, Крайцлер! – отозвался тот. – Говорю же вам, все будет хорошо. В подтверждение чего мы принесли вам живое свидетельство того, что вещи вновь обращаются к своему привычному ходу. – И мистер Мур слегка кивнул, показывая на Маркуса и Люциуса.

– Детектив-сержанты? – тихо спросил доктор, глядя на них. – Но *вы-*

то ко всему этому какое имеете отношение?

Маркус укоризненно глянул на мистера Мура и произнес, вручая ему пустой стакан:

– Это было поистине изящно, Джон. Лучше б тебе заняться напитками.

– С превеликим удовольствием! – вскричал мистер Мур и, приплясывая, удалился к батарее бутылок на тележке.

Доктор перестал ожидать здравого смысла от представителя прессы и снова обернулся к Айзексонам:

– Джентльмены? Неужто у мистера Мура и вправду так сдали нервы, коль он привел вас сюда, руководствуясь неким воображаемым поводом?

– О, это был вовсе не Джон, – живо ответил Маркус.

– Можете благодарить капитана О’Брайена, – добавил Люциус. – Если, конечно, «благодарность» в данном случае – уместное слово.

– Главу Сыскного бюро? – удивился доктор Крайцлер. – И за что же мне следует его благодарить?

– За то, что следующие шестьдесят дней, боюсь, вам предстоит частенько видеться с нами обоими, – ответил Маркус. – Вы в курсе, доктор, что суд постановил начать полицейское расследование событий, имевших место в вашей клинике?

То, что последовало дальше, щелкнуло у меня в голове сразу, как, я уверен, и в голове доктора; тем не менее он произнес всего лишь:

– Да?

– Что ж, – продолжил за своего брата Люциус. – Вот мы и здесь.

– Что? – В голосе доктора одновременно прозвучали смятение и облегчение. – Вы двое? Но разве О’Брайен не знает...

– Что мы – ваши друзья? – спросил Маркус. – Разумеется, знает. И сие обстоятельство особенно его забавляет. Видите ли... хм-м... С чего бы начать, даже не знаю.

Поскольку дальнейшее объяснение детектив-сержантами того, что произошло в тот день в Полицейском управлении, как обычно, пересыпалось дразгами насчет того, кто за что отвечает, я с таким же успехом могу здесь изложить самую суть.

Все началось с того обрубка, который Сайрус и я видели на берегу у «Кьюнардовского» пирса прошлой ночью. (Ну, то есть, на самом деле все это началось, когда Айзексоны впервые оказались в полиции – учитывая их прогрессивные методы и особенности поведения в сочетании с национальностью, немудрено, что их чуть ли не сразу все невзлюбили. Но в том, что касается нынешнего дела, поводом послужило действительно тело.) Всем присутствовавшим там, от простого патрульного до капитана

Хогана, а впоследствии – и капитана О’Брайена из Сыскного бюро, было понятно, что дело пахнет сенсацией. Какое же лето в Нью-Йорке обходится без громкого и загадочного убийства, а это убийство имело все шансы оказаться таковым, начиная с вероятности того, что недостающие фрагменты тела скоро начнут всплывать в разных концах города (что они и сделали). Обрубок уже попал на страницы газет и, несомненно, еще какое-то время не должен был с них пропадать, причем значительная доля внимания доставалась людям, ведущим следствие. Но разыграть все следовало безупречно: фараоны представили все так, словно убийство было куда круче вареных яиц, с тем, чтобы увенчать себя заслуженными лаврами, когда придет время.

Айзексонов отправили на место преступления посреди ночи, когда сам капитан О’Брайен почивал и никому еще в голову не приходило, что ждет их на пирсе; иначе бы наших братьев и на пушечный выстрел не подпустили к набережной. О’Брайен удавился бы, но ни за что не отдал Дело Лета паре детективов, не упускавших возможности лишний раз упрекнуть его в том, что его методы устарели до смешного. Однако Айзексоны сами подвели черту под своей возможной работой над этим делом, написав свой первоначальный отчет в том же духе, в каком мы ночью у реки слышали Люциуса: все указывало на преступление страсти, совершенное кем-то близко знавшим жертву и ее особые приметы, коль он так тщательно потрудился ее от них избавить, – тем, кто, иными словами, хотел сокрыть личность убитого, тем самым отведя подозрения от себя. Но для шишек из Сыскного бюро такого объяснения было недостаточно. Им больше была по душе идея сбрендившего анатома или студента-медика, торгующего частями тел, – что-нибудь запредельно жуткое, способное нагнать ужаса на почтенную публику, обожавшую подобные истории. Потому-то они той ночью и начали плести газетчикам всякое. И хотя все улики говорили о прямо противоположном, Сыскное бюро это, как всегда, не сильно тревожило. Ведь настоящему следствию никогда не сравниться с вымышленным, которое можно использовать к своей выгоде.

В общем, прикатилось утро понедельника, капитан О’Брайен увидел отчет Айзексонов и решил самолично выдоить все стоящее из «загадки безголового трупа» – а для этого ему было необходимо задвинуть братьев как можно дальше. Так вышло, что на тот момент как раз требовалось назначить двух детективов для расследования обстоятельств самоубийства маленького Поли Макферсона в Крайцлеровском детском институте; и он с немалым ирландским злорадством объявил Айзексонам, что те не только отстраняются от «безголового» дела, но и переводятся на дело Макферсона.

Он знал, что братья водят дружбу с Крайцлером, но, как и большинство фараонов, О'Брайен терпеть не мог доктора, и его только забавляла возможность еще более усложнить и без того тяжелое положение. Если дела у него пойдут плохо и Айзексонам придется упечь товарища за решетку, – что ж, выйдет совсем потешно; а если и не выйдет, О'Брайен в любом случае выигрывает, убирая братьев от более важного «безголового» дела.

– Так что, – закончил Маркус, – вот мы и здесь. Мне очень жаль, доктор. Мы приложим все усилия, чтобы наша работа ни в коей мере вас не... гм... не стеснила.

– В самом деле, – нервно вставил Люциус.

Доктор мигом их успокоил:

– Пусть вам не кажется это странным, джентльмены. Вряд ли вы что-то могли бы здесь изменить. Подобный ход был предсказуем, уверяю вас. И нам следует воспользоваться подаренной возможностью. – В голосе его на миг прозвучала легкая печаль. – Я измучился сам и измучил свой персонал, стараясь докопаться до причины, побудившей мальчика свести счеты с жизнью, – боюсь, тщетно. Сейчас я уверен как никогда, что в стенах Института объяснения произошедшему вам не найти, хотя, разумеется, это решать вам. Тем не менее, я надеюсь, вам известно, что нет на свете двух других людей, кроме вас, коим я бы доверился более, чем себе.

– Благодарю вас, сэр, – пробормотал Люциус.

– Да, – сказал Маркус. – Хотя, боюсь, мы здорово досадим вам с этой нашей возней.

– Глупости, – возразил доктор Крайцлер, и по тону его я почувствовал, как первоначальное облегчение, кое он испытывал все это время, уступает место своего рода счастью.

Я глянул на мистера Мура с мисс Говард и обнаружил, что те довольно улыбаются: им явно понравилось, что дела приняли такой оборот, и нетрудно было догадаться, почему. Новое задание Айзексонов не только повышало шансы на то, что доктор возьмется за дело сеньоры Линарес, но и мы могли пользоваться талантами детектив-сержантов хоть двадцать четыре часа в сутки. Еще бы тут было нечему радоваться.

– Как бы там ни было, все это – много шума из ничего, – произнес мистер Мур, вторично обнося коктейлями присутствующих. – В «Таймс» вообще считают, что все это дело скоро неминуемо лопнет, как мыльный пузырь.

– Неужто? – пробормотал доктор – не сказать, чтобы очень убежденно.

– Точно вам говорю.

Мистер Мур приблизился к креслу доктора, и в этот момент мое внимание привлекло то, как он наклонился, подавая Ласло коктейль: из внутреннего кармана его сюртука выскользнула пачка бумаг и нечто вроде письма.

– Вот, черт, – ругнулся мистер Мур с таким видом, который показался бы в высшей степени натуральным, не знай я, ради чего мы здесь все собрались: уговорить доктора взяться за дело сеньоры Линарес. – Ласло, – продолжил мистер Мур, указывая на оброненные бумаги и передавая стакан Люциусу, – не будете любезны?..

Доктор склонился к полу, поднял рассыпавшиеся документы и, скользнув по ним взглядом, принялся сбивать их обратно в стопку. Внезапно внимание его что-то привлекло:

То была фотография маленькой Аны Линарес.

Как я и предполагал, пройдоха мистер Мур знал, что делал: взгляд доктора не отрывался от портрета. Внимательно рассматривая его, он улыбнулся.

– Какое очаровательное дитя, – тихо произнес он. – Кого-то из ваших друзей, Джон?

– Гм-м? – невинно поинтересовался мистер Мур.

– Нет, она слишком, слишком хороша, чтобы приходиться вам *родственницей*, – продолжил доктор, на что остальные хихикнули – и это был их первый просчет, ведь снимка доктор им не показал. А ежели им была известна улыбающаяся детская мордашка, стало быть, что-то здесь нечисто. Доктор внимательно оглядел каждого.

– Ну, раз такое дело... – произнес он тихо, и продолжил, обращаясь лишь к мистериу Муру. – Кто она?

– Ах, право, Ласло, – отвечал журналист Крайцлеру, забирая у него пачку писем и сложенных документов. – В сущности, никто. Не обращайтесь внимания.

Пока продолжались эти танцы, я заметил, что Люциус подцепил вечерний выпуск «Таймс» и нервно едва не облепил ею лицо, хотя очевидно было, что он не способен разобрать там ни слова.

– То есть как это – «никто», Джон? – подался доктор к мистериу Муру. – Вы что же, носите с собой фотографические снимки анонимных детей?

– Нет. То есть... так, доктор, вам и правда решительно не о чем здесь беспокоиться.

– Я-то не беспокоюсь, – возразил доктор. – С чего это мне надлежит беспокоиться?

– Вот именно, – согласился мистер Мур. – Не с чего.

Доктор уставился на него:

– А вот *вы*, похоже, чем-то обеспокоены, нет?

Мистер Мур поспешно отхлебнул коктейля и воздел руку:

– Ласло, прошу вас – у вас и так голова забита. Давайте просто оставим эту тему.

– Джон, – сказал доктор с искренней заботой в голосе, поднимаясь из кресла, – если у вас какие-то неприятности...

Он умолк, едва мисс Говард коснулась его руки.

– Не нужно давить на Джона, доктор, – сказала она. – Дело в том, что небольшим вопросом этим занимаюсь я. А Джон просто немного мне помогает, вот и все. Это я дала ему фотографию.

Доктор выпрямился и повернулся к мисс Говард – уже не столько озабоченный, сколько заинтригованный:

– Ах вот что! Дело, Сара?

– Да, – последовал простой ответ.

Я видел, доктор по-прежнему недоволен, что друзья от него что-то скрывают, и следующая его реплика прозвучала резче:

– Детектив-сержант, – обратился он ко вконец издергавшемуся Люциусу. – Полагаю, вам будет неизмеримо удобнее читать газету, если вы ее перевернете правильной стороной.

– Ой! – ответил Люциус, с бумажным шелестом исправляя оплошность под тихий вздох Маркуса. – Да, я... полагаю, вы правы, доктор.

Последовала очередная пауза.

– Я так понимаю, – прервал томительное молчание доктор, – вы двое тоже помогаете мисс Говард с ее делом.

– Да вообще-то нет, – тяжело отозвался Маркус. – Не очень, то есть. Хотя штука... некоторым образом любопытная.

– На самом деле, доктор, – сказала мисс Говард, – нам бы не помешал ваш совет. Неофициально, разумеется. Если, конечно, вас это не затруднит.

– Конечно, – отозвался доктор, и по тону его я понял, что он, похоже, обрисовал для себя контуры происходящего в его гостиной и, возможно, не прочь сделать первые несколько шагов навстречу и неким образом вовлечься самому.

Почуввав, что наживка проглочена, мистер Мур тут же просветлел и посмотрел на часы.

– Что ж! Почему бы нам в таком случае не обсудить все детали за ужином? Я заказал столик у «Мукена», Крайцлер, и вы приглашены.

– Гм, я... – Вообще-то доктор последнее время повадился отклонять

подобного рода приглашения; однако в тот вечер он был слишком заинтригован. – Буду счастлив.

– Отлично, – обрадовался мистер Мур. – А Сайрус будет счастлив нас подвезти – не так ли, Сайрус?

– Так точно, сэр, – бодро отозвался Сайрус.

Мистер Мур развернулся к лестнице:

– Стиви!

– Уже иду! – воскликнул я, стремглав скатываясь по ступенькам в гостиную.

– Будь так любезен, заложи нам ландо – распорядился мистер Мур. – Сайрус, будь добр, помоги доктору провести вечер в городе.

Сайрус кивнул, я же помчался по лестнице к выходу – готовить Гвендолин и Фредерика к поездке.

К тому времени, когда я подал ландо к парадному, вся компания уже стояла снаружи. Я передал поводья Сайрусу, остальные погрузились в салон, а доктор напомнил, что мне надлежит с пользой провести остаток вечера и не засиживаться допоздна.

Когда они отъезжали, я мог только от души посмеяться над этим его предложением.

Глава 8

Предчувствия, снедавшие меня весь день, к вечеру совсем разгулялись. Я спустился на кухню и сообщил миссис Лешко, что она может уйти сегодня пораньше: я сам займусь стаканами и прочим из гостиной. Экономка наградила меня широченным оскалом и чуть не открутила мне щеки в знак благодарности, после чего собрала манатки и убралась восвояси. Я вернулся в гостиную, привел в порядок тележку с коктейлями и захватил стаканы с собой, чтобы внизу их вымыть. Следующие несколько часов прошли наверху за историей Древнего Рима и половиной пачки сигарет, прерывавшихся время от времени походом к нашему новому леднику с намерением чего-нибудь заточить, периодическими приступами нервной ходьбы по комнате и долгими раздумьями над тем, согласится ли доктор помочь в поисках маленькой Аны Линарес.

Доктор вернулся в дом на 17-й улице около полуночи, когда развез всю компанию по домам. По нашим меркам, это было довольно рано, однако последние недели доктор вообще не баловал себя развлечениями, и я рассудил, что в любом случае знак это добрый. В дом он вошел один – Сайрус остался позаботиться о лошадях в соседнем каретном сарае, – и я, заслышав шаги доктора, поспешил вниз в гостиную; я знал, что он не преминет опрокинуть там вечерний стаканчик. Не забыв предосторожности ради облачиться в пижаму и халат, я медленно спустился по лестнице, на ходу запустив раз-другой пятерню в волосы и приведя их в сообразный пижаме вид. В заключение я изобразил как можно большую заспанность, при входе в гостиную подкрепив легенду убедительным зевком – там я, как и ожидал, обнаружил доктора в кресле с рюмкой коньяка: доктор вновь изучал письмо мистера Рузвельта.

Когда я вошел, он поднял на меня взгляд:

– Стиви? Ты что здесь делаешь? Уже поздно.

– Всего-то полночь, – ответил я, подходя к окну. – Впрочем, я успел задремать...

Доктор хмыкнул:

– Прекрасная попытка, Стиви. Но отчасти напрасная.

Я ничего не ответил, только пожал плечами и усмехнулся. Доктор отставил рюмку, встал, подошел к соседнему окну, мгновение помолчал. Затем тихо произнес:

– Ты ведь понимаешь, Стиви, чего они от меня добиваются?

Вопрос, казалось, совершенно неожиданный, но я, наверное, был готов, а потому отвечал без колебаний:

– Угу. Очень даже понимаю.

– И давно ли тебе известно?

– Мисс Говард рассказала нам об этом вчера ночью.

Доктор кивнул, на лице его лишь на миг мелькнула улыбка, но он продолжал смотреть в окно.

– Я не уверен, что смогу ей помочь.

Я снова пожал плечами:

– Ну, мне кажется, это ваше решение. То есть, я к тому, что я вас понимаю – после всего, что было...

– Да, – ответил он не оборачиваясь. – Последний раз мы чуть было тебя не потеряли...

Вот это откровение. Я-то был уверен, что, когда дошло до обсуждения дела Линарес, мысли его были заняты единственно Мэри Палмер, при этом напрочь позабыв о том, как близко я сам тогда был к тому, чтобы поздороваться с Костлявой, – той ночью, которая для Мэри стала последней; а ведь и Сайрусу тогда крепко досталось, о чем я сейчас быстро и напомнил доктору.

– Сайрус – взрослый человек, – отозвался тот. – Если он говорит мне, что готов принять риск, связанный с этим делом, это его решение. Господь свидетель, дело Бичема должно было дать ему... представление... – Доктор умолк, устало вздохнул и медленно, со свистом выдохнул. – Ты же – дело совсем другое...

Я поразмыслил.

– Никогда не думал... То есть, мне казалось, вы думаете о...

– Знаю, – ответил доктор. – Было бы странно, если бы тебе показалось нечто иное. Жизнь твоя, Стиви, не баловала тебя поводами для осознания собственной важности. Но это так. Мэри тоже многое для меня значила и, полагаю, нет нужды рассказывать тебе об этом. Но она... ее уже нет...

Больше он ничего не смог заставить себя произнести о ней – и больше никогда мне о ней не говорил.

– Все равно как-то неестественно все это, – вырвалось у меня, прежде чем я успел сообразить, что говорю. – Без нее здесь как-то...

– Нет. И боле никогда не будет. – Доктор извлек часы и принялся поигрывать ими довольно странным для него образом: словно не мог подобрать нужных слов, чтобы выразить свои мысли. – Я... не думаю, что когда-нибудь соберусь завести ребенка, Стиви. Я имею в виду – своего ребенка. Но если бы у меня и *был* сын – я бы хотел, чтобы он был таким же

отважным, как ты. Во всех смыслах, – добавил он, пряча часы. – Я не могу допустить, чтобы мои действия снова поставили тебя под угрозу.

– Ага, – сказал я. – Дошло. Но... – Тут выяснилось, что не у одного доктора Крайцлера проблема с подбором нужных слов. – Я всю свою жизнь прожил под угрозой. Ну то есть, до того, как стал жить у вас. И это было не так уж и страшно – во всяком случае, пока этому есть разумная причина. А это дело... короче, вы ж видели портрет малышки. Тут уж любому ясно, что поставлено на карту. – И в подтверждение я легонько притопнул ногой. – Мне бы не хотелось думать, что я не позволил вам вмешаться, только и всего. Остальные ведь прекрасно понимают, что вы им нужны. Если я и правда такая обуза, что ж, вы можете... ну, не знаю, отослать меня куда-нибудь. Но вы обязаны помочь им. Потому что детектив-сержант Люциус был прав: дело это может оказаться куда значительнее и грязнее.

В ответ доктор улыбнулся и посмотрел на меня, что называется, изучающе:

– И когда это он такое сказал?

Я хохотнул, постучав себя кулаком по голове.

– Ой. Ну да. Вчера вечером, наверное.

– Вот как.

Некоторое время, показавшееся мне вечностью, хотя на деле прошла всего пара минут – судя по тому, что Сайрус даже не успел закончить свои дела в каретном, – мы оба стояли и молча разглядывали Стайвесант-парк. Затем доктор сказал:

– Детектив-сержанты нашли орудие преступления сегодня утром – они сказали тебе?

Я крутнулся на месте от возбуждения:

– Нет. Мистер Мур только сказал, что они, дескать, чего-то откопали. Что за орудие? Неужто кусок трубы?

– Твое фирменное оружие, – кивнул доктор, доставая портсигар. – Валялось под скамьей у египетского обелиска. Они обработали трубу на предмет отпечатков и обнаружили несколько. Помимо этого, там оказалось немного крови, хотя принадлежность ее установить не удалось. Боюсь, в этой области судебной экспертизы еще работать и работать... – Он прикурил сигарету и выдохнул дым в открытое окно с видом озабоченным, но каким-то зачарованным. – Кому, к дьяволу, понадобится похищать дочь высокопоставленного испанского чиновника и не пытаться изыскать для себя какую-либо выгоду?

Я не удержался от улыбки:

– Значит, вы им поможете.

Доктор снова вздохнул:

– Похоже, у меня дилемма, Стиви... Я бы не хотел тебя никуда отсылать, однако не могу навлекать дальнейшие угрозы твоей безопасности. – Он еще раз глубоко затянулся. – Скажи, ты сам как решил бы эту задачу?

– Я?

– Именно. Как, по твоему мнению, следует мне поступить?

Я попробовал подыскать нужные слова:

– Вам следует... ладно, вам следует поступить так же, как вы это делаете обычно. Остаться моим другом. Верить, что я и сам могу за себя постоять. Потому что это я умею. – Здесь я позволил себе ухмыльнуться. – И уж не хуже всех вас, поверьте.

Доктор улыбнулся, подошел и легонько взъерошил мне волосы:

– Это правда. Изреченная не без обычного твоего почтения к старшим.

Тут мы услышали стук входной двери и топот Сайруса по лестнице. Он замер, увидав меня в гостиной – надо полагать, считал, что у нас приватная беседа, – однако доктор поманил его:

– Должно быть, тебе тоже известно, Сайрус, – произнес он, уминая окурок в пепельнице, – что мы вновь возвращаемся к следственным делам – если ты, конечно, не против.

Сайрус коротко кивнул:

– Почту за честь, сэр.

– Присмотришь за нашим юным другом, хорошо? – добавил доктор. – Он, сдастся мне, правда, и так уже успел пошляться по ночному городу с нашими детектив-сержантами. – И доктор перевел взгляд с пепельницы на Сайруса. – Тебе, полагаю, об этом, разумеется, ничего не известно?

Сайрус только улыбнулся, скрестил на груди руки и уставился в пол.

– Ну, кое-что, может быть, известно, как же еще, доктор...

– Вот и мне так показалось, – ответил Крайцлер, направляясь к лестнице. – Ладно... не знаю, как кто, а я намерен немного поспать. Скоро, быть может, сна будет нам не хватать. – Он задержался на ступенях и обернулся к нам. – Будьте осторожны – оба, прошу вас. Бог знает, к чему все это нас выведет.

Мы с Сайрусом нечленораздельно заверили его, что будем следить за собой; но стоило доктору скрыться в спальне, никакая сила на земле уже не могла удержать нас от улыбок.

Глава 9

Доктор телефоновал мисс Говард, мистеру Муру и детектив-сержантам на следующее утро – известил их о принятом решении и распорядился, чтобы мисс Говард устроила встречу с сеньорой Линарес вечером этого же дня в доме № 808: Крайцлер желал лично с ней побеседовать. Мисс Говард вскоре перезвонила ему и сообщила, что может организовать встречу в половине девятого. После чего доктор уединился в своем кабинете, чтобы собраться с мыслями и подготовить необходимые материалы для предстоящей работы. Нам с Сайрусом он время от времени отдавал распоряжения: отправиться в ту или иную книжную лавку или библиотеку за той или иной книгой или журналом. Сие занятие чуть было не похоронило собой все мои в высшей степени неотложные планы на утро: поставить за себя и мистера Мура на первых действительно классных скачках сезона – «Пригородном гандикапе» на ипподроме «Жокейского клуба Кони-Айленда», что в Шипсхэд-Бэй. Но мне удалось настичь обоих зайцев, и к вечеру наши с мистером Муром карманы приятно оттягивал весьма круглый выигрыш.

Примерно без четверти восемь доктор объявил, что нам пора собираться, поскольку он желает немного прогуляться в центр. Он объяснял свое желание великолепной погодой, но по мне, так он просто занервничал перед возвращением в № 808 сильнее, чем ожидал. Прогулка по Бродвею и дальше, в сторону центра, вроде как действительно успокоила его, и когда мы уже подходили к нашей старой штаб-квартире, небо над нами пылало закатом, погружая крыши в расплавленное золото уходящего солнца, и нам уже трудно было представить, насколько опасным может оказаться ожидающее нас приключение.

Входил в дом доктор Крайцлер примерно так же, как мы два дня назад: медленно, осторожно, позволяя старым воспоминаниям полностью проявиться, прежде чем двигаться или говорить что-то решительное. Пока лифт возносил нас к шестому этажу, тишина давила нам на уши, хотя, увидев вывеску мисс Говард на двери штаб-квартиры, доктор не удержался от тихого смешка и тряхнул головой.

– Достаточно околично замечено, должен сказать, – пробормотал он. – Сара знает свою клиентуру...

В штаб-квартире мы обнаружили мисс Говард и сеньору: как и в прошлый раз, они устроились в мягких креслах. На сеньоре Линарес

было то же черное платье, хотя вуаль была поднята – раны ее выглядели немногим лучше, чем в последний ее визит. Казалось, у нее камень с души упал при виде доктора Крайцлера, и, стоило им начать беседу, сеньора раскрылась перед ним, как не раскрывалась ни перед мистером Муром, ни перед братьями Айзексонами, когда те ее осматривали. Что же до нашего доктора, он полностью сосредоточился на гостье, хотя от меня не ускользнули молниеносные взгляды, коими он окидывал помещение: он явно думал и о других вещах – о том, что происходило настолько недавно, что даже не успело толком завершиться.

Осмотр доктором сеньоры длился чуть больше часа и, разумеется, включал вопросы, которые большинству людей показались бы совершенно не имеющими отношения к делу: о ее семье, детстве, местах, в которых она росла, как она познакомилась с мужем, почему вышла за него. Затем последовали другие, более личные, касавшиеся последних лет их брака. Сеньора с готовностью отвечала на все, хотя очевидно не понимала их цели. Думаю, доктор, видя такую податливость, продолжал бы в том же духе и дольше, если б мог; однако стоило сеньоре заметить, что уже половина десятого, она жутко разнервничалась и призналась, что у нее почти не осталось времени придумать правдивую легенду для столь долгого отсутствия, и ей нужно срочно возвращаться домой. Сайрус отвез ее в экипаже и вернулся на шестой этаж ровно в тот момент, когда на город опустилась настоящая тьма.

Те несколько минут, пока он отсутствовал, доктор бесшумно мерил шагами комнату: может, обдумывал услышанное, может, размышлял о чем-то более давнем, может – и то, и другое. Никто не решался прерывать его раздумий. И только звук возвращающегося лифта вывел его из задумчивости. Он как-то пусто оглядел нас, обернулся к мисс Говард, включившей подле себя небольшую электрическую лампу и сидевшей теперь буквально на границе света и сумрака.

– Ну что, Сара, – произнес доктор. – Что стало с нашей доской?

Мисс Говард радостно улыбнулась и едва не вприпрыжку бросилась к японской ширме, ухватила за огромную грифельную доску в раме и вытащила ее оттуда, развернув лицевой стороной к столам. Доску совсем недавно тщательно протерли.

Доктор подошел к ней и какое-то время просто смотрел на ее черное пустое пространство. Затем снял сюртук, выбрал свежий кусок мела, переломил его пополам и быстрыми, отрывистыми движениями начертал вверху: ВОЗМОЖНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ. Потряс куском мела в сомкнутой ладони и повернулся к нам:

– Боюсь, начать нам придется с ерунды, – провозгласил он. – Первейшая наша задача заключается вот в чем: изучить возможную политическую подоплеку преступления. Хотя должен предупредить вас, пока мы не двинулись дальше, – я в ее существование не верю.

Мистер Мур машинально скользнул за один из столов и спросил:

– То есть вы купились на мысль о совпадении, связанном с происхождением ребенка, Крайцлер?

– Я ни на что не «купился», Джон. Но верю в справедливость предположения детектив-сержантов – это случайный акт. И должен сказать вам, что если наша задача – возвращение ребенка матери, а я полагаю, это именно так, – то случайность сия таит в себе крайне мрачные перспективы. – Одним сильным широким движением доктор описал меловой круг в центре доски и принялся наносить в ключевых его точках деления, не прекращая говорить. – Как сможете заметить даже вы, Мур, любая попытка политического объяснения приведет нас к чему-то вроде логического круга, а он, в свою очередь, не приведет нас никуда. Мы начинаем здесь, – и он постучал мелком по верху окружности, соответствовавшей двенадцати часам. – Ребенок был похищен именно так, как рассказала сеньора, – не думаю, что у нас есть сомнения в правдивости ее слов. Она сильная, мужественная женщина – даже своим приходом сюда она это доказала. Будь она истеричкой, алчущей любви и внимания... – Доктор неожиданно запнулся и посмотрел в окно. – А такие создания существуют... – Мгновение спустя он вернулся оттуда, куда его увлекло. – В таком случае вряд ли из нас могла бы выйти благодарная аудитория, а вымышленная история о похищении в сочетании с ужасающими побоями вряд ли соблазнила ее в качестве подходящей легенды. Нет. Ее прошлое, ее положение, ее склад ума – все это указывает на правду. Стало быть – дитя похищено, мать получила удар по голове. Что в случае, если мы принимаем политическую версию Мура, предполагает работу специалиста...

– Который совершает ее в людном месте средь бела дня, – скептически прогудел Люциус, открывая маленький блокнот и что-то в нем помечая.

– Ах, дорогой мой детектив-сержант, я разделяю ваш скептицизм, – ответил доктор. – Но нам не следует отметать эту теорию, руководствуясь голый интуицией. – И он быстро написал на доске в верхнем секторе окружности: **ПОХИЩЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛОМ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ.** – В конце концов, похититель мог оказаться редкостно дерзким и гордым – таким нравится действовать в необычайно опасных условиях.

– Куском свинцовой трубы, – саркастично добавил Маркус.

– Инструментом, от коего он может в любой момент легко избавиться,

дабы полиция не нашла при нем оружия, задержи они его почему-либо. В конечном итоге, наш юный друг на подоконнике, – доктор ткнул в мою сторону большим пальцем, – носил при себе такое же оружие из тех же соображений. Не так ли, Стиви?

Я огляделся и понял, что все уставились на меня.

– Ну... да, наверное. – Они не отводили взглядов, и я занервничал: – Но я же больше так не делаю! – чем несколько повеселил собравшихся.

– Ну ладно, хорошо, – сказал доктор, уводя от меня общественное внимание. – Он профессионал. Рост его случайно совпадает с ростом жертвы, кроме того, работает он чрезвычайно мягко. – И доктор переместился к правой стороне окружности. – Но кто же мог нанять его? Мур? Вам близка эта версия – предложите своих кандидатов.

– Таких в избытке, – отозвался из-за стола мистер Мур. – Полно людей, которые бы в данный момент обрадовались дипломатическому инциденту между Испанией и Соединенными Штатами. Начать хотя бы с партии войны...

– Очень хорошо. – Доктор пометил их на доске как ГРАЖДАН США ЗА ВОЙНУ. – Те американцы, которым все равно, кто начнет войну, если только мы ее закончим.

– Именно, – согласился мистер Мур, но тут же помрачнел. – Хотя мне сомнительно, чтобы им хотелось выставить американцев такими зверьми.

– Кто еще? – спросил доктор.

– Ну, есть еще кубинцы, – ответил мистер Мур. – Изгнанники здесь, в Нью-Йорке. Они бы тоже обрадовались любому поводу к войне.

– «Кубинская революционная партия», – пояснил Маркус. – У них контора на Фронт-стрит, рядом с доками в Ист-Сайде. Старое такое, замшелое здание – они сидят на четвертом этаже. Мы с Люциусом можем их завтра потрясти, если хотите.

– Мне представляется, что нынешней ночью это будет полезнее, – отозвался доктор Крайцлер. – Если ребенок у них, его судьбу они скорее всего предпочтут решить под покровом ночи, а не днем. – И с правой стороны окружности появилась новая надпись: КУБИНСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

– Еще остались сами испанцы, – сказал мистер Мур. – Лично мне эти ребята нравятся больше всех прочих – изымают ребенка, а мать держат в неведении, прикинув, что она не в силах ввязываться.

– И при этом не сделать ни одного заявления касательно происшедшего? – усомнилась мисс Говард. – Зачем им подставлять нашу страну, не заявляя о преступлении?

Мистер Мур только пожал плечами:

– Они могут ждать подходящего момента. Тебе же известна обстановка в Вашингтоне, Сара, – ты сама говорила, что Маккинли по-прежнему ищет способ выпутаться из этой клятой войны. Может, они ждут, пока у него *не останется* выхода?

– Ну в таком случае, почему бы не изъять ребенка позже? – возразила мисс Говард. – Или, наоборот, раньше? По весне военной истерии было куда как больше, чем сейчас.

– Возможно, они просто ошиблись в расчетах, – предложил доктор, выводя на доске ИСПАНСКАЯ ПАРТИЯ ВОЙНЫ. – Испанией сегодня правят отнюдь не гении. Те, кто ратует за войну, в массе своей – садисты-психопаты, вроде Уэйлера, – он имел в виду печально известного генерала Уэйлера, губернатора Кубы, впервые опробовавшего на кубинских крестьянах то, что потом назвали «концентрационными лагерями»: оттуда они уже ничем не могли помочь бунтовщикам, оставалось только передохнуть как мухам от болезней и голода. – ... или обманутые монархисты, грезящие о днях конкистадоров. – Доктор оторвался от доски. – Так... сим завершается список подозреваемых. Одна из групп нанимает профессионала, тот похищает девочку, ее прячут в укромном месте. При помощи...

– Женщины из поезда, – быстро ответила мисс Говард. – Это сиделка. Если только вы не думаете, что сеньоре дочь почудилась.

– Другой женщине – возможно, – произнес доктор. – Но этой? Нет. Ей хватило присутствия ума явиться к нам и подробно все обсудить, хотя она явственно представляла себе возможные последствия, если наша беседа вдруг откроется мужу. Она не подвержена ни маниям, ни истерии. Нет, когда она говорит, что видела своего ребенка, я ей верю. – Склонившись к нижней половине круга на доске, доктор вывел: ЖЕНЩИНА В ПОЕЗДЕ: – двоеточие указывало на его намерение продолжить запись. – Ладно, Джон, – продолжил он. – Объясните мне роль этой загадочной женщины в политическом контексте.

Мистер Мур, похоже, растерялся:

– Ну, она... Сара же про нее все сказала. Сиделка. По словам сеньоры, была одета гувернанткой – наверное, тоже профессионалка, нанятая специально.

– Специально для того, чтобы присмотреть за ребеночком на последней площадке последнего вагона надземки, проезжавшего по Третьей авеню посреди ночи? Не годится, Джон, и вы это знаете. Хотя насчет какого-то профессионализма я склонен с вами согласиться. – И он

написал после двоеточия: ГУВЕРНАНТКА ИЛИ НЯНЯ. – Но совсем по другим причинам.

– Она могла ехать на поезде в штаб-квартиру кубинцев, – нашелся мистер Мур.

– Джон, – довольно снисходительно произнесла мисс Говард, – если кто-то уж дошел до того, чтобы нанять похитителя и няню, наверное, они могли себе позволить оплатить им кэб.

– А ты когда-нибудь видела этих кубинских революционеров, Сара? – с еще большей снисходительностью парировал мистер Мур. – Я – видел: они все точно молью траченные, эти революционеры. Какие бы средства Херст ни пускал на военную лихорадку, этих ребят он не особо благодетельствовал.

– Тут Джон прав, – подтвердил Маркус. – Может, они действительно поиздержались.

– Что, между тем, не объясняет, какого дьявола она вообще делала в поезде, – ответил доктор. – Основная идея ведь в том, чтобы спрятать ребенка, не так ли? А не показывать девочку половине города. Должна быть причина, по которой они дали публике увидеть ее, и причина эта обязана иметь политическую подоплеку.

– Гм... ну, вообще-то здесь только один вариант, – раздался голос Люциуса.

– Да? – обернулся доктор.

– Они *хотели*, чтобы девочку увидели.

– Да. Благодарю вас, детектив-сержант, – кивнул доктор Крайцлер. – Это действительно единственно возможное объяснение. – И на доску было занесено: УМЫШЛЕННАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ. – Кому-либо, где-либо – возможно, и самой сеньоре – необходимо было увидеть ребенка, дабы убедиться в серьезности намерений похитителей и в том, что девочка действительно у них. А лучшее место для такой демонстрации должно быть весьма людным. И тут мы приближаемся к последнему пункту нашей теории... – Доктор подошел к левой половине нарисованного круга. – Демонстрируя ребенка, наши похитители предадут огласке свои требования. Однако сеньора, похоже, убеждена в обратном.

– Консул Бальдасано и ее муж могли ее обманывать, – сказал Люциус. – Они могли получить требования и не собираться их удовлетворять. Не желали вони и соврали матери.

Раздумывая, доктор выводил на доске слово ТРЕБОВАНИЯ.

– Да. И снова, Люциус, – единственная возможность, если только не прав мистер Мур и они действительно не выжидают. Но если они ждут, или

им отказали, – чего хочет каждая группа? Простое похищение с целью выкупа отпадает сразу, поскольку сомнительно, чтобы испанцы оказались неплатежеспособны. Нам следует держаться политических мотивов – которые подразумевают что?

– Так... – произнес мистер Мур. – Американские ура-патриоты и кубинцы хотят одного и того же – войны. Тут дело не в «требованиях» как таковых.

Доктор резко развернулся и, улыбнувшись, ткнул обвинительным перстом в своего старого друга:

– Точно. Благодарю вас, Мур, за устранение двух подозреваемых из числа вами же предложенных. – Он повернулся обратно к доске, чтобы написать под ТРЕБОВАНИЯМИ слово ВОЙНА.

На лице мистера Мура вновь отразилась какая-то потерянность.

– О чем вы говорите, Крайцлер?

– Вы похищаете ребенка. Ваша цель – дипломатический скандал. Исчезновение ребенка должно стать поводом – фактически достаточно одного отсутствия девочки. Помимо этого она – обуза.

Лицо мисс Говард словно бы осветилось:

– Да. И в таком случае... почему же она тогда жива до сих пор?

– Вот-вот, Сара, – ответил доктор. – И для американской партии войны, и для кубинцев живой ребенок – ходячий риск: девочка может привести их только к поимке. Если любая из этих групп действительно ответственна за похищение, дочь Линаресов сейчас уже должна покоиться на дне какой-нибудь реки или, как в случае с воскресной находкой наших детектив-сержантов, – частями по нескольким рекам. Из всех наших политических подозреваемых только испанцам выгодно беречь ее живьем – однако они, к тому же, крайне заинтересованы в ее сокрытии, и у них достаточно ресурсов для этого. Вот мы и получаем... – доктор жестко провел линию обратно к верхнему краю доски, – ... круг. И он ведет в никуда. Время, разумеется, покажет справедливость подобного вывода, но... – Он умолк, глядя на плоды своего труда; затем склонил голову к Люциусу: – Детектив-сержант?

– Доктор?

– Вы срисовали диаграмму?

– Так точно, сэр.

– Прекрасно. Храните ее на тот маловероятный случай, если нам когда-нибудь потребуется с нею свериться, – сказал доктор и взялся за тряпку.

– Вы о чем, доктор? – удивился Маркус.

– Я о том, – ответил тот, энергично стирая все написанное ранее, – что все это... полная... и невообразимая... чушь!

Когда доктор снова отступил от доски, на ней остались только два тезиса: вверху красовалось ПОХИЩЕНИЕ, внизу – ЖЕНЩИНА В ПОЕЗДЕ: ГУВЕРНАНТКА ИЛИ НЯНЯ.

– Уберите из круга все неправдоподобные детали, и вы останетесь с куда более полезной геометрической фигурой. – И он не спеша и подчеркнуто провел мелком от верхней надписи к нижней. – Прямой линией.

Несколько секунд мы молча таращились на доску: внезапно там образовалось пространство как много пустого пространства.

– И что же все это значит, Крайцлер? – вздохнул мистер Мур, закидывая ноги на стол.

Доктор обернулся – лицо его омрачали самые искренние опасения.

– Понятно, что вы, Джон, искали политический мотив преступления потому, что на деле альтернатива куда более тревожна и непредсказуема. Да и к тому же – куда вероятнее. – Он извлек из кармана портсигар и предложил его содержимое по очереди мисс Говард, Маркусу и мистеру Муру. Я прямо помирал, так курить хотел, но придется подождать. Когда все закурили, доктор принялся, как обычно, мерить шагами комнату и через некоторое время объявил: – Я верю, что анализ детектив-сержантами физических улик, как всегда, безупречен. Сеньора Линарес, по всей видимости, подверглась нападению другой женщины, вооруженной обрезком трубы, найденным ею на месте, – это и готовность свершить задуманное в людном месте посреди бела дня говорит о спонтанности ее решения. То, что она не покалечила жертву, можно списать на слепую удачу и не слишком великую физическую силу, но, полагаю, никак не на профессионализм.

– Ладно, – отозвался мистер Мур, хотя доводы его явно не убедили. – В таком случае, Крайцлер, у меня остается только один вопрос, хоть и немаленький. Зачем?

– В самом деле. – Вернувшись к доске, доктор написал заглавными буквами ЗАЧЕМ? на левой ее стороне. – Женщина забирает ребенка. Она не требует выкупа. А через несколько дней показывается на людях с похищенной девочкой, при этом ведет себя с ней так, словно... словно... – Доктор, похоже, искал подходящие слова.

Их за него нашла мисс Говард:

– Слово та – ее собственная дочь.

Доктор на миг скосил на мисс Говард черные сверкающие глаза.

– Как всегда, джентльмены, – произнес он, – Сара с ее уникальным взглядом зрит в корень. Словно ребенок – ее собственный. Подумайте: кем бы ни являлась эта женщина, из всех нью-йоркских детей она избрала для похищения единственную девочку, чье исчезновение может спровоцировать международный кризис. Вдумайтесь в это на секунду, Мур, – если у преступления нет политических мотивов, о чем это нам говорит?

– О том, что она, черт возьми, не сделала домашнюю работу, вот о чем, – фыркнул мистер Мур.

– То есть?

Настала очередь Сайруса:

– То есть, если позволите, мистер Мур, учитывая обстоятельства, в которые она была поставлена, у этой женщины не было выбора, кроме как подчиниться сиюминутному порыву. – И он посмотрел на остальных, улыбнулся краем рта и уставился в пол. – Уж я-то немного понимаю в таких вещах...

– Абсолютно верно, Сайрус, – провозгласил доктор, принимаясь выводить на доске слова под заголовком ЗАЧЕМ?. – Благодарю вас. Это значит, что она была под властью порыва – спонтанного и не только разрушившего в ней всякую возможность хоть как-то контролировать себя, но и лишившего ее возможности спланировать свои действия, изучить жертву. Или, как это едко заметил Мур, «сделать домашнюю работу». И что же могло послужить причиной подобного безрассудства?

– Что ж, не хотелось бы изрекать банальность, – сказал Маркус, – однако... похоже, ей очень хотелось ребенка.

– Верно, – согласился доктор, подкрепив одобрение коротким кивком, и добавил эту мысль в колонку ЗАЧЕМ?. Затем стер записи внизу и перенес их в середину правой половины доски. Теперь там фигурировали три основные категории: ЗАЧЕМ? ПОХИЩЕНИЕ и ЖЕНЩИНА В ПОЕЗДЕ: ГУВЕРНАНТКА ИЛИ НЯНЯ, за которыми до правого края еще оставалось пустое пространство – аккуратно для еще одной категории.

– Но не просто ребенка, – торопливо добавил Люциус. – Похоже, она хотела именно *этого* ребенка.

– И ведь отчаянно хотела, – пробормотала мисс Говард.

– Хорошо, – подытожил доктор и, скрипя мелом, выцарапал ДИТЯ ЛИНАРЕС в верхнем правом углу доски. – Однако вам всем следует немного остыть – мы уже несемся впереди паровоза. – Он отступил назад и замер недвижно, изучая вместе с нами результат. – Очертания начинают вырисовываться, – пробормотал он и удовлетворенно раздавил окурочек в

пепельнице. – Да, детектив-сержант, она хотела ребенка Линаресов. Но, как уже говорил Джон, она не могла знать, кем является дочь Линаресов, – проведенные вами изыскания продемонстрировали нам спонтанность нападения. Сложите эти элементы воедино – и к какому решению вы придете?

Раздумья заняли у Люциуса всего пару секунд:

– Имело значение не то, кем являлась дочь Линаресов, а то, *что* она из себя представляла.

– *Что* она из себя представляла? – озадаченно буркнул мистер Мур, все еще не убедивший себя в полезности для следствия подобных риторических упражнений. – Она представляла из себя *младенца*, каковым и являлась. Мы ведь уже вроде сошлись на том, что женщина хотела ребенка?

Мисс Говард рассмеялась:

– Слова подлинного убежденного холостяка. Она была не *просто* младенцем, Джон, – все дети разные, у каждого или каждой – свои черты характера. – Она обернулась к доске. – Таким образом, характер девочки может открыть нам характер похитительницы.

– *Brava!* – едва не заверещал доктор, шагая к правой половине доски. – Продолжайте, Сара – вам и карты в руки!

Мисс Говард поднялась из-за стола и добросовестно принялась мерить шагами пятачок перед доской.

– Что же, – произнесла она, взглянув на доктора, внимавшего ей с мелком в руке. – Нам известно, какой была Ана. Счастливой. Неунывающей по природе своей. Возможно, шаловливой, но, как принято говорить, очаровательно шаловливой.

– Продолжайте, продолжайте, – подбодрил ее доктор, записывая все на доске.

– Вдобавок она была здоровым ребенком – судьба наградила ее многими преимуществами, и она, казалось, воплотила их все.

– Так?

– И сообразительным. В столь нежном возрасте ее привлекало то, что мы привыкли считать шедеврами искусства; ее же они как-то бесхитростно интриговали. В этом можно заметить чуткость.

– Ты говоришь о ней как о *личности*, господи боже мой... – проворчал мистер Мур.

– Она и *есть* личность, Джон, – вмешался доктор, не отрываясь от доски. – Хотя вам, наверное, сложно себе это представить. Что-нибудь еще, Сара?

– Только... только то, что она, боюсь, должна была стать логичной целью нашей подозреваемой. Ее общительность, как я могу предположить, притягивала внимание – большинство людей она восхищала...

– Но кое у кого она вызвала алчную зависть, – сказал Маркус, выпуская изо рта гигантский клуб дыма, от которого брат его немедленно закашлялся. – Ох, прости, Люциус, – тут же извинился Маркус, впрочем, довольно механически.

– Великолепно, – произнес доктор. – Более чем достаточно для хорошего начала. Теперь же обратим свет этих наблюдений на таинственную женщину с линии Эл. Мы уже определили, что она не стала тратить время на изучение своей жертвы. Скорее поддалась, как нам представляется, неодолимому сиюминутному порыву незамедлительно овладеть ребенком, невзирая на то, чей он. Будут ли какие-нибудь еще умозаключения?

– Возможно, она никогда не имела своих детей, – предположил Маркус.

– Принято, – отозвался доктор, записывая. – Но, тем не менее, множество женщин не имеют детей и способны удерживаться от подобных действий.

– Вероятно, она *не могла* иметь своих детей, – сказал мисс Говард.

– Ближе. Но почему, в таком случае, не усыновить или удочерить кого-нибудь? Город полон нежеланных детей.

– Возможно, она и этого не могла, – сказал Люциус. – Сложности с законом, к примеру, – у нее могла быть судимость, если показательно ее поведение в этот раз.

Доктор обдумал его предположение.

– Еще лучше. Женщина, физически неспособная к деторождению и неспособная принять на попечение чужого нежеланного ребенка в связи с возможной судимостью.

– Но все гораздо глубже, – задумчиво пробормотала мисс Говард. – Она не *хотела* нежеланного ребенка. Ее притягивало это конкретное дитя, *более* чем желанное. И это объяснимо, учитывая здоровье и живость девочки. Таким образом, если мы допустим, что все это задело в ней некую струну... – И тут она умолкла.

– Сара? – спросил доктор.

Мисс Говард, похоже, вздрогнула:

– Простите меня. Но здесь... я почти чувствую здесь какую-то трагедию. Быть может, она *могла* когда-то иметь ребенка, доктор, – а потом потерять его... скажем, из-за болезни или скверного здоровья?

Доктор задумался.

– Мне это нравится, – изрек он в итоге. – Сочетается с ее выбором жертвы. Большинство из нас, за исключением таких, как Мур, испытывают определенное томление, когда видят детей, подобных Ане Линарес. Сколь бессознательным или мимолетным оно бы ни было. Могла ли трагедия послужить причиной неодолимости влечения этой женщины? Здоровое счастливое дитя – не этого ли она всегда желала?

– Мало того – похоже, она считала себя вправе на него, – добавил Маркус.

– А что насчет платья? – неожиданно спросил Люциус. – Если сеньора Линарес не ошиблась и эта женщина была кем-то вроде няни или гувернантки...

– О, детектив-сержант, вы читаете мои мысли, – заметил доктор. – Учитывая все описанное нами, кому как не женщине избрать профессией уход за детьми?

– О нет... – простонал мистер Мур, поднимаясь из-за стола и пятясь от доктора. – Нет, нет, нет, я уже чую, во что это выльется...

Доктор расхохотался.

– Еще бы вы не почуяли, Мур! Но чего же вы так боитесь? Вы прекрасно показали себя в деле Бичема – у вас положительный дар к такой работе.

– Да мне наплевать! – взвыл мистер Мур в ужасе, который лишь наполовину был наигранным. – Я ненавижу ее *ежесекундно!* Я в жизни не занимался более скучной и жалкой нудятиной...

– И тем не менее здесь начнется тяжелейшая часть нашего расследования, – подытожил доктор. – Нам следует посетить все без исключения учреждения, предоставляющие сиделок и гувернанток в этом городе, а также каждую больницу, детский приют, родильный дом. Эта женщина где-то здесь, с ребенком, и, если глазам сеньоры можно верить – а я полагаю, они достойны доверия, – то она состоит на службе в одном из этих учреждений.

Лицо младшего Айзексона положительно свернулось в вопросительный знак.

– Но... доктор? – возразил Люциус. – У нас ведь нет даже имени. Только словесное описание. То есть, если бы у нас было хотя бы ее фотографическое изображение, хоть какой-то портрет...

Доктор отложил мел и стряхнул белую пыль с рук и жилета.

– Так за чем же дело стало?

Люциус смешался еще больше:

– За чем какое дело стало, доктор?

– Портрет, – просто пояснил доктор. – В конце концов мы располагаем крайне ярким описанием, – сказал он, надевая сюртук. – Вы, джентльмены, должно быть, упустили из виду главную отличительную особенность этого дела. Какой принципиальной детали нам не хватало в деле Бичема – детали, недостающей во многих преступлениях подобной природы? Точного описания преступника. Кое в настоящий момент у нас имеется – и, осмелюсь предположить, пройдя проверку, это описание сеньоры Линарес окажется куда более подробным, чем представляется ныне.

– Но как же мы переведем его в изображение? – спросила мисс Говард.

– Мы – никак, – отвечал ей доктор. – Мы оставим эту задачу тому, кто лучше для нее подготовлен. – Вытянув из кармашка серебряные часы, доктор щелкнул крышкой и глянул на циферблат. – Я бы предпочел для этой работы кого-то вроде Сарджента¹⁰, но он сейчас в Лондоне и наверняка запросит абсурдную сумму за свои услуги. Икинс¹¹ мог бы справиться не хуже, но он в Филадельфии, а учитывая срочность задачи, даже это представляется мне дальним светом. Наш противник может покинуть город в любой момент – нам следует действовать быстро.

– Позвольте мне, Крайцлер, кое-что прояснить, – вымолвил мистер Мур еще более потрясенно. – Вы собираетесь заказать *портрет* этой женщины, основанный единственно на *словесном описании*?

– наброска было бы достаточно, я полагаю, – отозвался доктор, убирая часы. – Портрет – чрезвычайно сложная процедура, Мур. Хороший портретист должен быть прирожденным психологом. Я не вижу препятствий тому, чтобы, проведя с сеньорой достаточно времени, не создать изображение, обладающее достаточным сходством с ее описанием. В первую очередь нам необходимо отыскать правильного художника. И мне представляется, я знаю, у кого навести справки. – Он посмотрел в мою сторону. – Стиви? Не нанести ли нам визит Преподобному? Уверен, в этот час мы наверняка застанем его дома в праведных трудах – разумеется, если он не отправился в одну из своих полуночных прогулок.

Я аж просветлел.

– Пинки? – спросил я, спрыгивая с подоконника. – Запросто!

Маркус перевел взгляд с меня на доктора Крайцлера:

– «Пинки»? «Преподобный»?

– Старый приятель, – пояснил доктор. – Алберт Пинкэм Райдер¹². У него много кличек. Как и у большинства эксцентриков.

– Райдер? – Мистера Мура явно не впечатлила вся эта затея. – Так ведь

Райдер не портретист – он может единственное полотно годами мусолить.

– Это правда, но у него врожденный талант психолога. И он может нам кого-нибудь порекомендовать, в этом я не сомневаюсь. Если желаете с нами, Мур, – и вы тоже, Сара...

– С радостью, – ответила мисс Говард. – Его работы поистине очаровательны.

– Гм... да, – неуверенно согласился доктор. – Однако, боюсь, его апартаменты и мастерская могут произвести на вас не столь приятное впечатление.

– Это правда, – встрял мистер Мур. – На меня не рассчитывайте, у меня от этого места мурашки по коже.

Доктор пожал плечами:

– Как вам будет угодно. Детектив-сержанты, мне бы не хотелось просить вас о выполнении, возможно, бесполезного задания, но это может принести плоды – как вы это назвали?

– Потрясти кубинцев... – отозвался Люциус с таким видом, будто прикидывал, есть ли на свете занятия более неприятные. – О, вот *это* будет удовольствие... Лобия, чеснок и догма. Что ж, по крайней мере, я не говорю по-испански, так что все равно не пойму, о чем они.

– Прошу прощения, – сказал доктор, – но мы обязаны, как вам известно, проверить как можно больше версий. И как можно оперативнее.

На этом все мы направились к выходу. Маркус чуть поотстал.

– Есть еще кое-что, доктор, – пробормотал он, ступая осторожно, будто стараясь не растерять мысли. – Сеньор Линарес. Мы допускаем – и я целиком согласен с этим допущением, – что ребенка похитил тот, кто не знал о его происхождении.

– Да, Маркус? – отозвался доктор.

– В таком случае, зачем Линарес пытается это сокрыть? – Лицо у детектив-сержанта было крайне озабоченным. – Суть в том, что женщина, которую мы описываем, несмотря на все свои психологические странности, скорее всего – американка. И это обстоятельство так же играет на руку испанскому правительству, как и похищение с политическими мотивами. Так почему же они им не воспользуются?

Мистер Мур живо обернулся к доктору с выражением некоторого самодовольства:

– А? Крайцлер?

Доктор посмотрел себе под ноги и несколько раз с улыбкой кивнул:

– Я мог бы догадаться, что об этом спросите вы, Маркус.

– Простите, – ответил детектив-сержант, – но вы же сами говорили:

надлежит смотреть со всех углов.

– Не нужно извиняться, – сказал доктор. – Я просто надеялся избежать этого вопроса. Поскольку он единственный, ответить на который я не готов. А случись нам отыскать ответ, боюсь, нам также откроются довольно неприятные – и опасные – факты. Однако не думаю, что эти соображения сейчас вольны задерживать нас.

Маркус взвесил услышанное и с легким кивком согласился:

– Хотя это не следует упускать из виду.

– Мы и не будем, Маркус. Мы и не будем... – Доктор позволил себе совершить последний задумчивый круг по штаб-квартире и завершил его у окна. – Пока мы с вами говорим, где-то там, снаружи – женщина, в чьих руках невольно оказался ребенок, который может принести чудовищные беды, – сама невинность его может быть такой же разрушительной, как пуля убийцы или бомба безумца. Но, невзирая на это, более всего я опасаясь того опустошения, что уже постигло разум похитительницы. Да, мы будем настороже против опасностей большого мира, Маркус, – но мы обязаны снова приложить все усилия к постижению разума и личности нашего противника. Кто она? Что ее породило? И превыше прочего – обратится ли ярость, толкнувшая ее на свершение уже свершенного, на самого ребенка? Я это подозреваю – причем скорее раньше, чем позже. – Он обернулся к нам и повторил: – Скорее раньше, чем позже...

Глава 10

Мне всегда казалось, что в этой жизни все люди делятся на два типа – тех, кому нравятся всякие чудачки, и тех, кто их терпеть не может; и мне думалось, что я, в отличие от мистера Мура, несомненно принадлежу к первым. Да и как иначе, если бы вам тоже нравилось жить у доктора Крайцлера, – в доме его вечно мелькали такие люди, чуднее которых в те дни вам бы не доводилось встречать: взять того же мистера Рузвельта, выдающегося ума человека, покрывшего себя неувядаемой славой и добившегося такого успеха. Но все странности этих чудных, но достойных душ меркли в сравнении с господином, которого я любил называть «Пинки», – мистером Албертом Пинкэмом Райдером.

Художник не только по профессии, но и по убеждению, он был высок ростом, учтив и добр – со своей окладистой бородой и пронизательным взором обликом он более всего походил на священника или монаха, отчего друзья прозвали его «Преподобным», а иногда в шутку даже величали «Епископом Райдером». Он проживал в доме № 308 на Западной 15-й улице и большинство ночей своих проводил либо за работой, либо в длительных прогулках по городу – его улицам, паркам и даже пригородам, – изучая лунный свет и тени, наполнявшие немало его полотен. Он был одиноким человеком, «затворником», как он сам себя величал; вырос он в Нью-Бедфорде, Массачусетс, – жутковатом и обветшалом городке китобоев. Маменька его происходила из квакеров, кроме того, компанию ему составляла целая орава братьев – все это послужило причиной, наверное, самому диковинному из его чудачеств, а именно тому, как он обходился с женщинами. О, вы не подумайте, он был с ними вполне галантен, даже в каком-то смысле вел себя по-рыцарски, только со стороны смотрелось это до чертиков странно. К примеру, однажды, заслышав дивное пение некоей особы, ненароком проникшее сквозь стены его жилища, и впоследствии отыскав оную, Пинки немедленно поспешил предложить ей руку и сердце. Особа пела-то прекрасно, более чем, однако в округе, равно как и в ближайшем полицейском участке получила известность отнюдь не из-за своих вокальных дарований; понадобилось участие целой компании его друзей, чтобы уберечь старого Пинки от неминуемого обдирания его этой проворной мадам.

Он любил детей; да и сам, по сути, был большим, странным ребенком

и всегда радовался мне (чего не скажешь о некоторых прочих друзьях доктора). К 1897 году он уже снискал достаточную известность и успех среди знатоков искусства, чтобы жить, ни в чем себе не отказывая, а для Пинки это означало, в сущности, жить, как старьевщик. Он никогда ничего не выбрасывал – ни бумажных коробок от продуктов, ни куска бечевки, ни горки пепла, и большинство людей апартаменты его могли, пожалуй, и перепугать. Однако пред его нежным и тихим добродушием вкупе с явной притягательностью его дымчатых фееричных полотен меркли все чудачества – особенно в глазах пацана с Нижнего Ист-Сайда, который сам провел всю жизнь среди куч мусора, копимых в квартирах, моих глазах. Кроме того, у нас с ним были общие гастрономические пристрастия: у него всегда побулькивал на огне котелок с рагу, а когда мы выходили наружу, он предпочитал устриц, омаров и тушеные бобы в каком-нибудь прибрежном ресторанчике, – немудрено, что я всегда был счастлив составить компанию доктору в походе к Пинки.

Той ночью паломничество к нему совершали трое – мисс Говард, доктор и я, а Сайрус (которому нравилась живопись Пинки, но, как и мистер Мур, он не одобрял такого образа жизни) отпросился, дабы хорошенько выспаться. Дом Пинки располагался на 15-й улице, чуть дальше к западу от Восьмой авеню, и ничем не отличался внешне от тысяч таких же по соседству: простое террасное здание из кирпича, переделанное под квартиры. Мы добирались туда на двуколке вместе с густеющим потоком движения, в эту ночную пору неизменно стремившимся к Филею, затем свернули и увидели маленькую керосиновую лампу, горевшую в переднем окне Пинки.

– Ага, стало быть, он у себя, – сказал доктор Крайцлер. Он расплатился с извозчиком и взял мисс Говард за руку. – Теперь, Сара, я должен вас подготовить – я знаю, что вы находите отвратительным учтивое низкопоклонство перед своим полом, но в случае Райдера вам действительно стоит сделать исключение. У него это совершенно невинно и совершенно искренне – в нем не содержится никакой замаскированной попытки низвести женщин до хрупких и слабых существ, уверяю вас.

Мисс Говард как-то не совсем уверенно кивнула, когда мы подошли к крыльцу.

– Я готова судить беспристрастно о ком угодно, – сказала она. – Но если это будет чересчур оскорбительно...

– Справедливо, – отозвался доктор. – Стиви? Почему б тебе не войти первым, чтобы Райдер мог должным образом подготовиться.

Я кинулся в дом и бегом взлетел по неосвещенной лестнице,

остановился у двери Пинки и громко постучал, выкрикивая его имя. Я знал, что порой, когда его охватывало вдохновение, он не удостаивал гостеприимством даже лучших своих друзей, но уж насчет себя был уверен – мне-то он откроет.

– Мистер Райдер? – кричал я. – Это Стиви Таггерт, сэр, с доктором!

Изнутри донеслось шуршание – на манер того, что издают белки, забравшись в кучу палых листьев, – и затем – тяжелые неспешные шаги к двери. Там они остановились, последовала долгая пауза, сопровождаемая тяжелым сопением, которое я слышал даже в коридоре. Наконец глубокий низкий голос, неспешный, однако отчасти игривый, поинтересовался:

– Стиви?

– Да, сэр.

Замок щелкнул, дверь прынула от меня, и в проеме образовалась глыба. Вначале я различил бороду, затем высокий сияющий лоб и в конце концов – глаза, цвет коих, светло-карий или голубой, я никогда не мог толком разобрать.

Отсалютовав, я вошел.

– Здорово-ово, Пинки! – провозгласил я, огибая завалы книг, газет и обыкновенного мусора, заполнявшие гостиную, курсом в глубину квартиры, где располагалась его мастерская, равно как и заветный котелок с рагу.

В ответ художник улыбнулся особым манером – доктор Крайцлер всегда называл этот манер «загадочным».

– Добро пожаловать, юный Стиви, – сказал он, вытирая тряпкой заляпанные краской руки. Несмотря на годы жизни в Нью-Йорке, речью он больше походил на уроженца Новой Англии прежних времен. – Что привело тебя сюда в столь поздний час?

– За мной еще доктор идет, – ответил я, проходя меж стен, покрытых необрамленными полотнами, которые неискушенному зрителю показались бы вполне законченными: дивные золотистые ландшафты, бушующие мрачными штормами морские пейзажи (или, как их называют ценители, «марины») соседствовали с иллюстрациями к поэмам, трагедиям и мифам, некогда поразившим воображение старого Пинки. Он и сам был неплохим поэтом, и, как я уже сказал, его трактровки «Арденского леса» или «Бури» любой бы счел готовыми к показу. Но для Пинки это казалось почти что немислимым – счесть картину завершенной: он возился и мучился с каждой, как это удачно описал мистер Мур, годами, прежде чем передать готовое полотно взбешенному заказчику, оплатившему его давным-давно.

Ухватив деревянную ложку, я восстановил свои силы доброй порцией

телячьего рагу, подслащенного свежими яблоками. После чего прогулялся по мастерской.

– Неплохой урожай, Пинки, – похвалил я. – Сколько из них уже продано?

– Предостаточно, – отозвался он из гостиной. Тут я услышал голоса доктора и мисс Говард и поспешил обратно к дверям, чтобы застать ритуал, коему Пинки подвергал всякую особу женского пола, осенившую своим визитом его «скромное пристанище».

Отвесив глубокий поклон, он произнес:

– Я глубоко почтен, мисс, – начал он с гроыхающей искренностью и простер руку. – Прошу... – И он принялся расчищать путь сквозь горы мусора к единственному у него мягкому креслу, выдавшему виды, но удобному, которое стояло у переднего окна. Закончив разгребать хлам на полу перед креслом, он выхватил откуда-то из завалов маленький восточный коврик и разостлал его, чтобы мисс Говард было куда поставить ноги, словно богемской королеве на троне. В обычных обстоятельствах она вряд ли позволила бы кому-то с собой так обращаться, но Пинки был настолько искренен и в то же время настолько диковат в этой своей заботе, что кто угодно на ее месте повременил бы с привычными реакциями.

– Ну-с, Алберт, – благодушно произнес доктор, – неплохо выглядите. Слегка опухшим, конечно, но местами... Как поживает наш ревматизм?

– Всегда где-нибудь караулит, – улыбнулся Пинки. – Но у меня есть свои средства. Могу ли я предложить вам обоим что-нибудь откусать? Или, быть может, выпить? Пива? Воды?

– Да, я бы не отказался от стакана пива, Алберт, – сказал доктор, глянув на мисс Говард. – Приятная ночь сегодня, хоть и не такая прохладная, как я ожидал.

– Да, пиво было бы кстати, – подала голос мисс Говард.

Пинки воздел указательный палец, показывая, что сейчас вернется, и пропал в глубинах квартиры. Я вдруг заметил, что при ходьбе он как-то странно хлюпает. Я посмотрел на его ноги и обнаружил, что огромные туфли Пинки заполнены соломой и еще чем-то – в глазах мира это могло показаться овсянкой.

– Слушай, Пинки... – произнес я, следуя за ним. – Ты, наверное, знаешь, что у тебя в туфлях овсянка?

– Лучшее средство от ревматизма, – ответил он, хватая несколько бутылок пива и споласкивая под краном с холодной водой пару подозрительных на вид стаканов. – Последнее время что-то стало больновато гулять. Солома и холодная овсянка – вот мой ответ. – И он

устремился обратно к гостям.

– Ну-у, ясно, – протянул я, по-прежнему не отставая от него ни на шаг. – Но ты же знаешь – никто в Нью-Йорке столько не гуляет, как ты.

Прохлюпав в комнату, Пинки водрузил бутылки и стаканы на столик, переделанный из старого ящика, и принялся разливать.

– Вот, прошу вас, – объявил он, протягивая стаканы доктору и мисс Говард. – За вас, мисс Говард, – провозгласил он, поднимая свой. – Младой красой люблюсь девы, младой красой, достойной лика Евы. Будь магам я сродни, жезла волшебного движением одним мгновеньям бы велел остановиться, чтоб вдоволь насладиться сей красотой.

– Прекрасные стихи, Алберт, – отозвался доктор, поднимая стакан и делая глоток. – Ваши? – спросил он, хоть даже я знал, что вопрос риторический.

Пинки кротко склонил голову:

– Скверные, однако мои. И они подходят вашей спутнице.

Мисс Говард была совершенно очевидно растрогана, а так повлиять на нее – не такой уж простой фокус для представителя мужского пола.

– Благодарю вас, мистер Райдер, – сказала она, также поднимая стакан и поднося его к губам. – Это было восхитительно.

– Скажи, Пинки, – вмешался я в беседу, памятуя о том, что он еще и большой поклонник скачек, – как твои успехи в сегодняшних «Пригородных»?

На его лице отразилось одновременно недовольство и возбуждение:

– Боюсь, мне сегодня не достало времени сделать ставку, – ответил он. – Но странно, что ты упомянул о бегах, Стиви... – Он вновь поднял указательный палец и жестом предложил нам проследовать за ним в мастерскую, что мы и сделали. – Весьма загадочно сие совпадение, весьма! Видите ли, я тут кое над чем работаю. Это картина, если можно так выразиться, с историей. Несколько лет назад я свел мимолетное, однако весьма компанейское знакомство с одним официантом, который впоследствии поставил на скачках все свои сбережения – и проиграл. В отчаянии он застрелился.

– Какой ужас, – сказала мисс Говард; однако шок ее не смог скрыть, если так можно выразиться, очарованности представшими ее взгляду многочисленными полотнами.

– Да, – ответил Пинки. – И это заставило меня задуматься – не стану говорить, как именно, однако вы должны увидеть результат этих размышлений, ибо, как я предполагаю, тут могут быть какие-то перспективы.

И он подвел нас к огромному мольберту в углу мастерской, где стоял холст фута два на три, покрытый легким, вымазанным красками куском ткани. Пинки зажег соседнюю газовую лампу, выкрутил огонек поярче и шагнул к мольберту.

– Предупреждаю, работа далека от завершения, – сказал он, – но... вот... – И он откинул ткань.

Под ней оказалась, пожалуй, самая зловещая из всех его картин, что я когда либо видел. На ней был изображен изрытый лошадиными копытами овальный трек ипподрома, окруженный такой же грубой изгородью. На переднем плане в грязи извивалась большая, жутковатого вида змея; над ней вдали проступали голые холмы и небо настолько угрюмое, что непонятно было, это день или ночь; по треку же мчался одинокий всадник – Жница-Смерть собственной персоной, она скакала без седла не в ту сторону, воздев огромную косу.

Надо сказать, большинство картин Пинки были загадочными, но эта штука была совсем уж мрачной – даже пугающей. И доктор, и мисс Говард были потрясены зрелищем – глаза у них загорелись от восхищения.

– Алберт, – медленно произнес доктор, – это бесподобно. Духераздирающе, но в то же время просто бесподобно.

Пинки застенчиво хлюпнул овсянкой и еще больше засмутился, когда мисс Говард добавила:

– Это необычайно... Правда... очень захватывающе...

– Я решил назвать ее просто – «Ипподром», – сказал Пинки.

Я перевел взгляд с доктора и мисс Говард на Пинки, затем – на картину.

– Что-то я не понял, – произнес я.

Пинки улыбнулся мне и погладил бороду:

– *Вот* что мне нравится слышать. Чего ты не понял, юный Стиви?

– Что это за змея? – спросил я, указывая на гада.

– А что, *по-твоему*, это за змея?

– Должно быть, чертовски быстрая змея, коль идет вровень с лошадьёю. – Пинки явно понравились эти слова. – И к слову о лошади – я не знаю, но, по-моему, она бежит в другую сторону, ты ж должен это знать.

– Верно, – ответил Пинки, глядя на полотно.

– И что это с небом? – продолжил я. – Это день или все-таки ночь?

– А знаешь, – ответил Пинки, прищуривая свои непонятного цвета глаза, – об этом я как-то не думал.

– Ага... – протянул я, еще раз окидывая взглядом картину. – Ну, в общем, ты меня прости, Пинки, только меня колотит от этой штуки. Я

лучше вон ту возьму. – И я показал на симпатичную, яркую картину, изображавшую очаровательную девочку с рыжеватыми волосами: туманную, да, но успокаивающую, а вовсе не мрачную.

– А, – произнес Пинки. – Моя «Маленькая дева Акадии». Да, мне она тоже больше нравится – и она почти закончена. У тебя хороший глаз, юный Стиви. – И он покрыл тканью мольберт со своим жутким полотном. – Итак, Ласло, вы пришли справиться о моем здоровье или же на то была другая причина? Я подозреваю последнее, ибо вы человек, у которого на все причина найдется.

Доктор немного смущенно посмотрел вбок.

– Жестоко, Алберт, – сказал он с улыбкой. – Однако справедливо. Я говорил вам, Сара, что Алберт мог бы стать психиатром, если бы пожелал. – В ответ Пинки потушил лампу, и мы отправились обратно в гостиную. – Суть в том, Алберт, что мы явились к вам за рекомендацией.

– Рекомендацией?

– Нам нужен портретист, – ответил доктор, пока мисс Говард устраивалась на своем блохастом троне. – Такой, чтобы мог написать портрет не с натуры, а единственно руководствуясь детальным описанием.

Пинки этим заинтересовался:

– Весьма необычная просьба, Ласло.

– Вообще-то это моя просьба, мистер Райдер, – сказала мисс Говард, и это было весьма мудро с ее стороны, поскольку Пинки мог учуять что-то не то, услышь он такое от мужчины, однако просьба женщины была для него подобна велению свыше – особенно молодой и красивой женщины. – Это моя дальняя родственница... точнее, была ею. Недавно она неожиданно скончалась. Утонула в море. И мы обнаружили, что у нас не осталось ни одного ее изображения, даже фотографического – никакой памяти. Мы с кузиной – она живет в Испании, как некогда и покойная, – мы обсуждали, как бы нам хотелось иметь хоть какой-то образ ее, и доктор сказал, что возможно написать ее портрет, руководствуясь воспоминаниями и словесным описанием. – Мисс Говард крайне очаровательно отпила пива. – Как вы думаете – это возможно? Меня просто потрясли ваши работы, так что ваше мнение для меня очень многое будет значить.

Что ж, господа, Пинки повелся: он схватился за лацканы своей поношенной шерстяной куртки – обычная сутулость его почти пропала из осанки – и принялся мерить шагами комнату, ступая с таким видом, будто бы туфли его выделаны из самолучшей лакированной кожи, а не набиты доверху соломой вперемешку с овсянкой.

– Понимаю, – произнес он раздумчиво. – Любопытная идея, мисс

Говард. Вы сказали, что эта ваша родственница – женщина?

– Да, – ответила мисс Говард.

– Вообще-то в Нью-Йорке много великолепных портретистов. Обычно лучше всего подошел бы Чейз – вы его знаете, Крайцлер?

– Уильяма Меррита Чейза¹³? – переспросил доктор. – Только шапочно, однако я знаком с его работами. И вы правы, Альберт, это прекрасный кандидат...

– Вообще-то, – прервал доктора Пинки, – мне так не кажется. Если героиня портрета женщина... и вы намереваетесь работать лишь по памяти... Мне кажется, работу следует поручить женщине.

На лице мисс Говард заиграла улыбка – ни в малой степени не напускная.

– Какая замечательная идея, мистер Райдер! – Мисс Говард со значением глянула на доктора. – И как это свежо... – Доктор, не выдержав, при этих словах закатил глаза, однако от комментариев удержался. – Известна ли вам такая женщина?

– Коллеги меня частенько поддразнивают за то, что я стараюсь смотреть как можно больше работ других художников, – ответил Пинки, – невзирая на их подготовку. Или пол. Я всегда верил в достоинства любого серьезного полотна, кто бы его ни написал. И вы правы, я уверен, что знаю ту, кто способен вам помочь. Ее зовут Сесилия Бо¹⁴. – Мисс Говард склонила набок голову, словно бы узнав имя. – Вы что же, знаете о ней, мисс Говард? – спросил Пинки, готовясь изумиться.

– Мне кажется, я слышала это имя, – ответила мисс Говард с некоторым усилием. – Она случайно не преподает?

– А как же. В Пенсильванской академии. И ее ожидает большое будущее.

Мисс Говард сразу помрачнела:

– Нет. Видимо, не она...

– Но кроме того, она ведет частный класс, – продолжил Пинки. – Дважды в неделю, здесь, в Нью-Йорке. Вот почему я сразу о ней вспомнил.

– И где она проводит занятия? – поинтересовался доктор.

– В особняке миссис Кэди Стэнтон¹⁵.

– Ну разумеется! – просияла мисс Говард. – Мы старые приятельницы с миссис Стэнтон. И я слышала, как она отзывалась о мисс Бо – с большим, надо сказать, восхищением.

– Иначе и быть не могло, – рассудил Пинки. – Качество работ этой женщины достойно всяческих похвал – в общем, Ласло, единственно, что я

могу еще про нее добавить: она видит самую душу человека. Ее весьма высоко оценили в Европе и, несомненно, оценят здесь, дайте только срок. Выдающиеся портреты, правда – особенно хорошо ей удаются женщины и дети. Да, чем больше я думаю о ней, тем больше склоняюсь к тому, что Сесилия Бо – ваш человек.

– И я легко найду ее через миссис Кэди Стэнтон, – сказала мисс Говард, глядя на доктора. – С утра первым делом.

– Стало быть, – провозгласил доктор, вновь поднимая бокал, – проблема наша решена. Я знал, что мы не зря почтим вас визитом, Алберт, – вы просто живая энциклопедия искусств. – При этом Пинки заметно покраснел и смущенно заулыбался, но посерьезнел, стоило доктору продолжить: – Ладно, Алберт, вернемся к вашему «Ипподрому» – он уже продан?

Некоторое время они обсуждали судьбу картины, прихлебывая пиво. Пинки еще не продал это тревожное полотно, но заверил доктора, что еще долго не будет искать на него покупателя, ибо картина далека от завершения. (Кстати, не будет она завершена аж до 1913 года.) То же самое он говорил обо всех своих полотнах, и доктор не мог не выказать обычного для прочих коллекционеров раздражения тем, что Пинки не желает считаться с холодным миром реальности. Наконец он исчерпал тему, и все заговорили об искусстве в целом, а я снова забрел в мастерскую и поел еще немного восхитительного рагу. За едой я еще поразглядывал «Маленькую деву Акадии» – и тут понял, что смутно – вполне в стиле нашего хозяина – на холсте изображена Кэт.

Мы просидели у Пинки еще около часа – очень мило, среди гор реликвий, мусора и отбросов. Забавная у него жизнь – фактически старикан жил только ради своих картин, и для счастья ему более ничего не требовалось. Разве что немного скромной пищи, мастерская для работы и возможность совершать свои затяжные прогулки. Просто, скажете вы, и я соглашусь с вами – ага, настолько просто, что жить так способны лишь единицы из миллиона.

Глава 11

На следующее утро мисс Говард позвонила нам по телефону – сообщить, что связалась с миссис Элизабет Кэди Стэнтон, знаменитой старой крестоносницей, что вот уже полвека сражалась за права женщин. Мисс Говард, как мне показалось, не просто знала миссис Кэди Стэнтон (которая всегда настаивала, чтобы к фамилии мужа собеседники прибавляли и ее девичью), но и глубоко уважала ее с самого детства; а поскольку миссис Кэди Стэнтон имела родственников среди аристократических обитателей долины Гудзона, неподалеку от фамильного поместья Говардов, познакомились они через общих друзей довольно давно. Мисс Говард предупредила доктора, что с миссис Кэди в качестве агента-посредника между нами и мисс Сесилией Бо могут возникнуть сложности, поскольку миссис Стэнтон, воробей стреляный, отлично представляла себе личные и деловые связи приятельницы. К примеру, ей было прекрасно известно, что у мисс Говард и в помине не было никаких внезапно усопших родственников – так что подобная ложь отпадала сама собой. Что, в свою очередь, ставило нашу соратницу перед необходимостью изрядно потрудиться, дабы ее нужда в портретистке выглядела в глазах старой хищницы достаточно невинно. Однако миссис Кэди Стэнтон также знала, что мисс Говард занимается частным сыском, и ее моментально заворожило то, в чем она подозревала некую интригу, – настолько, что она фактически открыто потребовала права присутствовать на художественном сеансе, намеченном мисс Говард на вечер четверга в стенах дома № 808 по Бродвею. Не имея никакой возможности вежливо намекнуть миссис Кэди Стэнтон, что ей бы лучше не лезть не в свое дело, мисс Говард была вынуждена смириться. Так что в итоге у нас намечалась случайная гостья.

Тем временем сеньора Линарес прислала мисс Говард записку: ее супруг начал что-то подозревать в ее частых отлучках, и она, пожалуй, сможет более-менее безнаказанно улизнуть к нам в последний раз. Все, что нам от нее нужно еще, придется выпрашивать только в четверг вечером. Что же до детектив-сержантов, их кубинский рейд не принес ничего, кроме весьма неприятных переживаний, и они убедились, что ни у кого в Кубинской революционной партии не достанет мозгов и организационных навыков, чтобы совершить нечто похожее на похищение маленькой Аны Линарес. Сие скромное подтверждение теории женщины-похитительницы,

работавшей в одиночку, заставило доктора днем в среду замкнуться в своем кабинете и пребывать там до следующего утра; впрочем, утром он из кабинета так и не выглянул – завтрак его был на подносе, а сам он оставил строжайшее распоряжение ни в коем случае его не беспокоить. Мистер Мур в компании мисс Говард объявился у нас в четверг около двух часов дня с намерением составить план вечернего сеанса. Обнаружив доктора по-прежнему запершимся в кабинете, они заинтересовались у меня, в чем, собственно, дело, на что я ответил: понятия не имею, вот только последние сутки от доктора ни слуху ни духу. Тем не менее нам следовало готовиться к вечеру, поэтому мы втроем направились к кабинету.

Мистер Мур постучал, на что получил резкий ответ:

– Подите, пожалуйста, прочь!

Он взглянул на меня, но я смог лишь пожать плечами.

– Крайцлер? – сказал мистер Мур. – Что за дьявольщина происходит – вы там сидите уже два дня! Пора готовиться к работе над портретом!

Изнутри донесся протяжный и яростный стон, затем дверь открылась. На пороге возник доктор, облаченный в смокинг и домашние тапочки; он не отрывался от книги в руках.

– Да, и мог бы просидеть два года, пока не нашел бы чего-то стоящего. – Он посмотрел на нас пустым взором, затем тряхнул головой, приглашая последовать за ним в кабинет.

По трем стенам кабинет имел полки и панели красного дерева, массивный же стол доктора стоял у окна по четвертой стене. Повсюду высились кучи раскрытых книг, журналов и монографий. Некоторые выглядели так, словно их аккуратно туда положили, другие же явно были отброшены.

– Я пытался, – объявил доктор, – собрать для всех нас научные свидетельства касательно психологических особенностей во взаимоотношениях матери и дитя. И труды коллег меня разочаровали уже в который раз.

Мистер Мур ухмыльнулся и смахнул пару журналов с дивана, на который не замедлил плюхнуться.

– Ну что ж, это прекрасные новости, – сообщил он. – По крайней мере, теперь нам не придется их зубрить, а?

Он намекал на дело Бичема, в ходе которого доктор вынудил весь наш отряд штудировать не только фундаментальные труды по психологии, но и кипы статей, принадлежавших перу специалистов, имевших отношение к нашему расследованию. Даже мы с Сайрусом не избежали всеобщей участи, и было это, скажу я вам, ох как нелегко. Немного найдется на свете таких

трепачей, что сравнятся с обычными психологами и алиенистами.

Доктор лишь хмуро глянул на мистера Мура.

– При условии, что мозг ваш впитал хотя бы малую толику почерпнутого вами в прошлом году, – с легким отвращением начал он, – то нет, я не знаю, что тут еще можно сделать. Сущий идиотизм! Безукоризненно здоровые, рационально мыслящие люди – едва добираются до одного конкретного инстинкта, материнского, как начинают нести околесицу! Послушайте августейшего герра Шнайдера, одного из любимчиков Джеймса, Джон. – (Мистер Мур тоже учился в Гарварде с доктором, а кроме того, хоть и недолго, посещал лекции профессора Джеймса.) – «Едва супруга становится матерью, все ее помыслы и чувства, вся ее сущность переменяются. До тех пор ее заботило единственно собственное благоденствие, удовлетворение присущего ей тщеславия; весь мир вокруг существовал лишь для нее одной; все, что ни происходило вокруг, отмечалось ровно настолько, насколько представляло для нее пользу – теперь же, однако... – тут голос доктора налился зловещим сарказм, – центр ее вселенной сместился с нее самой на ее ребенка. Она не помышляет уже о терзающем ее голоде – сперва она должна удостовериться, что сыто ее дитя, – и теперь она крайне терпелива с некрасивым, верещащим плаксой, хотя прежде любой резкий звук, легчайший намек на неприятный шум ее раздражали». Я спрашиваю вас, Сара, – вы когда-нибудь слышали такую ахинею?

Лицо мисс Говард приобрело смиренное выражение:

– Боюсь, это распространенная точка зрения.

Доктор продолжал неистовствовать:

– Да, но вы прислушайтесь к тому, что он говорит дальше: «Таковы, по крайней мере, неиспорченные, естественно взращенные матери, кои – увы! – встречаются нам все реже». Но собирается ли он далее перейти к умственному устройству все более многочисленных «не-естественно взращенных» матерей? Не тут-то было! – И доктор отшвырнул фолиант.

Во время этой тирады колесики в голове мисс Говард завращались, и она нахмурилась – ей пришла мысль.

– Доктор... – начала она.

Но тот еще не закончил. Подхватив следующую книгу, он проревел:

– А теперь послушайте, что пишет сам Джеймс: «Родительская любовь есть инстинкт более развитый в женщине, нежели в мужчине, – пылкая преданность матери своему хворому или умирающему чаду, возможно, есть, попросту говоря, прекраснейшее явление добродетели, что позволяет нам человеческая жизнь». И на этом – всё! Как отзовется такой человек,

хотелось бы мне знать, представь я ему десятки случаев, собранных мною за много лет, когда матери бьют своих детей, морят их голодом, швыряют в разожженные печи или просто убивают? Это непостижимо!

– Вы правы, доктор, – вновь попыталась вставить слово мисс Говард, – но интересно, могут ли эти пагубные измышления нести в себе какую-то пользу?

– Только лишь умозрительно, Сара, – фыркнул доктор, отправляя книгу в общую кучу, а затем снова беря в руки первый томик. – Лишь одна-единственная краткая ремарка Шнайдера дает хоть какой-то просвет: «Она» – то есть наша мать – «говоря по существу, переносит весь свой эгоизм на дитя».

– Да, именно, – кивнула мисс Говард. – Представьте себя одной из этих неестественно возвращенных матерей – она потеряла собственных детей и более не способна к деторождению: не ощутите ли вы тягу неким образом добыть себе другого – хотя бы для того, чтобы доказать: вы способны удовлетворительно выполнять функцию, определяемую обществом как основное женское предназначение?

Лицо доктора утратило выражение, руки опустились, и он зашвырнул Шнайдера в одну кучу к Джеймсу.

– И в правильном индивидуальном контексте, – произнес он, кивая, – эта тяга способна возрасти так, что она уничтожит естественные сдерживающие силы... Что ж – где были вы все эти два дня, мой оракул женской души? – Он подошел к мисс Говард и возложил руки ей на плечи. – Бог знает сколько часов и страниц бесплодных штудий ушло у меня на то, чтобы прийти к тому же самому заключению! – Доктор дошел до двери и крикнул в коридор: – Сайрус! Набери-ка мне ванну, если тебе не сложно, и приготовь свежую перемену платья! – После чего он вновь обернулся к мисс Говард. – Последний раз, когда мы работали вместе, Сара, мы изучали известные законы психологии. Но теперь предубеждения нашего общества вынудят нас писать новые, как я подозреваю. Вам надлежит тщательно все записывать и всегда быть под рукой, ибо ваша точка зрения – нужнее прочих. Поскольку мы сами не можем...

В этот момент речь доктора была прервана легким посапыванием с дивана: мистер Мур спал сном младенца.

– М-да, – вздохнул доктор. – Скажем так: некие другие точки зрения будут гораздо менее важны. Хотя пусть пока отдохнет – ибо если нам повезет, завтра ему придется выйти на улицы.

Когда доктор принял ванну и переоделся в чистое, выяснилось, что единственный способ поднять мистера Мура на ноги – это предложение

позднего ланча у Дельмонико, что на Мэдисон-сквер. Этому заведению доктор Крайцлер уделял теперь меньше времени ввиду того, что мистер Чарли Дельмонико, держа нос по ветру модных веяний и финансовых подвижек в северной части города, недавно открыл дополнительный ресторан на 44-й улице; и хотя он клялся доктору, что никогда и не думал прикрывать заведение на Мэдисон, тот все же полагал, что подобное решение есть лишь вопрос времени, но судьба этим местом распорядится по-своему. И потому в знак протеста старался по мере сил воздерживаться от визитов к Чарли (полностью игнорировать его было решительно не в силах доктора).

Мы с Сайрусом прогулялись в их обществе до Мэдисонсквер. Хотя на самом деле мы никогда не обедали в ресторане вместе с доктором – в те дни это было немыслимо, – нам нравилось туда ходить все равно, поскольку я свел дружбу с мистером Ранхофером, французом шеф-поваром и властителем кухни, благодаря чему обычно получал коробку-другую хорошей еды, которой мы могли насладиться и в парке. Мы проводили доктора и его гостей до главного входа, где Чарли Дельмонико лично встречал посетителей. Доктор Крайцлер протянул ему руку, которую мистер Дельмонико пожал, хотя доктор полушутливо произнес:

– Я по-прежнему не разговариваю с тобой, Чарлз.

Как только все оказались внутри, я оббежал угол – напрямик к служебному подъезду. Протолкавшись сквозь бригаду орущих мужиков, таскавших ящики с овощами и фруктами, обледеневшие коробки с рыбой и гигантские говяжьи да бараньи бока, я миновал темный тамбур и вскоре очутился на выложенной кирпичом кухне, где со сводов потолка свисали бесчисленные кастрюли и сковородки. До меня уже доносился голос мистера Ранхофера, эхом отзывавшийся от кафельных стен:

– Нет, нет, нет! Свинья! Да я бы не скормил это животному! Ну почему, почему тебе так невозможно это запомнить? – Объектом его гнева был, как я вскоре обнаружил, юный поваренок, отвечавший за десерты: он, похоже, принимал все возмущение своего шефа близко к сердцу и был готов разрыдаться. Мистер Ранхофер – его огромное круглое тулово обернуто в белое, усы такого же цвета щетинились – попытался немного успокоиться, после чего приблизился к рабочему столу юноши. – Ну вот, смотри – я покажу тебе, но только один раз!

Ожидая окончания урока, я принялся глазеть по сторонам: в необъятной кухне, как безумные, вкалывали двадцать или тридцать поваров, помощников поваров и помощников помощников поваров – они все вопили что было мочи, порой я даже не видел, кому. Плиты время от

времени расцветали разно цветными языками пламени, и сотни запахов наводняли это место – одни вкусные, другие скорее странные – сливаясь вместе в один, уже неопределяемый аромат. Все это заведение здорово отдавало дурдомом из тех, где я бывал с доктором, – вот только в элегантных залах наверху люди выкладывали серьезные деньги за то, что рождалось в этом дурдоме.

В какой-то момент я уловил паузу и вцепился в фартук мистера Ранхофера.

– Послушайте! Мистер Ранхофер!

Он обернулся, и после быстрой улыбки нахмурился:

– Пожалуйста... Стиви... уходи! Не сегодня, это безумие... безумие!

– Ага, смахивает на оно самое, – ответил я. – Что стряслось-то?

– Он убьет меня... этот Чарлз просто возьмет и убьет меня! Три частных ланча и следом обед на восемьдесят персон! Как, во имя господи всемогущего, может обычный человек с таким справиться?

– А, ерунда, ты справишься, – отозвался я, вложив в интонацию всю уверенность, какую только смог. – Ты же всегда справляешься, верно? Вот именно поэтому ты и вожак в этой поварской стае.

Это его зацепило. Он снова быстро улыбнулся и заорал кому-то:

– Франц! Две коробки сюда – с крабами! *Бегом!* – И он принялся вытирать ручищи о передник, заламывая их и не переставая следить за тем, что происходило вокруг. Потом снова опустил взгляд: – Прошу тебя... Стиви... бери еду и ступай. Сегодня не лучший день для бесе... – Тут что-то отвлекло его: – Нет! Стоп! Не смей, *имбецил*, как тебе вообще в голову пришло, что... – И он жирной молнией исчез.

Я забрал коробки с едой у парня по имени Франц, который то и дело косился туда, где скрылся его босс, словно в любое мгновение мог получить свою порцию трепки. На обратном пути я стащил с полочки пару вилок и столько же салфеток, после чего трусцой поспешил обратно тем же коридором, куда теперь набилось больше грузчиков, чем прежде.

Сайрус восседал на скамье в парке Мэдисон-сквер за длинной вереницей двуколок, карауливших седоков на Пятой авеню. Не снижая скорости, я промчался между экипажами, пробежал по газону, отмечавшему границу парка, и, подлетев наконец к скамье, с ходу вручил Сайрусу коробку, вилку и салфетку, после чего плюхнулся рядом на траву. Мы немного поболтали, похрустывая крабами – их в тот день приготовили, как я люблю: просто пожарили в масле, – и заели гарниром: итальянским салатом и рисом с бананами. Прекрасная еда – а еще лучше оттого, что бесплатная. Доев, я развалился на травке и побаловал себя сигареткой.

– Сайрус, – сказал я, глаза на небо сквозь кроны и сучья деревьев, – как думаешь, сколько еще пройдет, пока доктор не вытурит миссис Лешко?

– Не знаю, – ответил он, доедая. – Но бесконечно так продолжаться не сможет.

– Ага, – согласился я и немного помедлил, прежде чем позволить сорваться с языка мысли, преследовавшей меня с прошлой ночи, когда я вгляделся у Пинки в лицо «Маленькой девы Акадии». – Сайрус?

– Здесь я.

– Как думаешь, а доктор может нанять Кэт? Ну, в смысле, прислужой.

Повисла долгая пауза, ясно сказавшая мне все, что было у Сайруса на уме, но вскорости он выразил это словами:

– Кэт должна захотеть работать, Стиви. У нее большие планы. Про себя. Сомнительно, что ее это заинтересует.

– Да, наверное. Я просто подумал...

– Знаю я, что ты подумал, – ответил гигант, изо всех сил стараясь мне посочувствовать. – Можешь спросить у доктора – вот только, как я уже сказал, вряд ли она захочет.

Я не стал развивать тему, и, проведя несколько минут в тишине, мы перешли к другому. Но мысль крепко засела у меня в башке, и я намеревался во что бы то ни стало ее проверить.

Когда доктор, мистер Мур и мисс Говард вышли из «Дельмонико», уже было начало пятого, и вид у них всех был при этом довольно несчастный. Доктор торопливо миновал нас с Сайрусом, сухо бросив на ходу:

– Мы прогуляемся, – и все остальные потопали следом. Я умышленно не спешил, равно как Сайрус и мисс Говард, а мистер Мур не отставал от доктора, о чем-то с ним тихо беседуя. Ни Сайрус, ни я не стали допытываться, что же произошло; мисс Говард прочла вопрос у нас на физиономиях.

– Это было ужасно, – сказала она. – Слухи о расследовании в Институте разошлись по всему городу. Даже старые друзья от него отвернулись. Такое чувство, будто нас там и не было. Благослови боже Чарли – без его стараний там было бы вовсе невыносимо.

Мы шли вниз по Бродвею.

То была предсказуемая реакция, как мне показалось, со стороны тех, кто величает себя «обществом», и хоть я знал, что доктор и дальше будет делать вид, будто происходящее никоим разом его не заботит, я также знал, что в глубине души он просто кипит от возмущения. А все потому, что, как и сказала мисс Говард, среди этой общественной стаи было несколько человек, коих доктор почитал за друзей, и видеть, как они ударились в

грубость вместе с прочими... В общем, я даже был рад, что у нас нашлось время для пешей прогулки до штаб-квартиры. И я мог лишь надеяться, что мистеру Муру удастся перевести внимание доктора на наше общее дело к тому времени, когда мы дойдем.

И ему фактически это удалось – во всяком случае, он сделал то, на что разумно было рассчитывать. Когда мы дошли до здания из желтого кирпича и обнаружили поджидавших нас там братьев Айзексонов, доктор заговорил с ними спокойно и деловито. Когда же мы поднялись на шестой этаж, разговор уже свернул на то, как нам следует представить гостям художественный сеанс. Мисс Говард, очевидно, успела предупредить сеньору Линарес, чтобы та не говорила о том, что же произошло в действительности, но сообщила нам, что «ничто» не сможет удовлетворить ненасытного любопытства миссис Кэди Стэнтон. Мисс Говард прикинула, что́ будет, если выдать портретируемую особу за старую приятельницу – или, опять же, родственницу – сеньоры, но это никак бы не объяснило шрамов и ушибов последней; а мисс Говард была уверена, что миссис Кэди Стэнтон непременно поинтересуется их происхождением, ибо мужья, избивающие жен, – та тема, на которую она читала проповеди уже несколько десятков лет. Вообще-то, сообщила нам мисс Говард, миссис Кэди Стэнтон неоднократно критиковали другие руководительницы женского движения, поскольку та вкладывала не меньше усилий в попытки изменить условия, вызывавшие насилие в семьях (пьянство и прочее), и облегчить женщинам выход из сложных ситуаций, смягчив разводное законодательство, нежели в отстаивание избирательного права для своих товарок. Должен заметить, я понимал ее стремления: большинству женщин в моем старом районе было наплевать с высокой колокольни на то, кто у нас президент, – все их силы уходило на то, чтобы пережить супружеские буйства.

В общем, мисс Говард и мистер Мур все еще никак не могли сговориться, что наврать миссис Кэди Стэнтон, когда доктор вдруг заявил, что лучше всего прекратить вилять хвостом и рассказать леди правду – или, скорее, большую ее часть: незачем уточнять, кем *именно* является сеньора Линарес, равно как и распространяться о ее дочери. Вместо этого мы могли бы сообщить, что посреди Сентрал-парка на нее напала другая особа и ограбила ее; если миссис Кэди Стэнтон захочется подробностей, пусть разбирается сама. Мисс Говард поначалу не слишком понравилось это предложение, и она сдалась, лишь когда зажужжал электрический звонок, подсоединенный к кнопке в вестибюле здания: явилась сеньора Линарес. Когда мисс Говард спускалась встретить нашу первую гостью, по лицу ее

было ясно: она убеждена, что миссис Кэди Стэнтон скорее всего это и сделает – «разберется сама».

Выйдя из лифта, сеньора пребывала едва ли не в истерике: она была убеждена, что за ней следят – либо супруг, либо кто-то еще. Поэтому Сайруса незамедлительно услали вниз на разведку: не шныряет ли кто вокруг № 808. Сеньору это несколько успокоило, хоть и не то чтобы окончательно, поэтому она единственно могла выслушать инструкции доктора касательно того, что следует, а чего не следует говорить в присутствии других женщин. Когда снова зазужжал звонок, сеньора вновь ударилась было в панику, но ее остался успокаивать мистер Мур, а мисс Говард отправилась встречать многообещающую художницу и живую легенду.

Глава 12

Пока лифт с лязгом тащился назад, никто из нас толком не представлял себе, чего следует ожидать. Мне казалось, что сейчас к нам фурией ворвется эдакая замшелая бой-баба с кислой миной. Сколь приятным же было мое изумление – да и всех остальных, судя по их лицам, – когда в дверях изящно появилась весьма респектабельная и при этом элегантно одетая леди: волосы ее были тщательно завиты и уложены, а изысканные кружева, обрамлявшие шею и грудь, венчала большая красивая камея. Сперва я решил, что это и есть художница: встречавшиеся мне воительницы за женские права не очень-то жаловали все эти финтифлюшки и драгоценности. Но тут я разглядел, что волосы ее седые, а кожа дрябла и морщиниста, стало быть, по возрасту она никак не могла оказаться подающим надежды художественным дарованием, о котором рассказывал Пинки. Глаза, тем не менее, у нее были молодые, выразительные – может, она и приходится кому-то бабушкой, но соответствующего обращения с собой не потерпит. Она несла с собой трость с медным набалдашником, однако держалась при этом подтянуто и гордо – ни дать ни взять знаменитый ветеран: то была миссис Элизабет Кэди Стэнтон, единственная на свете женщина, которой впоследствии достанет духу переписать Библию с женской точки зрения.

Следом за ней в дверях показалась леди помоложе, которая могла бы показаться старшей сестрой нашей мисс Говард, настолько походили они друг на друга обликом, платьем и манерами. Черты лица мисс Сесилии Бо отличало скорее благородство, нежели красота, и внимание прежде всего приковывали ее светлые глаза. Одетая она была в простую блузку на пуговицах, шею обвивала небольшая лента, а наряд довершала льняная накидка и скромная юбка. Сходство ее с мисс Говард, похоже, внешнею не ограничивалось – они уже болтали, словно две старые подруги: мисс Говард рассказывала мисс Бо о нашем визите к Пинки, та в ответ делилась таким же опытом. Вдобавок, как я узнал позже, в их прошлом также имелось достаточно общего: в частности, обе происходили из состоятельных семей (мисс Говард, как я уже упоминал, выросла в долине Гудзона, мисс Бо – в Филадельфии), которые весьма неодобрительно относились к необычному образу жизни юных леди.

Дождавшись окончания всеобщего знакомства, я шмыгнул на свой подоконник и там уже вовсе рта не раскрывал. По лицу миссис Кэди

Стэнтон, пока она разглядывала присутствующих, было видно, что она пытается разобраться в ситуации, но тщетно. Стоило мисс Бо приготовить свои художественные принадлежности и подвинуть кресло ближе к сеньоре, как мисс Говард выступила с заготовленным – или, как предпочел бы называть его доктор, неполным – разъяснением причин, побудивших нас обратиться к мисс Бо. Глаза миссис Кэди Стэнтон сузились, однако голос оставался вполне дружелюбен:

– Вы сказали, Сара, что это была *другая женщина*? Это весьма необычно – и все из-за денег?

В разговор вмешался мистер Мур, отвлекая ее собственным обаянием от скользкой темы:

– В Нью-Йорке, миссис Кэди Стэнтон, практически все так или иначе происходит из-за денег – и, боюсь, мало что в этом городе можно с уверенностью считать действительно «необычным».

Лицо миссис Кэди Стэнтон мгновенно сделалось гораздо прохладнее, и она обратила на мистера Мура суровый взгляд:

– Разумеется, мистер... Мур, не так ли? Вообще-то я провела немало лет в Нью-Йорке, мистер Мур, и не всегда мне доставались приличные соседи. Так что сейчас, как мне кажется, я могу с уверенностью утверждать: нападение женщины на женщину в Сентрал-парке среди бела дня – отнюдь не частое событие. Быть может, кто-нибудь из полисменов здесь сможет это подтвердить? – И она мотнула головой на Айзексонов, которые, не зная, как им обходиться с этой дамой, все же не обрадовались такой этикетке.

– О! – воскликнул Люциус, доставая носовой платок, чтобы утереть выступившую на лбу испарину. – Я вряд ли... это...

– Не частое, – в итоге изрек Маркус – настолько уверенно, насколько вообще позволяли обстоятельства. – Но отнюдь не неслыханное, мэм.

– Вот как? – не удовлетворилась таким ответом миссис Кэди Стэнтон. – Мне бы хотелось примеров.

Во время этой небольшой пикировки мисс Говард отошла в угол вместе с мисс Бо и сеньорой Линарес – последняя принялась описывать художнице облик нападавшей. Видя, что разворачивающаяся дискуссия грозит оставить миссис Кэди Стэнтон в стороне от столь важного события, доктор позволил себе вмешаться в разговор:

– Если у вас имеется свободный день-другой, миссис Кэди Стэнтон, я с радостью представлю вам любое количество случаев жестоких нападений, совершенных женщинами.

Та развернулась к нему:

– *Женщинами на женщин?* – недоверчиво переспросила она.

– Женщинами на женщин, – подтвердил доктор с улыбкой, предупреждавшей, что он не шутит. – Дочерями на матерей, сестрами на сестер, соперницами, не поделившими объект страсти, друг на друга – и, разумеется, матерями на дочерей. – Он извлек портсигар. – Не возражаете, если я закурю? Быть может, составите мне компанию?

– Нет. Благодарю вас. Но вы можете курить. – Поразглядывая доктора еще минуту, миссис Кэди Стэнтон воздела палец, как раз когда он закуривал. – А ведь я слышала о вас, доктор. Читала некоторые ваши работы. Вы посвятили себя криминальной и детской психологии.

– Верно, – отозвался тот.

– Но ведь не женской психологии, – продолжала миссис Кэди Стэнтон. – Скажите мне, доктор, отчего ни один из исследователей разума не избрал своим предметом женщину?

– Забавно, что вы спрашиваете, – отозвался доктор. – Недавно я и сам задавался таким вопросом.

– Так позвольте я вам отвечу на него. – И, развернувшись в кресле так, чтобы видеть лицо собеседника, миссис Кэди Стэнтон приступила к самой настоящей лекции. – Психологи не изучают женское поведение, поскольку подавляющее их большинство – мужчины; а предприми они такое исследование, неизбежно обнаружили бы, что в основе всего поведения, вами описанного, лежит грубое порабощение и жестокость мужчин по отношению к женщинам. – Здесь ее глаза вновь сузились, однако на сей раз по-доброму. – Вы угодили недавно в серьезную передрагу, доктор Крайцлер. И я знаю, почему. Вы пытаетесь объяснить действия преступников, опираясь на их... как это вы называете... их «индивидуальный контекст». Однако люди не нуждаются в объяснении. Они считают, что вы всего лишь предоставляете оправдание.

– А как вы сами считаете, миссис Кэди Стэнтон? – спросил доктор, затягиваясь.

– Я считаю, что ни одна женщина не является в этот мир с желанием делать что-либо иное, кроме того, что назначила ей природа – а именно, творить и взращивать. Духовным озарением, священной силой созидания наделена каждая женщина по праву родоначальницы человечества. И если эта сила извращена, то можете быть уверены – где-то здесь приложил руку мужчина.

– Ваши слова звучат убедительно, – ответил доктор, – однако идеи, заложенные в них, я нахожу несколько... затруднительными. Разве женщины относятся к отдельному биологическому виду, неподвластному

эмоциям, движущим другими людьми?

– Нет, они им подвластны, доктор. Вовсе нет. По сути, эмоции эти трогают их гораздо глубже. А также – порождающие их причины. Корни чего, я думаю, уходят намного глубже, чем даже такой образованный и прогрессивный человек, как вы, доктор, может себе представить.

– Вы полагаете?

Миссис Кэди Стэнтон кивнула, коснувшись при этом своих седых локонов жестом, свойственным обычным женщинам, но – что странно для дамы ее возраста и воззрений – нимало не смутившись мимолетным кокетством.

– Я согласна с некоторыми вашими работами, доктор. Фактически с большинством. Единственная ваша проблема, насколько я могу судить, заключается в том, что вы недостаточно развиваете понятие о своем контексте. – Она властным жестом возложила руки на трость. – Что вы думаете о влиянии пренатального периода на формирование личности?

– Ах да, – отозвался доктор. – Ваша излюбленная тема.

– Так вы оспариваете?

– Миссис Кэди Стэнтон... помимо воздействия, оказываемого физическим состоянием организма, не обнаружено клинических подтверждений тому, что мать обладает каким-либо формирующим влиянием на вынашиваемый плод.

– Ошибаетесь, сэр! *Большой* ошибки вы и допустить не могли. Все девять месяцев предродового периода каждая мысль, каждое чувство матери, а не только телесные проявления, разделяются и впитываются податливой жизнью, растущей внутри нее!

Тут доктор начал походить на генерала Кастера в тот миг, когда ему доложили, что число индейцев в округе несколько превышает первоначальные ожидания¹⁶. Миссис Кэди Стэнтон удалось втянуть его куда глубже в дискуссию, сперва представлявшуюся ему приятной забавой, однако быстро переросшей в полномасштабные дебаты. Минут через десять я вовсе перестал соображать, о чем идет речь, – главным образом потому, что не особенно следил за ней: мне куда больше хотелось взглянуть, чего добились остальные три женщины. Поэтому убедившись, что никто вроде не смотрит, я соскользнул с подоконника и вдоль стенки переполз в дальний угол, где зарождался набросок. Подойдя ближе, я разобрал, что говорила художнице сеньора Линарес.

– Нет... нет, подбородок был менее... меньше выступал. И губы потоньше... да, вот так...

– Понимаю, – отвечала мисс Бо, сосредоточив лучистый взгляд на

раскрытом перед нею большом альбоме. – В целом, значит, вы бы сказали, что лицо ее скорее ближе к англосаксонскому типу, нежели к латиноамериканскому. Так?

Сеньора Линарес задумалась, после чего кивнула.

– С этой точки зрения я ее не рассматривала, но... да – она была похожа на типичную американку, таких можно встретить где-нибудь в старых районах страны, к примеру, в Новой Англии.

Я подвинулся к локтю мисс Говард и взглянул на рисунок. Изображение по-прежнему оставалось неуловимым, подобно картинам Пинки, однако местами карандашу мисс Бо удался более четкий, уверенный штрих. Обретавшее очертания лицо, как и рассказывала сеньора, было костлявым, резким – не отталкивающим, но жестким, такие можно видеть в фермерском городке где-нибудь в Массачусетсе или Коннектикуте.

Неожиданно мисс Говард заметила, что я стою рядом, и улыбнулась.

– Привет, Стиви, – шепнула она. Затем бросила злобный взгляд в центр комнаты, где все так же дискутировали доктор и миссис Кэди Стэнтон. – Спорю, ты бы сейчас не отказался от сигаретки.

– А то я когда отказывался...

Внимание мое было приковано к нежным рукам мисс Бо, точно порхавшим над альбомным листом. Она делала штрих, затем обводила его или чуть смазывала, добиваясь нужной тени, или же вовсе стирала, если он казался сеньоре неверным. Тут она поймала мой взгляд и улыбнулась.

– Привет, – произнесла она тем же шепотом, что и мисс Говард. – Тебя зовут Стиви, правильно?

Я смог лишь кивнуть; сказать по правде, она меня совсем сразила.

– Они так болтают, будто наслаждаются обществом друг друга, – продолжала она, не прекращая рисовать, но теперь время от времени награждая меня знакомой нежной улыбкой, освещенной сиянием ее удивительных глаз. – И что же они могут столь увлеченно обсуждать?

– Толком не разобрать, – ответил я, – но миссис Кэди Стэнтон таки умудрилась залить доктору сала за шкуру, причем в рекордное время.

Мисс Бо тряхнула головой, по-прежнему веселясь.

– Ей так хотелось с ним встретиться... Она вообще часто ведет себя так с людьми, которых находит интересными, – так хочет обменяться идеями с собеседником, что в результате бросается в спор.

– Точно, – согласилась мисс Говард. – Я вот боюсь, что это за мной тоже водится.

– Так ведь и за мной! – обрадовалась мисс Бо, все так же вполголоса. –

А я потом себя за это днями грызу. Особенно с мужчинами – большинство так чертовски снисходительны, что, когда наконец встречаешь нормального человека, сразу набрасываешься и принимаешься ему что-нибудь доказывать...

– А те, будучи столпами силы, – добавила мисс Говард, – тут же спасаются бегством и быстренько прячутся за гоготом хорошеньких безмозглых идиотов.

– Ой, да! Так раздражает... – Мисс Бо вновь глянула на меня. – А ты что же, Стиви?

– Я, мисс?

– Ну да. Как ты с юными леди – предпочитаешь сообразительных барышень или же тебе больше по душе, когда они во всем полагаются на твои суждения?

Моя рука потянулась к голове и принялась нервно крутить вихры; сообразив, что это уж как-то совсем по-детски, я немедленно отдернул ее вниз.

– Я... не знаю я, мисс, – вырвалось у меня, хотя в тот момент я сразу подумал о Кэт. – У меня и не было... ну, этого, то есть этих... Не шибко, в общем, их много было...

– Стиви не стал бы связываться с дурочкой, – убедительно заключила мисс Говард, ободряюще касаясь моей руки. – Можете на него положиться, он из нормальных.

– Я в этом ни разу не усомнилась, – доброжелательно ответила мисс Бо. Затем обернулась к Линарес. – Ну а теперь – глаза, сеньора. Вы говорили, что эта деталь более всех прочих приковала ваше внимание?

– Да, – ответила сеньора. – И это было единственная по-настоящему экзотическая часть ее лица – я уже говорила мисс Говард, ее глаза напоминали кошачьи. Почти как... Мисс Бо, вы видели египетские древности в музее «Метрополитэн»?

– Разумеется.

– Вот что-то близкое в них было. По-моему, не слишком большие, но ресницы тяжелые, темные – от них глаза *выглядели* такими. И еще меня поразил их цвет – пылающий янтарь, я бы сказала, почти золото...

Я наблюдал за руками мисс Бо: те перенеслись к верхнему краю наброска, – и тут дернул головой, услышав свое имя.

– Стиви! Чем ты там занят, а? – Это был доктор. – Миссис Кэди Стэнтон желает с тобой побеседовать!

– Со мной, доктор? – переспросил я, надеясь, что недослышал.

– Да, с тобой, – повторил он с улыбкой и поманил меня рукой. –

Сейчас же изволь подойти!

Оглянувшись на мисс Говард с такой тоской, будто нам с ней уже не суждено свидеться, я поплелся к мягкому креслу, на котором восседала миссис Кэди Стэнтон. Стоило мне приблизиться, как она отставила трость и взяла меня за обе руки.

– Ну-с, молодой человек, – произнесла она, внимательно меня изучая. – Так, значит, вы – один из подопечных доктора Крайцлера, не так ли?

– Да, мэм, – ответил я как можно более безрадостно.

– Он сообщил мне, что за пока недолгую жизнь вам крепко досталось. Скажите мне, – и она наклонилась ко мне так близко, что я отчетливо мог разглядеть седые волоски у нее на щеках, – вы вините в этом свою мать?

Вопрос, признаюсь, застал меня врасплох, и я оглянулся на доктора. Тот просто кивнул: дескать, не робей, говори все, что считаешь нужным.

– Я... – И я помедлил, раздумывая. – Я не знаю подходящее ли слово «винить», мэм. Это ведь она отправила меня по преступной дорожке, как ни верти.

– Вне всякого сомнения, послушавшись совета какого-нибудь мужчины, – категорично заявила миссис Кэди Стэнтон. – Или же он принудил ее.

– У матушки моей было *полно* мужчин, мэм, – торопливо ответил я. – И, скажу вам честно, не думаю, что кто-нибудь из них вообще был способен *принудить* ее к чему-либо. Она пристроила меня в дело, потому что ей нужны были разные вещи – сперва выпивка. Позже наркотики.

– Которыми ее снабжал мужчина.

– Как скажете, мэм, – пожал я плечами.

Миссис Кэди Стэнтон пытливо взглянула на меня:

– Не надо ее так уж сильно винить, Стиви. Даже у состоятельных женщин в нашем мире выбор совсем не велик. Что же до женщин нуждающихся, то у них его и вовсе нет.

– Не сомневаюсь, – ответил я. – Уж вам-то лучше знать. Но, как я сказал, я не знаю, виню ее или нет, мэм. Жить без нее стало куда проще, вот и все.

Еще минуту старуха разглядывала меня, после чего кивнула.

– Мудрый ответ, сынок, – сказала она, оживившись и пожимая мне руки. – Держу пари, ты был сорванцом, пока не повстречал доктора. Такие уж вы все негодяи. Мои трое старших уродились мальчишками, и неприятностям конца и краю не было! Со мной весь город не разговаривал – и все из-за их выходок. – Она отпустила мои руки. – Но это не меняет

моих убеждений, доктор Крайцлер...

И она продолжила речь, а я вновь посмотрел на доктора. Тот вновь мне улыбнулся и едва заметным кивком дал понять, что я могу вернуться к прежнему своему занятию. Тем временем его беседа с миссис Кэди Стэнтон покатила дальше с прежней скоростью.

Мисс Бо понадобилось порядка двух часов на то, чтобы закончить набросок, и все это время я провел с женщинами: отвечал, когда ко мне обращались, однако чаще просто молча наблюдал. Целая, знаете ли, история: сперва слова сеньоры Линарес покидали ее рот, попадали в уши мисс Бо и передавались движениям рук, которые подчас очень точно воспроизводили воспоминания и мысли сеньоры, хотя и не всегда. Мисс Бо извела целый каучуковый ластик и затупила добрую связку тяжелых мягких карандашей, прежде чем работа была закончена; но все равно около восьми вечера на альбомном листе проступило живое, настоящее лицо. И столпившись вокруг, чтобы взглянуть на результат, мы все потрясенно замолкли, что само по себе служило немым свидетельством правдивости слов сеньоры Линарес: лицо это было не из тех, которые можно так вот запросто забыть.

Сеньора, как и предполагал доктор, смогла вспомнить еще ряд деталей касательно внешности той женщины, когда увидела, что ее воспоминания оживают, и лицо, смотревшее на нас с альбомного листа, действительно подходило под все определения сеньоры. Первое, что приковывало взгляд, – вне всяких сомнений, глаза или, если точнее, их выражение: «голодное», сказала сеньора Линарес, и в них взаправду был голод. Но не только; в кошачьих этих глазах виднелось еще кое-что, слишком знакомое мне, то, о чем я предпочел бы не говорить. Я видел это выражение в глазах матушки, когда той требовалось что-либо от меня, или от хахалей; и в глазах Кэт, когда она была «на работе»; *соблазнительность*, невысказанное обещание оделить вас всем вниманием и нежностью, коих вам хочется, если взамен вы сделаете для этой особы то, чего, как вам известно, делать бы не следовало. Остальное лицо – а женщина выглядела лет на сорок – когда-то, наверное, было хорошеньким, однако сейчас выглядело иссушенным, ожесточенным прожитыми годами, если судить по линии подбородка. Нос был маленьким, однако ноздри раздуты гневом; тонкие губы сжаты в полоску, в углах рта – морщинки; высокие скулы намекали на форму черепа, недвусмысленно напомнив мне о Смерти верхом на лошади, изображенной Пинки.

Эта женщина подходила всем домыслам доктора и прочих: жесткая, отчаявшаяся, немало вытерпевшая в этой жизни и готовая к достойному

ответу. Пинки также оказался прав в своих предсказаниях: мисс Бо, ни разу не видевшая свою модель, точно ухватила «самую душу ее».

Мне показалось, что всех присутствующих, включая мисс Бо, слегка ошарашило ею созданное; сеньора же просто сидела в своем кресле и легонько качала головой. Казалось, дай ей волю, и она расплачется. Молчание было нарушено миссис Кэди Стэнтон:

– Это лицо хладнокровного опыта, джентльмены. Маска, черты которой застыли навсегда, изваянные мужским обществом.

Мисс Говард встала и взяла миссис Кэди Стэнтон под руку:

– Да. Разумеется. Что ж, я и не подозревала, что уже так поздно. Вам пора ужинать, миссис Кэди Стэнтон, да и вам, Сесилия. – Она обернулась, чтобы пожать руку молодой леди. – И я не шутила – я бы с радостью записалась к вам в класс или нам как-нибудь можно пообедать или поужинать вместе. В любое время, когда вы окажетесь в городе.

Мисс Бо расцвела, отчасти обрадованная, как мне показалось, возможностью быстрее оказаться подальше от своего творения.

– О да, мне это нравится, Сара. Будет просто восхитительно.

Мисс Говард легонько повлекла обеих дам к двери, и все принялись прощаться. Я немного стеснялся, подходя к мисс Бо, но та шагнула вперед и взяла меня за руку, сказав, что уверена – мы обязательно скоро увидимся, быть может, я составлю им с мисс Говард компанию за ланчем.

Когда они зашли в лифт, миссис Кэди Стэнтон обернулась к доктору:

– Я верю, что *мы-то с вами* видимся не в последний раз, доктор. Для меня это было весьма познавательно... и, надеюсь, для вас тоже.

– Разумеется, – вежливо ответил ей доктор. – Буду с нетерпением ждать. И, мисс Бо, – он извлек из кармана банковский чек. – Надеюсь, вы сочтете это приемлемым. Мисс Говард сообщила мне вашу обычную ставку, однако, учитывая необычность обстоятельств и вашу готовность прийти к нам... в общем...

Мисс Бо взглянула мельком на чек, и глаза ее широко распахнулись:

– Это... это действительно щедро, доктор. Я даже не знаю, как...

– Глупости, – ответил он ей, бросив взгляд на рисунок, лежавший на столе перед сеньорой. – То, что вы сделали для нас, – бесценно.

За тремя женщинами с лязгом задвинулась решетка лифта, и доктор закрыл внутреннюю дверь, задумчиво прислушиваясь к шуму спускающегося агрегата.

Я тяжело вздохнул.

– Ничуть не жалею, что со старой гусыней покончено, – сказал я, отворачиваясь.

Остальные хохотнули, включая доктора.

– Но как подвешен язык, – сказал мистер Мур, растягиваясь на диване. – Прямо говорильный станок.

– Да. Жаль. – Доктор подошел к сеньоре. – Если бы судьба и наше общество не принудили ее ограничить помыслы политикой, она могла бы стать первоклассной ученой. – Он опустил на корточки рядом с сеньорой. – Простите, сеньора Линарес? Мне ни к чему уточнять, та ли это женщина, – я вижу ответ на вашем лице. Однако не могу ли я чем-нибудь еще вам помочь?

Когда она ответила, губы ее дрожали.

– Моя дочь, доктор. Верните мне мою дочь. – Она оторвалась наконец от портрета и потянулась к сумочке и шляпе. – Я должна идти, уже поздно. Вернуться я уже не смогу. – Встав, она взглянула на доктора еще раз, умоляюще. – Возможно ли это, доктор? Вы сделаете это?

– Я думаю, – ответил он, беря ее за руку, – что у нас теперь хорошие шансы. Сайрус?

Тот уже стоял, готовый в последний раз проводить сеньору к экипажу. Она пробормотала слова благодарности всем нам и, когда мисс Говард вернула нам лифт, растворилась в нем вместе с Сайрусом. Заметив состояние сеньоры, мисс Говард обняла ее, и та в итоге разрыдалась. Втроем они и спустились на Бродвей.

Детектив-сержанты неторопливо подбредли к столику, чтобы еще раз взглянуть на рисунок.

– Эта мисс Бо... у нее впереди большое будущее – рисовать плакаты «Разыскивается», – задумчиво проговорил Маркус. – Если не получится в мире искусства.

– Выдающаяся работа, – подтвердил Люциус. – Я видел фотографии в «Галерее негодяев», которые были гораздо хуже.

– О да, – согласился доктор. – И к слову о фотографиях, джентльмены, нам понадобится примерно дюжина копий наброска. Чем быстрее, тем лучше.

– Они будут готовы к утру, – ответил Маркус, сворачивая альбомный лист в трубку и намереваясь забрать с собой. – Как, впрочем, и мы.

– А я – нет! – возразил с дивана мистер Мур.

– Ох, бросьте, Джон, – обманчиво любезным тоном ответил доктор. – Это же и есть подлинная суть любого расследования. Вы рядовой солдат, невоспетый герой...

– Правда? – ответил ему мистер Мур. – В таком случае разнообразия ради я желаю побыть воспетым, Крайцлер, – почему бы вам самому не

заняться обходами?..

Он осекся, оглянувшись на резко распахнувшуюся дверь. В помещение ввалился Сайрус, поддерживая под руку мисс Говард. Та шла вроде бы сама, но вид у нее был такой, будто она вот-вот готова свалиться без чувств. Мы бросились к ним, и доктор немедленно осмотрел мисс Говард.

– Сайрус! – воскликнул он. – Что случилось?

– Я... со мной все хорошо, – прошептала мисс Говард, тяжело дыша. – Просто испугалась, только и всего...

– Испугалась? – переспросил мистер Мур. – Дьявольский же был испуг, если ты в таком состоянии. Что это было?

– Мы посадили сеньору в кэб, – принялся объяснять Сайрус, сунув руку в карман сюртука, – и входили в парадное. Вот это вонзилось в дверной косяк рядом с головой мисс.

И Сайрус явил нам в своей гигантской руке один из самых необычных ножей, что я когда-либо видел: из грубого железа, его рукоятка была обтянута кожей, однако лезвие сияло, изгибаясь несколько раз наподобие буквы S, словно ядовитая змея.

Люциус принял у Сайруса нож, поднес его к свету.

– Вы полагаете, им пытались задеть кого-то из вас? – спросил он.

– Не могу сказать, детектив-сержант. Я не уверен. Впрочем...

– Впрочем? – спросил Маркус.

– С учетом того, как точно он поразил косяк, я бы сказал – нет. Кто бы ни метнул его, он просто хотел нас напугать, не более.

– Или не менее, – протянул доктор, забирая у Люциуса нож. – Так... сеньора говорила, что ей показалось, будто за ней кто-то следил по дороге к нам.

– Ты никого не заметил? – поинтересовался мистер Мур у Сайруса.

– Нет, сэр. Разве что мальчишку, он тут же скрылся за углом – но это никак не мог быть он. Если хотите знать мое мнение, это работа знатока.

Доктор вернул нож Люциусу:

– Профессионал, посылающий предупреждение, – и он указал на нож. – Однако редкий клинок, детектив-сержант. Узнаете?

Люциус нахмурился:

– Да, хотя радости мне это не доставляет ничуть. Это *крис*. Оружие манильцев – те верят, что оно наделено мистическими силами.

– Ага, – буркнул доктор. – Стало быть, сеньора была права. Ее муж знает, где она была. Теперь мы можем лишь надеяться, что ему неизвестно, зачем она к нам приходила, а сеньоре удастся сочинить правдоподобное оправдание.

– Пойдите, – открыл рот я. – Почему вы так уверены в ее правоте? Что это вообще такое? И кто такие манильцы?

– Пираты и наемники, – отозвался Маркус. – Одни из самых опасных людей Западной Пацифики. Они зовутся так в честь столицы Филиппинских островов.

– Ну. И что?

Доктор вновь взялся за нож.

– Филиппинские острова, Стиви, – одна из самых ценных испанских колоний. Подлинная жемчужина в короне королевы-регентши. В общем... – Он вышел в центр зала, все еще рассматривая нож. – Похоже, сегодня ночью мы кое-что нашли... а кое-что потеряли. – Он оглядел нас предельно серьезно. – Пора *действовать*.

Глава 13

Странный филиппинский нож, может, и не причинил никакого вреда мисс Говард и Сайрусу, однако нежеланию мистера Мура приступить к поискам женщины с рисунка нанес смертельный удар. Мистер Мур ведь знал мисс Говард с детства (ее семья владела не только поместьем в долине Гудзона, но и особняком в Грамерси-парке), и хотя она всегда была готова напомнить, что не нуждается в мужской помощи, когда дело доходит до самозащиты – уж что правда, то правда, – мистеру Муру вовсе не понравилось, что ее или кого-либо из нас преследуют спятившие филиппинцы с *крисами* наголо. Так что ясным ранним утром пятницы он отправился в № 808, вооружившись внушительным списком всех городских заведений, предлагавших заботу о детях. Начальству в «Нью-Йорк Таймс» он сообщил, что некоторое время его не будет на месте, а ежели их вдруг чего не устраивает, так они могут смело его увольнять. Тех не слишком-то удивило его заявление, поскольку мистер Мур успел снискать в редакции славу «шалюного ядра»; однако поскольку его репортажи периодически становились сенсационными «фитилями», с его нахальством смирились и теперь увольнять его не стали, а предоставили бессрочный отпуск. (За годы, проведенные в редакции «Таймс», мистер Мур лишь пару раз действительно пересек черту к увольнению, но и тогда изгнания его оказывались временными.)

Детектив-сержанты, мисс Говард и мистер Мур поделили меж собой список и, запасшись фотографическими копиями рисунка мисс Бо, приготовились к долгим дням тщетных визитов в места, коими частенько заправляли люди отнюдь не дружелюбные. Все мы на 17-й улице отдавали себе отчет, что действия эти займут у нас некоторое время – и оно пойдет быстрее, заполни мы его созидательной деятельностью. Для доктора это означало добровольное затворничество в кабинете за прочесыванием трудов по психологии в надежде определить гипотетическое прошлое женщины, по следу которой мы шли. Периодические вопли, проклятья и ругань, доносившиеся из кабинета, указывали на то, что дальше открытий, совершенных им на этой неделе, продвинуться ему не удавалось. Сайрус же был занят поручением детектив-сержантов, тайно отрядивших его составить досье на всех сотрудников, нанятых доктором для работы в Институте, коль скоро Айзексонам приходилось метаться между этим делом и случаем сеньоры Линарес. Никто лучше Сайруса не знал всех

помощников доктора – учителей, воспитательниц, даже уборщиков, – и он, пользуясь паузой, составлял весьма подробные характеристики.

Ну а я... во всей этой истории с филиппинским ножом меня поразило собственное невежество касаясь этих островов: я понятия не имел, ни где они находятся, ни сколь важны для Испанской империи. Так что я попросил у доктора каких-нибудь книг и монографий, способных пролить свет на ситуацию, сложившуюся между США и Испанией. Польщенный моим искренним интересом, доктор удовлетворил мою просьбу, и я, утащив добычу к себе наверх, с головой зарылся в книги.

Поглощенный этими раздумьями, я и встретил субботний вечер – подряд целых два дня напряженной учебы, можно сказать, рекорд за последние два года, что я служил у доктора. И лишь когда на город упала ночь в компании с запоздалой бурей, налетевшей с северо-запада, до меня вдруг дошло, сколько минуло времени: эта неделя уже на исходе, и я вспомнил слова Кэт насчет того, что на следующей она окончательно перебирается из притона «У Фрэнки» в логово Пыльников. Удостоверившись, что доктор все так же сидит у себя, я сообщил Сайрусу, что собираюсь немного проветриться, и отправился в долгое ненастное путешествие к старым своим владениям у перекрестка Бакстер и Уорт-стрит.

Питейное заведение, известное под названием «У Фрэнки», располагалось в доме № 55 по Уорт-стрит и по унылости ни в чем не уступало прочим местам из тех, где доводилось скоротать часок-другой уличной шпане. Однако именно здесь полгода назад я впервые повстречал Кэт. Гвоздями программы здесь были кровавые битвы между собаками и крысами, устраивавшиеся в глубокой яме, редкое по своей молодости собрание девочек на задней половине дома да жуткая бурда из маслянистого дешевого рома, бензола и кокаиновой стружки. И прежде, в бандитские свои годы, я не слишком-то жаловал это местечко, хотя знал многих, кто регулярно здесь околачивался; однако знакомство с Кэт вынудило меня в последние месяцы, как ни жаль это признавать, куда глубже погрузиться в сей жестокий и нищий мирок, чем, наверное, следовало.

Ох уж эта Кэт... Она приехала в Нью-Йорк годом раньше нашей встречи, когда я увидел ее в обществе ейного папаши, мелкого жулика, по пьяни утопшего одной зимней ночью в Ист-ривер. Похоронив его, Кэт несколько месяцев безуспешно пыталась обеспечить себя, торгуя на улице жареной кукурузой со старой детской колясочки, – это ремесло на деле куда труднее, чем кажется. Странные эти нью-йоркские кукурузные

девчонки: в большинстве отнюдь не шлюхи, а основная масса народа – обычно всякая понаехавшая в город деревенщина – почему-то убеждена в обратном. Почему так – неизвестно. Доктор говорил, что это все связано с «подсознательными ассоциациями», что складываются у большинства при виде одинокой девчонки, торгующей на улице «горячим» товаром, ярко выраженной, как это принято называть у алиенистов, «фаллической» формы. Может, и так... Точно ясно одно – большинство мужиков, покупающих у таких девочек кукурузу, обыкновенно убеждены, что покупают интимные услуги; и стоило Кэт сообразить, насколько больше она может заработать на подобном товаре, она ухватилась за эту возможность. И я не осуждаю ее за такой выбор – никто, поработав на улице, не стал бы. Попробуй постой вот так весь день босиком на ветру, поторгуй вразнос кукурузой – не заработав себе даже на койку в самой дрянной ночлежке.

Поначалу Кэт, сменив ремесло, по-прежнему отлавливала клиентов на улице. Но со временем обустроила дела под крышей кабака «У Фрэнки» – так оно было бесперебойнее, безопаснее и, как она говорила, «не так больно для нутра». Меня с ней столкнул случай – я как-то завалил в эту дыру приятеля повидать. Странно это и грустно – вы себе не представляете, во что способны превратить улица и «телесное ремесло» сельскую девчонку всего за какой-то год: к нашей встрече на ней уже клейма ставить было некуда, и столько всего довелось ей навидаться за свой коротенький век, сколько обычному человеку навряд ли выпадет за целую жизнь. Не уверен, может, я и запал на Кэт с первого взгляда; во всяком случае, если чувство и не настигло меня в тот миг, то уж долго ждать себя не заставило. Дерзость ее, по большей части, прикрывала нечто гораздо более пристойное, это я видел даже тогда, хоть она бы это ни за что не признала. А мне, думается, просто хотелось, чтобы кто-нибудь из этих несчастных малолеток в притоне выбрался в другую жизнь, коль скоро я на собственном опыте убедился, что она бывает. Само собой, то была мальчишеская романтическая глупость; только немного в жизни есть вещей сильнее.

Она требовала, чтобы я оплачивал время, с ней проведенное, иначе Фрэнки рассердится. Но большинство ночей мы с ней просто болтали на задней половине притона: она рассказывала, как жила с отцом – в постоянных переездах из одного захолустья в другое, лишь бы всегда на шаг впереди местных законников. Я же рассказывал ей о своей старухе, про карьеру свою бандитскую да и вообще про свое нью-йоркское детство. Прошло много месяцев, прежде чем между нами случилось что-то

физическое, да и то лишь потому, что Кэт наела самопального пойла Фрэнки. Опыт в результате я бы не назвал легким – в этих делах я ни бельмеса не смыслил, она же, понятно, была самым что ни на есть знатоком, и моя неуклюжесть и смущение премного ее забавляли. Мы все же сделали это, и она даже сказала, что у меня все вышло вовсе не так уж плохо; но, по правде говоря, не о таком я мечтал с Кэт. Больше мы не повторяли, но остались друзьями, несмотря на мои непрерывные попытки вытянуть ее из этого дела, временами приводившие ее в настоящее бешенство.

Той ночью я шагал по центру, и на пути мне попадалось множество улиц, на которых я когда-то жил; теперь же мне они представлялись тем, чем и были в действительности, – жутчайшими из всех нью-йоркских трущоб. Хлеставший дождь удерживал большинство обитателей в норах, так что вряд ли мне что-то угрожало – шел я быстро и даже и не заметил, как очутился на углу Уорт-стрит, аккурат рядом с кабаком Фрэнки. Ночная жизнь по субботам здесь кипела всегда, и, подойдя ближе, я увидел, как из темного подвала расползаются детишки, накачавшиеся пойлом и дрянью, – кто лыка не вяжет, кто слегка подшофе. Спускаясь по ступенькам сквозь толпу и здороваясь со знакомыми пацанами, я налетел на Носяру – того паренька, с которым мы на этой неделе болтали на набережной. Он сказал, что фараоны той ночью до рассвета продержали их с друзьями в одних коротких портках, но под утро вроде как все утряслось; короче, они потом всю неделю потешались над газетами, где усердно публиковали полицейские измышления о «безголовом трупце»: дескать он – дело рук сбрендившего анатома или студента-медика. Даже недоразвитому спутнику Носяры по кличке Шлеп было понятно, что все это бредни.

Внутри у Фрэнки меня встретила такая плотная дымовая завеса, что я даже стенки напротив разглядеть не мог; вопли детишек, выкрикивавших ставки, собачий лай и рычанье, крысиный визг – все это подсказало мне, что в яме разворачивается жаркая битва. Я не стал задерживаться, чтобы поглазеть на представление, – то был единственный вид спорта, от которого меня откровенно мутило, – а с трудом двинулся через толпу во второй зал, пока не достиг двери одной из дальних комнат, которую, как мне было известно, с двумя другими девочками делила Кэт. Я громко постучал и услышал изнутри женские смешочки. После чего знакомый голос выкрикнул:

– Ну давай уже, заходи, что ли, хотя если тебе поразвлечься, ты опоздал!

Я распахнул дверь.

Кэт стояла над единственным в комнате вшивым тюфяком, и перед ней был распахнут плетеный чемоданчик. Две ее соседки – я их тоже знал – выпивали, причем явно уже некоторое время. По глазам Кэт было ясно, что и она не отставала. Но завидев меня, она расплылась в улыбке, а соседки ее снова принялись хихикать, едва поздоровавшись; Кэт же подошла ко мне и обняла меня за шею. От нее несло бензолом.

– Стиви! – воскликнула она. – Ты все же решил прийти на мою прощальную вечеринку! Просто прелестно!

В ответ я довольно неуклюже обнял ее, и у одной из девиц вырвалось:

– Да ладно, Стиви, лови момент, пока еще есть, что ловить! – И все снова захихикали.

– Слышь, Бетти, – обратился я к языкастой, протягивая ей пару зеленых, – что б вам с Молл не метнуться по-быстрому до бара, да не поискать там еще чего смешного?

– За два зеленых? – Бетти посмотрела на купюры так, словно перед ней открылось Федеральное казначейство. – Запросто, любовничек! – И, выходя, пробормотала: – Ты уж выдай ему, Кэт, чего-нибудь особенного напоследок. – Та в ответ расхохоталась, дверь за девицами хлопнула, и мы наконец остались одни.

– Я серьезно, – сказала Кэт, томно глядя мне в глаза. – Чудесно, что ты пришел, Стиви... – Но тут она осеклась и убрала руки с моих плеч. – Ой, нет. Погоди-ка минутку. Я же на тебя дико злая. Ты ж чуть было не лишил меня джентльмена с этим своим проклятым кнутом. Я только не пойму, зачем тебе это понадобилось? Он же совсем был старенький, такому для счастья и пары минут достаточно. Ты же знаешь, чем легче работа, тем тяжелее ее заполнить.

Меня передернуло внутри при этих ее словах, но виду я не подал.

– У Пыльников все будет суровее.

– Не-а, – покачала она головой. – Сама себе клиентов буду выбирать. Мой новый так и сказал.

– Твой новый? Это кто ж это?

– Динь-Дон, вот кто, – объявила Кэт и гордо уперла кулачки в бока. – Ну, что? Съел, мистер Чего-Изволите?

Если от прошлой ее реплики меня передернуло, теперешняя, казалось, ахнула мне в лоб, что твоя кувалда.

– Динь-Дон... – только и смог прошептать я в ответ. – Кэт... да как ты...

– А что тут такого? Если кажется, что он слишком старый, так он зато молоденьких любит, сам сказал. А раз он один из главных в банде, теперь

меня в этом городе ни одна собака тронуть не посмеет. И обслуживать тоже больше никого не буду, если он не разрешит.

Несколько минут я просто молчал. Когда я работал на Безумного Мясника, наши с Динь-Доном дорожки пересекались не раз и не два: у Гудзонских Пыльников он распорядился детским отрядом (владения Пыльников включали в себя Вест-Сайд и набережную ниже 14-й улицы), причем распорядился простым и жестоким фокусом – сначала подсаживал детишек на кокаин, после чего перекрывал к нему доступ. Вообще мы этих Пыльников обычно звали «чумовыми» – они все нюхали порошок кокаина, а некоторые даже втыкали его в себя, отчего становились дикими, безрассудными и жестокими до такой степени, что остальные банды старались просто держаться от них подальше, ибо территорию их нельзя было назвать жизненно важной. Однако Пыльники всегда были в фаворе у денежной богемы, разделявшей их страсть к кокаину и любившей частенько заглядывать к ним в штаб-квартиру – старый притон на Гудзон-стрит; главарем у них был отталкивающего вида человек, которого все звали Гу-Гу Нокс, – образованные, но сбившиеся с пути глупцы часто слагали в его честь песенки и поэмы.

Кровь, что я разглядел на перчатке Кэт той ночью, когда мы случайно встретились на Кристофер-стрит, сразу подсказала мне, как она свела знакомство с Пыльниками; сейчас же, словно той перчатки было недостаточно, она уселась на тюфяк и в руках ее блеснула коробочка для сластей, до краев наполненная пылью ослепительной белизны.

– Не хочешь чуточку? – спросила Кэт тем полустыдливый тоном, что всякий раз прорезается у кокаинистов, когда они вынуждены предаваться своему пороку при свидетелях. – У меня полно.

– Не сомневаюсь, – буркнул я. Внутри у меня все бурлило и кипело. – Слушай, Кэт, – произнес я, присаживаясь рядом с ней. – У меня есть одна идея. Я могу тебя из всего этого вытащить. Доктору нужна прислуга – постоянная экономка, с полным пансионом. Мне кажется, я смогу его убедить, если ты захочешь...

Речь мою прервало громкое шмыганье – Кэт вдохнула марафет с запястья. Лицо ее повело от ожога, но оно тут же стало умиротворенным. Наконец она залилась смехом:

– *Прислуга?* Стиви, ты *шутишь*, что ли?

– Какие шутки? – ответил я. – Крыша над головой, прочная – и постоянная – работа...

– Ага, – ехидно отозвалась она, – и могу себе вообразить, что мне придется делать для этого твоего доктора, чтобы ее не потерять.

На меня вдруг накатила волна ярости, и я схватил Кэт за руку, смахнув с запястья остатки порошка.

– Больше не говори так, – процедил я сквозь сжатые зубы. – Даже думать так о докторе не смей. Если ты в жизни своей таких людей не встречала...

– Стиви, черт бы тебя драл! – взвизгнула Кэт, пытаясь спасти остатки развеянного кокаина. – Ты так ничего и не понял, правда? Значит, я никогда не встречала таких людей? Так у меня для тебя новость, мальчик, – таких людей я встречаю с самого приезда сюда, и они уже достали меня, эти твои люди! Ну как же, пожилые джентльмены всегда рады помочь, еще б я их не встречала – вот только они всегда требуют что-то взамен! И я сыта этим по горло! Мне нужен мужик, Стиви, мой собственный, и мужиком этим будет Динь-Дон! И он не мальчик, не глупое дите с дурацкими затеями... – Она умолкла, пытаясь отдышаться. – Ладно. Прости. Ты мне нравишься, сам же знаешь... Всегда нравился. Но я стану в этой жизни кем-то – может, не знаю, танцовщицей в ревю или актрисой – и когда-нибудь выйду за богача. Но ради всего святого – не *прислугой*, у меня самой будет прислуга, чертова ее уйма!

Я встал и двинулся к двери.

– Ну да, – буркнул я. – Я просто подумал...

Она пошла за мной и снова обвила руки вокруг моей шеи.

– Ты замечательно подумал – но это не для меня, Стиви. Если тебе там так хорошо, я за тебя рада. Но вряд ли это сгодится для меня.

Я угрюмо кивнул:

– Угу.

Кэт развернула меня к себе и взяла мое лицо в свои ладони.

– Можешь иногда приходить повидаться – только обещаю вести себя хорошо. Не забывай, я теперь девушка Динь-Дона. Ладно?

– Ну да... Ладно... – И я взялся за дверную ручку.

– Скажи... – Когда я обернулся, она опять улыбалась. – А прощального поцелуя я не дождусь?

С нежеланием, но все же больше – со страстью я склонился к ней; но едва лица наши сблизились, из ее ноздри на верхнюю губу внезапно скатилась большая капля крови.

– Вот черт! – выругалась она, быстро отворачиваясь и стирая кровь рукавом. – Вечно одно и то же...

Я больше не мог выносить всего этого.

– До скорого, Кэт, – попрощался я и вылетел за дверь. Не сбавляя темпа пронесся через бар, мимо бойцовой ямы и наконец очутился на

улице. Какие-то ребята, чьих лиц я не разобрал, мне что-то кричали, но я только бежал быстрее и быстрее, чуть ли не в слезах и не желая, чтобы их кто-нибудь видел.

Я умерил бег, лишь достигнув Гудзона, и быстро направился к набережной: речная свежесть не дала мне расклеиться совсем и разрыдаться. Это глупо, твердил я себе, так близко принимать к сердцу участь Кэт, не под дулом же чьего-то револьвера она ступила на эту дорожку. Она сама выбрала свою судьбу; и как бы ни было мне жаль, так убиваться просто смешно. Слова эти, должно быть, я повторил себе добрую тысячу раз, пока наблюдал за ночными лодками, паромами и пароходами, что двигались вверх, вниз и поперек по водам Гудзона. Но меня утешили отнюдь не эти призывы к разуму, а вид самой реки – она всегда как-то заставляла меня верить, что надежда есть. Было у нее такое свойство, как, видимо, и у всех больших рек: сами глубины их дают понять, что людская суета по берегам сиюминутна, преходяща, и не по ней, в конце концов, будет слагаться величайшая легенда этой планеты...

Домой я добрался только в четвертом часу ночи и сразу завалился спать. Кабинет доктора стоял нараспашку, дверь его спальни закрыта: наверно, он наконец решил немного отдохнуть – однако я заметил тусклый свет, едва пробивавшийся из-под двери спальни. Стоило мне пройти мимо нее по лестнице, свет потух; однако доктор ни разу на моей памяти не выходил вот так посреди ночи, чтобы поинтересоваться, где меня носило или почему я вернулся так поздно. Быть может, Сайрус обо всем догадался и рассказал ему, а может, он просто уважает мои личные дела; так или иначе, я был благодарен ему за то, что смог просто дойти до своей комнатки, запереть ее за собой и молча повалиться на постель.

Однако спустя всего пару часов я очнулся от немилосердной тряски. На мне по-прежнему было уличное платье, и очнулся от глубочайшего сна я не сразу. Еще не признав лица, я определил голос Сайруса:

– Стиви! Вставай-подымайся, пора ехать!

Я тут же вскочил, думая, что, наверно, проспал и забыл о чем-то важном, хотя даже под угрозой смерти не смог бы вспомнить, что это было.

– Иду-иду, – сонно бурчал я, сунув ноги в башмаки. – Запрягу лошадей...

– Я уже все сделал, – ответил Сайрус. – Переоденься в чистое, нам надо встретиться с остальными.

– Зачем? – спросил я, роюсь в комоде в поисках свежей сорочки. – Что случилось?

– Они выяснили, кто она.

Я выронил одежду на пол:

– То есть – дама с портрета?

– Она самая, – ответил Сайрус. – Там, по словам мисс Говард, много любопытных деталей. Мы встречаемся со всеми в музее. – Двигался я по-прежнему с трудом, так что Сайрус протянул мне сорочку. – Давай, парень, просыпайся, – тебе править!

Глава 14

Выкатив с Пятой авеню к Сентрал-парку, забирая вправо к дорожке музея «Метрополитэн» для экипажей, я вдруг впервые понял, насколько безумна, безрассудна или же отчаянна должна была быть женщина, которую мы подозревали в похищении ребенка Линаресов. Строительная площадка нового крыла музея на Пятой авеню протянулась от 81-й до 83-й улицы, а дальше к западу, в глубине парка виднелась квадратная масса красного кирпича оставшихся трех музейных корпусов, также занимавших добрый городской квартал. «Метрополитэн», по определению доктора и его знакомых архитекторов, представлял собой «стилистическую дворнягу»: в первых трех его корпусах оживали готика и Ренессанс, в новом же крыле на Пятой, как они выражались, – «изысканные искусства», но как ни различались по цвету и замыслу различные секции, «старые» корпуса были немногим старше возводимого ныне. Все это для нас означало, что у деревьев и кустарника в этой части парка практически не было времени вырасти, а множество того, что высадили или что успело прорасти само, было уничтожено бесконечным строительством. Так что, когда детектив-сержанты говорили, что преступление совершено среди бела дня и в крайне людном месте, они выражались буквально. Единственным действительно высоким объектом здесь был только египетский обелиск напротив центрального (а в ближайшем будущем – бокового) входа в музей, и сеньору Линарес стукнули по голове, едва она к нему подошла: как я уже говорил, похищение это было делом дерзким, отчаянным или даже безумным, в зависимости от того, с какой точки зрения вы предпочтете его рассматривать.

Поездка вышла настолько быстрой, насколько мне это удалось, и по пути доктор пробовал изложить то, что он почерпнул с первой полосы «Таймс»: пока я правил, он рассказывал о кубинских мятежниках, которые расправились с группой гаванских кучеров дилижансов, а в другой схватке правительство Кубы, по его собственному заявлению, покончило с одним из вожаков восстания. (Первое сообщение оказалось правдой, второе – несбывшимся пожеланием.) Но нам было трудно сосредоточиться на чем-либо, помимо дела перед нами, так что пока я нахлестывал Фредерика мимо церкви по верхней Пятой авеню, откуда после ранних служб только расходились состоятельные семьи Дворцовой мили, я крепко напугал несколько человек, свято убежденных, что воскресное утро – вполне

безопасное время для рассеянных прогулок по бульвару. Мне досталось несколько возмущенных воплей и даже проклятий от леди и джентльменов за разбрызганные конский навоз и мочу, испоганившие их лучшие выходные платья, и в ответ я тоже не преминул бросить им пару крепких словечек; но ничто не задержало наш утренний бег, и не успело пробить одиннадцать, мы уже подъехали к ступеням музея «Метрополитэн».

Обычно доктор, наверное, отправился бы к новому крылу смотреть, насколько продвинулось строительство: первоначальный его архитектор, мистер Ричард Моррис Хант¹⁷, почивший парой лет ранее, также был одним из старых друзей доктора, равно как и сын мистера Ханта, ныне продолжавший работу отца. Но дела наши были таковы, что на сей раз доктор просто выпрыгнул из коляски и бросился вверх по музейной лестнице; оставив позади пару больших железных фонарей по обеим ее сторонам, он пронесся через облицованный гранитом квадратный проем парадного входа. За ним последовал Сайрус, оставив меня в одиночестве решать, что дальше делать с нашим экипажем. Заметив неподалеку другого извозчика, я предложил ему четыре монеты, если приглядит за коляской – пару минут, не больше, сказал я. Это было выше обычной награды за подобную услугу – я и сам порой оказывал ее другим извозчикам, – и он деньгам обрадовался. Я же направился к ступеням, по пути глаза на стены красного кирпича, серые гранитные арки и высокую остроконечную крышу здания, чувствуя то же, что и всякий раз, когда нам доводилось здесь бывать: словно я вступаю в некий храм, чьи службы и ритуалы некогда представлялись мне такими же странными, как у индусов с их полотенцами на головах, но чем дольше я жил у доктора, тем лучше понимал их.

Галереи, начинавшиеся у самого входа, были переполнены предметами, по-моему, самыми скучными: скульптурами, старой (или лучше, наверное, сказать – древней) керамической и стеклянной посудой, а также египетскими вещами. Памятуя о рассказе сеньоры про женщину, похитившую ее ребенка, доктор предположил, что наших друзей мы найдем в египетском зале, – там они и оказались. Мистер Мур и мисс Говард стояли у резной и раскрашенной маски египтянки, сравнивая ее с наброском мисс Бо и кивая: видимо, они сходились на том, что глаза у обеих весьма похожи. После этого, правда, мистер Мур почему-то прыснул, как-то глупо и устало. Детектив-сержанты же серьезно и возбужденно разглядывали пачку каких-то бумаг. В такой час других людей в музее было немного, и когда мы приблизились к компании, те развеселились так, словно шесть или семь праздников для них слились в один.

– Редко удаются такие решающие опознания, – заявил Люциус,

двинувшись к нам. Он старался сдерживаться, но вид у него был такой, будто он готов выпрыгнуть из своего пропотевшего платья.

– Поразительно, – добавил Маркус. – По одному только *наброску!* Доктор, если б мы только могли убедить департамент принять эту идею, она изменила бы весь процесс опознания и судебного преследования.

Следом на нас налетели мистер Мур и мисс Говард.

– Итак, доктор, – начала мисс Говард, – это отняло пару дней, но...

– Вы не поверите! – подхватил мистер Мур все с тем же странным смешком. – Это слишком густо, Ласло, вы никогда не поверите, говорю вам!

Доктор нетерпеливо потрянул головой:

– И не поверю, если никто из вас не сообщит мне, что за чертовщина подразумевается под «этим»! Окажите любезность, Мур, хоть как-то возьмите себя в руки и кто-нибудь, прошу вас, продолжайте.

В ответ мистер Мур лишь отшатнулся в сторону, обхватив руками голову в каком-то измученном изумлении, и попытался сдержать дальнейший смех. Это позволило Маркусу раскрыть нам суть ими обнаруженного:

– Поверите ли вы, доктор, если я вам скажу, что в прошлом году – как раз когда мы с вами расследовали дело Бичема, – женщина, которую мы теперь разыскиваем, работала в доме чуть дальше по улице от вашего?

Я почувствовал, как у меня отваливается челюсть. Судя по лицам доктора и Сайруса, с ними произошло то же самое. Но, несмотря на изумление, было совершенно ясно: все мы поняли, о чем он говорит.

– То есть – в «Доме»? – пробормотал доктор, уставившись на египетский саркофаг невидящим взором. – В «Родильном доме»?

Люциус расплылся в улыбке:

– В «Нью-Йоркском родильном доме». Чьим главным благодетелем был и есть...

– Морган, – прошептал доктор. – Пирпонт Морган.

– Из чего следует, – добавила мисс Говард, – что в тот миг, когда вы с Джоном... *развлекались* в особняке мистера Моргана, он, по сути, платил этой женщине, чтобы та заботилась о матерях и новорожденных. – И она глянула на мистера Мура, улыбнувшись так, словно была не уверена в стабильности его психики. – Вот что *его* так развеселило, понимаете, в сочетании с полным измождением. Он пребывает в таком состоянии с того момента, как мы это узнали, и я, признаться, уже не знаю, как его привести в чувство.

Веселье мистера Мура было вполне объяснимо. Возможно, отчасти

оно усиливалось облегчением от того, что мы засекали добычу, но основной причиной все же служил тот факт, что эта женщина некогда состояла на службе (пусть и косвенно) у величайшего финансиста, сыгравшего важнейшую и, в каком-то смысле, беспокойную роль в нашем расследовании дела Бичема. Была в этом какая-то поэтическая – и да, уморительная – справедливость. Видите ли, в ходе того расследования мистер Мур с доктором были похищены и доставлены в особняк Моргана, чтобы силой утрясти возможное воздействие того дела на город; однако помимо того, что аудиенция здорово сыграла нам тогда на руку, она оставила у этих двоих не самые приятные воспоминания об одном из наиболее могущественных дельцов, банкиров и филантропов страны.

Помимо других своих благотворительных начинаний, мистер Морган являлся главным источником финансирования «Нью-Йоркского родильного дома» – большого особняка, ранее принадлежавшего мистеру Гамильтону Фишу¹⁸ и располагавшегося, как уже заметил Маркус, всего в полуквартале от дома Крайцлера, на углу 17-й улицы и Второй авеню. Там, по словам не столь милосердных, однако знающих людей, Морган устроил перепланировку, расширив здание с тем, чтобы хватило места для коек всем его любовницам. Как бы там ни было на самом деле, это медицинское учреждение оставалось одним из немногих, что работали с детьми, но доктор с его персоналом не общался: отчасти в силу того, что «Родильный дом» заботился о незамужних и неимущих матерях и их потомстве, что не отвечало специализации доктора, но в основном потому, что руководил им доктор Джеймс У. Маркоу, по случайности – личный медик мистера Моргана.

Невероятный набор совпадений, скажет кто-нибудь; но рожденный в Нью-Йорке знает, насколько мал этот город, и подобные вещи приключаются здесь регулярно. Так что хотя осознание сего заняло у доктора добрых тридцать секунд, с другой стороны – это всего полминуты, по истечении коих он обратил свой ум к практическому аспекту.

– Так вы говорите, она работала там в прошлом году? – Взгляд доктора остановился на Маркусе. – Я понимаю, после этого ее уволили или она уволилась сама?

– В каком-то смысле и так, и эдак, – ответил Маркус. – И в каком-то смысле сие покрыто завесой тайны. – Из стопки бумаг в руках он извлек одинокий лист. – Сегодня доктора Маркоу на месте не оказалось, а когда мы застали его дома, он отказался нам помогать. Мы бы могли нажать на него, навестив в официальном порядке, однако нам показалось, что распространение незначительных сумм среди сестер окажется

эффективнее. Так и вышло – и вот, что мы обнаружили. – Он продемонстрировал доктору страницу, испещренную записями. – Для начала, все сестры, работавшие там в прошлом году, безошибочно опознали женщину на рисунке. Ее имя – Элспет Хантер.

Маркус на мгновение остановился – но мгновение это было долгим и хорошо мне знакомым по делу Бичема. Когда охотишься на неизвестного и безымянного субъекта – даже не будучи на сто процентов уверенным в его существовании, – в тот миг, когда многочисленные описания и догадки превращаются в живого человека, тебя охватывает зловещее пугающее чувство: ты вдруг понимаешь, что ввязался в гонку с невысказанно высокими ставками и выйти из игры уже не имеешь права – только победить или быть побежденным.

– Что-нибудь еще из ее прошлого выяснить удалось? – спросил доктор.

– Сестры о ней ничего не знали, – ответил Маркус, – однако нам все же удалось заполнить некоторые пустоты в ее деле.

Люциус со значением взглянул на доктора.

– Вся папка – в штаб-квартире.

– Вот как... – вздохнул доктор. – Преступное прошлое, не так ли?

– Скорее просто обвинения, – продолжил Маркус. Но не успел он открыть рот, зал захлестнул рой детей, подгоняемых несколькими гувернантками: все немедленно учинили жуткий тарарам по пути к саркофагам.

Глядя на них, доктор мгновенно бросил:

– Наверх, – и мы как один рванули по одной из чугунных лестниц в центре на другой этаж, к художественным галереям. Продвигаясь через залы той же торопливой рысью, мы в результате дошли до экспозиции, посвященной американской живописи, – там было пустынно.

– Прекрасно, – подытожил доктор, быстро пересекая паркетный зал и устраиваясь на смотровой банкетке перед громадным полотном мистера Лойце «Переправа Вашингтона через Делавэр»¹⁹. Дернул головой в сторону, заслышав чьи-то шаги, однако то оказался по-прежнему клохчущий мистер Мур. – Продолжайте, Маркус, – велел доктор.

Тот извлек еще несколько страниц из своей стопки.

– Мы... *позаимствовали* эти материалы на Малберристрит. Доктор Маркоу, по всей видимости, написал донесение на миссис Хантер – к слову, она замужем, – после того, как несколько других сестер высказали подозрения касательно опекаемых ею пациентов.

Заслышав последние слова Маркуса, мистер Мур придвинулся к нам ближе, весь подтянувшись настолько внезапно, что нам стало

подозрительно: столь быстрая перемена значила, что близится что-то действительно ужасное.

– Вам лучше подготовиться, Крайцлер, – сказал он, одним тяжким вздохом избавившись от остатков веселья.

В ответ доктор лишь предостерегающе поднял руку.

– Пациентов? – переспросил он. – Вы говорите о матерях?

– Не о матерях, – отозвалась мисс Говард. – Об их детях.

– По всей видимости, – продолжил Маркус, – за те восемь месяцев, что сестра Хантер провела в «Родильном доме», она присутствовала при необыкновенно высоком числе детских смертей... главным образом новорожденных, нескольких недель от роду.

– Смертей? – вырвалось у доктора – тихо, но словно бы в изумленном разочаровании. Будто ему дали клочок информации, никак не укладывающийся в уже сложившуюся мозаику идеи. – Смертей... – повторил он, на мгновение переводя взгляд себе под ноги. – Но... как?

– Точно затрудняюсь ответить, – сказал Маркус. – Полицейские отчеты оказались не слишком подробны. Чего не скажешь о самих сестрах. Они утверждают, что дети... там было четыре случая, по которым они едины во мнении, и несколько более спорных... в общем, сразу после родов все дети были совершенно здоровы, но вскоре у них обнаруживались проблемы с дыханием.

– Необъяснимые затруднения, – вставил Люциус, – в итоге прогрессирующие в цианоз.

– Чё? – буркнул я.

– Характерное посинение губ, кожных покровов и ногтевого ложа, – пояснил Люциус. – Каковое вызывается нехваткой гемоглобина в тонких сосудах, что, в свою очередь, указывает на удушье. – И он вновь посмотрел на доктора. – Два-три предварительных приступа и следом – финальный, когда младенец умирал. Но вот в чем зацепка: всякий раз, когда ребенок действительно умирал, сестра Хантер либо с телом на руках со всех ног неслась к врачу, либо оставалась с ним одна в ординаторской.

Доктор Крайцлер по-прежнему не отрывал глаз от паркета под ногами:

– И врачи в больнице даже не попытались связать между собой эти события?

– Ну вам же известно, как обстоят дела в таких учреждениях, – сказала мисс Говард. – Порой матери немедленно покидают больничные стены, бросая своих детей. С учетом этого уровень смертности среди младенцев всегда высок и не вызывает вопросов властей. Доктор Маркуу обратился в полицию лишь потому, что на это его внимание обратили сестры – не то

чтобы сам по себе он был дурной человек, просто...

– Просто, когда при такой нехватке коек и персонала у тебя на руках оказывается мертвый младенец, – произнес мистер Мур, – проще отправить его на кладбище для бедняков и заняться делами.

– На деле же, – продолжил Маркус, – врачи всякий раз считали усилия сестры Хантер в спасении синюшных детей вполне... героическими, что ли. Им казалось, что она самоотверженно сражалась за детские жизни.

– Понимаю... – Доктор встал, подошел к полотну напротив и заглянул в глаза одному из застывших гребцов генерала Вашингтона. – И что же тогда заставило сестер заподозрить в ее действиях нечто предосудительное?

– Ну, – отозвался Маркус, – они сравнили похожие случаи и решили, что слишком много между ними совпадений...

– А сестру Хантер в больнице не особенно любили? – спросил доктор. Маркус кивнул:

– В том-то и беда – судя по всему, она была крайне надменной и ревнивой особой, мало того – особой довольно злопамятной, если кто-то ей перечил.

Доктор вслед за детектив-сержантом тоже кивнул.

– Если верить прочим сестрам, во всяком случае. Боюсь, Маркус, эти утверждения должно принимать с некоторой долей скепсиса: медицинская профессия порождает мелкие распри и соперничество во всех своих областях.

– Значит, вы не склонны верить рассказам других сестер? – поинтересовалась мисс Говард.

– Не то чтобы не склонен, – ответил доктор. – Не вполне. Просто все это не... – Он энергично тряхнул головой. – Ладно... Продолжайте.

Маркус пожал плечами:

– Как уже заметила Сара, другие сестры помчались докладывать доктору Маркоу, тот обратился в полицию, и сестру Хантер вызвали на допрос. Она истово отстаивала свою невиновность – иными словами, была так возмущена, что практически немедленно уволилась. И дело не в том, что эти преступления – если это действительно преступления – можно было бы доказать. В каждом случае налицо был только внезапный дыхательный паралич у ребенка. А по утверждению сестры Хантер, она лишь делала все от нее зависящее, чтобы продлить жизнь младенцам. Маркоу был склонен поверить ее словам, но... в общем, его сильно заботило финансирование. Нельзя было допускать даже намека на скандал.

– Верно, Маркус, – сказал доктор Крайцлер. И предупреждающе

воздел палец. – Однако вам следует помнить, что факты *вполне* могут толковаться так, чтобы подкрепить утверждения сестры Хантер.

– И доктор Маркоу, как я уже сказал, видимо, с ними согласился. Он не пожелал выяснять обстоятельства дела после ухода сестры Хантер, так что полиции тоже ничего не оставалось. Хантер вернулась домой свободной.

– А у нас, кстати, есть представление, – выдохнул доктор, – о том, где *именно* этот дом?

– Есть... точнее, где он *был*, – отозвался Люциус. – Это есть в полицейском отчете. Э-э... – Он забрал одну из страниц у брата. – № 39 по Бетьюн-стрит. Гринвич-Виллидж.

– У реки, – вставил я.

– Нам следует проверить, – сказал доктор, – хотя скорее всего она переехала. – Он вновь опустил на банкетку и с искренним и, по-видимому, горьким ужасом окинул взглядом всю вереницу ранних американских портретов. – Смертей... – повторил он, все еще не отойдя от услышанного. – *Исчезновение* – это я еще мог предположить, но – *смертей*...

Мисс Говард опустилась рядом с ним:

– Да. Не очень стыкуется между собой, так?

– Это просто за гранью, Сара, – отозвался доктор, обреченно разводя руками. – Это... положительно парадокс. – Вслед за этими его словами в зале воцарилось безмолвие, нарушаемое лишь отголосками веселья, учиненного детьми этажом ниже; спустя пару мгновений доктор все же очнулся: – Ну-с, детектив-сержанты? Зачем же, обнаружив все это, вы призвали всех нас сюда?

– Чтобы во всем разобраться, это место подходит не хуже прочих, – ответил Люциус. – До сих пор у нас не было возможности тщательно изучить район или пройти по следам этой Хантер. А поскольку сегодня воскресенье, мы можем не так много...

Доктор пожал плечами.

– Справедливо, – произнес он, поднимаясь на ноги. – С таким же успехом можно понять, что нам предлагает механический метод. Сеньора Линарес говорила, что девочка любила бывать в скульптурной галерее, не так ли?

– Совершенно верно, сэр, – подтвердил Люциус. – Первый этаж, северное крыло.

– Что ж, – и доктор жестом показал в сторону лестницы, – приступим. Детектив-сержант? Не оказали бы вы такую любезность...

– Заметки для нашей доски, – подхватил Люциус, доставая

блокнотик. – Разумеется, доктор.

Мы спустились в то место, которое здешние гиды обычно называют «скульптурной галереей», хотя здесь, как объяснил мне доктор в один из наших первых визитов, большинство фигур – всего лишь гипсовые копии огромных статуй из других галерей и музеев мира. Их выставили в Нью-Йорке специально для тех, кому навряд ли когда посчастливится пересечь океан и увидеть оригиналы. Поэтому большинство их отличалось одинаковой белизной, а то, как они были свалены вместе, больше напоминало склад. Солнечный свет, проникавший в зал сквозь большие прямоугольные окна, отражался от потолка и лепнины, также ослепительно белых, и красного мрамора, коим был вымощен пол. Деревянные панели стен, напротив, были темны, и в сочетании с арками дверей зал производил впечатление какого-то величия. Что же до самих скульптур, они – равно как и прочая ерунда, занимавшая южное крыло, – на меня особого впечатления не производили, и я сомневался, что оригиналы смотрелись бы иначе. Греческие и римские боги, богини, чудовища и короли (или куски оных, неважно); странные твари и пустоглазые вавилоняне; кроме того – обнаженные фигуры, чаши и вазы со всех уголков света... Представить себе не могу, что тут могло увлечь четырнадцатимесячную девочку. Но самым главным, пока я прислушивался к разговору остальных, казалось мне другое: что же все это могло означать для Элспет Хантер?

– Исходя, разумеется, из того, что она положила глаз на сеньору с Аной именно здесь, – говорил мистер Мур, – а не в парке.

– Как, Джон? – съязвила мисс Говард. – Ты вдруг назвал девочку по имени? Это, безусловно, прогресс. Однако, боюсь, предположение твое маловероятно. Если мы придерживаемся той версии, что похитительницу впервые привлекли живость и непоседливость Аны, по всему выходит, что заметили девочку именно здесь, где ей больше всего нравилось.

– Точка зрения Сары вполне обоснованна, Джон, – поддержал ее доктор. – Это место почему-то было ее персональной игровой площадкой. Интересно другое: что привело сюда оклеветанную сестру милосердия? – И он посмотрел по сторонам на эту помесь мавзолея и зверинца. – Что именно тянуло сюда Элспет Хантер?

Вопрос повис в воздухе без ответа и висел так добрых четверть часа, пока все мы не признали, что ответить на него не в состоянии, и не решили перейти к следующей точке, которую, как нам было известно, навещала сестра Хантер: строительной площадке рядом с Пятой авеню, где она предположительно подобрала кусок свинцовой трубы. Выбравшись на воздух и пройдя немного к востоку, я помахал извозчику, сторожившему

наш экипаж, давая понять, что мы скоро вернемся. После чего я догнал доктора и мисс Говард, шедших по мощеной дорожке, пока Айзексоны, мистер Мур и Сайрус, развернувшись небольшой цепью, прочесывали замусоренный и заросший травой участок, прилегавший непосредственно к стройке. Которая на тот момент представляла собой просто огромную яму.

– Вы уже видели эскизы нового крыла? – спросила мисс Говард у доктора.

– М-м? – отозвался тот, погруженный в раздумья о другом. – Ах да. Я видел оригинальные эскизы еще до смерти старшего Ханта. И последнюю редакцию сына тоже... весьма эффектно.

– Да, – кивнула мисс Говард. – Моя подруга у них работает. Это действительно будет нечто... множество скульптур...

– Скульптур?

– Они украсят фасад.

– Ах... ну да.

– Я знаю, доктор, прозвучит нелогично, – засмеялась мисс Говард, – но связь между тем, что мы обсуждаем и на что смотрим, действительно есть. Все эти аллегорические статуи на фасаде – четыре основополагающих направления искусства, четыре величайших его эпохи – все они будут женского пола. Не заметили? Только небольшие каменные медальоны будут мужскими – портреты знаменитых художников.

Доктор подступил ближе к ней:

– Я усматриваю здесь смысл, Сара.

Та пожала плечами:

– Боюсь, немного затасканный. Символы – женщины, люди – мужчины. И то же самое – у статуй в том зале. Случайная богиня или какой-нибудь безымянный идеал красоты и женственности, произрастающий из мужской головы, – вот и все женские формы. Фигуры же с именами, изваяния личностей, оставивших след в истории? Одни мужчины. Скажите мне, чему это может научить маленькую девочку, когда та вырастет?

– Ничему путному, боюсь, – смущенно улыбнулся доктор, нежно обнимая ее за локоток. – А совокупный эффект минувших тысячелетий только усугубляет положение. Женщины на пьедесталах... Перемены близятся, Сара, хотя и, как мне представляется, со скоростью ледника. Но они придут. Не век вам пребывать идеализированными, поверьте.

– Но это же *извращенная* идеализация, – воскликнула мисс Говард, слегка топнув ногой и скидывая свободную руку. – В ней столько же диффамации, сколько и преклонения. Послушайте, доктор, я не

воспринимаю это как сугубо философское обсуждение. Я пытаюсь понять, что же могло привести сюда эту Хантер. Вавилоняне и ассирийцы с их богиней Иштар, матерью всего сущего, – и в то же время богиней войны, жестокой карающей стервой... – Она мельком глянула на меня. – Ой, извини, Стиви...

В ответ я мог только заржать:

– Будто бы я ничего хлеще не слышал.

Она тоже ухмыльнулась и продолжила:

– А греки и римляне с их богинями-интриганками, изменницами? Или индусская Кали, эта их «Священная Матерь», сеющая смерть и порок? Эта извечная дву-ликость...

Глаза доктора сузились:

– Вы думаете о явных противоречиях в поведении Элспет Хантер?

Мисс Говард кивнула, хоть и медленно:

– Полагаю, что да. Хотя я не до конца уверена в такой связи. Но... сеньора Линарес сказала, что женщина в поезде, как ей показалось, являла искреннюю заботу к Ане. И при этом походила на хищное животное. Сейчас мы выясняем, что она была сестрой милосердия и работала в одной из самых трудных – и уважаемых – областей. Врачи считали ее героиней, другие сестры – убийцей.

В этот момент к нам трусцой приблизился Сайрус, оставшаяся троица шла за ним.

– Ничего интересного, доктор. Хотя детектив-сержант желает пройти до конца.

– Хорошо, – ответил доктор. – Передайте, что мы к его услугам. – И, уже обращаясь к мисс Говард: – Пока что запомните все, о чем сейчас размышляли, Сара. Я тоже что-то ощущаю, однако все еще слишком смутно.

Тут к нам присоединились Айзексоны и мистер Мур. Люциус занял место в центре круга, по-прежнему записывая.

– Так, – начал он, указывая на ступени «Метрополитэна». – Сеньора Линарес с Аной покидают музей около пяти часов. – Он показал на гигантский котлован строительной площадки. – Рабочие уже ушли или уходят. Это четверг, так что они намерены вернуться утром, а значит, не особо утруждают себя уборкой, как перед выходными, следовательно вокруг больше беспорядка, чем сейчас. – Он шагнул к сваленным в кучу водопроводным трубам, частично огороженным бесполезным деревянным заборчиком. – Сестра Хантер знает, что собирается делать, – по крайней мере, в общих чертах. Она ищет оружие и замечает кучу труб. Это уводит

ее в другую от сеньоры сторону, что объясняет, почему ей удалось не попасться на глаза жертве. – Здесь Люциус двинулся на запад, обратно к египетскому обелиску. – Она выжидает, когда сеньора достигнет обелиска. – Мы последовали за детектив-сержантом. – Это единственное место, где есть хоть какая-то растительная маскировка, – единственный шанс атаковать, если ее вообще заботит предстоящее отступление. И вот – начало шестого. Через пятнадцать, максимум тридцать минут здесь пойдут люди – с работы или же просто на вечернюю прогулку; хотя вроде собирался дождь, значит, последний вариант скорее всего отменяется. Но в любом случае – весна и достаточно тепло, множество людей с зонтиками наверняка будут возвращаться домой через парк. Стало быть, ей нужно действовать быстро.

К концу его речи мы уже почти достигли восьмигранника скамеек, окружавшего 70-футовый монумент. По сути, это было единственное место, целиком укрытое растительностью: обелиск из красного гранита (так нам сообщил Люциус), стоявший здесь с 1881 года, когда его подарил Соединенным Штатам глава Египта.

– Тучи удерживают людей от этого места, – продолжал Люциус. – Оно в стороне от привычных маршрутов, сюда приходят только отдохнуть – мимоходом здесь не пройдешь, придется идти специально. – И он был прав – обелиск стоял на холмике, в стороне от главных парковых дорожек. – Сестре Хантер известно, что у нее есть только одна попытка. Она заходит за спину сеньоре, когда та готова присесть на скамью, и наносит ей единственный удар в основание черепа. Хватает ребенка и уходит – куда? – И детектив-сержант с любопытством осмотрелся. – Быстрее всего будет вернуться на Пятую авеню, однако не исключено, что ей не хочется раньше времени быть замеченной. А чтобы вернуться на Бетьюн-стрит, ей необходимо добраться до Вест-Сайда – до станции линии Эл на Шестой либо Девятой авеню, при условии, что ездит она обычно поездом.

– Если она теперь безработная, – добавил Маркус, – то поезда – просто экономическая необходимость.

– Да, но сеньора видела ее на линии Третьей авеню, – возразил мистер Мур. – А это говорит о том, что с Бетьюн-стрит она съехала.

– Возможно, Джон, – медленно произнес доктор, разглядывая обелиск. – Однако мы тут с Сарой обсуждали кое-что, возможно, имеющее отноше...

Тут доктор осекся, взгляд его уперся в подножие гранитного шпиля. Он медленно приблизился к памятнику, не сводя глаз со щели у основания огромного каменного блока. Заглянул внутрь, занес руку, словно желая

запустить ее внутрь; затем обернулся к братьям Айзексонам.

– Детектив-сержанты... – Голос его выдавал начинавшееся волнение. – Вас не затруднит подойти сюда? *Внутри*, похоже, что-то есть.

Братья кинулись к доктору, Маркус на бегу извлекал из складок платья маленькие стальные щипцы. Он заглянул в щель, медленно ввел туда инструмент, зажал в нем что-то и, наконец, вытащил на свет. То был крохотный комочек легкой бумажной ткани.

Он положил находку на дорожку, огибавшую основание обелиска, и быстро натянул на руки тончайшие перчатки. Мы все сгрудились вокруг, глядя, как он разворачивает желто-белый, грязный и влажный комочек. Форма предмета становилась все более очевидной.

– Похоже на... крохотную шляпку, – заметил мистер Мур.

– Детскую шляпку, – ответила мисс Говард, указывая на две тонкие хлопчатобумажные косички завязок и кружевную ленточку спереди.

– Тут еще кое-что, – добавил Маркус, разглаживая находку. Он отвернул заднюю сторону, явив нашим взорам золотую вышивку. – А-Н-А, – прочитал он по буквам.

Мы завороченно уставились на эту вещь, а детектив-сержант оглядел парк.

– Ага... похоже, на запад. Она избавилась от шляпки на тот случай, если кто-то ее остановит. Скорее всего, девочку опознать можно было только по шляпке.

– Не спеши с выводами, Маркус, – сказал Люциус. – Она могла ее припрятать здесь, а сама пойти в другую сторону.

– Я не знаю, – начал мистер Мур, стоя между обелиском и скамейками. – Это добрых тридцать, если не сорок футов в сторону от предполагаемого маршрута – пряча здесь что-либо, она бы потеряла время. Если бы она пошла на восток, там тоже есть где спрятать – на той же стройплощадке, к примеру.

– Верно, Мур, – согласился доктор Крайцлер, не отрывая взгляда от вершины обелиска. – Но кроме того, остается вопрос: *где* она решила спрятать ее, где *именно*...

– Вы о чем, доктор? – поинтересовался Маркус.

Но доктор лишь обернулся к мисс Говард:

– Египетский обелиск. Один из пары. Второй стоит в Лондоне. Вам известно, как они называются, Сара? – Мисс Говард молча покачала головой. – «Иглы Клеопатры», – продолжил доктор, оглядываясь на обелиск. – Зловещее название – Клеопатра была смертельно опасной женщиной.

– И все же, – подхватила мисс Говард, быстро сообразив, – в свое время ее называли «Матерью Египта». Не говоря уже о том, что она была любовницей Цезаря и Антония – да что там, родила Цезарю сына.

– Цезариона²⁰, – кивнул доктор.

– Что вы мелете? – вспыхнул мистер Мур.

Но доктор продолжал говорить только с мисс Говард:

– Представьте, Сара, – он подошел к ней ближе, – что этот явный парадокс отнюдь не вопрос, но решение? Нечто объединяет две части характера, две стороны монеты? Нам до сих пор неизвестно, что именно является связующим звеном, однако связь есть. И таким образом перед нами не столько противоречие, сколько запутанная целостность. Аспекты состояния – взаимосвязанные этапы единого *процесса*.

Мисс Говард помрачнела:

– Тогда я бы сказала, что мы опаздываем.

Доктор бросил на нее быстрый одобрительный взгляд, после чего возвестил:

– Маркус! Дети, за которыми ухаживала сестра Хантер, – сколько, вы говорите, составлял средний интервал между рождением и смертью?

– Не больше нескольких недель, – ответил Маркус.

– Ласло, – настойчиво обратился к доктору мистер Мур – с такой интонацией он говорил всегда, если чувствовал, что его разум ускользает. – Ну же, объясните, о чем вы двое только что говорили?

Доктор снова не обратил на него внимания и принялся загибать пальцы:

– Она похитила ее в четверг – это было десять дней назад. – Он опять бросил взгляд на мисс Говард. – Вы правы, Сара, – эта женщина, возможно, на пороге критической фазы! Стиви! – Я подскочил к нему. – Мы сможем уместиться в коляске?

– Скорость упадет, – прикинул я. – Но других кэбов все равно рядом нет.

– Мне кэб не нужен, – торопливо отозвался доктор. – Нам нужно сесть вместе, чтобы вывести объяснение.

– Ну... движение на пути должно быть не слишком оживленным, – рассудил я. – Наверное, мы даже сможем двигаться приличной рысью. Фредерик пару дней отдыхал – вполне потянет.

– Тогда гони его сюда – немедленно!

Уносясь туда, где я оставил коляску, я еще расслышал, как мистер Мур пытается добиться у доктора объяснений, а тот командует ему поторапливаться и грузиться в экипаж: он все объяснит по дороге. Я

подогнал коляску, Сайрус забрался ко мне наверх, а мисс Говард втиснулась на сиденье между Люциусом и доктором. Маркус и мистер Мур повисли на железных подножках тем же манером, коим это пришлось делать детектив-сержантам в ту ночь, когда я вез их с набережной.

– Куда? – крикнул я, хотя прекрасно знал ответ.

– Номер 39 по Бетьюн-стрит, – скомандовал доктор. – Нам очень повезет, если Хантер с мужем оттуда не съехали, а если и съехали, так их соседи, возможно, подскажут нам, куда!

– Через парк быстрее выйдет, – предложил я. – А если еще срезать в паре мест...

– Так, гони же, гони! – возопил доктор, и я погнал через парк по Ист-Драйву и прямо на юг.

Глава 15

Прогрохотав по дорожке для экипажей Сентрал-парка, Фредерик перешел на резвую рысь, вылетев на «Овечье пастбище», покрытое травяным ковром (с моей стороны это было, конечно, нехорошо – гнать его через луг, но срезать – значит, срезать, ничего не попишешь), – и тут доктор обратился к стиснутым со всех сторон коллегам:

– Когда мы с вами впервые сообща приступили к расследованиям, – начал он, – мы взяли за основу положение, что преступный ум в медицинском смысле может быть здоров и сформирован, как ум любого нормального человека – через контекст его личного жизненного опыта. В последний год я в профессиональном смысле не наблюдал ничего, что убедило бы меня, будто истинная частота душевных заболеваний у преступников выше, нежели я тогда полагал. Также я не выяснил ничего про эту Хантер, что позволило бы предположить, будто она страдает от *dementia praecox*²¹... – Этим термином алиенисты в то время обозначали заболевание, которое теперь начали называть «шизофренией». – ... равно как и от других, менее значительных умственных патологий. Она может быть импульсивна, и даже весьма, однако импульсивность ее родственна крайнему гневу или меланхолии, кои сами по себе не могут служить признаками душевного заболевания. Кроме того, доводом в пользу этого утверждения является тот факт, что она способна рассчитывать свои действия, в особенности будучи ограниченной временными рамками, а это явственно говорит о том, что мы имеем дело со вполне вменяемой особой.

Мы снова выехали на дорожку для экипажей. Мистер Мур потрянул головой и окинул взором западную часть Сентрал-парка.

– Ну почему же мне так хочется верить, что мы преследуем какого-нибудь безумца? – вздохнул он.

– У вас есть на то веская причина, Джон, – ответил ему Люциус. – Безумцы иногда опасны, однако их куда проще выследить. – Детектив-сержант вновь принялся что-то царапать в блокноте. – Прошу вас, продолжайте, доктор.

– Таким образом, для начала, – возобновил лекцию доктор, – предположим вменяемость этой женщины: она похитила ребенка и, возможно, лишала жизни других детей, руководствуясь причинами, которые мы в *состоянии* сформулировать.

– И что мы предпримем, если поймаем ее? – спросил Маркус. – Вы

сейчас говорите прямо о священной корове, доктор, – сколько бы женщин ни прикончили приемных детишек, сколько старух бы ни нажили состояния на абортах, сколько бы матерей ни убивали собственное потомство, людям категорически не нравятся те случаи, когда отношения между матерью и ребенком как-то отличаются от здоровой заботы. Вы слышали, что говорила давеча миссис Кэди Стэнтон. Это мнение большинства: если женщина предпринимает нечто скверное в отношении родов или детей, она либо сошла с ума, либо за этим ее поступком непременно стоят мужчины и общество, созданное мужчинами.

Доктор попытался остановить Маркуса нетерпеливым жестом.

– Знаю, знаю, детектив-сержант, но в том и будет наша работа – игнорировать суждения большинства и сосредоточиться на фактах. И самым заметным из этих фактов является следующий: мы столкнулись с женщиной, чье поведение олицетворяет собой, как выясняется, две исключаящие друг друга жизненные позиции и серии действий. Одна – дарующая заботу, другая – сеющая разрушения. Возможно, даже смерть. Если мы допускаем, что она вменяема, мы обязаны вывести между ними связь.

– Тяжко, – произнес мистер Мур. – Чертовски тяжело.

– Отчего же, Джон? – возразил доктор, когда мы выехали из-под уютных зеленых сводов парка в юго-западном его углу, миновали Манеж и принялись огибать памятник Колумбу в редком потоке уличного движения. – Кто из нас может утверждать, что ни разу не бывал раздираем противоречивыми желаниями и целями? Возьмите себя. Сколь часто случается вам выходить из дому и поглощать чудовищные объемы жидкой отравы в форме дорогого алкоголя, попутно вдыхая дозу за дозой токсичного алкалоида, известного под названием «никотин»?

– И кто, – возмущенно поинтересовался мистер Мур, – столь часто составляет мне в этом компанию?

– Вы не уловили мою мысль, – ответил доктор. – Иногда по окончании очередного раунда этого косвенного самоуничтожения вам приходится тратить часы на заботу о себе, словно вы – малое дитя. Где же здесь логика?

– Ну, ладно, ладно, – раздраженно отозвался мистер Мур. – Но имеется огромный провал между высмеиванием моих вредных привычек и демонстрацией того, как женщина может заботиться – в качестве сестры милосердия родильного отделения, ради всего святого, – вынашивать жажду убийства младенцев и при этом оставаться в своем уме.

– А ваши исследования не смогли ничего прояснить, доктор? –

поинтересовался Люциус.

– Боюсь, что нет, – ответил тот со знакомой тоской, сопровождавшей эти его усилия все последние дни. – Как я уже говорил Саре, в современной психологической литературе возможно отыскать лишь бесценные крупинки того, что хоть как-то касается вопроса. И Краффт-Эбинг²², и Фрейд – оба готовы рассматривать сексуальный аспект взаимоотношений матери и ребенка, главным образом – в контексте мальчиков. Эти люди даже ухитряются говорить о желании детей уничтожить своих родителей, буквально или фигурально, но – опять-таки акцентируя внимание на мальчиках. Кроме того, имеются исследования насилия со стороны мужчин по отношению к детям – хотя и на фоне общих дискуссий о вторичном воздействии алкоголизма и наркотической зависимости. Но тщетно пытался я отыскать действительно значимое обсуждение случаев женского насилия по отношению к детям на их попечении, будь они их собственными или же чужими. Общепринятое суждение таково, что подобные случаи либо экстремальны, либо запоздалые проявления послеродового психоза, а в тех случаях, когда подобный диагноз неуместен – умственного расстройства неизвестной этиологии. Боюсь, официальные юридические отчеты и заключения в этом отношении оказали куда большую помощь, нежели изыскания психиатров.

– Правда? – с некоторым удивлением переспросил Маркус: перед тем, как прийти в полицию, он получил степень по юриспруденции. – Прогрессивное мышление юристов – вот это поворот.

– Именно так, – ответил доктор. – И я вовсе не хочу сказать, что в судебных или юридических кругах проводилось систематическое изучение феномена. Но судьи просто вынуждены признавать те реалии, которые выносятся на их рассмотрение, и реалии эти слишком часто обретают черты матерей, гувернанток и других взрослых женщин, подвергающих насилию детей. И зачастую – грудных.

– Но если я не ошибаюсь, – заметил Маркус, – вину за детоубийство обыкновенно возлагают на одного из двух козлов отпущения правовой системы – нищету или незаконнорожденность.

– Верно, Маркус, – но, между тем, можно вспомнить ряд дел, среди которых есть даже несколько громких, которые нельзя объяснить ни чрезвычайной бедностью матери, не позволяющей выкармливать дитя, ни ее незамужностью. И списать все на неизвестную науке разновидность умственного помешательства также возможным не представляется. Помните дело Лидии Шерман²³?

Это печально знаменитое имя, прозвучавшее как раз когда наш экипаж преодолевал 42-ю улицу по Восьмой авеню, привело обоих Айзексонов и мисс Говард в состояние, близкое к экстазу.

– Лидия Шерман, – тоскливо промолвил Люциус. – Королева отравителей. Да-а, вот *это* было дело...

– И мы никогда не узнаем, сколько же людей она порешила, – продолжил Маркус тем же тоном. – Их могут быть *десятки*.

– К тому же, – добавила мисс Говард, возвращаясь ближе к теме, – некоторыми жертвами ее были дети, в том числе – ее *собственные*. И она не была бедной или незамужней, когда травила их.

– Именно, Сара, – сказал доктор. – Она убивала отца детей и, готовясь к следующему замужеству, понимала, что дети просто, как она выражалась, «мешают». Пресса весьма подробно осветила это дело. Но с точки зрения тогдашних алиенистов и их коллег в последующие годы, дела с равным успехом могло и не быть: хотя многие сочли ее на суде совершенно здоровой, дело происходило добрых четверть века назад.

– Как ни жаль прерывать это заседание клуба почитателей Лидии Шерман, – сказал мистер Мур, – но она не была сестрой милосердия – она охотилась за состояниями.

– Конечно, Джон, – ответила мисс Говард, – однако то было наглядным свидетельством, что из факта рождения женщиной не обязательно следует талант к заботе – и даже склонность к ней.

– А памятуя о ее деле, с учетом похожих случаев, – добавил доктор, – мы можем отбросить сентиментальную чепуху профессора Джеймса насчет того, что родительские инстинкты сильнее развиты у женщин, нежели у мужчин, и насчет благородства матери, лелеющей свое больное чадо. Дети Лидии Шерман были больны, это безусловно, однако болели исключительно благодаря тому, что *она* травила их мышьяком, – и все ее благородные начинания заключались лишь в последующем увеличении дозы того же яда. Нет, я все больше склонен возвращаться к единственному краткому замечанию, обнаруженному несколько дней назад...

– Ремарка герра Шнайдера касательно материнского эгоизма? – догадалась мисс Говард.

Доктор кивнул:

– Чтобы вы все знали: Шнайдер заметил, что мать, едва дитя ее появляется на свет, переносит – я цитирую – «весь свой эгоизм на ребенка»...

– И чем это может нам помочь? – спросил мистер Мур. – Дети-то в «Родильном доме» были не ее, как и дочь сеньоры Линарес.

– Но по тому, как она забрала Ану, – сказал Люциус, – можно определить, что она чувствовала се-бя – как ты выразился, Маркус? – *вправе* взять этого ребенка?

– Точно. – Я услышал, как доктор щелкнул крышкой портсигара. – И не забывайте о ее поведении в поезде – она заботилась о девочке, *точно та была ее собственной*. Кроме того, подобная психологическая связь вообще часто происходит между сестрами милосердия и пациентами – особенно когда это дети. Эта женщина, вне всякого сомнения, не из тех, кого, пользуясь выражением Сары, «случай рождения» избавил бы от материнских чувств к чужим детям в чрезвычайно собственнической манере. Как минимум *это* неоспоримо, Джон.

– Вот как? – отозвался мистер Мур, и сам прикуривая. – Простите, значит я это упустил. – Я услышал, как он выдохнул дым и продолжил уже более напористо, обращаясь к доктору: – Но вы тут что-то путаете, Крайцлер. Допустим, все это правда и она испытывает такие чувства по отношению к любому ребенку, на которого положила глаз, – пускай, неважно по каким причинам, она «переносит весь свой эгоизм» на детей. Прекрасно, вот только, в отличие от вашего весьма тактичного примера *моих* привычек, она *начинает* с заботы и *заканчивает* полной ее противоположностью. Никто из детей не болел, пока не попал под ее опеку, – однако все они в результате умирают. Что происходит? Они не могут «мешать», как дети Лидии Шерман, – этих детей она выбрала сама, чтобы сблизиться с ними. Так что же произошло?

– Блестяще, Мур, – ответил доктор. – Сие и есть подлинная загадка данного дела. Женщина вкладывает всю душу в этих младенцев; однако уничтожает их. Что же, в самом деле, происходит?

– Может, разновидность опосредованного суицида? – спросил Люциус.

– Нет, это слишком просто, – отозвалась мисс Говард. – Простите за прямоту, Люциус. Сколько раз вы бы могли убить себя, даже опосредованно? Мне кажется... мне кажется, нам следует придерживаться того, что мы обсуждали в музее, доктор. Двойственность – женщина-творец наравне с женщиной-разрушительницей.

Это заявление исторгло из всех собравшихся нечто вроде «Чё?..», на что мисс Говард и доктор тут же отреагировали, выложив нам краткое изложение своих размышлений у «Метрополитэна».

– То есть вы утверждаете, что некая часть в ней *идентифицирует* себя с женщиной, способной разрушать? – спросил Маркус.

– А почему нет? – просто ответила мисс Говард. – Разве сами вы,

Маркус, ни разу в жизни не чувствовали себя мужчиной, одержимым деструктивными помыслами?

– Ну, разумеется, хотя...

Даже не обернувшись, я мог представить, как мисс Говард разочарованно покачивает головой; я только надеялся, что она не схватится за «дерринджер».

– Хотя вы были *мальчиком*, – уронила она с горечью. Маркус ничего не ответил – от него и не требовалось. – Из этого следует, что у девочек просто не может быть деструктивных или злобных помыслов, – продолжала мисс Говард, – и они даже не мечтают о силе осуществить их. Так, что ли?

– Ну... – протянул Маркус с некоторой робостью, – в *таком* ключе это действительно звучит глупо.

– Да, – отозвалась мисс Говард, – в самом деле.

– И вообще – да, – добавил доктор. – Приношу свои извинения, детектив-сержант. Но как мне и говорила Сара, полюбуйте на парадоксальность примеров, предлагаемых девочкам при взрослении: с одной стороны, их учат, что сама природа их пола мирна и заботлива. Им не оставлено ни единой отдушины для выпуска таких чувств, как раздражение и агрессия. Однако они – такие же люди, и, как точно заметила Сара, глупо верить, что им незнакомы гнев, ненависть, враждебность. Напротив, познавая их, они также слышат различные истории из косвенных источников – это могут быть мифы, исторические факты, легенды – о жестоких богинях и распутных королевах, чья творческая или безраздельная власть позволяет им потакать собственной ярости, мстительности и деструктивности. Какой урок вы из всего этого извлечете?

Разговор прервался, а затем Люциус очень тихо сказал:

– Кулак железный в бархатной перчатке...

– Детектив-сержант, – добродушно изумился доктор. – Не верю своим ушам – вы на грани поэзии. Великолепный образ, воистину – неужели ваш?

– О... Нет, я... – засмутился Люциус. – Мне кажется, я это где-то слышал...

– Но подходит изумительно, – продолжал доктор. – Смертоносный гнев, сокрытый вуалью, которая как можно ближе соответствует представлению нашего общества об идеальном или, по крайней мере, приемлемом женском поведении.

– Очень мило, – нетерпеливо перебил его мистер Мур. – Однако вопрос остается без ответа: почему, коли в вас копится весь этот сокрытый

гнев, вы решаете пойти и кого-нибудь родить, или стать повитухой, или похитить чужое дитя, чтобы заботиться о нем, как о своем собственном? Как-то не вижу я в этом никакого гнева.

– Мы и не утверждаем, что он там есть, Джон, – ответила ему мисс Говард. – Не на *этой* стадии. Забота о малыше суть проявление первой половины ее личности – той, что приемлема, той, что отвечает извечному постулату о том, что женщине уготовано быть кормилицей, иначе она не исполняет своего предназначения. И вот именно здесь и происходит перенесение эго.

– Ладно, – притопнул ногой мистер Мур, отчего коляска содрогнулась. – Только где тут, к бесам, должна вылезти вся эта муть со «злой богиней»?

– Позвольте мне привести вам еще один пример, Джон, – сказал доктор. – Представьте, что вы сами – такая женщина. Возможно, у вас были собственные дети, однако их не стало – болезнь ли унесла их, несчастный случай, или же виной тому стала череда несчастий по вашей вине или же нет, – но в результате вас охватывает уверенность, что у вас отобрали самое важное в этой жизни, в этом обществе. Вам осталось лишь ощущение собственной абсолютной никчемности. Так что вы ищете другие способы заботиться о малышах. И становитесь сестрой милосердия при родильном доме. Но что-то происходит – такое, что начинает угрожать вашей вновь обретенной первобытной функции. То, что приводит вас в такое бешенство, что вы начинаете ощущать себя, выражаясь словами Маркуса, *вправе* воплотиться в гневную первобытную богиню, равно *дарующую* жизнь и так же *оную отнимающую*.

– И что это за «что-то»? – нервно поинтересовался мистер Мур, почувствовав, что теперь уж ответ должен быть близок.

Мы добрались до 23-й улицы и миновали старое обветшалое здание «Гранд-Опера» на северо-западном углу. Со стороны Восьмой авеню к стене была присобачена гигантская уродливая вывеска из электрических ламп, коими значился нынешний гвоздь сезона: ВОДЕВИЛЬ.

До меня донесся голос доктора:

– Ах, старая «Гранд»... – Интонация у него вышла такая, что я не разобрал, помянул ли он с любовью лучшие годы ее или просто подтрунивает над мистером Муром. – Какие изумительные представления здесь раньше давали...

– Крайцлер! – не выдержав, вскипел мистер Мур. – *Что* это за «что-то»?

Голос доктора оставался тих:

– Сара?

– Здесь может быть только одна причина, – отозвалась она. – Дети сопротивляются. Во всяком случае, с ее точки зрения. Она пытается окружить их заботой, а они ее не принимают. Плачут. Заболевают. Отвергают ее внимание вне зависимости от усилий, которые она в них вкладывает. И она считает, что это вина детей. Никак не иначе. Потому что в противном случае...

– Потому что в противном случае, – наконец подхватил мистер Мур, – ей придется признать, что она *лишена* дара материнства. – И он тихо присвистнул. – Бог ты мой... вы имеете в виду, что эта женщина посвятила всю свою жизнь тому, на что *не способна*?

– Учитывая воспитание, ею со всей вероятностью полученное, – ответил доктор, – был ли у нее выбор? В случае неудачи она вынуждена пробовать снова, еще усерднее, с другими детьми.

– Интересно, Джон, – резко добавила мисс Говард, – в полной ли мере представляешь ты себе, как тяжело, как невыносимо быть женщиной и признавать, что у тебя нет таланта к материнству, в этом обществе? В *любом* обществе? Как большинство женщин способны признаться в этом даже себе? Разумеется, можно заявить, что ты не *желаешь* быть матерью, – но публично признать, что ты не *можешь*?

Мистер Мур на минуту задумался; и когда заговорил вновь, изъяснялся он довольно неуклюже:

– Но... то есть, я хочу сказать... почему она *не может*? Что... что с нею *не так*?

Я был уверен, что расслышал в этот миг щелчок взводимого курка «дерринджера»; но мисс Говард всего лишь прицелкнула языком. Вынужденный обернуться, я увидел, как все пораженно взирают на мистера Мура.

– Порою ты действительно бываешь невыносим, Джон, – бросила мисс Говард. – Какая дивная осведомленность: «Что с нею не так?» Да я просто обязана... – Она сжала было кулак, но доктор удержал ее руку.

– *Если*, Мур, – сказал он, – спрашивая «что с нею *не так*?», на самом деле вы хотели узнать, что за *контекст* мог *породить* такую женщину, то *это* и есть загадка, ожидающая нашего разрешения. И приписывание женщине вины или злонамеренности никак этому не поможет. Запомните – мы должны, как и в прошлом нашем следствии, пытаться взглянуть на происходящее *ее* глазами, понять и пережить то же, что и *она*.

– О, – вырвалось у мистера Мура несколько, что называется, покаянно. – Да. Конечно.

– Мы уже на 14-й улице, – возвестил Люциус, – всего в паре кварталов от Бетьюн.

Повернув на 14-й к западу и Гринвич-стрит, мы поехали мимо запертых складов района мясобоен, где кровавая вонь за много лет настолько впиталась в каждый булыжник мостовой, в каждое здание, что чувствовалась даже приятным и прохладным воскресным полуднем: не слишком добрый знак, учитывая что ожидало нас впереди. За перекрестком с Гринвич, в южной части Горацио-стрит строения, окружавшие нас, вновь сменились жилыми домами, некоторые – трех, а то и четырех этажей в высоту, другие, постарше, довольствовались двумя, но мансардные окна были чуть ли не с сами здания величиной. Кварталы тут были обсажены деревьями разных возрастов и размеров, и некоторые ветви нависали над проезжей частью, их концы обломаны проезжавшими экипажами и повозками.

Здесь мы принялись обсуждать стратегию, коей нам следовало бы придерживаться, достигнув дома № 39 по Бетьюн-стрит. Первым делом, по предложению доктора, я остановил Фредерика, соскочил и поднял верх коляски. Ввиду того, что стучаться в дверь дома Хантеров предстояло лишь части нашего отряда – иначе это выглядело бы довольно смехотворно, – оставшимся следовало по возможности не показываться никому на глаза. В коляске должны были остаться я и Сайрус, плюс кто-то третий; и, как мы выяснили, двинувшись дальше, похоже, единственным логичным выбором была мисс Говард. Все согласились, что возглавить отряд должны детектив-сержанты, а сопровождать их будет доктор: если Хантер и ее муж все еще проживают в доме № 39 и окажутся дома, Люциусу и Маркусу предпочтительнее держаться жесткой линии закона – при условии, что девочка Линаресов где-то в доме и ее сравнительно легко отыскать. А на случай, если вдруг понадобится медицинская помощь, доктор не замедлит ее оказать.

Если же выйдет так, что Хантеры проживают по этому адресу, но дома мы их *не* застанем, опять-таки Айзексонам будет удобно допросить соседей насчет того, когда супруги могут вернуться, а оставшиеся в коляске проследят за окрестностями, дабы не пропустить их появления. И, наконец, если Хантеры все-таки съехали, Люциус и Маркус нагонят страху на новых жильцов своими бляхами и выпытают, куда девались прежние.

Поскольку четверым в коляске было никак не укрыться, к доктору и детектив-сержантам был отряжен и мистер Мур. Мисс Говард, заслышав, что в делегацию ее не берут, сперва надулась, однако доктор объяснил ей, что, учитывая наши предположения касательно сестры Хантер,

присутствие другой женщины может только добавить лишних палок в колеса. А особенно – если помнить, чего та натерпелась от других сестер в «Родильном доме». Возразить на это мисс Говард было нечего, так что она смирилась. В утешение я сообщил ей, что намерен остановить коляску прямо у парадного крыльца: так даже из-под прикрытия мы все сможем наблюдать за развитием событий, когда и если Хантер выйдет навстречу остальным.

Как ни крути, вся операция выглядела проще некуда; и когда мы повернули с Гринвич на Бетьюн, где нашим взорам вновь открылись воды Гудзона, я даже задумался, так ли уж был необходим наш философский диспут по пути сюда. Выходило, что детектив-сержантам просто надо войти в дом, забрать ребенка, если девочка окажется внутри, и спокойно вернуть ее матери. Войти и выйти, короче.

Вот это, как вскорости я обнаружил, и было тем, что алиенисты называют «делюзией».

Глава 16

Номер 39 по Бетьюн-стрит оказался трехэтажной конструкцией из красного кирпича, украшенной несколькими оконными ящиками, наполненными тем, что отчаянно пытались походить на цветы. Зрелищу следовало тут же навести меня на мысль: июнь выдался сырым и прохладным, однако ему предшествовали и теплые погожие деньки, так что у растений в ящиках не было никакого повода для столь жалкого вида – разве что, конечно, кто-то просто не имел представления, как за ними ухаживать. Впрочем, как бы там ни было, я подкатил коляску к парадному, что было с южной стороны улицы, и остановился аккуратно за парой-тройкой ступенек, ведших ко входной двери. Мистер Мур и Маркус соскочили со своих насестов, давая выйти доктору и Люциусу. Затем мы с Сайрусом заняли их места внутри и вместе с мисс Говард принялись сосредоточенно вглядываться сквозь маленькую стеклянную пластину, вшитую в заднюю часть развернутой крыши. Детектив-сержанты, оказавшись на тротуаре, застегнули сюртуки на все пуговицы, приготовили полицейские бляхи и, постаравшись придать себе как можно более деловой вид, направились к двери, а доктор с мистером Муром последовали за ними.

Когда все четверо собрались у входа, Маркус шагнул вперед и резко постучал.

– Начинается... – шепнула мисс Говард.

Прошло несколько минут. Маркус постучал вновь. Мы расслышали чей-то резкий крик с верхнего этажа: такой скрежещущий и жалобный, что я бы сказал, издать его мог человек, разменявший шестой десяток. Голос смолк. Маркус постучал опять.

Неожиданно дверь резко распахнулась, и в проем шагнула хорошо сложенная женская фигура в красном узорчатом платье и сером фартуке, завязанном на шее и талии. Красное, доходя до шеи, сменялось черным кружевом воротничка, над которым мы увидели прекрасно знакомое лицо.

То была женщина с наброска мисс Бо; женщина, о прошлом которой нам уже было известно достаточно; то была не кто иная, как сестра милосердия Элспет Хантер собственной персоной.

– Святой боже, – шепотом выдохнул Сайрус прямо над моим ухом. Я на миг обернулся и увидел на лице его беспокойное изумление. – Неужто все действительно так просто?..

На небольшом крыльце, от которого нас отделял какой-то десяток

футов, пронзительно-золотистые глаза сестры милосердия Хантер метались от лица к лицу представших перед нею мужчин, и за взглядом их явственно угадывалась напряженная работа ума, пытающегося одновременно решить целый ряд вопросов. Она принялась вытирать о фартук влажные руки, и когда уже я ожидал, что она как-то выкажет тревогу и потрясение, она улыбнулась – мягко, плавно и крайне, крайне жеманно.

– *Та-ак...* – произнесла она замысловатым тоном, полностью отвечавшим лицу. Руки ее поднялись вверх, где поправили густые и красивые каштановые волосы. – Я стала вдруг весьма популярной. Могу ли я чем-то помочь вам... *джентльмены?* – Выговор ее оказался неожиданным: ни следа новоанглийской тянучести, однако в нем звучал намек на сельское происхождение.

Маркус выступил вперед:

– Добрый день. Прав ли я, предполагая, что вы миссис Элспет Хантер?

– Да, – неторопливо ответила она, пытливо окидывая Маркуса взглядом с ног до головы и кривя губы. – Вы предполагаете верно, мистер...

Он продемонстрировал бляху.

– Детектив-сержант Маркус Айзексон. Полицейское управление Нью-Йорка.

Женщина даже не моргнула; если она действительно та, кого мы искали, в хладнокровии она не уступила бы ни одному из пройдох, встречавшихся мне в годы моей преступной карьеры.

– Понимаю, – ответила она, не теряя прежней кокетливой улыбки. – А это ваши войска, детектив-сержант?

Она обратила улыбку Люциусу, сделав ее еще шире. Будто знала, что с Люциусом от флирта приключаются корчи, что, собственно, и произошло.

– Я, э-э... – Он показал бляху. – Детектив-сержант Люциус Айзексон. Также представляю Полицейское управление Нью-Йорка.

– Неужто *братья?* – произнесла сестра Хантер, и золотистые глаза ее так и заплясали от одного к другому. – Какая прелесть... И вам позволяют работать вместе! Однако я такого не ожидала: мне казалось, вся нью-йоркская полиция носит фамилию Махоуни и такие роскошные усы торчком.

Айзексоны заулыбались – их можно было завоевать подобной шуточкой.

Сестра Хантер перевела взгляд за спины детектив-сержантов на мистера Мура и доктора, и игривости в ее тоне ощутимо поубавилось.

– А эти джентльмены? – спросила она. – Они ведь никак не могут быть полицейскими.

– Разумеется, – ответил ей Маркус. – Они... помогают нам в следствии. Мистер Джон Скайлер Мур и доктор Ласло Крайцлер.

Лицо ее вытянулось, похоже, с искренним трепетом и смирением, и сестра Хантер устремила свой солнечный взор прямо в черные глаза доктора Крайцлера.

– Я... у меня нет слов... – Казалось, ей действительно тяжело говорить. – Разумеется, я знакома с вашими работами, доктор. Понимаете, раньше я была сестрой милосердия в «Родильном доме», это чуть дальше по улице от вашего...

– Да, я знаю, – холодно ответил доктор, раздраженный тем, что беседа затягивается.

– Надеюсь, вы не будете ставить мне это в вину, – продолжала сестра Хантер. – Я знаю, что думает доктор Маркоу... я и сама прочла несколько ваших монографий, и мне они показались чрезвычайно интересными.

В ответ доктор отвесил лишь короткий поклон – скорее даже легкий кивок; но даже если и было ясно, что он прекрасно понимает: женщина пытается что-то затронуть в нем, – не менее ясным было и то, что затронуть ей в нем это удалось.

Когда она повернулась к мистеру Муру, лицо ее несколько секунд оставалось неподвижным, но затем она явила еще один кокетливый взгляд, через мгновение переросший в томный:

– А мистер Мур?..

Тот улыбнулся ей в ответ и выложил все карты, как простой любитель, коим в действительности не был:

– «Нью-Йорк Таймс», – произнес он, протягивая руку.

Мисс Говард при виде такого изумленно фыркнула.

– Будь я проклята, – прошептала она. – Четыре из четырех... она хитра, не то слово.

– Что у нее за выговор? – тихо спросил я. – Не догоняю... точно не Новая Англия, но и на местную манеру не похоже...

– Нет-нет, – шепнула в ответ мисс Говард, с улыбкой качнув головой. – Это северный акцент... так говорят у меня на родине, разве что, может, еще немного севернее. Да, *такой* выговор я слыхала и раньше.

Тем временем доктор, стоявший на ступеньках, откашлялся:

– Думаю, детектив-сержант, – начал он, – лучше бы нам быстрее перейти к делу.

– Ах да, – восторженно воскликнул Маркус. – Именно. Миссис Хантер, у нас есть

основания предполагать, что...

– Прошу вас, – ответила она, улыбаясь ему все так же обворожительно. И, поведя рукой в глубину дома, продолжила: – Что бы это ни было, уверена, всем нам будет куда приятнее обсудить это за чаем.

Словно отражения в двух зеркалах, четверо мужчин на крыльце и трое нас в коляске переглянулись между собой в ошеломлении. Мы столько всего напридумывали, чтобы попасть внутрь и выяснить, нет ли там малышки Линаресов, что столь открытое приглашение было как удар под дых.

– *Что?* – прошептала мисс Говард, когда к ней вернулся дар речи.

– *За чаем?* – произнес Сайрус в таком же замешательстве.

– Надеюсь, им достанет благоразумия не пить его, – вот все, что получилось сказать у меня.

Сестра Хантер замерла в проеме, дожидаясь ответа; наконец Люциусу удалось выговорить что-то вроде:

– Мэм, не знаю, действительно ли вы понимаете сущность...

– Детектив-сержант, – ответила она ему тоном, с одной стороны заботливо-материнским, но в то же время – не лишенным прежней игривости. – Мне, как, я подозреваю, вам известно, за последние годы выпало достаточно бед, чтобы не гадать относительно сущности вашего дела – она никак не может оказаться радостной. Я просто предлагаю разрешить его настолько цивилизованно, насколько это возможно. Всего-то.

Люциус очумело взглянул на доктора, который с каменным лицом оценивал происходящее. Затем доктор пожал плечами и кивнул детектив-сержантам, словно говоря: «Ну если ей так хочется облегчить нам задачу...»

– О боже, – прошелестела мисс Говард. – Они действительно заходят.

Четверо наших друзей один за другим начали растворяться внутри; последним заходил доктор. Когда он переступал порог, сестра Хантер коснулась его плеча, обратившись к нему с прежним неподдельным благоговением в голосе:

– Э-э, гм... доктор?

Он обернулся, а женщина в этот момент внезапно глянула прямо на нас в коляске; не просто в нашу сторону, нет – прямо *на* нас.

– Вы не желаете пригласить в дом остальных ваших друзей? Мне бы не хотелось казаться невежливой...

На миг взгляд доктора, захваченного врасплох, действительно метнулся к нам; но уж на такой ерунде его подловить даже на долю секунды едва ли было кому-то под силу.

– А... – буркнул он. – Нет. Не думаю. Видите ли, это мои слуги. С ними все будет в порядке.

Сказав так, он скрылся внутри.

Сестра Хантер окинула взором улицу и реку за ней, после чего глянула на восток. Подняла руку и вроде как помахала кому-то вдалеке. Затем вновь перевела взгляд на нас, оставшихся в коляске.

Куда-то подевалось все радушие и благоговение; впервые я смог увидеть в этих золотистых глазах неумолимую, даже убийственную жестокость. Одного их вида оказалось бы достаточно, чтобы мне стало не по себе; но, когда я взглянул на тот квартал, что расстилался перед нашим экипажем, заинтересовавшись, кому или чему могла махать рукой сестра Хантер, легкое беспокойство стремительно обернулось более ощутимым страхом.

В нашу сторону характерной упругой походочкой «чумовых» двигались несколько фигур: один взрослый, остальные пацаны, может, на пару лет постарше меня. Мужик был средних размеров, из эдаких разбитных крепышей, малые же – все в каком-то рванье – недвусмысленно размахивали палками и старыми топоричами, не оставляя сомнений в том, что все это время они искали, где б тут можно было нарваться, и вот наконец нашли. Когда они подошли ближе, я разглядел лицо мужика – болезненную перекошенную ухмылку, сумасшедшие сияющие глаза, – и тут меня прошиб холодный пот, когда я понял, что знаю его:

Это был Динь-Дон, накокаиненный до того, что весь искрился, – таким я его еще не видел. Пацаны, трусившие следом, тоже были хороши дальше некуда. И все они пялились ровно на нас тем же манером, что и сестра Хантер, и физиономии их не сулили ничего хорошего.

Я прянул назад и открыл рот, чтобы подать сигнал тревоги; но оттуда почему-то вылетело только:

– Едрить, – и все.

Глава 17

– Кто это? – спросила мисс Говард. Вырвавшаяся из моих уст вульгарность вынудила ее оторваться от созерцания Хантер и обернуться ко мне.

– Приятели твои, Стиви? – поинтересовался Сайрус крайне безмятежно; только латунный кастет, обыкновенно покоившийся в кармане, сам собой переключился в его правую руку. Которую он мгновенно убрал с глаз долой.

– Да не совсем, – отозвался я. – Хоть эту скалящуюся обезьяну впереди я знаю. Его зовут Динь-Дон – заправляет пацанами у Гудзонских Пыльников.

– Динь-Дон? – переспросила мисс Говард, выжимая нервную улыбку. – Не могут его звать так *на самом деле*.

– А вот зовут, мисс, – сказал я. – И уж черепушек с его звона достаточно понатрескалось.

– Но чего же им от нас нужно? – поинтересовалась она, в то время как правая рука ее скользнула куда-то в складки платья – признаюсь, к моему величайшему облегчению.

– Не знаю, – ответил я, – но мне показалось, что эта Хантер им знак подала. В общем, чего бы тут ни заваривалось, мисс Говард, а лучше вам свою батарею наготове держать.

Пыльники меж тем приближались, а полоумная Динь-Донова ухмылочка – в которой столько разных дам (и среди них, похоже, Кэт) находили необъяснимую притягательность, – стала еще шире, когда он узрел в коляске меня. Я попытался оторвать взгляд от него, следить за остальными; но тройка других нацелилась на Фредерика, и такой от них злобой веяло, что я разом проглотил весь свой ужас и, не успела вся братия окончательно до нас добраться, выскочил из коляски и метнулся к мерину взять его под уздцы.

Динь-Дон остановился прямо напротив меня, уперев руки в бока, а Сайрус, который тоже выбрался наружу, аккуратно обошел Фредерика со стороны тротуара.

– Они говорили мне, что это правда, – расхохотался Динь-Дон, и глаза его с каждой минутой становились все безумнее. – Мне говорили, что так и есть, а я не верил – чтоб Стиви-Свисток да на посылках! Ну как оно тебе, Стиви, хорошо ковыряется в дерьме-то конячем?

Я покосился на его дружков.

– Да уж получше, чем в твоём, – бросил я, на что пара его приятелей с палками качнулась ко мне.

Но Динь-Дон развел руки, останавливая их, и расхохотался:

– Базарил ты всегда по-крутому, Стиви. А уж как до куска трубы добирался, так и за базар мог ответить, как крутой. Я... э-э... только вот думаю, где ж ты сейчас трубу себе искать будешь?

Но не успел я ответить, как по другую сторону головы Фредерика вырос Сайрус.

– Ему труба не нужна, – произнес мой друг, не вынимая правой руки из кармана. – Может, скажешь, чего тебе надо?

Секунду тот изучал Сайруса, после чего оскал его разъехался еще шире.

– Какой здоровый ниггер, Стиви, – усмехнулся Динь-Дон. – Чё за обезьянник, где *таких* выпускают? – И они с подручными захихикали, полагая, что Сайрус взбесится, – однако напрасно.

– Чего *надо*, Динь-Дон? – спросил я.

Улыбки на лицах Пыльников принялись таять, и расстояние между нами сократилось еще на пару шагов.

– Вопрос такой, Свисток, – ответил Динь-Дон, – чё тут надо *тебе*? Кто разрешил шастать вокруг этого дома?

– Тебе *дело*? – спросил я. – С чего вдруг?

Он пожал плечами:

– Район Пыльников – годится?

Я вперился в него пристальнее:

– Ага, ничё так – только не для меня. А на *самом* деле?

Ухмылка Динь-Дона вернулась на прежнее место.

– Вот ведь засранец, всегда башковитый был. Мож, я поквитаться хочу – ты меня чуть руки прошлый раз не лишил.

Я пропустил это мимо ушей, пытаюсь сообразить, как вышло, что им удалось в сей момент оказаться там же, где и нам.

– Когда ты сюда шел, ты ведь не знал, что это я тут в коляске, – продолжил я думать, на этот раз – вслух. – Это леди внутри, она тебе знак подала – с чего бы?

Ребята его заметно подобрались и начали поигрывать палками, а Динь-Дон медленно шагнул ко мне.

– Тебе лучше с этой леди не связываться, Свисток, сечешь? Послушай доброго совета: держись-ка подальше и от нее, и от ее дома.

Бывают такие моменты в жизни, когда рот у тебя сам по себе

распахивается, и сделать ты с ним ничего не можешь. Я в тот момент на секунду подумал о Кэт; а в следующий миг уже скалился не хуже Динь-Дона.

– Только не говори мне, что она – из *твоих* девиц, Динь-Дон, – расхохотался я. – Ты же дотронешься до бабы старше четырнадцати, только если она – *твоя мать*.

Тут вся его ухмылка куда-то делать, и он со всей дури размахнулся съездить мне по морде. Я нырнул под Фредерика и, выскочив с другой стороны, кинулся к кнуту, оставшемуся на кучерском месте. Динь-Дон бросился следом, перед остальными же, поигрывая латунным кастетом, образовался Сайрус. Но по-настоящему никому ничего перепасть не успело: в этот момент из коляски выпрыгнула мисс Говард, сграбастала Динь-Дона за волосы и уперла ему в голову короткий толстый ствол своего «дерринджера».

– Стоять на месте, кому сказала! – рявкнула она остальным Пыльникам. – Эй, вы все! Быстро разбежались отсюда, мы при исполнении!

Динь-Дону хватило ума не дергаться под револьвером, однако смешка он сдерживать не стал:

– «При исполнении»? Телка, ниггер да малой? Я хоть и утром родился, сестричка, но не *вчера* же...

Мисс Говард наотмашь приласкала его по затылку тем же «дерринджером» – так, что он хрюкнул от боли, – после чего снова едва не воткнула ствол ему в ухо.

– Еще слово, и пуля сорок первого калибра зазвенит в твоей пустой башке! А теперь – приказал своим дружкам *отвалить*!

Шипя от боли, Динь-Дон кивнул:

– Ладно, ребята – думаю, мы ясно выразились. Продолжать без толку.

Оставшиеся Пыльники неохотно пошли на попятную, Сайрус чуть ниже уронил свою правую, я же по-прежнему держал бич высоко над головой. Знал я этих типов куда получше, нежели мои друзья: в безопасности мы окажемся никак не раньше, чем эти не сгинут из пределов видимости. Мисс Говард тем временем грубо отпихнула Динь-Дона к его дружкам – тот даже споткнулся от силы ее толчка, но сразу расплылся в прежней своей улыбочке.

– А ты у нас типа жесткая сучка, да? – произнес он. – Я это запомню. А ты запомни то, что я сказал всем вам: держитесь подальше от этого дома и даже не... Джимми!

Внезапным рывком – наверняка отработанным не единожды при

схожих обстоятельствах – один из Пыльников метнул топором Динь-Дону, который бросился вперед мимо Сайруса, и от души влепил плоской стороной деревяшки по крупу несчастного Фредерика. Мерин от боли и замешательства встал на дыбы, и тогда Пыльники всей кучей налетели на Сайруса, который остался в одиночестве за левым боком коня. Динь-Дон с ходу точнехонько пробил бедняге по ребрам топором, а один из пацанов его исхитрился жестоко ткнуть гиганта толстой палкой в грудь. Но уж оставшемуся к этому моменту без оружия малому по имени Джимми досталось за всех – латунный кастет он принял всей мордой, после чего Сайрус успел перехватить удар третьего Пыльника.

Мисс Говард уже двинулась им навстречу в обход экипажа, угрожая стрелять, а я нырнул прямо под обезумевшего Фредерика и резко хлестнул бичом, целясь Динь-Дону в лицо. Левую щеку продырявил я ему аккуратно, и он рухнул на одно колено. Но не успел я позлорадствовать, как заметил одного Пыльника – он бросился в самоубийственную атаку на мисс Говард, буквально грудью своей прикрывая от ее «дерринджера» остальных, а еще один хладнокровно примеривался обрушить на голову Сайруса коварный и, не исключено, смертельный удар своей деревяшкой.

– Сайрус! – завопил я и бросился на выручку, уже понимая, что не успею. Палка неумолимо опускалась гиганту на голову, и сумасшедший кровожадный гогот Пыльника показывал, насколько мерзок будет удар. Но тут вспышкой, едва уловимой...

Все безумие Пыльника разом схлынуло с его лица, глаза округлились. Он замер с занесенными над головой руками, челюсть отвисла в полном смятении. Он только успел завопить:

– Динь-Дон? – именно так, словно бы вопрошая, и рухнул наземь.

Все это вышло до того странным, что на пару секунд все замерло, глядя на упавшего, – все, кроме меня. Единственному из всей группы мне открывался вид за телом упавшего, и я успел окинуть взглядом улицу. И заметил маленького черного малыша – может, лет десяти от роду, судя по росту, с курчавой шапкой волос, в одежде, явно ему великоватой: он шмыгнул за угол.

Динь-Дон подскочил к павшему товарищу – тот был уже без чувств. Мисс Говард отогнала наконец бросившегося к ней Пыльника с помощью «дерринджера», а Сайрус изготовился еще разок заехать Джимми кастетом – только на сей раз парень вовремя почувствовал, что пора делать ноги. Динь-Дон перевернул бесчувственного Пыльника и вытащил что-то у него из бедра.

– Это чё еще за?.. – пробормотал он; затем перевел взгляд на меня. В

пальцах его была зажата ровная и прямая палочка длиной эдак дюймов десять – и он действительно решил, что это я всадил ее в того парня. – Какого черта ты с ним утворил, Стиви, ты, жалкий...

Он уже бросился ко мне, когда мисс Говард разрядила в воздух «дерринджер». Пыльникам этого хватило – верно сообразив, что она уже достаточно рассвирепела и следующая пуля достанется кому-нибудь из них, тем более что револьвер она уже перезарядила. Точно облезлая стая бродячих псов, каковыми они, собственно, и были, шпана осторожно сгрудилась вокруг бесчувственного дружка, и Динь-Дон швырнул мне странную палочку.

– Я это припомню, Стиви, – тихо произнес он, на этот раз – без тени улыбки. – Ох, как я это припомню, как буду сегодня ночью Кэт иметь!

Тут уж пришла моя очередь на него броситься; только Сайрус обхватил меня огромными ручищами, и я уж ничего тут поделать не мог, только смотрел, как ржет Динь-Дон, скрываясь со своими шакалами за углом Гринвич-стрит.

– И помни! – орал он – вопли неслись за полквартала. – Держись подальше от этого дома и от этой бабы!

Выстрел заставил Айзексонов, доктора и мистера Мура выскочить на улицу; сестра Хантер же стояла в дверях, изображая, как она потрясена и напугана произошедшим. Нам всем удалось взять себя в руки, хотя в моем случае это было особенно нелегко, после чего доктор поинтересовался у мисс Говард, что произошло, но та лишь тихо ответила:

– Потом, доктор. Я понимаю, девочки внутри нет?

Тот воззрился на нее несколько удивленно:

– Правильно понимаете. Но как?..

– Тут все запутаннее, чем кажется, – ответила она, взглядом веля мне подобрать загадочную палочку, сразившую Пыльника. – И нам нужно убираться отсюда. *Сейчас же.*

Доктор кивнул, и четверка мужчин вернулась к сестре Хантер – теперь она уже стояла на тротуаре.

– Никто не ранен, доктор? – спросила она, все с той же убедительной естественностью. – Могу я чем-то помочь? У меня в доме есть бинты...

– Нет, миссис Хантер, – отрезал доктор.

– Боюсь, у нас тут шастают такие опасные типы. – И она посмотрела доктору в глаза – достаточно долго, тем самым подчеркивая искренность следующих слов. – Наверное, вам следует ехать, пока они не вернулись с друзьями.

Доктор промолчал, вглядываясь в нее.

– Да, – сказал он. – Наверное, следует.

– Едем, все, *живо!* – крикнул Маркус остальным. – Если я знаю Пыльников, они обязательно вернутся, и будет их предостаточно.

Мы принялись грузиться обратно в коляску – все, кроме доктора. Он стоял напротив сестры Хантер, глядя ей в глаза, ожидая, что она скажет дальше. Та даже не поежилась под его взглядом; а через несколько секунд приподняла одну бровь и с легкой улыбкой произнесла:

– Сожалею, что не смогла помочь в вашем расследовании.

Прежде чем ответить, доктор пару секунд помедлил.

– О, но вы помогли, миссис Хантер. – Сказав так, он сделал шаг ей навстречу, она же, наоборот, отступила, видимо, впервые за все это время не вполне владея ситуацией. – Визит многое нам прояснил. И мы продолжим свои изыскания. *Уж будьте* в этом уверены.

Наконец он развернулся и зашагал к экипажу. Я заметил, каким убийственным стало лицо сестры Хантер, когда она чуть ли не бегом скрылась в доме, грохнув дверью.

Фредерик уже вроде как успокоился, но много ли надо, чтобы опять вывести его себя; так что я не стал нахлестывать его, как обычно, а просто прищелкнул языком, чтобы он сам выбрал скорость, зная, что так он быстрее забудет страх. Остальным сделать это было куда сложнее. Минут за десять с каждым из нас произошло столько всего кошмарного, что никто даже сообразить не успел, сколько; мы могли единственно кратко изложить факты.

Первое же наше дело после того, как мы пересекли Гудзон-стрит, покинув территорию Пыльников, было скорее практического свойства: надлежало убедиться, насколько серьезны побои Сайруса. Поскольку все в нашем отряде питали к гиганту большую нежность, эта процедура нас здорово успокоила и отвлекла. Сайрус и мистер Мур поменялись местами – мистер Мур присоединился ко мне на козлах, чтобы доктору было удобнее осмотреть ребра Сайруса, а все остальные взволнованно спрашивали, как он себя чувствует. Досталось ему изрядно, чего уж там, но, по счастью, обошлось без переломов – благодаря огромной мышечной массе, надежно предохранявшей кости. Хотя все равно ему чертовски свезло – как и всем нам, оставшимся на улице, особенно учитывая, с кем нам пришлось схлестнуться. Что же до корысти, привлекавшей Динь-Дона и Гудзонских Пыльников к Элспет Хантер и ее дому, то был, само собой, лишь один из доброй сотни вопросов, что обрушились на нас, как стая вурдалаков, при короткой стоянке на Бетьюн-стрит; мои взрослые друзья быстро порешили, что им необходимо крепко выпить и, быть может, перекусить, а уж там

приступать к осмыслению. Дивное же утро, между тем, сменилось чудесным полуднем; прохладный северный ветерок не позволял температуре скакнуть намного выше семидесяти²⁴. Учтя это, мы решили снова отправиться на безопасную и гостеприимную террасу кафе «Лафайетт», где разобрать по косточкам и ланч, и собственные недавние подвиги.

Глава 18

К тому времени, как мы вступили на порог «Лафайетта» и расселись на увитой зеленью террасе, нас уже отпустило достаточно, чтобы мы начали улыбаться и даже немного подтрунивать над собственными приключениями.

– Итак! – возвестила мисс Говард с изумленным вздохом, принимая от официанта меню. – Не хотелось бы мне первой задавать дурацкие вопросы, однако если Аны Линарес в доме сестры Хантер нет, где же она?

– Не знаю, – ответил Маркус, – но мы сообща прочесали там все до дюйма...

– В том числе подвал, – вставил Люциус, просматривая меню.

– И никаких следов ребенка, – закончил Маркус, обескураженно опустив голову на руку. – Ни следа вообще...

– Единственное, что я могу здесь предположить, – произнес мистер Мур, овладевая винной картой. – Учитывая то, что случилось с вами на улице, тут замешаны Пыльники, и они ее где-то прячут.

Я плюхнулся было рядом с их столиком на пол, чтобы заползти в зеленые заросли, высаженные вдоль железной ограды (добродушные официанты разрешали мне это), но слова мистера Мура меня остановили.

– Пыльники? – переспросил я. – Замешаны в эдаком?

– А почему бы и нет? – поинтересовался мистер Мур. – Или ты думаешь, они выше похищений, Стиви?

Отвечать мне показалось совсем неуместным, и я обернулся к доктору за поддержкой; однако тот созерцал лишь поверхность стола перед собой.

– Ну... – ответил я неуверенно. – Не то чтобы *выше*, на самом деле... просто... ну... *тупее*, вот это да. Или безумнее.

Люциус несколько раз кивнул:

– Стиви говорит разумно. Организация и планирование не есть сильные черты Пыльников. Потому-то другие банды в покое их и оставили: они не в состоянии себя контролировать. Их удел – кокаин и разбой. Похищения и шантаж – не их стихия.

– Ребенок находится в доме этой женщины, – четко и медленно произнес доктор, по-прежнему не поднимая глаз. – Держу пари на что угодно.

Мистер Мур присвистнул:

– Крайцлер, вы были там – она позволила нам перерыть всю свою

чертову нору.

– И? – спросила мисс Говард.

– И единственным, кто еще там живет, оказался ее собственный муж. Он лет на пятнадцать старше, наполовину инвалид. В молодости был, очевидно, ранен в Гражданской войне да так с тех пор и не оклемался.

– Он оклемался, – с легким раздражением откликнулся доктор. – Во всяком случае, раны его затянулись. Но от войны ему осталась тяга к опиатам.

– Но ведь он прикован к постели, – озадаченно отозвался Маркус. – И его жена сказала, что он...

– Эта женщина не в состоянии и слова в правде молвить, даже если от этого будет зависеть ее жизнь, – парировал доктор. – Что же насчет его лежачести, то и я бы слег, если бы меня так же накачали морфием. Вы обратили внимание на запах в его спальне и следы на его руках?

– Да, – ответил Люциус, удостоившись братнина раздраженного взгляда. – Нет, Маркус, тут все предельно ясно – человек годами колется морфием.

– Я не сомневаюсь, с помощью своей супруги, – добавил доктор Крайцлер. – Добрейшей сестры милосердия Хантер.

– А что, кстати, насчет нее? – встрепелась мисс Говард. – Какова она была, когда вы зашли? Просто пока вы стояли на крыльце, она играла вами, точно фортепьянными клавишами.

Все, кроме доктора, при этих ее словах несколько растерялись, однако Крайцлер разом забыл о своей угрюмости и даже хохотнул:

– Именно, Сара! Я это видел, хоть поначалу и не смог пресечь.

– Так как же ей это удалось? – настойчиво продолжала мисс Говард. – Как она повела себя после того, как вы очутились в ее логове?

– Ну... я тебе так скажу... – Мистер Мур отложил меню и винную карту с видом человека, готового сделать заказ, однако, несмотря на вроде бы уверенный тон, слегка позабывшего, о чем это он. – Я знаю, что тебя, Сара, бесит, когда мужчины в твоём присутствии стараются подбирать слова, так что буду с тобой откровенен: я так до конца и не разобрался, то ли она меня грохнуть хочет, то ли трахнуть.

Люциус судорожно прыснул, делая глоток воды, и жидкость окатила наружную стену ресторации; к счастью, столик под ней оказался пустым. Даже после явления официанта мы продолжали хохотать, так что заказ нам удалось сделать не сразу. В конце концов бедняга тоже не удержался и принялся ржать просто за компанию. Даже исчезая на кухне с нашим заказом, он еще продолжал хихикать.

– Господи, Джон, – выдавила наконец мисс Говард, пытаясь отдышаться. – Нет, я, конечно, просила говорить при мне откровенно, но не до такой же...

– Ох, перестаньте, – вступился за мистера Мура доктор. – Тут не выйдет и невинность соблюсти, и капитал приобрести – или уж откровенничать, или, сами понимаете... – Продолжая похрюкивать, он похлопал мистера Мура по спине. – Право же, Мур, вы просто гробите свой талант в этой вашей «Таймс». До чего живописное определение и, вместе с тем, до чего непечатное... но, безусловно, точнее не скажешь. Элспет Хантер – бесконечная цепочка кажущихся парадоксов, причем некоторые имеют смертельные грани.

Маркус утер салфеткой выступившие слезы и произнес:

– Так вы и в самом деле верите, что ребенок там, доктор? Даже после того, как мы, благословением этой женщины, столь внимательно осмотрели весь дом?

– Я бы все же воздержался от слов вроде «благословения» применительно к этому существу, Маркус, – сказал доктор, глядя, как на столе материализовалось несколько бутылок белого вина для взрослых и одна – с рутбиром Хайрса²⁵ для меня. – И не забывайте, мы осмотрели лишь видимую невооруженным глазом часть дома.

– То есть? – непонимающе переспросил Маркус.

Но следующий вопрос доктора уже был адресован его брату.

– Детектив-сержант, если кому-то покажется, что дом под № 39 по Бетьюн-стрит не так давно подвергся... конструктивным *переделкам* в неизвестной и незримой для нас части... каким образом возможно обосновать или же опровергнуть такие подозрения?

Люциус пожал плечами и пригубил вино, разлитое по бокалам мистером Муром.

– Даже если она и намерена в конечном счете воспользоваться оной площадью в преступных целях, ей все равно сперва придется получить разрешение на переделку, если таковая затрагивает несущие элементы конструкции. В противном случае на нее неизбежно накинута инспекторы и не дадут ничего перестраивать. То есть вы едете в центр и смотрите в архивах. Это несложно.

– Что скажете, Крайцлер? – хмыкнул мистер Мур. – Эта особа устроила у себя в доме что-то вроде тайника и прячет в нем девочку?

Доктор, не обращая на него внимания, продолжал расспрашивать Люциуса:

– Но достаточно ли точны будут записи? Относительно работ,

произведенных в доме?

– Довольно-таки. В любом случае, по ним можно будет судить, производилась ли переделка. Вот только зачем, доктор?

Тут Крайцлер обернулся ко все еще улыбавшемуся мистеру Муру, чье лицо тотчас исполнилось внезапной серьезности, а взгляд уперся в гигантское серебряное блюдо устриц, утвердившееся в центре стола.

– Даже не думайте, Крайцлер, – процедил он. – Я свое *отбежал*. И ради какого-то легкомысленного предположения, выведенного вами из очередной серии бредней, я не стану...

– Не беспокойтесь, Мур, – ответил доктор. – Сара составит вам компанию. – Мисс Говард, как раз подносящую ко рту первую устрицу, заявление доктора не порадовало, но она лишь смиренно вздохнула. – Между тем, – продолжал доктор, – я сомневаюсь, что кому-либо из вас понравится другое насущное задание, – впрочем, у вас все равно отсутствуют необходимые знаки полномочий.

Люциус причмокнул устрицей, и едва я изготовился тоже сцапать себе такую же, лицо его внезапно озабоченно вытянулось.

– Ой-ёй, – издал он. Доктор кивнул:

– Да, очередное... как вы, Маркус, выразились? Боюсь, очередное, гм... «потрясение». Нам необходимо выяснить, почему Гудзонские Пыльники вдруг так заинтересованы в том, что происходит внутри и вокруг дома № 39 по Бетьюн-стрит. Я бы предложил вам посвятить несколько следующих ночей патрулированию территории банды, чтобы отловить пару-тройку не самых опасных членов и хорошенько потрясти их. Полагаю, вам не понадобится опыт нашего доброго знакомого инспектора Бёрнса в проведении «допросов третьей степени», хотя угроза применения такого может...

– Мы уже поняли, доктор, – ответил Маркус. – Ничего особенного. – Он обернулся к брату. – Не забудь прихватить револьвер, Люциус.

– Будто я его когда забывал, – мрачно буркнул Люциус. – А вы, доктор? Чем собираетесь заняться – верно, дальнейшими психологическими изысканиями?

– Если бы я полагал, что это поможет, – безусловно, – отозвался доктор, расправляясь с устрицей и воздавая должное вину. – Однако может статься, что на острове Блэквеллз обнаружатся одна-две женщины, коих мне будет полезно, исходя из имеющегося у нас контекста, навестить. Но есть еще одна загадка, которая занимает меня больше других. – Он обернулся к Сайрусу, затем обвел взглядом заросли, пытаясь обнаружить меня. – Стиви, будь так добр, подойди на минутку. – Я повиновался и,

высосав из устричной раковины остатки пряного сока, встал рядом с Сайрусом. – Где палочка? Та, которую, по твоим словам, Динь-Дон вытащил из своего павшего соратника?

Вообще-то я успел напрочь позабыть об этой штуке и в задумчивости поднял палец. После чего перемахнул через изгородь, домчался до коляски и полез проверить под сиденьем. На мое счастье, палочка никуда не делась. Я зажал ее в кулаке, так же резво вернулся на террасу и вручил странноватую, хоть и простую штуковину доктору.

– Итак, мы имеем на редкость невероятное совпадение, – произнес он, изучая палочку. – В ночь, когда некто всадил в дверной косяк дома № 808 филиппинский нож, Сайрус сообщил нам, что ему удалось заметить лишь мальчика, мгновенно исчезнувшего за углом.

– Так, – подтвердил Сайрус. – На вид лет десяти-одиннадцати.

– А Стиви... ты сказал, что видел мальчика примерно того же возраста, скрывшегося за углом Бетьюн-стрит сразу после того, как один из Пыльников рухнул без чувств?

– Ага. Хотя пацан был черным, точно. Там было достаточно света, чтоб не обмануться.

Доктор кивнул, я же сграбастал с блюда еще одну устрицу, пока их все не прикончили остальные.

– Сайрус? – обернулся к нему доктор Крайцлер. – Не могли бы вы примерно определить национальность мальчика?

Тот покачал головой:

– Слишком темно было. То есть, он мог быть и черным, хоть утверждать это я и не решусь.

– А во что он был одет?

– Да как обычный уличный мальчишка, – отозвался Сайрус, пожав плечами. – Мешковато, похоже на обноски.

– А не было похоже, как и в случае Стиви, что одежда была для него велика?

– Можно и так сказать.

Доктор кивнул, хотя уверенности в его лице не прибавилось; он снова осмотрел палочку.

– Один и тот же ребенок или два ребенка появляются в ключевых точках одного и того же расследования. В первый раз это враждебное или, по крайней мере, упреждающее событие. В другой же, напротив... – Доктор как будто поймал что-то – нос его принялся подрагивать над усами, точно у кролика. – Что это?

Мистер Мур посмотрел по сторонам – к нам всего лишь подошел

официант, убрать со стола опустевшее блюдо.

– Что – что?

– Этот... *аромат*, – пояснил доктор. Он окинул взглядом веранду, после чего вновь перевел взгляд на палочку. Он поднес ее ближе к лицу, поводит под носом заостренным ее концом. – Хм-м... да, ошибка исключена. Хлороформ... – Он снова понюхал. – Плюс еще что-то... – Не зная, куда бы ее пристроить, он протянул палочку Люциусу; пожаловала перемена блюд. – Детектив-сержант? – бросил доктор младшему Айзексону, просто сверля взглядом славный кус жареной осетрины, тем заказанный. – Сможете определить запах?

Люциус принял палочку, стараясь держать ее подальше от своей рыбы с гарниром из зеленой фасоли и картофеля. После чего, вытянув шею, приблизил нос к самому кончику штуковины.

– Да, – сказал он, полагая на этом экспертизу законченной. – Действительно пахнет хлороформом. Что же до... – Он вдруг просиял, после чего исполнился взволнованной озабоченностью. – Стиви, а не был ли тот Пыльник мертв, когда его уносили?

– Мертв? – переспросил я, перехватывая у официанта тарелку с любимым моим кушаньем – зажаренным на решетке стейком с соленой жареной картошкой – и направляясь к своей зеленой пещерке. – Не. В отключке, но... он дышал, это наверняка.

Люциус еще раз понюхал палочку, после чего передал ее брату.

– В таком случае – при условии, что он действительно *продолжал дышать*, – кем бы ни оказался тот, кто ею воспользовался, он такой же знаток, как и метатель ножа.

Понюхав палочку, Маркус чуть улыбнулся знакомому запаху.

– Игнатъев боб, – пробормотал он до того увлеченно, что полностью проигнорировал даже явление жареного цыпленка в эстрагоновом соусе, задымившегося перед ним.

– *Что?* – переспросила мисс Говард, подаваясь к палочке и потрясенно ее разглядывая.

– Что объясняет присутствие хлороформа, – добавил Люциус и приступил к трапезе.

Мистер Мур, еще мгновением раньше блаженно упивавшийся видом гольца под миндальным соусом, раздраженно уронил вилку и нож.

– Так, ладно. Опять я у нас за дебила. – Он взял себя в руки. – О чем это вы, люди, Христа ради?

– Игнатъев боб, – объяснила мисс Говард таким тоном, будто первый же прохожий, остановленный на тротуаре под террасой, понял бы, о чем

речь, – одно из тех растений, что естественно производят стрихнин.

– Вот оно! – воскликнул доктор, щелкая пальцами. – Стрихнин! Я узнал этот запах.

– Обыкновенно растворяется в воде, в алкоголе же, напротив, растворяется скверно, чего не скажешь о хлороформе, в коем он растворяется идеально, – изрек Люциус. – Если предположить, что в намерения нашего человека входило обезвредить жертву, а не убить, пропорция составлена со знанием дела. А это фокус непростой.

– Отчего ж? – спросил я, впиваясь зубами в стейк и запивая мясо рутбиром.

– Оттого, что стрихнин – куда мощнее других препаратов, используемых в аналогичных целях, – произнес Маркус, вручая палочку мисс Говард и наконец приступая к цыпленку. – Кураре, например, – целая смесь различных ингредиентов, и стрихнин – лишь один из них, а смешивание позволяет легче контролировать действие состава. То ли дело стрихнин в чистом виде – вещество крайне хитрое. Оттого и любимо многими, когда дело доходит до потравы вредителей. Даже лучше мышьяка, правда.

– Но можете ли вы с уверенностью утверждать, что это именно *чистый* стрихнин? – поинтересовался доктор.

– Аромат довольно четок, – ответил Люциус. – А присутствие хлороформа как растворителя – лишнее тому подтверждение. Но ежели вам будет угодно, я могу взять образец домой и подвергнуть его нескольким тестам. Проще простого. Капелька серной кислоты, немного бихромата калия...

– Ну, разумеется, – добавил мистер Мур, поглощая гольца. – Я всегда так и поступаю...

– Очень хорошо, – подвел черту доктор. – Однако давайте на миг допустим, что вы правы, детектив-сержант. Сможете ли вы назвать нам того, кто мог бы располагать подобными знаниями? С ходу?

– Ну, – ответил Люциус, – эта штука походит на туземную стрелу или дротик.

– Так, – кивнул доктор. – Я тоже об этом подумал.

– Но вот кто б мог использовать чистый стрихнин на охоте... или даже на войне, – тут вы меня поймали, доктор.

– А это, – возвестил Крайцлер, принимаясь за крабовые котлеты, – и будет моим заданием на завтра.

– Ага! – возликовал мистер Мур, салютуя вилкой. – Наконец-то – загадка, которую я могу решить. Вы собираетесь повидаться с Боасом!

– Совершенно верно, Мур. С Боасом. Уверен, он будет счастлив снова

оказать нам услугу.

Доктор Франц Боас²⁶ был близким приятелем доктора из числа ученых – глава Отдела антропологии в Музее естественной истории, он годом ранее оказал нашему отряду неоценимую помощь в расследовании дела Бичема. Будучи, как и Крайцлер, урожденным немцем, Боас, меж тем, перебрался за океан значительно позже доктора. Прежде чем осесть в Соединенных Штатах и посвятить себя антропологии, он изучал психологию, так что они с доктором не испытывали каких-либо затруднений в беседах друг с другом; и всякий раз, стоило им с доктором встретиться за дружеским обедом в доме, столовая неизбежно становилась полем оживленных дискуссий, временами перетекавших в дебаты: доктор Боас порой сбивался на немецкую речь, доктор Крайцлер – тоже, и я уже вовсе переставал разбирать, чего они так разорались. Но в остальном он был добрейшим человеком и, подобно большинству истинных гениев, никогда не позволял своим мозгам превратить себя в то, что можно назвать интеллектуальным снобом.

– Я покажу ему и нож, и этот метательный снаряд, – сказал доктор Крайцлер, – а потом опишу ребенка или детей, коих мы замечали в случаях применения этого оружия. Быть может, он предоставит какие-либо догадки – или же кто-нибудь из его сотрудников. Признаюсь, пока это дело меня озадачивает.

Ответом ему послужило согласное чавканье: тем самым мы давали понять, что более ничего не способны добавить к истолкованию утренних событий. Мы просто ели и пили, успокаивая нервы и разум. Пока молчание не прервала мисс Говард:

– Для женщины, чьи первоначальные действия кажутся столь импульсивными, – начала она плавно, потягивая вино и поигрывая ложечкой в горке свежей клубники под горячим шоколадным соусом, поданной ей на десерт, – эта особа, похоже, заранее обдумала, как ей лучше всего избежать поимки. – Она изящно куснула сочную ягоду. – Очередной парадокс, доктор?

– Разумеется, Сара, – ответил тот, катая свою клубнику в шоколаде. – Но не следует забывать – и я сейчас обращаюсь ко всем вам, – что подобные парадоксы ни в коем случае не должно считать противоречивыми. Они суть часть единого процесса. Подобно змее, извивающейся на песке из стороны в сторону, а в итоге – продвигающейся вперед, ведет себя и сестра Хантер в погоне за отчаянными своими целями. Она импульсивна – и тут же расчетлива. Льстит и соблазняет – и вдруг смертельно угрожает. Женщина, производящая впечатление

респектабельной дамы, чей супруг прикован к постели, – однако между ней и самой выродившейся, бессмысленно жестокой бандой в городе обнаруживается важная связь. В сравнении любое самое вызывающее преступное поведение представляется понятным и объяснимым. Даже такой маниакальный убийца, как Джон Бичем, похоже, держался курса, который выглядит едва ли не прямолинейным и внятным, хоть и смертельным. Оказавшись лицом к лицу с Элспет Хантер, мы во многих смыслах обнаруживаем себя в незнакомом мире. И карт этого мира – еще меньше...

Меж тем трапеза приближалась к концу, и – поскольку было воскресенье и все места, упоминавшиеся доктором Крайцлером как потенциальные источники информации, были закрыты – все сошлись, что лучше разойтись по домам, заняться оставшимися делами и просто немного отдохнуть. Покинув кафе «Лафайетт», Айзексоны сразу бросились ловить кэб, а доктор любезно предложил мистеру Муру и мисс Говард развезти их по домам. Затем мы вернулись на 17-ю улицу, и мне пришлось изрядно провозиться в каретном сарае, приводя в порядок коляску и смазывая круп Фредерика, которому досталось от Динь-Дона.

Удар почти не оставил отметины, однако я чувствовал, что Фредерику больно, так что, втирая лекарство, я успокаивал его и кормил сахаром. Еще больше бесила меня мысль, что человек, коего я всегда считал одним из худших своих знакомцев – а после визита к Кэт принялся ненавидеть еще больше, – причинил Фредерику такую боль и смятение. И, трудясь над крупом животного, я тихо уверял его, что уж позабочусь – Динь-Дон еще поплатится за эту рану своей собственной шкурой. Да еще и с процентами...

Погруженный в эти горестные мысли, я почти не заметил проскользнувшего в каретный сарай Сайруса. Он подошел и погладил шею Фредерика, заглядывая мерину в глаза и бормоча какие-то слова сочувствия. Потом заговорил со мной:

– Он в порядке?

– Ага, – сказал я, придерживая левую заднюю ногу Фредерика и сковыривая засохшую грязь с подковы. – Рубец небольшой. Он больше перепугался.

– Крепкий, старина, – проговорил Сайрус, легонько похлопывая конягу по морде. Потом обернулся и подошел ко мне. Я почувствовал, что у него что-то на уме.

– Мисс Говард не слышала. В смысле, что Динь-Дон сказал про Кэт. Мое сердце подскочило, но я продолжил чистить подкову.

– Нет?

– Она была слишком далеко. Да и занята была. – Сайрус присел со мной рядом. Быстро покосившись, я узрел на его широком лице любопытство, но еще больше – симпатии. – Зато я слышал.

– О... – только и смог произнести я.

– Поговорим, Стиви?

Я попытался выдавить из себя легкий смешок, но осекся.

– Да что тут говорить. Она ушла и стала его девчонкой. – Я чуть не подавился этими словами. – Я ж говорил ей... ну, знаешь, насчет работы здесь. Но ты был прав. У нее другие планы...

Сайрус только хмыкнул – дескать, он все понял. Затем положил руку мне на плечо.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Не-а, – ответил я, не отводя глаз от подковы. – Со мной лады. Просто надо закончить тут вот, только и всего...

– Ну... Доктору незачем знать эту часть истории. С делом это никак не связано, я так считаю.

– Верно. – Мне наконец удалось бегло взглянуть на друга. – Спасибо, Сайрус.

Он просто кивнул, встал и медленно вышел из каретного сарая.

Я провел за работой еще несколько минут: засохшая грязь сходила с подковы Фредерика еще быстрее оттого, что смешивалась с моими тихими слезами.

Глава 19

Странное дело – вот так ложишься спать ночью, убежденный в чем-то, а просыпаешься наутро и понимаешь, что столкнулся с прямо противоположным...

Отключившись тем воскресным вечером вскоре после заката, я был намертво уверен, что никогда больше не увижу Кэт: даже если сердце мое и смогло бы перенести визит к ней в логово Пыльников, отношения с Динь-Доном у нас настолько осложнились после приключеньца на Бетьюн-стрит, что даже попытка туда заявиться могла стоить мне жизни. Осознание того, что дверь моих странных отношений с нею будто внезапно захлопнулась, то злило, то огорчало меня весь день и вечер воскресенья. Настроение мое на самом деле стало таким свинцово-синюшным, что доктор, хоть и был занят нашим делом, счел нужным навестить меня в моей комнатке и спросить, все ли со мной в порядке. Правды я ему не рассказал, а он, конечно же, почувствовал, что я скрываю что-то, но давить не стал, лишь велел мне поспать подольше и посмотреть, как оно обернется утром.

Я проснулся в понедельник как раз чуть позже половины девятого и обнаружил, что доктор и Сайрус готовятся ехать в Музей естественной истории. Миссис Лешко уже не в первый раз опаздывала, и Сайрус занимался варкой кофе – что могло закончиться с куда более успешным результатом, нежели у нашей русской стряпухи. Все втроем мы уселись в кухне и получили по большой кружке прекрасного южноамериканского отвара, а доктор пытался приободрить меня, зачитывая вслух передовицу «Таймс», которая касалась подвижек в расследовании «загадки безголового трупа». Выходило, что нижнюю часть торса до сих пор не опознанного трупа, завернутую все в ту же красную клеенку, что мы с Сайрусом видали на пирсе «Кьюнарда», прибило волнами к лесистому берегу у Андерклифф-авеню – аж на северной стороне Манхэттена. Полиция – чью теорию о чокнутом анатоме или студенте-медике отверг даже ими же нанятый коронер, обнаружив порядка двенадцати колотых ран и пару дыр от пуль 32-го калибра в разных частях тела, – изменила свои предположения, и теперь пыталась вызвать панику и волнение, заявляя, что тело принадлежит одному из двух душевнобольных, сбежавших из Психиатрической лечебницы в Кингзпарке на Лонг-Айленде пару недель назад. Эта байка, как все мы знали, была похожа на правду не больше

первой – но чьей бы ни была несчастная душа, тело которой разнесло аж по всему городу, внимание, кое продолжал привлекать сей инцидент, только помогало нам легче справляться со своим делом.

Доктор с Сайрусом вышли чуть позже девяти, и хотя посещение Музея естественной истории обычно возлагалось на меня, утро выдалось промозглым и серым, и настрой мой был таким, что мысль остаться одному дома меня как-то утешила. И, разумеется, целесообразно было, чтобы кто-то попробовал выяснить, что же приключилось с миссис Лешко. Так что я проводил их до коляски и посмотрел, как они отъезжают, отвлекшись взглянуть на туманное небо, прежде чем отправляться обратно в дом.

Я открыл было дверь, как вдруг чей-то голос прошептал:

– Стиви!

Он доносился из-за живой изгороди с восточной стороны маленького дворика доктора. Осторожно прикрыв дверь, я прокрался к изгороди, заглянул за нее и увидел...

Кэт. Она вся сжалась у соседнего здания, одежда ее была крайне измята, волосы растрепаны, а на лице явно читалось измождение. Я не намного больше удивился бы, окажись она призраком или одной из тех мифических сирен, настолько за последние двенадцать часов я успел смириться с тем, что больше никогда не увижу ее.

– Кэт? – вымолвил я, понизив голос. А потом рванул вокруг изгороди напрямик к ней. – Какого черта ты делаешь? Давно тут сидишь?

– С четырех где-то, – ответила она, то и дело косясь на улицу, скорее – чтобы не встречаться со мной взглядом, нежели пытаюсь что-то высмотреть. – Наверное. – Глаза ее увлажнились, и она принялась горестно и болезненно шмыгать носом, а когда утерлась старым грязным платком, тот оказался в крови.

– Но почему?

Она жалобно пожала плечами:

– Пришлось делать ноги оттуда – прошлой ночью он был ну просто маньяк. По правде говоря, иногда я не совсем уверена, что он *не* маньяк...

– Динь-Дон? – уточнил я, на что она кивнула. Я уставился себе под ноги. – Это я виноват, разве нет...

Она быстро покачала головой; в голубых глазах ее, по-прежнему избегавших смотреть на меня, набухали слезы:

– Все не так. По *большей* части, все равно... – Наконец она всхлипнула. – Стиви, у него еще три постоянных девчонки – *три!* А я самая *старшая!* Он никогда мне этого не говорил!

Я не знал, что и сказать: информация сия меня, конечно, не удивила,

но сообщать ей об этом я не собирался.

– Так что ж, – попытался начать я, – у вас... у вас двоих спор там приключился или что?

– Драка у нас приключилась, вот что! – выдохнула она. – Я ему сказала: я вторую скрипку ради какой-то двенадцатилетней швали играть не буду!.. – И Кэт стукнула кулачком себе по лбу. – Да только теперь все мои вещи там...

Я слегка улыбнулся:

– Все твои вещи? Кэт, у тебя два платья, одно пальто и шаль...

– И папин старый бумажник! – возразила она. – Тот, с маминой фотографией – он тоже там!

Я посмотрел на нее в упор.

– Но ведь гадко не поэтому, верно? – И коснулся ее локтя, чтобы она посмотрела на меня. – Он больше не даст тебе марафету, да?

– Ублюдок, – пробормотала она, всхлипывая снова. – Он *знает*, как мне это сейчас нужно, он *покаялся*, что никогда не откажет. – Наконец она взглянула в мои глаза, очень жалобно, потом резко бросилась ко мне. – Стиви, у меня будто череп мозгам стал тесен, так мне этого сейчас не хватает!

Я обнял ее дрожащие плечи.

– Пойдем-ка внутрь, – сказал я, – немного крепкого кофе, и тебе полегчает.

Я поднял ее и почти донес до парадной двери, и тут она испуганно замялась.

– Они – они все уехали, так ведь? – спросила она, оглядывая окна гостиной. – Я ждала, чтоб они уехали, не хотела тебе никаких неприятностей...

– Уехали, – заверил я так убедительно, как только мог. – Только все равно никаких неприятностей бы и не было. Доктор не из таких.

Но когда мы входили, она все равно подозрительно хмыкнула.

Я провел ее в кухню – к кружке Сайрусова кофе. Глаза ее расширились, когда она начала пить и рассматривать дом, – и, признаюсь, при виде этого взгляда намерение привлечь ее к работе на доктора вновь всплыло у меня в мыслях. Поэтому я отвел ее наверх в гостиную, чтобы у нее создалось полное впечатление. Приободренная крепким кофе, Кэт начала двигаться смелее и даже улыбалась, дивясь на все чудные и прекрасные вещи, что были у доктора, а еще больше – тому, что я тут живу.

– Он тебя, поди, работой мучает, – сказала она, открывая серебряный портсигар на мраморной каминной полке.

– Да у него не работа тяжелая, – ответил я, усевшись в докторово кресло, будто хозяин дома. – Он заставляет меня учиться.

– *Учиться?* – изумилась Кэт, и лицо ее исполнилось едва ли не отвращением. – Какого черта ради?

Я пожал плечами:

– Говорит, если я хочу когда-нибудь сам жить в таком же доме, учеба меня туда и приведет.

– Нашел кого дурить! – возмутилась она. – Спорим, его сюда не учеба привела.

Я снова лишь пожал плечами, не желая признавать, что доктору помогли деньги.

– Хотя я понимаю, почему тебе так все нравится, – продолжала Кэт, осматриваясь. – Вся Гудзон-стрит и в подметки не годится, точно говорю.

При этих словах меня неожиданно посетила мысль – ей, наверное, стоило прийти мне в голову, как только я увидел Кэт, если б не беспокойство о ней, кое с такой силой овладело моим разумом.

– Кэт, – медленно проговорил я, взвешивая идею, – сколько ты провела в притоне Пыльников?

Она села в большое мягкое кресло, обняв себя руками так, будто мерзла, и поежилась, отхлебывая кофе:

– Не знаю – может, месяц или навроде того. В общем, примерно тогда Динь-Дона и встретила.

– Тогда, наверное, ты неплохо знаешь, кто туда ходит, верно?

Она снова поежилась:

– Завсегдатаев – конечно. Но ты ж понимаешь, что это за место, Стиви: к ним туда шишки со всего города заглядывают, что ни ночь. Полгорода уже побывало по разным своим делам.

– Но постоянные посетители – ты их *сможешь* узнать?

– Пожалуй. Зачем тебе? – Она встала и подошла ко мне. – Чего это ты так смотришь, Стиви? Ты чего-то вдруг странный стал.

На несколько секунд я просто уставился на ковер, потом схватил ее руку:

– Пойдем со мной.

Я почти втащил Кэт по лестнице наверх, в кабинет доктора. Занавеси в комнате, обшитой темными панелями, все еще оставались задернуты, и трудно было различить хоть что-то. Пару раз по дороге к окну я споткнулся, а как следует потянув за шнур, увидел, что не давало мне пройти: книжных стопок на полу стало еще больше, в кабинете царил беспорядок куда серьезней, чем на прошлой неделе.

Кэт мельком осмотрелась, сдвинув брови и утирая нос:

– *Эта* комната меня не особо впечатляет, – сказала она озадаченно и смущенно. – Чего ему надо с такой кучей чертовых книг, а?

Я не ответил – я рылся в бумагах на столе доктора, ища кое-что и надеясь, что детектив-сержанты оставили хотя бы одну...

Я нашел ее под толстой книгой доктора Краффт-Эбинга – одну из фотографических копий наброска сестры милосердия Хантер, что выполнила мисс Бо.

Поднеся ее ближе к свету, проникавшему через прозрачные белые шторы, все еще закрывавшие окна, я поманил Кэт.

– Видела когда-нибудь эту леди? – спросил я, показывая ей рисунок.

Судя по лицу, Кэт узнала ее мгновенно:

– Конечно, – сказала она. – Это Либби.

– Либби?

– Либби Хатч. Одна из шлюх Гу-Гу. – Она имела в виду Гу-Гу Нокса, предводителя Пыльников. Лицо Кэт сморщилось так, как обычно происходило, если она чего-то не понимала, – словно ее нос крепился к сверлу. – На кой черт твоему приятелю доктору сдался портрет Либби? К тому же – хороший?

– Либби Хатч, – тихо вымолвил я, на несколько секунд выглянув в окно: этого времени хватило, чтобы понять, как мисс Говард и сказала днем раньше, что все это дело намного запутаннее, чем казалось поначалу.

Я снова схватил Кэт за руку:

– Идем!

Она дернулась за мной, как тряпичная кукла, когда я рванул обратно к двери, потом снова развернулся и кинулся к столу, распахнул переплетенную в кожу книгу с адресами и телефонными номерами, которые заносил туда доктор.

– Стиви! – воскликнула Кэт. – Может, все же отцепишься от меня, а? Я не в настроении для атлетизма, знаешь ли!

– Извини, – выдохнул я, одной рукой открыл книгу на разделе «А», разыскал номер и вновь устремился к двери, по-прежнему таща на буксире Кэт.

– Ай! – крикнула она. – Стиви, ты меня вообще слушаешь?

Я не ответил, потому что мы бросились назад, вниз в кухню, а через нее – в буфетную. Наконец, выпустив руку Кэт, я схватил телефонный аппарат и трубку. Через пару секунд мне ответила оператор на линии, и я сообщил ей номер дома детектив-сержантов, точнее – дома их родителей, который располагался на 2-й улице между Первой и Второй авеню, рядом

со старым Мраморным кладбищем, неподалеку от двух или трех синагог.

На том конце зазвонил телефон, и ответил женский голос – прямо заорал в трубку, как обычно и поступали люди, до сих пор считавшие телефон изобретением фантастическим.

– Халло? – сказала женщина с сильным акцентом. – Кто это?

– Да, – ответил я, – нельзя ли мне поговорить с одним из детектив-сержантов?

Кэт отступила на шаг – она, казалось, забеспокоилась:

– Стиви, ты что – звонишь фараонам про меня? – Как всегда, ее первым предположением было нечто, имевшее отношение к ней самой.

– Успокойся, – покачал головой я. – Это по делу. – Мне нравилось само это ощущение – что я мог так сказать ей. – Иди налей себе еще кофе. У нас и лёдник есть, так что если хочешь... – Я замолк, когда сообразил, что женщина в трубке орет на меня:

– Детектив-сержант – который фам нушен? Люциус или Маркус?

– А? Ой. Любой, без разницы – в смысле, не важно.

– Маркуса нетт! Ф штап-кфартире! Могу Люциуса! Кто это – кто *есть* зфонит?

– Просто скажите, что это Стиви.

– Стифи? – повторила она, похоже, не слишком впечатлившись. – Стифи – кто? Стифи – што?

Я начал слегка терять терпение.

– *Доктор* Стиви! – заявил я, на что Кэт, собравшаяся уже проверить еду в нашем новом холодильном шкафу, хихикнула.

– *По делу*, – изрекла она, быстро бросив на меня хитрый взгляд искоса. – Ну да...

– О, йа, *доктор* Стиви! – удовлетворилась женщина на том конце линии. – Фсеко айн момент, пошалста!

Она бросила аппарат с грохотом, который эхом отдался у меня в ухе и заставил отодвинуть конус подальше.

– Господи Иисусе, – вздохнул я, надеясь, что моя барабанная перепонка не лопнула. – Вся клятая семейка – сумасшедшие как один...

Через несколько секунд телефон на том конце снова загрохотал, и я услышал, как детектив-сержант Люциус говорит, хотя и не в аппарат:

– Нет, мама, Стиви не доктор, он просто... пожалуйста, мама, уйдите! – Раздались какие-то невнятные возражения женщины, потом Люциус снова заявил: – Мама! *Уйдите!* – Затем он глубоко вздохнул и заговорил в трубку: – Стиви?

– Он самый.

– Извини за все это. Она до сих пор не совсем понимает эту штуку, и не уверен, что когда-нибудь научится. Что стряслось?

– У меня кое-какие новости, и, думаю, они сэберегут вам и детектив-сержанту Маркусу время. Сможете забрать его и подъехать сюда?

– Я смогу приехать, – ответил Люциус. – Я тут делал химический анализ образца с кончика той палочки, но как раз только что закончил. Это, кстати, стрихнин. Но Маркус крутится в конторе, потом поедет в Институт. Зачем мы тебе?

– Думаю, лучше вам сказать ему, чтобы подъехал, – объявил я. – Помоему, я обнаружил кое-что... важное.

– Где доктор?

– Они с Сайрусом уже уехали в музей. Впрочем, ненадолго. Сможете все устроить?

– Я сейчас же возьму кэб и постараюсь перехватить Маркуса в Институте. – Тут он снова завопил в сторону: – Нет, мама, вы нюхаете химикаты, не надо ничего мыть... – Его голос снова вернулся: – Мне пора идти, пока мама себя не подожгла. Увидимся через полчаса.

Раздался щелчок, и я повесил трубку. Вернувшись в кухню, я увидел, что Кэт раздобыла яйца и немного селедки и собирается пожарить их на большой сковороде с длинной ручкой.

– Ну, – обронила она с улыбкой, – как твое «дело»?

Я был настолько поражен ее занятием, что не услышал вопроса.

– Кэт... ты умеешь *готовить*?

– Вот только не надо с таким видом спрашивать, – отозвалась она игриво. – Что, мистер Стайвесант-парк, думаешь, у нас с папой были слуги? Я все время ему готовила. Яйца с селедкой – вот *это*, я понимаю, завтрак.

Она попыталась разбить яйцо в сковородку, но рука слишком дрожала – и улыбка немедля покинула лицо Кэт, а сама она глубоко вздохнула.

– Скажи, Стиви, – тихо вымолвила она, вновь не глядя на меня. – У твоего друга доктора бывают... ну, знаешь, пациенты у него тут случаются?

– Не-а, – покачал головой я, вполне представляя себе, что она хотела сказать своим вопросом. – Ничего такого, Кэт.

– Просто... – Ее рука вновь затряслась, а глаза наполнились теми же болезненными, безысходными слезами. – Я не знаю, смогу ли разбить яйцо...

Мозг мой, казалось, ухватил мысль – нечто сказанное доктором, когда я был у него в Институте, а он занимался мальчишкой, который пребывал даже в худшем состоянии, чем Кэт, нечто о том, что резкий отказ от

наркотиков может сотворить с человеческим телом. Я знал, что на самом деле у него, возможно, припрятано немного кокаина в маленькой смотровой комнате, обустроенной в передней части дома на нижнем этаже, но я не собирался давать его Кэт. Впрочем, когда она внезапно издала легкий вскрик, потом схватилась за живот и быстро опустилась на стул, я понял, что лучше бы мне что-нибудь предпринять – тогда я побежал в смотровую и открыл маленький стеклянный шкафчик, в котором стоял ряд пузырьков. Быстро оглядев их, я обнаружил болеутоляющую камфарную настойку. Я знал, что люди потчуют ею младенцев при коликах, и предположил, исходя из этого, что Кэт она не причинит вреда. Я побежал обратно в холл, потом к ней, уже совершенно скрючившейся.

– Вот, – сказал я, вручая ей пузырек. – Выпей немного.

Она, по-прежнему не отрывая руки от живота, со стоном сделала большой глоток. После чего оттолкнула склянку и высунула язык:

– Тьфу! Что это еще за дрянь такая?

– Просто чтобы немного успокоить твои внутренности.

– Мне нужен марафет! – возмутилась она, слегка топнув ногой.

– Кэт, его здесь нет. Попробуй не нервничать, хорошо? Глотни-ка еще... – Я поднес бутылочку к ее губам, она замотала головой, пытаясь избежать противного лекарства – но после очередного глотка нервы ее, похоже, и впрямь слегка успокоились. – Получше? – спросил я.

Она медленно кивнула:

– Вроде как. Уфф... – Потом наконец убрала руку от живота, вздохнула поглубже и поднялась. – Да. И *впрямь* лучше.

– Может, теперь еда? – Я подвел ее к плите. – Я как-то до сих пор не вполне готов поверить в эти твои кулинарные таланты...

Тут Кэт смогла тихонько рассмеяться – а когда взяла еще одно яйцо, руки ее уже были спокойны.

– Подожди, мальчик мой, – сообщила она, сноровисто раскалывая коричневую скорлупку о край сковороды. – Ты еще пожалеешь, что такой завтрак тебе подают не каждый день. – Поморщившись, она повернулась к столу: – Дайка еще этой штуки, хорошо? На вкус ужасно, но помогает.

Пока Кэт трудилась над яйцами и селедкой, она не единожды глотнула настойки, и ее настроение существенно улучшилось. Следующие полчаса или около того были одним из счастливейших мгновений с нею, что я могу вспомнить: просто готовить завтрак и есть его на кухне, будто мы самая обычная парочка, с болтовней, смехом, забыв на время, что пригнало ее к дому доктора. Кэт начала рассказывать о том дне, когда у нее будет большой и красивый собственный дом, и хоть я не верил, что блядство

когда-нибудь сможет привести ее к такому исходу, все равно не сказал ничего вразрез этой мечте – настолько бодрее и здоровее казалась при этом Кэт.

Вообще говоря, я даже немного пожалел, когда, наконец, вскоре после десяти раздался дверной звонок. Я как раз приступил к мытью посуды, а Кэт прикурила сигаретку, все еще предаваясь фантазиям о своем будущем и даже в какой-то момент пошутив, как наймет меня работать у себя в доме. Я никогда не думал об этом – о нас с Кэт под одной крышей, взрослых, ни разу не представлял такого в моих мечтаниях и тем более не мог вызвать такого в своем сознании тем утром, настолько за гранью реальности все это представало. Полагаю, воображение у нее было намного лучше моего – да и как иначе, стоит мне об этом подумать.

Вытирая руки кухонным полотенцем, я побежал к двери, а Кэт пошутила, что я ее дворецкий, и велела мне отсылать всех прочь, кто бы там ни был, поскольку она сегодня утром «не принимает». Впрочем, она вся подобралась, едва я вошел в кухню с двумя детектив-сержантами: она все еще не была до конца уверена, что их визит никак с нею не связан. Я представил их Кэт, и мы все вчетвером поднялись в гостиную, где все расселись. Я же бегом направился в кабинет доктора за портретом сестры Хантер. Когда я вернулся, Айзексоны спорили – в своей вспльчивой, ребячливой манере – о точном соотношении химикалий, кои предполагалось использовать в анализе, проведенном Люциусом этим утром. Кэт сидела на краешке того же мягкого кресла, что и раньше, поглядывая на обоих мужчин и, не сомневаюсь, дивясь, что же это за фараоны, которые так себя ведут.

– Ну вот, пожалуйста, – объявил я, подавая вставшей Кэт рисунок. – Кэт, скажи детектив-сержантам, кто эта женщина.

Она быстро оглядела нас троих, потом пробормотала, обращаясь ко мне:

– Но я же сказала – тебе.

– Да, – прошептал я в ответ, – а теперь скажи им. Не волнуйся, тебе это никаких неприятностей не причинит.

– Это я уже слышала, – ответствовала Кэт. Потом все же объявила погромче: – Ее зовут Либби Хатч. Она... ну, они с Гу-Гу...

– Гу-Гу Ноксом? – уточнил Маркус. – Вожаком Гудзонских Пыльников?

– Верно, – отозвалась Кэт. – Она его девчонка. Ну, то есть одна из. У них у всех полным-полно, у этих сукиных... – Тут Кэт осеклась и оборвала свое раздражение. – Но сейчас она у него любимица.

– *Либби Хатч?* – переспросил Люциус, забирая рисунок. – Вы уверены?

– Еще б не уверена – глаза-то у меня есть, как по-вашему?

Люциус осторожно покосился на Кэт:

– А вы случайно не знаете, где эта Либби Хатч живет?

Кэт быстро кивнула:

– Прямо за углом сразу после логова Пыльников. Бетьюн-стрит. Она замужем за каким-то старым хрычом, но тот уже одной ногой в могиле, так что она вынуждена сама за собой следить. У Гу-Гу их дом под защитой банды – любого, кто только приглядывается к этому месту начнет, можно в реке искать. И уж точно они там не купаться будут, если вы меня понимаете.

Люциус собирался было еще что-то сказать, но Маркус поднял палец:

– Мисс Девлин? Прошу прощения... не оставите ли нас втроем на секунду?

– Конечно, – ответила Кэт, смутившись как никогда. Потом спросила, повернувшись ко мне: – Стиви, я, пожалуй, схожу вниз, приму еще этого снадобья?

– О чем разговор, Кэт, – кивнул я. – Оно там, где мы его и оставили.

Она постаралась улыбнуться детектив-сержантам:

– Желудок немного побаливает. Я скоро вернусь.

Люциус и Маркус проводили ее взглядами; Люциуса, казалось, новость привела в ажитацию. Он было собирался выразить свое волнение, но снова вмешался Маркус:

– Стиви, откуда нам знать, что этой девушке можно верить?

Вопрос отчасти застал меня врасплох.

– Откуда... ну... просто потому что. Она мой друг. Я знаю ее уже... уже очень давно. Почему бы вам просто ей не поверить?

Маркус посмотрел мне прямо в глаза:

– Потому что она проститутка и кокаинистка.

Гордость моя моментально разыгралась – но по Маркусову взгляду было ясно, что он не собирался никого задеть, лишь хотел убедиться, что нас действительно не хотят надуть. Я уставился в пол и проговорил:

– Ни одна из этих причин не делает ее лгуньей, детектив-сержант. Я отвечаю за Кэт.

– Ну, что кокаинистка – я понимаю, – заявил брату озадаченный Люциус. – Признаки вполне явные. Но с чего ты взял, что она проститутка, Маркус?

– Девушка ее возраста? Обитает у Пыльников? Там не богоугодный

приют, Люциус, Христа ради!

– Хм-м, – сурово изрек Люциус. – И впрямь. Но она все же *знает*, где живет эта Хантер. И какая ей выгода от того, что она нам это сказала? По мне, так стоит ей поверить – хотя бы потому, что это может изрядно облегчить всем нам жизнь.

– Как так? – спросил Маркус.

Но Люциус уже обратился ко мне:

– Стиви, по-твоему, эта девушка смогла бы оказать нам... услугу?

Я покачал головой:

– Услугу – вряд ли. Мы... точнее, я втравил ее вчера в неприятности. В любом случае, жизнь не заточила Кэт под услуги. Но если ей от этого что-то перепадет – тогда, пожалуй, мы могли бы ее попросить. – Я убедительно взглянул на обоих. – Но только если это не опасно.

– Не должно быть, – с готовностью отозвался Люциус.

– Что ты замышляешь, Люциус? – осведомился Маркус.

Но тут в гостиную вбежала Кэт:

– Стиви, в дом входят какие-то люди!

– Не волнуйся, – сказал я, подходя к лестнице. – Наверное, экономка. Я как раз думал, когда же она объявится.

– Нет, там двое мужчин, – быстро ответила Кэт, следуя за мной. – Стиви, это твой доктор! Мне нельзя тут быть, он на твоей шкуре отыграется!

Посмотрев вниз, я увидел, что новоприбывшими и в самом деле были доктор и Сайрус. Быстро взяв Кэт за руку, я бережно сжал ее.

– Не беспокойся, – сказал я, отчасти позабавленный ее страхом. – Говорю тебе, все будет хорошо, он не из таких.

– Но мы ж ели его еду и лекарство...

– Успокойся, – ответил я, когда доктор начал подниматься по ступенькам. – Ступай в комнату. Все будет в порядке, поверь мне.

Кэт, кивнув, неохотно согласилась, но не шевельнулась – и когда доктор достиг верхней площадки, отступила за мое плечо, и глаза ее расширились при виде его длинных темных волос, черных глаз и одеяния, совпадавшего по цвету с глазами даже летом. Я улыбнулся – совсем позабыл, насколько впечатляющим, даже пугающим он казался при первой встрече.

– Стиви! – воскликнул доктор с удовлетворенным видом. – Мы вернулись, хоть и несколько быстрее, чем я надеялся. Очевидно, данная отрасль антропологии пока только развивается – для анализа стрелы понадобилась половина людей Боаса, не считая нескольких студентов

Колумбийского университета, да и то объяснение их было лишь частичным. Оружие действительно с островов юго-запада Тихого океана, хотя остается все же некоторая путаница с... – Он вдруг умолк, заметив скрывающуюся за мной маленькую фигуру Кэт. – Так, – и доктор искренне улыбнулся, замедлив, правда, свое приближение. – Не знал, что у тебя гости, Стиви. Прошу простить меня за столь грубое вторжение.

По лестнице затоптал Сайрус, крича на ходу:

– Стиви? Ты хорошо себя чувствуешь? На кухне полупустой пузырек болеутоляющего... – Потом и он заметил Кэт. – О... – проговорил гигант, пристально ее рассматривая, потом еле заметно улыбнулся и склонил голову. – Здравствуй, Кэт, – вежливо, хоть я и не сказал бы, что тепло, поприветствовал он.

– Мистер Монтроуз, – пискнула Кэт у меня из-за спины, по-прежнему не шевелясь.

Из гостиной вышли Айзексоны, и доктор воззрился на них, миновав взглядом нас с Кэт:

– Ага! И детектив-сержанты здесь – хорошо! Это сэкономит немного времени. – И вновь повернулся ко мне со внимательной улыбкой: – Стиви? А меня так и не представят?

– Ой, – пробормотал я, – нет. То есть да. То есть...

Кэт необычайно быстро выскочила из-за меня и протянула руку – но так, будто думала, что доктор может ее откусить:

– Катрин Девлин, сэр. – Доктор едва коснулся ее руки, но она уже отдернула ее и снова скрылась у меня за спиной. – Стиви не приглашал меня, сэр. Я сама пришла.

– Друзьям Стиви всегда здесь рады, – просто ответил доктор. – Хотя, мне кажется, нам будет намного удобнее в гостиной, как по-вашему?

Я чувствовал, как быстро вздымается и опадает маленькая грудь Кэт, прижавшаяся к моей спине.

– Думаю, мне пора идти, – встревоженно изрекла она.

Но я удержал ее.

– Кэт, все в *по-ряд-ке*, – стоял на своем я. – Пойдем, я хочу, чтобы ты рассказала доктору то же, что и всем нам. А детектив-сержант собирается у тебя кое-что спросить.

Весьма неохотно Кэт все же проследовала за нами в гостиную, хотя так ни разу и не показалась из-за меня, пока мы шли. Она не сводила голубых глаз с доктора: давным-давно она убедила себя, что он – не ее полета птица, и его доброе отношение лишь усугубляло ее нервозность и подозрительность. Доктор подошел к каминной полке и взял сигарету,

предложив еще одну Маркусу, потом прикурил и уселся в свое кресло.

– Прошу, – сказал он, указывая на старей (или, думаю, стоит уточнить – антикварный) французский диванчик около меня и Кэт. – Присаживайтесь. – Казалось, ее отношение забавляет его почти в той же степени, что и меня, но он крайне деликатно держал свое веселое изумление при себе.

Кэт лишь быстро кивнула, потом села и немедля чуть было не сломала мне руку и шею, резко и с силой дернув меня за рубашку и заставив опуститься рядом. То и дело толкая меня в бок, она отрывала панический взгляд от доктора лишь затем, чтобы видеть, что там замышляют детектив-сержанты.

– Мисс Девлин предоставила нам весьма полезную информацию, – сообщил Люциус, передавая доктору фотографию. – Похоже, она некоторым образом знакома с Элспет Хантер.

Вежливость доктора внезапно перемешалась с волнением – так, что глаза его запылали; и Кэт лишь больше занервничала, когда он вновь посмотрел на нее:

– В самом деле, мисс Девлин? Вы знаете эту женщину?

– Я не понимаю, о чем он говорит, – ответила она, быстро кивнув на Люциуса. – Но если вы имеете в виду Либби Хатч, то да, ее я знаю.

– Кэт проводит часть времени у Пыльников, – добавил я, не желая, чтобы ей самой пришлось это объяснять. – Она говорит, что они знают сестру милосердия Хантер как «Либби Хатч», и эта женщина – одна из подружек Гу-Гу.

– Гу-Гу?.. – смущенно замешкался доктор. – Ах да! Нокс, предводитель Пыльников. Должен сказать, можно лишь догадываться о том количестве кокаина, коим члены этой банды должны злоупотреблять, чтобы выдумывать столь нелепые имена.

Кэт неожиданно издала звук, который я посчитал было выражением тревоги, но, обернувшись к ней, обнаружил, что она улыбается, а звук был чем-то вроде смешка. Она, кажется, впервые допустила, что доктор может оказаться человеком стоящим.

Тот же рассмеялся вместе с ней, весьма ободряюще.

– Итак, мисс Девлин, – сказал он (а я заметил, что Кэт такое обращение по душе), – вы говорите, что женщина, изображенная на этом рисунке, пребывает в романтических отношениях с Ноксом?

– Сейчас она у него в любимых подружках, – кивнула Кэт.

– Правда? – удивился доктор.

– К тому же, – многозначительно добавил Люциус, – Нокс взял ее дом

под личную защиту.

– В самом деле? – Доктор вновь посмотрел на Кэт. – И в связи с какими же причинами, мисс Девлин, как по-вашему?

Кэт пожала плечами и чуть ослабила хватку, с которой сжимала мою руку:

– Он же ж бешеный, этот Гу-Гу – ну и Либби такая, насколько я видела. Они надолго запираются в его комнате наверху. Я слышала, там временами сумасшествие какое-то творится. А еще слышала, что она... ну, в общем... *танцует* ему.

– Танцует? – эхом отозвался слегка озадаченный доктор.

Глядя в окно, Кэт кивнула в каком-то смущении:

– Ну знаете, сэр – *танцует*. Он к себе наверх зовет оркестр, они играют под дверью. А она – танцует.

До доктора наконец дошло: Кэт говорила о том, что в те дни носило множество различных названий, а сейчас мы называем своим именем, – о стриптизе.

– Понимаю, – тихо изрек доктор. – Пожалуйста, извините мое невежество, мисс Девлин. Не хотел выглядеть таким тупицей.

– О нет, сэр, – ответила она весьма уважительно. – Вам и без нужды это *знать*. В общем, говорю же, сейчас она единственная из его девчонок, кто действительно с ним ладит – даже лучше молоденьких. Она *старается*, Либби-то.

– Либби, – тихо повторил доктор, постукивая костяшкой указательного пальца по губам, пока взвешивал это слово. – Либби... – Он повернулся к детектив-сержантам: – Кличка?

Маркус обдумал вопрос, слегка пожимая плечами:

– Либби может быть уменьшительным от Элспет – скорее всего, так ее звали или зовут, ведь Элспет – довольно архаичный вариант.

– А Хатч, возможно, – ее девичья фамилия, – добавил Люциус. – Ею она пользуется, когда не хочет быть узнанной. Вряд ли выйдет куда-нибудь устроиться ухаживать за больными, если станет известно, что ты *танцуешь* для Гу-Гу. Но тут есть соображение поважнее, доктор. – Люциус приблизился к нему, быстро покосившись на Кэт. – В сложившихся обстоятельствах нам нужно совершить две вещи – с судебной точки зрения. Нам нужно доказать, что дитя находится в доме сестры Хантер, а также продемонстрировать, что сестра Хантер действительно была ответственна за нападение в Централ-парке. – Он еще раз взглянул на Кэт с чрезвычайно дружелюбной улыбкой. – И я уверен, что мисс Девлин поможет нам в обоих этих случаях.

Кэт обернулась ко мне и тихо проговорила:

– *Стиви...* ты же сказал, не будет никаких неприятностей...

– Их и не будет, Кэт, – быстро отозвался я. – Для тебя.

– Тогда что все это значит – про ребенка и «нападение»?

– Вам не стоит бояться, что вас во «все это» впутают, мисс Девлин, – вмешался доктор со своего кресла. – Детектив-сержанты расследуют дело. Мы им немного помогаем. Вот и все наши побуждения.

Вновь повернувшись к доктору, Кэт тихо проворчала с непокорным видом:

– Я не хочу быть замешанной ни в каком полицейском расследовании. А уж если оно с Гу-Гу связано – тем более. Он кого угодно до полусмерти может забить в мгновение ока, даже когда *не* нюхает порошок.

– Но здесь, – произнес Маркус тоном, который можно было бы назвать «деликатным», – не исключена довольно существенная компенсация, мисс Девлин.

Кэт прищурилась:

– Деньги, вы хотите сказать? – Маркус кивнул. – Деньги без особой надобности, если ты в больнице. Да и если на дне реки – тоже.

– А если этих денег будет достаточно, чтобы точно никогда больше не возвращаться на Гудзон-стрит? – спросил доктор.

Кэт все равно не поняла, судя по лицу:

– Как это? Если я подставлю Пыльников, даже хоть на чуточку, в этом городе мне негде будет укрыться.

Доктор пожал плечами:

– Вы так привязаны к жизни в этом городе? Может, у вас есть родственники где-нибудь на другом конце страны?

– И, уверяю, мы не попросим вас ни о чем опасном, – добавил Люциус.

– Если имеешь дело с этой шайкой, опасно *все*, – немедля ответила Кэт. Потом она снова уставилась на доктора. – У меня есть тетя. В Сан-Франциско живет – она оперная певица.

– В самом деле? – с воодушевлением отозвался доктор. – У них самая многообещающая труппа. Кто она, сопрано? Меццо?

– *Оперная певица*, сказано же, – буркнула Кэт, совершенно не понимая, о чем это доктор говорит, и не стыдясь этого. – Она как-то прислала мне письмо, когда папаша помер, – написала, что может и мне подыскать работу певицы. Я могу петь – Стиви меня слышал.

Кэт повернулась ко мне, ожидая поддержки. Я лишь энергично кивнул и заявил:

– О да, она может петь, еще как, – хотя никогда и не ставил высоко ее голос. Однако мне на ухо наступил медведь, что верно то верно – так что не мне судить, может, она *в самом деле* могла петь.

– Ну что ж, – сказал доктор, – тогда один билет до Сан-Франциско – поездом или морем, как сами решите, – и, скажем, несколько сотен долларов – чтобы *акклимироваться*. – Я никогда не видел у Кэт таких круглых глаз. – И все в обмен на... – Доктор резко прервался и в замешательстве обернулся к Люциусу: – Детектив-сержант, на какого дьявола мы вообще это собираемся менять?

Люциус снова посмотрел на Кэт, продолжая улыбаться.

– На одежду с пуговицами, – вот все, что он изрек.

Кэт уставилась на него, челюсть ее отвисла:

– Одежду? Это *платье*, что ли?

– Платье вполне сойдет, – ответил Люциус. – Впрочем, верхняя одежда будет, пожалуй, лучше всего. Что-нибудь такое, что она точно может носить у себя дома, равно как и у Пыльников. И на улице, конечно, если выйдет. Пальто или какой-нибудь жакет на самом деле просто идеальны.

– Дошло, – отозвался Маркус, хлопая себя по лбу. – Ну конечно!

Кэт взглянула на эту парочку так, будто они оказались еще ненормальнее, чем она решила поначалу.

– Пальто или жакет... – повторила она.

– С пуговицами, – уточнил Люциус, кивая.

– С пуговицами, – вновь повторила Кэт, кивая в ответ. – С *любыми* пуговицами?

– Большие – самое то. Чем больше, тем лучше.

– И плоские по возможности, – добавил Маркус.

– Да, – согласился Люциус. – Именно.

Кэт несколько секунд пялилась на них, потом открыла рот, собираясь заговорить. Не в состоянии сразу подобрать нужные слова, она обернулась ко мне, потом снова к ним – и голубые глаза ее сузились, а губы изогнулись в легкой улыбке.

– Ну-ка, скажите, если я понимаю все правильно. Вы хотите, чтоб я стащила какой-нибудь жакет или пальто у Либби Хатч. С большими плоскими пуговицами. А за это вы дадите мне билет в Сан-Франциско и несколько сотен долларов на обустройство?

– Именно *это*, – объявил доктор, несколько тревожно поглядывая на Айзексонов, – очевидно, *мы* и предлагаем.

Кэт снова посмотрела на меня:

– Они серьезно, Стиви?

– В общем, да, – ответил я с улыбкой. Раздумья о том, что Кэт покинет город, не доставляли мне особой радости, чего греха таить, но сам замысел ее побега от Динь-Дона, Пыльников и прочей мутотени перевешивал все сомнения. – Давай, Кэт, – принялся уговаривать я. – Стащить *пальто*? Да ты это во сне сможешь провернуть.

Она с силой шлепнула меня по ноге и тихо выругалась:

– Незачем рассказывать об этом всему *миру*, Стиви Таггерт! – Потом оглянулась на остальных и встала: – Идет, мальчики... э-э, джентльмены. Ваша взяла. Мне может понадобится денек-другой...

– Чем скорее, тем лучше, – сказал доктор Крайцлер, поднимаясь и протягивая руку. – Но денек-другой вполне сойдет.

Кэт пожала его руку, на этот раз – гораздо менее пугливо, затем широко разулыбалась.

– Отлично! – заявила она. – Постараюсь как могу! – И, обратившись ко мне, приняла слегка застенчивый вид, играя, как до того на кухне: – Стиви... не будешь ли так добр... – и осеклась, понимая, что не знает нужных слов.

– Показать тебе выход, – закончил за нее я. – Да, конечно.

Доктор извлек несколько долларов и вручил их мне:

– Проводи ее до экипажа на углу, Стиви. – Затем поклонился Кэт: – Рад был познакомиться с вами, мисс Девлин. И надеюсь на успешное завершение нашего с вами совместного дела. – И вновь быстро взглянул на Люциуса: – Чем бы оно ни обернулось...

Я взял Кэт за руку, и мы вышли из дома.

Оказавшись на тротуаре по дороге ко Второй авеню, она начала скакать вокруг, как четырехлетка.

– Стиви! – чуть не кричала она. – Я еду в Калифорнию! Можешь поверить? Представляешь? Я – в Сан-Франциско!

– У тебя действительно тетя – оперная певица? – спросил я. Она чуть было не придушила меня, обвив рукой мою шею.

– Ну, почти. Она же все равно работает в опере. И когда-нибудь *станет* певицей, она мне сама говорила.

– Угу, – отозвался я, не веря ей до конца. – Но она ж не профурсетка, а, Кэт?

– Нет, она не профурсетка, спасибо тебе, Стиви, – возразила Кэт. – И я больше такой не буду – с меня хватит! Моя жизнь изменится, Стиви, *изменится* – и мне лишь надобно стибрить жакет у Либби Хатч! Спереть жакет у бабы, которая *на себе* одежду с трудом удерживает, подумать только!

Мы дошли до угла – прямо через дорогу от «Нью-Йоркского родильного дома», как я отметил, – и пока я махал экипажу, лицо Кэт еще раз сморщилось:

– Как по-твоему, на кой им сдалась эта штука, Стиви? Доктору и этим двум ребятам? Странные они типы, эта парочка, для фараонов.

– Не знаю, – ответил я, внезапно понимая, что и в самом деле *не знаю*. – Но выясню. – Я повернулся к ней, когда она открывала дверцу экипажа: – С тобой все будет в порядке, Кэт? Ну, я про Динь-Дона и прочее.

– *Этот?* – усмехнулась она. – Его счастье, если он хоть раз меня встретит до того, как я это проверну. Пусть развлекается со своими двенадцатилетками – а я еду в Калифорнию!

– Лучше напиши сначала своей тетке, – посоветовал я. – Убедись, что она все еще там и что все нормально.

– Я об этом уже подумала, – сказала Кэт, сходя с бордюра. – Сегодня вечером как раз и думаю так поступить. – Она помедлила и обняла меня, прежде чем залезть в коляску. – Спасибо, Стиви, – прошептала она мне на ухо. – Ты настоящий друг, и это правда. – Отстранившись, она еще раз взглянула на дом доктора: – И ты был прав насчет своего босса – он славная душа, точно говорю. Хоть и *выглядит* так, будто дьяволу душу продал, скажу я тебе!

Я жуть как хотел поцеловать ее, но она вскочила в экипаж, размахивая перед возницей долларами, которые я ей передал:

– Извозчик, Гудзон-стрит – и сильно не спеши, я хочу покататься всласть!

Кучер щелкнул кнутом, Кэт помахала мне и отвернулась, чтобы глядеть на улицу. Клянусь, она смотрелась так, будто весь город был ее собственностью, – и от этого я улыбнулся.

Когда кэб исчез, я развернулся и побежал обратно, желая наконец понять, о чем же, черт подери, болтали детектив-сержанты.

Глава 20

По возвращении в дом я чуть было не врезался головой в доктора Крайцлера, который стоял у маленькой смотровой комнаты, держа бутылочку с камфарной настойкой, что я оставил на кухне. Он пустился в лекцию о моей собственной ответственности за распространение наркотиков – похоже, обезболивающее было опиатом, чем и объяснялся быстрый эффект, производимый им как на страдающих коликами младенцев, так и на отчаявшуюся Кэт. Я сообщил, что и понятия не имел, насколько оно сильное, – ведь его кто угодно может купить где ни попадя. Он ответил, что понимает, почему я вынужден был им воспользоваться, учитывая состояние Кэт (которое он, как и детектив-сержанты, быстро опознал) – и все же он не хотел бы, чтобы я впредь брал какие-либо лекарства из смотровой без его на то позволения, поскольку ему не особо нравится мысль, что препараты придется теперь запереть.

Эту заслуженную, но от того не менее неприятную лекцию прервал треск дверного звонка. Два его сигнала, производимые маленьким, управляемым электричеством, молоточком, бьющим по паре длинных трубок в вестибюле, были особенно громкими, если учесть, что мы находились так близко – и мы с доктором подскочили. Он плотно закрыл пузырек с настойкой, отнес его в смотровую и сказал лишь:

– Надеюсь, мы поняли друг друга, Стиви. – Я заверил его, что поняли, и тогда он направился к двери.

Прежде чем он успел открыть, я услышал возмущенный голос мисс Говард, доносящийся из-за толстого слоя дерева. Ей в ответ раздалась пара слов, которые пробормотал мистер Мур, а затем мисс Говард вновь ударилась в возмущение. Когда доктор распахнул входную дверь, она ворвалась в вестибюль, а потом в холл – покрасневшая и раздраженная, хоть и с невольной улыбкой на устах.

– Прекрати, Джон, дело сделано. Тебе нет нужды продолжать.

Мистер Мур размашисто вошел внутрь, бросив на мисс Говард страстный взгляд, казавшийся лишь наполовину серьезным.

– Мне наплевать, – сказал он. – Два часа в этой дыре, ты мне еще заплатишь...

Доктор в недоумении воззрился на них:

– Поздно для весеннего томления, Мур. Что это с вами за чертовщина?

– У вас не найдется успокоительного, доктор? – осведомилась мисс Говард. – Похоже, Джону этим утром взбрело в голову, что раз во время нашего пребывания в Архивном бюро он вел себя как отвратительная свинья, от своего задания он тоже может быть свободен. Он приставал ко мне все утро...

– О, я даже и не начал толком, – отвечал мистер Мур, резко подавшись к мисс Говард. – Ты еще не догадываешься, что такое *отвратительно*, Сара...

– Мур, – объявил доктор, легко хватая друга за воротник, – мне следовало полагать, что даже вы окажетесь выше подобного идиотизма. Будьте добры, соберитесь. У нас важные новости, и сейчас, когда вы здесь, все мы можем отправиться в № 808 и вместе обсудить их.

– Хорошо, – отозвался мистер Мур, не отрывая глаз от мисс Говард. – Я подожду.

Она отвернулась и посмотрела в большое зеркало передней, закалывая волосы на затылке туже, чем обычно:

– Боюсь, в один прекрасный день мне и в самом деле придется пристрелить тебя, Джон. Схема еще у тебя?

– Да, да, – ответил мистер Мур, окончательно бросив ломать комедию и выпрямившись. Он извлек сложенный лист из внутреннего кармана сюртука. – Два часа, Крайцлер, в этом заплесневелом старом склепе – вы знали, что в Революцию²⁷ там обычно держали узников? И все, что нам перепало – треклятый ветхий карандашный набросок. Как бы там ни было, на это у нас могло уйти два дня.

– Стало быть, вы что-то обнаружили, – сказал доктор, игнорируя стенания мистера Мура. – Записи?

– Всего лишь копию разрешения, – отвечал мистер Мур. – Сами планы – неким таинственным образом, конечно же, – исчезли.

Доктор перевел взгляд с мистера Мура на меня с очевидным удовлетворением и возбуждением:

– Так-так, интересные новости на всех фронтах! – И он подбежал к лестнице, выкрикивая: – Детектив-сержанты! Сайрус! В город! – Затем повернулся ко мне: – Стиви, не займешься ли ты сперва Гвендолин, а потом – прямоком за нами? Мы пройдемся по Бродвею до № 808, чтобы детектив-сержанты вместе со мной смогли рассказать этим двоим о твоих утренних открытиях.

– Лады, – согласился я, уже направляясь к двери. – Но я хочу узнать, зачем детектив-сержантам понадобился этот жакет!

Мисс Говард, казалось, была сбита с толку:

– Жакет?

Тут вниз спустились братья Айзексоны и Сайрус.

– Обратоно в № 808, я так понимаю? – осведомился Маркус.

– Именно, – подтвердил доктор. – И быстро.

Я пошел к коляске, а они начали по одному выходить из дома; мистер Мур неспешным шагом замыкал процессию.

– Полагаю, до обеденного времени еще далеко, – услышал я его трагическое бормотание. – Боже, никогда бы не поверил, что работа детектива может вселить в человека такой аппетит. Не удивительно, черт возьми, что среди фараонов столько толстяков...

Я почистил Гвендолин – не так тщательно, как обычно, – и надел сбрую и упряжь, не озаботившись привести их в порядок, говоря себе, что сделаю это позже. Потом снова вернулся – убедиться, что каретный сарай надежно закрыт, – и поехал по 17-й улице к Бродвею, высматривая моих друзей в толпах понедельнично-утренних рабочих и покупателей. Наконец я нагнал их, когда они пересекали 14-ю улицу у Юнион-сквер. Впрочем, я чуть опоздал: доктор и детектив-сержанты уже покончили с пересказом истории Кэт парой кварталов раньше, и я только что пропустил краткое изложение мисс Говард того, что они с мистером Муром разыскали в центре. Она, однако, весьма любезно составила исключение из группы и быстро повторила все для меня.

Около двух лет назад Элспет Хантер и ее муж Михей действительно подали прошение и получили разрешение произвести некие довольно обширные переустройства в своем доме, по большей части – в подвале. Но поскольку фактические записи о реконструкции отсутствовали, а копия разрешения не выходила за рамки общих положений, только это и удалось узнать (и еще повезло, что удалось хоть это). Но когда сие выяснилось, мисс Говард усадила мистера Мура и заставила его вспомнить все, что возможно, о вышепомянутом подвале, на обыск которого он на самом деле был сподвигнут самой сестрой Хантер. Мисс Говард полагала, что где-то там должна крыться какая-то разгадка, поэтому набросала схему подвала и отметила размеры и все содержимое, что смог вспомнить мистер Мур. Пока никаких внезапных открытий совершить им не удалось, но, вполне возможно, они упустили из вида или неверно толковали нечто такое, что детектив-сержанты могли счесть важным.

Мы добрались до № 808 по Бродвею до того, как Люциус начал объяснять, зачем ему понадобился жакет Элспет Хантер (или же Либби Хатч) с большими пуговицами, и доктор решил, что нам стоит обождать и подняться наверх, прежде чем мы начнем его допрашивать. Люциус не был

из тех, кого можно назвать напыщенным или тщеславным человеком, но, как сказал его брат той ночью, когда мы подобрали их на пирсе «Кьюнарда», он действительно наслаждался редкими моментами своего интеллектуального превосходства – и пока мы поднимались в лифте, широкая улыбка на лице Люциуса ясно давала понять: ему доставлял удовольствие тот факт, что никто из нас (кроме, само собой, Маркуса) не мог понять, в чем заключается его план. Я, несмотря на все свое любопытство, почти восхищался Маркусом, который не выболтал секрет и подарил своему младшенькому момент славы – это была необычная внешняя демонстрация того, что за всеми своими масками братья глубоко привязаны друг к другу, – как, собственно, и должно, иначе им бы не удалось выживать столько лет в рядах сил полиции.

Мы поднялись наверх, и в передние окна штаб-квартиры я увидел, что тучи за Гудзоном, к западу, сгущаются, наливаются тем, что, похоже, может обернуться настоящим ливнем. Каждый нашел, куда сесть, а Люциус, встав у большой доски, взял заостренный кусочек мела и стал подбрасывать его точно так, как любил делать сам доктор: Люциус питал к доктору Крайцлеру величайшее уважение, причем несколько мальчишеское, так что подчас он, казалось, желал подражать ему как в целом, так и в мелочах.

Повторив для мистера Мура и мисс Говард свое убежденное мнение: сейчас нам более всего необходимо доказательство того, что дитя Линаресов у сестры Хантер и что именно она напала на сеньору в Парке, – Люциус принялся объяснять, каким образом такой простой предмет одежды, как жакет с пуговицами, может обеспечить нам сие доказательство. Вся эта штука с пуговицами, как только я услышал рассказ о ней, оказалась вполне очевидной, и мне слегка захотелось отвесить самому себе пинка за то, что не сообразил раньше: детектив-сержантам удалось снять с найденного у египетского обелиска куска свинцовой трубы хороший набор отпечатков пальцев, и для сравнения им требовались отпечатки сестры Хантер. На самом деле они не хотели ничего воровать из ее дома – она, похоже, была из тех, кто замечает пропажу даже самой мелкой безделушки. А с учетом того, что дом Хантеров, как выяснилось, пребывает под личной защитой Гу-Гу Нокса, сделанный ими выбор казался счастливым поворотом событий, – но нам все равно требовалось нечто такое, с чего можно было бы снять отпечатки для сравнения. Предмет одежды с пуговицами подошел бы лучше всего, ведь на застежках, пожалуй, не могло быть никаких отпечатков, кроме ее собственных, а большие плоские пуговицы представлялись достаточной поверхностью для получения полного рисунка нескольких пальцев сразу.

Это снимало вопрос о том, зачем Люциусу понадобился жакет или пальто – какая-то одежда, которую сестра Хантер могла носить на улице и дома. И этот вопрос в свою очередь подводил нас к тому, что для остальной части нашего отряда было таинственным новым миром, – к идентификации волос. Похоже, судебная наука дошла до такой точки своего развития, когда с помощью микроскопа можно было определить, принадлежит искомый волос человеку или животному, а если человеку, то не был ли этот человек кем-то конкретным, – при наличии образца волос этого самого кого-то для сравнения. Так вот, на маленькой шляпке, замеченной доктором у подножия обелиска, были, по мнению Люциуса, волосы маленькой Аны Линарес: волосы младенца, по словам Люциуса – «малой длины, зачаточные по характеру своему и обладающие необычайно хорошей пигментацией», – кажется, определить было проще всего. Поэтому нам сейчас требовался еще один образец волос Аны, взятый аккуратно с одежды сестры Хантер, – чтобы поместить его под «сравнительный микроскоп» детектив-сержанта, этакую как бы двуствольную штуковину, которая позволила бы ему изучить два волоска, что называется, бок о бок и точно их сопоставить.

Но почему, недоумевали все мы, Люциус в качестве лучшего одеяния, с которого можно было бы взять подобный образец, выбрал пальто или жакет? Не проще ли попытаться выкрасть рубашку или, может, даже кое-что поинтимнее? Ответ детектив-сержанта оказался умен и достоин мужчины. Мы уже знали, что сестра Хантер бесстыдно выводила малышку на люди – считая, что никто и никогда не соберется арестовать ее за похищение ребенка (поскольку выкуп ее не интересовал), она, вероятно, наслаждалась любой возможностью заставить мир думать, что она способна иметь собственное здоровое, счастливое дитя. Рубахи, юбки, нижнее белье – все это она носила в помещении у Пыльников и одному богу известно где еще. К тому же мы знали, что ее определенно не смущает тесный физический контакт с массой всяческих типов, так что на этой одежде скорее всего – множество различных волос, на опознание и исключение которых ушла бы уйма времени. А время поджимало все сильнее: доказанная неспособность сестры Хантер как следует ухаживать за младенцами – учитывая ее практику в «Родильном доме» – определенно не замедлит сказаться. И тогда даже такое дитя, как Ана Линарес, скорее всего, станет намного капризнее, чем обычно, и ситуация лишь будет усугубляться. А если сестра Хантер переложит на ребенка вину за их неудавшиеся отношения (как, по предположению доктора Крайцлера, она уже делала раньше и сделает вновь), момент, когда маленькая Ана тоже начнет испытывать необъяснимые приступы удушья, один из которых в

итоге и приведет к ее смерти, будет лишь вопросом времени.

Так что оставалось пальто или, что вероятнее даже в такой сравнительно холодный июнь, жакет: одежда, которую сестра Хантер немедля сняла бы, войдя в помещение, где собираются прочие люди, и, следовательно, число волос на ней было бы значительно меньше, – но в которой при этом Хантер могла быть, когда несла девочку, как это было в поезде Эл на Третьей авеню – крепко прижимая к груди.

Что и говорить, объяснение хитроумное – и когда детектив-сержант Люциус закончил, все мы, включая его брата, вознаградили его всплеском аплодисментов. Все беспокоились, сможет ли Кэт заполучить искомый предмет, но я утихомирил переживания: без лишних слов дал понять, что вряд ли нашлось бы много повседневных вещей, которые Кэт не смогла бы стащить, будь у нее на то достаточная причина.

Потом встал вопрос о том, что же делать с подвалом сестры Хантер. Мисс Говард вывесила на стену выполненный ею чертеж, и братья только что не обнюхали его. Остальные принялись бомбардировать мистера Мура подробными вопросами, на большинство коих он не был готов ответить даже несмотря на то, что беспрепятственно гулял по этому подвалу.

– Я же ребенка искал, господи боже! – запротестовал он после того, как кто-то осведомился, не заметил ли он каких участков бетона или кирпича, казавшихся новее обычного. – Я понятия не имел, что мне должно производить археологическое исследование. Обычный подвал – печь, какие-то шкафы, садовый инструмент и земляной пол. Кажется, были еще полки с консервами, хотя и не скажу точно. Ну знаете, как обычно, артефакты домохозяйства – старая мебель, несколько картинных рам...

– А располагалось оно все вот так? – уточнил доктор, разглядывая чертеж.

– Именно.

Доктор разочарованно вздохнул:

– Определенно ничего выдающегося. Правильнее всего, я полагаю, найти подрядчика, который выполнял работы.

– О, – мисс Говард подняла голову: глаза ее расширились, будто она осознала, что вспомнила нечто упущенное. – Но он умер. Мы спрашивали.

Доктор повернулся к ней:

– Он – что?

– Умер, – просто ответил за нее мистер Мур. – Умер сразу после окончания работ. Видимо, был другом клерка, с которым мы говорили в Архивном бюро. Он там много в записях рылся.

Доктор начал тереть виски:

– А клерк случаем не сказал, *от чего* тот умер?

– Сказал, – отвечал мистер Мур, рассеянно покопавшись в карманах и извлеки старый кусок завернутого в бумагу баттерскотча²⁸. – А-а, вот и пропитание!

– Мур! – нетерпеливо бросил Доктор.

– Гм? А, да. Подрядчик. Его имя здесь – прямо на разрешении. – Шумно пососав ириску, он вытащил лист бумаги. – Генри... Бейтс. Контора у него была в Бруклине. В общем, с ним приключился обширный инфаркт спустя пару дней после окончания работы у Хантер. И я его не виню. Работай я у этой леди, со мной бы стряслось то же самое.

Доктор лишь со вздохом покачал головой, не опуская рук. Видя это, мисс Говард еще больше занервничала:

– Думаете, это важно, доктор?

Тот поднял голову, пальцами натянув кожу под глазами:

– Меня действительно поражает это странное совпадение, да.

– В этом деле у нас уже было одно совпадение, – заявил мистер Мур, беззаботно отмахиваясь. – Нельзя доверять *такому* их количеству.

– Я бы не стал доверять *ни одному* из них, Мур, – прогрохотал в ответ доктор, – будь они действительно совпадениями! Маркус, предлагаю вам выяснить все, что сможете, о подрядчике Генри Бейтсе из Бруклина. Не исключено, что у него была семья.

– И они будут осведомлены о его состоянии здоровья, – кивнул Маркус, записывая имя на листке.

Мисс Говард схватилась за голову:

– Ну конечно же! Вот проклятье...

– И какого же дьявола ты так разнервничалась? – осведомился мистер Мур, и, должен сказать, даже *мне* показалось, что он не вполне соображает, в чем дело. – Ну случился у человека сердечный приступ. Что с того?

– Мур, – проговорил доктор, пытаясь сохранять терпение насколько возможно. – Не припоминаете ли вы случайно доктора Холмса, массового убийцу, чье существование доставляло в прошлом году столько волнений вашей бабушке?

– Ну разумеется, – отозвался он. – Кто же его не помнит? Поубивал черт знает сколько народа в своем «замке пыток».

– Именно, – кивнул доктор. – В «замке пыток». В кажущемся бесконечным лабиринте потайных комнат и камер, каждая из которых была спроектирована Холмсом лично для определенной ужасающе садистской цели.

– И? – спросил мистер Мур. – Как одно связано с другим?

– Знаете, что этот Холмс совершил первым делом, когда замок был закончен?

Выражение лица мистера Мура оставалось простодушным:

– Убил кого-нибудь, я полагаю.

– Верно. Он убил человека, который один на всем белом свете, кроме него самого, знал точный план места.

Наконец шумному чавканью мистера Мура пришел конец.

– О-оу... – Он медленно поднял глаза. – Но это же был не...

– Да, – тихо ответил доктор. – Его подрядчик.

Переводя взгляд с одного лица на другое, мистер Мур внезапно встал.

– Я еду в Бруклин, – бросил он, метнувшись к входной двери, прежде чем его успели обвинить в каком-нибудь упущении всерьез.

– Я с вами, – заметил Маркус, следуя за ним. – Бляха может пригодиться.

– Нам нужна *точная* причина смерти! – крикнул доктор вслед, когда за ними закрывалась решетка лифта. – А также любые подробности этой работы, которыми он мог поделиться с семьей, если таковая имелась!

Входная дверь громко хлопнула, и прочим из нас осталось лишь слушать, как доктор расстроено бормочет:

– Мне следовало быть умнее. И в холодную погоду Джону нелегко сохранять сосредоточенность, но летом-то... – Он прервался и снова посмотрел на схему. – Подвал, – тихо повторил он. – Подвал...

Мисс Говард подошла и встала рядом:

– Мне действительно жаль, доктор. Это мне стоило подумать лучше.

Доктор старался быть милосердным:

– Вряд ли оно стоило нам большой потери времени, Сара, – сказал он. – И даже если мы в самом деле обнаружим какую-нибудь ужасную тайну устройства этого подвала, вопрос останется прежним – что нам с этим делать? Прямое обращение в полицию с учетом позиции сеньора Линареса исключено – не только из-за опасности для сеньоры, но и в силу дипломатического иммунитета. Обитатели Малберри-стрит ни за что не станут противоречить пожеланиям иностранного сановника, даже если нам удастся убедить их сие дело расследовать. А опасность, которую представляет для нашего отряда возвращение в этот дом, сейчас вполне очевидна – одно слово Элспет Хантер, и мы очутимся, как сказала мисс Девлин, на дне реки. К тому же остается наш неопознанный друг с его стрелами и ножами...

– Вам удалось о них что-нибудь выяснить? – спросил Люциус.

– У меня есть части ответа, – вздохнул доктор. – Которые для

получения возможной разгадки нужно дополнить гипотезой – и довольно причудливой. У нас имеется два вида оружия. Первое, как вы и сказали, детектив-сержант, – известная отличительная черта пиратов, наемников и простых воров, промышляющих в портовом районе Манилы. Второе потаинственнее – оружие аборигенов, как мы предположили, происхождение которого, если судить только по его небольшому размеру, нам удалось приписать лишь одному из пигмейских племен юго-запада Тихого океана, Африки или Южной Америки. Стрихнин позволяет сделать более точные выводы – известно, что его используют таким образом лишь коренные жители Явы.

– Явы? – удивился Люциус. – Но Ява-то в голландской Ост-Индии, далеко на юго-запад от Филиппин. Эта штука не очень-то совпадает с *крисом*.

– Все верно, детектив-сержант, – ответил доктор. – Но нельзя упускать из внимания, что собой представляет манильский порт – котел насилия и преступности, куда стекается все отовсюду, включая Европу, Сан-Франциско и Китай. Завсегдатай этого места, вполне вероятно, знаком с оружием из мест намного дальше Явы – а если он этнически предрасположен к определенному его виду, тем больше шансов, что он привыкнет это оружие использовать.

– Что вы имеете в виду? – спросила мисс Говард.

Доктор наконец отвернулся от чертежа и отошел в сторону.

– В некоторых изолированных районах Филиппин – в северной части острова Лусон, к примеру, и на полуострове Батаан – обитают маленькие группки пигмеев-аборигенов. Испанцы и филиппинцы зовут их негр^{итос}, самоназвание же их – *азта*. Они – старейшие жители этих островов, переправились туда, как предполагают, с азиатского материка, когда та часть Тихого океана еще была скована льдом. Они вполне негроидны по своим чертам, – тут доктор взглянул на нас с Сайрусом, – а средний рост их – около четырех с половиной футов. Из-за чего с некоторого расстояния их можно принять за...

Сайрус кивнул:

– За десятилетнего мальчугана – в этой стране.

– Точно.

И тут мисс Говард внезапно прошептала, задышавшись:

– Боже мой.

Доктор обернулся к ней:

– Сара? Вы, подозреваю, вспомнили что-то из ваших разговоров с сеньорой Линарес?

– Да, – невыразительно вымолвила она, даже не озаботившись спросить, как доктор об этом догадался. – Ее муж... он из старой семьи дипломатов. Когда он был молодым человеком, его отца назначили на должность в кабинет генерал-губернатора – в *Манилу*...

Доктор лишь кивнул:

– На остров Лусон. Связь *обязана* была обнаружиться. Аэта – изгой филиппинского общества. Если кто-либо из них по каким бы то ни было причинам оказался в Маниле, портовый район – в сущности, единственное место, где его присутствие бы стерпели. Он мог поделиться боевыми и охотничьими навыками своего народа – и, скорее всего, перенял бы другие методы боевого искусства, необходимые для выживания. В то же время, как и многие аборигены, аэта придают исключительное значение верности. И если одного из таких людей нанимает или принимает в друзья кто-либо, наделенный властью... – Он повернулся к мисс Говард. – Сара, вам предстоит как-то связаться с сеньорой Линарес и выяснить, был ли среди служащих ее мужа такой человек.

– Это будет нелегко, – ответила мисс Говард. – За ней весьма тщательно наблюдают – и днем, и ночью.

– Тогда нам нужен творческий подход, – заметил доктор. – Но мы должны знать наверняка. Поведение этого таинственного маленького человека было отмечено двумя вроде бы противоречащими друг другу намерениями – нам нужно выяснить, почему, чтобы определить, столкнемся ли мы с ним вновь, и если да, то когда. – Он вернулся к наброску на стене, и голос его вновь зазвучал разочарованно: – Но, боюсь, ничто из вышеупомянутого не решит задачу этого чертова подвала... Как нам попасть туда? А если попадем, как узнать, что она из него устроила и держит ли там на самом деле ребенка?

Люциус хмыкнул:

– Я редко выступаю защитником обычных методов Управления, – пробурчал он. – Но в данном случае был бы не прочь высадить дверь и спуститься туда со старой доброй ищейкой, чтобы взять след малышки.

На минуту или две все замолчали. Я просто сидел на подоконнике, подтянув колени к подбородку, дожидаясь, когда кто-нибудь из них выступит с более практичной идеей. В таком состоянии рассудка негромкий шум я слышал лишь через несколько минут – Сайрус деликатно покашливал, словно бы обращаясь ко мне. Я поднял взгляд и обнаружил, что он смотрит на меня в упор, подняв брови с таким видом, будто заявляет «Ну?..» Я знать не знал, что он хочет сказать своим взглядом, поэтому нахмурился и пожал плечами, давая ему это понять.

Тогда он оглядел остальных, убеждаясь, что они по-прежнему поглощены чертежом, а затем не спеша подошел ко мне и облокотился на оконную раму, глядя наружу, – так, чтобы незаметно и неслышно было, что он говорит.

– Ты до сих пор водишься с тем мальчишкой? – пробубнил он, будто ненароком опираясь локтем на раму, а ладонью прикрывая рот. – Тем, что со зверьком?

С минуту я пребывал в замешательстве, и даже когда сообразил, кого он имеет в виду, сей факт ничего мне толком не прояснил.

– С Прыщом-Немчурой? – спросил я. – Конечно, я до сих пор его знаю, но...

– И ты видел дом этой женщины, – продолжал Сайрус. – Сможете проникнуть, как по-твоему?

Диковато было слышать подобный вопрос – в смысле, я вроде как совсем позабыл о таких вещах.

– В *тот* дом? – наконец пискнул я. – Ну да, всяко, вот только...

Сайрус совсем уже убийственно посмотрел на меня:

– Это же *твое* дело, Стиви. Если хочешь чего-то добиться...

И он снова неспешно отошел, оставив меня в легком ошеломлении. Я торопливо прошептал ему вслед:

– Но, Сайрус! – достаточно настойчиво, чтобы доктор обернулся.

– Стиви? – спросил он. – Хочешь что-то предложить?

Быстро отворачиваясь, я невинно помотал головой:

– Нет, сэр.

Сайрус пробормотал в стену:

– Да, хочешь.

– Нет, *не* хочу, – выдавил я краем рта.

– Ладно, – отозвался он. – Коли так решил...

– Что такое? – озадаченно осведомился доктор. – Стиви, если у тебя есть предложение по выходу из этого тупика, то, пожалуйста... – И указал рукой на чертеж.

Я не сдвинулся с места – просто сидел, где сидел, и обмозговывал все. Потом застонал и поднялся. Делать нечего. В конце концов, в том, что доктор оказался втянут в попытку спасти дитя Линаресов, была и моя заслуга – и я понимал, через силу пересекая комнату, что, если мне известен путь к следующему шагу, я должен поведать о нем этому человеку. Поэтому, бросив на Сайруса быстрый взгляд, говоривший «и на том спасибо» – на что он лишь улыбнулся, – я присоединился к троице у рисунка.

– Э-э... – проблеял я, не зная, с чего начать. – Вам... э-э... может, вовсе и не обязательно поступать, как говорит детектив-сержант Люциус. В смысле, может, выйдет провернуть ту же работенку без всего этого шума. – Я указал на чертеж. – Вы же говорите, что запах малышки в подвале все равно будет, как ни крути, пусть мы даже и не знаем, где именно эта Хантер ее заперла, – ну так вам для этого и не нужно непременно врываться туда с полицией и ищейкой. Кто-нибудь помнит, что там с задними окнами дома?

– Да, – ответил Люциус. – Я специально заметил. У них там решетки. Прутья не слишком толстые, но частые.

– Значит, понадобится распорка, – сказал я.

Люциус кивнул:

– Да, но даже с ней проделать отверстие, достаточное для человека, будет сложновато.

– Для *взрослого* человека, вы хотите сказать, – отозвался я. – Так эти решетки обычно и ставят. Но...

Доктор воззрился на меня – казалось, он не может решить, радоваться ему или хмуриться:

– Стиви – не хочешь ли ты сказать, что сможешь пробраться внутрь?

Я кивнул с видом, как могло показаться, исключительного отвращения.

– Прямо рядом с домом есть конюшни. Я их худо-бедно заметил. Хорошее место, чтоб укрыться, а потом выйти оттуда. Разжать прутья, залезть внутрь и прошерстить подвал. Если найдем девочку, я смогу ее вынести.

– А с чем это ты ее найдешь? – осведомился Люциус.

Я ответил, пожав плечами:

– У меня есть друг... – и тут почувствовал взгляд Доктора. – Короче, *был* друг. Пацан промышляет тем, что лазит по форточкам, как я сам раньше. Мы зовем его Прыщ-Немчура, потому как он заявляет, будто семья его – из немецких аристократов. Хотя на самом деле ничего подобного – голландцы они или кто-то вроде. В общем, есть у него специально обученный хорь. Зовут Майком. Прыщ, когда идет на дело, берет его с собой в мешке. Майк в любую узкую щель может пролезть. – Я снова показал на чертеж. – А я могу его туда пронести. Нос у него – черт знает что такое, а не нос, у зверька этого.

– Но как же он поймет, что надо искать? – спросила мисс Говард.

– Прыщ и этот трюк знает, – сообщил я. – Он кладет Майку в клетку вещицу, которая выглядит или пахнет как то, что ему нужно стащить, и не кормит его, пока тот не научится хватать эту штуку. Тут обычно немного времени уходит. Пара-тройка дней.

Люциус с минуту обдумывал сказанное, потом посмотрел на доктора Крайцлера.

– Доктор, – сказал он, и голос его выдавал, что риск он понимает, но все равно заинтересован не на шутку. – Это может сработать.

– И все же не стоит ли нам придумать, как выманить Хантеров из дома, а? – осведомилась мисс Говард.

– Только жену, – уточнил я. – А раз уж она проводит время с Гу-Гу Ноксом, то... нам надо лишь дождаться, пока она не выйдет из дому как-нибудь вечером. Думаю, муж ее вряд ли заботится о ребенке, если сам настолько плох, как вы все говорите. Так что она, видать, запирает малышку, когда уходит. Я влезу через цоколь – через кухню, пожалуй. А потом напрямиком в подвал. Они ж спят на верхнем этаже, верно? Мы слышали ее мужа, пока были снаружи.

– Все верно, – быстро заметил Люциус.

– Так что будет не так уж и сложно вытащить ребенка, если он там. Я такое сколько раз проделывал. Не с младенцем, конечно, только какая разница, ребенок это или мешок с добром?

О самой работе сказать было, в общем, больше и нечего, и я знал, что будет дальше, – доктор объявил:

– Прошу прощения, господа, – и, взяв меня за плечо, отвел в другой угол комнаты. Там он скрестил руки и секунду смотрел на меня, потом отвернулся и уставился в окно. – Стиви, большая часть этого плана меня смущает.

– Меня тоже, – сказал я. – Если у вас есть другое предложение, я всеми руками за.

– В том-то и незадача, – ответил он. – У нас его нет. И ты это знаешь.

– Ага. Но *не* я это предложил, а Сайрус. Только это ж по-любому – то есть все равно – невеликий труд. Приставите ко мне одного из детектив-сержантов, чтоб следил, а если в стойле у нас будет коляска наготове, то все обойдется. Револьвер и полицейская бляха на кого угодно впечатление произведут, кроме Пыльников, а когда те узнают, что творится, если вообще узнают, нас уже и след простынет.

Конечно же, не стоило и надеяться, что доктору принесет радость возможная опасность, которой я подвергнусь, равно как и мое возвращение на былую воровскую дорожку, но, судя по выражению его лица, он понимал – у нас нет выбора. А то, что мисс Говард с детектив-сержантом Люциусом горячо выступали за этот план, лишь подлило масла в огонь. Так что в два часа я снова направлялся в мои старые края, чтобы попробовать разыскать Прыща-Немчуру и его хорька Майка.

Глава 21

Я рассчитывал, что Прыщ, несмотря на холодный для Нью-Йорка летний день, плавает где-нибудь в окрестностях порта на Ист-ривер – этот парень обожал воду, что твоя рыба. Да к тому же там, где водились суда, водился и груз, и не было лучше способа осмотреть доки, чем невинненько поплавать вокруг да около, а заодно взглянуть, что там имеется. Не то чтобы судовой груз относился к привычной добыче Прыща – как я уже сказал, он был форточником, домушником, достаточно хорошим в своем ремесле, чтобы действовать независимо от любой банды, но при этом достаточно уважаемым, чтобы суметь присоединиться к любой бригаде, подходившей для указанной работы. Как бы там ни было, он был чутка отшельник, этот Прыщ – но только если дело не касалось животных. Он жил в заброшенном подвале на Монро-стрит, к северу от Бруклинского моста, с целым зверинцем собак, кошек, белок, змей, енотов и черт знает кого еще. Единственными тварями, которых он не держал, были крысы, и всю прочую свою живность он тоже обучил их травить. Просто когда ему было два или три годика, мать и отца Прыща, иммигрантов, вертевших сигары в доходном доме на Эддридж-стрит, ограбили, а потом пристрелили, и прошло больше суток, прежде чем обнаружили преступление, а заодно и чудом выжившего малыша – у крыс была масса времени как следует потрудиться над телами. Вида собственных родичей, полуобглоданных этими тварями, Прыщу хватило для объявления войны не на жизнь, а на смерть всем крысам, попадавшим к нему на глаза, – а в таком городе, как Нью-Йорк, это означало, что скучать ему никогда не придется.

Ну и, само собой, тем днем Прыщ как раз обретался за рыбным рынком Фултон – большим дощатым зданием с тремя маленькими башенками, которые звались «куполами»: плавал голышом с другими мальчишками. На реке недалеко от пловцов, рядом с переправой Фултон, станция которой стояла рядом с рыбным рынком, была пришвартована пара грузовых шхун да колесный пароход. Двое пацанят поменьше ныряли с бушпритов шхун – и преспокойненько могли переломать себе шеи, проскакывая в считанных дюймах от доков. Но никому, казалось, не было никакого дела, а Прыщу – вообще в последнюю очередь: он часто говорил мне, что как на его взгляд, так любой ребенок, плавающий без присмотра в реке с таким опасным течением, как у Ист-ривер, сам мог решать, где и когда раскроить себе башку.

Я проделал путь через всю пахучую шумную толкучку, продолжавшуюся и за пределами рыбного рынка, потом прокрался вокруг фундамента здания, где в вечно темных, взбаламученных водах плескалась ребятня.

– Эй, Прыщ! – крикнул я, заметив, что голова его показалась на поверхности. – Если решил от воспаления легких помереть – лучше способа не придумать!

Он ухмыльнулся мне, продемонстрировав широкий зазор между передними зубами, оставленный ему на память двумя фараонами, и переспросил:

– Фто ты говоришь, Фтиви? – Шипящие терялись в этой дырке. – Денек – фамое то, фтоб ифкупнутьфя!

– Вылезай давай, – ответил я. – У меня к тебе деловое предложение!

Отбросив назад черные волосы, он быстро и умело поплыл к тому месту, где я сидел.

– Ну вот, фначала ифкупнутьфя, а потом и делом ванячьфя, – объявил он, выскочил из воды бледной белесой вспышкой, подбежал к маленькой горке своих шмоток, вытерся тряпкой, которая когда-то, должно быть, представляла собой полотенце, и второпях принялся одеваться. – Как ты, Фтиви? Фто лет тебя тут не видал.

– Меня тут и *не было*, – сказал я, заметив, что голос Прыща стал ниже. Он был на год или два постарше меня, но казался маленьким для своего возраста. – Работаю. Честная жизнь, сам знаешь, уйму времени отнимает.

– Вот *потому-то* я и дервущу от нее подальше, – заявил Прыщ, уже облачившийся в старую рубаху, шерстяные штаны и подтяжки, потом натянул пару поношенных ботинок и пожал мне руку, после чего водрузил себе на голову шапочку углекопа так, что она съезжала ему на один глаз. – Ефли я не фмогу ходить плавать, когда мне вдумаетфя, фмыфла в такой вывни для меня будет никакого. И фто ты там надумал, фтарина?

Я подобрал несколько камешков и начал швырять их в воду.

– Майк до сих пор с тобой?

– Майк? – переспросил Прыщ таким тоном, будто я упомянул члена его семьи. – Ну конефно Майк фо мной! Куда ф мне беф Майка, Фтиви, беф моего мальфика – он ве прировденный крыфолов, мой Майк!

– А ты когда-нибудь его другим одалживал?

– Одалживал его? – Прыщ скрестил руки, подперев одной подбородок и дотронувшись пальцем до носа, будто обдумывал мои слова. – Нет... нет, я и не думал о таком ни раву. Да и не по дуфе мне это как-то. Знаефь, Майк – он фам по фебе.

Он был убийственно серьезен – и бессмысленно было пытаться убедить Прыща в том, что животные – это всего лишь животные.

– Ну, я мог бы воспользоваться его услугами, – сообщил я. – Скажем, на неделю. И заплатил бы за это как следует.

Палец Прыща продолжал постукивать по носу.

– На неделю. Фто в... – Он внезапно просветлел. – А ефли мы пойдем и фпрофим у него фамого? Ефли Майк тебя примет, Фтиви, это будет фнак, фто он ховет работать – а раф так, то я у него на пути фтоять не фобираюфь!

И Прыщ немедля зашагал к хибаре, которую называл своим домом, – ну вылитый капитан-недомерок преступного мира, – а когда я нагнал его, то подумал, что этого парня ждет блестящее будущее, если ему удастся на шаг опережать пулю из длинноствольного ружья.

Свои дела мы быстренько обсудили по дороге к дому Прыща на Монро-стрит, расположенному в одной из самых старых и страшных частей городских нахаловок. Дом, где обитал Прыщ, как и большая часть соседних, был ветхой деревянной постройкой, оставшейся примерно с прошлого века – а то, что он звал «подвалом», на самом деле больше походило на пещеру. Дотуда мы добрались, свернув в проулок на задах, весь заваленный мусорными кучами и увешанный стираным бельем, а потом спустившись по старинным каменным ступенькам в помещение с земляным полом. Там было темно, если не считать еле различимого света из мутного окна под самым потолком – что не помешало куче собак удариться в лай, едва они слышали наше приближение. Как только мы вошли, Прыщ зажег керосиновую лампу, и лишь только он это сделал, все ожило: вокруг нас начали скакать и тявкать собаки, кошки шарахались от собак и шипели на них, а рядом кружила дюжинами прочая живность поменьше – да так, что казалось, будто шевелятся сами стены. Прыщ от души приветствовал их всех – на что ушло определенное время, а я пока осторожно ждал, не зная, кто из зверья опасен для посторонних, а кто нет.

Помимо той немногой мебели, которой владел Прыщ, там имелась старая раковина, а под ней – мусорное ведро, содержимое которого было разбросано по всему подвалу; и вскоре из самого ведра вылез средних размеров енот, весьма виновато косясь на Прыща.

– Вилли! – вскричал Прыщ, бросившись к мусорному ведру с такой скоростью, коя делала бегство енота по единственной водяной трубе раковины чрезвычайно сложным (хотя все же возможным). – Фколько раф мне тебе повторять, никакого муфора! – Он поднял глаза вверх, на взобравшегося по трубе моргающего, цепко держащегося зверя. – Ведеф

фебя так, будто тебя вообфе не кормят, неблагодарный ты маленький...

Я расхохотался:

– Прыщ, он же енот, апостол Петр свидетель, чего ты от него хочешь?

Мой приятель упер руки в боки, не отрывая взгляда от животного:

– Я хофю, фтобы он вел фебя ф подобаюффей уфтивофтью и благодарнофтью, или он отправитфя фпать на улифу – вот фего я хофю! – Он прошел в глубь подвала, зажег еще одну лампу и принес ее с собой. – Я наввал его в фефть кайвера Вильгельма, тварь этакую, так он хоть бы на фекундофьку вадумалфя о фарфтвенных манерах, – фи́га ф два... – Прыщ поманил меня к себе поближе – и, заметив, что к моим ногам направляется внушительного размера змея, я решил храбро вынести и остальных зверей, и прошел в дальний угол. – А теперь, – сказал Прыщ, забираясь на огромную кучу старых дорожных сундуков, – иди повдоровайфя ф Майком.

В темноте я смог различить на верху сундуков крупную угловатую конструкцию, а когда Прыщ приподнял лампу, я увидел, что это клетка, сооруженная из старых брусьев два на два дюйма и мелкой проволочной сетки. В клетке возбужденно металась кругами длинная тонкая тень, за которой следовал той же длины пушистый хвост.

– Майк! – Прыщ наконец забрался достаточно высоко, чтобы поставить лампу, и уселся на тот сундук, что рядом с клеткой. – Майк, я привел фтарого друга, который хофет выравить тебе фвое увавание и фделать предловение – ну ве, *Майк!* – Внезапно лицо Прыща прорезала широкая ухмылка, еще больше выставив напоказ дыру между зубами: – Фтиви! Ты только глянь на это!

С верха клетки Прыщ стащил за хвост дохлую крысу. Вся тварь была искутана, в отметилах когтей, а горло ее пересекала глубокая рана.

– Говорил я тебе? – ликовал Прыщ, вне себя от радости. – Ффапал фволофь прямо ферев проволоку, так-то! Фто до охоты на крыф – тут фо фтарым Майком никто не фравнитфя!

Выкрикнув последние слова, Прыщ швырнул крысу на пол, открыл клетку и, запустив руку внутрь, извлек двухфутового серо-белого хорька. Черные глазки зверя уставились в лицо моему приятелю будто бы с узнаванием – хорь на коленях Прыща перевернулся на спину, а потом вскочил и обвился вокруг плеч хозяина одним плавным, быстрым движением, словно его вылили из бутылки. Прыщ громко расхохотался, и хорек скакнул обратно к нему на колени и принялся чесать свои круглые ушки и заостренный нос короткими передними лапами. Зверек покосился на меня, маленькие кинжалы его острых верхних зубов выглядывали из меха нижней челюсти.

– Поффекофефь *меня*, а, Майк, мальфик мой? – радовался Прыщ, поглаживая брюшко хоря с настоящей любовью и воодушевлением. – А потом я тебя! – Но хорек, казалось, просто наслаждался касаниями и через несколько секунд настолько расслабился, что Прыщ смог взять его на руки. – Давай, Фтиви, валевай фюда и повнакомьфя ф Майком как фледует! – Он посмотрел зверьку в глаза. – Ну вот, Майк, это Фтиви Таггерт, ты его уве видал, правда, ваф никогда друг другу по вфем правилам не предфтворяли. Это Фтиви – а это Майк. – И прежде чем я успел сообразить, он посадил животное мне на грудь, вынудив меня прижать его покрепче. – Фто фкажефь, Майк?

Хорек какой-то миг смотрел на меня в упор, а потом внезапно перевернулся и стремительно метнулся вверх по моей руке; острые когти протыкали рубашку и слегка царапали кожу. Ощущение было тревожным, поначалу – безболезненным, но странным, а через несколько секунд быстрые движения зверька вокруг моей шеи и плеч ослабили до той степени, что стали и впрямь щекотными.

– Что... что он делает, Прыщ? – спросил я, начиная хихикать.

– Ну, он внакомитфя ф тобой, Фтиви. Он фтрого отфенивает характер, мой Майк, и фкоро решит, фто о тебе думает!

Майк сбегал вниз по другой моей руке, на мгновение спрыгнул на один из сундуков, потом быстро заскочил обратно ко мне на колени. Принюхиваясь к моей рубашке своим подергивающимся носом, он просунул голову между двумя пуговицами – и неожиданно скользнул внутрь. Я резко вдохнул от потрясения, почувствовав голым телом теплый мех и холодные когти.

– Прыщ! – проговорил я изумленно и одновременно испуганно.

– О, вот это редкофть – такая фтука, и в фамом деле редкофть, вот фто, – отозвался тот. – Это внак его выффей привяваннофти. Я бы фказал, фто напарник у тебя уве ефть, Фтиви, фтарина!

Прыщ хлопнул в ладоши, а потом потер их о ляжки, очевидно довольный по уши тем, что я так быстро пришелся Майку по душе. Когда хорь выглянул из-под рубахи, я стал поглаживать ему спинку и почувствовал, насколько быстро бьется его сердце – точно маленький паровой двигатель, так быстро, что, казалось, вот-вот взорвется. Потом Майк перевернулся на спину, позволяя мне почесать ему брюшко, как делал хозяин.

– Майк, Майк, Майк! – вмешался Прыщ с притворным неодобрением. – Я тебе не дам вефти фебя неподобаюффе, так фто не вабывайте-ка о фвоём дофтоинфтве, юнофа! – Посмеиваясь над собой,

Прыщ обратился ко мне: – Ф лофадьми работаефь, да, Фтиви?

– Ага, – ответил я. – У нас две, кобыла и мерин. А что, никак ты запах учуял?

– Нет, – сказал Прыщ, покачав головой, и кивнул на Майка. – Но он – мог. Любит он вапах лофадей, вот фто. А к тебе этот вапах точно прифтал. Ну, фто ф, Фтиви – фто там у тебя за работа?

Я не знал, что стоит рассказывать Прыщу, но должен был объяснить главные детали, чтобы он научил меня, как натаскать Майка на будущую добычу. Поэтому я лишь упомянул, что мы с моим работодателем пытаемся выследить одного человека, который, как мы не без основания полагаем, находится в некотором доме против своей воли, в запертой комнате. Сможет ли Майк узнать, в доме ли на самом деле этот человек, и найти нужную комнату? Конечно, сможет, кивнул Прыщ – вообще-то это пара пустяков по сравнению кое с какой работенкой, что Майку доводилось выполнять раньше. Потом я спросил про обучение, и удивился, узнав, как это просто: все, что мне требовалось, – предмет одежды человека, которого я разыскиваю, и чем интимнее, тем лучше, потому что так он будет глубже пропитан его запахом. Майк уже до того хорошо обучен, что стоит ему сообразить, как нужный предмет или запах связан с кормежкой, он немедля понимает – надо искать нечто выглядящее или пахнущее точно так же; на подготовку ему хватит всего пары дней. Лучше мне забрать его к себе на это время, как сказал Прыщ, чтобы он совсем ко мне привык. Я ответил, что ничего легче не придумать, и спросил, чем именно должен кормить маленького резвого приятеля.

– Он пло-тью-ядный, мой Майк, – сообщил Прыщ тоном эксперта. – Только не вфдумай мне его ифбаловать. Никаких там биффтекфов ф отбивными – профто налови ему мыфей, ефли фможефь, а ефли нет – и вайфатина фойдет. Три-фетыре рава в день во время тренировки, фтобы понял, к фему ты клонифь.

– Мне его в клетке забирать?

– Конефно, конефно, – закивал Прыщ, стаскивая хитроумную штуковину с сундуков и слезая с ней на пол. – Фейфаф найдем только какую-нибудь тряпку ее накрыть, он ведь не флифком-то городфкую фуету увавает.

Прыщ начал рыться в разнообразном мусоре там и тут в комнате.

– А что с деньгами, Прыщ? Плачу что надо, как я и сказал.

Прыщ разыскал кусок старого брезента, но за обладание им пришлось сражаться с одной из собак – среднего размера мастифом.

– Деньги? Хм-м... дай-ка прикину... ну ве, Борегар, давай проваливай

ф этой фертовой фтуки! – Наконец он отнял брезент у собаки, а когда вернулся с ним к клетке, я уже спустился с Майком. – В первый раф такое, вот ведь как оно. – Прыщ осторожно забрал Майка у меня из рук и поднял его, чтобы посмотреть ему в глаза. – Фмотри там, поработай как фледует и будь поофторовней, а, флыфифь, фто говорю? – Он поцеловал Майка в темечко и запустил его в клетку, а потом закрыл ее. – Дайка подумаю... он ве вуть фколько для меня внафит, Майкто мой...

Ясно было сразу – Прыщ ждал, что я предложу ему сам, и я, что называется, с потолка взял первую сумму, показавшуюся немалой:

– Что скажешь на пятьдесят зеленых? За неделю?

Прыщ тут же впал в то оживленное состояние, что иногда бывает у торговцев, когда им предлагают больше, чем они рассчитывали, и потому они надеются, вдруг выгорит побольше:

– Фемьдефят, Фтиви, и по рукам – профто фтоб у меня дуфа на мефте была, имей в виду – тогда буду внять, фто ты и впрямь двентльмен, каким я тебя вфегда ффитал.

Я кивнул, и мы скрепили сделку рукопожатием.

– Только тебе придется пойти со мной, забрать деньги, – сообщил я. – А то у меня с собой столько нет.

– Да и я не отдам Майка, пока не пофмотрю, куда ты его вабираефь, – согласился Прыщ. Взял клетку и показал на дверь. – Веди, фтарина!

Мы выбрались наружу и отправились прочь из нахаловки – к Парк-роу, где нетрудно было поймать кэб до северной части города. Веселая вышла поездочка – Прыщ, у которого было пруд пруди историй о наших старых друзьях, хорек Майк, начавший сходить с ума в накрытой клетке, едва почуял лошадь, и возница, недоумевающий, что же, черт побери, задумали два таких типа, как мы, – не говоря уже о том, что у нас такое в странном ящике, покоившемся у Прыща на коленях.

Добравшись до дома на 17-й улице, мы обнаружили, что доктор, Сайрус и мисс Говард уже вернулись – при том что от миссис Лешко до сих пор не было ни слуху ни духу, и факт этот уже заставил доктора гадать, не пора ли звонить в полицию. (Делать этого он не стал, и около половины шестого женщина, в конце концов, приковыляла, шумно неся какую-то чушь о казаках, русском царе и собственном муже. Доктор просто велел ей идти домой и явиться наутро.) Прыщ был, мягко говоря, поражен тем, куда я попал после всех своих лет воровства и мошенничества, и, думаю, на какие-то мгновения вид жилища доктора заставил его гадать: может, честная жизнь и впрямь чего-то да стоит. Сам он тоже произвел немалое впечатление на остальных, в особенности на доктора, который

чрезвычайно заинтересовался его доморощенными методами дрессуры.

– Но это же действительно замечательно, – объявил доктор, когда Прыщ попрощался с Майком у меня в комнате, после чего отправился обратно в город. – Знаешь, Стиви, есть один выдающийся русский психолог и физиолог – его фамилия Павлов, – с которым я встречался, когда ездил в Санкт-Петербург. Он работает в том же направлении, что и этот твой Прыщ, – над причинами поведения животных. Полагаю, он бы извлек огромную пользу из беседы с твоим другом.

– Наверяд ли, – возразил я. – Прыщ не особо любит покидать старый квартал, даже по делам – и, по-моему, ни читать, ни писать он не умеет.

Хмыкнув, доктор положил руку мне на плечо:

– Я же говорил достаточно гипотетически, Стиви...

Заселение в мою комнату хорька Майка поставило меня в положение, с подобным коему я раньше не сталкивался. Неожиданно у меня появился питомец, сосед, и в последующие несколько дней мои собственные дела в изрядной степени определялись необходимостью тренировать и кормить зверька. Он оказался живой ответственностью, а прежде меня это никогда не привлекало; и все же, очутившись в сей ситуации, я обнаружил, что и вполонину не возражаю. На самом деле Майк стал средоточием всего моего внимания и – принимая в учет его живой, добрый нрав – моего восторга и изумления. В итоге на то, чтобы связаться с сеньорой Линарес, у мисс Говард ушло больше дня, и еще день – чтобы завладеть предметом постельного белья маленькой Аны; а я большую часть этого времени или возился у себя в комнате с Майком, стараясь обнаружить для него мышь у нас в подвале, или просто болтал с животным, словно ожидал, что мне ответят. Я и раньше видал, что люди так ведут себя со своими питомцами, но, никогда не имея такой возможности сам, не понимал подобного поведения – и вдруг эти мотивы стали для меня очень четкими, а со временем я поймал себя на том, что намеренно гоню мысли о расставании с Майком из головы.

От сей печальной перспективы меня отвлекало множество событий. Детектив-сержант Маркус с мистером Муром в конце концов разыскали вдову подрядчика Генри Бейтса, и новость, принесенная ими из Бруклина, оказалась тревожной: вдова Бейтс заявила, что ее муж в жизни ничем не болел, и сердце у него было сильным, как у быка. Более того, умер он не через день или два после окончания работы у сестры Хантер – умер он в тот самый день, около полугода назад, *непосредственно* в доме № 39 по Бетьюн-стрит. Прихватило его аккурат после чашки чая – немного сдобренного виски, – предложенной ему хозяйкой дома. Очевидно, сама

сестра Хантер сообщила все это коронеру, объявив, что приступ у Бейтса приключился, когда он, выходя из дома, взвалил на спину тяжелый мешок с инструментами. Коронер сказал миссис Бейтс, что такое случается и что у ее покойного мужа мог иметься некий скрытый порок сердца, никак не проявлявший себя до самой его кончины. Он спросил миссис Бейтс, не желает ли та, чтобы для подтверждения провели вскрытие – но она была суеверной и фантастически религиозной женщиной с весьма странными представлениями о том, что произойдет с душой ее мужа, если сердце его извлекут из тела.

С учетом этой несколько безумной позиции мистеру Муру и Маркусу было куда труднее поверить в следующую теорию, коей поделилась с ними миссис Бейтс: о том, что сестра Хантер соблазнила ее мужа, – несмотря на то, что им этого очень хотелось. С другой стороны, ее утверждение о том, что мистера Бейтса направил в № 39 по Бетьюн-стрит его собственный босс, чтобы тот регулярно нанимал и увольнял бригады строителей, казалось не лишеным смысла – сестра Хантер могла пожелать, чтобы как можно меньше людей знало все подробности ее строительства. Единственным, кто пребывал в курсе этого, был мистер Бейтс – и, по мнению доктора и детектив-сержанта Люциуса, если бы мы как следует осмотрели хозяйство Хантер, то, вероятно, обнаружили бы некоторое количество сушеной пурпуровой наперстянки. Сестра Хантер вполне могла выращивать ее даже у себя в саду – впрочем, где бы она ни раздобыла его, цветок этот – источник мощного наркотика дигиталиса, способного остановить сердце даже самого сильного мужчины, – легко можно было заварить для последней смертельной чашки чая, а любой незнакомый аромат скрыть запахом виски.

Все это, возможно, слишком напоминало то, что доктор называл «гипотетическим» размышлением – чем оно, собственно, и являлось. Но никто, хоть раз видевший холодный блеск золотистых глаз Элспет Хантер, ни на секунду не сомневался, что она на такое способна. И все же мысль о том, что мы столкнулись с человеком, который, как теперь у нас были веские основания полагать, убил не только целую группу младенцев, но и по меньшей мере одного взрослого мужчину, была, мягко говоря, пугающей. По сути, мы будто каждый божий день обнаруживали новые откровения о женщине, на практике доказывавшей свою опасность таким образом, который мы не могли предвидеть. Все это отнюдь не облегчало нам подготовку ко вторжению в ее дом. Но сам план нельзя было никак усовершенствовать – разве что прихватить с собой оружия побольше да посерьезнее. А когда мисс Говард появилась в четверг утром с одной из

маленьких ночных рубашек Аны Линарес, моя роль в плане стала еще насущнее: теперь мне приходилось по многу часов убеждаться, что Майк обучен правильно, ведь слишком многое было поставлено на кончик его носа.

Вместе с ночнушкой мисс Говард принесла подтверждение того, о чем доктор размышлял во время и после визита в Музей естественной истории: на Филиппинах у сеньора Линареса действительно имелся слуга-абориген. Зловещий человечек, от одного вида которого сеньора покрывалась гусиной кожей, и которому никогда не разрешала спать в доме, заставляя проводить ночи во дворе. Пигмей, известный исключительно как «Эль Ниньо»²⁹, много лет служил семье Линарес, но сеньора так толком и не знала, что входило в его обязанности, – впрочем, когда мисс Говард рассказала ей о наших случайных встречах с этим человеком, сеньора смогла привести куда лучшее соображение. Открытие мисс Говард этой информации лишь добавило очередной штрих к картине брака Линаресов, который, казалось, был близок к распаду: сеньора сказала мисс Говард, что, не будь она доброй католичкой, давным-давно бы уже оставила мужа.

В довершение всего у нас имелись теперь уже ежедневные заголовки «Таймс» о «загадке безголового трупа», следующие за делом по мере его превращения на глазах беспомощного Полицейского управления в некое скучное бытовое убийство – к чему, как и предсказывал с самого начала детектив-сержант Люциус, все и должно было свестись. К четвергу версия о том, что жертва являлась одним из сбежавших с Лонг-Айленда помешанных, была весьма недвусмысленно опровергнута, а полиция вместо этого выдвинула догадку, что преступление сие совершил тот же сумасшедший мясник, который аналогичным образом убил и расчленил молодую девушку Сюзи Мартин, дело которой прогремело несколько лет назад. Этой версии, врученной фараонам, точно рождественский подарок, патологоанатомом, расследовавшим дело Мартин, не понадобилось на развенчание и двух минут: люди, потерявшие своих близких, начали приходить в морг на осмотр обезглавленного тела, и к среде не менее девяти из этих посетителей положительно опознали его как останки Вильяма Гульденсуппе, массажиста из турецких бань на Мюррей-Хилл.

Фараоны (готов поспорить – с неохотой) взялись за эту ниточку и к четвергу обнаружили не только то, что Гульденсуппе долгое время жил с подругой, некой миссис Нэк, в Адской Кухне, но и что эта вышеназванная подруга не так давно воспылала страстью к другому обитателю их дома, Мартину Торну. Прочие жильцы видели и слышали, как Гульденсуппе, Нэк и Торн прилюдно ссорились по этому поводу. «Быки» быстренько отыскали

миссис Нэк и от души устроили ей старый добрый «допрос третьей степени» – и после суток непрерывного «пристрастия» она созналась, что они с Торном вдвоем убили Гульденсуппе, а потом разрубили его тело. Торна, однако, нигде найти не могли, а единственным для полиции способом сохранить интерес к делу было устроить засады на железнодорожных станциях и пирсах по всему городу, и призвать сперва к внутренней, а потом и к международной облаве.

– Он до сих пор здесь, – вот как отреагировал детектив-сержант Люциус на всю эту шумиху с Малберри-стрит. – Помяни мои слова, Стиви, этот человек никогда не покидал и никогда не покинет пределы города. – Повторюсь, расставить все по своим местам могло лишь время – но против детектив-сержанта я бы ставить не стал, это уж наверняка.

Пятница принесла весточку от Кэт: она припрятала один из жакетов Либби Хатч и готова обменять его, но у нее такое чувство, будто Динь-Дон догадался, что она что-то замыслила, – поэтому Кэт хотела совершить передачу не в доме на 17-й улице – очевидно, Пыльники узнали, что я здесь живу и работаю. Я велел ей принести жакет той же ночью в № 808, что на Бродвее, где детектив-сержанты установили свое оборудование и были готовы провести тесты – способные сообщить нам раз и навсегда, действительно ли сестра Хантер похитила Ану Линарес и держит ее где-то в потайном уголке в доме № 39 по Бетьюн-стрит.

Глава 22

Кэт объявилась только после темноты, и я спустился на большом лифте забрать ее. Она переминалась с ноги на ногу на мраморном полу вестибюля, мурлыча какой-то мотивчик и подергиваясь в такт. Лифт подъехал, она обернулась ко мне, и даже с такого расстояния мне стало ясно – она снова нанюхалась.

– Стиви! – воскликнула она, широко и тревожно улыбаясь. – Я все принесла!

Она держала среднего размера сверток из грубой оберточной бумаги, перевязанный какой-то бечевкой.

Я потянул и открыл решетку лифта, она вскочила внутрь и бросилась ко мне, громко хохоча неизвестно над чем.

– Кэт, – сказал я, пытаюсь не выглядеть разочарованным – даже, пожалуй, злым – настолько, как себя чувствовал. – Возьми себя в руки, хорошо? Это серьезно.

Она насупилась, передразнивая меня:

– Ах, простите, инспектор! – Тут я закрыл лифт, и когда мы начали подниматься почти в темноте, она обвила меня руками, приблизив губы к моему уху: – Ну что, хочешь еще разок, а, Стиви? Прямо здесь, в лифте? Давненько уже...

Я дернул ручку управления до положения «стоп» так резко, что Кэт отбросило от меня. Упав на спину, она слегка вскрикнула.

– Кэт! – я все еще пытался контролировать себя. – Какого черта тебе надо было являться сюда в таком состоянии?

Голубые глаза стали злыми, и злость эта, что еще хуже, была вызвана кокаином:

– Не смей говорить со мной таким тоном, Стиви Таггерт! Не я ли всю неделю рисковала собственной шкурой, чтобы достать тебе и твоим друзьям, что им нужно? Если я и позволила себе чутка отпраздновать, надеюсь, ваше высокоблагородие сможет меня простить!

Разочарованно выдохнув, я кивнул на пакет:

– Может, просто отдашь мне это? А потом попозже встретимся, я принесу тебе деньги и билет.

– Ну нет. – Кэт отскочила, держа сверток от меня подальше. – Знаю я эти шуточки! Мне заплатят сейчас, и заплатят лично! А если я тебя так ужасно смущаю, можешь не волноваться, долго я здесь ошиваться не буду!

Кому это надо? Кучка жутиков – вот вы кто, а я собираюсь отметить свою удачу с теми, кто знает в этом толк!

Я взялся за ручку управления и вновь запустил механизм.

– Ну хорошо, – сказал я. – Как хочешь.

– Как я хочу? Это как *вы* хотите, разве нет? – Она отвернулась к решетке и попыталась привести в порядок прическу. – Да будь я проклята... некоторые напускают на себя такой вид лишь потому, что оказались по другую сторону...

Оставшаяся часть визита Кэт прошла не лучше. Гнев сделал ее немногословной, но мне – да, пожалуй, и любому – по-прежнему было очевидно, что она накачалась марафетом по самое не могу и что она не просто, если можно так выразиться, балуется этим делом время от времени. Впрочем, все обещанное было при ней, возразить нечего: мы вскрыли сверток на бильярдном столе, рядом с бутылочками порошка для снятия отпечатков и сравнительным микроскопом детектив-сержантов, и обнаружили там облегающий кроваво-красный атласный жакет – как и требовалось, с большими плоскими черными пуговицами. Кэт возжелала, чтобы ей заплатили прямо здесь и прямо сейчас, и настроение ее отнюдь не улучшилось, когда доктор сказал, что ей придется подождать, пока детектив-сержанты не подтвердят, что жакет действительно принадлежит женщине, известной нам под именем Элпет Хантер. Кэт заявила, что подождет снятия отпечатков пальцев, и ни секундой больше – она и представить не могла, зачем еще нам нужна сия вещь, и не собиралась ждать, чтобы узнать это. Согласно нашей сделке от нее требовалось лишь явиться с каким-нибудь жакетом Либби Хатч – а когда мы согласимся, что она достойно выполнила свое обязательство, она отчалит. Выпалив сие, она угрюмо плюхнулась в одно из больших мягких кресел.

Снятие отпечатков много времени не отняло. Пуговицы были черными, Маркус воспользовался кистью из верблюжьего волоса, чтобы припорошить их мельчайшим светло-серым алюминиевым порошком, который затем сдул – и обнаружился четкий набор волнистых линий, к которым он поднес для сравнения фотографию свинцовой трубы, найденной ими в Централ-парке. Кивнув доктору, Маркус сказал лишь:

– Сходятся, – после чего Кэт, решив, что реплика относилась к ней, поднялась и прошагала напрямик к доктору.

– Мы в расчете? – обратилась к нему она с некоторой яростью в голосе. Доктор – которого, как я мог заметить, беспокоило как физическое, так и психическое состояние Кэт, – попытался быть радушным:

– Мы действительно в расчете, мисс Девлин. Могу я предложить вам

что-нибудь в знак благодарности? Кофе или, возможно, чай...

– Мои деньги и билет, – буркнула Кэт, протягивая руку. После чего, подумав, добавила: – Спасибо вам большое, сэр. – Взглянув в мою сторону, она сузила глаза и злобно фыркнула: – Мне бы не хотелось злоупотреблять вашим гостеприимством или причинять кому-то неудобство.

Доктор быстро перевел взгляд с нее на меня и обратно. Полагаю, он собирался было сказать что-то еще, но в итоге лишь кивнул и достал из нагрудного кармана конверт.

– Триста долларов наличными, – сообщил он с улыбкой, – и один билет до Сан-Франциско. Действителен в любое время в течение ближайших шести месяцев. Ах да, – добавил он, когда Кэт схватила конверт, – билет в отделение первого класса. Чтобы выразить нашу признательность.

Это слегка смягчило ее, но лишь к нему, не ко мне.

– Это... очень мило с вашей стороны, сэр. Спасибо. – Она покосилась на конверт и чуть улыбнулась. – Никогда не путешествовала первым классом. Мой папа, он обычно говаривал... – И, будто поймав себя на слове, вновь посуровела. – Я уже пойду, сэр. Если это все.

Доктор кивнул:

– Мне очень жаль, что вы не можете остаться. – Она повернулась было, но он добавил: – Мисс Девлин... – Из другого кармана доктор извлек свою визитную карточку и вручил ей: – Я управляю – *школой*, можно так сказать, – в центре города. Для молодых людей, которым хочется или необходимо изменить свою жизнь. Здесь адрес и номер телефона. Если пожелаете когда-либо снова оказаться в Нью-Йорке и будете заинтересованы в подобной... помощи, пожалуйста, без промедления звоните или заходите.

Кэт посмотрела на карточку, и лицо ее снова озлобилось, но она заставила себя улыбнуться.

– Да, я слыхала о вашем заведении, доктор. – Она посмотрела прямо на него. – Слыхала, что вы им больше не заведуете, вот что.

Тут я немедля вмешался и подтолкнул ее к двери со словами:

– Ну давай уже, Кэт.

– Так что кто бы говорил, доктор, – бросила она через плечо. – Это еще вопрос, кому тут требуется *помощь*.

Я запихнул ее извивающееся тело в лифт, захлопнул дверь, с грохотом закрыл решетку и, едва не сорвав ручку управления, отправил нас вниз.

– Ты не имеешь никакого права так разговаривать, – прошипел я сквозь зубы. – Он просто хотел помочь, Кэт, будь оно все проклято. Что с

тобой такое? Разве трудно позволить кому-нибудь помочь тебе?

– *Не нужна мне ничья помощь!* – завопила она. – Я уж как-нибудь сама о себе позабочусь, если ты не против!

– Да неужели? Что ж, усилий ты прикладываешь чертову прорву!

– Может, тебе так и не кажется, но я не прислуга, и пока еще не плюхалась в реку пьяная в задницу! Так что отвалил бы ты, а, Стиви? Оставь меня в покое!

Она снова отвернулась и сглотнула пару слезинок, пытаясь отдышаться. Потом посмотрела на конверт у себя в руке и вскрыла его.

– Пересчитаю-ка я, – объявила она, лишь из желания ужалить меня побольнее. – Хм. Первый класс. Черт, да я смогу продать это и купить *три* билета... – И тут она различила мелкий шрифт на краю документа: – Что это – «не... подлежит передаче... и... возврату...»? Что все это значит?

Сам я до сих пор был порядком взвинчен, так что просто выложил ей напрямик:

– Это значит, что ты не можешь никому продать его или обменять на деньги – вот что это значит!

Слова эти должны были ранить, и было ясно, что так и вышло.

– Хочешь сказать, на случай, если я все наврала про тетку и просто хотела заполучить побольше денег на марафет, да?

Мы доехали до первого этажа. Я ухватился за ручку решетки, но, прежде чем открыть ее, вспомнил последнее необходимое:

– Нам нужно знать, когда эта женщина будет у Пыльников. Так, чтобы ночью и наверняка.

– Ну что же, – тихо ответила Кэт, стискивая зубы. – Раз уж это все, что вас волнует... Завтра у них шумный вечерок выдастся. День рождения Гу-Гу. Она будет там. Я – нет. Теперь-то можно мне идти?

Я распахнул решетку, ни слова не говоря в ответ. Она лишь посмотрела на меня и будто покачала головой, потом стремительно выскочила из кабины.

– Прощай, Стиви! – бросила она, все еще не перестав злиться.

Будь все как обычно, я бы за ней бросился, но в тот вечер во мне просто не нашлось подобного желания. На то имелась масса причин, часть из которых я понял уже в ближайшем будущем, а чтобы на самом деле постичь остальные, мне понадобились годы. Но и сегодня я продолжаю размышлять о том, как могли бы обернуться события, если бы я *побежал*...

Я дал себе несколько минут, потом поехал обратно вверх. Когда я вышел из лифта, меня ждала мисс Говард, и пока остальные толпились вокруг бильярдного стола, глядя на детектив-сержанта Люциуса, который в

свою очередь уставился в микроскоп, она подвела меня к окну.

– Стиви, – тихо спросила она, – все в порядке?

Изо всех сил стараясь сдержать приступ раздражения от мысли, что все и каждый в комнате оказались посвящены в мои личные дела, я лишь всплеснул руками и вытер пот со лба:

– Да, мисс. Во всяком случае, будет...

Я продолжал пялиться в пол, так что не могу поклясться, но я чувствовал, что мисс Говард пытается заглянуть мне в лицо.

– Я в тебе не ошиблась, – сказала она, от чего я поднял глаза и увидел, что она улыбается. – В дуру бы ты не влюбился.

– Нет, мисс, – отвечал я. – Хватит и того, что *сам* дурак.

– Не говори так, – быстро отозвалась мисс Говард, прикасаясь к моей руке. – Ее поведение дураком тебя не делает. Она умная девочка, твоя Кэт – умная и независимая, в мире, который хочет, чтобы она была тупой и покорной. Да еще и хорошенькая. Достаточно хорошенькая, чтобы всерьез рисковать, стараясь жить своей жизнью, – и достаточно умная, чтобы думать, будто может справиться с опасностями, сопутствующими этому риску. Но она не может. И никто не может. Так что планы ее в итоге причиняют больше всего страданий ей самой – почти так, как, возможно, задевают и тебя.

Я ударил кулаком по оконной раме и, совершенно отчаявшись, задал вопрос, ответ на который уже знал:

– Но... она же могла выбрать другой путь, если бы только захотела, разве нет?

– Теоретически – да, – кивнула мисс Говард. – Только спроси сам себя, Стиви: если бы доктор не предложил тебе другой путь, разве бы ты сам его *выбрал*?

Я отвел взгляд, не желая отвечать честно и не зная, что еще сказать. По счастью, детектив-сержант Люциус сделал дальнейшую беседу излишней:

– Да! – громко сообщил он всей комнате. – Да, это оно... это оно! Безупречное сходство!

Мы с мисс Говард обернулись: он оторвал взгляд от своего микроскопа, и потное лицо его сияло, как у ребенка:

– Она там – без вопросов, девочка там, *в этом доме!*

Маркус едва не выдрал брата из кресла, чтобы самому взглянуть в микроскоп, а Сайрус и доктор бросились пожимать Люциусу руки. Мисс Говард и я подбежали тоже и теперь дожидались своей очереди посмотреть в хитроумную штуковину на бильярдном столе. Когда я наконец уселся, чтобы ознакомиться, то оказался, признаться, в итоге несколько

разочарован – ведь все, что я смог разглядеть, смотрелось как два смутных куска бечевки или веревки одинаковой длины; но, уверен, тренированному взгляду то, что я видел, представлялось во много раз увеличенными волосками с одной и той же детской головки – головки Аны Линарес.

Итак, наконец мы заполучили доказательство, а вместе с ним – и открытый путь к прямым действиям; и как ни пугала меня все предшествовавшие дни сия перспектива, сейчас же возможность отложить все несущественное в сторону и обратить, наконец, усилия на вторжение в дом вполне подняла мне настроение.

– Единственное, что нам пока неизвестно, – объявил доктор, направляясь к доске внести изменения в заметки и добавить новые, – время, когда этой женщины точно не будет дома.

– Вообще-то... оно нам известно. – Едва сообразив, что произнес эти слова вслух, я огляделся и увидел, как все уставились на меня. – Завтра вечером, – продолжил я, – день рожденья Гу-Гу Нокса – и она как пить дать будет у Пыльников.

Доктор бросил на меня, что называется, испытующий взгляд, потом медленно кивнул.

– Ну что ж, – проговорил он, – стало быть, завтра вечером. – И принялся подбрасывать на ладони кусочек мела. – Завтра вечером она обернется своим вторым «я» – и тем самым предоставит нам шанс взглянуть на первое. Две половины женщины с двумя именами, двумя лицами, двумя жизнями вступили – достаточно неосознанно – в борьбу, одна против другой. Нам стоит молиться, чтобы работа наша была окончена до того, как этот конфликт разрешится. – Взгляд черных глаз доктора остановился на доске. – Мы должны вмешаться в дела спасительницы, до того, как разрушительница вступит в свои права...

Глава 23

Двадцать четыре часа спустя вокруг была тьма.

Я лежал на дне коляски вместе с детектив-сержантом Маркусом и хорьком Майком, извивавшимся в мешке, который я подвесил к себе на шею и перекинул через плечо. Мы все накрылись брезентом, не впуская даже тот слабый свет, что просачивался через окна конюшни, располагавшейся рядом с домом № 39 по Бетьюн-стрит, – и не выпуская спертую июльскую духоту. Детектив-сержант Люциус уехал на экипаже минутами двадцатью ранее, сообщив служителю, что у него дела по соседству и что вернется он, пожалуй, еще до полуночи. Потом он подвесил на морду Фредерику торбу с овсом и укатил, а служащий вышел обратно на улицу, постоять на тротуаре и поглазеть на фейерверки, которые запускали над Гудзоном: мы все, увлекшись планированием, упустили одну-единственную вещь – на вечер, избранный нами для проникновения в дом, пришелся канун Четвертого июля, и город был полон пьяных гуляк, пускавших шутихи и устраивавших сущий ад. Все это, решили мы, когда наконец вспомнили про сие обстоятельство, лишь будет нам на руку, поскольку внимание полиции и всех остальных в городе – включая служителя конюшни – сосредоточится или на участии в шумном веселье, или на удержании его в рамках пристойности: в общем и целом, хороший вечерок, чтобы вломиться в дом.

День прошел в последних наставлениях, моих – Майку и прочим – мне самому. В Майке я несколько не сомневался: он уже достиг того состояния, когда полностью связывал кормление с запахом ночной рубашки Аны Линарес. (Тот факт, что я послушался указаний Прыща и начал кормить животное отборными кусками мяса от местного мясника, окончательно довел его и без того немалый энтузиазм практически до мании.) Что же до меня, я был уверен в части плана касательно взлома и проникновения – беспокоила меня лишь надежда доктора на то, что я не просто смогу вынести дитя Линаресов, но к тому же тщательно отмечу про себя все, что увижу, – все, что сможет помочь ему глубочайшим образом проникнуть в поведение сестры Хантер. Я понимал его желание обладать подобной информацией и, как уже сказал, изо всех сил хотел не разочаровать его. Но он явно не знал – а я не думал, что выйдет объяснить ему, – на что это похоже: перешагнуть черту и вторгнуться на чужую территорию; умственная деятельность более интеллектуального свойства в сей ситуации

на первом месте как-то не стоит.

Наконец спустилась ночь, и мы с детектив-сержантами погрузились в коляску. Когда мы отъезжали, лицо доктора по-прежнему выражало огромное опасение, и Сайрус от него мало чем отличался – но рядом были мисс Говард и мистер Мур, которые поддерживали их дух, и когда мы с грохотом покинули 17-ю улицу, они являли искреннюю поддержку. Наше прибытие в конюшню прошло без сучка и задоринки – или, по крайней мере, показалось таковым нам с Маркусом под брезентом, – что существенно облегчило на первое время укрытие и ожидание. Дальнейший план вплоть до проникновения возлагался на Люциуса – у которого был при себе револьвер «новый служебный» 32 калибра, последнее творение, вышедшее с оружейных заводов мистера Сэмюэла Кольта³⁰ – наблюдать за домом Хантер из дверного проема фабрики напротив на Вашингтон-стрит и при уходе сестры Хантер вернуться в конюшню, объяснив, что кое-что позабыл. Тогда он даст нам знать, что все чисто и можно трогаться, а затем возвратится на свой пост. В 11:45 он появится снова, дав нам тем самым около полутора часов на завершение работы – время более чем достаточное, если все пройдет гладко.

Мы с Маркусом после первого ухода Люциуса пролежали в коляске, как я уже сказал, где-то двадцать неприятно жарких минут. До нас порой доносились звуки приезжающих и уезжающих карет и лошадей, но мы даже мускулом не пошевелили, пока наконец не услышали тихий стук по борту нашего экипажа. Не снимая с нас брезент, Люциус начал рыться на дне и извлек небольшой чемоданчик, который и оставил под сиденьем возницы. В чемоданчике находился двенадцатизарядный дробовик «Холланд-и-Холланд», а заодно и коробка патронов: дожидаясь нас, Люциус, похоже, оказался самым тяжеловооруженным человеком окрест – а в той округе в те дни это что-то да значило.

– Порядок, – прошептал он нам через брезент. – Она только что ушла. Свет на третьем этаже погашен, похоже, она уложила мужа в постель. Грима на ней чудовищно много, и...

Даже в темноте под брезентом я, казалось, смог различить жутко недовольную мину Маркуса.

– Люциус! – прошептал он в ответ.

– М-м? – отозвался брат.

– Заткнись и выметайся отсюда к чертям, будь так любезен!

– О, и верно. Смотритель до сих пор снаружи. Сдается мне, он выпил.

– Ты уйдешь или нет?

– Хорошо, хорошо...

Мы услышали шаги, потом настала тишина, не считая далекого треска шутих и грохота крупных фейерверков за рекой.

– Ну хорошо, Стиви, – через несколько минут шепотом проговорил Маркус, чуть-чуть сдвинув брезент. – Я просто хочу взглянуть... – Он высунул руку, приподнял ее, потом отдернул назад. – Все чисто – пора шевелиться!

Почти беззвучно мы выбрались из коляски. Ночь стояла жаркая, но самое невыносимое летнее пекло еще не наступило – отчего темная одежда наша казалась чуть меньшим бременем.

На ногах у меня была простая пара мокасин тонкой кожи, а Маркус в тот момент очутился попросту в одних носках. На шее у него имелся мешок, схожий с тем, в котором у меня вертелся Майк, но побольше: в нем он приволок пару шипастых ботинок для скалолазания, распорку для решетки, бухту крепкой веревки, фомку и здоровенный молоток. На бедре детектив-сержанта крепилась кобура, а в ней лежал револьвер, идентичный тому, что был у брата, но со стволом и патронником 38 калибра, дабы нанести дополнительный урон, если дела пойдут наперекосяк. У меня же в карманах располагались «дерринджер» мисс Говард, полдюжины пуль 41 калибра – и замечательный восьмидюймовый кусок свинцовой трубы.

Выбравшись из коляски, мы обнаружили, что Люциус сумел поставить ее аккурат рядом с одним из задних окон конюшни, как можно дальше от входа и зрителя. Так что нам не составило большого труда открыть окно и выбраться в переулок за зданием – но по завершении нашего тихого побега вдоль задней стены мы уткнулись носом в десятифутовую кирпичную стену, окружавшую задний двор Хантеров. Выглядела она так, будто построена относительно недавно – уж точно не позже последних двух лет.

– Ну, – сказал я, пялясь на эту штуку, – вроде как *кое-кто* не хочет, чтоб его за *кое-чем* застали...

Маркус кивнул, извлекая моток веревки и скалолазные ботинки:

– Я подсажу тебя, а сам буду держать один конец. Ты возьмешься за другой, спустишься и найдешь, куда его привязать.

– Вы главное ботинки наденьте, – отозвался я и взял свой конец веревки в зубы, цепляясь за щели между каменными блоками, составлявшими угол конюшни. – Если не смогу взобраться на эту стену без поддержки, – пробормотал я через шершавую пеньку во рту, – значит, давненько уже не при делах.

Воспользовавшись зазорами в кладке угла конюшни, а заодно и довольно крепкой водосточной трубой, я вскарабкался на кирпичную стену

за какие-то пару минут. Я бы смог и побыстрее, когда б не старался изо всех сил уберечь Майка от ударов обо что ни попадя – в общем, неплохая работенка для того, кто не занимался таким уже много лет. С этого насеста мне открывался хороший вид на дома, выходящие задними стенами на проулок, и двор Хантеров с Банк-стрит к югу. Свет горел лишь в паре окон, да и там довольно тускло. Но все равно кто-нибудь с острым зрением мог выглянуть оттуда и узреть нас в любой момент, так что нам тут надо было пошевеливаться, да побыстрее.

Помня об этом, Маркус резво натянул свои шипованные ботинки, и к тому времени, как я взобрался на стену, уже как следует держал веревку и был готов к моему спуску. Я обвил конец вокруг талии, затем начал слезать по хантеровской стороне забора. Очутившись на земле, я подскочил к одному из задних окон дома, проверить прутья решетки – они, конечно, оказались основательными, но сейчас этот факт был только нам на руку. Я пропустил веревку между железными полосами толщиной в три четверти дюйма, потом затянул и подергал что было сил – прутья должны были выдержать Маркусов вес без труда. Я вернулся обратно к стене и пару раз прищелкнул пальцами.

Именно Маркус в том деле опознал в убийце Джоне Бичеме опытного скалолаза, а в процессе и сам приобрел неплохой опыт в этом спорте. Так что я не так уж и удивился, когда он почти беззвучно вскарабкался на стену, потом спустился вниз и спрыгнул на клумбу – ту, на которой росла по преимуществу земля, – точно так же тихо. Никто из нас не стал мешкать, переводя дух и осматривая задний двор, но даже при всей спешке нас не могла не поразить его опустошенность. Вокруг все цвело вовсю, но тот двор – мощные дорожки, пара-тройка скудных участков цветов и травы да еще чахлый плющ на кирпичной стене – представлял собой картину, аккурат подходящую для начала марта.

– Это неестественно, – прошептал я. – Хоть бурьян-то должен быть...

Маркус согласно хмыкнул, потом поежился, тронул меня за руку и кивнул на окно, извлекая из мешка распорку и вручая мне. Механизм состоял из пары металлических креплений, приводимых в движение стальными стержнями, связанными с большим центральным винтом, который, в свою очередь, управлялся помещением фомки в стальную проушину винта и его вращением. Я аккуратненько установил эту штуковину на должное место и несколько раз повернул винт, глядя как оконные прутья начали разъезжаться – но лишь только железяки коснулись соседних по краям (расстояние между прутьями было всего пять или шесть дюймов), Маркусу пришлось вмешаться и от души провернуть фомку еще

пару раз.

– Вы нарушаете закон, детектив-сержант, вы в курсе? – прошептал я с легкой улыбкой.

– В курсе, – отозвался он, быстро ухмыльнувшись в ответ. – Но закон закону рознь...

Прутья издали болезненный скрип, прозвучавший на этом тихом, мертвом дворе до ужаса громко – но тут в полуквартале к западу запустили шутихи, и настолько оглушительно, что я понял: на самом деле мы не шумели вообще. Еще двадцать секунд – и готово было отверстие, достаточное, чтобы я просунул внутрь голову и плечи. Этого мне хватало с лихвой.

– Ну хорошо, – прошептал я и, не успев Маркус положить на землю распорку, уже наполовину проник в дом – однако остановился, когда он тронул меня за плечо:

– Запомни – навверх не ходи, но все, что сочтешь интересным...

– Угу. Знаю.

– Да, и не забудь про секретер в гостиной – когда мы там были, он был накрыт.

– Детектив-сержант, мы ж уже сто раз все повторили.

Маркус испустил тяжелый вздох, кивнул и отступил в ближайший затененный угол. Я же в это время окончательно протиснулся через прутья, потом аккуратно втащил за собой Майка. И, наконец, обнаружил, что стою в кухне Элспет Хантер.

Первым, что я заметил, был запах: затхлый, с гнильцой, недостаточно сильный, чтобы вызвать тошноту, но не менее раздражающий. Нездоровый, как говорится, – общая атмосфера нечистоты, да такой, что не допустило бы даже большинство известных мне беднейших мамаш-иммигранток с нижнего Ист-Сайда. В углу стояло неприкрытое ведро, переполненное мусором, – вокруг него даже в полутьме вились насекомые. Проходя мимо запачканной раковины, я взглянул на висящие над ней кастрюльки и сковородки, потом потянулся потрогать их. Каждая была покрыта слоем жира – опять же не совсем грязно, но уж и не чисто. Вытерев пальцы об штаны, я продолжил путь.

Мне говорили, что между кухней и гостиной есть узкий коридор, и в нем – дверь под главной лестницей: это, похоже, и был проход вниз, в подвал. Я направился в гостиную, которая оказалась едва обставлена старой мебелью: кресло, диван да кресло-качалка. Маленький камин был покрыт выдавшей виды деревянной полкой, на полу – пыльный ковер, весь в пятнах. Сразу слева от двери, в которую я вошел, располагался

упомянутый Маркусом секретер с дешевой облицовкой, исполосованной выщербинами и царапинами. Но накрыт он не был, так что в полусвете уличных фонарей, проникавшем снаружи, я увидел, что за стеклянными дверцами верхней его половины находится несколько книг и старых фотографий, потускневших дагерротипов морщинистых мужчин и женщин, а также кучка более новых, аккуратно обрамленных снимков маленьких детей. Некоторые – портреты отдельных младенцев, а один оказался групповой фотографией трех детишек постарше.

Никто из них не улыбался.

Я потянул за крышку нижней половины секретера, но оказалось, что она закрыта. Скважина для отмычки в верхней части крышки выглядела заманчиво – на вскрытие не ушло бы и минуты, – но я решил, что сначала стоит заняться делами посерьезнее. На другой стороне комнаты располагалась главная лестница, а под ней дверной проем: вход в подвал. Я сделал легкий шаг к лестнице, заглянул наверх, дабы убедиться, что все тихо, потом извлек из кармана рубашки маленький пузырек машинного масла. Покрыв им петли подвальной двери, я вернул пузырек в карман, снова вытер руки об штаны, ухватился за дверную ручку и беззвучно отворил дверь.

В темноту передо мной тянулась лестница. Я не хотел тащить с собой громоздкую лампу – и без того хватало хлопот с одним Майком, – впрочем, у меня была свеча и спички, но мы заметили, что освещение над входной дверью снаружи дома было электрическим, и сочли, что свет, вероятно, проведен и по всему строению, учитывая его малый размер. Так что я коснулся одной рукой стены и начал медленно спускаться во тьму; глаза мои постепенно привыкали и искали осветительные устройства. Где-то на полпути я наконец углядел одно: прямо у лестницы, прикручено к потолку подвала, легко достижимо с того места, где стоял я. Вернувшись назад, чтобы закрыть дверь, я пригнулся и включил свет, затем продолжил спуск по ступенькам.

Я едва успел достичь грязного пола, как Майк зашевелился в мешке намного возбужденнее и принялся попискивать.

– Тише, Майк, – прошептал я, – подожди минуточку.

Оглядевшись, я обнаружил, что выполненный мистером Муром чертеж подвала вполне заслуживает доверия: видно было лишь печь, стоящую у разделительной несущей кирпичной стены, какие-то шкафы с чем-то вроде старых банок с краской, садовый инструмент (ржавый, что, в общем, и неудивительно), стол и стулья – в еще более плачевном состоянии, чем те, что наверху, – небольшая коллекция картинных рам, пустых, а также

массивный деревянный стеллаж, полный жестянок с консервами. Единственным, с чем Мур ошибся, оказался пол, но эту ошибку было легко понять: несмотря на то, что пол был цементным, его покрывал слой копоти и грязи настолько толстый, что его можно было запросто принять за голую землю.

И никаких признаков никакого младенца – и никакого намека на то, что он тут когда-либо побывал.

Майк в мешке уже метался в настоящем припадке; я опустил взгляд и увидел его мордочку, высывающуюся между затянутыми завязками.

– Давай, Майк, давай, настало твое время, сынок, – проговорил я, растягивая завязки. Я успел ослабить всего одну, как он уже выскочил наружу, стремясь на пол и двигаясь точно так, как при первой нашей встрече – будто весь состоял из жидкости. Он спустился по моей ноге на землю, вытянул нос повыше, потом быстро обежал большую печь. Замерев на мгновение, приподнялся на задние лапы, маленькие черные глазки секунду-другую изучали помещение. Потом он пронесся за мебелью и вокруг нее, через картинные рамы и вверх по стенке одного из старых шкафов.

Я, недоуменно нахмурившись, посмотрел на него.

– В чем дело, Майк? – спросил я, но он лишь описал еще один круг по комнате – точь-в-точь слепая собака в мясницкой лавке из пословицы: чует, да найти не может. Потом он добрался до полок с консервами, стоявших у кирпичной стены рядом с печью, и я подумал, что с ним может приключиться апоплексический удар. Он вспрыгнул на одну из полок, нырнул между банок, появился вновь и перескочил на соседнюю полку цепким, быстрым как молния движением – но ни с того ни с сего вдруг снова метнулся на пол и опять вокруг этой штуки.

Сколько времени у меня ушло на то, чтобы понять, что же передо мной, – не знаю, но сколько бы там ни было, все равно вышло *слишком* много, ведь мне следовало обо всем догадаться, лишь только я увидел эти полки. В конце концов, у меня было слишком много подсказок: цветочные ящики в воскресенье, зловещий задний двор, нечистая кухня, гостиная, скудно обставленная и гостеприимная как бараки «Приюта для мальчиков» – не говоря уж обо всех этих разговорах насчет характера сестры Хантер, в которые я был посвящен. Все это были части одного целого, равно как и стеллаж с консервами – но потребовался полуобезумевший хорек, чтобы до меня наконец дошло...

– Ну-ка, минуточку, – пробормотал я, подходя к полкам. – Консервы? Кого она пытается надуть?

Я схватил с полки одну из банок, отвернул жестяную крышку с резиновым ободком – и, заглянув внутрь, обнаружил толстый слой плесени поверх содержимого. Скривившись, я быстро закрутил крышку и проверил еще одну банку – лишь для того, чтобы наткнуться внутри ровным счетом на то же самое. Я осмотрел еще две жестянки с разных полок, а когда понял, что все они в одинаковом состоянии, отступил на секунду, обдумывая увиденное. Потом посмотрел на Майка – тот по-прежнему скребся под стеллажом, сначала впереди, затем по одну сторону, по другую, натываясь лишь на бетон, но не обращая внимания ни на что другое.

– Ага, – прошептал я, снова подходя ближе. – Ну что ж... – Глубоко вдохнул, навалился на угол стеллажа, напрягся, чтобы сдвинуть его от перегородки, и...

И ничего. Я попробовал снова, вложив в новую попытку весь свой вес, но результат вышел не лучше прежнего. С тем же успехом я бы мог пытаться сдвинуть дом. Оглядевшись, я остановился взглядом на ржавых садовых инструментах и схватил старую мотыгу. Попытался просунуть кромку ее лезвия в узкую щель между задней стенкой стеллажа и кирпичами – лезвие не вошло. Я постарался протолкнуть ладонью, и в итоге немного преуспел – но когда навалился на конец деревянной рукояти мотыги и потянул ее, чтобы лезвие отодвинуло полки от стены, инструмент разломился. И главное-то – сломалась не деревянная рукоять, а металлический черенок лезвия, полдюйма кованой стали.

– Что за *чертовщина?*.. – пробормотал я, уставившись на мотыгу.

Ну ладно, это было странно – но я-то за свою жизнь поучаствовал не в одном ограблении, чтобы понимать: когда перед тобой оказывается сейф, а инструментов, чтобы вскрыть его, при себе нет, ты не станешь ошиваться вокруг, ломая голову. Я сгреб в охапку все еще скребущегося Майка – тот, похоже, вообразил, что не справился с работой, на которую был нанят, и что было сил сражался со мной, пока я совал его обратно в мешок и как следует затягивал завязки. Вернувшись к лестнице, я успел подняться наполовину, как вдруг...

Выстрелы. Я похолодел, уже начав было прикидывать, как объясню свое присутствие в подвале. А потом понял: это не выстрелы, а шутихи, там, снаружи. Должно быть, *прямо* на улице, судя по громкости. С облегчением выдохнув и вновь обретя способность двигаться, я потянулся выключить подвальное освещение, потом осторожно прокрался наверх к двери и открыл ее – промасленные петли повернулись бесшумно.

Вновь оказавшись в гостиной, я расслышал смех кучки детей с улицы. Потом запустили еще шутих – звук их был резким и пугающим по

сравнению с отдаленным глухим громом крупных фейерверков за рекой. Я быстро огляделся. Дитя мы этой ночью не получим, я это прекрасно понимал, но и уйти с пустыми руками я позволить себе не мог. Должно же найтись хоть *что-то*...

Я покосился на секретер и вспомнил, что́ говорил Маркус: если эта Хантер додумалась накрыть его, прежде чем пригласить их войти, ясно как день, что там для нас определенно кроется нечто полезное. Из кармана штанов я извлек коллекцию отмычек, кинулся к секретеру и отпер замок крышки раньше, чем даже *мне самому* казалось возможным.

Когда я откинул крышку, первой реакцией моей оказалось разочарование: там не было ничего, кроме писем в маленьких деревянных ячейках да стопки бумаги на обветшалом сукне столешницы перед ними. Прежде чем обратно все закрыть, я решился превозмочь свой воровской инстинкт, говоривший о бесполезности подобных вещей, и подхватил почитать кое-какие бумаги – поступив, как впоследствии выяснилось, мудро.

Сначала они не представляли для меня смысла. Те, что сверху, были написаны на почтовой бумаге больницы Святого Луки – адресованы Элспет Хатч и, похоже, являли собой кучку бюллетеней касательно состояния ребенка по имени Джонатан. Под ними располагалась стопка больничных приемных анкет, относившихся, по видимости, к тому же ребенку. И, наконец, обнаружилась пара сложенных старых газет, датированных двумя годами ранее. Я вернулся к документам о госпитализации, не понимая, что именно ищу и зачем: они сплошь были заполнены слишком непонятным почерком, казались слишком заумными...

Но потом я различил слова, заставившие меня похолодеть. В самом низу одной из анкет имелось заранее впечатанное слово «ДИАГНОЗ» – а рядом с ним кто-то небрежно набросал «ДЫХАТЕЛЬНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ, ЦИАНОЗ».

Мне этого хватило. Я схватил всю стопку бумаг, запихал их под рубашку и захлопнул секретер. Я не сомневался, что обнаружил нечто, не сомневался, что не упустил...

– Не двигайся, маленький ублюдок!

Я поступил ровно как мне и велели. Меня застукивали и раньше, а когда к тебе обращаются с таким приказанием, обычно лучше ему последовать, пока не будет возможности посмотреть, с кем и чем ты столкнулся. Приподняв руки, я медленно обернулся туда, откуда доносился хриплый, отчаянный и некоторым образом знакомый голос – к главной лестнице.

На ступенях стоял, надо полагать, Михей Хантер. Выглядел он вроде лет на пятьдесят с небольшим и облачен был в весьма линялую ночную рубаху. Из-под нее виднелись две костлявые белые ноги, а его серое, обрамленное сединой лицо с точно того же оттенка неряшливыми усами явно имело безумное, затуманенное выражение как следует употребившего недавно заядлого морфиниста. В руках он нетвердо держал, похоже, нарезной мушкет, и когда я обернулся к нему, уставился на меня с диким недоверием.

– *Ты!* – объявил он. Потом принялся нервно озираться, издавая слабое похныкивание. – *Ты?..* – повторил он, на этот раз с меньшим энтузиазмом. – Где... где Либби? *Либби!* – Он вновь посмотрел на меня, крайне испуганно. – Только... *только* не ты... Это не тот дом... и я ведь *уже убил тебя!*

Глава 24

Мне за всю мою жизнь говорили массу странных вещей, но ничто не могло сравниться вот с этим. К тому же бедный старый дурачина *искренне* считал, будто убил меня, что вполне явственно следовало из отчаянного страха, разлившегося по его истрепанному наркотиком лицу. Но вот почему он так считал, я не имел ни малейшего представления.

Но тут на улице взорвалась новая порция шутих, и Михей Хантер развернулся, направляя свой мушкет на входную дверь.

– Вот как! – заявил он с решительностью, отчасти вытеснившей страх. – Да ты не один, мятежник! – Он прижал мушкет к плечу, готовый, похоже, сражаться с любым, кто бы ни ворвался в дверь. – Ну давайте же, вы, ублюдки...

– Хантер!

И Хантер, и я дернули головами к коридору, из которого донесся голос детектив-сержанта Маркуса.

– Хантер! – вновь воззвал Маркус через кухонное окно, заставляя старика по новой перепугаться. – Вольно, солдат! Это приказ!

– Капитан? – пробормотал Хантер. – Капитан Григгс?

– Я же приказал тебе – вольно! Ты ранен – и негоден к строевой! Ты нам не нужен, солдат, – марш назад в госпиталь!

– Я... не понимаю... – Хантер снова покосился на меня, потом быстро оглядел дом. – Где Либби? Мне нехорошо!

– Вперед! – настаивал Маркус. – Брось оружие и возвращайся в госпиталь!

– Но я... – Хантер медленно опустил ружье...

И только это мне и было нужно. Я пулей метнулся обратно по коридору, к кухонному окну. Старик Хантер что-то кричал мне вслед, я не мог разобрать, но ничто не могло помешать мне просочиться обратно через прутья, что твоя вода. Маркус помог мне выбраться, потом сложил руки чашечкой, чтобы подсадить меня на кирпичную стену: профессиональная гордость в таких случаях меня несколько не волновала. С помощью веревки я мгновенно спрыгнул в переулок, потом ухватил конец, все еще свисавший сверху. Быстро оглядевшись, заметил проходящую поблизости водопроводную трубу с краном, обвязал вокруг нее веревку и шепнул:

– Давайте!

Маркус начал взбираться наверх, ботинки царапали стену, а потом он

скорее рухнул, чем приземлился с моей стороны, и шипы ботинок резко – и, судя по лицу детектив-сержанта, болезненно – ударили по бетону переулка.

– Вытягивай давай! – торопил он, из чего я понял, что он отвязал другой конец. Я дернул, и веревка вернулась с тихим свистящим звуком. Пока мы бежали к открытым задним окнам конюшни, я намотал ее на руку, а потом отдал Маркусу, который запихнул моток обратно в мешок. Мы пролезли в окно, закрыли его и запрыгнули обратно в коляску под брезент, оба дыша, как маленький Майк.

– Что делать будем? – спросил я. Тяжело вздымавшаяся грудь мешала говорить шепотом.

– Ш-ш! – отозвался Маркус.

Долгие секунды мы просто прислушивались. Во дворах за конюшней лаяли собаки, а издали доносились вопли Михея Хантера, хотя слов было по-прежнему не разобрать.

– Думаю, все будет в порядке, – наконец сказал Маркус. – Люди в округе, должно быть, привыкли к таким его выкрутасам. Нам нельзя паниковать. – Он извлек часы и посмотрел на них. – Люциус должен прибыть в ближайшие полчаса. Просто отдышись и не двигайся.

Я последовал приказу, глубоко вдыхая воздух и поглаживая сбитого с толку Майка через кожу мешка.

– Вот дерьмо, – произнес я, когда смог говорить тише. – Похоже, старый маньяк действительно мог меня пристрелить.

– Это все фейерверки, – сказал Маркус. – И морфий. Она дает ему лошадиную дозу, прежде чем уйти на ночь из дому. Если человека разбудить в первые два часа после такой мощной инъекции, бредить он будет изрядно. Похоже, Хантер решил, что снова оказался на войне, – а тебя принял за какого-то мальчишку из конфедератов, которого по ходу дела когда-то застрелил. – Маркус умолк, чтобы отдышаться. – Что с ребенком?

– Долгая история, – отвечал я. – Она там, внизу, это точно – вряд ли мы тут ошиблись. Но вот пробраться к ней будет трудновато. Может, и вовсе невозможно. Полки с консервами – вроде как механическая дверь, и она не поддавалась. Впрочем, я кое-что другое нашел...

Я немедленно замолчал, услышав тихое постукивание по борту коляски.

– Стиви? Маркус? – Это был детектив-сержант Люциус. – Вы здесь?

– Да, – отозвался Маркус. – И с нами все в порядке.

– Я слышал крики, – продолжил Люциус. – В доме. Что случилось?

– Позже, – прошептал Маркус. – Увози нас отсюда!

– Что с девочкой? Нашли ее?

– Люциус! Увози нас отсюда – *сейчас же!*

Через несколько секунд коляска покатила к выходу из конюшни. Люциус притормозил, чтобы расплатиться со служителем, а потом выехал на улицу, поворачивая влево: он справедливо решил направиться вверх вдоль реки, как можно дальше от логова Пыльников. Через полквартила он как следует хлестнул Фредерика, и, почувствовав, что экипаж повернул вправо, мы с Маркусом решили, что из-под брезента можно выбираться без опаски.

Небо над Гудзоном еще сверкало фейерверками, а по всему берегу за ними наблюдали группки людей. Но мы не стали останавливаться ради такого развлечения, продолжив галопом нестись вперед, к № 808 на Бродвее. Люциуса переполняли вопросы, но Маркус велел держать их при себе, пока не доберемся. Я приоткрыл мешок, чтоб проверить, все ли хорошо с Майком, – и он уставился на меня, все еще очень возбужденный, но уже не такой дикий. Я глубоко вздохнул и откинулся на сиденье коляски, достал из-под рубашки украденные бумаги и вручил их Маркусу, потом прикурил сигарету и предложил ему.

Оба мы были жестоко разочарованы тем, как повернулось дело, и потому теплый прием, устроенный нам остальными – чье разочарование наверняка должно было быть никак не меньше нашего, – когда мы добрались до № 808, был тем более оценен по достоинству. Пожалуй, и Маркус, и я, обдумывая случившееся, позабыли о том, насколько *больше* неприятностей могло произойти. Но облегчение, ясно читавшееся на лицах всех наших друзей, послужило нам должным напоминанием. Мисс Говард обняла меня что было сил, я аж от пола оторвался, а доктор, присоединяясь к ней, положил руку мне на плечи и стиснул их так, что чуть было не сплющил меня, хоть он при этом и улыбался. Наш неуспех, очевидно, оказался куда менее важным, чем возвращение живыми-здоровыми, – и вид этой мысли, отражавшейся на их лицах, в свою очередь, намного упростил рассказ о вторжении в дом.

Доктор заказал ужин у мистера Дельмонико и распорядился привезти его к нам в штаб-квартиру – что вновь вселило в Маркуса радость жизни. Я же был глубоко благодарен доктору за то, что он не просто заказал мне бифштекс с жареной картошкой, а еще и велел мистери Ранхоферу прислать пару сырых говяжьих филе для Майка. Мистер Мур расставил все блюда на бильярдном столе на фуршетный манер: там были оливки и сельдерей, анчоусы на тостах, фазан и цесарка (украшенные декоративными перьями), заливное фуа-гра, отбивные из молодого

барашка, салат из омара и креветок, рисовый пудинг, маленькие меренги с фруктами, неаполитанское мороженое и, конечно, бутылки шампанского, вина и пива, а заодно и рутбир для меня. Взрослые накладывали себе полные тарелки шикарной провизии, а я уединился на подоконнике со своим стейком, говяжьими филе и Майком, который оказался почти столь же голодным, как и ваш покорный слуга. Едва все наконец расселись в креслах и за столами со своим ужином и напитками, мы немедленно перешли к обсуждению странных событий, только что приключившихся со мной и Маркусом: процесс начался с того, что мы вдвоем изложили основные факты, и закончился передачей Маркусом украденных мною бумаг доктору. Как только он это сделал, я впервые заметил, как на лицо доктора Крайцлера будто напозло какое-то облачко.

– В чем дело, доктор? – осведомился Маркус, приоткрывая окна, чтобы впустить в комнату теплый ночной ветерок вместе со звуками праздника с улицы. – Насколько я могу судить, эти документы могут стать доказательством, нужным нам для демонстрации модели поведения этой женщины.

– Возможно и так, Маркус, – произнес доктор, просматривая бумаги. – Не могу пока сказать. Но чем они скорее всего *окажутся* – или, точнее, чем *окажется их отсутствие*, – так это подсказкой сестре Хантер в том, кто проник в ее дом и зачем.

– Ну же, Крайцлер, бросьте, – заявил мистер Мур, аккуратно ставя нагруженную тарелку на ручку одного из кресел. – Если наш воскресный визит не был открытым объявлением военных действий, то я не знаю, *что* бы могло им стать.

– Меня волнует не вражда по отношению к *нам*, Мур, – отвечал доктор, все еще читая больничные отчеты. – А возможность того, что наши попытки спасти дитя могут в конечном счете быть интерпретированы – в сознании сестры Хантер – как вина самой девочки. Такова ее специфическая особенность: возлагать ответственность за все неурядицы – как в собственной жизни, так и в жизнях детей, к которым она прикасается, – на самих детей.

Доктор обратился к следующему листу, а всех нас поглотило это его тревожное замечание – и тут его глаза внезапно чрезвычайно расширились.

– Боже мой... – Он быстро отставил тарелку и еще энергичнее накиннулся на стопку документов. – Боже мой... – повторил он.

– Доктор, что вы нашли? – спросила за всех мисс Говард.

Но доктор лишь взглянул на Маркуса:

– Сколько из этих писем вы прочли?

Маркус пожал плечами, вгрызаясь в баранью отбивную:

– Достаточно, чтобы уловить общую идею: ребенок по имени Джонатан находился под ее опекой и испытал несколько цианотических приступов. Последний оказался смертельным.

Доктор ткнул пальцем в стопку:

– Да. Но только то были не отношения сестры милосердия и пациента. Последняя приемная анкета показывает фамилию мальчика: *Хатч. Это был Джонатан Хатч. Ее собственный сын.*

Даже у меня отвисла челюсть, и я немедленно подумал о комплекте фотографий детей и младенцев, что видел в секретере в доме № 39 по Бетьюн-стрит.

– В больнице Святого Луки она не была *сиделкой*, – продолжал доктор. – Она приносила туда ребенка как *пациента*. Трижды.

Маркус как сидел, так и застыл, с зажатой в руке бараньей костью:

– Но... я просто предположил...

Доктор отмахнулся от него; движение руки его говорило: «ну конечно, конечно» – так ясно, будто он сказал это вслух. Он продолжал читать и всматриваться. Потом снова пораженно проговорил:

– Святой боже... Местом работы она указывает № 1 по Западной 57-й улице.

Бокал мистера Мура с грохотом приземлился на пол:

– Иисусе! – ошеломленно вымолвил он – Это же дом Корнелия Вандербилта³¹!

Сайрус все еще не мог справиться с первой порцией новой информации:

– Но я же думал, мы вроде как решили, что эта женщина не способна иметь детей.

Доктор лишь вновь отмахнулся:

– Верно, Сайрус. И ничто не говорит о ее... стоп. Вот. – Он схватил газету, лежавшую внизу пачки, и вручил ее Сайрусу. – Взгляни-ка, что за вывод можно сделать отсюда.

Сайрус, набив рот фазаном, одной рукой придержал тарелку, другой взял бумаги, переместился за один из столов, где смог бы продолжать есть и читать. Доктор не отрывался от больничных отчетов:

– Каждый из случаев досконально подтверждает схему, описанную сестрами «Родильного дома». Каждый раз, когда женщина – значащая здесь как *миссис Элспет Хатч* – являлась в больницу, мальчик Джонатан, полутора лет от роду, уже задыхался и был синюшным. Каждый раз это приключалось посреди ночи – мать заявляла, что просыпалась от звуков его

затрудненного дыхания и бросалась к нему, обнаруживая, что дитя не дышит. Первые два документа достаточно драматичны: «Если бы Вы, миссис Хатч, проявили меньшую расторопность с передачей ребенка в руки профессионалов, – пишет штатный лечащий врач после первого посещения, – он скорее всего бы уже скончался. Ваши страдания, пока Вы ожидали разрешения его судьбы, по словам персонала, были самыми трогательными, что доводилось наблюдать». Кто, Христа ради, это написал? – Пока доктор Крайцлер читал, я вспомнил, что он частенько работал с коллегами – терапевтами больницы Святого Луки. – Хм-м... «Доктор Дж. Лангэм». Не знаю такого.

– Ему следовало бы писать бульварные романы, – пробормотал мистер Мур, убирая салфеткой вино и осколки, покрывшие пол у его кресла. – А про Вандербилта есть там еще что-нибудь?

– Нет, – ответил доктор. – Но она, очевидно, жила в квартире по соседству с 57-й улицей, потому и отвозила ребенка в Святого Луку. Больница в то время все еще находилась на 54-й. А вот и новая статистика. В графе «возраст» она пишет «тридцать семь», «род занятий: приходящая горничная», «место рождения: Стиллуотер, Нью-Йорк». – Доктор поднял взгляд. – Ну, кто-нибудь?

– На севере? – попытался Люциус.

– Отсюда мало что «на юге», Люциус, – сказала мисс Говард с улыбкой. – Я знаю город, доктор. Это верховья Гудзона, рядом с Саратогой. – Она гордо прокашлялась и отщипнула еды. – Именно тот район, если кто-то помнит, куда я определила ее по акценту.

– Поздравляю, Сара, – объявил доктор. – Будем надеяться, вам столь же повезет со следующей партией загадок. Сайрус? Удалось найти что-нибудь в газетах?

Сайрус не ответил. Он к тому же прекратил есть, хотя едва наполовину справился со своей порцией – и пялился на старую, начавшую желтеть газетную бумагу так, будто прочел там о собственной смерти.

– Сайрус? – повторил доктор. Обернувшись и заметив выражение Сайрусова лица, он немедля вскочил из своего кресла и бросился к нему. – Что там? Что ты обнаружил?

Медленно поднимая глаза, Сайрус как будто смотрел сквозь доктора:

– Она делала это и раньше...

– Что ты хочешь сказать? Делала что? – вмешался мистер Мур. Но остальные пребывали в тишине, сообразив, что имел в виду Сайрус, хотя и не желая в это верить.

Сайрус прикоснулся к бумагам и обратился к мистру Муру:

– Здесь четыре вырезки. Первые три – из «Джорнал» и «Уорлд». Все рассказывают о похищении ребенка в мае 1895 года. Пара по фамилии Йохансен, владельцы продовольственной лавки на Западной 55-й улице, у них был сын, Питер. Шестнадцати месяцев. На мать напали на боковой улице, когда она одна возвращалась домой с младенцем. Мальчика забрали, но никакого выкупа никто так и не потребовал.

Лишь только Сайрус произнес это, доктор жадно схватил газеты и начал их просматривать.

– А последняя? – осведомился он.

– «Таймс», – ответил Сайрус. – Двумя месяцами позже. Содержит краткий некролог – мальчика Джонатана Хатча, полутора лет от роду, которого пережила его любящая мать...

– Либби, – закончил доктор. И помахал Люциусу. – Детектив-сержант, в этих анкетах должно быть словесное описание ребенка...

Люциус подскочил и забрал больничные анкеты.

– Описание, описание... – бормотал он, вороша бумаги. – А вот и описание!

– Что говорится про цвет глаз и волос? – спросил доктор.

– Ну-ка, дайте-ка... рост... вес... а! вот. Глаза: голубые. Волосы: светлые.

– Типично скандинавские, – прошептал доктор. – Не то чтобы все было окончательно, в таком-то возрасте, но... – Он резко хлопнул рукой. – Зачем она это хранит? Как трофеи? Или как сувениры?

Я подсунул Майку под нос еще немного сырой говядины, посмотрел, как он схватил ее и вгрызся в кусок, а потом тихо сказал:

– У нее есть его фотография...

Доктор обернулся ко мне:

– Правда, Стиви?

Я посмотрел на него и кивнул:

– В секретере. Маленький белобрысый мальчик. Светлые глаза. Фото смотрятся как совсем недавние. В смысле, по сравнению с...

Я осекся, внезапно осознав, что называется, выводы из того, что чуть было не сказал.

– Да, Стиви? – тихо переспросил Доктор.

– По сравнению с остальными, – ответил я, глядя в окно на темный церковный погост внизу и чувствуя внезапный озноб. – У нее есть и другие. Пара снимков детишек отдельно – малышкой, как девочка Линаресов и этот мальчик. А еще снимок трех других детей, вместе. Они постарше.

Вновь на секунду воцарилась тишина; потом мистер Мур

пробормотал:

– Но вы же не думаете, что... ну не все же они...

– Я *ничего* не думаю, – отрезал доктор, подходя к доске.

– Но ведь... – Мистер Мур отошел налить себе еще. – Я имею в виду, вся эта идея, это...

– Неестественно, – констатировал Маркус, и я обернулся и обнаружил, что смотрит он прямо на меня. Он, не сомневаюсь, вспоминал момент, когда мы впервые оказались на мертвом, мрачном дворе дома № 39 по Бетьюн-стрит.

– Я настоятельно рекомендую вам оставить это слово, – быстро перебил доктор. – Вам всем. Оно не стоит и вдоха, необходимого, чтобы его произнести, и отвлекает нас от более важного результата. Мы открыли дверь лишь для того, чтобы столкнуться за ней со множеством новых. – Взяв кусочек мела, доктор приступил к работе у доски. – У нас для рассмотрения масса новых ключей – и, вполне вероятно, новых преступлений. Боюсь, худшее в этом деле ждет нас впереди.

Похоже, аппетит у всех несколько ослаб от понимания сказанного доктором – у всех, кроме Майка. Медленно осознавая его шумное чавканье, я взглянул вниз и увидел, что он сидит у меня на колене и гложет мясо, счастливый, как, вероятно, никогда в жизни. Я положил палец ему между ушей и почесал мягкую шерстку.

– Вот когда в следующий раз начнешь жалеть, что ты хорек, а не человек, Майк, – пробормотал я, – попомни все это...

Доктор обернулся, узрел пустые, подавленные лица и, понимая, что мотивации вот-вот простынет и след, прошагал обратно к своему вину и тарелке с едой.

– Ну же, ну, – объявил он, пожалуй, несколько жизнерадостнее, чем на деле себя чувствовал. – Эта пицца определенно слишком хороша, чтобы уйти впустую, к тому же никто из вас не сможет работать на голодный желудок.

Мистер Мур поднял взгляд с неясным смущением:

– Работать?

– Разумеется, Мур, – отозвался доктор, откусывая фуагра на кончике тоста и пригубив вина. – Мы уже обобщили и зафиксировали информацию, полученную во время нашей маленькой эскапады. Теперь ее следует истолковать. Когда наша противница вернется домой, она, без сомнения, поймет, что нам было нужно, и соответствующим образом пересмотрит свои ходы и действия. Следовательно, время поджидает, и теперь – более, чем прежде.

– Но, Крайцлер, – проговорил мистер Мур без убеждения, – что тут истолковывать? Мы не в состоянии выволочь дитя Линаресов без того, чтобы вывернуть весь дом наизнанку. К фараонам мы по-прежнему обратиться не можем. А стоит этой женщине, как бы она там, черт подери, ни называлась, сообщить Гу-Гу Ноксу, что случилось, всем нам придется ночи напролет уклоняться от атак проклятых Гудзонских Пыльников! И что же теперь, к дьяволу, по-вашему, нам делать, дабы изменить здесь хоть что-нибудь?

Люциус обхватил лицо руками, оно почти исчезло между ними:

– Эта женщина *и впрямь* отлично прикрыла себе тылы, доктор. Как Сара и говорила на днях. – Он поднял голову и вытащил платок, начал вытирать пот со лба, но вскоре бросил это занятие. – Я понимаю, что об этом уже говорили, но... дело Бичема было намного более – *последовательным*. Он *провоцировал* нас, и нам было за что зацепиться, с чего начать и чем продолжить, с определенной долей логики. Но это... всякий раз как думаешь, будто чего-то достиг, – и обнаруживаешь нечто, меняющее всю картину.

– Знаю, детектив-сержант, знаю, – быстро ответил доктор. – Но не забывайте об одном важном различии между нынешним делом и прошлым: некоторая потайная сущность Бичема отчаянно *желала*, чтобы его остановили.

– Вменяемая его сущность, – сказал Мур. – Выходит, вы считаете, что эта Либби Хатч *невменяема*. Потому что если она...

– Не невменяема, Джон. – Доктор подошел к доске, написал под именами женщины слово **ВМЕНЯЕМА** и подчеркнул его. – Но характеризуется настолько глубоким отсутствием самопознания или самоосмысления, что ее поведение выглядит достаточно непоследовательным, чтобы подчас *казаться* невменяемым. С другой стороны, иногда она может быть вполне последовательна – как вы все только что отметили, на сей раз она смогла обеспечить весьма неплохое прикрытие своих действий.

Маркус поднял взгляд.

– На *сей* раз? – эхом повторил он.

– М-м, да, – кивнул доктор, отпив вина. – На *сей* раз. – Он нарисовал большой прямоугольник в разделе **ЖЕНЩИНА В ПОЕЗДЕ** и затем подписал его **ПРОШЛЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**. Под заголовком он обозначил цифры от 1 до 6. Напротив цифры 1 вывел **ПИТЕР ЙОХАНСЕН, 1895: ПОХИЩЕН, ВОЗМОЖНО, СТАЛ ДЖОНАТАНОМ ХАТЧЕМ; УМЕР В БОЛЬНИЦЕ СВ. ЛУКИ, ИЮЛЬ, УДУШЬЕ**. – И действительно, –

продолжил доктор, отступив на шаг, – почему бы ей в самом деле на сей раз *не* подготовиться? Практики ей определенно хватает. Если мы верно интерпретируем представленные нам элементы, то, полагаю, можем заключить, что всех детей, которых Стиви видел на фотографиях, – по меньшей мере шестерых, согласно моему подсчету, – эта Хатч считала своими собственными. Или потому, что они на самом деле таковыми были, или же в силу того, что она их похищала. И мы в той же степени можем быть уверены в том, что все они становились ее жертвами.

– Она хранит у себя дома портреты детей, которых *убила*? – прошептал мистер Мур.

– А что вас так поражает, Мур? В конце концов, мы уже постулировали, что она не считает себя виновной в их смертях – этого не позволяет ее рассудок. По ее мнению, они умирают *вопреки* ей, а не *из-за* нее – необузданные, дефективные дети, сопротивляющиеся ее неустанным материнским стараниям воспитать их.

– Мы допустили все это, доктор, – вмешалась мисс Говард, и голос ее звучал несколько подавленно; а ведь она всегда оказывалась последней, кто готов был сдаться. – Но что нам от того за прок? Я имею в виду, с практической точки зрения. Как нам воспользоваться этим для спасения девочки, отца которой ее спасение не интересует, – и который сам фактически посылает жуткого слугу своей семьи *предостеречь* нас от ее спасения?

Доктор резко развернулся к ней:

– И как же нам тогда поступить, Сара? Бросить дело? Когда мы понимаем, что девочка умрет – и очень скоро? И когда мы не представляем, каковы могут оказаться политические последствия этой смерти?

– Нет. – Мисс Говард говорила быстро, сопротивляясь почти как сам доктор. – Но я больше не вижу никаких подходов к этому делу.

Подойдя и нагнувшись над ней, доктор обхватил ее лицо руками:

– Это потому что вы думаете, как *вы*, Сара, – последовательно, в прямолинейной манере. Думайте, как *она*. Будьте непоследовательны. Уклончивы. Даже нечестны. – Он подхватил ее тарелку и вручил ей. – Но прежде всего поешьте.

– Доктор... – Маркус, умудрившийся уже покончить с ужином, встал, указывая на доску горлышком пивной бутылки. – Кажется, я понял. Мы – Стиви и я – когда были там, в их доме, кое-что видели. И мы начали *понимать* это кое-что. Касательно нее, я хочу сказать. Может, она и спланировала как следует сие преступление, но – это не меняет того факта, что она *не* самая достойная представительница женского пола, во многих

прочих смыслах.

– А я так скажу, – вмешался я, – вы б видали ее кухню – я б там есть не стал ни за какие коврижки. Да и двор – что твое кладбище.

– Продолжайте, – произнес доктор, приободрившись.

– Ну, – Маркус сделал большой глоток из бутылки, – кажется непостижимым, что такая женщина могла повернуть шесть разных преступлений так же умело, как это. К тому же всем нам не стоит забывать, что часть сходящего сейчас за ее «мастерство» было лишь простой удачей. Не знай она, кто такая Ана Линарес, ей бы в жизни не сообразить, что отец девочки откажется от ее поисков и обращения в полицию. Так что на самом деле она совершала ошибки – мы просто ничего не можем здесь предпринять. Но это не удерживает нас от преследования ее в другом месте – в прошлом, я подразумеваю.

– О, просто превосходно, – простонал мистер Мур. – Дело разлетелось вдребезги, а Маркус возомнил себя Г. Дж. Уэллсом³². Что ж, когда построите свою маленькую машинку времени, Маркус, – мы все как один набьемся туда и...

– Нет. Постой, Джон. – Зеленые глаза мисс Говард вновь обрели обычный блеск, она выпрямилась. – Он прав. Где-то в прошлом она ошиблась – просто никто этого тогда не выяснял. Если мы сейчас отвлечемся от дела Линаресов и покопаемся в прочих смертях – сможем нащупать ее слабое место и зайти с тыла.

– Да и потом, Мур, – согласился доктор, – взгляните на свежееобретенные зацепки. Теперь мы знаем, откуда эта женщина. Это крайне важно и подлежит анализу – поскольку все подобные убийцы проявляют то или иное аномальное поведение еще с младых ногтей. А мы почти не сомневаемся в преступлении, совершенном ею до похищения девочки Линаресов. На тот момент всё списали на естественное происшествие, но если мы опросим связанных с ним врачей и рассмотрим все в свете нашего теперешнего знания, у нас будет весьма неплохой шанс изменить сложившееся мнение.

Мистер Мур внимательно все это выслушивал, и я видел, что ему хотелось продолжить спор – но внезапно его посетила некая мысль:

– Сара – ты, кажется, сказала, что ее родной город недалеко от Саратоги?

Лицо мисс Говард скривилось от такого отвлеченного вопроса:

– Стиллиуотер? Да, это примерно в пятнадцати милях к югу от Источников³³, около того. Прямо на реке. А что, Джон?

Мистер Мур на мгновение задумался, потом воздел вверх палец:

– У меня есть друг. Работал в конторе окружного прокурора Манхэттена – но вырос в окрестностях Саратоги. Несколько лет назад вынужден был покинуть Нью-Йорк, и теперь служит у тамошнего окружного прокурора. Боллстон-Спа ведь по-прежнему окружной центр?

– Да, верно, – кивнула Сара.

– Так вот, Крайцлер, – продолжил мистер Мур, – если эта Хатч хоть как-то преступала там закон, то с Рупертом Пиктоном нам и стоит поговорить. Прирожденный обвинитель, *обожает* покопаться в грязи.

– Ну, что я говорил, Джон? – Доктор поднял бокал. – И насколько это было сложно? Не стоит забывать – мы установили связь этой женщины и Вандербилтов во времена последнего убийства. Ее необходимо расследовать.

При упоминании сей великой фамилии лицо мистера Мура озарилось злобным ликованием, будто у мальчишки, заполучившего коробок спичек.

– Да, и я хочу принять в этом участие, – заявил он. – Корнель Вандербилт, этот набожный напыщенный старый... нет, я определенно хочу присутствовать, когда мы расскажем ему, что его приходящая горничная проводила свободное время за похищением младенцев и их удушением!

– Давайте-ка не будем перескакивать к заключениям, джентльмены, – вмешался Люциус. – У нас пока всего одно *вероятное* убийство – наряду с двумя однозначными похищениями.

– О, я-то это знаю, и знаете *вы*, Люциус, – не унимался мистер Мур. – *А Вандербилт* – нет. Я хочу дернуть за нос этого...

– Мы вас поняли, Джон, – перебил доктор, – и вы будете присутствовать при беседе с Вандербилтом. Остается один последний вопрос. – Вернувшись к своей обычной походке – так или иначе служившей знаком того, что мы справились с моментом сомнений и собираемся приступить к работе, – доктор принялся подбрасывать мел свободной рукой. – Мы знаем, что Либби Хатч – как, полагаю, нам и следует ее именовать – почти несомненно придет к роковому кризису с Анной Линарес. А после рассказа Стиви и Маркуса о состоянии ее мужа я убежден, что она медленно убивает его морфием – таким образом, что смерть его будет выглядеть результатом его же собственного вырождения, – добиваясь тем самым определенного сочувствия и восхищения, которых она, судя по всему, страстно жаждет. К тому же сия кончина обладает сопутствующими преимуществами – наследованием его пенсии, а заодно и, полагаю, *его* дома, не говоря уже о снятии любых преград для ее делишек

с Ноксом. Насущный вопрос – как можем мы предотвратить эти события? Если продолжим скрываться от нее, она поверит, что мы повержены. Если же, с другой стороны, мы дадим ей понять, что исследуем ее прошлое...

– Она не будет чувствовать себя в достаточной безопасности для нового убийства, – закончила мисс Говард. – По крайней мере, пока мы не оставим ее в покое.

– Вы имеете в виду прямое заявление, доктор? – уточнил Люциус. – Вынужден напомнить вам слова Джона о Пыльниках: если она узнает, что мы ее преследуем, немедля сообщит Ноксу, дабы тот спустил на нас свою свору.

– И потому заявление это предстоит сделать вам, детектив-сержант. Вам с Маркусом. И не от нашего имени – от имени вашего управления. В действительности мы, может, и не допущены к ведению подобного официального следствия, но откуда бы ей об этом знать? Вам не нужно предъявлять никаких ордеров и обвинительных актов – просто объявить, что управление осведомлено насчет ее былых деяний и будет следить за ее дальнейшими шагами. Если сможете произвести впечатление официальных лиц при исполнении, она в точности передаст все Ноксу. Гудзонские Пыльники, несмотря на всю неистовость, не склонны ни к честолюбию, ни к самоубийству. Как-то уж очень сомнительно, что они готовы подвергнуть опасности свою свободу, доступ к кокаину или положение романтических богемных идолов ради кого бы то ни было – включая и Ноксову *paramour du jour*³⁴.

Маркус взглянул на брата:

– Похоже, он прав.

– Более чем, – отозвался доктор, собирая с пола газеты и больничные документы. – Теперь у нас есть ее *прошлое* – или, по крайней мере, его части. Этого-то нам и не хватало – хоть какой-то подсказки насчет первопричин нынешнего поведения, какого-то «подхода», как определяет его Сара. До сегодняшнего дня мы были калеками, прежде всего – из-за отсутствия направляющей в моей собственной профессии, которая, как и прочее наше общество, страдает слепотой, не позволяющей нам узреть, что женщина, мать, может отважиться на подобные преступления. Но вдруг мы пошли – хромая, нетвердо, пытаюсь выяснить об этой конкретной женщине такое, о чем каждый из нас каким-то потайным уголком своего рассудка желал бы вовсе не знать и не верить в это. О, конечно, мы располагали информацией о ее физическом облике и свидетельством последнего случая ее деструктивного поведения – но насколько верно тогда мы могли все это истолковать? Сейчас же у нас имеются точные сведения о ее прошлом –

ключи. И мы должны без колебаний ими воспользоваться.

– Быть может, доктор, но прежде, – мисс Говард внезапно встала и посмотрела в мою сторону, – уделить минутку и выразить благодарность тому, чья храбрость привела нас к этому.

И она подняла свой бокал вина – за *меня*. Повернулись и остальные, и я беспокойно заерзал. Разочарование покинуло их лица, взамен пришли уверенность, готовность – и улыбки. Один за другим они поднимали бокалы и бутылки – и, не буду скрывать, я чертовски занервничал.

Но тоже чуть-чуть да улыбался.

– За Стиви, – продолжала мисс Говард. – Который сделал то, чего не мог никто из нас, потому что испытал он такое, чего никто из нас не испытывал.

Все остальные хором провозгласили:

– За Стиви! – изрядно отхлебнули своих напитков и разом окружили меня.

А я лишь смотрел на Майка и в окно, чувствуя себя так неудобно и польщенно, как никогда в жизни.

– Ну ладно, ладно, – пробормотал я, заслоняясь руками от проявлений их любви и признательности. – Работать же вроде как надо...

Глава 25

В воскресенье хорек Майк отправился с Прыщом домой, и у меня больше не осталось товарища, с которым можно было бы забыть, как по-дурацки все вышло с Кэт. Но к утру понедельника наше расследование возобновилось, и вскоре я уже был слишком занят, возя доктора и прочих по городу, чтобы всерьез предаваться мыслям о том, где она может находиться и что делать. Я знал, что она написала своей тетке и дожидается ответа, прежде чем отправиться в Калифорнию, – и оставалось лишь надеяться, что она сможет все же увидеться со мной до отъезда. Однако надежда была лучше беспокойства, а поскольку у Кэт сейчас имелись и деньги, и билет, я решил, что вполне благоразумно будет оставить мои тревоги о ней, независимо от того, получу я от нее весточку или нет.

В понедельник утром доктор, мистер Мур и я отправились в долгое путешествие в больницу Святого Луки, которая годом раньше переехала из старого здания на 54-й улице в пять новых корпусов между Амстердам-авеню и Морнингсайд-драйв, по 114-й. Я проводил доктора и мистера Мура до входа в один из них – по совпадению, носивший имя Вандербилта, – где медсестры в длинных небесно-голубых платьях и белых фартуках пытались удержать на головах свои маленькие белые шапочки, резво сную туда-сюда по стальной спиральной лестнице, окружавшей маленький лифт. Доктор и мистер Мур загрузились в него и направились на верхний этаж, а я проследовал обратно к коляске и поехал вниз к Морнингсайд-хайтс, чтобы провести следующие несколько часов за выкуриванием пачки сигарет и разглядыванием с крутых утесов расстилавшегося под ними Гарлема.

Визит прошел не так хорошо, как надеялся доктор: те хирурги, терапевты и сестры, что два года назад занимались миссис Либби Хатч и ее «сыном», пришли в ужас от предположения, что она сама могла погубить мальчика, и доктор, дабы получить доступ к официальным документам, был вынужден обратиться в высшие инстанции. Но и эти документы не открыли ничего нового относительно приходов миссис Хатч в больницу: как и те бумаги, кои я выкрал из ее дома, они сообщали, что действовала она быстро и мужественно, и держала себя в руках в течение всего этого сурового испытания таким образом, что заслужила лишь восхищение и сочувствие персонала.

Этот последний факт особо заинтересовал доктора, как он сообщил

нам с мистером Муром на обратном пути. В Германии, по его словам, образовалась группа алиенистов, психологов и специалистов по нервам (их называли «неврологами»), которые, изучая женскую истерию, обнаружили, что их пациентки подчас начинают страдать тем же пристрастием к вниманию медицинского персонала, какое иной морфинист или кокаинист питает к своему наркотику. Если Либби Хатч разделяла подобную страсть, сказал доктор, она могла использовать болезни детей, за которыми ухаживала (или не способна была ухаживать), для ее удовлетворения. Убивала, что называется, двух зайцев: могла скрыть свою материнскую несостоятельность и одновременно добиться внимания и похвал от докторов и сестер. Точно узнать, имелась ли у нее подобная тяга, мы смогли бы при наличии дополнительных сведений о ее прошлом, ибо подобная черта должна была сформироваться очень рано, а впоследствии проявляться все чаще и чаще. Вполне мог настать день, когда нам удалось бы использовать эту ее потребность против нее самой, поскольку, как и любое проявление одержимости, сие по сути являлось тяжелым недостатком и расстройством, таким, что способно подвести и даже уничтожить страдающего им человека.

Мистер Мур, обдумав все вышесказанное, выдвинул идею, что этой тягой и могло объясняться то, почему Либби Хатч, или миссис Хантер, относилась к доктору Крайцлеру совершенно иначе, нежели к самому Муру или детектив-сержантам. И действительно, она обращалась к каждому из мужчин таким манером, что долженствовал задеть их слабости или тщеславие, – но в ее чрезвычайно уважительном отношении к доктору могло крыться нечто большее. Возможно, она не рассчитывала, что такой человек способен принимать участие в расследовании похищения, и, возможно, стараясь быть с ним сердечной при нашем уходе, она испытывала насущную потребность в сходной реакции с его стороны, в уверении его в своей невинности. И, конечно же, этим могла объясняться ярость, которой она встретила отторжение попыток своего радушия. Кроме того, продолжал мистер Мур, если в ней кроется некое тайное желание получить одобрение доктора, детектив-сержанты могут воспользоваться в своем предупреждении фактом участия Крайцлера в деле вместе с полицейскими – заронить, так сказать, в ее мысли маленького червячка, чтобы легче было выбить ее из колеи. Когда тем вечером мы встретились с Маркусом и Люциусом на 17-й улице, они целиком и полностью согласились с этой цепочкой логических выводов и решили включить ее в свое представление.

Впрочем, случиться сие могло лишь после того, как они с помощью

мисс Говард завершили бы расследование смертей младенцев в «Родильном доме», дабы встретить противника во всеоружии. Но эта сторона дела вышла особенно запутанной – оказалось крайне сложно, если не вообще невозможно даже разыскать большинство матерей вышепомянутых младенцев, не говоря уже о том, чтобы поговорить с ними. «Родильный дом», как я уже сообщал, удовлетворял нужды незамужних и бедных матерей, и многие из них при поступлении туда не сообщали своих настоящих имен. В особенности это касалось большинства зажиточных женщин, пришедших в «Родильный дом», дабы скрыть результаты адюльтеров, или же тех, кто успел насладиться преимуществами супружества, прежде чем скрепить его формальностями. Детектив-сержантам и мисс Говард потребовалось несколько дней, чтобы разыскать единственную женщину, которая призналась, что она и была матерью одного из умерших малышей – когда же они наконец эту одинокую мать нашли и поведали ей свои подозрения, та поспешно выставила их, почуяв проблемы с законом и не желая ничего знать. Поэтому поиски пришлось настоятельно продолжать.

В это время доктор с мистером Муром приступили к следующей задаче: увидеться с достопочтенным мистером Корнелиусом Вандербильтом II – тем, кого мистер Мур звал Корнелем. (Этим именем он отличался от деда, воруги-старикана, прославившего фамилию, а заодно и от собственного сына, Корнелиуса III, которого называли Нейли.) Когда доходило до благотворительности, щедрее мистера Корнелиуса II было не найти, но в придачу к этому он был чуть ли не самым лицемерным святошей Нью-Йорка – и уж, конечно, его не интересовала встреча с таким сомнительным человеком, как Крайцлер. Если кто-либо из нашего отряда и надеялся на прием в гигантском особняке – который архитекторы относили к «шато французского Ренессанса», – занимавшем целый конец квартала Пятой авеню между 57-й и 58-й улицами, об этом одолжении следовало просить через третьих лиц: а именно, мистеру Муру пришлось искать помощи своих родителей, к чему он всегда относился с подлинным презрением. Они же, добившись назначения аудиенции на четверг, предупредили сына, что, к чему бы ни относилось его дело, ему лучше никоим образом не касаться в беседе сына Вандербилта Нейли, чьего существования старый джентльмен в настоящее время не признавал.

Смелости юному Нейли было не занимать: он женился на женщине, которую действительно любил, но ее положение в обществе семья сочла ниже его достоинства. Битва за этот брак была столь ожесточенной, что Корнелиуса II в итоге хватил удар, вскоре после чего он вычеркнул

старшего сына из своего завещания. Сам молодой человек довел брачную процедуру до конца и рванул с молодой супругой в Европу. Вернулись они лишь недавно, но город гудел слухами все время их отсутствия. В дело, разумеется, вмешалась желтая пресса – всецело на стороне любви, для лучшей продажи газет. Большая часть высшего света схожим образом сочувствовала молодой паре, поскольку действительно старые нью-йоркские семьи, в том числе семейства мистера Мура и мисс Говард, считали нуворишей Вандербилтов прежде всего незванными гостями на своей затянувшейся вечеринке. Роман сына продолжал изводить Корнелиуса II (который теперь курсировал между Нью-Йоркским дворцом и еще более абсурдно-замысловатым прибежищем в Ньюпорте, Род-Айленд), и к нынешнему лету он сделался настолько желчным фарисеем, что это практически его убивало. У человека было семьдесят миллионов долларов и вся система Нью-йоркской центральной железной дороги в качестве личной игрушки, и при этом романтические эскапады двух молодых людей фактически сводили его в могилу: этих богачей иногда просто не понять...

Как бы то ни было, настал четверг, и мы отправились в центр города в крытой коляске. Средняя дневная температура неуклонно росла по мере нашего погружения в июль, и к восьмому числу уже поднималась так быстро, что вызывала те унылые теплые летние дожди, что всегда проливаются, дабы охладить или очистить город. Шлепая по лужам среди особо дурно пахнущих лошадиных испражнений, наша коляска подкатилась к Мюррей-Хилл и въехала в район особняков на Пятидесятых улицах, оставив позади прочие дворцы Вандербилтов, возведенные в нескольких кварталах от пристанища Корнелиуса II. Главной целью каждой из этих махин, как мне всегда казалось, было лишь превзойти предыдущие, даже если это означало нагромождение такого количества деталей и надстроек, что сами здания превращались в нечто смехотворное или попросту уродливое.

К № 1 по Западной 57-й улице это относилось прежде всего: вероятно, предполагалось, что яркий красный цвет кирпича в контрасте с белизной известняка, использованного для обрамления окон и декоративных деталей, должен воссоздать облик французского Ренессанса, но по мне, так это все куда как больше тянуло на цирковой шатер. Пристройка, сооруженная для задней части дома мистером Ричардом Моррисом Хантом – тем, что проектировал новое крыло музея «Метрополитэн», – была намного приятнее глазу и даже могла бы считаться симпатичной, рассматривай вы ее в отдельности от всего остального. Но эффект, производимый фасадом

дома, если подъезжать к нему со стороны центра города, заставлял думать, что вы собираетесь встретиться с неким высококлассным шутком. И, в сущности, так оно и было – жаль только, что сам Корнелиус II не понимал этой шутки.

Примерно за полквартила к югу от 57-й улицы шум нашего экипажа, а заодно и шум окружающий внезапно угас: огромные пласты некоего мягкого покрытия – на вид вроде древесной коры – были уложены на мостовую кварталов, окружавших № 1 по Западной 57-й, дабы недужного мистера Вандербилта не беспокоили звуки проезжающих лошадей и повозок. В наши дни невероятно представить себе, что городские кварталы можно замостить наново ради удобства отдыха одного-единственного человека, но Корнелиус II был необходим городу, главным образом – в силу своей филантропической деятельности. Разумеется, страдал он не из-за шума, как не преминул отметить доктор: этого человека можно было поместить в комнату, облицованную бетоном и свинцом, но пока его не покинет мысль о том, насколько ничтожна оказалась его власть над собственным сыном в сердечном вопросе, тело его не перестанет деградировать.

Когда мы добрались до № 1, доктор объявил мистериу Муру, что, особенно учитывая трудности, с которыми было получено сие приглашение, ему не стоит входить туда с намерением прищемить мистериу Вандербилту нос, как прежде того хотелось. Они лишь поведают несчастному старому инвалиду, что пытаются отследить перемещения миссис Хатч, чтобы связаться с нею, поскольку считают, что она может оказаться некоторым подспорьем в деле, над которым работает доктор – и ничего более. Мистер Мур нехотя согласился, и они взошли по парадной лестнице к огромной арке дверного проема, облицованной известняком. Мистер Мур позвонил, лакей открыл и сообщил, что мистер Вандербилт ожидает их в «мавританском салоне» в задней части дома. Будучи достаточно осведомленным, чтобы понимать, что речь идет о курительной комнате, выглядящей, вероятно, точь-в-точь как иллюстрация из «Тысячи и одной ночи» – подобные покои считались в те дни последним криком моды среди богачей, – я спустился с кучерского места и, когда лакей вернулся, спросил его, не присмотрит ли он минутку за экипажем, потому как мне надобно сбегать по поручению доктора на пару кварталов выше. Тот весьма любезно согласился, и я рванул за угол Пятой авеню. Оказавшись у задней стороны дома, около симпатичных *porte cochère*³⁵, спроектированных мистером Хантом, я обнаружил, что от заднего двора меня отделяет довольно высокий забор чугунного литья. Конечно, перелезть через него

труда бы для меня не составило, но поблизости – даже в такой мокрый день – прогуливались люди, так что тут требовалось немножко осторожности.

Я воспользовался старым трюком: уставился на высокую крышу особняка по другую сторону улицы, лишь немногим уступающего роскошеством дому Вандербилта, показал пальцем и заорал:

– Он хочет прыгать!

Это было единственное заявление, гарантирующее, что любой и каждый нью-йоркер остановится, чем бы он ни занимался, и обернется в указанном направлении. Прогуливающиеся в тот день по Пятой авеню исключением не являлись, и тех нескольких секунд, за которые они сообразили наконец, что я их надул, мне хватило, чтобы перелезть через ограду Вандербилтов, пробежать и укрыться за одной из квадратных колонн *porte cochère*. Осмотрев заднюю сторону дома, я вскоре заметил на западной стороне открытый эркер, из которого доносились голоса. Я мог без труда спрятаться у дальней части эркерного пролета, и так и поступил, позволив себе один-единственный разок заглянуть в комнату.

Если и можно одним словом описать вкус семьи Вандербилт, мне оно неизвестно. Вы бы, полагаю, просто сказали, что они любили «побольше»: еще больше камня, еще больше роскоши, еще больше произведений искусства, еще больше еды – в придачу к уже имеющимся. «Мавританский салон», в который я и заглянул в тот день, служил прекрасным тому примером. Мало того, что дерево стальных панелей – в полные два этажа высотой – было дорогим, насколько вообще возможно, а вырезанный на нем орнамент был намного сложнее арабских образцов, на основе которых и выполнялся, – нет, стены к тому же оказались инкрустированы прочими драгоценными материалами, включая, не поверите, перламутр. Перламутр на стенах, подумать только... Если вы в состоянии заказывать подобные абсурдные украшения – и ни много ни мало у такого дизайнера, как мистер Луис Камфорт Тиффани³⁶, – то не удивительно, я считаю, что вас может хватить удар, если ваш собственный ребенок вдруг откажется делать, что вы ему велите. С высокого потолка свисала исполинская луковица люстры Тиффани со светильниками меньшего размера, также из стекла от Тиффани, подвешенными вокруг ее центрального крепления. Аккурат под этой конгломерацией, перед мраморным мавританским камином на нескольких гигантских, толстых персидских коврах стояло несколько бархатных кресел с прямыми спинками. В двух восседали доктор с мистером Муром, казавшиеся в этом помещении очень маленькими; а напротив них – укрытый, несмотря на июльскую жару, роскошным меховым пледом – мистер Вандербилт, выглядящий точно в соответствии

со своим самочувствием: как человек медленно, но неуклонно приближающийся к смерти. Вытянутое лицо и свирепый взгляд, некогда способные навести страх на большинство людей даже на неплохом расстоянии, переполняло сейчас измученное уныние, а голос его был груб.

– И что же у вас могут быть за причины явиться ко мне за подобными сведениями? – вопрошал он.

Я снова нырнул вниз, чтобы спрятаться, и услышал, как мистер Мур отвечает:

– Эта женщина какое-то время служила у вас, мистер Вандербилт, – по крайней мере, она упомянула вас в качестве работодателя в некоторых больничных документах, что мы видели.

– В каких же именно? – Тон мистера Вандербилта был, мягко говоря, снисходительным. – Да, она работала здесь. Но что до ее частных дел – именно такими они и были, и уважались как таковые. Элспет Хатч была надежной прислугой. С момента ее прибытия в город.

– И это произошло?.. – вмешался доктор.

Я услышал хриплый вздох хозяйского раздражения, после чего мистер Мур вынужден был добавить:

– Если бы дело не было таким срочным, мистер Вандербилт...

– Срочным? – перебил старик. – Срочным, однако вы не скажете мне, в чем оно заключается?

– Конфиденциальность врача и пациента, – ответил доктор. – Уверен, вы понимаете.

– И мы бы не навязывались вам, – сказал мистер Мур, – будь у нас хоть какой-то выбор.

– Что ж, – проворчал мистер Вандербилт. – Вы, наконец, хотя бы поняли, что это *и есть* навязывание. Уважай я вашу семью чуть меньше, мистер Мур...

– Да, сэр, – проговорил мистер Мур. – Именно.

Еще один раздраженный вздох мистера Вандербилта.

– Мы наняли Элспет Хатч в... должен сказать, это было летом 1894 года. Вскоре после той трагедии. Мы слышали от друзей с севера о ее несчастье, и моя жена подумала, что предложенное ей место – нам в любом случае нужна была горничная – даст ей шанс покинуть дом и оставить прошлое позади. Миссис Вандербилт – женщина необычайного участия. – И ворчливо добавил: – *И происхождения...*

Последовало несколько молчаливых мгновений, во время которых, как я понял, доктор с мистером Муром покосились друг на друга, пытаясь сообразить, о какой «трагедии» упомянул мистер Вандербилт. Памятуя о

его отношении, вряд ли можно было рассчитывать, что он станет делиться какой бы то ни было информацией касательно личных злоключений своей бывшей прислуги, если поймет, что посетители его до сих пор о них не знают.

– Действительно, необычайное участие со стороны вашей жены, сэр, – наконец сказал доктор. – И, вне всякого сомнения, оно помогло миссис Хатч прийти в себя. Перемена места – часто единственное противоядие после такого прискорбного случая.

– «Прискорбного случая»? – захохотал мистер Вандербилт. – Когда у вас на глазах сумасшедший расстреливает ваших детей? Вы что, любите преуменьшения, доктор, или просто привыкли к трагедиям в силу своей работы?

От такого заявления глаза мои чуть не выскочили из орбит – и я лишь смог подумать, как трудно, должно быть, доктору и мистеру Муру было скрыть аналогичную реакцию.

– Я... конечно же не хотел показаться бессердечным, сэр, – в конце концов проговорил доктор. – Возможно, работа моя порой и впрямь не дает мне относиться к – *убийству*, – он тщательно произнес это слово, будто отчасти ожидая несогласия; но такового не последовало, и он закончил, – с должным уважением.

Старик Вандербилт на сей раз фыркнул:

– Полагаю, этого и следовало ожидать. Во всяком случае, она прибыла сюда всего два или три месяца спустя. И трудилась с редким усердием, если учесть, что судьба ее старшей дочери осталась столь неопределенной.

– А... ну да, конечно, – изрек мистер Мур. – И когда, вы сказали, она оставила работу у вас?..

– Я не говорил, мистер Мур. Но она уволилась в следующем мае, когда вновь вышла замуж, и на ее попечении оказался племянник. Я предложил ей рекомендации, и безоговорочные, но она сказала, что хочет посвятить себя карьере сестры милосердия. Я сообщил, что она может незамедлительно обращаться ко мне, если я смогу оказать ей в этом отношении хоть какое-то содействие. Но она так и не обратилась. И это, джентльмены, действительно все, что я могу вам поведать.

Я услышал, как открылась дверь, и заботливый голосок произнес:

– Простите, сэр, но миссис говорит, вам пора отдохнуть.

– Да, – заключил мистер Мур. – Спасибо вам, мистер Вандербилт, за встречу с нами. Вы были чрезвычайно любезны – и очень помогли. Вскоре снова собираетесь в Ньюпорт?

– Завтра, вообще говоря. Потому мне и нужно собраться с силами. Я

прикажу, чтобы вас проводили.

– Прошу вас, сэр, – вмешался доктор, – не беспокойтесь. Мы и сами вполне найдем дорогу. И спасибо вам еще раз.

Донеслись какие-то звуки передвижения, и это послужило мне намеком: дождавшись, пока мимо по авеню пройдут люди, я что было сил ринулся к литой ограде, взобрался наверх, перелез, приземлился на тротуар и беспечно пошагал прочь, игнорируя пристальные взгляды проходившей мимо пары и стараясь выглядеть так, будто скачу через заборы миллионеров каждый божий день, а по воскресеньям – аж дважды.

Я вернулся к коляске через пару секунд после доктора с мистером Муром, которые заставили меня объяснить, где я был. В этом, конечно, имелось определенное преимущество – ведь им уже не нужно было пересказывать мне свою беседу с мистером Вандербилтом, хотя второй случай нарушения частных владений за неделю доктора, конечно, не особо порадовал. Но потрясение от услышанного ими внутри превозмогало прочие соображения.

– Ненавижу! – негодовал мистер Мур, когда мы тронулись обратно в центр. – *Ненавижу!* В точности как Люциус и говорил: всякий раз, когда нам кажется, что мы чего-то добились – шмяк! – неожиданно обрушивается новая порция сведений и меняет всю картину.

– А почему вы так уверены, что картина изменилась, Мур? – осведомился доктор.

– Вы же слышали, что он сказал, Крайцлер! – завопил мистер Мур в отчаянии. – Детей этой женщины «расстрелял у нее на глазах сумасшедший». Что, по-вашему, все это значит, прости господи?

Доктор пожал плечами:

– Да что угодно. Может, это правда. А может, всего лишь ее фантазия.

– Крайцлер, – перебил мистер Мур, в раздражении стукнув рукой по двери коляски, – он сказал, что об этом ему сообщили друзья. Она что, разъезжает по всему штату и выдумывает истории про убитых детей ради людского сочувствия?

– Не по всему штату. Очевидно, это происшествие приключилось неподалеку от ее родного городка. Так что если тут и есть хоть какая-то доля правды, ваш друг из конторы окружного прокурора сможет нам об этом поведать. Вам уже удалось с ним связаться?

– Я написал ему в понедельник, – мрачно отозвался мистер Мур, впадая в настроение под статью жаркой, влажной погоде. – И отправил телеграмму во вторник. Но, полагаю, мне лучше сейчас по новой телеграфировать ему или попытаться дозвониться по телефону. Пусть обо

всем узнает. – Тут он вновь вышел из себя. – И что это еще за «племянник», оставленный, по словам старика, на ее попечение?

– А вот это, – объявил доктор, – почти *наверняка* выдумка. Или, если быть точным, ложь. Ей нужно было сочинить какую-нибудь байку, чтобы объяснить внезапное появление в своей жизни мальчика Йохансенов.

– О да. – Объяснение сей подробности нисколько не воодушевило мистера Мура. – Иисусе, это все равно что пытаться уследить за махинациями трех разных людей.

– Верно, – согласился Доктор. – Слои за слоем...

Услышав эту сентенцию, мистер Мур оставил дальнейшие попытки узреть смысл в странном рассказе мистера Вандербилта и принялся курить сигареты и каждые несколько минут пинать ногой борт экипажа со словами «*Ненавижу!*» – снова и снова, будто до нас так и не дошло. Доктор Крайцлер попытался отвлечь мысли друга, зачитывая первую полосу «Таймс». Однако новости там вряд ли способны были поднять нам настроение. Полиция в итоге изловила Мартина Торна, преступника, подозреваемого в «загадке безголового трупа», и, как и предрекал детектив-сержант Люциус, оказалось, что он ни разу не покинул город за все время, которое продолжалась охота на него. У нас были определенные основания считать, что разбирательство по делу продлится несколько дольше: полученное от Торна признание шло вразрез со всеми «уликами» и теориями, собранными полицией, – тогда как в лучшем случае дело могло бы разрешиться за считанные дни. Еще большие волнения вызывало сообщение о том, что сенатор Генри Кэбот Лодж, ближайший друг и политический союзник мистера Рузвельта в Вашингтоне, открыто вынуждал президента Маккинли предпринять более серьезные действия против Испанской империи по всем спорным вопросам: американская партия войны теряла терпение, и, хоть мы и не знали, как все это может обернуться для нашего расследования, ничем хорошим тут не пахло. Наконец, имелся репортаж большей личной значимости для доктора с мистером Муром: мадам Лиллиан Нордика³⁷, одна из их любимых певиц в «Метрополитэн-Опера», опасно заболела в Лондоне. «Таймс» представила все так, будто она уже на пороге смерти; и хотя мы в итоге выяснили, что статья страдала преувеличением, даже возможности такой потери было достаточно, чтобы заставить доктора присоединиться к унылому молчанию мистера Мура.

Дождь не унимался, пока мы ехали по центру, равно как не унималось и уличное зловоение, что было весьма дурным знаком: погода такого свойства в это время года способна была в кратчайшие сроки подкосить

город. Как выяснилось, тот день и в самом деле ознаменовал начало первого действительно опасного периода лета, своего рода природного явления, называемого в газетах «полосой жары». За последующие недели средняя температура не опускалась ниже восьмидесяти; и даже ночью влажный воздух и отсутствие ветра делали сон практически невозможным. Сложившееся положение не облегчало и скорое сужение нашего расследования до нудных поисков разговорчивой женщины из тех, чьи дети находились в «Родильном доме» под присмотром сестры Хантер (работа эта заставила меня несколько ближайших дней возить детектив-сержантов и мисс Говард в зловещие части города или, хуже того, в пригороды), а также до ожидания вестей от старого приятеля мистера Мура из Боллстон-Спа. К следующему понедельнику некоторые из нас уже начали сомневаться в существовании этого человека. Мистер Мур отправил ему не одну, а две телеграммы, сообщая, чем мы занимаемся, но никакого ответа не получил. Это вовсе ничего еще не значило, так или иначе – но с учетом наших обстоятельств и погоды вело лишь к новым разочарованиям.

Прибавьте к этой смеси страх – и вот вам поистине веселенькое времечко. Последнее ощущение впервые явилось нам в виде случайных посещений района Стайвесант-парк членами Гудзонских Пыльников. Они не предпринимали никаких угрожающих действий, поскольку не были заинтересованы в неприятностях настолько далеко за пределами своей территории – но было ясно, что эти ребята желали напомнить нам о своем присутствии, и о том, что – с фараонами или без оных – нам лучше не совать нос в чужие дела. Но какими бы тревожными ни были эти визиты, они не шли ни в какое сравнение с тем, что некоторые члены нашего отряда – включая меня – видели Эль Ниньо, пигмея-филиппинца, слугу сеньора Линареса. Как и Пыльники, этот маленький человечек не предпринимал никаких попыток нападения или угроз кому-нибудь из нас – но он был там и наблюдал с ножами и стрелами наготове, не случилось ли в нашем следствии существенных сдвигов.

И при всех этих событиях детектив-сержантам нужно было продолжать расследование в Институте доктора. Они не рассказывали о своих достижениях никому из нашего отряда – на самом деле ничего не говорили вообще, за исключением одного раза, когда осведомились у Сайруса насчет персонала заведения, и еще одного случая, когда спросили меня, не замечал ли я случаев в поведении Поли Макферсона чего-то, способного объяснить его самоубийство. Я сообщил, что нет – и по их разочарованным ответным кивкам понял, что и в других местах с информацией им везло не намного больше.

Затем, в понедельник, 12-го, детектив-сержанты объявились на 17-й улице с довольно зловещим видом. Это было ближе к концу дня, волна жары еще не спала: в сущности, погода заполучила в тот день свою первую жертву – маленького ребенка, пораженного солнечным ударом и доставленного в больницу на Гудзон-стрит (услышав новость, я немедленно подумал: это неподалеку от дома, где Либби Хатч проживала жизнь сестры Элспет Хантер). Доктор работал в кабинете, Сайрус в каретном сарае ухаживал за лошадьми, а я был в кухне – помогал миссис Лешко убрать осколки полудюжины тарелок, которые она разбила вдребезги концом швабры во время типично решительной, но разрушительной уборки.

Раздался дверной звонок, я побежал открывать, оставив причитающую миссис Лешко выметать остатки. Вошедшие детектив-сержанты были сама деловитость; они немедля осведомились, где доктор. Я ответил, что в кабинете, и они прошагали напрямик наверх – так, будто сперва надеялись избежать этого момента, но в итоге смирились с неизбежным. И уж я-то никак не мог пропустить, что будет дальше: я дал им подняться на этаж или около того, затем проследовал за ними, сохраняя эту дистанцию, и, наконец, бросился к двери кабинета, лишь только она затворилась. Осторожно подкравшись, я лег на покрытый ковром пол перед дверью, уставился в узкую щель под ней и узрел несколько пар обуви, а заодно и основания множества стопок книг и бумаг.

– Простите за беспокойство, доктор, – услышал я Маркуса, а ноги его остановились перед ножками одного из стульев рядом со столом доктора. – Но мы решили, что лучше рассказать вам, как все обстоит с... с другим делом.

Повисла пауза, и ноги Люциуса принялись нервно притопывать по полу между ножками дивана.

– Новости вообще-то неплохие – впрочем, хорошими мы их тоже назвать не можем.

Доктор глубоко вздохнул:

– Ну, джентльмены?

– Насколько мы можем судить, – изрек Маркус, – причин полагать, что самоубийство Макферсона было вызвано чем-то или кем-то из вашего Института, нет. Мы опросили, а затем опросили повторно весь персонал, и составили общую хронологию событий с момента прибытия мальчика до времени его смерти. И решительно ничто не указывает на обращение с ним, способное пробудить саморазрушительные стремления.

– Даже те работники, что недолгобливают друг друга – осторожно

добавил Люциус, – впрочем, таких не больше двух-трех – даже они не смогли выискать у своих противников недостатки в обращении с мальчиком. Что же до семьи – если допустить, что поступил он под настоящим именем, – нам так и не удалось разыскать никаких родственников.

– Я и сам пытался, – тихо вставил доктор. – Безуспешно.

– Мы проверили шнур, которым он воспользовался, – добавил Маркус, стараясь казаться пооптимистичнее, – и он не совпал ни с одним из тех, что использованы в механизмах штор и занавесей здания. Отсюда следует, что он, должно быть, принес его с собой...

– Из чего можно сделать вывод, что он обдумывал этот поступок еще до того, как попал к вам, – заключил Люциус.

– А *это*, – проговорил Маркус, – по-моему, будет полезно в суде. Теперь – что касается даты судебного заседания... – Прежде чем Маркус продолжил, прошло несколько секунд. – Судья Райнхарт, проводивший ваше предварительное слушание, не озаботился никому сообщить о своей отставке в конце текущего месяца. Его клиентура была передоверена другим мировым судьям. Боюсь, вам достался судья Сэмюэл Уэллс. – Я услышал, как доктор с шумом выпустил воздух. – Да. Ваши дорожки уже пересекались, мы понимаем, – сказал Маркус.

– И не раз, – тихо ответил доктор.

– Мы его не знаем, – вставил Люциус, – но слышали, что он довольно суров.

– Больше всего меня беспокоит не это, – отозвался доктор. – Возможно, он суров, да, но я видывал и его снисходительность. И в *этом-то* вся загвоздка. Он крайне непредсказуем. Мне никогда не удавалось более-менее точно предугадать его реакцию и соответственным образом выстроить свои показания. К тому же он не из тех, кому в подобных делах требуются исчерпывающие улики. Если штат решит устроить процесс, способный навлечь серьезное моральное бесчестье на Институт...

– Как он почти наверняка и поступит, – заметил Маркус.

– ... то Уэллсу может быть вполне достаточно лишь того, что юный Макферсон отправился в мир иной, находясь под моей опекой.

– Да. – Голос Люциуса выражал странную смесь надежды и уныния. – Потому-то мы и решили, что нам лучше прийти – рассказать вам, что он действительно собирается провести слушание лично. Кстати, его немного отложили. Очевидно, Уэллс будет в отпуске до первой недели сентября, и...

Внезапный шум входящих в дом людей и громкие голоса, эхом отдавшиеся на лестнице, заставили меня оторваться от щели и завертеть

головой; потом, сообразив, что доктор и детектив-сержанты тоже, вероятно, это услышали, я вскочил на ноги и пустился вниз по ступенькам, не желая оказаться уличенным в подслушивании. Глядя вниз через перила, я увидел мистера Мура, мисс Говард и Сайруса, поднимающихся по лестнице.

– Ну и где же он тогда, черт подери? – громко, задыхаясь, вопрошал мистер Мур.

– Полагаю, доктор у себя в кабинете, мистер Мур, – объяснял Сайрус озадаченно и не вполне любезно. – Если вы хотя бы соизволите сказать мне...

– Нет, нет, – ответил мистер Мур. – Мы скажем ему – мы все скажем ему! Идем, Сайрус, ты тоже участник, тебе стоит послушать!

Они продолжили подъем тем же быстрым шагом; мистер Мур перескакивал по две ступеньки разом, а увидев меня, чуть не рухнул в обморок у моих ног.

– Стиви! – выдохнул он. – Он там? Бог мой, я пробежал полгорода, будь он проклят...

– Да неужели, Джон? – заметила мисс Говард. Она тоже слегка задыхалась, но с одышкой мистера Мура было не сравнить. – От твоего дома до моего и до 17-й улицы вряд ли будет полгорода. Если бы ты хоть время от времени выполнял дыхательные упражнения...

– Это... широкоизвестный факт, – тяжело выдохнул мистер Мур, – что... излишние упражнения... пользы не принесут. И сейчас я тому – живое доказательство... Ну же, Стиви?

Я кивком указал на кабинет:

– Он там. С детектив-сержантами.

К мистериу Муру немедля вернулись силы.

– Великолепно, – заявил он. – Лишней беготни меньше. – И направился к двери кабинета, а мы – за ним, я был немало изумлен, что он даже не стал стучать – просто ворвался внутрь.

Доктор поднял взгляд от стола, несколько потрясенный и, как и Сайрус, выведенный из себя такой бесцеремонностью. Детектив-сержанты встали – тоже в явном удивлении, – а мистер Мур, по-прежнему задыхаясь, навалился на дверную ручку.

После чего продемонстрировал конверт:

– Только что прибыло... специальной доставкой... от Руперта Пиктона... – Потом вдохнул еще глубже и выпалил: – Я и вправду ненавижу это дело...

Глава 26

Мистер Мур вскрыл конверт, а Сайрус, мисс Говард и я гуськом вошли в кабинет. Развернув письмо, наш измученный друг сделал глубокий вдох и попытался начать чтение, но успел осилить лишь приветствие – «Мур, свинья ты этакая!» – а потом осел на колени, все еще пытаясь перевести дыхание. Передав письмо мисс Говард со словами «Сара, читай ты», он отполз к дивану и с трудом на него взгромоздился.

– Что это за чертовщина с ним, Сара? – спросил доктор. – Он что, пьян или, может, ранен?

– Хуже, – ответила мисс Говард. – Ему пришлось пробежаться. Но насчет письма он прав, доктор. Послушайте-ка, датировано вчерашним числом: «Мур, свинья ты этакая! Я не пожалею времени на доскональное объяснение тебе, какое ты грязное, дерьмовое...»

– Читать эту часть вовсе не обязательно! – запротестовал с дивана мистер Мур.

Мисс Говард лишь улыбнулась и продолжила:

– «... но корреспонденции твоей, стопку коей я обнаружил у себя на столе, вернувшись сегодня из Адирондаков, определенно стоит уделить первостепенное внимание. Шутки в сторону, Джон, послушай меня: если ты действительно в безграничной мудрости своей сподобился впутаться в частное расследование касательно женщины, известной в этом городе как Либби Хатч, – будь осторожен, насколько это вообще возможно. История, что поведал вам мистер Вандербилт, действительно правдива, или, точнее, является общепринятым объяснением ужасающего злодеяния, случившегося здесь немногим более трех лет назад. Трое ее детей были застрелены, предположительно – бродячим помешанным негром, которого не видел никто, кроме миссис Хатч. Двое детишек умерли. Третий ребенок выжил, но онемел. Несмотря на обширные поиски, не удалось обнаружить ни негра этого, ни кого-то, кто хоть краем глаза умудрился его заметить, – тем не менее дело так и не дошло до коронерского расследования, столь действенна оказалась изобретательность миссис Хатч и столь скудны прочие возможные объяснения. У меня же имелись свои соображения – и, не сомневаюсь, ты догадываешься, какие именно, учитывая те сведения, что есть у тебя самого.

Относительно же прочих вопросов, кои ты расследуешь, могу сказать, что был потрясен, но при этом нимало не удивлен. Женщина эта, сдается

мне – одна из самых опасных ныне живущих. Жаль, что так и не удалось убедить в этом никого другого. Ты говоришь, ваше расследование в Нью-Йорке пребывает в некотором застое. Если это действительно так, советую принять сие за знак свыше. Не совершайте более сами никаких прямых действий в отношении Либби Хатч, и, если люди, с которыми ты работаешь, хотя бы отчасти искусны как следователи, не теряй ни секунды и отправляйся с ними сюда. Доктора Крайцлера я, разумеется, знаю по его трудам и репутации и буду счастлив знакомству с ним.

Телеграфируй, когда вас ждать – если ждать. Я чертовски серьезен, Джон – даже не пытайтесь одолеть эту женщину в неофициальном расследовании. Да будь при вас хоть целое Полицейское управление, считаю своим долгом предупредить – она найдет способ обвести их всех вокруг пальца и убить вас, если до того дойдет. Или оставьте все как есть, или приезжайте сюда – посмотрим, чего сможем добиться совместно. Прочие же действия могут оказаться смерти подобны.

Твой друг Руперт Пиктон».

Мисс Говард сложила листок и поместила его обратно в конверт.

– Это все, – сказала она.

Доктор несколько мгновений сидел не шевелясь, потом обернулся к дивану, где мистер Мур, кажется, пришел в себя.

– Колоритный, похоже, парень этот ваш приятель, Мур.

– Шуточки его не должны вводить вас в заблуждение, – отозвался мистер Мур, встав за сигаретами, а потом садясь к докторову столу. – Это один из самых острых юридических умов, с которыми я вообще сталкивался. Мог заполучить любую работу в штате, но, как дурак, решил вместо того играть в открытую – поднял адский шум в легислатуре штата насчет коррупции в городской конторе окружного прокурора, и его выперли из города, обваляв в перьях. После этого ходили слухи о некотором умственном расстройстве. – Мистер Мур прикурил сигарету. – Никогда не вникал в подробности.

Сайрус заговорил несколько растерянно:

– То есть он хочет сказать, это *она* застрелила детей?

– Да, – кивнула мисс Говард. – Он, похоже, в этом вполне уверен.

– Новые жертвы в списке, – пробормотал Люциус.

– Может, это они и есть на той фотографии, – ввернул я. – Той, что я видел в секретере, трое маленьких детишек вместе.

– Не лишено смысла, – изрек Люциус. – Не так-то просто вызвать удушье у троих детей, чей возраст позволяет уже оказать сопротивление – и все рассказать, если выживут.

– Но ведь в общую-то картину не укладывается, разве нет? – переспросил все еще сбитый с толку Сайрус. – Она ж убивала только младенцев, как нам известно – потому как не справлялась с ними в таком возрасте.

– Да, тут, конечно, загвоздка, Сайрус, – согласился доктор, поигрывая ручкой на столе. – Но главное сходство остается – на детей *напали*, и нападающий определенно намеревался их убить.

Маркус издал нечто вроде потрясенного выдоха:

– Не будь все это так ужасно, я бы сказал, что оно начинает становиться смешным...

– Наоборот, Маркус, – заметил доктор. – Эта новость лишь подтверждает укоренившуюся природу ее наклонностей. Ее прошлое согласуется с нынешним поведением. – Голос доктора стал тише, и он изрек фразу, более всего походившую на его девиз: – Разгадки в деталях... – Он встал и посмотрел в окно кабинета на маленький садик за домом. – А детали эти на севере, не здесь. Если нам нужно продвинуться по-настоящему – стоит ехать.

– Разве это дальновидно? – проговорил Люциус. – Если мы уедем, она может решить, что мы уступили ей – и одному богу известно, что тогда может произойти.

– Мы не уедем, прежде чем вы двое не побываете у нее, детектив-сержант, – ответил доктор. – И теперь сможете упомянуть в своем заявлении о нашей осведомленности относительно того инцидента. Нам остается лишь надеяться, что осведомленность сия вынудит ее действовать с еще большей осторожностью. Если же мы останемся здесь, руки у нас по-прежнему будут связаны. Наш подход – прошлое, и мы должны ему последовать.

Снова очень осторожно вмешался Маркус:

– А другое дело, доктор? Как же быть с вашими собственными делами – оставить неразрешенными?

Крайцлер пожал плечами:

– Как вы оба уже сказали, Маркус, я мало что могу предпринять до слушания. Даже будь там какие-то нераскрытые тайны, я уверен, вы бы их раскусили. От того, уеду я или останусь, мало что изменится. – Глядя на него, я заметил, как в лице его появилось нечто вроде горечи. – И, надо признаться, – снова мягко продолжил он, – меня еще никогда так не утомлял этот город. Или его обитатели... – Он быстро взял себя в руки и обернулся к нам. – Отъезд, возможно, – лучшее решение, целиком и полностью.

– Несомненно, – радостно возгласил мистер Мур. – Особенно с учетом направления. Саратога в это время года – подлинный рай. А если вспомнить о... *развлечениях*...

Все улыбнулись и застонали, а мисс Говард подхватила книгу и запустила ею в мистера Мура:

– Ну конечно, мы понимаем, почему *ты* так хочешь поехать, Джон, – но у нас будет ничтожно мало времени на твои обычные занятия.

– Я имел в виду лишь наше свободное время! – возразил, заслоняясь, мистер Мур. – Не можем же мы работать днем и ночью, сами понимаете! И давайте признаемся честно, Саратога...

– Саратога – отвратительный вульгарный *свинарник*, – закончила за него мисс Говард. – Где жирные богатеи предаются азартным играм, обманывают жен и обогащают сводников и проституток. – Резкость этих слов ясно дала понять, что она искренне имела в виду то, что сказала.

– О, да ты просто точь-в-точь твоя подруга Нелли Блай³⁸, – заметил в ответ мистер Мур, взмахнув сигаретой. – К тому же я не женат – и не жирен.

– Это лишь вопрос времени, – парировала мисс Говард. – А что до Нелли, все, что она написала об этом презренном месте в «Уорлд» – истина, и надо обладать немалой смелостью, чтобы сие сказать.

– Ну да, – возразил мистер Мур. – Почти той же смелостью, что требуется, чтобы выйти, как она, за семидесятипятилетнего миллионера.

Глаза мисс Говард сузились – казалось, она готова ударить.

– Мистеру Симену *не* семьдесят пять³⁹.

– Нет. Ему семьдесят. – Маркус уточнил, не подумав, но взгляда мисс Говард хватило, чтобы он пожалел об этом. – Ох, простите меня, Сара, но ему *и* *впрямь*...

– Боже мой, просто чудо, что люди до сих пор существуют как вид, – горячилась мисс Говард, – с такими приматами, как вы, во главе!

– Дети, дети! – Доктор хлопнул в ладоши. – У нас имеются куда более неотложные дела. Сейчас вечер понедельника. Когда мы сможем быть готовы к отъезду?

– Завтра, – быстро ответил мистер Мур, коему, очевидно, не терпелось оказаться в замечательном американском курортном городе Саратога-Спрингс, где, как уже сообщила мисс Говард, игорный бизнес, проституция и распутство давным-давно вытеснили лечение на водах из главных источников времяпрепровождения.

– Нам с Маркусом понадобится чуть больше времени, – вмешался

Люциус. – Думаю, не составит особого труда уговорить капитана О’Брайена отправить нас следить за вашими перемещениями, доктор, но на улаживание всего остального может уйти пара дней – и, конечно же, предстоит еще нанести этот маленький визит на Бетьюн-стрит.

– Очень хорошо, – ответил доктор. – Допустим, утром в четверг? – Предложение сие всех устроило, и доктор схватил номер «Таймс». – Мы можем отправиться одним из колесных пароходов до Троя, а уже оттуда – поездом до Боллстон-Спа. А вот поездку в Саратогу, Мур, вам придется организовывать самостоятельно.

Мистер Мур широко ухмыльнулся:

– С этим-то как раз никаких проблем – от Боллстона до центра Саратоги пустили электрический трамвай. Какие-то пятнадцать-двадцать минут – и я уже перед казино Кэнфилда.

– Я за тебя очень рада, – едко пробормотала мисс Говард. Мистер Мур лишь улыбнулся ей в ответ.

– Стиви? – спросил доктор, и я быстро кивнул. – Утром поедешь на пирс, что на 22-й улице – посмотришь, что отходит поутру в четверг. Попробуй разузнать, есть ли места на «Мэри Пауэлл» – я предпочитаю отдельные каюты, а это судно обычно загружено менее прочих дневных рейсов.

– Угу, – отозвался я. – Сколько кают?

– Нам понадобится лишь одна, – сообщил доктор. – Но возьми две, на случай если дождь не стихнет. Относительно вещей я бы рекомендовал всем собраться на месяц, для надежности. Заказ отеля оставляю вам с Сарой, Мур. Что ж, господа, вперед – не будем тратить время.

На этом мы покинули комнату и разделились, дабы приступить к сборам и подготовке. Перспектива выбраться посреди лета из Нью-Йорка немедля произвела свой обычный эффект – облегчение и легкомысленно-радостный настрой, – несмотря на все тревожные известия от мистера Руперта Пиктона: раз уж нам приходится расследовать это злосчастное дело Либби Хатч, куда приятнее заниматься им среди девственной зелени на севере штата, нежели в изматывающей жаре Манхэттена.

Во всяком случае, так нам тогда казалось.

Глава 27

Следующие пару дней дела на 17-й улице просто кипели. Нам нужно было не только собрать вещи, но и пристроить на постой лошадей, а также закрыть сам дом, поскольку отсутствие наше могло затянуться. К тому же предстояло разыскать кого-нибудь, кто смог бы время от времени заглядывать сюда, причем менее разрушительного – и с лучшим знанием английского, – нежели миссис Лешко. В итоге доктор через Сайруса передал сие предложение одному из сторожей Института, парню, которому лишние деньги не помешали бы, и через того же посредника молодой человек выразил свое согласие. Удача на этот счет не оставила нас ни разу, ведь когда мы сообщили миссис Лешко, что уезжаем и что на время нашего отсутствия ее услуги не потребуются, она сказала – или по крайней мере, насколько мы разобрали то, что она сказала, – что все к лучшему, поскольку она и так не собиралась продолжать у нас работать. Похоже, они с мужем решили отправиться на запад, попытать счастья с собственным рестораном в городке на серебряных приисках в Неваде. Доктор, обрадованный тем, что миссис Лешко избавила его от необходимости увольнять ее, выдал ей двухнедельное жалованье и весьма приличную премию в придачу. Правда, никто из нас не питал, так сказать, оптимизма насчет перспектив ее кулинарной деятельности. По нашему мнению, даже горняки вряд ли способны настолько проголодаться.

Как выяснилось, «Мэри Пауэлл» в четверг действительно совершала дневной рейс вверх по Гудзону, и я смог заказать нам две отдельные каюты. Сие по-прежнему казалось мудрой предосторожностью, ведь дождь-то не прекращался весь вторник. В тот день мистер Мур с мисс Говард – все еще пререкаясь о моральном характере безнравственных злочных мест Саратоги – явились в дом на 17-й улице дожидаться вместе с нами детектив-сержантов, кои чуть раньше уехали поставить Либби Хатч в известность относительно того, что нам о ней известно. Эти несколько нервных часов мы провели в гостиной, где Сайрус, стараясь всех успокоить, ненавязчиво играл на пианино. Но попытки его были тщетны, усиливающиеся ветер и дождь снаружи будто предрекали пришествие какой-то беды.

Впрочем, боязнь эта оказалась безосновательной. Детектив-сержанты объявились около пяти, в чрезвычайно расслабленном состоянии и слегка подшофе. Визит их прошел лучше некуда: хозяйка дома № 39 по Бетьюн-

стрил еще раз попробовала разыграть перед ними застенчивость и соблазн и даже снова пригласила их внутрь – но они проявили твердость и озвучили свои реплики прямо на пороге, где на них лился дождь и вода с крыши. Они перечислили все важные пункты, кои мы предусмотрели, и правдивые, и ложные, начиная с заявления о том, что Полицейское управление в курсе ее дел, и заканчивая нашей осведомленностью о ее потайном «укрытии» в подвале, а также тем, что доктор продолжает выступать по этому делу специальным консультантом. Закруглились они, сообщив, что разузнали о происшедшем три года назад в Боллстон-Спа, и собираются выехать туда, дабы подтвердить свои подозрения. Если же за это время что-то приключится с ее мужем, сказали они, или малышку, подходящую под описание Аны Линарес, обнаружат где-нибудь мертвой, хозяйка может готовиться к свиданию с электрическим стулом в Синг-Синге. В Соединенных Штатах казнили мало женщин, это верно, сказали они, но с ее-то послужным списком убийств определенно можно рассчитывать на вхождение в группу избранных.

Люциус описал нам реакцию женщины на все это. Она перешла от роли застенчивой искусительницы к слезам и уверениям в своей невиновности, затем кинулась объяснять, что детектив-сержанты просто не знают о «смягчающих обстоятельствах» совершенного ею (это было выражение Люциуса, не ее). Наконец, золотистые глаза ее наполнила чистая злоба. И это был, по словам обоих братьев, единственный момент, когда они всерьез усомнились в своем предприятии. Они ведь, в конце концов, находились в самом сердце территории Гудзонских Пыльников и могли в любой момент подвергнуться нападению банды, если учесть, что Либби Хатч, судя по всему, привлекла к делу головорезов своего дружка и не стала бы стрелять в этих двоих сама. Но Айзексоны предупредили ее, что масса народа в Управлении знает, куда они отправились и зачем, а в случае их невозвращения в штаб-квартиру ни у кого не возникнет никаких сомнений, почему это произошло. Маркус сказал, что, идя с Люциусом обратно к ожидавшемуся кэбу, он чувствовал абсолютную ненависть, сочащуюся из дверного проема номера 39, – подобно тому, как ощущает яркое солнце обнаженная кожа, – а когда они отъехали, до них донесся громкий хлопок двери и приглушенный вопль ярости изнутри. Но из квартала они выехали беспрепятственно и остановились по пути к дому доктора лишь ради того, чтобы успокоиться, быстренько пропустив по маленькой хлебного виски и пива – редкий случай для Люциуса – в баре «Старый город» на углу 18-й и Паркавеню.

Таким образом, как выразился мистер Мур, война была объявлена – и

прямо в лицо врагу. Но доктор не замедлил напомнить ему: несмотря на радость от того, что все закончилось и детектив-сержанты невредимы, считать Либби Хатч нашим «врагом» не стоит. Мы направлялись на север не только с целью узнать, *что* она сделала, а еще и *почему*; и хотя, с учетом всего, что мы о ней знали, попытка увидеть вещи такими, какими видела их эта женщина при взрослении и материнстве, могла оказаться нелегкой, это было для нас важнее, чем когда-либо прежде. Разглагольствования о «врагах» и «войне» вряд ли могли сему поспособствовать: если мы собирались выяснить, что привело ее к прошлым и настоящим актам насилия, – выяснить в той степени, что позволила бы догадываться о ее дальнейших шагах, – нам следовало перестать считать ее служанкой дьявола. Она была человеком, который оказался способен на невыразимые вещи в силу неизвестных событий, кои нам никогда не удастся окончательно понять, если мы не сможем взглянуть на них глазами сперва девочки, а потом и молодой женщины, которой она когда-то была.

То были весьма здравые речи, я уже слышал подобные от доктора и раньше – и, может, утомилась погода в среду, мне было бы проще остаться столь же благоразумным. Но тем утром небо на рассвете оказалось черным, а стекла всех окон дома дребезжали в рамках. К полудню завывающий ветер с ревом ворвался с юго-запада, чтобы обрушиться не только на город, но и на всю восточную часть штата. Севернее, в Матауане, как мы позже узнали, дождь был настолько сильным, что прорвало плотины, и воследовавший потоп унес жизни восьми человек. Может, и правду говорят, все эти штуки в небесах – просто погода, и ничего больше не значат; но мысль о том, что мы прогневили некое могущественное существо, не давала мне покоя весь день, пока совершались последние приготовления к завтрашнему отъезду.

Поздно вечером буря еще бушевала, а я до сих пор так и не увиделся с Кэт и не получил от нее никакой весточки. Я с как никогда дурным предчувствием понимал, что она закончит свои сборы в Калифорнию, пока мы будем на севере, и, за неимением возможности связаться со мной, решит, будто мне наплевать, что́ с нею происходит. Мой рассудок, пребывавший в плену у подобных мыслей, уже несколько часов терзался вопросом, не стоит ли мне быстренько обежать ее обычные пристанища. Будучи у доктора в доме, она дала мне понять, что возвращаться к Пыльникам не собирается; но количество кокаина, кое обреталось в ее теле, когда она пришла в № 808 на Бродвее, заставило меня усомниться в том, что она действительно избегает их логова. Я сидел в комнате, смотрел, как молнии, гром и ветер швыряют из стороны в сторону ветви деревьев

в Стайвесант-парке, и сомнения мои лишь преумножились. Есть ли у нее кров, думал я, в такую-то ночь? Денег ей на что-нибудь пристойное хватить наверняка должно – или она уже потратила их на марафет? А что, если Динь-Дон прознал о ее удаче и заставил все отдать? Может ли она положиться на кого-нибудь, кроме меня, кого-нибудь, кто озаботился бы все это разузнать? Я надеялся, что да. Потому что, несмотря на все треволения, понял, что просто не способен выйти за дверь. Я говорил себе, что это все из-за сильного ветра и дождя – но внутренний голос отвечал, что и раньше приходилось немало блуждать по улицам в такую погоду. Тогда я возражал, что на сей раз ее черед прийти ко мне, если ей требуется помощь – но понимал, что, расставшись тогда со мною в бешенстве, она никогда этого не сделает. А самая правда заключалась в том, что я просто не знал, почему не могу выйти и поискать ее. Я переживал, увижусь ли с нею когда-нибудь снова, переживал о том, где она и что с ней, но попросту не мог пойти за ней – и не мог объяснить, почему это так.

На следующее утро я проснулся и обнаружил, что бурю унесло в море. Солнце и легкий бриз быстро сушили город, а температура наконец упала градусов до семидесяти. На траве и дорожках Стайвесант-парка валялись ветки, но кроме них ураган, похоже, не оставил никаких необратимых следов своего пребывания в округе. Еще не было и половины восьмого, но экипаж, нанятый доктором, чтобы переправить наш багаж и нас самих на пирс на 22-й улице, прибывал через какие-то полчаса, а «Мэри Пауэлл» должна была отходить в девять; так что я быстренько оделся и привел себя в порядок, усевшись на крышки большого чемодана и маленького саквояжа, врученных мне доктором (дабы их удалось закрыть), а потом с грохотом спустился с ними по лестнице.

Сайрус с доктором уже встали, доктор в кабинете паковал книги и бумаги, а Сайрус на кухне снова варил кофе. Когда тот был готов, мы трое тоже все успели: сложили наши сумки и кофры у входной двери, и ничего не оставалось, кроме как пить крепкое варево Сайруса и сгорать от нетерпения оказаться наконец на борту, причем первое лишь усугубляло последнее. Я в последний раз осмотрел заднюю дверь, двор и каретный сарай, а убедившись, что все как следует закрыто, украдкой покурил. Тут наконец подъехала заказанная упряжка. Возница, старый немец, с которым доктор говорил на его родном языке, помог нам погрузить вещи, а затем мы повернулись попрощаться с домом, не зная, когда снова случится войти в маленькую железную калитку переднего двора.

По дороге к Гудзону погода все улучшалась, ветерок оставался тихим,

а в небе наличествовало лишь несколько крупных быстрых облаков. Когда мы добрались до угла Девятой авеню и 22-й улицы, я высунул голову из коляски и глянул на пирс: «Мэри Пауэлл» стояла у причала и была окружена огромной толпой. Пока мы пересекали Десятую и Одиннадцатую авеню, число людей и экипажей продолжало расти. От запаха реки и перспективы отправиться в новые, волнующие места кровь моя просто бурлила, но я даже не представлял, насколько возбужденно веду себя, пока доктор шутливо не обвил рукой мою голову, объявив, что сие, по его мнению, – единственный способ удержать мой череп от взрыва.

Наши попутчики на пирсе, казалось, испытывали то же волнение и облегчение от внезапной перемены погоды, что и мы сами. Впрочем, у большей их части багаж не шел ни в какое сравнение с нашим – ведь такие пароходы, как «Мэри Пауэлл», служили преимущественно для дневных круизов, – и нам не составило никакого труда найти носильщика для сумок. Я сказал доктору, что подсоблю снять их с повозки и отнести на борт, а они с Сайрусом пока могут первыми осмотреть каюты и проверить, не прибыли ли прочие члены нашего отряда. Так они и поступили, а я быстро принялся перетаскивать багаж на ручную тележку дружелюбного носильщика-итальянца с помощью нашего рослого немецкого возницы. Я не понимал ни слова из того, что говорили оба, но это и не важно; сам вид речного парохода, разряженного и готового к путешествию, с выражающей уверенность и мощь сдвоенной трубой и большими колесами по бортам, а заодно и возбуждение, циркулирующее среди веселого сборища людей на палубе и пирсе, заставляли меня двигаться радостно, воодушевленно и уверенно.

Удивительно, какие мелкие вещи способны в мгновение ока изменить настроение: какой-нибудь звук или даже просто запах подчас могут вывернуть мысли и чувства наизнанку покруче иных разговоров часами или переживаний сутки напролет. Мне в то утро хватило одного вида – мимолетного взгляда, ей-богу, – человека, видеть коего я желал меньше всего на свете.

Динь-Дон. Он сидел, пожалуй, в тридцати ярдах от парохода, на большом штабеле груза на пристани – но взгляд его вперился прямехонько в меня. Его порочные черты искажала та же злая идиотская усмешка, что и обычно – и лишь только он понял, что я заметил его, как спрыгнул на землю, ухмыльнулся еще шире и произвел энергичное непристойное движение руками и тазом.

И я, чего таить, понял сие послание: Кэт вернулась к нему.

Это меня просто убило – глаза мои утаились в землю, а челюсть

отвисла. Потом где-то у меня в голове раздался голос: «Ну ясно, что она к нему вернулась, – сообщил он. – Ей больше некуда было пойти, благодаря тебе...»

Когда я вновь оглянулся, Динь-Дона и след простыл в толпе. Скорее всего, он следил за нами от дома доктора, а теперь, удовлетворенный нашим отъездом из города, решил попросту отправить мне на прощание личную весточку, которая ранила бы мое сердце так же, как я сам когда-то ранил его лицо. Ну что ж, у него получилось. Я уронил чемодан, который держал в руке, и сам рухнул на него настолько оцепенело, что едва расслышал знакомый голос – на сей раз определенно извне меня.

– Стиви! – То был мистер Мур, приближавшийся ко мне с саквояжем в руке. За ним следовал носильщик с тележкой. – Стиви, – снова произнес он, поравнявшись со мной. Потом присел на корточки. – Что такое, мальчик, в чем дело? Где доктор?

– Они... – Я встряхнулся что было сил, пытаюсь избавиться от потрясения. – Они... уже на борту. Я таскаю наши вещи... с носильщиками.

Мистер Мур крепко опустил руку мне на плечо:

– Стиви, что-то случилось? Ты будто призрака увидел.

– Не призрака. – Я не мог пуститься в подробные объяснения, но часть поведать был просто обязан. – Пыльников. Должно быть, следили за нами.

Быстро обернувшись, мистер Мур прищурился и осмотрел причал.

– Но на пароход-то они не сели, а?

– Не-а, – ответил я. – Они ушли. Просто дали мне – *нам* – понять, что все еще наблюдают.

– Ага, – проговорил мистер Мур. – Ладно, пойдем. Как бы там ни обернулось, в городе нас не будет достаточно долго, чтобы Пыльники о нас и вовсе позабыли. – Я поднялся, и мы направились к трапу «Мэри Пауэлл»; носильщики шли следом. – Что-то не похоже на тебя, Стиви – дать запугать себя таким вот образом, – изрек мистер Мур, легонько толкая меня в плечо. – Хотя я все понимаю, после такой-то стычки.

Я не ответил, только кивнул и постарался привести дыхание в порядок. Когда мы взошли на борт, мне и это почти удалось – но обжигающий булыжник вины на дне живота никуда не исчез.

Оказавшись на палубе, мы с мистером Муром указали носильщикам дорогу к нашим каютам. Эти симпатичные, богато меблированные покои с нарядными деревянными панелями располагались посередине верхней палубы, по левому борту, а из окон их вскоре после отхода открылись виды не только на утесы Палисадов, но и на Кэтскилл и прочие горы по пути.

Впрочем, тогда все эти прелести и преимущества для меня ничего не значили. Увидев, что багаж в целостности и сохранности доставлен в каюты, где уже располагались и радостно осматривались доктор, Сайрус, мисс Говард и детектив-сержанты, я буркнул что-то насчет того, что хочу осмотреть пароход, и быстренько сбежал.

Внизу на главной палубе, прямо перед большими обеденными залами я обнаружил мужскую уборную и вошел туда, сопровождаемый несколько скептическим взглядом старого стюарда. Закрывшись в одной из туалетных кабинок, я прислонился к отделанной плитками стене и прикурил сигарету, стараясь отогнать дьявольские мысли и чувства, что раздирали мои внутренности. К тому моменту, как снаружи кабинки раздался голос стюарда, большого успеха я так и не добился.

Стюард намеренно прочистил глотку и объявил:

– Это ванная для джентльменов.

Что было не тем обращением, кое стоило применять к лицам в моем состоянии.

– Это туалет для пассажиров, болван, – рявкнул я в ответ. – Так что проваливай-ка подальше, ежели не желаешь кончить рейс со сломанной клешней.

Я услышал, как человек глубоко, злобно и обиженно втянул воздух, но ничего не сказал – а еще раз как следует затянувшись, я сообразил, что он всего лишь выполняет свою работу.

– Не беспокойся, дружище, – на этот раз тихо произнес я. – Через секунду исчезну. – Позволил себе покурить еще минуту-другую, потом швырнул чинарик в унитаз и вышел вон, не оглядываясь на стюарда.

Пока я поднимался по деревянному трапу на верхнюю палубу, главный гудок корабля издал оглушительный рев: мы отправлялись. Я был еще не готов вернуться к остальным, так что вместо этого проследовал на прогулочную палубу и забрался как можно дальше, втиснувшись в узенькую щель между наружными поручнями и рулевой рубкой. Я был на правом борту парохода, по другую сторону от пристани, чтобы не видеть толпы на берегу. «Мэри Пауэлл» начала медленно отчаливать. Вскоре мы уже выбрались на середину реки, где огромные боковые колеса стремительно завертелись с громким рокотом – недостаточно, впрочем, громким, чтобы заглушить тот, прежний голос в моей голове.

«Она не такая как ты, – бормотал он, – она росла в другом городе; ей никогда не понять его, правда, и не важно, что она там болтает; а ты, дурень, стоял столбом и дал ей вернуться напрямик туда, где ждала беда, и ты это знал – а все лишь потому, что она поставила тебя в дурацкое

положение...»

Блуждая в этих горьких думах, я едва не сорвался с палубы, услышав за спиной голос доктора:

– С этой стороны много не увидишь, – сообщил он, присоединяясь ко мне у лееров. – Или захотел посмотреть, как тает город за нами?

Я обернулся глянуть на береговую линию Адской Кухни, коя неуклонно оставалась у нас позади.

– Вроде как, – вот и все, что я смог вымолвить.

Доктор кивнул, и несколько безмолвных мгновений мы стояли бок о бок.

– Вскоре будем у Палисадов, – наконец заметил он. – Пойдем на ту сторону?

– Конечно. – Я отцепился от поручня и последовал за ним вокруг задней стенки рулевой рубки.

Дальний пейзаж по левому борту парохода перед нами изменился так, будто мы попали в другой мир. Слева виднелись маленькие причудливые домики Уихокена, штат Нью-Джерси, а прямо перед нами редкие предместья прочих городков создавали картину не менее скромную и мирную. Вскоре зеленые заросли приблизились прямо к реке и не прерывались, пока мы не достигли гигантских серо-бурых скальных плит, что на протяжении многих миль вздымаются ввысь на сотни футов и известны под именем Палисадов. Утесы эти были первыми из множества восхитительных чудес природы, кои Гудзон мог предложить отправившемуся в дневное путешествие, и воздействие их – как и самой реки – должно было наверняка отвлечь человека от безотлагательных забот людского мира.

Мы разглядывали эти скалы, как вдруг доктор глубоко вдохнул, потом выдохнул с некоторой своеобразной, как мне показалось, смесью облегчения и испуга.

– Странное это дело, Стиви, – пробормотал он. – Странное и сбивающее с толку. Человеческий ум неохотно принимает такие события и возможности. – И, не отрываясь от утесов Палисадов, протянул руку. – И знаешь, размышляя обо всем этом, не могу не думать о *собственной* матери. Необычная вещь, тебе не кажется?

– Я... вообще-то не знаю, – выдохнул я. – Зависит, пожалуй, от того, что наводит на воспоминания о ней.

– Простое осознание, думаю. Я никак не мог понять, почему, когда наши с отцом отношения становились хуже некуда, она никогда не вставала между нами. Даже когда мне было три или четыре года и я совершенно не

мог постоять за себя, она не вмешивалась.

Его глаза, казалось, вопрошали воду, лес и скалы перед нами, словно те могли предоставить ему какой-то ключик к обдумываемой загадке. Но в этом взгляде не таилось никакой жалости к себе, ведь доктор презирал подобные склонности и избегал их. Там был лишь честный, грустный вопрос – и доктор имел на него полное право.

С самого момента появления доктора Крайцлера на этой земле ближайшие люди будто относились к нему с досадой или душевной болью, а иногда и с тем, и с другим одновременно. Его отец, богатый немецкий издатель, прибывший в Америку после разразившихся в 1848 году европейских революций, вел себя так по отношению к сыну с самого начала. В обществе старик пользовался популярностью и восхищением, но дома представлял тираном-выпивохой, и охаживал свою жену-мадьярку и двоих детишек (у доктора была сестра, живущая теперь в Англии) пощечинами – да и кулаками тоже. Не знаю, что заставило доктора в тот день обратиться к сей теме, но я благодарно воспользовался шансом думать и говорить о чем-то, не касавшемся Кэт.

– Может, она не знала, что происходит, – пожал я плечами. – Или, может, боялась, что он набросится на нее пуще прежнего, если она хоть что-то предпримет.

По лицу доктора было понятно, что он уже много раз обдумывал подобные предположения.

– Что до ее незнания, – возразил он, – это маловероятно или же попросту невозможно, учитывая ее собственные бурные отношения с этим человеком. А что же до нежелания навлечь его гнев – она сознательно делала это слишком часто, чтобы я принял сие предположение. Я всегда знал, что его жестокость к ней удовлетворяет некую извращенную часть ее психики. Но жестокость ко мне и моей сестре? Вряд ли это доставляло ей удовольствие. – Он чуть зажмурился, будто сражаясь с какой-то идеей. – Нет, с тех пор как мы начали это дело, мне пришла на ум другая возможность – мысль о том, что, хотя моя мать и заботилась о своих детях, их благополучие просто не было для нее на первом месте. А главный вопрос – не почему так сложилось, а почему теорию эту было так сложно и сформулировать, и принять: в самом деле, почему, чтобы я задумался об этом, потребовалось дело об убийстве? В конце концов, мужчины, отводящие своим детям второстепенную, если не последнюю роль, несмотря на возможное неодобрение с чьей-то стороны, – случай вряд ли необычный. Так почему же мы ждем много от женщин?

– Ну... – я понял, что отвечаю ему, простодушно и автоматически, –

потому что... она ваша мать. Это ведь так естественно.

Доктор хмыкнул:

– И это говоришь ты, Стиви?

Я сообразил, какую глупость сморозил, и попытался выкрутиться:

– Ну... мы ж говорим-то не о *моей* матери...

– Нет. В подобных дискуссиях мы, очевидно, никогда не имеем в виду *чью-то* мать. Мы, очевидно, имеем в виду то, что Сара назвала бы абстракцией, – вымышленное лицо. – Доктор вынул портсигар. – Рассказывал я тебе когда-нибудь о Фрэнсис Блейк?

– Это женщина, на которой вы чуть не женились, будучи в Гарварде? – уточнил я.

– Она самая. Она бы тебя поразила. Богатая, бездельница – довольно умна, однако слишком амбициозна, чтобы тратить время на развитие своей проницательности. Лучше спроси у Мура. Он к ней особой приязни не питал. – Прикуривая сигарету, доктор снова хмыкнул. – Как в конечном счете и я сам. – Он выдохнул дым, а лицо его приняло озадаченный вид. – Она не многим отличалась от моей матери...

– Так что же тогда привлекало? – замешкался я.

– Что ж... помимо некоторых более очевидных факторов, у нее имелась одна довольно уязвимая сторона, казалось, позволявшая ей понимать разрушительную глупость большей части ее поступков. Я по юношеской наивности верил, что смогу взрастить, так сказать, эту ее сторону, пока она не начнет доминировать.

– Значит... вы хотели изменить ее?

– Неужели я слышу порицание в твоём голосе, Стиви? – осведомился доктор с тихим смехом. – Впрочем, в этом ты прав. Я вел себя как идиот... Представь только, обдумывать женитьбу на женщине лишь из-за того, что считаешь ее способной к переменам. Коей она, конечно же, не была. Тупоголовая, как... ну ладно. Упертая в своих воззрениях, скажем так.

Я посмотрел вниз на воды Гудзона, пенившиеся под носом парохода.

– Угу, – ответил я, тыкая пальцем в поручень перед собой и думая о собственной жизни, точно об истории, рассказанной мне кем-то другим.

Судно накрыло сильным порывом ветра, и доктор ту же запахнул сюртук.

– Это все, разумеется, было неосознанно, – сообщил он. – Но ведь и осознанно можно быть не меньшим дураком, а? – Затянулся еще раз и повернулся к ветру спиной. – А потом, когда стал старше, я понял, что действия мои воплощали нечто худшее, нежели просто стремление изменить Фрэнсис. Я действительно считал: если она не сможет

измениться и продолжит существовать той жизнью, к какой ведут ее глупые желания, в том будет некоторым образом моя вина.

– *Ваша?* – вымолвил я, уставившись на него. – Почему вы так решили?

Он пожал плечами:

– Я так не «решал». Я это чувствовал. Я был неопытным молодым человеком, Стиви, чьи отношения с собственной матерью потерпели неудачу где-то в самом главном. Я не мог не принимать на себя ответственность за ее провал – именно из-за того, о чем мы уже говорили. «Неестественно» считать свою мать повинной в ужасных ошибках. Поэтому я похоронил эти чувства и начал искать женщину, чье поведение смог бы переделать. Одно счастье – другая, столь же примитивная часть моего разума сказала мне, что нельзя приносить всю свою жизнь в жертву подобному предприятию. Так что я распрощался с Фрэнсис. – Он поехал на ветру. – Тем не менее это весьма интересная техника – оставить человека в прошлом, чтобы найти его или ее где-то еще. И в ком-то еще.

– Да-а, – протянул я, тихонько изумляясь тому, что он – как обычно – сумел рассказать именно о том, что беспокоило меня самого, вовсе не касаясь при этом моей жизни.

Потом меня посетила собственная конструктивная мысль:

– Так это ж вроде того, чем мы сейчас занимаемся.

– Неужели?

Я кивнул:

– Мы оставили сестру Хантер в Нью-Йорке, чтобы поехать и разыскать на севере Либби Хатч. Одна только разница: они не *похожи* на одного человека – они *и есть* один человек. Так что, может, на сей раз метод и сработает – раз уж он направлен на верную цель.

Доктор докурил сигарету и заключил:

– Знаешь, возможно, у тебя есть дар к этой работе, Стиви. – Он огляделся, потом ткнул окурком в ближайшую корзину с песком: – Ветер, похоже, крепчает. Мы заказали завтрак. Для тебя бифштекс и яйца. Спускайся, когда будешь готов.

Он бросил на меня самый быстрый из своих взглядов вместе со столь же быстрой, но ободряющей улыбкой. Потом, скрестив руки, пошел обратно к трапу – несколько неустойчивом на этом разлившемся участке верховьев Гудзона – и исчез внизу.

Я развернулся и посмотрел на Палисады, нащупывая в кармане пачку сигарет, – но потом решил воздержаться. Горизонт передо мною был прекрасен, но и из нашей каюты он смотрелся бы точно так же, и я внезапно понял, что настроение мое поменялось, и я больше не хочу

оставаться один.

– Ну, Либби Хатч, – изрек я, взглянув на широкие просторы Гудзона и, отвернувшись, пробарабанил пальцами по поручню, – теперь тебе негде спрятаться...

Я поскакал вниз по тому же трапу, которым прежде спустился доктор, не оглядываясь на воды за нами.

А если бы удосужился бросить хоть взгляд в том направлении, то заметил бы маленький баркас на паровом ходу, идущий вслед за «Мэри Пауэлл» со всей скоростью, кою позволял его небольшой котел. А если бы, узрев вышеупомянутое судно, прищурился и всмотрелся повнимательнее – различил бы крохотную фигурку, стоящую на баке: фигурку, чьи мрачные черты, густые волосы и мешковатые одежды немедля бы узнал. Но сколь тщательно бы я ни глядел, все равно не увидел бы целого арсенала странного восточного оружия, что вез с собой этот таинственный маленький человек, – потому что он скрывал его от посторонних взглядов до тех пор, пока не готов был напасть.

Глава 28

Когда я только поселился у доктора и среди множества прочих вещей принялся изучать историю страны, он заключил, что для начала лучше всего выбрать что-нибудь поближе к дому. Поэтому большая часть моих ранних путешествий в то место, кое представлялось мне глубокой тьмой, – в историю мира до моего в нем появления, – слагалась из книг по истории города Нью-Йорка и штата Нью-Йорк. Помимо этого, я совершил с доктором несколько поездок на север, когда ему нужно было посетить исправительные дома и психиатрические больницы, располагавшиеся по всей Гудзонской долине, а еще сопровождал его в поездке в Олбани, где он давал свидетельские показания на разных комиссиях о том, как государству следует обращаться со своими душевнобольными гражданами. Так что прекрасный – пусть и слегка зловещий – пейзаж, окружавший нас в тот день весьма приятного путешествия на борту «Мэри Пауэлл», был мне знаком – и все же по пути вверх по реке меня посетило странное ощущение, какого я не испытывал раньше ни в одной из прошлых поездок. Я понял, что меня гораздо больше беспокоят не туманные горы и зеленые поля, раскинувшиеся на берегах (обычные предметы изучения для туриста), а сами города, переходящие в предместья, и масса фабрик, построенных за эти годы (и продолжающих строиться) вдоль реки. Иными словами, растущее присутствие людей – там, где, как я знал, всего какую-то сотню лет назад были дикие пустоши – почему-то ложилось тяжелой ношей на мои мысли.

В течение всего завтрака я недоумевал, что могло заставить меня видеть все это совсем иначе, нежели прежде, и забеспокоился, не навсегда ли такая перемена. В чувствах своих я смог разобраться чуть лучше, лишь когда выбрался после завтрака вместе с мисс Говард на прогулочную палубу покурить: именно наше недавнее открытие того, что Либби Хатч родилась и выросла в подобном окружении, и меняло мое восприятие местности, которую мы миновали, а заодно и проживающих здесь людей. Я начал соображать: это не просто некие тихие простые места, где люди живут близко к природе, вдали от уродства и жестокости городов, вроде Нью-Йорка, а лишь череда маленьких Нью-Йорков, где жители обречены ровно на то же унылое, а иногда и тошнотворное поведение, что и обитатели большого города. Лишь только это мрачное осознание начало доходить до меня, я с удивлением понял, что загадываю желание: желание

о том, чтобы величественное запустение, по-прежнему царившее в горах, наподобие пурпурных Кэтскилл, высившихся вдали по левую руку, распространилось и ниже и поглотило уродливые маленькие гнезда людишек, растущие в речной долине. И это желание, как и мой новый страх, на самом деле никогда не покидало меня с тех пор.

И, разумеется, оно несколько не изменилось в тот день, когда мы достигли среднего течения Гудзона и справа от нас склоны начали усеиваться поместьями старых голландских и английских речных семейств. Мистер Мур поднялся к нам, и оба они с мисс Говард, разглядывая эти вершины, притихли. Я знал, что у каждого из них имелась причина для грусти, ведь оба провели здесь немало времени в своем прекрасном печальном детстве. У мистера Мура пейзаж, похоже, вызывал воспоминания о брате, чья смерть так расстроила его и так рассорила остальных членов семьи (поскольку мистер Мур настаивал, что это они довели его брата до морфия и выпивки своим суровым голландским обращением). Мисс Говард же определенно думала о летах и осенях, что провела за охотой, стрельбой и прочими, по большей части мальчишескими занятиями вместе с любимым отцом, у которого не было сына (и рядом – никого из детей, с кем можно было бы разделить охотничьи пристрастия). Вышепомянутый отец несколько лет назад погиб в этих лесах в результате таинственного несчастного случая на охоте; поговаривали о самоубийстве. Но мисс Говард – которая так тяжело приняла сию смерть, что вынуждена была даже уединиться на курорте, – всегда пресекала подобные слухи. Так что, памятуя о вышесказанном, неудивительно было, что душевный настрой этой пары при виде проплывающих мимо высоких холмов и роскошных домов склонился к меланхолии. И хотя мы в итоге снова спустились вниз, дабы угоститься очень вкусным ланчем, и даже умудрились потом немного поиграть в глупые, но занимательные настольные игры, общее настроение в нашей компании осталось, что называется, сдержанным.

«Мэри Пауэлл» лишь ненадолго остановилась в Олбани, светливом городе со множеством фабрик, железнодорожных путей и домиков рабочих, выстроившихся вдоль береговой линии: не та это была декорация, чтобы привести меня или кого угодно в более радостное расположение духа. Многие из пассажиров высадились в столице штата, остались лишь те, кто следовал обратно до Нью-Йорка, вместе с теми, кто направлялся дальше по мутным верховьям реки в Трой. Незаселенными до сих пор оставались лишь считанные мили между Олбани и Троем, и пышущие огнем дымные фабрики, кои мы миновали, вместе с огромными скопищами грязных

несчастных рабочих, выходявших из них, будто лишний раз подчеркивали, что сельскую местность все больше портят человеческие мелочные и притом гадкие желания.

Что же до Троя, место это было процветающее, но унылое: дюжины его кирпичных фабрик и грузовых пароходов загрязняли реку, дабы даровать прочему миру новейшие механические устройства для локомотивов, стирки и садоводства. Когда мы сошли с «Мэри Пауэлл», над западной частью города начал заниматься прекрасный закат, отчего мне ужасно захотелось броситься туда, к этому тонущему огненному шару, прочь из города – и каким же ужасным оказалось разочарование, когда, добравшись до Объединенной станции и контор «Железнодорожной компании канала Делавер – Гудзон»⁴⁰, мы обнаружили, что вчерашняя жуткая буря поразила и эту часть штата, вызвав крушение поезда на ветке Трой – Боллстон-Спа. Завершения нашего путешествия приходилось ждать до утра, что означало ночь в ближайшей вокзальной гостинице: месте не самом худшем, разумеется, но все же удручающем для молодого человека, раздраженно жаждущего бежать от цивилизации в глушь.

На следующее утро поездка принесла мне какое-то облегчение, ведь стоило нам оставить позади Трой и его окрестности, путь наш пошел по сельской местности, намекавшей, сколь волшебной, похоже, была эта часть штата до того, как цивилизация врезалась в нее, точно сошедший с рельсов трамвай. Мы миновали обширные участки, похожие на древние лесные массивы, и парочку больших серебристых озер – но всякий раз за ними оказывалось скопление ферм или неугомонный маленький городок, и это вновь и вновь заставляло думать, что старый лес сдает позиции в битве за сей ландшафт. Вскоре кондуктор поезда объявил о приближении к Боллстон-Спа, а когда мы достигли городских предместий, я понял: вчерашнее настроение вновь вернулось, и, возможно, стало еще хуже – впрочем, я быстро сообразил, что это не самое плохое мировосприятие при въезде в столицу округа Саратога.

Сайрус прихватил с собой небольшой путеводитель по городкам северного течения Гудзона, и, пока наша поездка с тихим пытением подходила к концу, зачитывал из него вслух. Боллстон-Спа, как я узнал, некогда был известен чередой своих тихих маленьких здравниц, но за последнее столетие дела изменились весьма радикально: многие минеральные источники иссякли и на смену лечебницам на водах пришли разнообразные фабрики. Поначалу тут производили шерсть, хлопок, лен и своеобразные алебарды, напоминавшие турецкие ятаганы (эти последние предназначались для Армии Союза во времена Гражданской войны). Но

к 1897 году и для фабрик настали тяжелые времена. Большая их часть была построена вдоль пересекавшей город стремительной речушки Кайадероссерас (старое ирокезское слово, означавшее что-то вроде «поток извилистых вод»), но в последовавшие годы в бассейне этой речки было вырублено столько леса, что и сам Кайадероссерас иссяк до едва сочащегося маленького ручейка, не способного более приводить хоть что-то в движение. Так что теперь черный дым печей валил из труб заводов, известных – несмотря на остатки производства кое-каких сельскохозяйственных инструментов – по большей части своей бумажной продукцией.

Путеводитель Сайруса пытался преподнести всю эту информацию на, что называется, позитивный манер, но ему все равно не особо удавалось избежать заключения о том, что – в силу собственной недалекости всего лишь за какой-то век – жители Боллстон-Спа умудрились от управления лучшими лечебными курортами Севера скатиться до восхваления своего города как родины «лучших в мире бумажных пакетов». Старые курортные отели, не способные соревноваться с чередой гигантских шикарных соперников, открывшихся в соседнем городе Саратога-Спрингс, были превращены в меблированные пансионы для фабричных рабочих или попросту сожжены. Но никому даже в голову не приходило переименовать город, несмотря на то, что к 1897 году в Боллстоне мало что напоминало о слове «спа».

Железнодорожная станция располагалась аккурат у холма, что отделял промышленные районы города от домов местных франтов. По вершине этого самого холма пролегла главная улица, названная каким-то особо изобретательным умником Хай-стрит⁴¹, где и располагалось большинство городских церквей и официальных заведений округа. В здании вокзала любоваться было, в общем, и не на что – просто длинная низкая постройка, какие обычно в подобных местах и встретишь, а горстка людей, ожидавших на платформе прибытия поезда, ему вполне соответствовала. То есть соответствовали все, кроме одного.

Он стоял совершенно отдельно у самого восточного края платформы, будто знал, что мистер Мур любит ездить в конце состава и нас убедит поступить точно так же (как он, в сущности, и сделал). Этот невысокий рыжеволосый человек, пыхтевший трубкой с таким видом, словно от этого зависела его жизнь, попеременно подергивал себя за аккуратно подрезанную бородку и усы и проводил рукой по таким же образом подстриженным волосам, постоянно поглядывая туда-сюда и кружа по платформе, точно она была в огне. Глаза его, которые, как я позже понял,

имели очень светлый серый оттенок, казались на расстоянии будто серебристыми, а выражение у них было одновременно сосредоточенным и несколько диковатым. За время, пока поезд замедлял ход до полной остановки, человек этот достал свои часы по меньшей мере трижды – я понять не мог, зачем, ведь мы же уже прибыли, – и каждый раз с обеспокоенным видом засовывал их обратно, курил и вышагивал снова. Я потерял этого парня из виду, когда мы пошли к выходу из вагона, но каким-то образом понял, что он – именно тот, к кому мы приехали.

Когда поезд с грохотом и скрипом вполз на станцию, мистер Мур обратился к нам.

– Ну хорошо, а теперь послушайте-ка все, – сообщил он настойчиво. – Особенно вы, Крайцлер. Кое-что о Руперте я от вас скрыл, поскольку не хотел, чтобы вы отказались доверить ему дело. Он человек действительно выдающийся, но – чего уж таить – заткнуться просто не может.

Мы посмотрели друг на друга с видом, ясно говорившим – всем определенно кажется, что это какая-то хохма.

– Что вы хотите сказать, Мур? – спросил доктор. – Если он излишне многословен...

– Нет, – ответил мистер Мур. – Я хочу сказать, что он *не может* заткнуться.

Маркус расхохотался:

– Ну конечно не может. Он же *юрист*, прости господи...

– *Нет*, – вновь бросил мистер Мур. – Тут нечто большее – нечто физического свойства. Он даже врачей посещал по этому поводу. Что-то вроде... компульсивного побуждения или как-то наподобие, я забыл, как оно называется.

– Вынужденная словоохотливость? – заинтригованно высказал догадку доктор.

Мистер Мур сцепил пальцы:

– Она самая. Как бы то ни было, в суде это творит чудеса, но в беседе может быть маленько чересчур... – Стукнувшись о закрытую входную дверь вагона, когда поезд остановился, мистер Мур начал спускаться: – Я лишь хотел предупредить вас – человек он просто милейший, но мысли, приходящие ему в голову, немедля вылетают у него изо рта. Так что не принимайте его слова слишком близко к сердцу, идет?

И, оглядев лица каждого из нас, мистер Мур кивнул, а мы последовали за ним на платформу.

Мистер Руперт Пиктон все еще расхаживал и курил, большие серебристые глаза казались крайне обеспокоенными. Узрев эту картину,

мистер Мур прочувствованно разулыбался.

– *Пиктон!* – воскликнул он, подходя к другу на платформе. – Боже милосердный, дружище, да у тебя вид такой, будто вот-вот кондрашка хватит.

– Ваш поезд опоздал! – заявил мистер Пиктон, с улыбкой пересиливая свою весьма очевидную, в том числе и ему самому, нервозность. – Нынче они вечно опаздывают: о войне с Испанией мы поговорить мастаки, а чтобы поезда по расписанию ходили – это нам не под силу! Как ты, Джон?

– Прекрасно, прекрасно, – изрек мистер Мур, когда мы к нему наконец присоединились. – Позволь представить тебя остальным. Это мисс Сара Говард...

– Здравствуйте, мистер Пиктон, – произнесла мисс Говард, протягивая руку. – Боюсь, все это прискорбное дело началось из-за меня.

– Ерунда, мисс Говард, – отвечал мистер Пиктон, энергично пожимая ее руку и вещая не просто много, а вдобавок и очень быстро. – Не резон вам так думать. Не вы это начали, а Либби Хатч, когда впервые пролила невинную кровь и поняла, что это ей по вкусу! А то, что начали вы, станет концом ее зловещей истории, и вы должны этим гордиться... о! А вот и доктор Крайцлер! – Оживленная маленькая рука снова метнулась вперед. – Я узнал вас по фото, кои сопровождали ваши монографии, сэр, – завораживающая работа, должен вам сказать, просто завораживающая!

– Спасибо, мистер Пиктон. Очень любезно с вашей стороны...

Но мистер Пиктон уже обернулся к Люциусу с Маркусом, широко улыбнулся и схватил их за руки:

– А вы, джентльмены, полагаю, детектив-сержанты Айзексоны?

Маркус улыбнулся в ответ и успел лишь вымолвить:

– Ну да... – прежде чем его перебили.

– Только не вздумайте считать, что у меня какие-то таланты к расследованию, – заявил мистер Пиктон. – Никаких ровным счетом, разве что обоняние. Чувствую слабый запах серной кислоты...

Люциус, пожимая в ответ руку мистеру Пиктону, наградил брата долгим взглядом:

– Если бы *кое-кто* не заставил бы меня *снова* проводить этот тест на стрихнин перед отъездом из Нью-Йорка...

– Надеюсь, вы привезли с собой все ваши химикаты и устройства, – отозвался мистер Пиктон, ободряюще кивая. – Они нам понадобятся. Ну, а теперь давайте соберем ваши вещи.

Мы с Сайрусом, завидев все это, нашли носильщика, чтобы помог управиться с багажом, и теперь приближались к нашему радушному

хозяину с тыла. Сайрус один раз прочистил горло – но этого оказалось достаточно, чтобы мистер Пиктон, не видевший нас, взвился в воздух.

– Да чтоб вас кошки съели! – заорал он, подсакивая к Сайрусу. – Вы кто такие? А! Не надо говорить – Джон о вас писал. Вы человек доктора Крайцлера, верно? Мистер... э-э... э-э...

– Разрешите представить мистера Сайруса Монтроуза, – вставил доктор, после чего мистер Пиктон пожал большую ручищу Сайруса. – И юного господина Стиви Таггерта. Они мои коллеги.

Мистер Пиктон потянулся ко мне, и я протянул руку, которую он резко встряхнул.

– Юный Таггерт! Очень приятно! Ну... – Он отступил и упер руки в бока, оглядывая нас. – Значит, вот что за компания вселила ужас в сердце этой убивицы, а? Надо сказать, я восхищен вами! В этом округе Либби Хатч определенно ничего не страшилась, мое вам слово. Давайте-ка погрузим ваши сумки в мой экипаж и отправимся ко мне. К делу надо приступать как можно скорее! Носильщик, а ну за мной!

– К тебе? – вмешался мистер Мур. – Но Руперт, я забронировал места в отеле «Орел»...

– А я все отменил, – заключил мистер Пиктон. – У меня в доме места целому полку хватит, Джон, а живу только я да домоправительница. И слышать не желаю о том, что вы еще где-то поселитесь!

– Но, – осторожно промолвил мистер Мур, пока мы шли к старому двухместному экипажу, стоящему у станции, – ты уверен, что готов к этому, Руперт? То есть, я слышал, тебе нездоровится...

– Нездоровится?! – взорвался мистер Пиктон. – Да я крепок, что твой доллар, – впрочем, я даже *покрепче* буду, учитывая теперешнее состояние нашей валюты. О, я в курсе, что болтали в Нью-Йорке перед моим отъездом, Джон, и признаю – тогда мне нужен был отдых. Ты же знаешь мою склонность – я легковозбудим, что верно, то верно, тут никаких возражений. Но эти слухи о том, что я совсем вышел из строя, были всего лишь дальнейшими попытками дискредитировать мои слова.

– М-м, да, я знаком с этим явлением, – заметил доктор, пока мистер Пиктон начал перебрасывать наш багаж с тележки носильщика в свой экипаж, не прекращая неистово затягиваться трубкой.

– Да, нисколько в этом не сомневаюсь, доктор Крайцлер! – выдохнул наш хозяин. – Нисколько не сомневаюсь! Так что вы, видимо, знаете, какую усталость оно порождает – попытка остановить творившееся в конторе окружного прокурора порядком меня измучила, говорю вам, и нервы вымотала до крайности. Но до помешательства тут все же далеко, как вы

считаете?

– Ну... – медленно произнес доктор – слишком медленно, как оказалось, для мистера Пиктона.

– Вот и я о том же! – сообщил он. – В курьезном мире мы с вами живем, доктор Крайцлер, – и в курьезном не в хорошем смысле: человека здесь могут объявить сумасшедшим лишь за попытку выявить вопиющую коррупцию! А, ладно, пустое... – Закинув последнюю из сумок в экипаж, мистер Пиктон занял место возницы. – Забирайтесь-ка все. Мистер Монтроуз, может, вас с юным Таггертом не затруднит прокатиться на подножках? Держаться можно за полог, да нам и ехать недалеко.

– Я запросто! – радостно выдохнул я, обнаружив, что начинаю получать удовольствие от слегка безумной манеры разговора и поведения мистера Пиктона.

– Конечно, сэр, – заверил Сайрус, занимая место на подножке сзади, когда все уехали.

– Молодцы! – провозгласил с широкой улыбкой мистер Пиктон, салютуя нам своей трубкой. – Ну, держитесь, поехали!

Экипаж покатился, но мы даже не успели выехать со станционного двора, как мистер Пиктон снова принялся за свое:

– Говорю же, доктор, все эти нью-йоркские дела ровным счетом ничего не значат, как и то, что тамошние люди могли обо мне наговорить, – вообще ничего, по прошествии столького времени. Мир кубарем катится в ад, и Нью-Йорк прибудет туда одним из первых, если только он уже не там – и тут я могу быть только за. Это и есть одна из причин моего возвращения в Боллстон – здесь еще можно время от времени сделать что-то хорошее, не оглядываясь на магнатов и воротил. – Он выпустил еще несколько клубов дыма из трубки, направляя лошадь вдоль улицы, что шла к западу ниже возвышающегося холма. – Но не будем же углубляться слишком далеко в подобные разговоры – у нас безотлагательных вопросов хватает. – Он извлек часы и вновь взглянул на них. – Действительно безотлагательных! Вам всем нужно разместиться и поесть – миссис Гастингс за этим проследит. Моя домоправительница. – Он покачал головой, пока мы с грохотом мчались к западной окраине города. – Страшное дело. Они с мужем вместе большую часть своей жизни держали магазин тканей. Потом, пару лет назад, три местных хулигана – немногим старше вас, юный Таггерт, – ограбили их, пока ее не было. До смерти забили ее мужа лопатой. Я выступал по делу обвинителем, а потом она пошла ко мне работать – больше из благодарности, чем из прочих побуждений, сдается мне.

– Из благодарности? – замешкалась мисс Говард. – Потому что вы помогли ей в трудное время?

– Потому что я обеспечил этим троим мальчишкам электрический стул! – воскликнул мистер Пиктон. – А! Вот и мой дом – в конце улицы.

Дом мистера Пиктона размером с добрый особняк располагался на перекрестке Чарлтон и Хай-стрит, неподалеку от здания суда, рядом со старыми отелями «Курорт Олдридж» (ныне пансионом) и «Ручей за железной оградой» – оба они были последними настоящими остатками светлых деньков города, бывшего некогда курортным. Судя по четырем большим башням, формировавшим углы жилища мистера Пиктона, а заодно и по широкой крытой галерее, обрамлявшей все здание, дом был не таким старым, как большая часть резиденций, кои мы увидели и миновали по дороге. Но одного его размера было достаточно, чтобы все имело престранный вид, и я не мог взять в толк, зачем такая машина человеку, делящему жилище лишь с домоправительницей. Сад перед домом и за ним был полон вьющихся роз и плюща, несколько ошалелого, имелась там и пара вязов, похоже, намного старше самого здания – и все это лишь усиливало ощущение того, что в доме водятся привидения.

– Мой отец построил его для моей матери, – объяснил мистер Пиктон, когда мы подъехали к дому. – Тридцать пять лет назад дом считался вершиной викторианского готического стиля. А сейчас, что ж – мода никогда для меня много не значила, так что я оставил его более-менее без изменений. Миссис Гастингс постоянно пилит меня насчет новой отделки, но... о, вот и она! – Кругленькая женщина с добрым лицом, лет, пожалуй, шестидесяти, в синем платье и белом фартуке, вышла из передней двери дома, как раз когда мы въехали во двор. Мистер Пиктон остановил экипаж и улыбнулся, помахав домоправительнице. – Миссис Гастингс! Видите, я без труда смог найти их. Угловые комнаты, не сомневаюсь, уже готовы?

– О да, ваша честь, – отвечала миссис Гастингс, вытирая покрытые мукой руки о фартук и тепло улыбаясь. – И обед уже ждет вас всех. Добро пожаловать, добро пожаловать, гости здесь будут настоящим глотком свежего воздуха, это верно!

Мистер Пиктон представил нас, и все прошли в дом, а мы с Сайрусом вернулись разгрузить сумки.

– Ну? – тихо спросил я своего большого друга. – Что скажешь?

Сайрус коротко качнул головой:

– Да уж, тот еще тип. Мистер Мур точно ничего не преувеличил насчет этой его болтливости.

– Мне он нравится, – сказал я, направляясь к двери с грузом

чемоданов. Взглянув на высокие стены и темные башни, я на минуту остановился. – Хотя дом этот выглядит так, будто в нем может водиться привидение-другое, – прошептал я через плечо.

Сайрус улыбнулся и покачал головой еще раз:

– Вечно тебе странные типы по душе, – проговорил он. Потом лицо его стало бесстрастным. – Только о *привидениях* я больше слышать ничего не хочу.

На нижнем этаже дома мистера Пиктона располагалась приемная, которая могла бы служить залом для съездов. Она была переполнена тяжелой, обитой бархатом мебелью, сосредоточенной вокруг резного каменного камина таких размеров, что в него можно было бы войти; помимо этого в комнате имелись и обычные предметы отдыха, к примеру, пианино и большой карточный стол. В центре дома размещалась лестница из тяжелого полированного дуба, а по другую сторону лестницы зеркальным отражением приемной была гигантская столовая, до отказа набитая стульями и буфетами; еще там был стол, все того же стиля, что и мебель в гостиной. Спальни на верхних этажах – расположенные, как уже сообщил мистер Пиктон, в угловых башнях, – размера были столь же огромного, каждая со своим огромным камином, и большая часть – со своей ванной. Когда я поднялся наверх, все уже бродили, выбирая комнаты, и я услышал, как мистер Пиктон говорит:

– О, прекрасный выбор, мисс Говард – это действительно лучшая комната в доме! Отсюда великолепный вид на сад и ручей.

На третьем этаже я различил голоса детектив-сержантов, спорящих насчет другой спальни, но не мог понять, что стало с доктором и мистером Муром, чьи чемоданы я тащил. Потом из длинного коридора до меня донесся тихий разговор, и я направился туда, обнаружив их обоих в очередной спальне.

– Крайцлер, клянусь, я не знаю, – произнес мистер Мур, когда я подошел к двери. – И, думаю, он тоже не знает, или, по крайней мере, никогда не говорил мне...

– Это похоже на несколько маний, – осторожно ответил доктор. – И некоторые дегенеративны. – Он с какой-то неуверенностью воззрился на мистера Мура. – Мы чертовски рискуем с этим человеком, Джон.

– Ласло, послушайте меня. Это *никогда* не вредило его работе. В житейских ситуациях, конечно, порой служило предметом для шуточек, но в зале суда было подлинным благом. Он способен наголову разбить защитников, когда берется за дело... – Мистер Мур осекся, завидев меня в дверях; потом улыбнулся, будто благодаря, как мне показалось, за

возможность завершить этот разговор с доктором. – Привет, Стиви. Случайно не захватил мои вещи?

Игнорируя вопрос, я пожал плечами, посмотрел на доктора и повторил то, что уже сказал Сайрусу:

– Мне он нравится.

– Ну вот, пожалуйста, – объявил мистер Мур, забирая у меня два чемодана. – Как там говорят, дети и собаки лучше всех судят о человеке, а, Крайцлер? Что-то я не припомню, чтобы в последнее время в этот список, расталкивая друг друга локтями, ломились алиенисты.

– Уверю вас обоих, мое опасение никоим образом не касается характера этого человека, – вмешался доктор. – Он кажется вполне откровенным и приятным – что уже весьма неплохо для юриста. Кроме того, я не утверждаю, что его затруднение несомненно умственного или эмоционального происхождения – существует ряд физических патологий, кои вполне могут быть тому причиной.

Мистер Мур кивнул:

– Ну вот и славно. Оставим тогда пока эту тему.

– Пока, – согласился доктор, забирая у меня свои чемоданы и осматривая мою шею и руки. – Господи милосердный, Стиви, – заявил он со смесью суровости и смеха в голосе. – Чем ты занимался? Непременно посетите перед обедом ванну, молодой человек.

Когда мы с Сайрусом перетаскали внутрь все сумки, я занял спальню на третьем этаже, с детектив-сержантами, и отправился в ванну умыться перед обедом. Шум бегущей воды отдавался от мрамора и плитки большой комнаты таким эхом, что я будто стоял у водопада: все в этом доме, казалось, было необыкновенно большим – даже напоминало пещеру, – и, вытирая лицо, шею и руки, я начал размышлять о тех, кто построил это жилище, и том, что с ними стало. Но, что довольно забавно, в этих размышлениях больше не было ни капли страха: каким бы огромным и таинственным ни выглядел дом, я понял – мистер Пиктон наполнил его несколько беспокойной, но дружелюбной энергией, и потому я перестал ощущать опасность.

Возвращаясь вниз, на первый этаж, в столовую, где уже собрались остальные, я провел рукой по массивным перилам лестницы и вдруг сообразил – они точно созданы, чтобы прокатиться. Не знаю, откуда у меня взялась эта мысль, знаю лишь, что это была первая действительно завлекательная идея, посетившая меня за прошедшие дни. Шаловливо и расслабленно как никогда я взобрался на перила площадки второго этажа, чуток оттолкнулся...

И через полторы секунды растянулся на полу центрального холла. Перила оказались еще лучше – то есть куда более скользкими, – чем я предполагал, и, вылетев с них, я на высокой скорости приземлился на ковер в холле, пронесся на нем по начищенному полу и с грохотом влетел в дверь. Остальные немедля выскочили из столовой, а на лице доктора отразился ужас.

– Стиви! – вымолвил он. – Какого дьявола...

– Ха! – завопил мистер Пиктон, выхватив трубку изо рта и с хохотом откинувшись назад. После чего подошел, чтобы помочь мне встать. – А казались не такими скользкими, а, юный Таггерт? Ну, не смущайтесь – со мной, когда я впервые попробовал, приключилось то же самое, а ведь было это всего несколько лет назад! Ничего не сломали, надеюсь? – Я покачал головой, чувствуя, как заливаюсь краской; но после открытого признания мистера Пиктона в такой же глупой выходке мне стало полегче. – Вот и славно! – продолжил он. – Тогда входите, и приступим к обеду. А потом я покажу вам пару трюков, которые позволят снизить скорость – и уберечь тылы!

Я проследовал за остальными в столовую, награжденный по дороге еще одним озадаченным взглядом доктора.

Мистер Пиктон настоял на сопровождении каждого из нас на отведенное место, а потом – и на том, чтобы доктор занял кресло во главе стола.

– Я прекрасно себя чувствую и в конце, – парировал он возражения доктора, – а это *ваше* расследование, и я не желаю, чтобы вы хоть на минуту усомнились в том, что я это понимаю. Нам предстоит провести немало времени в беседах за этим столом, и мне хочется, чтобы вы считали меня просто своим новым союзником – и учеником.

– Весьма любезно с вашей стороны, мистер Пиктон, – спокойно сказал доктор, внимательно и с любопытством изучая нашего хозяина.

Мистер Пиктон занял место в конце стола и позвонил в маленький колокольчик, на что в открывающихся в обе стороны дверях, ведущих из кухни, появилась миссис Гастингс. Она несла первые из множества блюд с едой.

– Все с наших местных ферм и ручьев, – пояснил мистер Пиктон. – И хоть и просто приготовлено, не менее аппетитно в своей скромности. Джон, там на боковом столике кое-какой приличный кларет, если ты не против налить. – Мистер Мур с готовностью последовал сему указанию, а мистер Пиктон посмотрел в мою сторону. – А для вас, юный Таггерт, у нас на кухне – целый запас рутбира, миссис Гастингс принесет вам бутылочку.

Джон говорит, что вы к нему равнодушны, и, признаюсь, я сам питаю к этой штуке слабость. – Оглядев стол, где остальные начали накладывать себе на тарелки цыпленка, форель, сладкий горошек, крохотную молодую морковь и картофельное пюре, мистер Пиктон поднял свой бокал. – Итак, я говорю всем – добро пожаловать! – Он сделал большой глоток, и серебристые глаза его широко распахнулись. – Ну, а теперь позвольте поведать, что мне известно о Либби Хатч...

Глава 29

– Она приехала сюда, – начал мистер Пиктон, накладывая еду себе на тарелку, – немногим более десяти лет назад, насколько я помню. Из Стиллиутера.

– Да, – кивнула мисс Говард. – Она указала его как место своего рождения в одной из тех больничных анкет, что мы видели.

– Неужели? – удивился мистер Пиктон. – Что ж, боюсь, это очередная ложь. Я проверил все официальные записи о рождениях в каждом городе этого округа. И Элспет Фрээр – так ее звали тогда – нигде не значилась. Однако она действительно какое-то время жила в Стиллиутере – правда, сколько именно, сказать не могу.

– И вы так и не выяснили при своем расследовании, где она родилась на самом деле? – слегка удивленно уточнил доктор.

– Вы исходите из допущения, что мне было позволено вести расследование, доктор. Дело Либби Хатч, ее убитых детей и этого призрачного негра так и не дошло до коронерской экспертизы: мой босс в то время не нашел оснований для попытки официального расследования или издержек на него – как и шериф.

– К сожалению, тут нет ничего необычного, – сказал Маркус. – Сомневаюсь, что хоть одно дело об убитых детях из двадцати проходит экспертизу coronera. Преступления эти слишком приватны – слишком сложно, черт побери, хотя бы понять, кто там что натворил.

Мистер Пиктон с интересом поднял взгляд:

– Чувствуется, у вас есть кое-какая юридическая подготовка, детектив.

Маркус как раз успел набить рот сладким маслянистым горошком, поэтому за него ответил Люциус:

– Маркус собирался стать юристом, когда нас привлекли к работе в полиции. А я подумывал о медицине.

– Понимаю, – улыбнулся мистер Пиктон с весьма заинтересованным видом. – Так вот, вывод ваш верен, хотя, надо сказать, цифры слегка занижены. Я был бы весьма удивлен, если бы действительно расследовалась хоть одна детская смерть из сотни. А когда белая женщина обвиняет в случившемся цветного мужчину... не сомневаюсь, мистер Монтроуз знает, сколь сильны на Севере расовые предрассудки. – Сайрус лишь слегка склонил голову, будто давая понять, что, пожалуй, слишком хорошо знаком с этим фактом. – Так что меня не очень-то и удивило, с

какой готовностью окружной прокурор и шериф приняли версию Либби. Что же до меня самого, то, признаю, я еще не ведал, какое значение в деле могло иметь прошлое этой женщины. Видите ли, доктор Крайцлер, я тогда еще не столкнулся с вашими трудами – с вашей теорией «контекста» – и сосредоточился должным образом лишь на косвенных уликах.

Доктор на это слегка пожал плечами:

– Косвенные и судебные улики бесценны, мистер Пиктон – потому-то мы так зависим от детектив-сержантов. Но бывают преступления, обладающие малым количеством таких подсказок, и их невозможно распутать, не изучив во всей глубине личную жизнь участников.

– О, *сейчас* я полностью с вами согласен, – ответил мистер Пиктон, приканчивая свою еду быстрыми мелкими движениями, словно животное или птица. – Но *тогда*, говорю вам, я, по сути, не был в курсе обстоятельств. Единственное, на мой взгляд, что могло доказать или опровергнуть заявление миссис Хатч, – это задержание того таинственного негра, и я неофициально настаивал на его розысках столь серьезно и долго, сколь это было возможно. Но по прошествии времени окружной прокурор приказал мне прекратить охоту и выкинуть дело из головы. Теперь, однако, я понимаю, что те немногие факты, кои я все же собрал о миссис Хатч за это недолгое время, могут оказаться некоторым образом значимыми.

– Весьма вероятно, – сказал доктор. – Детектив-сержант?

Люциус уже извлек свой маленький блокнот.

– Да, сэр. Я готов.

– Ага. И вот еще, мистер Пиктон... – Доктор прервался, чтобы отпить вина. – Нет ли в городе лавки, где мы могли бы купить доску, чтобы писать на ней мелом?

– Доску? – переспросил мистер Пиктон. – Какого размера?

– Как можно больше. И как можно скорее.

Мистер Пиктон обдумал вопрос.

– Нет... не думаю... – Потом его лицо прояснилось. – Минуточку. Миссис Гастингс! – Домоправительница явилась почти мгновенно. – Миссис Гастингс, не позвоните ли в школу? Скажите мистеру Куинну, что мне бы хотелось позаимствовать самую большую из его грифельных досок.

– *Грифельных досок?* – повторила миссис Гастингс, обходя стол, чтобы подлить вина в бокалы. – Во имя всего святого, чего ради вашей чести доска? И где нам *поставить* эту штуковину?

– Миссис Гастингс, пожалуйста, дело очень срочное, – настаивал мистер Пиктон. – И сколько раз мне повторять вам: я помощник окружного прокурора и дома, а не судья в зале суда – вам вовсе не обязательно

обращаться ко мне «ваша честь».

Миссис Гастингс хмыкнула, развернулась и направилась обратно в кухню со словами:

– Можно подумать, тупые присяжные тех мальчишек приговорили бы, не убеди вы их в этом! – И исчезла за дверьми.

Наш хозяин улыбнулся в своей обычной нервной, быстрой манере, подергивая себя за бороду и волосы.

– Кажется, нам удастся найти кое-что подходящее для вас, доктор... Итак! Возвращаемся к фактам прошлого Либби Хатч. Или по крайней мере к тем крупнякам, что мне удалось в итоге собрать. Как я уже говорил, когда она приехала сюда, звали ее Либби Фрэзер... Она пыталась братья в городе за любую работу, но ничего не выходило – слишком своевольной была, чтобы следовать правилам поведения на телефонной станции, слишком много позволяла себе судить о вкусах покупателей, чтобы удержаться продавщицей в отделе женской одежды в магазине Мошера, и не располагала никаким стоящим образованием, что сужало остающийся выбор до различного рода работ по дому. При этом она, похоже, считала *подобные* обязанности куда неприятнее прочих – она устроилась горничной, а потом потеряла эту работу в трех местах, не прошло и трех месяцев.

– Но при этом Вандербилт отзывался о ней только весьма положительно, – заявил мистер Мур.

– Да, я отметил это в твоей последней телеграмме, Джон, – отозвался мистер Пиктон. – Это удивительно. Может, она предприняла над собой усилие, или, может, просто позволила возобладать менее агрессивной части своей натуры – на время. В конце концов, большинство знавших эту женщину еще по Боллстону не считали ее злой, правда, – лишь чересчур заикленной на том, чтобы поступать и устраивать все по-своему. Впрочем, когда она пошла домоправительницей к старому Дэниэлу Хатчу, всем казалось, что эти повадки из нее повышибут. Он был местным скрягой – у большинства здешних жителей такой же характер. Жил в большом обветшалом доме за городом, один, не считая прислуги. Одевался в лохмотья, никогда не мылся – и, по слухам, деньгами у него в логове была набита каждая стена, нашпигована каждая подушка. Подлый был, что твоя змея, и домработниц гнал одну за другой, будто счет им вел. Но Либби с ним управлялась – и следующие годы потрясения не иссякали.

– Потрясения?

– Именно, доктор Крайцлер. Потрясения! Через считанные месяцы старый скупец и его домоправительница обручились. Свадьбу сыграли

спустя несколько недель. Впрочем, само по себе это, пожалуй, было не так уж и удивительно – Либби Фрэзер, пусть и разменяла уже тридцатник, была особой энергичной и привлекательной. Даже в некотором роде милашкой, несмотря на свое импульсивное поведение. А у Хатча, хоть он и был дряхлый старый козел, денег водилось немало. Но когда аккурат через девять месяцев после свадьбы появилось *дитя*... Хатчу-то уже *семьдесят три* стукнуло. А когда через тридцать месяцев за первой дочерью последовали два сына – сами можете вообразить, что за пересуды пошли в городе. Кто-то во всем этом усматривал десницу божью, а кто и сатанинские козни. А кое-кто из нас решил поближе присмотреться к их дому, пытаясь понять, нет ли у Либби Хатч злых намерений.

– *Злых намерений?* – переспросил доктор, удивленно поднимая брови дугой.

Мистер Пиктон рассмеялся и отодвинулся от стола, съев лишь половину со своей тарелки.

– Ох батюшки, – сказал он, встав и вновь бросив взгляд на часы, пока вытаскивал трубку из кармана сюртука. – Разумеется, вы против этого слова, не так ли, доктор Крайцлер?

Доктор пожал плечами.

– Не могу сказать, что я против него, – заметил он. – Оно просто кажется мне понятием сомнительным – из тех, что я никогда особо не употреблял.

– Потому как чувствуете, будто оно противоречит вашей теории контекста, – ответил мистер Пиктон, кивнув, и начав расхаживать вокруг стола, покусывая трубку. – Но, возможно, вы будете удивлены, узнав, что на этот счет я с вами не согласен, доктор.

– В самом деле?

– Да, в самом деле! Я принимаю ваше допущение касательно того, что человеческие действия нельзя в полной мере понять, не изучив контекста всей его или ее жизни. Но что, если подобный контекст породил человека, который попросту зол? Нечестив, вредоносен, угрожающ – это лишь часть определений у мистера Уэбстера⁴².

– Что ж, – проговорил Доктор, – я вовсе не уверен в том, что...

– Я не придерживаюсь чисто академических положений, доктор Крайцлер, – поверьте, это было бы существенно, окажись у нас возможность высказаться в зале суда! – Прекратив изучать наши тарелки, резко вертя головой, точно испуганный грызун, мистер Пиктон спросил: – Все наелись? Не возражаете, если я закурю? Нет? Хорошо! – Он зажег спичку о брюки и поднес к трубке тем же быстрым резким жестом. – Как

уже говорил, я знаю, что ищите вы именно объяснения преступного поведения, доктор, а не оправдания ему. И, как уже говорил, я восхищен вашим поиском. Но в таком деле, как это, и в таком городе, как этот, нам следует особенно тщательно выстраивать аргументы, чтобы они не привели к сочувственному отношению к Либби Хатч населения или присяжных. Потому что, поверьте мне, они и так будут склонны к подобному поведению, учитывая их несомненное будущее отторжение наших обвинений против нее. Любые психологические объяснения должны лишь подчеркивать мысль, что натура ее зла.

– Вы, кажется, вполне уверены в существовании зла, мистер Пиктон, – изрек доктор.

– В данном случае? Даже не сомневаюсь в этом! А когда я покажу вам кое-какие вещи – знаете, думаю, вы тоже в это поверите. – Достав часы и снова взглянув на время, хотя с последней проверки прошло не более пяти минут, мистер Пиктон удовлетворенно кивнул. – Хорошо же! Нам пора поторапливаться! На десерт, боюсь, времени не осталось – сладости вам будут позже, юный Таггерт, заодно с уроком катания на перилах! – Быстрым движением он отодвинул мой стул от стола, затем обошел его и проделал то же самое – хоть и поаккуратнее – для мисс Говард. Простерши руку к двери, он оглядел остальных: – Мы прогуляемся в суд, а потом поедem на восточную окраину. – Взгляд его остановился на главе стола. – И там, доктор Крайцлер, вы увидите и услышите нечто поразительное. О том, как одинокая женщина может сперва наложить злобное проклятье, а потом и чары сочувствия и симпатии на целый город. А когда вы познакомитесь с деталями – не говоря уже о результатах – ее методов и поступков, то, смею предположить, измените свое мнение касательно существования зла.

Наше любопытство определенно возросло, все встали, чтобы проследовать за мистером Пиктоном в двери, – и на выходе я отметил, что его возбужденная манера оказалась некоторым образом заразна, поскольку все мы начали двигаться и говорить намного быстрее и несдержаннее. Все мы, я имею в виду, кроме доктора, который спокойно и с любопытством прошел в холл, явно сосредоточившись мыслями на Либби Хатч, но в то же время обладая достаточным количеством энергии, чтобы, помимо того, пытаться понять загадку нашего хозяина.

Из размера домов на Хай-стрит в Боллстон-Спа вполне явственно следовало, что у местного высшего света улица эта была не одно поколение в большой чести. Были там здания даже поболее дома мистера Пиктона – те же, что поменьше, компенсировали сей недостаток своей стариной, а стилем попроще, но от того не менее изящным, навели на мысли о

деньках, когда белый человек впервые подчинил мощь Кайадероссерос своим денежным планам. Некоторые деревья вокруг домов поновее были молодыми, но имелись и массивные тенистые долгожители, кои свидетельствовали о возрасте этой земли, когда на ней начал строиться город, – и, изучая эти крепкие клены, дубы и вязы, я вновь начал с сожалением думать о том, что некогда прекрасному участку ландшафта суждено было превратиться в невзрачный маленький фабричный городок. И все же ощущение горечи и утраты делало это место до странного подходящим для разговоров о такой женщине, как Либби Хатч.

– Еще перед самым рождением второго ребенка, – сообщил мистер Пиктон, когда мы покинули двор, – Либби была той же непостоянной женщиной, какой ее все это время знали в городе. Но потом она внезапно переменилась – и всерьез. Будто превратилась в любящую мать и преданную жену, счастливую в том положении, какого большинство женщин худшему врагу не пожелают.

– Но ведь она могла, – пробормотала мисс Говард, – на самом деле быть не такой, какой казалась, мистер Пиктон? В конце концов, никому, кроме самой пары, не дано знать интимные стороны брака. Может, она и вправду выучилась заботиться о старике.

– Даже не слушай ее, Руперт, – вмешался мистер Мур. – Она лишь пытается дать рациональное объяснение браку своей подруги Нелли Блай и этой старой развалины Симена.

Знай мы все мистера Пиктона чуть получше, уверен, мисс Говард пришибла бы мистера Мура прямо на месте – на деле же она лишь бросила на него один из своих убийственных взглядов.

Мистер Пиктон слегка хихикнул:

– Сказать по правде, что-то во мне готово согласиться с вами, мисс Говард.

– Сара, – кивнула мисс Говард, с привычной резвостью меняя грозный вид на весьма пленительную улыбку. – Прошу вас.

Даже увлеченный своим рассказом, мистер Пиктон покраснел и чуть запнулся:

– О, я... я польщен! И вы должны звать меня просто Рупертом, Сара, – если, разумеется, имя вам по вкусу. Некоторым не нравится. Я отзываюсь почти на любое, Мур подтвердит. Однако я отвлекся! Да, Сара, если бы я мог поверить, что Либби Хатч и впрямь всерьез заботилась о муже или детях, дело это меня бы так не мучило. Но что вы мне скажете на следующие события? Примерно через два с половиной года после рождения второго сына настроения Либби *вновь* в одночасье изменились.

Сегодня – приятная обаятельная горожанка, которую люди постепенно начали признавать, а назавтра – обернулась старой собой. И даже хуже, на самом-то деле: она превратилась в хмурый и на вид отчаявшийся комок нервов. Ее, по-видимому, крайне терзала судьба старого сквалыги, коего она и только она научилась любить.

– Если у кого глаза на мокром месте, – пояснил мистер Мур, – так это у Руперта сарказм.

Хохотнув, мистер Пиктон кивнул:

– Ладно, признаю, я был и остаюсь чрезвычайным скептиком. Но позже я узнал, что на то имелись причины. Видите ли, старик Хатч страдал от затянувшегося недуга, за время которого приключились два тяжелых приступа. Когда же я начал составлять хронологию того периода, то обнаружил, что упомянутые изменения в настрое Либби *предшествовали* обострениям болезни. Так что терзала ее отнюдь не тревога о здоровье мужа.

– Мистер Пиктон, – вмешался Маркус, задавая вопрос, вертевшийся в голове у каждого из нас, – а что это за «приступы» случились с мистером Хатчем?

Мистер Пиктон улыбнулся:

– Да, детектив. Приступы эти были *сердечными*. – Пока все мы в тишине переваривали эту новость, хозяин наш остановился и полез в карман пиджака. – После получения твоих посланий, Джон, я отправился в старый дом Хатча. Он сейчас уже рушится, а сад чудовищно зарос. Но я смог разыскать это...

Из кармана мистер Пиктон извлек увядший, но все же весьма узнаваемый цветок.

– *Digitalis purpurea*, – тихо объявил Люциус. – Наперстянка пурпуровая.

– О, убить его оказалось *нелегко!* – отвечивал мистер Пиктон тоном почти возбужденным. – Хатч был сильным старикашкой, а вы, детектив, не сомневаюсь, знаете, что дигиталис влечет множество побочных токсических эффектов, если употребляется в дозах, недостаточных для смертельной гиперстимуляции сердца.

Мы вновь зашагали, и Люциус кивнул:

– Тошнота, рвота, нерезкое зрение...

– Он цеплялся за жизнь почти с той же силой, что и за свои деньги, – продолжал мистер Пиктон с прежней энергичной интонацией. – Прошло около трех месяцев, пока ей не удалось, наконец, напичкать его достаточным количеством этой штуки так, что не заметил никто из слуг. –

На этих словах улыбка мистера Пиктона сникла, а голос понизился. – Противный старый бедняга. Никому такого не пожелаешь.

– И миссис Хатч так ни в чем и не заподозрили? – спросил Доктор.

Мистер Пиктон покачал головой:

– Нет. Памятуя о том, как она всегда относилась к своему мужу, – нет. Но, как выяснилось, Хатча ей все же не удалось одурачить в той же степени, что и большую часть города. По завещанию ей не досталось практически ничего.

– Кому же он все оставил? – осведомился мистер Мур. – Детям?

– Именно, – отозвался мистер Пиктон. – В доверительной собственности до достижения ими совершеннолетия. Доверителем же он назначил местного мирового судью – а не свою жену. Либби предстояло получать лишь суммы, достаточные для поддержания семьи. Похоже, Хатч ближе к кончине начал всерьез о чем-то жалеть. Но действия его были глупы – ведь такое распоряжение имуществом лишь подвергало детей ужасному риску.

– Потому как случись с ними что, – продолжила мисс Говард, – состояние перешло бы к ней?

– Да, – воскликнул мистер Пиктон. – И, несмотря на вероятное ожесточение, полагаю, даже Хатч не знал, на что в действительности способна его жена. Ага – вот мы и здесь!

Мы оказались перед фасадом того, что, как позже сообщил мистер Пиктон, называли «новым» зданием суда, поскольку пользоваться им начали меньше десяти лет назад. Это было не особо примечательное строение – просто большая каменная глыба с остроконечной крышей и квадратной башней, вздымающейся в одном из углов, – но мне показалось, что как бы там архитекторы себе ни представляли сию конструкцию, в качестве тюрьмы она оказалась бы вне конкуренции: стены чудовищно толстые, а решетки на окнах камер в цоколе выглядели достаточно крепкими, чтобы удержать даже бывалого беглеца.

– Что ж, если повезет, вскоре здесь и будет наше поле битвы! – сообщил мистер Пиктон, глянув на один из четырех циферблатов, расположенных на каждой стороне башни, и вытащив свои часы, дабы свериться с большим указателем времени. Потом его серебристые глаза обвели нашу группу, словно, как мне показалось, снимая мерку с каждого из нас по очереди. После этого он улыбнулся: – Хотелось бы мне знать, понимаете ли вы, во что ввязались...

Мистер Пиктон поднялся по ступенькам здания суда и открыл для нас дверь – и, пока мы, не говоря ни слова, гуськом проследовали внутрь,

продолжал улыбаться, так и не сказав, чему.

Внутренности Боллстонского суда более чем компенсировали заурядный внешний вид здания. Стены главного холла состояли из камней, чередовавшихся по виду и цвету и составлявших привлекательные узоры, а окна – вдвое выше обычного – были обрамлены темным дубом, основательно отполированным, как и большие двери красного дерева, что вели в главный зал суда, расположенный в дальнем конце, и в маленькую комнату слушаний по левую сторону. Солнечный свет падал на мраморный пол с нескольких различных направлений, первую площадку мраморной лестницы, ведущей наверх в служебные помещения, украшало великолепное полукруглое окно, а вдоль перил располагался ряд железных светильников мастерской работы. С краю этого внушительного пространства размещался пост охранника, и мистер Пиктон окликнул крупного мужчину, что стоял там, читая городскую газету – «Боллстон Уикли Джорнал»:

– Добрый день, Генри.

– Добрый день, мистер Пиктон, – ответил мужчина, не поднимая глаз.

– Эгги принесла те папки из канцелярии? – спросил мистер Пиктон, ведя нас к лестнице.

– Да, – кивнул тот. – Сказала, что вы, похоже, намерены отыскать того черномазого, кото... – Внезапно мужчина осекся, подняв взгляд и увидев рядом с мистером Пиктоном Сайруса. Маленькие глазки охранника расширились до предела, он в смущении потер макушку своей вытянутой головы. – Того... э-э... парня, что застрелил детей миссис Хатч. Сказала, что... вы, похоже, намерены снова его отыскать.

Мистер Пиктон остановился у подножия мраморной лестницы. Он будто на какую-то секунду разъярился, но затем взял себя в руки, вздохнул и произнес:

– Генри?

– Да, мистер Пиктон, сэр? – вымолвил охранник.

– Мистер Монтроуз поработает со мной немного.

– Правда, мистер Пиктон?

– Да. Так что, Генри, подыщи-ка другое слово. Сомневаюсь, что тебе понравилось бы, если б я входил сюда каждый день и объявлял: «Доброе утро, Генри, тупоголовое ты отребье!»

Лицо охранника перекошилось, точно морда побитой собаки.

– Нет, сэр. Не понравилось бы.

– Я так и думал, – проговорил мистер Пиктон, развернувшись и продолжив подъем по ступеням. Когда мы очутились на втором этаже, он

обратился к Сайрусу: – Мне *очень* жаль, мистер Монтроуз.

– Вполне обычное дело, сэр, – ответил Сайрус.

– Да, и не очень полезное в нашем случае, при всей своей заурядности, – пробормотал мистер Пиктон с очередным глубоким вздохом. – Такой *старомодный на вид* городок, не так ли?

Коридор второго этажа был не столь велик, как большой вестибюль внизу, но на вид ничуть не менее приятен. Ряд полированных дубовых дверей вел к входу на галереи главного зала суда. Мы быстренько заглянули в последнее помещение – суд в тот день не заседал; и хотя роскошества здесь было поменьше, чем в большинстве нью-йоркских судов, завсегдаем которых я побывал, этот зал выглядел привлекательно: со скамьями вишневого дерева для зрителей в зале и на галереях, и высоким судейским местом из того же превосходного материала. Посмотрев вниз, я начал осознать, что в этом самом месте мы, возможно, и призовем золотоглазую женщину со множеством имен к ответу за убийство бог знает скольких детей, – а когда нервы мои задрожали от этой мысли, я начал понимать, и почему мистер Пиктон дивился, в самом ли деле мы готовы ко всему, что может стрястись за время этого определенно спорного и, скорей всего, весьма непопулярного процесса.

Кабинет мистера Пиктона размещался на другом конце коридора напротив дверей на галереи, за углом от куда как больших апартаментов окружного прокурора. Будучи лишь помощником прокурора, он располагал всего двумя комнатами, одна из которых была маленьким помещением для секретаря (хоть он и предпочитал работать без оного), а вторая, за толстой дубовой дверью, представляла собой пространство попросторнее, с видом на железнодорожные пути и станцию у подножия холма. В кабинете имелся массивный письменный стол с убирающейся крышкой и обычное для любого юриста бесконечное количество сводов законов и папок, разбросанных по всей комнате, казалось, в полной неразберихе. Но едва мы вошли, мистер Пиктон начал извлекать нужное столь резво, что стало ясно – в этом бедламе он ориентируется превосходно.

– Расчистите себе место, где сможете, – кивнул он нам. – Боюсь, я слишком рьяный приверженец того принципа, что порядок в кабинете свидетельствует о беспорядке в мозгах. И наоборот.

– Аминь! – провозгласил мистер Мур, быстро скидывая книги с большого кожаного кресла, и плюхнулся в него, не оставив другим ни шанса.

Продолжая просматривать какие-то папки у себя на столе быстрыми движениями, делающими его похожим на вора-домушника за работой,

мистер Пиктон вдруг заметил, что мисс Говард по-прежнему стоит, и несколько смущенно указал на дальнюю комнату.

– О, прошу прощения, Сара. Там есть еще стулья. Мур, свинья ты этакая, выметайся отсюда и дай Саре сесть!

– Ты ее еще не знаешь, Руперт, – отозвался мистер Мур, устраиваясь поудобнее. – Сара презирает уважение к своему полу.

Сайрус притащил снаружи дубовый стул.

– Прошу вас, мисс Говард, – проговорил он, ставя его перед ней.

– Спасибо, Сайрус, – изрекла мисс Говард, и, сев, резко пнула мистера Мура в голень.

Тот взвизгнул и подскочил:

– Черт подери, Сара! Я такого обращения больше *не потерплю!* Я серьезно! Сейчас же отправлюсь в Саратогу и начну играть, а ты со своей сеньорой можешь хоть сквозь землю провалиться!

– Видите, мистер Пиктон, – произнес доктор, бросив на мистера Мура резкий предостерегающий взгляд, – у нас довольно необычная манера расследования. Но не вернуться ли к истории, если вы не против?

– Ну конечно, доктор. – Мистер Пиктон передал ему папку. – Это отчет шерифа о происшедшем. Звали его шериф Джоунз. Позже ушел в отставку.

Доктор начал быстро читать документ, а мистер Пиктон – пересказывать его содержание остальным, причем тоном не просто взволнованным, но наводящим на мысли о сценическом мастерстве, на которое этот человек, похоже, был способен в зале суда:

– Миссис Хатч заявила, что вечером 31 мая 1894 года она направлялась на семейной подводе домой, проведя день за покупкой провизии и садового инструмента в городе, а потом захватила детей на озеро Саратога посмотреть закат. Около половины одиннадцатого вечера, по ее прикидкам, на Чарлтон-роуд примерно в полумиле от ее дома из кустов на дорогу выскочил цветной мужчина, вооруженный револьвером, и потребовал, чтобы она сошла с подводы. Она отказалась и попыталась быстро тронуться с места. Но мужчина вскочил на сиденье возницы и вынудил ее остановиться. Потом, завидев детей, он сказал, что, если миссис Хатч не сделает, что ей велели, он застрелит всех троих. Тогда, практически на грани истерики, она согласилась последовать его приказам... Он велел ей сойти с подводы и снять одежду. Она так и поступила. Но, снимая нижнее белье, замешкалась, очевидно, тем самым заставив этого человека решить, что собирается не то бежать, не то схватить оружие. Мужчина закричал: «Вшивая белая сучка – это будет на *твоей* совести!», и выстрелил в детей. Томас и Мэтью – трех и четырех лет

от роду, соответственно – умерли мгновенно. Клара, пяти с половиной лет, выжила, хотя и впала в кому. Мужчина же после стрельбы соскочил с подводы и метнулся в лес, оставив теперь уже обезумевшую миссис Хатч сперва заботиться о детях, а когда стало ясно, какой жутью все на самом деле обернулось, – как можно быстрее направляться домой. Вызвали доктора Лоуренса, одного из наших врачей, подменяющих городского coronera. Но он сделать ничего не смог. Клара Хатч выжила, но сознание к ней какое-то время не возвращалось. Когда же это произошло, оказалось, что она утратила способность говорить и к тому же не может управлять правой рукой.

В комнате повисла странная тихая печаль (но не удивление), сопровождаемая царапаньем, с которым Люциус набрасывал свои заметки. Потом доктор спросил:

– Девочке попали в голову?

Вопрос, похоже, весьма порадовал мистера Пиктона.

– Нет, доктор. Пуля вошла в верхнюю часть грудной клетки и по восходящей вышла через шею.

– Но... это просто ерунда какая-то, – тихо проговорил Люциус.

– Как и великое множество прочих вещей, детектив, – ответил мистер Пиктон. – Следующий наш раздел, – он передал доктору новую папку, – отчет доктора Лоуренса. Когда тот прибыл, миссис Хатч и ее горничная уже внесли детей внутрь. Миссис Хатч пребывала в состоянии истерической дистракции, поочередно пытаясь то привести в чувство мальчиков, то начиная носиться по дому – по *каждой комнате* в доме, включая и комнату ее покойного супруга, – с бессвязными криками. Лоуренс быстро определил, что Томас и Мэтью мертвы, а Клара – в безнадежном состоянии. Он сообщил все это миссис Хатч, вызвав тем самым еще больший припадок. Она заявила доктору – и я хочу, чтобы детективы отметили сие особо, – что муж ее всю жизнь держал под подушкой револьвер, и она никогда не убирала его оттуда после смерти Дэниэла. Но теперь, по ее словам, она просто боится, что может схватить оружие и что-нибудь сотворить с собой, столь велико ее горе и вина за нападение на детей. Лоуренс немедленно дал женщине настойку опия, дабы та хоть как-то взяла себя в руки, и велел горничной – миссис Луизе Райт, вдове, взявшей в свои руки бразды правления домом после женитьбы Либби и Дэниэла Хатча, – принести револьвер из комнаты мистера Хатча и избавиться от него. Потом он сделал все, что мог, для Клары и послал в Саратогу за специалистом-хирургом.

– А составил ли он отчет с подробным описанием самих ран? –

спросил Люциус, все еще продолжая писать.

– Да, – кивнул мистер Пиктон, передавая очередную папку. – Каждому из детей стреляли в грудь. У мальчиков пули попали в сердце, а у Клары, повторюсь, пуля прошила под углом верхнюю часть грудной клетки и шею, задев на выходе позвоночник.

– А расстояние, с которого стреляли? – осведомился Маркус. – Не рискнул ли он высказать свое предположение на этот счет?

– Да, – отозвался мистер Пиктон, вновь удовлетворенный верно заданным вопросом. – Стреляли в упор. На одежде и коже были пороховые ожоги.

– А где именно находились дети во время нападения? – вымолвила мисс Говард.

– Этого Лоуренс не потрудился узнать, – проворчал мистер Пиктон, подхватив еще одну папку. – Как, впрочем, и шериф Джоунз. Они, как видите, приняли всю историю целиком за чистую монету. Но Джоунз протелефонировал мне домой и попросил меня приехать – абсолютно полагая, что я тоже куплюсь на сказку миссис Хатч.

– А вы не купились? – уточнил Доктор.

– Нет-нет, – покачал головой мистер Пиктон. – Видите ли, я... несколько раз *встречал* Либби Хатч с тех пор, как вернулся в Боллстон-Спа. Там, за Бат-стрит, пресвитерианская церковь, видите? – Он показал в окно; мы выглянули и бегло осмотрели крупное увенчанное шпилем строение, постарше прочих церквей на Хай-стрит и не такое роскошное. – Там они с Хатчем поженились, там и посещали службы. Я иной раз выходил прогуляться воскресным утром, когда из церкви шли люди, и в итоге нас представили друг другу общие знакомые. – Мистер Пиктон замолк и оглядел мужчин. – Мне не нужно объяснять вам, что собой представляет встреча с Либби.

– Нет, не нужно, – заверил мистер Мур, по телу которого пробежала дрожь. – Но что ей могло понадобиться от *тебя*, Руперт?

– Я пренебрегу оскорблением, подразумеваемым в твоём вопросе, Джон, – скажу лишь, что сам был озадачен её кокетливым, соблазняющим поведением. Но, оглядываясь назад, понимаю: она надеялась выторговать себе безопасность, когда наступит неизбежный кризис.

– Кризис? – помедлил Маркус.

– Смерть Хатча. Думается, она планировала убить его уже тогда и прикрывала себе тылы – стараясь обзавестись дружеской поддержкой в конторе окружного прокурора, в опаске, что нам придется расследовать эту смерть, когда сие произойдет. И метод её, вынужден признать, был хорошо

продуман – по крайней мере беспристрастно. Ее беседа со мной проходила в расспросах о делах в прокурорской конторе и этих застенчивых, соблазнительных замечаниях, коими она пыталась очаровать вас, джентльмены. – Мистер Пиктон прервался, глядя в окно на церковь. – Но в моем случае она просчиталась...

– Неужели? – осведомился доктор, чувствуя, что вот-вот получит полезные крупницы сведений о мистере Пиктоне. – И почему же?

– Ну, доктор, – отвечал мистер Пиктон, вновь поворачиваясь к нам. – Понимаете, я несколько выше этих вещей. Значительно выше. – На какое-то мгновение его внимание будто рассредоточилось. – Слишком много подобного навиделся... – Он резко встряхнулся. – Как и любой, кому довелось послужить в нью-йоркской конторе. Да, боюсь, что был в состоянии определить подлинную натуру Либби Хатч с самого начала!

Я видел, что доктор принял это последнее утверждение на веру, но видел также, что он не поверил в полноту объяснения мистера Пиктона. Однако мистер Пиктон еще не знал доктора настолько хорошо, чтобы понимать это самому, поэтому он лишь продолжил свой рассказ:

– Сомнения насчет смерти Дэниэла Хатча появились у меня, как только она в конце концов приключилась, но никакого способа подтвердить их не было. Доктор Лоуренс указал причиной смерти некое невыясненное сердечное заболевание, несмотря на отсутствие у старика какой бы то ни было предыстории подобного недуга. И на этом все, с точки зрения окружного прокурора. Но когда напали на детей – что ж... Мне хотелось как следует удостовериться, что мы располагаем всеми сведениями. Поэтому я сам поехал к Хатчам для проведения опроса. Это была отвратительная картина, скажу я вам, – повсюду кровь, бедная маленькая Клара... но Либби уже успокоилась от настойки опия, так что я решил все же разжиться кое-какими подробностями. По ее словам, дети ехали в кузове вместе с садовыми принадлежностями. Спиной они сидели к месту возницы и передней стенке кузова, а Клара держала малыша Томаса. Либби заявила, что велела им при появлении нападающего оставаться на местах, и они повиновались.

– Что означает, – заявил Маркус, – что у «нападающего» должны были быть изрядно длинные руки.

– Да, – согласился мистер Пиктон. – Или она ошибалась, или лгала. Никому не под силу дотянуться прямиком с кучерского сиденья такой подводы и выстрелить в упор в грудь трем детям, которые находятся ниже в кузове и смотрят в противоположном направлении. А даже если он и умудрился выдержать угол, хотя бы один ребенок из оставшихся, без

сомнений, дернулся бы после первого же выстрела, что исключает расстрел в упор всех троих. Затем был вопрос, почему этот человек не убил и Либби – в конце концов, она одна четко видела его лицо. Она объяснила, что он, очевидно, сумасшедший, а сумасшедшие сами не ведают, что творят, – ответ не из тех, что внушают массу доверия. Впрочем, больше всего настораживало ее отношение к Кларе. Она словно без малейших затруднений горевала над телами мальчиков, обнимала их, целовала – но при этом едва могла приблизиться к дочери, а за ее постоянными расспросами доктора Лоуренса о том, вернется ли к девочке сознание, похоже, крылся целый спектр чувств. Горе, на мой взгляд, было из них не самым сильным. Весьма очевидной казалась вина – впрочем, ее можно было отнести на неспособность уберечь детей. Но, как мне показалось, присутствовал и страх.

– Шериф организовал поиски? – уточнил мистер Мур.

– Незамедлительно. Добровольцев подняли без труда, район всю ночь и следующие дни прочесывали с собаками. Проводили опросы во всех ближайших городах, а людей, хорошо знающих местные холмы, – обычно они с неохотой ввязываются в такие дела, – убедили проверить все укрытия в горах. Дело вызвало бурю переживаний. Но, как я уже говорил, никаких следов этого человека не нашли.

– А что же с деньгами? – осведомилась мисс Говард. – Наверняка кто-то еще, кроме вас, учитывал тот факт, что миссис Хатч смерть детей была бы на руку?

– Вы бы так и подумали, Сара, верно? – ответил мистер Пиктон. – Но, боюсь, вы совершили бы ошибку. Я поднял эту тему лишь единожды, при окружном прокуроре. Он сообщил мне, что если я желаю совершить профессиональное самоубийство, преследуя эту версию, то могу продолжать – но при этом не получу ни от него, ни от остальных в конторе никакой помощи! В последующие месяцы я делал все, что мог – проверял документы округа, писал письма... Но Либби покинула Боллстон спустя какие-то недели, уехала работать к Вандербилтам в Нью-Йорк. Ведь здесь у нее не было никаких стоящих перспектив – во всяком случае, никаких, что подошли бы женщине с ее беспокойной и амбициозной натурой. Лишь маленькое пособие, ветхий старый дом, и дочь, чье выздоровление обещало быть долгим и болезненным, требующим постоянного заботливого внимания.

– С учетом всего этого, – вмешался доктор, – на чьем попечении осталась дочь?

– Одной пары, проживающей на Мальта-роуд, – ответил мистер

Пиктон, вновь извлекая часы и глядя на них. – За несколько лет они приютили пару сирот, и с готовностью согласились присмотреть за Кларой. В скором времени они нас ожидают.

Доктор, казалось, был слегка удивлен этим, но в то же время доволен.

– И, разумеется, нет никакого противоречия в том, – кивнул он, – что миссис Хатч желала избежать самостоятельной заботы о ребенке. Но скажите мне: не заверили ли ее доктора при отъезде в том, что Клара никогда уже не заговорит?

– О да, в самом деле! – отозвался мистер Пиктон. – Они сочли это невозможным, хотя даже я недоумевал, почему ранение шейного отдела позвоночника повредило способность к речи. Но местные доктора не из тех, кого можно назвать блестящими, – или, в некоторых случаях, хотя бы компетентными. – Мистер Пиктон захлопнул крышку часов и убрал их. – Впрочем, нам и вправду надо поторапливаться, – сообщил он, направляясь к двери. – Боюсь, что Вестоны – та самая пара – не хотят, чтобы посетители напугали Клару, поэтому я сказал, что привезу только вас, доктор. Девочка до сих пор слишком хрупка эмоционально, чрезвычайно стесняется чужаков – да и вообще всех людей, на самом-то деле. Надеюсь, вы все не будете против.

– Нет, – заявила мисс Говард, – это все прекрасно понятно.

– Мы вернемся ко мне и возьмем коляску, – сказал мистер Пиктон доктору. – А что до остальных – совсем неподалеку имеется прокат экипажей, они сдают внаем упряжки по весьма разумным ценам. В конце концов, вам еще очень многое предстоит увидеть и сделать.

– Несомненно, – согласился Люциус. – А есть ли вероятность получить сегодня грифельную доску?

– Прибудет к вечеру, самое позднее, – заверил мистер Пиктон.

– А что насчет старого дома Хатча? – напомнил Маркус. – Не говоря о подводе и револьвере – что случилось с ними?

– Дом и земля доступны для осмотра. Мистер Вули из проката экипажей сможет указать вам, как туда добраться – это совсем не сложно. Подвода по-прежнему в сарае, хотя, боюсь, разваливается на части. А что касается оружия, здесь все чуток посложнее. Да, именно, чуток посложнее. Миссис Райт сказала мне, что завернула его тогда и выкинула в пересохший колодец, в сотне ярдов ниже по склону, за садом. Вам, вероятно, захочется прихватить документы. – Он вручил стопку папок Маркусу. – В дороге сможете изучить подробности.

– И вот еще что, пока мы не ушли, – помедлила Сара. – Дети... не знаете случайно, не приглядывала ли за ними в младенчестве нянька-

кормилица?

– Кормилица? – замешкался мистер Пиктон. – Нет, я не знаю. Впрочем, выяснить будет не слишком трудно – миссис Райт до сих пор живет в городе. Но зачем, Сара?

– Я просто пытаюсь объяснить возраст детей. Если они пережили грудной возраст, на то должна быть причина.

Доктор Крайцлер кивнул на это и последовал за мистером Пиктоном в холл:

– Звучит разумно. Уверен, миссис Гастингс расскажет, как связаться с домоправительницей Хатчей, Сара. А теперь, мистер Пиктон, касательно нашего визита. Я несомненно понимаю деликатность ситуации, но мне, тем не менее, хотелось бы, чтобы нас сопровождали Сайрус и Стиви. Если вы не возражаете.

Мистер Пиктон замер на верхней площадке мраморной лестницы, неловко переводя взгляд с Сайруса на доктора:

– Доктор Крайцлер... мистер Монтроуз... я не желаю показаться грубым, но... вы, разумеется, представляете себе риск...

– Да, – твердо сказал доктор. – И если, что маловероятно, история миссис Хатч окажется правдой, мне за многое придется ответить.

– Что ж... – Мистер Пиктон начал спускаться по лестнице неповоротливой для него походкой, хотя по-прежнему двигался при этом быстрее любого из нас. – Хорошо, но... – Он обернулся к нам с Сайрусом. – Предупреждаю вас обоих, положение и впрямь крайне непростое. Поймите, я должен уважать чувства Вестонов, да и Клары тоже – мы с ней, бедняжкой, неплохо подружились, – и мне бы не хотелось, чтобы вы приехали со мной, а потом вынуждены были дожидаться в коляске...

Доктор нагнал мистера Пиктона и положил руку ему на плечо.

– Успокойтесь, мистер Пиктон, – сказал он, слегка улыбнувшись. – Думаю, это вряд ли понадобится. – Доктор еще на мгновение задумался, потом продолжил спускаться: – Нет, думаю, это вообще не понадобится.

Глава 30

Вернувшись в дом мистера Пиктона и сев в его экипаж, мы отправились на ферму Вестонов, на восточную окраину города, где Сайрус (вызвавшийся править коляской), следуя указаниям мистера Пиктона, вывез нас на Мальта-авеню, названную так из-за того, что в итоге она превращалась в дорогу, ведущую в город с тем же названием. Лишь только мы благополучно выбрались на эту оживленную улицу, мистер Пиктон принялся расспрашивать о деле Линаресов и обо всем, что с нами происходило в последние недели в Нью-Йорке. Доктор едва поспевал за потоком его вопросов – в особенности еще и потому, что, несмотря на бешеную скорость, все они били точно в цель.

За городом леса и фермы вновь завладели окружающими предместьями – и, глядя, как они проплывают мимо в послеполуденном свете, я пытался представить сцену ограбления и убийства, случившегося, по заявлению Либби Хатч, на дороге, навряд ли сильно отличавшейся от той, по которой мы сейчас проезжали. Пейзаж был прекрасен, переливался золотом и зеленью, точно долина Гудзона в июле – но все равно было нетрудно вообразить насилие, обезобразившее сие место, эти одинокие дороги, грунтовые проселки, ведущие из одного маленького городка в другой, со случайными фермерскими домами в качестве единственных признаков цивилизации. Умный преступник смог бы запросто жить за их счет. Но в рассказе Либби Хатч имелись подробности, как-то не укладывавшиеся в представление об умном преступнике. Даже с учетом отдаленной местности все эти штуки насчет предполагаемого нападения были лишены смысла, в особенности для того, кто, как и я, провел изрядно времени среди убийц, воров и насильников.

Зачем, к примеру, «нападающий» прекратил свою атаку, поняв, что у миссис Хатч на самом деле нет оружия? Зачем убил детей, которые не смогли бы его опознать, а не женщину? А если он и *впрямь* был настолько тупым или не в себе, что оказался способен на такое, то как же это он внезапно поумнел настолько, чтобы укрыться от множества поисковых отрядов, которые разыскивали его дни напролет? Нет, даже мне было яснее ясного – Либби Хатч рассчитывала, что после ее байки горожанами завладеют чувства, а не разум, и на самом деле она была права, во всяком случае – пока. Но пока – это лишь до поры до времени...

Ферма Вестонов оказалась скромным, но успешным хозяйством,

расположенным прямо у дороги, ведущей в Мальту, в полутора милях от Боллстон-Спа. Они держали молочных коров и цыплят и выращивали овощи на продажу летом и осенью. Мистер Пиктон сообщил нам, что своих детей пара эта родить так и не смогла, а когда после двух трагедий в городе – крушения поезда и незаконных родов – без родителей остались двое детишек, Вестоны приняли их в свою семью. Выращивая их, пара совершила столь доброе и щедрое дело, что мистер Пиктон подумал о них сразу же после того, как стало ясно, что Либби Хатч, похоже, не собирается оставаться и заботиться о маленькой Кларе. Когда мы подъехали ближе к съезду с основной дороги, ведущему к прямоугольному, обшитому досками сельскому дому Вестонов, мистер Пиктон заметил, что с мистером и миссис Вестон мы можем говорить свободно, но при детях со словами стоит быть поосторожнее: они не в курсе всех подозрений мистера Пиктона по делу Хатч, а зная, как распространяются слухи и новости в столь маленьком городке, нельзя позволить им ничего выяснить, пока мы сами не будем готовы предать все полной огласке.

Вслед за этим предупреждением мистер Пиктон нетерпеливо осведомился, почему доктор так настаивал на моем присутствии во время этого визита.

– Надеюсь, вы простите мне мой вопрос, доктор, – сказал он. – И вы тоже, Стиви. Я, конечно, понимаю, сколь важной может оказаться реакция Клары на мистера Монтроуза...

– Если, разумеется, – вмешался доктор, – Вестоны не вызвали у нее предубеждения на сей счет.

– О нет, вовсе нет, – быстро ответил мистер Пиктон. – Я довольно часто приезжаю навещать Клару. Говорю вам, Вестоны знают о моих подозрениях насчет Либби, и хотя вслух этого никогда не говорили, думаю, годы заботы о ее дочери заронили в их сердце сомнения в честности этой женщины. – Он прервался и покосился на меня. – Но Стиви – какова *его* роль?

Доктор посмотрел на меня с улыбкой:

– Стиви, хоть сам он этого признавать и не желает, обладает уникальным ободряющим влиянием на встревоженных детей. Я много раз наблюдал это у себя в Институте. К тому же, подозреваю, если с нами будет хотя бы один невзрослый, мы покажемся не столь пугающими.

– Понимаю... – проговорил мистер Пиктон.

– Скажите-ка мне вот что, – продолжал доктор, – она действительно не произнесла ни слова с момента нападения? Ни звука?

– Звуки временами были, – вздохнул мистер Пиктон. – Но слова –

никогда.

– А что с письменным общением?

– Столь же безуспешно. Мы знаем, что она на это способна, – миссис Райт, домоправительница, выучила ее основам чтения и письма. Но после нападения Клара никак не проявляла свое умение. Доктор Лоуренс и его коллеги списали все на повреждение позвоночника. Вы, возможно, не поверите, доктор, но они действительно говорили мне, что подобное ранение, должно быть, косвенным образом сказалось на всей нервной системе!

Доктор чуть не сплюнул от возмущения:

– Идиоты!

– Да, – подтвердил мистер Пиктон. – Да, должен сказать, они никогда не проявляли особого рвения в этом вопросе. Да и сам я преуспел ненамного больше. Всеми мыслимыми способами старался добиться, чтобы она сказала мне что-нибудь, *хоть что-то* о происшедшем. Но тщетно. Надеюсь, у вас имеется опыт общения с людьми, страдающими подобными расстройствами, доктор, потому что эта девчушка – случай не из легких.

Мы с Сайрусом быстро покосились друг на друга, потом я развернулся и уставился прямо перед собой. Мистер Пиктон, конечно же, не мог понимать, что он только что сказал, – не мог знать, какую горькую радость доктор в самом деле *испытывал*, когда ему удавалось достучаться до людей – и, в частности, до одного особенного человека, – которых списали со всех счетов как неспособных общаться с миром. Потерянная любовь доктора, Мэри Палмер, страдала тем же самым расстройством, и его попытки найти способ общения с нею стали началом их связи, длившейся до самой ее смерти.

– Я... думается, знаю кое-какие методы, могущие сработать, – вот и все, что вымолвил доктор.

– Очень на это надеялся, – сказал мистер Пиктон. – В самом деле, очень надеялся. Да, и еще одна просьба, доктор: когда встретитесь с Кларой, обратите внимание на ее цвет.

– Ее цвет? – переспросил доктор.

– Глаза, волосы и кожу, – кивнул мистер Пиктон. – По дороге домой расскажу вам об этом весьма интересную штуку...

Пока экипаж катился по длинной подъездной дорожке к дому Вестонов, мы заметили мужчину средних лет, с мускулистыми руками, и мальчика на вид чуть постарше меня, стоящих на краю пастбища, что расположилось между домом и ручьем, бегущим от подножия высокого

лесистого холма поодаль. Они сражались с участком колючей проволоки, пытаясь заделать в нем прореху. По другую сторону дома был большой огород, который пропалывали девушка лет семнадцати-восемнадцати и женщина постарше. Как и мужчина с мальчиком, одеты они были в изношенное фермерское платье и делу своему предавались с решимостью энергичной и одновременно чуть-чуть разочарованной. Подобное отношение я спустя несколько лет встречал у многих похожих фермеров: поведение людей, вынужденных бороться против всего, что насылают на них Природа и человеческое общество, лишь чтобы свести концы с концами, но при этом питающих странную любовь к жизни, столь близкой к земле.

Был там и пятый член этой маленькой семьи – девочка, которой, как я уже знал, еще не исполнилось девяти лет, и которая, казалось, не чувствовала себя в окружающей мирной сцене столь же уютно, что и остальные. Ее платье не предназначалось для работы: ребенок ее возраста, даже будь у него здоровы обе руки, не справился бы с физическим трудом, требующимся в подобном месте, и даже издали было очевидно, что у этой девочки не действует одна из верхних конечностей. Она просто сидела на краю сада с куклой и чем-то вроде большой стопки бумаги на коленях, ее здоровая левая рука вновь и вновь водила по бумаге каким-то приспособлением не то для письма, не то для рисования.

Запах навозашибанул нам в нос за пятьдесят ярдов от дома, расположенного бок о бок с большим коровником из красного кирпича. Завидев нашу приближающуюся упряжку, все пятеро обитателей легким шагом двинулись к нам, оторвавшись от своей работы; маленькая девочка шла медленнее и осторожнее остальных, и женщина была вынуждена слегка ее подталкивать. Когда они подошли ближе, я увидел, что самим Вестонам на вид лет сорок-пятьдесят – глубокие морщины на их будто выдубленной коже и седина в волосах исключали более точные догадки. У них были широкие добродушные лица, но мне это ни о чем не говорило: некоторые из самых худших людей, коих мне доводилось встречать в жизни, были приятного вида приемными родителями – немало среди них было и фермеров, что брали в семью несчастных детей из города и обращались с ними как с рабами или даже похуже. Но двое подростков казались вполне счастливыми и здоровыми, так что я поумерил свою подозрительность.

Мистер Вестон – как мы узнали, его звали Иосия, – подошел к мистеру Пиктону и бросил обеспокоенный взгляд на нас с Сайрусом, отчего мы двое слегка попятнулись.

– Мне показалось, что было понятно – только один посетитель, мистер Пиктон, – буркнул он.

– Да, Иосия, – согласился мистер Пиктон. – Вот это доктор Крайцлер. – Мистер Вестон вытер руку и пожал руку доктора. – Но второй джентльмен и мальчик – его коллеги, и он считает, что для точной оценки ситуации может потребоваться их помощь.

Иосия Вестон кивнул с не совсем довольным видом, но при этом и не враждебно. Потом заговорила его жена:

– Я Руфь Вестон, доктор, а это наши дети, Питер и Кейт. А где-то тут поблизости... – продолжила она, притворяясь, что осматривает окрестности за своей юбкой, где пряталась Клара, – есть еще одна юная леди.

Клара пока ни единым движением не выдала себя, и, видя это, Питер улыбнулся и заметил:

– Глянем пока, что можно закончить до темноты, папа. Идем, Кэти, давай мне руку.

И парочка вернулась к нелегкому делу починки проволочной ограды. Они казались и вправду вполне веселыми, из чего я сделал вывод, что за годы, проведенные у Иосии и Руфи Вестонов, обращались с ними действительно неплохо. Когда они ушли, маленькая Клара начала тихонько выглядывать из-за миссис Вестон, пачку бумаги и куклу она прижимала левой рукой, в кулачке которой крепко держала несколько карандашей.

– Ага! – весело, но мягко провозгласил мистер Пиктон. Он увидел Клару, но оглядывался вокруг так, будто не заметил ее. – Где же моя малышка? Страшно подумать, приехал в такую даль, а она исчезла... и след простыл? Ну ладно, что ж – спасибо за все, Руфь, но, похоже, нам придется отправляться обратно в город.

Мистер Пиктон пошел было к коляске, но тут Клара выскочила из своего укрытия и потянула за полы его сюртука теми частями большого и указательного пальца, что не удерживали карандаши. Тогда я впервые смог как следует рассмотреть ее (хотя на самом деле это был второй раз – ведь я видел ее портрет на групповой фотографии, спрятанной в секретере дома № 39 по Бетьюн-стрит): она была невысокой и худенькой, светло-каштановые волосы собраны в большую широкую косу на затылке, глаза того же цвета, что и волосы (хотя, как я с тревогой отметил, чуточку позолотистее), кожа бледная с очень румяными щеками. Как и у большинства детей, видевших в раннем возрасте такое, чего никому видеть не стоит, осторожные движения Клары отражались достойной жалости нервозностью на ее тихом личике.

Обернувшись в притворном удивлении, мистер Пиктон широко улыбнулся:

– Надо же, вот она где! Появляется откуда ни возьмись, представляете, доктор, а трюку своему меня так и не учит! Поди сюда, познакомься с моим другом, Клара. – Все еще сжимая полу мистера Пиктона, девчушка подошла за ним к доктору. – Доктор Крайцлер, это Клара. Клара, доктор Крайцлер работает с многими сотнями детей в Нью-Йорке, городе, в котором, как я уже рассказывал, я когда-то жил. И он приехал из такой дали...

– Из такой дали, – перебил доктор, многозначительно улыбнувшись мистери Пиктону, что означало: с этого момента настал его черед, – посмотреть твои рисунки. – Он опустился на колени и заглянул ей в лицо. – Ты же очень любишь рисовать, правда, Клара?

Девочка кивнула – но то был не просто кивок, мы все это заметили. То была словно бы просьба: желание, можно сказать, чтобы доктор спрашивал еще. И вот забавная штука – хоть Сайрус и я по-прежнему стояли поодаль, мы поняли этот момент лучше, чем Вестоны или мистер Пиктон: ведь мы видели, как доктор пользовался таким приемом со множеством других детей у себя в Институте. Рисование, живопись, лепка из глины – все это быстрее способы начать общаться с мальчиком или девочкой, пережившими нечто такое, о чем они попросту не могли говорить. Потому-то в кабинете доктора в Институте и было столько разных художественных материалов.

– Да, я так и думал, – продолжал Доктор, медленно поднимая палец и указывая на маленький сжатый кулачок Клары. – Ведь у тебя столько карандашей. Но ни одного *цветного*. – Он принял озабоченный вид, потом лицо его просветлело. – А ты знаешь, что бывают цветные карандаши, Клара?

Светлые карие глаза расширились, и Клара покачала головой, из чего вполне явственно следовало, что хоть она и не знает о существовании подобных штук, ей бы точно хотелось их получить.

– Ну конечно. Всех цветов, какие только можно вообразить, – отвечал Доктор. – Завтра я привезу их из города – ведь тебе и в самом деле *нужны* цветные карандаши, чтобы рисовать вещи такими, какие они есть на самом деле, правда?

Клара кивнула.

– Мы с моими друзьями тоже иногда рисуем, – сообщил доктор, указывая на нас с Сайрусом. – Хочешь с ними познакомиться?

Последовали новые кивки, и тогда Доктор жестом подозвал нас.

– Это мой друг Стиви, – сказал он, показав на меня.

– Привет, Клара, – улыбнулся я ей. – А твоя подружка тоже рисует? – Я кивнул на куклу, на что Клара покачала головой и стукнула карандашами себе по груди. – О, я понял, рисование – это *твоя* игра. А она пусть сама ищет себе развлечение.

Плечики Клары заходили вверх и вниз, а из ее горла донесся скрипучий звук, который, вероятно, означал смешок.

И вот настало время для главной проверки – Доктор указал на Сайруса.

– А это мой друг мистер Монтроуз, – произнес он.

Почти пятнадцать секунд Клара в упор глядела на Сайруса, и выражение лица ее было совершенно невозможно понять. *Что-то* творилось в ее головке, это было ясно – и хотя пока никто из нас не мог сказать, что же именно, из спокойной позы Клары определенно следовало, что это *не* ужас. Но его не могло не быть: если хоть частичка запутанной истории Либби Хатч была правдой, если какое-то мерзкое нападение таинственного чернокожего мужчины действительно имело место на Чарлтон-роуд, девочка при виде Сайруса метнулась бы к холмам или, по меньшей мере, под укрытие юбок приемной матери. Но этого не случилось.

Наконец Сайрус доброжелательно улыбнулся и поклонился.

– Здравствуй, Клара, – сказал он, и голос его звучал особенно глубоко и мягко. – Знаешь, когда я был маленьким мальчиком, я нарисовал чудесный дом. – Он опустил на колени и посмотрел ей в глаза. – И знаешь, что здесь самое странное?

Клара тревожно посмотрела в лицо Сайрусу и медленно покачала головой.

– Странное в том, что теперь я и вправду *живу* в этом доме – и это дом *доктора*.

Клара еще несколько секунд обдумывала сказанное, а потом протянула Сайрусу свой альбом.

Там была нацарапан грубый рисунок дома Вестонов. Сайрус широко улыбнулся, и Клара снова издала тот странный тихий звук.

– Ну вот, видишь, – тихо произнес Сайрус. – Выходит, это случилось и *с тобой*.

Никто из нас так и не узнал, успел ли Сайрус мельком заметить, что было у Клары в альбоме, прежде чем сказать ей то, что он сказал, – а он, в своей отчасти веселой, отчасти озорной манере, всегда отказывался признаваться. Но это не имело никакого значения. Важно было лишь, что после его маленькой истории можно было буквально почувствовать, как

девочка начала источать доверие: сунув карандаши под руку к остальным своим вещцам, Клара отвернулась от Сайруса и взяла доктора за руку – при этом жесте у Руфи Вестон челюсть отвисла от удивления, а Иосия изумленно прикрыл рот рукой. Девочка подвела его к мистеру Пиктону, очень осторожно положила пальцы доктора на грудь своей куклы и вопросительно покосилась на мистера Пиктона.

Тот медленно начал расплываться в улыбке.

– Ну да, – тихо произнес он. – Да, Клара. Не сомневаюсь, доктор знает, как помочь твоей маленькой подружке почувствовать себя намного лучше. Понимаешь, это его работа – помогать детям. Может, пригласишь его внутрь и покажешь, что случилось?

Девочка снова взяла доктора за руку, но прежде чем отправиться куда бы то ни было, посмотрела на миссис Вестон.

– Ну конечно, – вымолвила женщина, прочитав на маленьком личике новый вопрос. – Я пойду с вами. Может, кто-нибудь из остальных твоих друзей тоже воспользуется помощью доктора.

Они втроем прошли к дому и скрылись в нем.

– Да это просто чертовщина какая-то, – тихо пробормотал мистер Вестон, почесывая голову. – Она здесь три года, и я ни разу не видел, чтобы она так отнеслась к незнакомцу.

– Я же говорил вам, Иосия, – вмешался мистер Пиктон. – Доктор Крайцлер не простой посетитель! Единственный в своей области, можно сказать – а область эта как раз и состоит из случаев, как у Клары. Так что же – Стиви? Сайрус? Мы тоже войдем внутрь?

Сайрус кивнул и направился к двери вместе с мистером Пиктоном и мистером Вестоном. Я же остался стоять где стоял.

– Если вы не против, сэр, – обратился к нему я, – мне кажется, я уже и так неплохо сослужил свою службу. А пока ничего нового не требуется, мне бы хотелось добраться до старого дома Хатча и глянуть, чем там заняты детектив-сержанты.

Мистер Пиктон несколько озадаченно воззрился на меня:

– Это же больше трех миль отсюда, Стиви.

– Да, сэр. Но я привык ходить пешком. Я найду дорогу.

Мистер Пиктон кивнул:

– Ну хорошо. Тогда до встречи у меня в доме.

Я глянул на Сайруса, тот слегка кивнул мне – дескать, все в порядке. Припустив было вниз по дороге, я вдруг вспомнил о своих манерах, развернулся и крикнул:

– Приятно было познакомиться, мистер Вестон!

– Что? – отозвался мужчина, все еще в некотором ступоре от увиденного. – Ах да, и мне тоже, сынок.

Он помахал мне и повел мистера Пиктона и Сайруса в дом. Лишь только они вошли, я рванул что было сил, и бежал, пока ферма не скрылась из виду, и можно было наконец прикурить сигаретку.

Глава 31

Не пройдя и полдороги до города, я начал просто диву даваться, какой безумной была идея прогуляться пешком три-четыре мили в одиночку по этим тенистым деревенским дорогам. Солнце уже едва не цеплялось за верхушки деревьев, но странные суетливые звуки, доносящиеся из этих лесов, тревожили бы и в самый разгар дня. Так что по прибытии на окраину Боллстон-Спа меня посетила странная смесь облегчения и разочарования от возвращения в «цивилизацию». Я быстро зашагал по Чарлтон-стрит, как и Мальта-авеню, получившей свое имя от названия города, куда она в итоге вела. Вскоре я снова оказался среди ферм и лесов, направляясь на юго-запад, через местность еще более безлюдную, чем участки к востоку от Боллстон-Спа. Пройти надо было почти две мили, и я намеревался наслаждаться путешествием и не дать страху вновь меня окутать; но, должен признаться, уханья одной-единственной совы мне хватило, чтобы сменить быструю ходьбу на непрерывный бег, а когда я наконец расслышал вдалеке знакомые человеческие голоса, то был уже до того взвинчен, что внезапно разулыбался и почувствовал, как глаза наполняют слезы облегчения.

Впрочем, дом старика Хатча, когда я наконец до него добрался, одним своим видом вернул мне дрожь того одинокого страха, и я вновь задумался – может, и впрямь лучше было б остаться на ферме у Вестонов? Снаружи на стенах старого двухэтажного здания совсем не было краски, лишь темная дранка, коя со временем приобрела черновато-коричневый оттенок, отчего казалось, будто весь дом когда-то был охвачен огнем, но при этом не разрушился. Высокие одичавшие заросли живой изгороди росли по обе стороны разбитых окон нижнего этажа. На заднем дворе маячил здоровенный мертвый дуб, под которым за ржавой железной оградкой расположилось несколько старых обветшалых надгробий. Передний же двор попросту превратился в сенокосный участок, и рушащийся сарай едва удавалось разглядеть за возникшей перед ним порослью молодых кленов и ползучими лозами. Из передней двери на землю вываливались какие-то признаки жизни – разбитые бутылки, ржавые жестянки, пожелтевшие ночные горшки и умывальники – но все это было раскидано так, что становилось ясно: дом превратился в излюбленное место здешней детворы в буйном настроении. Заднюю часть двора занимал большой прямоугольный участок, когда-то, очевидно, бывший садом: кусты, сорная

трава и само время быстренько разделались с некогда окружавшим его забором. А за этим последним следом человеческих усилий начиналась кромка леса, прилагающего все усилия прокрасться обратно и вновь завладеть местностью.

Я помнил слова мистера Пиктона: колодец ниже за садом; поэтому начал продираться через разросшуюся траву и кустарник переднего двора и наконец добрался до вершины высокого взгорка на границе леса. Остальных я так и не видел, зато уже слышал, так что сложил руки чашечкой и крикнул:

– Детектив-сержанты? Мистер Мур?

– Стиви? – донесся ответ мистера Мура. – Мы тут, внизу!

– Где – «тут»?

– Держись левее по склону, когда будешь спускаться! – отозвался он. – Мы прямо за соснами!

Я начал было следовать сей инструкции, но тут снова раздался голос мистера Мура:

– Ох, чёрт подери, Люциус, да мне *плевать*, что это за вид сосен!

Примерно на полпути вниз я действительно узрел мистера Мура и Маркуса, стоящих без сюртуков над развороченной грудой тяжелых камней, в центре которой была дыра, и достаточно большая, чтобы мог пробраться человек. Деревянная крышка от этой дыры лежала сбоку от камней. Поперек дыры мистер Мур с Маркусом поместили крепкий сук и медленно вытягивали наверх, к устью, толстую веревку. По звукам, эхом долетающим из черноты внизу, я сообразил, что в колодце находился Люциус.

– Ох! – орал он. – Поаккуратней там, черт вас возьми!

– Хоть раз в жизни прекрати скулеж, а? – отвечал Маркус.

– Скулеж? – не унимался Люциус. – Нет, вы *полюбуйтесь!* Я здесь, в этой жиже, подвергаюсь одному богу известно какой заразе!..

Когда я добрался до них, в отверстии показалась макушка лысеющей головы Люциуса. Я схватился за веревку вместе с мистером Муром и Маркусом, и лишь только Люциуса вытянули, он опрокинулся на землю, чтобы перевести дыхание.

В руках он баюкал старый сверток из грубой бумаги.

– Это он? – спросил я. – Тот револьвер?

– Это *просто* револьвер, – отозвался Маркус, начав сворачивать веревку. – Еще мы сняли с подводы куски, в которых могли застрять пули, – переднюю стенку кузова и скамью возницы.

Я кивнул, потом огляделся и понял, что кого-то нет.

– А где мисс Говард?

– Уехала на экипаже обратно в город, – сказал мистер Мур. – Захотела найти эту Райт – домоправительницу Хатчей – и задать ей пару вопросов. А что там на ферме у Вестонов? Как все прошло? Кстати, сигаретки не будет, Стиви?

Вздохнув на этом вопросе (он всегда задавал его, хотя отлично знал ответ), я достал пачку и вручил ему сигарету, потом предложил и Маркусу.

– Может, дым отпугнет эту мошкарку, – кивнул Маркус, отмахиваясь от крошечных насекомых, начавших уже роиться вокруг наших вспотевших голов. Он прикурил от моей спички и выдохнул большой клуб дыма, который, похоже, отогнал часть мошек. – Доктор познакомился с девочкой?

Я быстро кивнул:

– Все прошло хорошо – думается мне, мистер Пиктон удивился, насколько хорошо. И пяти минут не прошло, как девочка взяла доктора за руку.

– Хм-м, – неопределенно протянул мистер Мур с сигаретой. – Все же держаться за руки и разговаривать – вещи разные. Есть ли признаки того, что состояние ее психологическое, а не физическое?

– Ну, она тихо мычит, – сообщил я. – А еще она может смеяться – ну, или что-то вроде.

Маркуса сведения сии, похоже, приободрили.

– Но это же решающий факт – по крайней мере, мне так кажется. – Он обернулся к брату, который до сих пор отдыхал на земле. – Что скажешь, Люциус?

– Что ж, – медленно проговорил Люциус, садясь, – мычание и смех свидетельствуют против физической травмы или какой-то иной патологии, сделавшей ее неспособной разговаривать. Если, разумеется, пуля не задела никаких органов гортани, связанных с речью. Согласно отчету доктора Лоуренса, мозговые повреждения точно отсутствуют, а они и могли бы стать той самой обычной физической причиной немоты, о которой тогда говорилось.

– Выходит, если это не физическая патология или травма, – заметил Маркус, – она психологического свойства.

– А если она психологическая, – вступил мистер Мур, – есть неплохие шансы, что Крайцлер ее преодолеет.

Кивнув и покосившись на холм, Маркус затаился.

– Давайте-ка еще раз взглянем на эти доски с подводы, – бросил он и начал подниматься.

Мы с мистером Муром и Люциусом последовали за ним.

– А чего мы все-таки ищем? – уточнил я.

– Пулю, – отозвался Маркус. Его городские туфли чуть скользили на многолетних залежах мертвых и разлагающихся листьев, покрывавших склон. – Или, если нам очень повезет, пули. Понимаешь, Стиви, в отчете доктора Лоуренса упоминается только точка *вхождения* пули при двух выстрелах, убивших Томаса и Мэтью. Когда мальчиков доставили в дом, они уже были мертвы, так что он и не подумал вдаваться в дальнейшие подробности. Путь пули, поразившей Клару, он отследил чуть тщательнее, ведь она была еще жива. Пуля шла под восходящим углом, но все же могла в итоге попасть куда-нибудь в повозке – вероятно, в нижнюю часть сиденья возницы.

– Но, – пробормотал я, пытаясь поспеть за размышлением, – разве мы не можем просто *спросить* доктора Лоуренса о пулях, что убили мальчиков?

– Мы уже спросили, – ответил мистер Мур, – по дороге сюда. Но Лоуренс служит коронером с 84-го – и за эти годы перевидел массу мертвых тел. Да и, как говорит Маркус, внимание доктора в том случае было сосредоточено по большей части на малышке. Он и вправду не может сказать, были на спинах у мальчиков выходные пулевые отверстия или нет.

– Что оставляет нам два варианта, – продолжил Маркус, – один попросту нудный, второй – близкий к невозможному. Мы можем или расчленить соответствующие части подводы на мельчайшие кусочки, чтобы посмотреть, не застряла ли пуля где-то в дереве, или...

– Или?

Маркус вздохнул:

– Или попытаемся получить судебный ордер на эксгумацию Томаса и Мэтью.

– Проблема тут в том, – добавил мистер Мур, – что любой судья перед распоряжением об эксгумации определенно захочет посоветоваться с матерью. – Он посмотрел на меня и улыбнулся. – Стоит ли гадать, какова будет реакция Либби Хатч на подобную просьбу, Стиви?

Я лишь покачал головой:

– Тут и думать нечего.

На переднем дворе к большому дереву прислонена была трухлявая доска примерно три на четыре фута размером, а также старое, изъеденное молью сиденье возницы. Мы гурьбой окружили эти штуки и уставились на них.

– Но я все равно не понимаю, – произнес мистер Мур. – Если детей застрелила именно Либби, почему бы ей было не предпринять какие-то

усилия и не избавиться от этой подводы вместе со всеми случайными пулями заодно?

– Баллистика – новорожденная наука, Джон, даже для экспертов, – ответил Маркус. – К тому же доктор Лоуренс признал, что так и не осмотрел мальчиков на предмет выходных отверстий, ведь они были уже мертвы, – потому так и не упомянул об этих ранениях, пока был в доме, а значит, она о них тоже не подумала. Лоуренс, ясное дело, засуетился над раной в задней части шеи Клары, каковая, видимо, была просто ужасна, учитывая расстояние стрельбы.

– Волосы у нее сзади собраны в толстую косу, – вспомнил я, внезапно ощутив жалость, которой не было, когда я только обратил внимание на прическу девочки на ферме Вестонов. – Может, чтобы скрыть шрам.

Маркус вздернул подбородок – очевидно, упомянутый мною факт укладывался в его теорию.

– Но как-то сомнительно, – продолжил он, – что Либби знала об огнестрельном оружии достаточно, чтобы обдумать траектории выхода пуль.

Тут мы услышали шум подъезжающей упряжки и обернулись на заросшую подъездную дорожку. Направлялась к нам не кто иная, как мисс Говард – она восседала на козлах наемной брички и понукала темпераментного с виду жеребца-морган. Она заставила компактно сложенное мускулистое животное остановиться рядом с нами, откинула выбившиеся пряди с лица и спрыгнула на землю.

– Я нашла ее! – провозгласила она, подходя к нам и широко улыбаясь. – Миссис Луиза Райт, с Бич-стрит – живет в доме за доходными теплицами Шафера. Работала на Хатчей семь лет – и, похоже, нет *ничего*, о чем ей не хотелось бы поговорить! – Она указала на подножие холма. – Как с револьвером? Вышло что-нибудь?

– По счастью, да, – ответил Люциус, выставляя напоказ заплесневелый сверток.

– Точно, – заметила при виде его мисс Говард. – Миссис Райт сказала мне, что, прежде чем выкинуть, завернула его в пакет из оберточной бумаги. Что ж, тогда стоит возвращаться, дел у нас хватает!

Мы принялись грузить кучу досок от повозки Хатчей в нашу бричку, и Маркус спросил, что еще мисс Говард удалось выяснить за время визита к бывшей домоправительнице Дэниэла Хатча.

– Расскажу по дороге, – бросила мисс Говард, карабкаясь обратно на кучерское место. – Она, как я уже сказала, была весьма разговорчива. Но одна вещь все же выделяется особо: она считает, что в ту ночь был

застрелен только один ребенок Дэниэла.

– Что ты хочешь этим сказать, Сара? – осведомился мистер Мур, пока мы забирались в экипаж.

Но мисс Говард посмотрела на меня.

– Ты же видел Клару, Стиви? – Я кивнул. – Густые светло-каштановые волосы, глаза того же оттенка? Бледная кожа? – Я кивнул снова. – А мальчики, очевидно, выглядели иначе.

Я тут же вспомнил, как мистер Пиктон по приближении к ферме Вестонов попросил доктора Крайцлера обратить внимание на «цвет» Клары Хатч.

– Так *вот* что он имел в виду, – пробормотал я.

– Кто и что имел в виду? – осведомился мистер Мур.

Но прежде чем я успел ответить, мисс Говард хлестнула вожжами по крупу моргана, и мы тронулись.

Я ничуть не жалел, что распрощался со старым домом Хатча, и был весьма рад видеть, как мисс Говард от души пользуется вожжами, чтобы увезти нас побыстрее. Мы с мистером Муром сидели рядом с ней, а детектив-сержанты ехали в коляске вместе с трухлявой доской, скамьей и револьвером, причем последний они не собирались разворачивать до возвращения в дом мистера Пиктона. На тот момент их переполняли вопросы о Луизе Райт – вопросы, на кои мисс Говард старалась отвечать так быстро и обстоятельно, как только могла, – и из каждой крупинки открываемых ею сведений явственно следовало: старая домоправительница станет чрезвычайно важным игроком в нашем деле против Либби Хатч.

За все годы, проведенные с Либби, миссис Райт не питала к ней уважения, ничего подобного – но, по счастью, точно так же она относилась и к Дэниэлу Хатчу, так что наблюдения ее насчет происходившего в доме не станут выглядеть для присяжных так, будто Луиза вынашивала неприязнь к ставшей ее хозяйкой симпатичной женщине моложе возрастом. Маркус спросил, почему же миссис Райт, раз уж она так недолго любила Хатчей, оставалась у них столь долго, и мисс Говард объяснила: эта суровая, серьезная вдова была единственной женщиной в городе, кто оказался готов служить той парочке; поэтому с годами семья зависела от нее все больше и больше. В итоге же миссис Райт достигла того положения, когда могла смело называть свою плату старику Дэниэлу: со временем она выжала из скарредного хозяина столько денег, что их хватило на покупку неплохого дома в городе – чего не позволила бы ей ни одна работа в Боллстон-Спа, доступная женщине. Когда Хатч умер, миссис Райт слез особо и не лила, поскольку по завещанию ей ничего не причиталось – когда

же Либби попросила ее остаться в доме, домоправительница настояла на привычном жалованье, и Либби предпочла платить ей, лишь бы избежать забот с поиском и укрощением кого-то нового. Иными словами, эмоциональные соображения никоим образом не исказили суждений миссис Райт – и потому на виденное ею (и сообщаемое теперь нам) вполне можно было положиться.

Однако нельзя было сказать, что она не питала ничего и к детям Хатчей, которые, как миссис Райт поведала мисс Говард, оказались в странном, запутанном положении, вынуждавшем их к постоянной скрытности. Все они, как и подозревала мисс Говард, первые месяцы своей жизни провели с кормилицей – это и уберегло малышей от превращения в живую демонстрацию материнских недостатков Либби Хатч и, тем самым, стало единственной причиной их благополучного выживания в младенчестве. Но потом жизнь все же оказалась к ним довольно сурова. Кларе было проще всего, ведь Дэниэл Хатч нисколько не сомневался, что она его дитя. Но появление сперва Мэтью, а затем и Томаса повлекло неприятности, поскольку к тому времени Хатч начал подозревать жену в неверности. Наличие у обоих мальчуганов густых кудрявых черных волос, темно-карих глаз и оливковой кожи (в отличие от обоих родителей и сестры) Хатч счел доказательством того, что их прижили от другого – и хотя старик так и не смог узнать, от кого именно, к Либби он со временем стал относиться все более враждебно, а к Томасу и Мэтью потерял всякий интерес.

Как ни странно, сказала миссис Райт, все это был не пустой стариковский бред: Либби в самом деле обманывала мужа, хоть и с человеком, коего тот бы в жизни не заподозрил. Священник, венчавший Хатчей, преподобный Клэйтон Паркер, цветом глаз, волос и кожи обладал будто бы тем же, что и маленькие Мэтью с Томасом, а в усадьбу Хатчей наносил регулярные визиты, и там старый Дэниэл всячески развлекал его, насколько позволяла скупость. Миссис Райт, похоже, не единожды видела Либби и Паркера, слившихся в жарких объятьях в лесу за домом, внезапный же рецидив угрюмого беспокойства Либби летом 1893 года приключился, по совпадению, немедля после того, как Паркер объявил своему начальству, что, дескать, его духовные таланты в Боллстон-Спа пропадают впустую, и его надобно перевести творить добро в Нью-Йорк, этот Вавилон современности.

– Священник? – выдохнул Маркус, услышав все это. – Да что, черт подери, священник мог предложить женщине, вышедшей замуж за одного из богатейших людей города?

– Молодость, привлекательность и обаяние, для начала, – ответила мисс Говард. – Хотя, мне кажется, миссис Райт не ошибалась, когда говорила, что Либби одних этих качеств было бы маловато. Нет, там крылось что-то еще. Своего рода... респектабельность, что ли. Нет, больше того. Искупление, быть может.

– Искупление? – повторил Люциус.

– И внутренняя дорожка к богу, – вмешался я.

– Да, вот это, пожалуй, ближе, Стиви, – произнесла мисс Говард, направляя маленького черного моргана напрямик к дому мистера Пиктона. – Я не совсем уверена, хочу услышать мнение доктора...

Мы достигли того участка маршрута, где Чарлтон-роуд превращалась в Чарлтон-стрит. Я привстал, чтобы попытаться различить окрестности в тусклом вечернем свете, и вскоре узрел четыре башенки дома мистера Пиктона – а потом и легкий экипаж без лошади у крыльца.

– Ага, похоже, шанс у вас будет, – объявил я мисс Говард. – Они вернулись от Вестонов.

Подъехав к дому, мы положили кусок обшивки и сиденье от экипажа Хатчей на крыльцо и зашли внутрь, где в гостиной обнаружили Сайруса за пианино мистера Пиктона, а нашего хозяина – стоящим в дальнем углу, где доктор переносил заметки на объявившуюся грифельную доску.

Этой штуке, без сомнения, предстояло стать двойником доски из № 808 на Бродвее, и мистер Пиктон был безусловно зачарован сим процессом.

– Ну вот, – объявила с улыбкой мисс Говард, сообщая о нашем появлении, – уютная домашняя картина, не так ли?

Сайрус прекратил играть, а доктор с мистером Пиктоном быстро обернулись к нам.

– Наконец-то! – вымолвил доктор. – Какие новости из дома Хатча? Наша новая доска ждет!

Следующий час или около того был полон сумбура: каждый пытался объяснить остальным, чего удалось добиться за первый день в городе. Дела у доктора с Кларой Хатч после моего ухода с фермы продолжали идти весьма неплохо, и хотя девочка пока не изрекла ни одного настоящего слова, доктор не сомневался, что сможет в итоге ее на это подвигнуть. Но дело все равно было нелегкое: Клара находилась в том состоянии, которое доктор назвал «затянувшейся истерической диссоциацией», подразумевая, что увиденное девочкой оказалось слишком ужасно для понимания – ее собственного или чьего бы то ни было еще.

Впрочем, мистер Пиктон объяснил, что мы просто вынуждены будем добиться от нее слов: он нимало не сомневался, что его босс, окружной

прокурор Оукли Пирсон, даст согласие на сбор большого жюри⁴³ для рассмотрения обвинений против Либби Хатч не раньше, чем Клара будет готова прямо сказать «в меня стреляла мама». Собери мы хоть все вещественные доказательства в мире, ни одно из них не станет существенным в деле, вызвавшем столько волнений, – и, несомненно, приведет к новой вспышке гнева, едва мы огласим свою теорию преступления, – если девочка не заговорит. И хоть он продолжал еще какое-то время объяснять нам все это, основная мысль мистера Пиктона была проста: если собираешься обвинить женщину в убийстве собственных детей, надо быть чертовски уверенным в наличии не только мотива, возможности и средства, но и свидетелей.

Мотиву, возможности и средству, впрочем, еще предстояло сыграть свою роль, их-то мы и могли расследовать, пока доктору предстоял процесс возвращения Клары Хатч к общению. Наиболее доступной для рассмотрения темой в тот вечер казалось средство – ведь мы надеялись, что орудие нападения Люциус извлек на свет божий из старого колодца. Попросив у миссис Гастингс кусок клеенки и расстелив его на пианино, Люциус осторожно положил сверху влажный коричневый сверток и начал медленно разворачивать и разрывать бумажный пакет парой стальных медицинских щупов.

– Я спрашивала у миссис Райт, не заметила ли она в оружии чего-нибудь необычного, прежде чем выкинуть его в колодец, – сказала мисс Говард, когда мы все столпились вокруг Люциуса. – Чего-нибудь, указывающего на перемещение с места или стрельбу. Но она призналась, что была слишком расстроена, чтобы обращать внимание на подобные детали.

– Понятно, – проговорил Маркус, наблюдая, как брат разворачивает пакет с выпукло проступающим содержимым. – Она не сказала, какого возраста эта вещица?

– Хатч говорил миссис Райт, что всегда держал его под подушкой, – заметила мисс Говард. – В Гражданскую войну он сам не был на фронте – оплатил себе замену, – что исключает вероятность армейского происхождения оружия.

– Да, – согласился Маркус. – Это, скорее всего, одна из самых стандартных моделей. А с учетом возраста и вряд ли большого опыта стрельбы старик, пожалуй, выбрал что-нибудь попроще.

– Верно, – продолжила мисс Говард. – Что-то наподобие «кольта-миротворца» – судя по силуэту, весьма похоже. Ранний вариант, конечно. Когда там выпустили первые армейские модели простого действия, в 71-м?

По времени примерно так и выходит.

– Но разве это оружие из тех, что легко могла бы использовать женщина? – поинтересовался доктор.

Обычно на подобные вопросы отвечали Маркус или Люциус, но мисс Говард нравилось быть в центре внимания, и братья благоразумно предпочли не вставать у нее на пути.

– Не вижу тому препятствий, – заявила она, пожав плечами. – Может, на вид револьвер сорок пятого калибра и не кажется дамским, но эта армейская модель простого действия использовала металлические фабричные гильзы и обладала очень мягким спуском. Довольно простой, работоспособный механизм, в самом деле. К тому же даже длинноствольные модели весили не больше трех фунтов, и она бы прекрасно справилась даже без особого опыта обращения с оружием.

Я заметил, как мистер Пиктон бросил на мисс Говард изумленный взгляд, а потом обернулся к мистеру Муру.

– И *не думай* искушать судьбу с этой барышней, Руперт, – заметил мистер Мур.

Внезапно Люциус обеспокоенно проговорил:

– Кажется, я не могу снять пакет с этой штуки целиком.

– А зачем оно вам вообще надо? – осведомился мистер Мур.

– Если мы сможем доказать, что оберточная бумага местного производства, – объяснил за брата Маркус, – это станет аргументом против того, что перед нами какой-то другой револьвер, выкинутый кем-то позже.

– Но для этого ведь не обязательно сохранять пакет целиком, – сказал мистер Пиктон. – Взгляните на его нижнюю часть, детектив, и увидите слова «Пакеты Веста», Боллстон-Спа, Нью-Йорк» мелким шрифтом.

Люциус сосредоточился на части пакета, обмотанной вокруг дула револьвера, потом расцвел:

– Вы правы, мистер Пиктон, – так и есть! Дайте-ка снять его... – Он извлек из кармана хирургический скальпель и произвел аккуратные маленькие разрезы в днище пакета, потом снял квадратный кусок оберточной бумаги и осторожно отложил его на клеенку. – Вот так. А теперь мы можем...

Чуть более быстрыми движениями Люциус начал сдирать полоски оставшейся бумаги, обнажая обычный револьвер простого действия – из тех, что запросто встретишь на стандартных журнальных иллюстрациях на тему Запада. Темно-коричневую рукоять покрывала светло-зеленая плесень, а ствол и барабан вороненой стали порыжели от ржавчины. Никто из нас не знал, что и думать, пока Люциус не достал оружие, просунув

один из своих щупов через скобу спускового крючка, вместе с братом осмотрел револьвер, а потом улыбнулся.

– Спасибо вам, мистер Вест, – выдохнул он.

– Хотите сказать, он в хорошем состоянии? – осведомился мистер Мур.

– Скажем проще, – ответил Люциус. – Боллстон-Спа – действительно родина лучших в мире бумажных пакетов.

Маркус, осмотрев в свой черед оружие, уверенно кивнул.

– Хм, да, – объявил он, пытаясь сдерживать воодушевление. – Чуть-чуть усилий, и из него действительно можно будет снова стрелять.

– А это означает... – вмешался мистер Мур.

– Это означает, – ответила улыбающаяся мисс Говард, – баллистическое испытание.

На лице мистера Мура отразилось изумление:

– Пардон, что?

– Если, конечно, – отложив револьвер и воздев палец, объявил Люциус, – удастся найти в этих обломках повозки пулю для сравнения.

– Эй, эй, помедленнее! – взмолился мистер Мур.

– Что скажете, мистер Пиктон? – спросил Маркус. – Какого ваши судьи мнения на предмет баллистического анализа?

Мистер Пиктон пожал плечами:

– Они, конечно, о нем осведомлены. Но, насколько я знаю, у нас пока не было дел, где это бы использовалось при осуждении. С другой стороны, не припоминаю и таких, где сей аргумент специально исключили бы. Судьи наши, похоже, не совсем примитивны в этих вопросах – временами они не против создания прецедента. Если мы наткнемся на нечто убедительное – особенно в сочетании с прочими уликами, – думается, я смогу проверить это и посмотреть, что отсюда будет следовать.

– Проверить что? – запричитал мистер Мур. – Черт возьми, люди, да о чем это вы?

Я и сам был порядком сбит с толку, да и доктор с Сайрусом, на мой взгляд, соображали не больше. Но мы предпочли оставить дурацкие вопросы мистеру Муру, ведь у него – я говорю это со всем должным уважением к прочим, более выдающимся качествам этого человека – все выходило так естественно.

– Если мы заставим его заработать, – обратился Люциус к мистеру Пиктону, по-прежнему игнорируя мистера Мура, – нам понадобится оборудовать что-то наподобие стрельбища.

– Что ж, – радостно ответил мистер Пиктон, указывая на заднюю часть дома, – мой двор в вашем распоряжении, детектив! За ним нет ничего,

кроме кукурузного поля. Если скажете мне, что понадобится...

– Не много, – отозвался Люциус. – Лишь кипа-другая хлопка.

– Ничего проще, – кивнул мистер Пиктон. – Миссис Гастингс! Мы... – Он обернулся и обнаружил, что домоправительница уже стоит в дверях, слушая нас с озадаченным и ошарашенным видом. – Ага! Миссис Гастингс, позвоните мистеру Бёрку, будьте любезны, и скажите ему...

– Да, сэр, – отвечала миссис Гастингс, отвернувшись и всплеснув руками. – Несколько кип хлопка, сэр, чтобы вы могли стрелять на заднем дворе!

– Должно быть просто идеально, – сказала мисс Говард, все еще разглядывая револьвер.

– О да, – вмешался мистер Мур; голос его начал приобретать обычные для подобных моментов жалобные интонации. – Идеально. Даже не потрудиться объяснить это остальным, что бы вы там ни делали.

Мистер Пиктон расхохотался, потом обратился к старому другу:

– Прости, Джон, мы, кажется, были невежливы, да? Ну так вот, в порядке компенсации – на сегодня мы и так позаботились практически обо всем, о чем могли. На самом деле, должен сказать, это был исключительно удачный день! Так, может, вскочим в трамвай и отправимся к Кэнфилду? Обстоятельно обсудить все сможем за ужином – потом немного рулетки, может, пару карточных партий...

– Тихо! – скомандовал мистер Мур, подняв руку и неожиданно обрета энергичный и возбужденный вид. – Все наверх и одеваются в вечернее платье, пока не начались новые дискуссии, или Руперт не передумал! Давайте-ка, пошевеливайтесь!

– А если мы не хотим идти? – возразила мисс Говард, когда мистер Мур подтолкнул ее к лестнице. – Меня не интересуют...

– Тогда можешь просто поесть и сразу возвращаться домой, – перебил мистер Мур. – Дай нам спокойно погубить наши развратные души!

Я метнулся к лестнице, но потом, вспомнив кое-что, обернулся к мистеру Муру:

– Поставите за меня? Я слышал, детям в таких местах играть не дают.

– Не переживай, Стиви, – заверил мистер Мур. – Буду точно следовать твоим указаниям. Но чтобы попасть в обеденную залу, тебе все равно придется надеть выходной костюм.

Я кивнул ему и улыбнулся:

– Потому его и прихватил: единственное, что может заставить меня напялить это, – честная игра!

Стремительно взбежав по лестнице, я ворвался в свою комнату, закрыл

дверь и распахнул большой гардероб красного дерева, куда до того сунул комплект вечернего платья, купленный мне доктором около года назад. Сдается мне, тогда он надеялся, что я со временем проявлю некий вкус к опере и в один прекрасный день действительно с удовольствием стану сопровождать его и Сайруса в «Метрополитэн»; но пока же я побывал в ложе доктора в вышепомянутом заведении – и в вышепомянутом вечернем платье – всего лишь раз, да и то лишь потому, что это было необходимо для расследования дела Бичема. Но сейчас я с радостью втиснулся в жесткую крахмальную белую сорочку и черный костюм – раз уж в таком виде мне светило сделать ставку-другую на надежном рулеточном колесе, которых, как я всегда слышал, было достаточно в славящемся на всю Саратогу игорном доме и ресторане Ричарда Кэнфилда, известном остальной стране просто под именем «Казино».

Однако желание надеть костюм не заменяло опыта в этом деле: я пыхтел и ругался, втискиваясь, перепоясываясь и затягиваясь в сии одеяния, а галстук в итоге оставил подвязать кому-нибудь другому. Когда я спустился, остальные были уже готовы, и мистер Мур ворчал от нетерпения, пока мисс Говард весьма любезно приводила в порядок ленту из белого шелка, висевшую у меня на шее. Наконец мы покинули дом и не спеша дошли в теплой темноте до станции электрического трамвая Боллстон-Спа, где в приподнятом настроении сели в маленький открытый вагон – тогда еще не подозревая, что наш хозяин задумывал это маленькое путешествие не только как отдых.

Глава 32

Системе трамвайного сообщения Боллстон – Саратога исполнился лишь год, и выглядела она соответственно: в нашем вагоне были отполированные перила и чистые сиденья, а сам он стоял на сияющих узких рельсах. Эта штука на большой скорости миновала четыре или пять миль сельской местности, отделявших Боллстон-Спа от главной улицы Саратоги – Бродвея, – а ветерок, овевавший нас на передних сиденьях вагона, казался освежающим и даже волнительным – с учетом того, куда мы направлялись. Воздух был из тех, что усиливает предчувствия, так сказать, – и хотя поездка длилась лишь около пятнадцати минут, моей юной душе она показалась вечностью.

Наконец вагон скользнул в величайший американский центр отдыха со стороны южной оконечности местного Бродвея. Отсюда нам открывался превосходный вид на самое сердце города – и, должен сказать, на это чудо стоило взглянуть. Бродвей Саратоги, обрамленный прекрасными раскидистыми вязами, просто в качестве улицы составил бы честь любому городу где угодно – но за деревьями простирались ухоженные тротуары в сияющих огнях бесчисленных магазинов и грандиозных отелей, каждый из которых обещал азарт всех сортов и опровергал устаревшую городскую славу «курорта». Не осталось ни намека на то, что уединение и отдых в Саратоге были ценным товаром (или даже возможностью): старые деньки, когда политики, ученые и художники со всего мира встречались «на водах» и разговаривали о высоких материях, окончательно канули в лету к 1897 году, и место это превратилось в цветущий рынок удовольствий.

«Казино» Кэнфилда оказалось похожим на особняк квадратным зданием, расположившимся в тенистом зеленом парке, главной достопримечательностью которого раньше был источник Конгресс – один из множества старых минеральных источников города. На самом деле «Казино» было построено другим известным игроком – ирландцем Джоном Моррисси, дородным профессиональным боксером и крутым парнем Таммани, который на свои выигрыши сам учредил игорное заведение и скачки (Моррисси же проложил и первые в Саратоге рельсы). Во время возведения в 1870–1871 годах здания, известного тогда как «Клуб», Моррисси вбухал туда все роскошества итальянского стиля, какие только смог вообразить, и дело стало процветать с самого начала. Однако этого

оказалось мало, чтобы заполучить самый желанный для Моррисси приз: признание в тех кругах общества, представители коих тысячами тратили доллары в его заведении. Умер он в 1878-м, и права собственности временно перешли к разным второразрядным дельцам, пока в 1894 году здание не было выкуплено и перестроено его нынешним владельцем, Ричардом Кэнфилдом.

Кэнфилд, подобно Моррисси, нажил состояние на игорном деле, но при этом не обладал сомнительным прошлым головореза, которое так и не позволило Моррисси добиться отношения к себе как к настоящему джентльмену. Открыв игорные дома в Провиденсе, Род-Айленд, а потом и в Нью-Йорке, Кэнфилд все свободное время (и недолгий тюремный срок) расходовал на превращение себя в ученого-самоучку и художественного критика. Завладев «Клубом» Моррисси, он применил все свои знания на практике, наполнив здание наимоднейшими предметами интерьера и искусства, выстроив новую обеденную залу для гурманов и наняв готовить для гостей одного из самых известных в мире французских шеф-поваров. А отказавшись допускать к игре за столами женщин и детей, он попросту перехитрил реформаторов, кои не слишком долгое время в самом начале его деятельности пытались перевернуть уклад Саратоги и даже успешно прикрыли множество игорных домов помельче. Впрочем, в то же время Кэнфилд устроил для детей и женщин большой зал отдыха, где они могли услаждать себя замороженными десертами и развлечениями – и сообщать своим отцам и мужьям, на что за них поставить.

Парк вокруг «Казино» был подходящим обрамлением для всего этого пышного отдыха – фонтаны, пруды, статуи и красивые деревья окаймляли дорожку к заросшим плющом стенам трехэтажного здания. Тем вечером мы вошли туда через парадные двери, и детектив-сержанты с облегчением отметили, что мистер Кэнфилд – один из немногих в Саратоге владельцев игорных домов и отелей, кто не вывесил на дверях своего заведения табличку «Посетители-евреи не приветствуются». Войдя, мы обнаружили себя в огромном, щедро покрытом коврами вестибюле с массой народа, располагавшемся как раз перед общественным игорным залом. Ставки там были невысоки (белые фишки шли по доллару, красные по пять, синие по десять, желтые – за сотню, а коричневые – за тысячу) по сравнению с приватными комнатами наверху, где все умножалось в сто раз.

Как бы я ни нервничал перед тем, как приступить к игре, надо признаться, в еще большем нетерпении меня в тот вечер держало желание увидеть того, кто всюду известен был под именем «Принц игроков». Ждать пришлось недолго: лишь только мы вошли, я поймал взгляд полного, но

компетентного на вид человека, чисто выбритого, с темными глазами, примечавшими все, что творилось вокруг. (Лицо это было столь завораживающим, что в итоге завладело интересом такого художника, как мистер Дж. А. М. Уистлер⁴⁴, и тот запечатлел его на холсте.) При виде вошедшего мистера Пиктона лицо сие, а также сам его хозяин, заторопились к нам, протягивая руку в радостном приветствии.

– Ну надо же, мистер Пиктон! – провозгласил мистер Кэнфилд. – Ночку за столами захотелось провести, верно? Или вас сюда привела только кухня Колюмбэна?

– Кэнфилд! – с чувством приветствовал его мистер Пиктон. – Со мной нынче гости моего дома, а я сообщил им, что ни в коем случае нельзя покидать округ, не увидев нашего величайшего вклада в современную американскую культуру!

Мистер Пиктон быстро представил нас, и мистер Кэнфилд приветствовал всех с дружелюбием, свойственным успешному игорному магнату. Но здесь крылось и нечто большее – похоже, тот простой факт, что мы были гостями мистера Пиктона, означал, что и обхождение нас ждет особое.

– Мистер Пиктон немало помог в самое рискованное время, – объяснил мистер Кэнфилд, будто услышал мысль у меня в голове. – Во времена того скверного маленького приступа реформ он убедил округ, что Саратога может закрыть все мелкие дома, ежели пожелает, но «высокие заведения» класса «Казино» стоит оставить – если, конечно, не хочется вновь кормиться лишь с минеральных вод.

– Вряд ли я оказался *настолько* полезным, Кэнфилд, – отозвался мистер Пиктон. – Даже самые стойкие из реформаторов в конечном счете понимали, что режут глотку самим себе. А что нынче публика?

– О, все они в сборе, – отвечал Кэнфилд, провожая нас в обеденную залу. – Брэди, мисс Расселл, Джесси Льюисон – а Гейтс наверху, все еще намеревается поставить рекорд.

Этот список лишил меня дара речи: имена Брильянтового Джима Брэди⁴⁵, магната в снабжении железных дорог, желудок коего был в шесть раз больше нормы, а аппетит к еде почти столь же велик, что и страсть к драгоценным камням, и мисс Лиллиан Расселл⁴⁶, известной актрисы и постоянной спутницы Брэди, были, конечно, известны тогда почти всему миру, как и теперь, – тогда как в игорных кругах имена Джесси Льюисона – «спортивного банкира» – и мистера Джона Гейтса⁴⁷ (который вскоре заработал прозвище «Поставь-Миллион» за проигрыш, а потом и отыгрыш

почти всей этой суммы – и все в один день – в Саратогe) были столь же легендарны, а волнение вызывали даже посильней.

– Брэди в обеденной зале, разумеется, – продолжал мистер Кэнфилд. – Прикончил уже половину Колюмбэновых запасов и требует продолжения. Подыщу вам столик подальше от него – даже при всех своих брильянтах аппетиту прочих людей в такие моменты он способствует мало. – Махнув официанту на входе в зал, мистер Кэнфилд еще раз пожал руку мистеру Пиктону. – Альберт позаботится о вас – так что до встречи в игорном зале. Полагаю, наверх вы не собираетесь?

Мистер Пиктон с улыбкой покачал головой:

– С моим жалованьем? Никаких шансов, Кэнфилд. Мы и так нанесем себе немалый урон в общем зале, благодарю покорно.

Мистер Кэнфилд выразил свое почтение прочим из нас и чуть было не растворился в толпе, но потом словно вспомнил что-то и остановился:

– О, кстати, Пиктон. Прошел слух, будто вы собираетесь вновь открыть то дело – насчет застреленных деток?

Нам оставалось только скрыть свое изумление – но мистер Пиктон лишь улыбнулся и вновь покачал головой.

– Не переживайте, Кэнфилд, – сказал он. – Постараюсь держать вас в курсе.

– Сами же знаете, как оно, – ответил тот, вежливо пожав плечами. – В этом городе люди готовы ставить на что угодно, и ставят – похоже, будут ставки и на облаву и процесс. Мне бы просто хотелось прикинуть разумные шансы.

– Пока два к одному на облаву, – изрек мистер Пиктон. – А что до процесса, я дам вам знать.

Мистер Кэнфилд бросил на него, что называется, оценивающий взгляд:

– Два к одному? Уверены?

– Уверен, – подтвердил мистер Пиктон. – Хотя человек, которого мы арестуем, может стать для вас сюрпризом.

Мистер Кэнфилд кивнул, развернулся и с очередным прощальным жестом вернулся к своему занятию – делать глупцов счастливее.

– А вот это, друзья мои, – заметил мистер Пиктон, – я и имел в виду, когда говорил о скорости распространения слухов в здешних городках.

– Хотите сказать, они собираются заключать пари на это дело? – спросил доктор, с видом легкого отвращения окинув взглядом толпу богатеев.

– Без сомнения. А вот этот блеск в глазах, Мур, ни к чему, – сообщил

мистер Пиктон, покосившись на друга. – Кэнфилд не обрел бы своего положения, позволь он людям с доступом к информации себя облапошивать. – Мистер Пиктон двинулся в дальний конец вестибюля. – Так что же – отобедаем, пожалуй?

Столик наш, может, и располагался подальше от Брильянтового Джима Брэди и мисс Лиллиан Расселл, как сказал мистер Кэнфилд, но по дороге к нему нам все равно пришлось миновать эту знаменитую парочку; и событие сие воодушевляющим назвать было нельзя. Не то чтобы нам довелось как-то пообщаться с ними или их окружением – но я быстро понял по одним их нелепым выходкам, что занимательная легенда иногда может обернуться довольно удручающей реальностью. Я все знал о прославленных ювелирных гарнитурах Брильянтового Джима, общее количество бриллиантов в которых было около двадцати тысяч. И, конечно, я знал о его аппетите. Но ни одна из этих историй не подготовила меня к зрелищу человека со свиноподобной физиономией – человека, чьи знаменитые габариты из тщеславия были втиснуты в одежду на два размера меньше – проделывающего свой обычный трюк за едой: есть он начинал, когда усыпанное бриллиантами брюхо было в футе от стола, и отказывался остановиться, пока оно не касалось его края. Как раз когда мы проходили мимо, он расправлялся с семейством омаров, а поверх дорогого белого костюма и драгоценностей у него был повязан слюнявчик. К тому же он был чересчур громок – громок, с набитым ртом и весьма волен в выражениях со своими леди, прекрасно понимая, что при его миллионах и отсутствии у дам иного дарования, кроме как быть хорошенькими, они не только вынуждены все терпеть, но еще и улыбнутся, и посмеются за компанию.

Рядом с Брильянтовым Джимом сидела мисс Лиллиан Расселл, чье лицо я, разумеется, видал на рекламных щитах в Нью-Йорке – несмотря на это, впервые узрев ее во плоти, я подумал: то были чертовски льстивые плакаты. Она тоже лакала громогласные пошлости Брэди, точно кошка молоко из миски. Я вовсе не хочу сейчас показаться ханжой: бог свидетель, мой рот и тогда, и теперь способен на неподобающие вещи. Но есть все же разница между некими непристойностями в лексиконе и совершенно оскорбительным поведением, а Брэди представлял собой, как говорится, эту разницу во плоти. Все мы были наслышаны о том, что мисс Расселл на самом деле не оказывает Брэди сексуальных услуг (казалось невозможным, что кто-то в действительности способен на физический акт с этой машиной), а вместо того предается утехам с приятелем Брэди Джесси Льюисом. Однако тем вечером, как мне показалось, мистер Льюисон к

подобного рода делишкам был не расположен: может, мисс Расселл и являлась прекрасной актрисой, но фигура ее демонстрировала ущерб, нанесенный ей за множеством обеденных столов. Каких бы ухищрений несчастной команде горничных ни стоило затянуть ее в платье с узкой талией, жалование свое они отработали не хуже любого горняка, это уж точно.

Прочая активность в том обеденном зале – представлявшем собою красивый длинный холл с маленькими витражными окошками в потолке и полированными дубовыми полами – схожа была с происходившим за столом у Брэди: посетители набивали себе животы, пили как сапожники, слишком громко болтали и «флиртовали» таким манером, что обеспечил бы обычной нью-йоркской проститутке ночь в ближайшей каталажке. Притом в обычной жизни все это были уважаемые люди: у себя на Гудзоне они заправляли большим капиталом и государственными решениями, да еще и жизнями миллионов простых людей заодно. И хорошо, что мы приехали сюда играть, начал подумывать я: ведь если бы нам пришлось хоть с кем-то общаться, вряд ли бы я это вынес.

Впрочем, тут я был не одинок: к окончанию трапезы общее настроение за нашим столом было близко к отвращению – и, когда мы выходили, я сообразил наконец, что именно за этим хитрый мистер Пиктон и привел нас сюда.

– Как следует взгляните на все это напоследок, – сказал он. – Если нам удастся привлечь Либби Хатч к суду, дело придется иметь не просто с возмущением тихих граждан из городков наподобие Боллстон-Спа. Нет-нет – на головы наши сверх того обрушится все могущество власти сего сиятельного общества. Ведь сама суть лицемерия требует масок, за которыми можно скрыться, не так ли, доктор? А маски идилического дома и святости материнства – первые и самые неприкосновенные из их числа. Да, если я прав, в ближайшие недели вам предстоит увидеть некоторые из этих самых лиц на галереях зала суда в Боллстоне.

В тот момент, когда некоторые из нас пытались сосредоточиться на развлечениях, мысль эта была определенно не самой подходящей. Мисс Говард, в свою очередь, уже достаточно насмотрелась в обеденном зале и решила немедленно возвращаться в дом мистера Пиктона на трамвае. Доктор, Сайрус и детектив-сержанты – никто из которых не отличался особой азартностью – согласились составить ей компанию, оставив место подлинным энтузиастам.

Мистер Мур с мистером Пиктоном пропустили по паре рюмок на скорую руку, пока я давал им краткие наставления по своей рулеточной

стратегии; когда же они направились в общий зал, из их вида и разговора можно было заключить, что им все же удалось подавить свое отвращение к толпе. Мне же, ввиду запрета наблюдать за игрой, осталось выбирать между залом для дам и детей и перекуром снаружи – выбор, что называется, не из трудных.

Забредя в долгие ветви плакучей ивы, свисавшие над одним из прудиков парка за «Казино», я с раздосадованным стоном подергал за крахмальн^{ый} воротничок и галстук, жалея, что не могу немедленно снять все эти штуки. Потом прикурил сигарету и начал думать – но не о том, сколько мне выгорит, если дела внутри пойдут на лад, а о словах мистера Пиктона в обеденном зале. Вряд ли можно было назвать умиротворяющими мысли о том, что, обвинив Либби Хатч, мы рассердим всех этих богатых могущественных лицемеров и волокит – а может, даже станем для них угрозой; и поначалу я решил было, что виной моему отчетливо нервозному ощущению стали именно неприятные представления о грядущем. Но вскоре я понял, что волнение у меня в желудке вызвано какой-то непосредственной причиной, чем-то связанным с окружающим меня прямо сейчас. Сначала я не мог сообразить, в чем источник беспокойства, но через пару минут до меня дошло:

За мной наблюдали.

Оборачиваясь, я поглубже забрался в ивовые ветви и оглядел темноту вокруг – но нигде в этой части парка не было видно ни души. Но с каждой секундой я все больше убеждался в том, что кто-то откуда-то следит за каждым моим движением. Покрывшись холодным потом, я снова подергал галстук и воротничок и начал фут за футом перемещаться, очень быстро дыша. Наконец я выкрикнул в, казалось, совершенно пустую тьму:

– Кто здесь? Что вам нужно? – Понимая, что это несколько безрассудно, но не в состоянии удержаться, я сунул руку в карман штанов. – У меня пистолет! – заорал я. – И я им воспользуюсь, говорю вам...

Вдруг передо мной пронеслось темное пятно: с неба точно свалилась быстрая тень и мягко приземлилась в траву – но я все равно завопил и отпрыгнул. В пруд я не плюхнулся, лишь схватившись за ветку ивы; и хоть и услышал быстрые удаляющиеся шаги, когда наконец поднял глаза, человека того уже не было.

Отдышавшись, я понял, что теперь уж точно остался один: чувствовал я это столь же определенно, как и присутствие незнакомца прежде. Кто бы ни прятался на дереве – наверняка некий ребенок, как я глупо предположил тогда, – его, должно быть, устрасило упоминание оружия, и он бросился

прочь, напуганный мною еще больше, чем я им. Обнаружив, что выронил сигарету, я прикурил еще одну и направился к «Казино», посмеиваясь над собственной глупостью, так и не сообразив, сколь близка была подлинная опасность.

Впрочем, потом я понял это: ведь через какие-то часы я вновь столкнулся с этой опасностью и увидел ее лицо.

Глава 33

Мистеру Муру, мистеру Пиктону и мне в ту ночь за столами вполне повезло, и в результате субботним утром мы встали с, как говорится, радужными перспективами насчет ожидающих нас дел. Доктор с Сайрусом уже собрались и отправились на ферму к Вестонам в маленькой наемной двуколке; Маркус с мисс Говард на заднем дворе у мистера Пиктона сражались с тремя большими кипами хлопка, доставленными ранее. Люциус же тем временем устроил на заднем крыльце лабораторию – тщательно осматривал каждую деталь «кольта» Дэниэла Хатча и посыпал их порошком, дабы снять отпечатки пальцев, прежде чем взяться за разборку и обновление револьвера. При столь полезной поголовной занятости мистеру Пиктону показалось весьма осмотрительным поехать к себе в контору в суд и продолжить изыскания по делам, имевшим некоторое сходство с нашим (юристы зовут это «прецедентами»), а мы с мистером Муром проследовали в столовую отведать превосходного завтрака миссис Гастингс.

После еды настал и наш черед приступить к работе: Люциус выдал нам пару увеличительных стекол, медицинский щуп и два очень острых карманных ножа, и велел заняться куском обшивки и сиденьем возницы с подводы Хатчей, оттащенных детектив-сержантами к задней части дома. Нам следовало осмотреть их каждый дюйм, а при обнаружении чего-то похожего на пулевое отверстие воспользоваться медицинским щупом, чтобы проверить, не засел ли внутри металлический предмет. Если же он там присутствовал, нам, ясное дело, *не* нужно было пытаться извлечь его: вместо этого мы должны были при помощи ножей срезать все дерево вокруг, чтобы оставить сей предмет в неприкосновенности. Мы с мистером Муром выслушали эти инструкции с заметным отсутствием воодушевления, поскольку было понятно: последуя мы вышеозначенной процедуре, на освобождение пули из дерева уйдет уйма времени, даже если нам повезет и наткнемся мы на нее быстро. Но мы постарались сдержать ворчание и вскоре с головой погрузились в работу.

Примерно через час обнаружился первый кандидат на дырку от пули. Я нашел маленькое отверстие в углу доски и весьма взволновался, когда, сунув туда щуп, прикоснулся к чему-то, скорее всего состоящему из металла. Я подозвал детектив-сержантов для проверки, и они согласились, что найденное мною вполне может оказаться пулей. Теперь важно было,

срезая вокруг него дерево, не коснуться его лезвием ножа – условия этого я в пылу энтузиазма, признаться, не вполне понимал. Ведь если пулю можно будет опознать как таковую, что за беда, если на ней окажется пара ножевых царапин?

Само собой, сей вопрос был не из тех, что стоит задавать Маркусу с Люциусом, если только вы не настроены на крайне долгую лекцию о некоем перспективном направлении судебной науки. Нас с мистером Муром сорок пять минут без перерыва потчевали сведениями из новой области баллистики, и семинар этот лишь усугубило участие мисс Говард. Проще говоря, баллистика, похоже, сводилась к оружейному аналогу взятия отпечатков пальцев: несколько лет назад один англичанин обнаружил, что пули при прохождении оружейного ствола обязательно получают отметины от повреждений (зазубрин на металле и прочего), характеризующих данный ствол. К 1897 году, когда почти у всех пистолетов и длинноствольного оружия ствол стал нарезным, было установлено, что след на пулях оставляет и сама нарезка, состоящая из собственно «нареза» и его так называемого «поля». Нарезом назывались спиральные дорожки, проделанные внутри ствола (закрученные в правую или левую сторону), чтобы придать пуле вращение на выходе из дула и тем самым спрятать траекторию ее полета; полем же нареза называли пространство между желобками. Пули, прошедшие через эти желобки и грани, оказывались помечены линиями, в точности отражающими специфический нарез данного ствола. Эта система идентификации уже успела успешно зарекомендовать себя, хоть и не в Соединенных Штатах: несколько лет назад один французский коллега детектив-сержантов, некто мсье Лакассань, обнаружил соответствие количества, промежутков и витков следов на пуле, изъятой из трупа, стволу оружия подозреваемого. Впоследствии подозреваемый был приговорен, по большей части – в силу этих баллистических улик.

Это заключение было, как признали детектив-сержанты, несколько преждевременным, поскольку оружейные нарезы пока не систематизировали хотя бы по моделям и производителю, а уж тем более – по индивидуальным характеристикам отдельных деталей, так что, вполне возможно, кто-то еще во Франции владел оружием с таким же расположением желобков и граней, что и у ружья приговоренного парня. Однако фактически теперь имелось три способа определить, вылетала ли указанная пуля из конкретного ствола: прежде всего, понятно, калибр; затем особые отметины, оставляемые дефектами ствола (не каждый ствол непременно обладает ими, хотя для многих так оно и есть); и, наконец,

количество и изгиб желобков и граней. Однако, сколь бы убедительным все это ни казалось, даже соответствие оружия и пули по всем трем признакам еще не могло считаться последним словом в идентификации, поскольку, как уже отмечалось, отсутствовал центральный орган, который мог бы потребовать от оружейных производителей регистрации особых характеристик каждой из своих моделей: по-прежнему оставалась вероятность того, что искомая пуля, соответствующая данному оружию по калибру, дефектам и нарезу, могла в действительности быть выпущена из некоего неизвестного оружия с теми же данными. Ну, разумеется, такие эксперты по баллистике, как детектив-сержанты, могли возразить, что шанс обнаружить два ствола с совершенно одинаковыми характеристиками был, пожалуй, где-то один на миллион – но даже миллион к одному оставлял место для сомнений, и потому, хоть баллистические улики и стали, как говорится, могучим подспорьем для прогрессивно мыслящих следователей, их все еще не считали неоспоримыми юридически.

Когда Айзексоны и мисс Говард закончили объяснять это дело нам с мистером Муром, я как раз завершил свой труд по вызволению куска металла из доски; но дух мой, воспаривший было от перспектив представить пулю для баллистической экспертизы, заметно упал, лишь только стало ясно, что я битый час потратил на аккуратное извлечение старой шляпки гвоздя. Впрочем, подобное разочарование было обычным для детективной работы, уж это я знал точно – поэтому я снова взял лупу и продолжил осмотр поверхности дерева в поисках новой похожей дырки.

Люциус, Маркус и мисс Говард тем временем продолжили свою лекцию, объясняя, что младший Айзексон собирался сделать с «кольцом» Дэниэла Хатча: похоже, баллистика не ограничивалась одним сопоставлением пуль и стволов. Люциусу предстояло постараться аккуратно определить по количеству ржавчины и пыли, скопившихся на «миротворце», как давно из него стреляли и сколько раз. На второй вопрос ответ казался несложным: в шестизарядном барабане оставалось три патрона, что создавало впечатление трех произведенных выстрелов. Большим сюрпризом это не стало: именно три пули, по нашему предположению, пошли в дело при стрельбе в детей Либби Хатч. Однако, что вполне обычно, когда речь идет о судебной науке, вещи не всегда столь просты, как кажутся.

Нередко люди, держащие револьверы дома, объяснила мисс Говард, оставляют одно верхнее гнездо пустым, чтобы, если кто-то или что-то случайно заденет курок, не взведя его, боек ударника встретил лишь воздух. А по мере продолжения Люциусом осмотра эта тройца все больше

убеждалась, что сей процедуре следовал и Дэниэл Хатч. Три гнезда нашего револьвера, как я и сказал, оставались заряжены – но из остальных трех налет пороха был лишь на двух, свидетельствуя об их участии в стрельбе с момента последней чистки оружия. К тому же третье пустое гнездо покрылось ржавчиной больше, чем прочие два, указывая, что пустым оно оставалось дольше. А по мнению Маркуса и Люциуса, исключить маловероятный шанс того, что некто нашел оружие, выстрелил из него, перезарядил и бросил обратно в колодец, могло измерение количества ржавчины в стволе: из револьвера не стреляли много лет.

Все это весьма беспокоило. Чтобы наша теория о том, что Либби Хатч сама застрелила троих своих детей, сработала, нам требовались три выстрела – но из «кольта» стреляли лишь дважды. Эта недостача крайне озадачила Маркуса с Люциусом, и пока они продолжали обследовать револьвер на предмет отпечатков пальцев, лица их морщились, точно кора старых деревьев во дворе. Они действительно обнаружили на обеих сторонах рукояти и на спусковом крючке несколько отпечатков, совпадавших с отпечатками Либби; еще один частичный отпечаток имелся на курке, и они без колебаний приписали его ей же – но ничто не указывало на ее прикосновения к барабану, и это, похоже, исключало возможность того, что она могла перезарядить револьвер и вновь стрелять из него. Мы знали, что одна пуля прошла навылет через шею Клары Хатч (и благополучно застряла где-то в повозке, вероятно, снизу сиденья возницы) – но если оставался один только выстрел, как объяснить двух убитых мальчиков?

Маркус и Люциус, в настроении все более мрачном, тщательно записали все добытые первичные сведения о состоянии револьвера, и затем начали разбирать его, дабы подготовить к испытательной стрельбе. И именно мисс Говард вернула нам надежду, предложив возможное решение загадки с двумя пулями и тремя жертвами. Она сходила за стопкой документов мистера Пиктона, касавшихся стрельбы, которые лежали на пианино, и извлекла заключение доктора Лоуренса о смерти двух мальчиков Хатч, напомнив нам, что нигде ни разу не упоминались выходные пулевые отверстия на телах Томаса и Мэтью. А Лоуренс, хоть и говорил о пороховых ожогах у детей, так и не уточнил, у *каких именно* детей. Мистер Пиктон решил, что речь шла обо всех троих, поскольку у всех имелись огнестрельные ранения. Но дела могли обстоять иным образом. Заявлениям же Либби Хатч о положении детей при нападении мы могли доверять не больше, чем прочим ее словам. И потому в пределах данных рамок мы свободно могли представить последовательность

событий, совершенно отличную от той, кою мистер Пиктон придумал на основании имевшихся отчетов.

Допустим, сказала мисс Говард, что, когда повозка остановилась, маленький Томас на самом деле сидел у Клары на коленях. Девочке попали в грудь, но *никто* не мог совершить этого, не убрав прежде Томаса. Поэтому, по словам мисс Говард, нам следовало предположить, что Либби взяла Томаса и пересадила его – быть может, на колени к Мэтью. Потом Либби выстрелила в Клару, что почти наверняка крайне шокировало Томаса, и потому Либби быстро выстрелила и в него. Но «кольт-миротворец» 45-го калибра – оружие мощное: пуля, поразившая Клару, навывлет пробила ей грудь и шею. Так что пуля, доставшаяся маленькому Томасу, несомненно прошила его и попала в то, что было за ним – или в *того*, кто был за ним, если допустить мысль, что мальчик и впрямь сидел перед Мэтью.

От этой идеи в глазах Маркуса и Люциуса вновь появился огонек. То есть мисс Говард предполагает, спросили они, что обоих мальчиков убили *одной* пулей? Безусловно, отозвалась она – с учетом состояния «кольта» остальное не имело смысла. Но прежде чем предаваться ликованию, продолжила мисс Говард, стоит вспомнить вот еще о чем: пуле могло не хватить мощности пройти через два тела и врезаться в обшивку кузова повозки. А если так все и обстояло, у нас неприятности: ведь помимо прочих не упомянутых в отчете доктора Лоуренса вещей, там ничего не говорилось об извлечении каких-либо пуль из тел обоих мальчиков. Иными словами, если отсутствующей пули не было в деревяшках перед нами, ее похоронили вместе с Мэтью Хатчем на городском кладбище Боллстона (которое, как выяснилось, располагалось аккурат за углом от дома мистера Пиктона). Осознание этого немедля стерло улыбки с лиц детектив-сержантов и подстегнуло нас с мистером Муром – а теперь к нам присоединилась и сама мисс Говард – начать раздирать на щепки обшивку и скамью в попытке обнаружить вторую недостающую пулю: без нее мы даже не могли утверждать, что стрельба производилась из «кольта» старика Хатча.

Пока мы неистово трудились, Маркус с Люциусом вернулись к револьверу. Наконец на обед домой пришел мистер Пиктон, и за едой мы рассказали ему об утренних результатах, кои он счел интригующими, но притом и весьма тревожными. А когда он отправился обратно в контору, мы продолжили работу с еще большей решимостью – но начало дня миновало, не принеся никому никаких открытий.

По наступлении вечера приехали Сайрус с доктором Крайцлером,

заняли места рядом с нами и присоединились к поискам. Однако никаких обнадеживающих находок так и не последовало. Нам было уже почти негде искать, и именно мистер Мур первым понял ужасный смысл сего факта. Ближе ко времени коктейля лоб его окончательно нахмурился от разочарования, но когда мистер Пиктон возвратился домой и предложил всем оставить работу и выпить перед ужином, мистер Мур заставил себя состроить веселую физиономию и убедил детектив-сержантов, чьи глаза покраснели за целый день весьма скрупулезной работы, принять приглашение хозяина. Остальные тоже присоединятся, добавил он, через минутку, на что Маркус с Люциусом устало кивнули и отправились в дом.

Лишь только они покинули пределы слышимости, на лице мистера Мура отразилось нетерпение.

– Отлично, – заявил он, откладывая увеличительное стекло. – Хорош на сегодня. Всем отбой.

– Но почему, Джон? – удивилась мисс Говард. – Солнце еще светит, да и осталось не так уж много...

– В том и дело, – отвечал мистер Мур. – Часть из оставшегося понадобится нам утром нетронутой.

Я по-прежнему был сбит с толку, но Сайрус начал кивать с пониманием:

– Ее там нет, мистер Мур, верно?

– Шансы не в нашу пользу, – подтвердил мистер Мур. – Пуля сорок пятого калибра оставляет достаточно большую дыру – и *один из нас* ее бы уже заметил.

– Так зачем же тогда беречь *часть* этой штуки? – спросил я.

– Затем, что я не хочу, чтобы Руперту пришлось преднамеренно лгать в суде, или Маркусу с Люциусом оговаривать себя. Пуля эта может быть в одном-единственном месте – и мы ее достанем. А завтра утром засунем в оставшийся кусок и дадим им ее найти. Никому из *нас* свидетельствовать по этой части дела не придется, а раз так, нам нечего переживать о лжи – они же при своей осведомленности будут говорить правду.

Брови доктора приподнялись:

– Джон... вы сообщаете, что предлагаете?..

– Да, я знаю, что предлагаю, Крайцлер, – сказал мистер Мур, отодвигаясь от стола. – Но другого выхода нет. Все мы понимаем, что ни за что не получим от судьи ордер на подобное дело без разрешения матери. И не при тех ничтожных уликах, кои пока удалось собрать. – Он прервался, ожидая возражений, но их не последовало. – Я поищу в подвале лопату, – продолжил мистер Мур. – Сегодня ночью все и устроим.

Мисс Говард, Сайрус и я потрясенно переглянулись, но доктор подвел итог всем нашим тайным чувствам, объявив:

– Мур прав. Полагаться мы можем только на это.

Пять наших голов начали медленно кивать; но сколь бы мы ни соглашались с тем, что план мистера Мура был единственным способом раздобыть необходимое и одновременно уберечь юридический и этический статус мистера Пиктона и детектив-сержантов, сие не отменяло того факта, что мы замыслили злое, пугающее и незаконное предприятие, за которое людей веками вздергивали на виселицу – а то и чего похуже. К такому, что называется, надо было попривыкнуть.

Мистеру Муру удалось раздобыть в подвале лопату, а заодно и пару кусков крепкой веревки, и он сложил все это за кухонной дверью, пока остальные были в гостиной. Потом мы пошли на ужин, большую часть которого просидели довольно тихо – из-за перспектив того, что нам предстояло совершить. Мистер Пиктон, по счастью, заполнял тишину словесным потоком касательно изучаемых им дел; потом все вернулись в гостиную послушать еще немного ту музыку, что Сайрус играл днем раньше. Наконец настало время отправляться наверх. Нам нужно было подождать, пока мистер Пиктон и детектив-сержанты не отойдут ко сну, после чего остальные, каждый самостоятельно, должны были покинуть дом, чтобы встретиться за углом на Боллстон-авеню. Оттуда наш путь лежал напрямиком на кладбище.

Глава 34

Дом окончательно стих в начале второго. Я осторожно покинул комнату и прокрался наружу, чуть не врезавшись головой на лужайке перед домом в мистера Мура, шедшего из кухни с лопатой и веревкой. Мы не заметили ни следа наших приятелей-гробокопов, пока не прибыли в назначенное место встречи за углом. Там доктор и мисс Говард курили одну сигарету на двоих, а Сайрус тревожно оглядывал темные дома по обе стороны улицы. Насколько я видел, волнения он мог приберечь, даже памятуя о предстоящем нам: Боллстон-Спа был, очевидно, из тех городков, где ставни захлопывают рано и оставляют закрытыми даже в субботнюю ночь.

– Ну вот, а теперь запомните, – прошептал доктор, когда мы с мистером Муром приблизились. – То, что мы собираемся сделать, – серьезное уголовное преступление. Поэтому на самом деле участвовать будем только мы с Муром. Стиви, ты будешь караулить на этом конце улицы. Сайрус, ты отойдешь на то же расстояние в другую сторону. Сара станет нашей последней линией защиты – она будет стеречь кладбищенские ворота.

– С артиллерией, – отозвалась Сара, доставая оружие, которое обычно использовала только в самых особых случаях: «кольт» сорок пятого калибра с коротким стволом и перламутровыми щечками рукояти. Она быстрыми умелыми движениями проверила барабан, а доктор тем временем продолжал:

– Если вдруг случится *кого бы то ни было* встретить, *любому* из вас – выражайте полное неведение. Вы гость мистера Пиктона, вышли подышать воздухом в дивную ночь. Понятно? Что ж, очень хорошо...

Мистер Мур с мисс Говард и Сайрусом уже собрались было отправиться дальше по кварталу.

– Почему бы вам не остаться здесь вместе со Стиви, Крайцлер, а я пока вырою яму? Чем меньше людей внутри, тем лучше, да и вряд ли... – Тут мистер Мур быстро осекся – но он уже успел покоситься на высохшую левую руку доктора.

– Да, – произнес доктор, проследив взгляд мистера Мура на слегка сморщенную конечность. – Я вас понимаю, Мур, – помощи в рытье от меня будет мало. Очень хорошо. Дайте знать, когда управитесь.

Мистер Мур кивнул – вид у него был чуть виноватый из-за сказанного,

хотя он вовсе не хотел никого обидеть, – и заспешил прочь с нашими спутниками.

Мы с доктором несколько минут простояли там; я толком не знал, что и сказать, дабы преодолеть неловкость, возникшую при упоминании его руки. Но вскоре он сам избавил меня от этой необходимости, вновь глянув на нее и тихонько хохотнув.

– Странно, – прошептал он. – Никогда не думал, что она сможет на что-то сгодиться...

– А? – только и смог выдавить я.

– Моя рука, – шепотом ответил доктор. – Я так привык считать ее источником боли и напоминания о прошлом, что даже вообразить не мог, что она может быть чем-то еще.

Я знал, что он хочет сказать этим своим «напоминанием о прошлом»: когда ему было всего восемь, левую руку ему в самой тяжелой из множества их драк раздробил его собственный отец. Затем столкнул сына в лестничный пролет, чтобы усугубить травму и наверняка не дать руке срастись правильно. Периодические боли в искалеченных костях и мышцах вместе с недоразвитостью руки служили доктору постоянным напоминанием о невзгодах, выпавших ему в детстве. Но его слов о том, что рука может «на что-то сгодиться», я не понял, в чем ему и признался.

– Я имел в виду Клару Хатч, – сказал он, отводя взгляд от руки и мельком осмотрев улицу. – После нашей первой встречи я, естественно, не мог не сопереживать тому, что она лишена управления правой рукой – вполне вероятно, из-за нападения собственной матери...

Мы обернулись, слышав тихий звук лопаты, врезающейся в землю; но лето было влажным, и когда лопата проникла глубже, до мягкой почвы, звук совершенно затих. Доктор продолжил:

– Сегодня я решил воспользоваться совпадением наших травм и попробовать помочь ей в моем присутствии ощутить себя в достаточной безопасности, дабы понемногу дать образам случившегося вновь войти в ее мысли.

– Образам? – спросил я. – Хотите сказать, она не помнит всей истории?

– Часть ее сознания помнит, – ответил доктор. – Но большая доля ее умственной активности направлена на уклонение от этих воспоминаний и их стирание. Ты должен понять, Стиви, она эмоционально искалечена тем, что в происшедшем с ней нет никакого явного смысла: как это мама вместо того, чтобы оставаться источником помощи и безопасности, вдруг обернулась смертельной угрозой? К тому же она знает, что Либби до сих

пор жива и может вернуться и напасть снова. Но сегодня сочетание набора цветных карандашей, что я ей подарил, и истории, рассказанной мною об отце и моем увечье, похоже, наконец заронило в ее сознание мысль, что она может начать бороться с этими волнениями и страхами, и, возможно, даже делиться ими с другим человеком.

Я улыбнулся:

– Ей и вправду понравились карандаши, да?

Доктор пожал плечами:

– Ты уже видел подобное в Институте. Поразительно, чего в таких ситуациях могут добиться, казалось бы, вполне мирские предметы. Игрушка, игра... цветной карандаш. Неудивительно, что первым она взяла красный.

– Кровь? – тихо спросил я, прикинув, что в ее положении я бы, пожалуй, сделал тот же выбор.

– Да, – ответил доктор, встряхнул головой и с шипением втянул воздух. – Представь только дикость той сцены, Стиви... Разумеется, Клара не может говорить о ней, и память об этом была изгнана в самые дальние уголки ее активного сознания. Однако даже из этих углов она все равно добивается – *требуется* – освобождения, но лишь если освобождение это окажется для девочки безопасным. – Доктор прервался, обдумывая слова. – Красный поток... помнишь рисунок дома Вестонов, который она показала Сайрусу? За домом бежит ручей, и сегодня она добавила этот ручей к рисунку. Но нарисовала его красным – стремительно хлещущие красные струи. А за ручьем изобразила высохшее дерево, дерево, корни которого доставали до красной воды. – Доктор покачал головой, потом вытянул левую руку, сжав ее в кулак. – Говорю тебе, Стиви, даже если за все время здесь мы сможем лишь поправить рассудок бедняжки, поездка уже будет не напрасной.

Я пару минут поразмыслил над сказанным, а потом спросил:

– Через какое время, по-вашему, она сможет начать разговаривать с вами об этом?

– Вообще-то я настроен довольно оптимистично, исходя из ее сегодняшнего поведения. Спустя считанные дни мы, видимо, сможем обсудить случившееся путем рисунков и простых вопросов. Но чтобы она заговорила... для этого мне придется прибегнуть к новым стратегиями.

Какое-то время мы просто молчали. Пожалуй, я всего-навсего постигал, как маленькая Клара живет там на ферме, среди людей, когда-то бывших для нее чужими, день и ночь отчаянно пытаюсь не думать о том, зачем ей приходится жить с ними, но в то же время страстно желая это

понять. Как же мог действовать ее мозг, когда ему давали два таких безотлагательных и таких противоречивых набора приказов? Как ей вообще удавалось обрести мгновения сна или просто покоя со всеми этими голосами, вопящими у нее в голове, веля делать совсем разные вещи? То были печальные мысли – и, стоя там, на углу, я начал испытывать благодарность за то, что, будучи маленьким мальчонкой в Нью-Йорке, по крайней мере ясно знал, кто мои враги и как мне выжить. Как бы дурно ни вела себя моя мать, сомневаюсь, что ей хоть раз хотелось моей настоящей, буквальной *смерти*, – и впервые я взглянул на это как если не на благословенную, то уж точно одну из лучших в длинном списке скверных возможностей.

Внезапно раздались тихие шаги. Мы с доктором отступили в тень вяза и стали ждать: но это оказалась всего лишь мисс Говард, пришедшая сообщить, что мистер Мур готов и ждет доктора.

– Там все довольно тихо, – сказала она, указывая на кладбище. – Так что он позвал Сайруса помочь поднять гроб из земли. Он не то чтобы слишком тяжелый...

Доктор злоеще кивнул ей, потом обратился ко мне:

– Ладно, Стиви. Несколько минут побудешь один. Будь начеку.

И они вдвоем ушли по Боллстон-авеню, а я остался под вязом глазеть на тени от лунного света. Вскоре поднялся теплый ветер, и это сыграло дурную шутку с моим зрением – и воображением. Все окружавшие меня тени превратились в призрачные человеческие силуэты, которые целой толпой передвигались, плясали и, как я все больше убеждался, готовились наброситься на меня. Ну да, конечно, я *убеждал* себя, что это все ветер и что мне вовсе не о чем беспокоиться – все это лишь игра света и моего зрения, просто множество...

И тут я кое-что заметил: один из этих человекоподобных силуэтов – маленький, под деревом через дорогу – не шевелился. Не просто не шевелился, а еще и находился не там, где ему следовало быть с учетом положения луны. Вдобавок как раз примерно на уровне глаз у него имелась пара мерцающих точек...

А для тени его гримаса была чересчур похожа на улыбку.

Я окоченел на месте, напуганный и сбитый с толку. Чем больше я пялился туда, тем больше становилась моя уверенность: «оно» – и впрямь человек; но в то же время все это всматривание начало потихоньку сводить с ума мое зрение. Я понимал, что не смогу ничего выяснить, пока не найду способ заставить эту тварь выйти из-под дерева в лунный свет – но тут можно было влипнуть всерьез, дело-то весьма опасное. Однако кем или чем

бы ни было то, на что я смотрел, оно, похоже, не собиралось поднимать тревогу или действовать враждебно – и потому я решил, что со мной ничего не случится, если я просто выйду на пару шагов из-под дерева и попробую приглядеться получше.

И я пошел. И дико содрогнулся, когда теневое создание через дорогу зеркально повторило мое движение. Лишь только мы оказались вне покрова теней, я смог четко увидеть, кто это:

Эль Ниньо, маленький филиппинский абориген сеньора Линареса. На нем была та же самая одежда на четыре размера больше нужного – и по какой-то непонятной причине он действительно мне улыбался. Медленно подняв руку, он будто пробовал мне подать некий знак, и на минуту мне стало не так страшно. Попытка общения и улыбка в сочетании с его привлекательными округлыми чертами делали его не совсем угрожающим. Но потом он произвел иной жест: приподняв голову, потянулся рукой и провел пальцем вокруг шеи. В большинстве известных мне частей света этот жест значит лишь одно – но пигмей по-прежнему улыбался, и я еще на несколько секунд засомневался в его пользу, допуская некоторую вероятность того, что неверно его понял. Но случившееся следом никоим образом не утешало: все еще ухмыляясь, он положил ладонь на горло на манер удавки, будто хотел придушить кого-то – а в данном случае, вполне очевидно, вашего покорного слугу.

Вновь задрожав как осиновый лист, я развернулся и кинулся вверх по улице к кладбищу, нисколько не сомневаясь, что человек, которого я счел убийцей, станет меня преследовать и что гонка эта – не на жизнь, а на смерть. Я не оглядывался – я видал, как быстр Эль Ниньо, и не хотел снижать скорости даже на секунду. Достигнув северного края огороженного кладбища, я очутился в пределах видимости мисс Говард, стоявшей ко мне спиной. Не желая звать на помощь, я просто ускорил темп в надежде, что она услышит топот моих шагов. Так вскоре и вышло, а когда я оказался примерно в тридцати футах и ей стало видно мое лицо, она выхватила револьвер и отработанным движением прицелилась куда-то у меня за спиной. В немалом облегчении я бежал к ней, не останавливаясь – но потом, увидев, как она побледнела и как в замешательстве опустились ее руки, я притормозил. Она лишь взглянула на меня и пожалала плечами; тут я остановился окончательно, хватая воздух, и наконец оглянулся.

Маленького аборигена нигде не было.

Я согнулся, опершись руками в колени, чтобы как следует глотнуть воздуха и сплюнуть, и мисс Говард быстро подошла ко мне.

– Стиви, – тихо заговорила она, – что случилось?

– Слуга сеньора Линареса, – выпалил я. – Эль Ниньо – он был там!

В мгновение ока мисс Говард снова выхватила револьвер, только на этот раз не поднимая его выше бедра.

– Что он делал?

– Просто... *наблюдал* за мной, – ответил я, окончательно восстановив дыхание. – И делал знаки руками... мисс Говард, кажется, он собирался убить меня. Но странное дело – при этом он все время *улыбался*.

Свободной рукой она схватила меня за правую руку и потащила к кладбищенским воротам.

– Пошли, – бросила она. – Доктора это заинтересует.

Я никогда не считал себя набожным человеком, правда – но стоило нам миновать ворота, я узрел сцену, поразившую меня такой нечестивостью, что я замер как вкопанный. Место перед нами освещалось отчасти луной, отчасти тусклым мерцанием пары изогнутых уличных фонарей, что стояли аккуратно за кладбищенской оградой. Совокупно эти источники света просто не давали ошибиться насчет происходящего: доктор, сняв сюртук и засучив рукава рубашки, склонился над маленьким гробиком. Крышка гроба лежала в стороне, рядом с кучей земли из расположенной рядом вскрытой могилы. Руки доктора в перчатках держали скальпель и медицинский пинцет: он работал споро, но аккуратно, словно человек, разрезающий индейку за столом, окруженным проголодавшимися людьми. Мистер Мур стоял сбоку и смотрел в сторону, прижав ко рту платок. Было ясно – последние несколько минут его тошнит.

– Стоп, – вот все, что я смог вымолвить, когда мисс Говард направилась было к ним. – Не стоит... не стоит сейчас мешать ему. Скажем, когда он выйдет.

Мисс Говард бросила на меня быстрый взгляд, явно говорящий, что она вполне понимает мою неохоту.

– Стой здесь и карауль, – сказала она. – А я все же скажу ему – возможно, абориген не один. Хочешь мой револьвер?

Я посмотрел на него, но покачал головой: как я уже говорил, огнестрельное оружие – не мой стиль. Мисс Говард быстро подошла к мистеру Муру с доктором, и пусть я не слышал слов, крайне встревоженное выражение их лиц видел прекрасно. Но мы слишком далеко зашли, чтобы все бросить на полпути, это понимал даже я, так что эти двое попросту отослали мисс Говард обратно к воротам, и доктор вновь принялся за дело еще энергичней, чем прежде. Я глянул дальше вниз по Боллстон-авеню и увидел, что Сайрус не сводит с нас глаз, явно желая знать, что за чертовщина тут творится.

Я решил было сбегать и рассказать ему, но потом услышал довольный возглас – пожалуй, чуток громковатый с учетом ситуации – со стороны доктора. Я оглянулся и увидел, как он сжимает что-то в обтянутых перчаткой пальцах: не иначе то была пуля. Мистер Мур взглянул на сей предмет и с улыбкой облегчения похлопал доктора по спине. Потом они резво принялись прилаживать на место крышку гроба. Обернувшись к нам с мисс Говард, мистер Мур прошипел:

– Стиви! – громко, как только мог с учетом осторожности – и я, чувствуя, как та часть желудка, что не успела подкатить к горлу при виде Эль Ниньо, собирается присоединиться к прочим, побежал к ним.

Запах земли и гниения ударил мне в нос за целых десять ярдов, хотя, когда я добрался до могилы, они, по счастью, уже успели вернуть крышку на место. Теперь мне и мистеру Муру предстояло с помощью кусков веревки хитро опустить эту штуковину обратно в выкопанную яму – с чем мы справились без особого труда. Это задание отвлекало меня и не давало по-настоящему осмыслить, где я нахожусь – а заодно и что делаю, – но лишь только гроб опустился и мы начали сперва забрасывать могилу землей, а потом прикрывать ее большими кусками дерна, осторожно срезанными до того мистером Муром, мне наконец удалось разглядеть все эти надгробья и памятники вокруг.

Вздвогнув, я сообразил, что стою на могиле маленького Томаса Хатча. Быстренько сменил положение, дабы подсобить с другой стороны, и покосился на надгробья Мэтью и Томаса. Они ничем не отличались друг от друга, кроме вырезанных слов. В верхней части значились имена мальчиков и годы жизни, а под каждым была надпись «Любящий сын Элспет и Дэниэла». Но ниже этих слов расположились две разные цитаты. Томасова гласила: «Агнец, ушедший безвременно к Агнцу», а у Мэтью – «Верующий в Меня не умрет вовек». Внизу на каждой плите, буквами поокруглей и не такими тяжеловесными было выведено: «С вечной любовью, мама».

Может, я попросту искал, чем бы занять мозг, дабы успокоиться, но меня осенило спросить:

– А почему это их похоронили здесь, а не в усадьбе Хатчей? Там же кладбище за домом.

– В многих городах и городках сейчас требуют хоронить на специально отведенных общественных кладбищах, – ответил доктор, подняв обнаруженный предмет повыше, чтобы как следует рассмотреть. – Из соображений здравоохранения. Уверен, миссис Хатч не возражала – она, должно быть, понимала, что на общественном кладбище шансов совершить

поступок, подобный нашему теперешнему, куда как меньше.

– Да, и полагала так не без оснований, – сказал мистер Мур, который уложил на место последний кусок дерна и теперь старался прикрыть заметные следы на земле, выдергивая клочки травы и разбрасывая их поверх. – В таком месте гораздо проще попасться. – Он встал, осмотрел свою работу и удовлетворенно кивнул. – Ну вот. А теперь давайте-ка уберемся отсюда ко всем чертям.

Доктор быстро зашагал к воротам, а я задержался с мистером Муром, который тащил лопату и веревку, и при этом изо всех сил пытался снова натянуть сюртук. Забрав у него лишние предметы, я уточнил:

– Так вы нашли ее? В смысле, пулю?

– Похоже на то, – проговорил он, не желая до поры подавать надежду без должных на то оснований. – Причем в очень хорошем состоянии. Но вот *та* ли это пуля, ясно станет лишь завтра. Я слышал, у тебя приключилась маленькая стычка с нашим филиппинским приятелем?

Я кивнул и вздохнул с облегчением:

– Думал уж, мне точно крышка.

– Сомневаюсь, что это входило в его планы, – изрек мистер Мур. – Сам же видел, как он работает, – если бы хотел тебя убить, ты бы наверняка ничего не успел увидеть или услышать.

– Гм... – Я притормозил у ворот, сообразив, что мистер Мур прав. – Но тогда, – произнес я, когда к нам уже подбегал Сайрус, – чего же он хотел?

– Этого мы не знаем, – ответил доктор, поняв, о ком и о чем я говорю. – Но должны постараться выяснить. Однако сейчас, Стиви, важнее всего, чтобы ты не проговорился об этой встрече ни детектив-сержантам, ни мистеру Пиктону. Поскольку для них – и для всех нас, – он еще раз покосился на кладбище, и мы тронулись в обратный путь, – ничего этого не было.

– От *меня* уж точно ни слова не дождетесь, – пробормотал мистер Мур, принимая предложенную доктором сигарету. – Вряд ли я горжусь этой маленькой эскападой.

– Что, Мур, думаете, Мэтью Хатч восстанет из могилы, – подколот его доктор, – и станет обвинять вас в нарушении своего вечного покоя?

– Может быть, – ответил мистер Мур. – Что-то вроде того. А *вас*, Крайцлер, насколько я вижу, это все как-то не очень волнует, черт подери.

– Возможно, я просто иначе понимаю то, что мы только что сделали, – отозвался доктор, посерьезнев. – Возможно, я считаю, что душа Мэтью Хатча до сих пор *не познала* покоя, вечного или какого бы там ни было, а мы – его единственный шанс этот покой обрести. – Дав прикурить сперва

мистеру Муру, а потом запалив и свою сигарету, доктор затянулся и оживился. – А вот чего я не понимаю, – сообщил он, меняя тему с обычной своей резвостью, – так это какого дьявола им нужно. Этот человек шлет нам свое предупреждение в № 808, спасает жизнь Сайруса на Бетьюн-стрит, а теперь здесь, на другом конце *штата*, явно пытается передать некое смертельное послание Стиви. Что все это может значить?

– Сеньор Линарес, – заявила мисс Говард, следуя за блуждающей мыслью доктора, – очевидно, хочет дать нам знать, что осведомлен о наших передвижениях – и наших действиях.

Мистер Мур кивнул:

– Похоже, пока мы не общаемся с его женой и не пытаемся разыскать девочку – мы в безопасности. Но перейди мы эту черту...

– Не в этом ли смысл знаков, которые туземец подавал Стиви? – заинтересовался доктор. – В том, что мы можем предпринимать любые действия в отношении Либби Хатч, если они не касаются семьи Линарес?

– Может быть, – пожал плечами мистер Мур.

– Но почему бы тогда этому человеку попросту не *сказать* нам все напрямую? – спросил доктор с растущим недоумением. – К чему все эти зашифрованные послания через таинственного посредника?

Я покачал головой:

– Вряд ли он имел в виду именно это...

– Стиви? – заинтересовался Доктор.

– Я не знаю, – вздохнул я озадаченно. – Просто он... ну, у него был не такой вид. В смысле, у Эль Ниньо. Я, конечно, перепугался, но... как мне сейчас кажется, он не собирался угрожать или о чем-то предупреждать. Похоже было, что... он будто чего-то *хочет*.

– Туземец? – уточнил Доктор, когда мы подходили к дому мистера Пиктона. – Что ему от нас может быть нужно?

– Говорю же, не знаю, – понизил я голос до очень тихого шепота, пока мы собирались незаметно гуськом проникнуть обратно в дом. – Но что-то мне подсказывает, вскоре он даст нам об этом знать.

Глава 35

Окончательная часть нашего плана прошла, точно по нотам, – большего и просить было нельзя. По возвращении к мистеру Пиктону мистер Мур осторожно загнал пулю в пустое отверстие в куске обшивки от подводы Хатчей, и на следующее утро всех подняли на ноги дикие вопли Люциуса. Он встал пораньше, чтобы лично произвести осмотр, полагая, что мы могли что-нибудь упустить – именно так сейчас все и выглядело.

Поковыряв в дырочке одним из своих щупов, Люциус объявил, что обнаружил внутри предмет, определенно состоящий из мягкого металла; и пока остальные одевались и завтракали, они с Маркусом вызволяли этот самый предмет из дерева. То были беспокойные минуты для братьев, а заодно и для мистера Пиктона – а мы в свою очередь старались делать вид, что тоже сгораем от нетерпения. Но я и по сию пору не знаю, насколько убедительно у нас получалось.

Когда последние щепки отступили перед неутомимым ножом детектив-сержантов и обнажили крупную, почти нетронутую и весьма узнаваемую пулю, отовсюду раздались поздравления. Маркус отнес пулю к карточному столу и положил на зеленую войлочную поверхность, чтобы показать остальным. Мне в жизни довелось повидать немало таких снарядов, но я никогда не тратил время на то, чтобы как следует рассмотреть хотя бы один вблизи – как сейчас, сквозь увеличительное стекло. Я старался разглядеть опознавательные метки, о которых Маркус с Люциусом рассказывали нам днем раньше, – и они оказались на месте, как и положено, вполне очевидные для любого: по крайней мере, желобки и грани – уж точно. Что же до дефектов, производимых стволом «миротворца», то их нам предстояло оценить в сравнении с пробной пулей, которую как раз и настала пора заполучить, отправившись на задний двор и приготовив хлопковые тюки к испытанию.

Люциус умело всадил три найденные им в «кольте» (и слегка подновленные) пули в хлопок. Только один из патронов выказал свой истинный возраст и дал осечку, а прочие два превосходно воспламенились, после чего нам осталось лишь прочесать хлопок и разыскать пули – обнаружили они через какие-то двадцать минут. Маркус с Люциусом заверили нас, что обе в очень хорошем состоянии, так что теперь настала пора для проведения сравнительной работы – но это, как предупредили братья, может оказаться делом многих часов. Все вернулись в дом,

и Маркус установил на карточном столе свой двустольный микроскоп. И мы, исходя из предположения, что пули в итоге окажутся схожи, начали планировать, какие шаги нам стоит предпринять в последующие дни для получения обвинительного акта большого жюри.

Обычно вышеназванный акт был делом верным: большие жюри представляли собою орудие в руках окружных прокуроров, – но, как все мы слишком хорошо знали, против нас в этом деле выступали особые обстоятельства, и они требовали от нас большего, нежели обычной подготовительной работы. Для мистера Пиктона это оборачивалось долгими днями в конторе за повторным пересмотром всей информации по делу и сбором как можно большего количества прецедентов, наряду с выяснением того, каких свидетелей (экспертов, очевидцев и прочих) стоит привлечь для дачи показаний. Маркусу же с мистером Муром тем временем стоило вернуться в Нью-Йорк и произвести все необходимые шаги. Прежде всего, им следовало официально уведомить Либби Хатч, что ей предстоит стать субъектом расследования большого жюри, на случай, ежели она вдруг пожелает явиться на судебное разбирательство и дать показания – это было ее право (мистер Пиктон полагал назначить Маркуса специальным судебным приставом, дабы тот мог вручить повестку). Затем этой паре нужно было попытаться найти преподобного Клэйтона Паркера, потенциального ключевого свидетеля, чей последний известный нью-йоркский адрес мистер Мур намеревался узнать, отправившись тем же днем в пресвитерианскую церковь. Если же в итоге Либби Хатч решит никоим образом не связываться с большим жюри (что, как мы предполагали, было вероятней всего), Маркусу и мистеру Муру придется остаться в городе и постараться отслеживать ее передвижения, не дав при этом проломить себе головы Гудзонским Пыльникам.

В свою очередь Люциус с Сайрусом сообща намеревались вернуться в понедельник в старый дом Хатча и перевернуть его вверх дном в поисках дополнительных улик. Мы с мисс Говард получили задание попробовать выяснить все возможные подробности загадочного прошлого Либби Хатч – и путь этот начинался с нового визита к миссис Луизе Райт, затем шел в городок Стиллуотер (где, как мы знали, какое-то время проживала Либби), а потом вел нас одному богу известно куда. Доктор же, понятно, продолжал работать с Кларой Хатч: нет никакой надежды на обвинительный акт, повторил мистер Пиктон, пока девочка не будет в состоянии ответить хотя бы «да» или «нет» на простые вопросы перед большим жюри.

В тот день доктор с Сайрусом уехали на ферму Вестонов сразу после обеда, мистер Мур отправился в пресвитерианскую церковь, а мистер

Пиктон вернулся в контору. Впрочем, когда все они возвратились, никакого прогресса за карточным столом в гостиной не наметилось. Один унылый час за другим тянулся, не принося никаких признаков успеха, но около половины седьмого Люциус наконец вскочил со стула и начал орать как безумный – что, как нам показалось, можно было счесть обнадеживающим знаком.

Собравшись вокруг, все вскоре поняли, что надежды наши были вполне обоснованны. Бороздки желобков и граней на пулях (их было семь, закручивались они влево) не просто точь-вточь совпали с нарезкой ствола «кольта» – в одном и том же месте на пулях имелась еще одна отметина, столь маленькая, что на ее отождествление ушли часы. Оставляла ее, как сказал Маркус, крошечная зазубрина на стали револьверного ствола, как раз внутри дула. Эта отметина и придавала баллистическому доказательству, кое получили детектив-сержанты (и мог получить любой) тот самый не-безоговорочный-но-тем-не-менее-один-из-миллиона вес, который нам требовался: даже при допущении того, что еще один «кольт» 45-го калибра армейской модели простого действия мог обладать в точности тем же рисунком желобков и граней, что и наш, факт наличия у него в точности такого же дефекта ствола принять на веру было ой как сложно. Так что, похоже, мы миновали чрезвычайно важный рубеж, и челюсти нашего замысловатого капкана начали смыкаться крепче.

Мистер Пиктон на самом деле пребывал в такой уверенности, что даже объявил о своем намерении назначить слушание большого жюри на ближайшую пятницу, всего через пять дней. Однако, как выяснилось на следующее утро, босс нашего хозяина, окружной прокурор Пирсон, не разделял убежденности своего помощника: когда мистер Пиктон изложил ему план, мистер Пирсон заявил, что собирается перенести свой отпуск, который в любом случае собирался взять в течение двух недель, на неделю – и не вернется, пока не закончится вся эта «неестественная» возня с делом Хатч. Мистера Пиктона, в свою очередь, это, похоже, вовсе не озаботило: он весело распрощался с мистером Муром и Маркусом (кои собирались в полдень отбыть в Нью-Йорк) и удалился обратно в контору, после чего остальные разделились для выполнения своих заданий.

У нас с мисс Говард первым пунктом повестки дня значилось посещение дома миссис Луизы Райт на Бич-стрит. То было странное место – так близко от теплиц Шафера, что существовало будто бы при постоянном свете дня, поскольку ночью ни часа не обходилось без искусственного освещения одного из участков гигантских цветочных посадок. Из-за этого миссис Райт – приятная на вид, но суровая на язык

леди за пятьдесят, муж которой погиб в Гражданскую войну, – закрывала окна чрезвычайно тяжелыми занавесями и шторами, отчего в доме было тихо, как в могиле. Главный источник шума составляли часы на камине в гостиной – их размеренное тиканье словно во всеуслышание провозглашало, как летит жизнь. Масса украшавших дом фотографий мужа миссис Райт в молодости довершала ощущение того, что дом был филиалом похоронного бюро.

Миссис Райт подала нам в гостиную чай и сэндвичи, и, как мне показалось, была весьма довольна шансом принять еще большее участие в преследовании Либби Хатч – а когда услышала, что ее собираются пригласить свидетельствовать при разбирательстве большого жюри, это довольство, похоже, переросло в несомненное удовлетворение. Как довольно скоро выяснилось, сведения пожилой дамы о Либби Хатч, преподобном Паркере, детях Хатчей и смерти старика Дэниэла были весьма разоблачительны и подкрепляли все изначально рассказанное ею по этому поводу. Так что, когда мы с мисс Говард около трех покинули дом пожилой леди, направились на извозчий двор и наняли экипаж для путешествия в Стиллуотер, настрой наш был чрезвычайно оптимистичным.

Мы взяли прежнюю бричку – запряженную тем же маленьким морганом, – на которой возвратились из дома Хатча в пятницу, и первую часть нашей пусть и не слишком роскошной поездки на юго-восток спокойного нрава конь сделал быстрой и легкой. К несчастью, сама бричка оказалась далеко не столь надежной: едва мы свернули на дорогу, пролежавшую вдоль Гудзона, заднее колесо отлетело с отвратительным резким треском, и хотя сие крушение не повредило ни само колесо, ни повозку, мы на пару часов застряли на обочине, пока проезжий фермер, у которого имелась крепкая веревка, не предложил нам помочь поднять упряжку и приладить колесо на место. Процесс этот отнял еще часа два, после чего пришлось медленно проследовать за нашим добрым самаритянином к нему на ферму, где находились инструменты, дабы удостовериться, что колесо держится. Мисс Говард вручила этому дружелюбному, хоть и не слишком разговорчивому человеку пять долларов за помощь, а потом мы решили, что, будучи к Стиллуотеру несколько ближе, чем к Боллстон-Спа (но при том на порядочном расстоянии от обоих мест), продолжим двигаться на юг и попробуем хотя бы приступить ко второму намеченному делу нынешнего дня.

В Стиллуотер мы въехали, когда солнце уже садилось над этим маленьким городком, состоящим всего-навсего из пары промышленных фабрик у реки да нескольких кварталов домов, поднимающихся от берега.

Город оказался куда мрачнее большинства виденных нами в округе мест: сложно было сказать, что именно производят эти фабрики, но повсюду царил общий дух неопрятности и упадка – того рода, что обычно присущ городам покрупнее. Даже Гудзон, обыкновенно чистый и манящий в северном течении, на здешнем своем протяжении был словно покрыт пленкой грязи. Отсутствие же людей на улицах не намного смягчало здешний отталкивающий холод – и, поскольку солнце вскорости после нашего приезда стало садиться намного быстрее, и мисс Говард, и я принялись вслух размышлять, верный ли выбор насчет дальнейшего направления после починки колеса совершили. Само собой, наша осведомленность о том, что Либби Хатч некогда обитала в этом гнетущем ничтожном захолустье, тоже никоим образом не улучшала впечатление от него.

Я остановил упряжку на месте, которое вроде бы походило на центр города (вокруг, впрочем, по-прежнему не было ни души), мы сошли и принялись бродить окрест, надеясь, что в конце концов столкнемся с кем-нибудь, кто сможет рассказать, где мы находимся. Наконец, примерно через десять минут отсутствия каких бы то ни было признаков жизни, мы услышали, как по другую сторону от фабрик на берегу открылась дверь, и увидели мужчину, покидающего один из домиков, больше похожих на лачуги. Мисс Говард крикнула этому типу:

– Прошу прощения... – на что все его грузное, шестифутовое тело чуть не подскочило в воздух на добрый фут. Мы быстро направились туда, где он стоял, и при нашем приближении он беспокойно огляделся и чуть выпрямился, словно решил, что мы представляем закон или церковь. – Прошу прощения, – повторила мисс Говард, когда мы приблизились, – мы разыскиваем сведения об одном человеке, который жил здесь раньше. С кем мы можем поговорить? Я знаю, уже поздно, но...

– Они там, в таверне, – быстро ответил человек, отступая от нас на пару шагов. – Все, кто не дома, то есть. Все они там. – Он кивнул на кромку воды в трех или четырех кварталах за нами.

– О... – Мисс Говард оглянулась, пытаясь вычислить таверну, о которой говорил мужчина, потом кивнула: – Вижу... – и снова повернулась к нему. – А вы случайно не сможете нам помочь? Это было давно, так что...

– Я здесь всю жизнь прожил, мэм, – ответил мужчина. – Если ваш кто-то жил в *этом* городе, мне уж точно лучше знать, чем всем этим макаронникам и ирлашкам, что понаехали работать на фабриках.

Мисс Говард помедлила, изучая его, потом слегка улыбнулась:

– Понимаю. Ну что ж – мы разыскиваем сведения о женщине. Когда

она жила здесь, ее звали Либби Фрэзер, хотя с тех пор...

– *Либби Фрэзер?* – Лицо человека будто исполнило странный маленький танец: быстрой панической зыбью на нем промелькнули шок, испуг и, наконец, ненависть. – Какого черта вам приспичило знать о *ней*?

– Ну, понимаете, мы участвуем в одном расследовании...

– Никто не станет говорить с вами о Либби Фрэзер. Только не в этом городе. Никто вам ничего не скажет. – Глаза мужчины на грязном лице уставились так, будто он с каждой секундой все больше пугался и злился. – Поняли? *Никто*. Она давным-давно отсюда уехала. Хотите задавать вопросы о Либби Фрэзер – ищите, куда она направилась, и валите туда. – Он сплюнул на пыльную мостовую. – Тогда и будет толк. – Потуже заправив рубашку в штаны, будто в подтверждение своей серьезности, человек развернулся – и двинулся обратно, напрямик в дом, из которого только что вышел.

Мы с мисс Говард проводили его, что называется, с ошарашенными лицами.

– Ну, – изрекла наконец мисс Говард, – надо отдать должное этой женщине – она вызывает сильные чувства, куда бы ни явилась.

Обернувшись вниз на улицу, я заметил вывеску снаружи одного из зданий на берегу, за фабричными мастерскими. В потемках мне не удалось прочесть, что на ней значится, но основной смысл был вполне очевиден.

– Думаете, стоит попытаться счастья в таверне?

– Полагаю, придется, – отозвалась мисс Говард. – Раз уж забрались сюда.

Обратно в повозку мы садиться не стали, а вместо этого пешком прошли около трех кварталов до строения с вывеской, которая и впрямь сообщала, что внутри находится заведение, которое в этом городе сподобилось выдавать себя за «таверну» (в Нью-Йорке же оно едва дотягивало бы до грязной забегаловки). Я отнюдь не был уверен в осмотрительности посещения таких мест женщиной и мальчиком без сопровождения, и, думаю, мисс Говард прочла тревогу на моем лице: она извлекла свой револьвер с перламутровой рукоятью и мельком показала его мне.

– Готов? – без лишних слов спросила она, вновь пряча оружие в складках платья.

Я кивнул, хотя психовал по-прежнему изрядно, проговорил:

– Ладно, – и распахнул сетчатую дверь старого дощатого здания.

Помещение внутри переполнял букет обычного зловония – пиво, выпивка покрепче, дым, моча, – а поскольку заведение зиждилось на

вполне себе мертвом участке Гудзона, в этой смеси присутствовала и гнилая речная вода. Обстановку составляли длинная стойка и стол с лузами для бильярда, освещалось все (если это можно так назвать) полудюжиной керосиновых ламп. Присутствовало человек двадцать: лишь немногие разговаривали или вообще были заняты хоть чем-то, помимо тупого созерцания стен и окон мертвыми глазами работаг, предающихся единственному развлечению, кое они знают или вообще желают знать, – сидеть и сосать крепкое спиртное. Как обычно и бывает в подобных местах в подобных городах, они разом повернулись к двери, стоило нам войти, – а мы с некоторым изумлением узрели в углу бара человека, с которым говорили какие-то три минуты назад. Что бы там Либби Фрэзер ни натворила в этом городе и кем бы ни была, этого оказалось вполне достаточно, чтобы заставить большого усталого человека броситься что есть сил долгим окольным путем, лишь бы успеть предупредить приятелей о появившихся в городе и расспрашивающих о ней чужаках.

Мисс Говард кивнула в его сторону.

– Здравствуйте, – тихо произнесла она; но человек отвернулся к бару, будто никогда нас раньше не видел. Сомневаясь в следующем шаге, мисс Говард посмотрела на меня.

Я выждал, чтобы комнату вновь заполнило низкое бормотание, потом очень тихо вымолвил:

– Бармен. – Мы отыскали свободное место у дальнего конца стойки и подождали, чтобы к нам подошел худой человек с кислым лицом. Он не сказал ни слова, только холодно взглянул на мисс Говард.

– Добрый вечер, – поздоровалась она, снова пуская в ход обычные любезности. Но и на этот раз пользы от них вышло не больше: человек попросту продолжал на нее пялиться. – Мы пытаемся отыскать кое-какие сведения...

– Таким не торгуем, – буркнул бармен. – Только выпивка. Это все.

– А... – мисс Говард секунду взвешивала услышанное, потом заявила: – Ну, раз так, я буду виски. А моему другу – рутбир.

– Есть лимонад, – ответил субъект, на мгновение переведя на меня холодный взгляд.

– Ладно, пускай лимонад, – сказал я, не желая показывать этому типу, что нервничаю из-за него.

Бармен принес напитки через считанные секунды, и мисс Говард, положив деньги на стойку, заметила:

– Мы понимаем, что информация не бесплатна...

Но от этого бармен будто ошетинился пуце прежнего: сощурившись,

он перегнулся к ней через стойку.

– А теперь слушай сюда, юная мисс... – Внезапно все посетители в зале снова уставились на нас. – Тебе уже сказали, никто в этом городе не станет говорить с тобой о Либби Фрэзер. Она отнюдь не лучший предмет для разговоров с кем бы то ни было – включая чужаков.

Мисс Говард быстро оглядела темную, грязную комнату, а потом произнесла:

– Я не понимаю. Чего вы все так боитесь?

Мена пробила дрожь ужаса: мы находились в таком месте, где мужчин не стоило обвинять в трусости. Но, что странно, ни бармен, ни остальные, расслышавшие вопрос, не вцепились мисс Говард в глотку. Они лишь по-прежнему смотрели в упор, и наконец бармен, понизив голос, пробормотал:

– Порой страх – попросту здравый смысл. Как и рот на замке. А после случившегося с Мюленбергами...

– С Мюленбергами? – переспросила мисс Говард, но бармен осекся, сообразив, что сболтнул лишнего.

– Допивайте и выкатывайтесь отсюда, – бросил он, отходя к другому концу стойки.

– Да скажите же хотя бы, где живут эти люди? – наудачу взмолилась мисс Говард. – Кажется, вы не понимаете: мы ведем расследование, которое может обернуться серьезными уголовными обвинениями против этой женщины.

Но все в комнате хранили молчание. Потом один тип в углу, лица которого мы не видели, произнес:

– Живут они в старом желтом доме на южной окраине.

– А ну заткнись к чертовой матери, Джо! – зарычал бармен.

– Чего это ради? – возмутился человек в углу. – Если они собираются разыскать сучку...

– Да? – вмешался мужчина, с которым мы говорили на улице. – А если они ее не поймут и она узнает, что ты им поспособствовал?

– Ох... – донесся испуганный шепот, и это было последнее, что мы услышали от парня в тени.

– Второй раз повторять не собираюсь, – заявил бармен. – Допивайте и уходите.

Похоже, умнее всего было последовать сему приказу – атмосфера в заведении становилась весьма неуютной. Страх оказывал на невежественных людей свое обычное действие, будоража их и располагая к насилию, и я решил, что лучше бы нам выбираться отсюда и, быть может, заодно из города. К сожалению, мисс Говард смотрела на вещи иначе. Когда

я похлопал ее по плечу и направился к двери, она пошла следом – но как только мы поравнялись с концом барной стойки, еще раз остановилась окинуть взглядом сборище лиц в помещении и осведомилась:

– В *этом* городе ее боятся все мужчины?

Понимая, что сейчас она определенно переступает пределы того, что эти ребята еще могут вытерпеть тихо, я аккуратно вытолкнул мисс Говард за дверь, а там и к бричке, хотя радости особой ей это не доставило: она была не из тех женщин, кто отступает перед мужскими угрозами и запугиванием, а поведение мужчин в баре лишь добавило ей решимости остаться в Стиллуотере и что-нибудь выяснить. Поэтому, забравшись в повозку, мы в итоге, вместо того, чтобы править на север и прочь из города, погнали дальше на юг, пока не подкатили к старому обветшалому дому. Некогда это здание, *возможно*, и было желтым, но сейчас представляло собой попросту массу засохших вьющихся побегов и облезающей краски. В одном из окон виднелся тусклый свет лампы, перед ней раз или два мелькнул человеческий силуэт.

– Зайдем? – спросил я, в надежде, что, может, мисс Говард еще как-нибудь передумает.

– Разумеется, зайдем, – быстро ответила она. – Я хочу знать, что за дьявольщина здесь стряслась.

Кивнув, как говорится, с покорностью, я спустился с брички и последовал за мисс Говард в брешь поломанного штакетника, окружавшего заросший передний двор. Мы подошли к парадной двери, и мисс Говард собралась было уже постучать – но тут я заметил что-то в темноте пообок дома.

– Мисс, – пискнул я, толкая ее локтем и указывая, – может, взглянете туда...

Обернувшись, мисс Говард проследила за направлением моего пальца и увидела черные развалины на соседнем участке. То явно были руины другого дома – по краям располагались две потрескавшиеся дымовые трубы, и даже при неверном свете луны можно было различить пару чугунных печей и кое-какие предметы ванной комнаты – ванну и раковину, – лежащие в обломках. Посреди всего этого пробивались молодые деревца и кустарник, свидетельствуя, что пожар, разрушивший это место, приключился довольно давно.

А в общем и целом сия сцена мгновенно вызывала в памяти дом старика Хатча в Боллстон-Спа.

– Значит... – прошептала мисс Говард и отступила на пару шагов от двери, разглядывая зловещие руины. Мне показалось, что оба мы думаем

об одном: может, те парни в таверне не зря были столь запуганы.

– Не хотел бы я оказаться в *том* доме, – тихо произнес я. – В таком огне выжить совсем не просто.

– Невозможно, по-моему, – кивнула мисс Говард.

Но, как выяснилось, она ошибалась: кое-что *пережило* этот пожар. И не просто *кое-что*, а *кое-кто* – и нас ждала встреча с этим человеком.

Глава 36

В том маленьком доме на южной окраине Стиллуотера нам довелось побыть лишь в прихожей и гостиной – но память об этих помещениях так глубоко выжжена в моем мозгу, что я, вероятно, смог бы воссоздать их прямо сейчас, вплоть до тысячи крохотных трещинок, пронизавших стены, подобно умирающим кровеносным сосудам. Однако в нашей истории достаточно будет сообщить, что после стука нас впустила в дом старая негритянка, вид которой ясно говорил: посетителей здесь бывает немного, и такое положение дел всех вполне устраивает.

– Здравствуйте, – сказала мисс Говард, когда мы прошли. – Я понимаю, уже поздно, но не подскажите, дома ли мистер или миссис Мюленберг?

Черная старуха бросила на мою спутницу тяжелый и слегка потрясенный взгляд.

– Кто вы? – спросила она. Но прежде чем мисс Говард успела ответить, сама взяла на себя этот труд. – Должно быть, чужаки в наших краях – мистера Мюленберга *нет*. И нет все эти лет десять, а то и больше.

Мисс Говард несколько смущенно выслушала ее, потом сказала:

– Меня зовут Сара Говард, а это – и, указав на меня, постаралась подыскать достаточно убедительное в сложившихся обстоятельствах объяснение, – мой кучер. Я работаю у окружного прокурора Саратоги, расследую дело, касающееся женщины, некогда жившей в этом городе. Тогда ее имя было Либби Фрэзер. Нам сказали, что Мюленберги как-то общались с ней...

Старая негритянка выпучила глаза и подняла руку, пытаясь вытолкнуть нас скопом наружу.

– Нет, – быстро бормотала она, качая головой. – Не-а, нет-нет! С ума сошли? Явились сюда, задают вопросы... а ну выметайтесь живо!

Но до того, как ей удалось прогнать нас обратно в ночь, из гостиной донесся голос:

– Кто там, Эммелин? – спрашивала женщина, и голос ее звучал грубо. – Мне слышалось, что кто-то говорит... Эммелин! Кто там?

– Да просто какая-то леди с вопросами, мэм, – ответила старуха. – Но я отправлю ее прочь, не беспокойтесь!

– С какими вопросами? – отозвался голос – и тут я заметил в нем то, что доктор назвал бы парадоксальным качеством: сам по себе звук указывал на человека примерно одних лет с негритянкой, но тональность и

темп слов были очень резкими и будто принадлежали кому-то намного моложе.

Вне себя от ужаса женщина у двери вздохнула и крикнула:

– О Либби Фрэзер, мэм.

Воцарилась долгая пауза, потом голос из гостиной зазвучал намного тише:

– Да. Так мне и слышалось... Она сказала, что из конторы окружного прокурора?

– Да, мэм.

– Тогдапусти ее, Эммелин. Впусти ее.

Негритянка неохотно отошла в сторону, давая нам с мисс Говард пройти через пещеру прихожей в гостиную.

Невозможно было различить цвета потрескавшихся стен той комнаты или кусков старинных обоев, все еще державшихся на них немногочисленными островками. Мебель, теснившаяся вокруг тяжелого стола с лампой, тоже пребывала в обветшалом состоянии. Слабый желтый свет маленького дымного огонька лампы доходил до углов комнаты, но не проникал в них – и как раз в одном из этих углов на жалком старом диване сидела наша «хозяйка»; ноги и большую часть тела ее скрывало вручную сшитое стеганое одеяло. Перед лицом она держала старый веер, медленно перемещая его, чтобы обдувало прохладой – по крайней мере, так я понял ее действия. И, насколько можно было судить, в комнате больше не было ни души.

– Миссис Мюленберг? – тихо обратилась мисс Говард, глядя в темный угол.

– Не знала, – ответил скрипучий голос, – что окружной прокурор начал брать на службу женщин. Кто вы?

– Меня зовут Сара Говард.

Голова за веером кивнула.

– А мальчик?

– Мой кучер, – сказала, улыбаясь мне, Сара. – И мой телохранитель. – И, вновь повернувшись к миссис Мюленберг, добавила: – Похоже, в этом городе мне без него не обойтись.

Затененная голова продолжала кивать.

– Вы спрашиваете про Либби Фрэзер. Она – опасная тема для бесед... – Внезапно и резко миссис Мюленберг глубоко вдохнула – со стоном, от которого волосы бы встали дыбом даже у покойника. – Прошу вас, – продолжила она через несколько секунд, – сядьте...

Мы нашли два стула с прямыми спинками, что казались чуток

покрепче прочих предметов в комнате, и попробовали усесться.

– Миссис Мюленберг, – сказала мисс Говард, – признаюсь, я несколько озадачена. Мы – я – разумеется, приехали сюда не в поисках неприятностей. И без намерения кого-либо обидеть. Но, похоже, одно лишь упоминание имени Либби Фрэзер...

– Видели, что осталось от соседнего дома? – перебила миссис Мюленберг. – Это был мой дом. Точнее, моего мужа. Мы жили там с нашим сыном. Люди в этом городе не хотят, чтобы их дома превратились в обугленный кирпич и пепел.

Мисс Говард осмысливала это несколько секунд.

– Хотите сказать – это ее рук дело? Либби Фрэзер?

Голова вновь закивала.

– Только мне никогда этого не доказать. Как не доказать и того, что она убила моего ребенка. Она слишком умна...

От упоминания еще одного мертвого ребенка, да еще и в таком городе и в таком доме, как эти, я был готов броситься в окно гостиной, вскочить в бричку и настегивать нашего маленького моргана, пока мы снова не очутимся в Нью-Йорке. Но мисс Говард никогда не отступала.

– Понимаю, – тихо, но твердо сказала она. – Думаю, вам стоит знать, миссис Мюленберг, что помощник окружного прокурора Пиктон готовит женщине, известной вам как Либби Фрэзер, обвинение в убийстве – убийстве ее собственных детей.

Это вызвало очередной приступ одышки за веером, одна нога на краю дивана начала заметно дрожать.

– Своих собственных... – Нога внезапно замерла. – Когда? Где?

– Три года назад – в Боллстон-Спа.

До нас донесся еще один судорожный вдох.

– Стрелявший... по их словам, случайно – не негр?

– Да, – подтвердила мисс Говард. – Вы знаете об этом?

– До нас доходили слухи, – проговорила миссис Мюленберг. – А город прочесывал поисковый отряд. То были дети Либби?

– Именно. И мы считаем, что это она убила их. А заодно – и еще нескольких малышей в Нью-Йорке.

Теперь из-за веера раздался другой звук – и через несколько секунд я разобрал в нем хриплые рыдания.

– Но чему я так поражаюсь? – наконец тихо проговорила миссис Мюленберг. – Если какая женщина и могла сотворить такое, то – одна Либби.

Наклонившись, мисс Говард вложила все сочувствие, на которое была

способна – и которое было способно на многое, особенно в обращении с лицом одного с нею пола – в следующий вопрос:

– Миссис Мюленберг, вы не расскажете мне, что здесь произошло? Это может помочь нам приговорить ее.

Последовала новая пауза, тихие всхлипывания прекратились – зато вновь начала подергиваться нога.

– Ее казнят?

Мисс Говард кивнула:

– Вполне вероятно.

Теперь в голосе миссис Мюленберг звучало какое-то облегчение, а может, даже восторг:

– Если она умрет... если вы сможете это устроить, – тогда да, мисс Говард. Я расскажу вам, что случилось.

Крайне тихо и осторожно мисс Говард достала блокнот и карандаш, приготовившись записывать. Когда же миссис Мюленберг приступила к рассказу, старая негрятка покинула комнату, качая головой, словно слушать это было выше ее сил.

– Это было давно, – начала миссис Мюленберг. – Или не было, согласно представлениям большинства. Поздним летом 1886-го. Тогда она к нам и явилась. Семья моего мужа владела одной из фабрик здесь, в городе. Мы переехали в соседний дом сразу после свадьбы. Он принадлежал его бабушке. О, это было прекрасное место, с чудесными садами, спускавшимися к реке... А в этом доме тогда жил смотритель поместья. Тем летом родился наш первый ребенок. Наш единственный ребенок. Я не смогла сама кормить его, и мы дали объявление о поиске кормилицы. Либби Фрэзер откликнулась первой, и мы оба сочли ее очаровательной. – Точкой во фразе стал полупридушенный безжизненный смешок. – Очаровательной... Мне всегда казалось, если уж начистоту, что муж мой находил ее, пожалуй, чуточку *слишком* очаровательной. Но она отчаянно стремилась работать, стремилась угодить – стремилась всеми способами. А я этому сочувствовала. Я сочувствовала...

Выдержав долгую паузу, мисс Говард рискнула спросить:

– И как скоро у вашего сына начались нелады со здоровьем?

Миссис Мюленберг вновь медленно кивнула ей.

– Что ж. Вы *и в самом деле* осведомлены о Либби... Да, он заболел. Сначала мы подумали – колики, только и всего. Я могла его успокоить и успокаивала, насколько возможно – но я не могла кормить его, а от пребывания с Либби ему всегда будто бы становилось хуже. Плакал час за часом, дни напролет... Но мы не хотели увольнять девушку – она ведь и

вправду так стремилась работать и так старалась... Но вскоре у нас не осталось выбора. Майкл – мой сын – не отзывался на ее заботу. Мы решили, что нужно найти кого-то другого.

– Как Либби приняла эту новость? – спросила мисс Говард.

– Если бы ей только *пришлось* принять эту новость! – проговорила миссис Мюленберг; голос по-прежнему был тихим, но в то же время – страстным и скорбным. – Если бы мы только *заставили* ее принять это и вынудили уйти... Но когда мы сказали ей, она была так подавлена и так убедительно умоляла дать ей еще один шанс, что мы не смогли отказать. И после этого все действительно изменилось. Все действительно изменилось... Самочувствие Майкла стало меняться – к лучшему, как мы подумали поначалу. Его приступы плача и колики утихли, и он вроде бы начал принимать уход Либби. Но то было дурное затишье – признак не счастья, а болезни. Медленной, изнурительной болезни. Он терял румянец и вес, а молоко Либби проходило через него будто вода. Но это была не вода. Это была не вода...

Молчание длилось так долго, что я решил было: миссис Мюленберг заснула. Наконец мисс Говард вопросительно взглянула на меня, но я мог лишь пожать плечами, надеясь, что она поймет, как мне хочется смотаться из этого дома к чертовой матери. Но мисс Говард чего-то ждала, и я знал, что мы никуда не уйдем, пока она не добьется своего.

– Миссис Мюленберг? – тихонько прошептала она.

– М-м? Да? – пробормотала женщина.

– Вы говорили...

– Я говорила?

– Вы говорили, что это была не вода – молоко Либби...

– Нет. Не вода. – Мы услышали новый вздох. – Яд...

При этом слове я нервно заерзал на стуле, но мисс Говард продолжала настаивать:

– Яд?

Темная голова приподнялась и опустилась.

– Мы много раз вызывали доктора, но он не мог объяснить, что происходит. Майкл был болен – ужасно болен. А потом начало страдать и здоровье Либби. И доктор решил, что это, должно быть, лихорадка, какая-то разновидность инфекционного заболевания, которую мой сын передал ей. Откуда нам было догадаться... – Ее нога вновь начала нервно дергаться. – А я сомневалась. Назовите это хоть материнским инстинктом – я просто не могла поверить, что мой сын заразил Либби. Нет – я просто не сомневалась, что это *она* с ним что-то делала. Муж сказал, что от

постоянных тревог я стала неуравновешенной. Он сказал, что ради помощи Майклу Либби подвергает себя опасности. Он выставял ее героиней, да и доктор тоже. Но я с каждым днем убеждалась все больше. Я не знала, как она это проделывает. Я не знала, зачем. Но я стала сидеть с ними во время кормления, а вскоре отказалась оставлять его с ней одного – наотрез. Но он так и не окреп. Болезнь прогрессировала. Он чах, она тоже слабела... И вот однажды я зашла к ней в комнату, пока она дышала воздухом на улице. И нашла в ее комодке два пакета. В первом был белый порошок, во втором – черный. Я не знала, что это такое, но взяла их показать мужу. Черный порошок он не опознал, но насчет второго сомнений не было. – Миссис Мюленберг словно боялась продолжать, но наконец произнесла это слово: – Мышьяк.

Мисс Говард, похоже, догадалась, что я готов дать деру, и накрыла мою руку ладонью, чтобы удержать меня на месте.

– Мышьяк? – переспросила она. – Она скармливала его вашему сыну?

– Если вы осведомлены о Либби, – миссис Мюленберг даже слегка прошипела, – то должны знать: она слишком умна, чтобы нагло решиться давать ему порошок напрямую. К тому же, когда бы она ни оставалась с ним, я следила за ней. Когда бы она ни оставалась с ним – но не когда она оставалась *одна*. И в этом была моя ошибка... Муж спросил Либби, зачем ей мышьяк. Она ответила, что однажды ночью в комнате ее разбудила крыса. Можно подумать, у нас были крысы... Но другого объяснения мы не нашли. – Пытаясь сдержать очередные рыдания, миссис Мюленберг заговорила, задыхаясь: – Вскоре после этого Майкл умер. Либби прекрасно прикидывалась убитой горем – и не один день. А правда открылась мне, лишь когда хоронили моего сыночка. Либби стояла и плакала, и я вдруг поняла, что к ней возвращается здоровье. Внезапно мне все стало ясно – так ясно... Она *действительно* отравила его – ела мышьяк сама, и *он поступал к нему через ее молоко*. Маловато для убийства взрослой женщины, но вполне достаточно для младенца. До такого бы не додумался сам сатана.

Этого мне уже было чересчур.

– Мисс Говард... – зашептал я. Но она лишь крепче сжала мою руку, не сводя глаз с темного угла комнаты, и спросила:

– Вы спросили ее об этом?

– Конечно, – выдохнула миссис Мюленберг. – Я понимала, что ничего не смогу доказать. Но я хотела, чтобы она знала: я знаю, что это сделала она. И еще мне хотелось понять, зачем. Зачем убивать моего сына? Что он ей сделал? – Снова полились слезы. – Чем маленький мальчик мог

досадить взрослой женщине, чтобы та захотела его убить?

В ту минуту мне показалось, что мисс Говард пустится в объяснение теории насчет сознания Либби Хатч, выведенной нами за последние недели, но этого она делать не стала; мудрое решение, заключил я, ведь даже если миссис Мюленберг и схватит принципы, ее эмоциональное состояние не позволит с ними смириться.

– Разумеется, она от всего открестилась, – продолжила миссис Мюленберг. – Но той самой ночью... – Рука ее поднялась, указывая на руины по соседству. – Пожар... мой муж погиб. Я едва спаслась. А Либби исчезла.

Опять воцарилась тишина, и я молился, чтобы истории на этом настал конец. Так оно и оказалось, но мисс Говард не готова была оставить все как есть.

– Миссис Мюленберг, – спросила она, – вы готовы будете предстать перед жюри и рассказать об этом? Это может помочь.

По комнате вновь разнесся тот страшный жалобный стон:

– Нет... нет! Зачем? Вы сами сможете рассказать им... кто угодно сможет! Я не могу ничего доказать... я не нужна вам...

– Я могла бы рассказать им, – пояснила мисс Говард, – но никакой силы это не возымеет. Если же они услышат это от вас и увидят ваше лицо...

Тут стон превратился в хриплый, ужасающий смех:

– Это невозможно, мисс Говард: они не смогут увидеть мое лицо. Даже я не могу его видеть. – Повисла ужасающе безмолвная пауза, и тут со внезапным ознобом я сообразил, к чему ей веер. – *У меня нет лица.* Оно осталось в огне. Вместе с моим мужем – и моей жизнью... – Тень ее головы начала трястись. – Я не стану являть эту массу шрамов в зале суда. Я не доставлю Либби Хатч такого удовольствия напоследок. Надеюсь, моя история поможет вам, мисс Говард. Но я не буду... я не могу...

Мисс Говард глубоко вздохнула.

– Понимаю, – сказала она. – Но, быть может, вы окажете помощь в другом. Мы не смогли определить, откуда Либби приехала. Она когда-нибудь говорила с вами о своем доме?

– Не совсем, – был ответ миссис Мюленберг. – Она часто рассказывала о городах за рекой, в округе Вашингтон. Мне всегда казалось, что она оттуда. Но не ручаюсь.

Мисс Говард кивнула и встала, выпустив наконец мою руку:

– Конечно. Что ж... спасибо вам, миссис Мюленберг.

В дверях появилась старая негритянка, чтобы проводить нас к выходу.

Но не успели мы выйти в прихожую, как миссис Мюленберг позвала:

– Мисс Говард! – Мы обернулись. – Взгляните на лицо вашего мальчика. Видите страх в его глазах? Вам это может показаться лишь игрой его воображения. Но вы ошибаетесь – то, что было когда-то моим лицом, хуже любых порождений его сознания. Знаете ли, каково это – так пугать людей? Простите, что большего я не могу, – и надеюсь, вы и в самом деле понимаете...

Мисс Говард коротко кивнула, и мы двинулись наружу. Негритянка тихо закрыла за нами дверь.

Я быстро, как мог, понесся к бричке и удивился, что мисс Говард не сделала того же самого. Она смотрела на реку и явно ломала над чем-то голову.

– По дороге в город мы случайно не миновали паромную переправу? – тихо спросила она, медленно приблизившись к упряжке.

– Ох нет, – быстро ответил я, несколько обнаглев от страха. – Сегодня я через никакую реку переправляться не намерен, мисс Говард – нет, мэм! – Потом, нащупав пачку сигарет, опомнился. – Простите меня, но тут никак...

И внезапно услышал чрезвычайно тревожный шум: шаги, множество шагов, взбивающих сухую дорожную пыль. Мы с мисс Говард отошли от повозки и уставились на север в темноту, вскоре изрыгнувшую человек десять посетителей таверны. Они направлялись к нам – и вид имели, мягко говоря, не склонный к разговорам.

– Вот дерьмо, – воскликнул я (обычная моя реакция в таких ситуациях); потом быстро огляделся, пытаюсь сообразить, что же делать. – Мы по-прежнему можем сбежать на юг, – решил я в итоге, не усмотрев в том направлении ничего, грозящего неприятностями. – Если будем как следует пошевеливаться...

От звука вращающегося револьверного барабана я судорожно дернулся. Мисс Говард извлекла «кольт» и проверяла гнезда с таким видом, что было ясно – шутить она не станет.

– Не волнуйся, Стиви, – тихо сказала она, пряча револьвер за спиной. – Я не намерена позволить подобным людишкам запугать нас.

Я глянул на приближающуюся шайку пьяных, хмурых мужчин, потом снова на мисс Говард и понял, что у меня на глазах вот-вот случится нечто поистине мерзкое.

– Мисс Говард, – проговорил я, – не стоит...

Но было уже слишком поздно: местные приблизились к нам и рассыпались в линию вдоль дороги. Вперед выступил человек, с которым

мы говорили, только приехав в город.

– *Сдается*, вы нас, похоже, не поняли, – обратился он, шагнув к мисс Говард.

– А что тут понимать? – осведомилась она. – Вы, толпа взрослых мужчин, напуганная одной-единственной женщиной.

– Вы имеете дело не только с нами, леди, – ответил мужчина. – Когда речь заходит о Либби Фрэзер, вы имеете дело со всем этим *городом*. Она натворила здесь немало бед. Никто не хочет связываться ни с ней, ни с кем-то, ею интересующимся. А если это до сих пор неясно...

Вся компания шагнула ближе. Не знаю, что уж там они собирались учинить с нами, но возможности такой им не представилось: мисс Говард достала револьвер и навела на предводителя.

– Отойдите-ка лучше, мистер, – прошипела она, стиснув зубы. – Предупреждаю, мне никакого труда не составит засадить вам пулю в ногу – или куда-нибудь поважнее, если вынудите меня.

Мужчина впервые улыбнулся:

– О, да неужто вы меня пристрелить собрались? – Он повернулся к приятелям и объявил: – Она собралась застрелить меня, парни! – вызвав обычный набор тупых смешков у своих сотоварищей. Потом снова посмотрел на мисс Говард: – Уже стреляли в кого-нибудь, юная мисс?

Мисс Говард несколько секунд сверлила его тяжелым взглядом, потом очень тихо отозвалась:

– Да. Стреляла. – И, будто в подтверждение сказанному, быстро взвела курок «кольта».

Искренности этих слов и револьвера на взводе хватило, чтобы стереть улыбку с лица мужчины, и, по-моему, он уже почти готов был отступить и положить конец этому столкновению. Но тут тишину пререзал тихий свистящий звук – и человек вскрикнул, схватившись за ногу. Выдернув что-то у себя из-под коленного сухожилия, он воззрился на мисс Говард и медленно осел на колени. Глаза его закатились, и он рухнул на бок, вытянув вперед руку.

С зажатой в ней гладкой палочкой дюймов десяти в длину, заостренной с одного конца.

Глава 37

Мы с мисс Говард обменялись быстрыми и, что называется, исполненными ужаса узнавания взглядами, а мужчины столпились вокруг своего друга.

– Какого черта ты с ним сделала, дьявол тебя побори? – закричал один из них; похожий вопрос я уже слышал – при сходных обстоятельствах.

Я успел лишь пискнуть:

– Поверьте, это не мы... – но мужчины уже подхватили своего друга и в ужасе поволокли прочь.

– Убирайся отсюда ко всем чертям! – выкрикнул кто-то. – И держись, черт возьми, *подальше!*

На этом они скрылись в направлении таверны. Мисс Говард не выпускала из рук револьвер, оба мы начали оглядываться вокруг.

– Где он? – шепотом спросила мисс Говард.

– В такой темноте? – также шепотом отозвался я. – *Да где угодно.*

Еще минутой мы не шевелились, продолжая слушать и ждать, предполагая новые шаги нашего маленького врага – если он и впрямь был нашим *врагом*, в чем я начал уже сомневаться. Но ни на дороге, ни среди окаймлявших ее тенистых деревьев и кустов никаких следов активности не наблюдалось, и по мне это было вполне неплохо.

– Идемте, – сказал я мисс Говард и взял ее под руку.

К тому моменту особых уговоров ей не требовалось, так что еще через полминуты мы уже были в экипаже, и путь наш снова лежал на север; маленький морган бежал неплохой рысью. Когда мы миновали таверну, я успел увидеть несколько пар злых глаз, провожающих нас взглядами, и тело человека, пораженного стрелой туземца, лежащее на барной стойке; я не знал, сколько он пробудет без сознания и жив ли вообще, – и, уж конечно, не знал, зачем слуга сеньора Линареса вновь пришел нам на помощь. Первый раз, при нашей стычке с Пыльниками, можно было списать на промах его стрелы; но нынешний второй случай ясно давал понять – странный маленький человек, вроде бы грозивший мне смертью в субботу вечером, старался от смерти нас охранить.

– Может, просто он сам хочет убить нас? – изрек я, когда Стиллиутер остался где-то в полумиле позади.

– Возможностей у него уже было более чем достаточно, – покачала головой мисс Говард. – Это все какая-то бессмыслица... – Наконец она

спрятала револьвер обратно в потайной карман и глубоко вздохнула. – У тебя сигаретки не будет, Стиви?

Я кивнул и хихикнул, чувствуя облегчение от того, что нам все-таки удалось сбежать.

– И как только люди не устанут задавать мне этот вопрос? – пробормотал я и полез одной рукой в карман штанов, слегка отпустив вожжи в другой, извлек пачку сигарет и передал ей. – Прикурите, пожалуйста, и мне одну, мисс.

Она поднесла спичку к паре сигарет, одну из которых вручила мне. Потом, после нескольких глубоких затяжек, обхватила голову руками и принялась тереть виски.

– Да уж, разозлились вы там что надо, – заметил я.

Она улыбнулась:

– Извини, Стиви. Надеюсь, ты знаешь, что я не стала бы осознанно подвергать твою жизнь опасности. Но подобный случай несносного идиотизма...

– Мир полон таких мужчин, мисс Говард. А примешься всем сообщать, куда бы им лучше обратиться, так непременно хоть кто-то да взбесится.

– Я знаю, знаю. Но в некоторых случаях... Впрочем, *надеюсь*, ты понимаешь, что мы ни разу еще не были в настоящей опасности.

– Конечно, – выдохнул я, и несколько секунд изучал мою спутницу. – А вы бы и вправду стали в него стрелять, да?

– Тронь он кого-то из нас? Безусловно. Ничто так не напоминает мужчинам о хороших манерах, как пуля в ногу.

Я снова хихикнул, хотя прекрасно понимал, что она вовсе не шутит. В мире, пожалуй, не было второй женщины, что обращалась бы с оружием – и, как следствие, с вооруженными людьми, – с той же легкостью, что мисс Говард. У нее имелись на то свои, очень личные причины, и я не вправе перечислять их здесь – она сама позаботится об этом когда-нибудь, ежели пожелает. Существенным для меня этой ночью было лишь одно: слова мисс Говард о том, что ради моей защиты она стала бы стрелять в человека, вовсе не были пустым звуком; и, пока мы ехали по залитой луной дороге вдоль реки, знание это еще больше успокаивало мою нервную систему и дразнило ум.

– Как она только может так, мисс Говард? – наконец спросил я, выкурив большую часть сигареты.

Мисс Говард ответила с долгим, глубоким вздохом:

– Не знаю, Стиви. Полагаю, людям, терзаемым бессилием, свойственно пытаться распространить свою власть на тех, кто слабее их, –

и бог в помощь этим слабым созданиям, если они вдруг откажутся подыгрывать. Пьяные, неудовлетворенные мужчины бьют и убивают женщин, женщины, отчаявшиеся доказать, что могут *хоть чем-то* командовать, бьют и убивают детей, а дети эти, в свою очередь, мучат животных... Не забывай, что младенцы кажутся очаровательными тем из нас, у кого детей нет, но множество матерей лишаются терпения от всего этого шума, недосыпания и простого и понятного *труда* по воспитанию.

Я покачал головой:

– Нет, я не о том. Само-то убийство я уже начал понимать. Как мне кажется. Но вот как она заставляет действовать других людей... С *этим-то* она как справляется? Ну то есть, взять хотя бы то, что мы уже слышали – и видели. Некоторые, работавшие с ней в Нью-Йорке, считают ее святой; прочие же, *из того же заведения*, считают ее убийцей. Несчастный глупый муж обращается с ней как с единственным своим спасением – а потом она идет за угол и заполучает симпатии Гу-Гу Нокса, пьяней любой уличной шлюхи, входившей к Пыльникам. Дальше мы приезжаем сюда и обнаруживаем, что людям в Боллстон-Спа она поначалу казалась потаскухой, потом – порядочной женщиной, а после – снова потаскухой. А *теперь* в *этом* проклятом месте – в Стиллуотере – мы узнаем, что ее до смерти боится весь *город!* Как, черт возьми, такое удастся одному человеку?

– Ну, – слегка улыбнувшись, отозвалась мисс Говард, – боюсь, что *этот* вопрос будет посложнее. – Она отвлеклась от сигареты и над чем-то задумалась. – Пораскинь мозгами над всем, что сейчас перечислил, Стиви, – что за качество объединяет эти случаи?

– Мисс Говард, ну если б я знал...

– Ну хорошо, хорошо. Тогда прими во внимание вот что: ни одна из этих личностей, из этих непохожих личин, в коих она представала людям, цельной не является. Ни одна из них не характеризует реального человека – все это упрощения и преувеличения. В общем – символы. Ангел милосердия – жестокий убийца. Верная жена и мать – развратная шлюха и бесстыжая потаскуха. Все они словно персонажи рассказа или пьесы.

– Как в этих... как их там... в «мифах», что вы рассказывали? В тот день у музея?

– Именно. И, как и в тех мифах, поражает не то, что кто-то смог выдумать всех этих персонажей, – на такое способен любой сумасшедший или просто одаренный богатым воображением. Поражает, что их на самом деле признает и принимает на веру такое количество людей – не только жители городков типа Стиллуотера, но даже целые общества. И, боюсь, все

это сводится в итоге к тому, что тебе может оказаться немного сложно понять. – Похоже, мисс Говард заметила в моем лице как будто уязвленную гордость – и быстро положила ладонь мне на руку. – О, я не хочу сказать, что ты недостаточно образован или умен, Стиви. Ты один из самых умных мужчин, что я встречала. Но ты – *мужчина*.

– Да? А к беседе-то нашей это как относится?

– Боюсь, самым непосредственным образом, – пожала плечами она. – Мужчинам на самом деле не понять, насколько мир *не хочет*, чтобы женщины были полноценными людьми. Для женщины в нашем обществе самое важное – даже важнее честности и порядочности – быть *опознаваемой*. Даже когда Либби зла – и, быть может, более всего, когда она зла, – ее очень просто классифицировать, приколоть булавкой к доске, точно некий научный образец. Те люди в Стиллуотере в ужасе от нее, потому что ужас этот позволяет им понять, кто она, – и оберегает их. Вообрази, насколько труднее было бы признать: да, эта женщина способна на ужасающую злобу и насилие, но *в то же время* она – та, что отчаянно пыталась быть кормилицей, быть хорошим и дельным человеком. Если принять все, если допустить, что внутри она не просто одна или другая, а обе сразу, – что же тогда это говорит обо всех *прочих* женщинах города? Как тогда вообще можно судить о том, что на самом деле творится у *них* на сердце – и в голове? Так жизнь в простом поселке внезапно станет чрезмерно сложной. И потому, во избежание всего этого, они разделяют понятия. Обычную, нормальную женщину считают заботливой и любящей, покорной и уступчивой. А любая, не укладывающаяся в эту классификацию, должно быть, настолько зла, что ее следует бояться – бояться даже больше, чем обычного преступника, ведь она-то определенно наделена силами самого дьявола. Ведьма – вот как, наверное, звали бы ее в старые времена.

Ведь она не просто нарушает закон – она попирает порядок вещей.

Я повернулся и робко улыбнулся мисс Говард:

– Видели бы вы себя – начали говорить так, словно немножко ее заужали.

Мисс Говард улыбнулась было в ответ, но быстро осеклась.

– Иногда мне и самой так кажется, – признала она. – А потом я вспоминаю ту фотографию Аны Линарес и понимаю, в какой ужасной мере Либби не отдает себе отчета в истинных своих мотивах – и насколько она в связи с этим опасна.

– Ладно, – настаивал я, пытаюсь продолжением разговора вновь вернуть мисс Говард бодрость духа. – А что же с такими, как Гу-Гу Нокс?

Он знает, что Либби замужем за Михеем Хантером и что с ним она ведет себя как добрая жена, *заботится* о нем, – но все равно продолжает крутить с ней шашни.

Мисс Говард энергично кивнула:

– То же самое. Пусть Нокс и главарь банды, но при этом он обычный мужчина – и, по обыкновению, хочет делить женщин на удобные категории, чтобы они не причиняли никаких проблем. Он не верит, что Либби действительно *заботится* о Хантере. Он полагает, что в самой глубине души она развратница, шлюха, и когда она куролесит перед ним – и с ним, – он видит настоящую Либби. Но что же известно нам? Что она уговорила Нокса поместить свой дом под защиту банды. Его вышибалы следят за тем самым домом, где она соорудила нечто вроде тайника для младенцев, до сих пор отчаянно пытаюсь доказать, что способна о них заботиться. Так что как знать, может, она *ненавидит* развлечения у Пыльников, но предается им ради того, чтобы легче было воспитывать детишек.

Моя рука опустилась на лоб – словно, потеряв его, я смог бы заставить лучше работать мозги.

– Так что же... тогда... выходит, она не шлюха, как считает Нокс?

– Может, и шлюха, – сказала мисс Говард, вновь ставя меня в тупик.

– Но вы же только что сказали, что она делает это ради заботы о детях...

– Тоже верно.

– Так которая из них – настоящая *она*? – уже едва не вопил я, чувствуя, что начинаю запутываться, и не очень-то этому радуясь.

– Ни та, ни другая, Стиви, – объяснила мисс Говард, немного снизив темп ради меня. – Ее настоящее я давным-давно разбилось вдребезги. А разные персонажи, которыми она прикидывается, – и есть те осколки, каждый по отдельности, более не связанные между собой. Нам пока не известны особые обстоятельства детства Либби, превратившие ее в нынешнюю убийцу. Но мы уже точно можем утверждать, особенно с учетом того, что увидели и через что прошли, попав сюда: еще с девичества ей почти наверняка твердили – есть только один способ стать настоящей, полноценной женщиной.

– Стать матерью, – кивнул я. – Которой ей стать так и не удалось.

– Или которой, возможно, она, в глубине души, и становится-то *не хотела*. Этого мы не знаем. Повторюсь, мы *точно* знаем лишь одно. Идея, которую вбивают в голову подрастающим девочкам, – особенно в таком захолустье, как это, – гласит: коли не желаешь удовольствоваться в жизни

воспитанием детей, тебе не просто придется тяжело – ты никогда по-настоящему не станешь женщиной. Будешь всего лишь существом женского пола, типажом неопределенным и не очень-то привлекательным. Проституткой, возможно. Или, быть может, служанкой. Или, если станешь работать – отвлеченной функцией. Как бы там ни было, под этой маской ты будешь всего лишь холодным, бесчувственным отклонением от нормы. – Раздраженным щелчком мисс Говард осыпала дорогу искрами с тлеющего кончика сигареты. – Если, конечно, не пожелаешь уйти в монахини – но даже им это не всегда сходит просто так... Мужчина может быть холостяком, но оставаться при этом мужчиной – в силу своего ума, характера, работы. Но женщина без детей? Да она просто самка, Стиви, – а самка всегда ничтожнее женщины.

– Ладно, – брякнул я; ум мой был слишком перегружен, поспевая за ее мыслями, чтобы беспокоиться о тактичности. – А что же тогда вы?

Зеленые глаза мисс Говард медленно покосились на меня – и взгляд этот говорил, что мне лучше поточнее объяснить смысл вопроса.

– Я что хочу сказать, – торопливо добавил я, помня, как быстро она может вспылить, – что к вам-то ничего из этого не относится. Вы не замужем, у вас нет детей, но вы... – Я отвернулся, внезапно смутившись. – Ну... вы женщина не хуже любой матери из тех, кого я знаю. Если понимаете, о чем я.

Тут она снова нежно опустила ладонь мне на руку, и зеленые глаза ее широко распахнулись:

– Мне уже очень давно не говорили слов лучше этих. Спасибо, Стиви. Но все же не забывай, ты еще молод.

– О, так значит, мое мнение не считается? – сказал я, воспользовавшись шансом надуться. – Или оно изменится только оттого, что я вырасту?

На сей раз смутилась уже мисс Говард.

– Знаешь, – пробормотала она, – иногда такое и *впрямь* случается...

– Лады, – не унимался я. – А что же тогда остальные? Доктор, детектив-сержанты и Сайрус... и даже мистер Мур? Они все считают точно так же.

Мисс Говард с сомнением на меня покосилась:

– Далеко не средний набор американских мужчин. Прости, Стиви. Я, конечно, ценю и уважаю ваше мнение – и не представляешь, насколько. Но для остального нашего мира я, вероятно, навсегда останусь этой странной Сарой Говард, девицей-детективом – если только не обзаведусь семьей. Не то чтобы какой-то части меня этого однажды не захотелось. Если я когда-

нибудь почувствую, что действительно чего-то добились в своей работе, то, возможно, задумаюсь о детях – таков мой протест против идеи о том, что без них мне не стать *цельной*. Это жестокий стандарт – особенно для женщин, не способных ему соответствовать. Либби не смогла, и эта неудача сломала ее. Да... при всем своем уме она чудовищно сломлена. Чем-то похожа в этом на твою подругу Кэт. Умная, но пропащая. Пропащая и как-то... как-то...

Внезапно лицо мисс Говард, столь страстное при отстаивании взглядов, важнее которых, как я знал, для нее в мире ничего не было, утратило всякое выражение. Слова ее оборвались так резко, что я понял – она что-то увидела. И это «что-то» могло быть только одним.

– Где? – пискнул я, крутя головой по сторонам. – Где он?

Мисс Говард, успокаивающим жестом опустила руку мне на плечо.

– Притормози, Стиви, – прошептала она. – Если не ошибаюсь, он прямо перед нами...

Я всмотрелся в темную дорогу впереди – и, разумеется, узрел силуэт маленького человечка, чью личность выдавали мешковатость одежды и кустистость волос. Эль Ниньо не двигался ни к нам, ни от нас – он словно дожидался, когда экипаж приблизится к нему; а когда мы подъехали, я начал различать ту самую проклятую улыбку.

– Что за чертовщина... – пробормотал я. – Это что же, *действительно* он? Этот уродец перемещается быстрее молнии.

– О, это *действительно* он, все верно, – произнесла она. – Вопрос в том, чего он хочет.

– Думаете, нам стоит остановиться?

Мисс Говард покачала головой:

– Нет. Поедем спокойным шагом. – Достала револьвер и положила его на колени. – Посмотрим, что будет.

Глава 38

Я последовал этому указанию. Туземец не шелохнулся – только стоял и улыбался, пока мы не оказались от него примерно в двадцати футах. Потом очень медленно поднял руки вверх. Я остановил жеребца, и мы стали ждать. Опустив одну руку, абориген показал ей на землю.

– Я не трогаю вас, – сообщил он, улыбаясь еще шире. Следуя взглядом за его пальцем, мы увидели на дороге маленький лук, пару гладких маленьких стрел и еще один *крис* с волнистым лезвием. – А вы не стреляете в меня, – продолжил он, обратно поднимая руку. – Да?

Мисс Говард кивнула – но «кольт» оставила там, куда положила.

– Хорошо, – объявила она. – Чего вы хотите?

– Я помогать вам! Точно могу помогать вам, да! Иногда я вам уже помогаю.

– Но ты человек сеньора Линареса. Зачем тебе помогать нам?

Туземец дернулся было к своему оружию, побудив мисс Говард взвести курок «кольта». Глаза человека чрезвычайно расширились, и он снова задрал вверх руки.

– Все хорошо – я вас не трогать, леди, а вы моя не стрелять! Я *помогаю* вам!

– Сначала говори мне, зачем помогаешь нам, эти штуки поднимешь потом, – приказала мисс Говард.

К Эль Ниньо вернулась располагающая улыбка, а его округлые черты продемонстрировали, что называется, показное отвращение.

– О, не для меня работать на сеньора – больше нет! Он бить меня – бить свою жену – бить всех, кулаками как... как... – Быстро оглядевшись, абориген схватил большой булыжник с обочины и показал мисс Говард.

– Как камнями, – вымолвила она.

– Да, точно, как камнями! Давать мне один костюм из одежды... – Он поднял руки, демонстрируя закатанные рукава пиджака, а потом показал на брюки, грубо обрезанные у лодыжек. – Слишком большой! Не для меня. Сначала, первый раз, я работать на отца... старого сеньора...

– Отца сеньора Линареса?

– Да, леди. Он другой человек. Хороший человек. Этот сын – не такой. Бить всех кулаками, думать он великий – потому что мама любить его слишком сильно!

Тут я закатился со смеху и заполучил за это тычок острого локтя мисс

Говард – но и она сама с трудом сдерживала веселье от этого малого.

– И чего же ты хочешь от *нас*? – уточнила она, опуская «кольт».

Эль Ниньо пожал плечами:

– Я работать на вас, я думаю. Да, я так думаю. Я наблюдаю вас – вижу, вы хотите найти маленькую Ану. Хорошо. Сеньор, он не хочет, чтобы вы ее находить. Но она маленькая! Я думаю, вы найти ее, потому что вы хорошие люди. Я работать на вас, я думаю – так.

Мы с мисс Говард обменялись ошеломленными взглядами. А что нам оставалось сказать? Предложение было настолько странным, что о нем попросту не могло быть и речи, но никто из нас не горел желанием сказать об этом *ему*. Особенно учитывая тот арсенал, что лежал на дороге, и зная теперь, что он следил за каждым нашим шагом не одну неделю. К тому же мы оба нашли в этом малом нечто привлекательное – привлекательное и славное. Так что, может, идея эта, несмотря ни на что, была не такой уж и необычной.

– Но, – сказала мисс Говард, – как ты себе это представляешь – «работать» на нас? Что ты будешь делать?

Абориген собрался было ответить, но прежде покосился на свои пожитки на дороге.

– Я могу взять? – осторожно спросил он.

Мисс Говард кивнула, глядя на него так, будто он был непослушным ребенком, и уточнила:

– *Медленно*.

Он поступил согласно указанию и рассовал все предметы своего арсенала по большим карманам, специально пришитым к изнанке пиджака. Потом двинулся к нам с важным видом, словно был в два раза больше своих размеров.

– Я много могу! – объявил он. – Защищать вас от врагов – убивать их или усыплять! Готовить могу! – И обвел окружающий нас пейзаж. – Змею, собаку – иногда крысу, если вы *очень* голодный. – Тут и я, и мисс Говард издали стоны отвращения сквозь уже привычные улыбки. – Видеть все – узнавать все! Если Эль Ниньо работает на вас – глаза у вас есть *езде!* – И он снова взмахнул рукой в сторону горизонта.

– А каково будет твое жалованье за все это? – осведомилась мисс Говард.

– Мое жа?.. – озадаченно пробормотал абориген.

– Сколько нам придется платить тебе?

– О, платить, да! – кивнул он, гордо надувая грудь. – Эль Ниньо *манилец* – манильцы работают только за плату! Сеньор платить мне ничем

– дерьмом! – Тут я снова громко расхохотался, а мисс Говард даже не попыталась остановить меня – на самом деле она присоединилась ко мне, как и Эль Ниньо, довольный нашей реакцией. – *Дерьмом* он платит мне! – продолжил он. – Плохая одежда... еда после того, как ели другие... и сеньора заставляя меня спать снаружи, даже зимой! Вы сможете дать мне хорошую еду... кровать чтобы спать, да? В доме много кроватей. А ты... – Он указал на меня, а потом снова проделал тот маленький танец рукой вокруг шеи, отчего моя ухмылка немедля померкла.

– Эй, ну-ка потише! – заявил я. – Мне от тебя неприятности не нужны...

– Нет, нет! – воскликнул он. – Не неприятности! Одежда! Твоя одежда – три ночи назад – ты не любишь своя одежда, да?

Пересчитав ночи по пальцам и пытаюсь сообразить, о чем это он, я вспомнил поездку в Саратогу – и тут в памяти воскресла встреча с тем, кого я принял за ребенка, в садах у «Казино».

– Так это был ты! – выдохнул я. – Ты видел меня в этом обезьяньем костюме!

– Обезьян? – озадаченно переспросил Эль Ниньо. – Не обезьян – хорошая одежда для хорошего человека – мне как раз! Ты не любишь ее, – изрек он, снова поднося палец к шее. Тут до меня дошло: он видел, как я дергал белый галстук-бабочку, и решил, что я терпеть не могу носить эту штуку.

– Стиви, – недоуменно спросила мисс Говард, – о чем он?

– Он видел меня у «Казино» – видел, что мне не по душе таскать эти вещи. Кажется, он сам их хочет. – Я повысил голос, обращаясь к нашему новому другу: – Хочешь этот костюм, верно?

– Хорошая одежда для хорошего человека! – закивал он, ударяя себя в грудь. – Вы дать ее Эль Ниньо, он работать на вас!

Я покачал головой:

– Но ты же не сможешь носить ее *все время*...

– Почему нет? – обернулась ко мне мисс Говард. – Честно говоря, Стиви, думаю, этот малый может поступать, как ему вздумается.

Я секунду поразмыслил, потом кивнул:

– Да, тут, пожалуй, вы правы, точно. Но что, черт возьми, скажет доктор?

– Когда мы сообщим ему, что привлекли на нашу сторону одного из главных противников? – с улыбкой парировала мисс Говард. – Что, *по-твоему*, он может сказать?

Я еще раз кивнул и вдруг подумал о нашем хозяине в Боллстон-Спа:

– А мистер Пиктон? – Но мне даже не пришлось дожидаться ответа – мисс Говард посмотрела на меня, и я заулыбался: – Да, вы снова правы. Он ухочется до смерти, а этот приятель еще заставит его побегать, это факт. Ну что ж...

Мисс Говард повернулась к аборигену.

– Хорошо, – сказала она, показывая на кузов брички. – Забирайся – и скажи, как нам тебя звать.

– Зовите меня Эль Ниньо! – объявил он, снова ударяя себя в грудь. Потом вдруг насторожился. – Я работать на вас? – спросил он, будто до сих пор в это не веря.

– Ты работаешь на нас, – заверила мисс Говард. – А теперь садись.

– Нет, нет! Не правильно так – Эль Ниньо может идти, а леди поедет.

Мисс Говард вздохнула:

– Нет, Эль Ниньо, это *так* как раз неправильно. Если ты работаешь на нас, ты один из нас. А это значит, ты едешь с нами.

С таким видом, будто вот-вот взорвется, абориген исполнил на дороге маленький танец, потом запрыгнул в кузов брички со скоростью дикой кошки и встал у нас за спинами, улыбаясь до ушей.

– С Эль Ниньо работать на вас, – объявил он, – вы *найди* маленькую Ану! Точно!

Не вполне веря и соображая, во что мы ввязались, я хлестнул моргана, и мы направились к дому.

По дороге мы узнали всю историю жизни Эль Ниньо, которую и пересказали остальным, когда добрались до дома мистера Пиктона. Похоже, еще мальчишкой наш туземец как-то охотился с прочими мужчинами своего племени в джунглях филиппинского острова Лусон – и на них напал отряд испанцев. Старших аэта убили ради забавы, молодых забрали в Манилу и продали в пожизненное рабство. Через несколько лет Эль Ниньо сбежал от своего первого хозяина, после чего провел ранние годы своей зрелости в портовых районах и стал бродячим наемником. Он побывал пиратом, сражался в мелких войнах по всему Южно-Китайскому морю, а в итоге вернулся в Манилу, где и был арестован за карманную кражу. Испанский магистрат приговорил его к пожизненным каторжным работам – но тут вмешался старший сеньор Линарес, чиновник дипломатической службы, и дал туземцу шанс отработать свой «долг» перед Испанской империей в качестве слуги дома. Услышав все это, я не мог не вспомнить свой собственный опыт с доктором Крайцлером – и схожее прошлое быстро наладило связь между мной и нашим новым компаньоном.

Оригинальности ему было не занимать, тут и говорить нечего: все в доме мистера Пиктона сочли его странное сочетание мужественных манер и кроткой, почти детской доброты одновременно забавным и умильным. Например, когда он встретил Сайруса, то повел себя весьма трогательно и в то же время довольно комично. Он серьезно, уважительно поклонился, и был поражен, когда большой человек – который, похоже, представлялся ему каким-то оракулом – вдруг протянул ему руку. Тот факт, что «Мистер Монроз» (как Эль Ниньо всегда называл его) жил среди белых как равный – носил ту же одежду, что и они, ел ту же еду и спал с тем же удобством, – похоже, стал для аборигена знаком того, что он обрел некое высшее тайное знание, и Эль Ниньо принялся строить свое поведение на манер моего большого молчаливого друга. Что, понятно, было делом непростым для такого разговорчивого и живого малого.

Впрочем, ничто из этого не давало нам никаких подсказок насчет того, что же *делать* с новым союзником. На тот момент нам не требовалось никого выслеживать или лишать чувств, к тому же он неизбежно вызвал бы пересуды, куда бы ни направился в Боллстон-Спа – особенно после того, как я, согласно обещанию, отдал ему свое вечернее платье, кое он немедленно и надел. Расхаживая с важным видом, точно павлин (он оказался прав, полагая, что костюм ему подойдет), он выглядел так, будто готов был бросить вызов всему миру – но никто из нас не был уверен, что мир окажется к нему в равной степени расположен. Подойдя к делу с практической стороны, смущенная миссис Гастингс приставила Эль Ниньо к мытью посуды, за что он и принялся с превеликим энтузиазмом.

Информация же, доставленная нами с мисс Говард из Стиллуотера, была должным образом зафиксирована на грифельной доске в гостиной мистера Пиктона. Потом мы переместились на заднее крыльцо, дабы обсудить важность рассказанного. Вовсе не удивительно, что миссис Мюленберг не знала всех подробностей дела Хатч, поскольку жила в другом городе, и заведовало им управление другого шерифа – шерифы же маленьких городков обыкновенно были еще меньше склонны к сотрудничеству и общению друг с другом, чем полицейские участки в Нью-Йорке. Относительно же отказа бедной женщины дать показания мистер Пиктон заверил нас, что потеря невелика – поскольку местный Соломон округа Саратога, судья Чарлз Г. Браун, был ярым приверженцем рассмотрения каждого дела по его существу, и почти наверняка не допустил бы до сведения жюри присяжных никаких необоснованных заявлений относительно неких событий десятилетней давности. То же было справедливо и в отношении всей работы, проделанной нами в Нью-Йорке,

которая, как решительно напомнил нам наш хозяин, даже не привела к официальному полицейскому расследованию. Делу об убийстве детей Либби Хатч предстоит ограничиться только этим – а рассказ миссис Мюленберг лишь поможет нам лучше понять личность женщины, с которой мы имеем дело. В этом отношении он предоставлял дальнейшее подтверждение (хоть в нем и не было особой нужды) того, насколько умна наша противница. Доктор объяснил нам, что маленькая теория миссис Мюленберг о том, как Либби убила ее сына, Майкла, – история, которая кому-то могла показаться всего лишь бредом полуобезумевшей от горя женщины, – скорее всего была верной: такое вещество, как яд, будучи принято кормящей женщиной, действительно может через ее молоко быть передано любому ребенку, которого она кормит. В пакетике же с черным порошком, найденном миссис Мюленберг в комнате Либби вместе с мышьяком, по мнению доктора, был, пользуясь его терминологией, *carbo animalis purificatus*, то есть по-латыни – «очищенный животный уголь». Прочему миру это вещество известно под именем «черной кости», его повсеместно используют как противоядие при множестве отравлений, включая мышьяк. Вероятно, Либби держала его под рукой на случай, если вдруг от нетерпения сама примет слишком большую дозу. А ответ на вопрос, зачем она сделала то, что сделала, мы все уже знали: маленький Майкл Мюленберг совершил смертельную ошибку, дав понять, что Либби не особо наделена материнскими талантами, и вместо того, чтобы просто признать это и попытаться найти себе в жизни другое занятие, убийца сфабриковала ситуацию, в которой производила впечатление героини, старающейся спасти ребенка, – на самом деле его убивая. Ту же схему мы уже обнаружили в случае с «приемными» детьми Либби, а также с младенцами в «Родильном доме»: эта женщина предавалась своему зловещему занятию намного дольше, чем любой из нас – кроме, конечно, доктора – подозревал или мог допустить.

Но все же в печальном рассказе миссис Мюленберг была маленькая деталь, оказавшаяся полезной подсказкой: если Либби Хатч нанималась на работу кормилицей, значит, она сама должна была когда-то родить. Если Либби не солгала в виденных нами больничных анкетах насчет своего возраста и сейчас ей было тридцать девять, то в 1886 году ей было двадцать восемь, а этот самый ее ребенок мог оказаться любого возраста, от младенца до моих лет – однако ее появление у Мюленбергов в одиночку, указывало на то, что он, скорее всего, был уже мертв (что никого из нас нисколько не удивляло). Но живым или мертвым было это дитя, где-то должно было иметься какое-то свидетельство его или ее существования.

Поэтому нам с мисс Говард теперь предстояло не просто разыскивать родителей Либби где-то на восточном берегу Гудзона: вероятнее всего, нас ждала и еще одна детская могила. Беседа с миссис Мюленберг дала нам только одну общую подсказку, откуда начинать поиски: на противоположном берегу реки располагалась целая череда маленьких городков, – и поэтому приступить нам следовало как можно скорее. Думается, мисс Говард ничего не имела против отправления той же ночью, но лично я не собирался больше никуда выезжать в темноте; к тому же мы должны были Эль Ниньо его первую ночь в постели, как обещали. Мистер Пиктон провел его в комнату на верхнем этаже, причем, поднимаясь по лестнице, эти двое болтали, как старинные приятели: мы были правы, решив, что разговорчивая натура обоих сдружит их с самого начала. А насчет того, что же все-таки станет с Эль Ниньо, когда расследование будет закончено, мистер Пиктон сказал, что будет вовсе не против оставить его у себя в качестве слуги – это уж точно даст жителям Боллстон-Спа пищу для пересудов. После счастливого разрешения таким образом его судьбы, туземец нырнул в среднего размера кровать у себя в комнате точно в океан, прервав свое дикое ликование лишь после того, как мистер Пиктон сообщил ему, что миссис Гастингс отнюдь не обрадуют его фортели в постели в моих выходных туфлях.

Доктор решил, что наш новый компаньон в ближайшем будущем продолжит работать со мной и мисс Говард: невозможно было предвидеть, какими еще неприятностями способен обернуться поиск корней Либби Хатч, но можно было смело утверждать – окажись мы снова в опасности, таланты Эль Ниньо придутся весьма кстати. То был вполне ясный и приемлемый выбор – к тому же, хоть поначалу это и не было столь же очевидно, последующие два дня прекрасно показали, сколь забавным продолжал оставаться наш напарник. Пока мы рыскали по этим селениям на восточном берегу Гудзона и мисс Говард опрашивала каждого встречного и поперечного насчет семьи Фрэзеров, Эль Ниньо и я сходились все лучше и лучше, паясничали, смеялись и сообщали всем обеспокоенным и обиженным местным жителям, с какими сталкивались, куда им стоит засунуть свою мелкопоместную враждебность. Пылкая преданность аборигена, теперь с энтузиазмом обратившаяся на нас, – после долгих лет ее неохотного дарования подлому сыну изначального благодетеля – побудила мисс Говард по-своему привязаться к нашему новому приятелю, да таким образом, кой был невозможен в отношении обычного белого американского мужчины: ведь Эль Ниньо вел себя с ней без покровительственного снисхождения или попыток рыцарства – то было

простое уважение к оказавшим ему добрую услугу.

В первый день поисков нам понадобилось собраться со всеми бодрими чувствами, что у нас были – ведь он не принес ничего, кроме отрицательных ответов на расспросы мисс Говард и угрюмых недоверчивых взглядов местного населения. Тот факт, что мы разыскиваем убийцу, похоже, нимало не способствовал доверию этих людей: мы были прежде всего чужаками, и никакая наша подразумеваемая цель не могла сломить этот барьер. В среду вечером мы вернулись к мистеру Пиктону несолоно хлебавши, но в четверг встали до зари и снова выехали, стараясь не дать воли разочарованию. На рассвете мы пересекали реку на маленьком пароме, направляясь напрямиком в яркое, режущее глаз сияние утра. Такое положение дел было бы тошнотворным, когда б не Эль Ниньо, который, лежа позади в нашей коляске, точил свой *крис* и радостно напевал какую-то песенку на родном языке, в которой, как он сообщил мне, говорилось об утре в тропических джунглях, бывших некогда его домом.

Остаток же нашего утра заполнило новое разочарование – как, впрочем, и день. Город за городом, таверна за таверной, почта за почтой – мисс Говард прилежно заходила в каждое заведение и задавала одни и те же вопросы о семье по фамилии Фрэзер. Когда зазолотился день, я, например, уже был более чем готов признать безнадежность того, что мы обнаружим хоть что-нибудь до созыва большого жюри: в конце концов, мы даже не знали, была Фрэзер девичьей фамилией Либби Хатч, псевдонимом или же кличкой, под которой проходил отец ее первого ребенка. Уверенность мы чувствовали только в одном: где-то – может, и вовсе в другом штате – была могила ребенка с такой фамилией; а когда поздний день перетек в ранний вечер, уже и мисс Говард начала думать, что, это, пожалуй, все, что нам нужно знать, по крайней мере – сейчас. Если мистер Пиктон решит, что для настоящего процесса (если, конечно, до такого дойдет) требуется больше подробностей касательно той части жизни Либби, мы продолжим наши поиски – и тогда он сможет с пристрастием допросить ее на суде и об этих вещах. Но мисс Говард все больше убеждалась в том, что жестокость Либби была в той же степени результатом рождения девочкой в деспотическом, ханжеском обществе, в какой виной тому могли быть любые возможные отклонения в жизни ее семьи; и наши бесплодные вынужденные поиски начали в итоге казаться попросту потерей времени. Незачем говорить, что мисс Говард была не из тех, кто мог долго терпеть подобное чувство.

И потому, когда тем вечером часы на здании суда в Боллстон-Спа пробили семь, мы вполне услышали их, поскольку уже возвращались в город по Мальта-роуд. Мы проехали мимо закрытых лавок Боллстона и

тихих домов, обогнули железнодорожную станцию, поднялись вверх по Бат-стрит и оказались под окном мистера Пиктона. Эль Ниньо спал в коляске, мисс Говард рядом со мной была погружена в свои размышления, а сам я с трудом удерживался от дремы – рассудок мой убаюкивал медленный размеренный цокот копыт нашего верного моргана.

И, разумеется, это было самое время для того, чтобы разверзлась сама преисподняя.

– Стиви! – Мне было показалось, что голос звучит у меня в голове, словно часть сна, в который я погрузился. – Стиви! Сара! Черт, да вы меня слышите?

Мисс Говард встряхнула меня, и мы вместе оглядели окружавшие нас тихие кварталы, не видя поблизости ни души; но когда голос вновь позвал нас, я определил, что принадлежит он мистеру Пиктону и доносится из окна его конторы.

– Я здесь! – крикнул он, мы подняли головы и увидели, что он чуть ли не наполовину свешивается из окна здания суда, размахивает трубкой в одной руке и каким-то листком бумаги в другой, отчаянно пытаюсь привлечь наше внимание. – Слушай, Стиви, – продолжал мистер Пиктон, – тебе нужно ехать к Вестонам и привезти сюда доктора! У них там нет чертова телефона, а нам надо поговорить! Он собирался вернуться к девяти, но я только что получил телеграмму от Джона – нам нужно обсудить это прямо *сейчас!*

– Но слушание ведь утром, – попыталась вмешаться мисс Говард, – а ему все еще...

– Не важно – все под контролем! – проорал мистер Пиктон, совершенно сбив с толку нас обоих. – Сара, берите мой экипаж и отправляйтесь за Сайрусом с Люциусом – но ты, Стиви, *должен* привезти доктора, и как можно скорее!

Мисс Говард быстро соскочила на землю и бегом кинулась к Хай-стрит и зданию суда. На полпути она обернулась и крикнула мне:

– Разбуди Эль Ниньо, Стиви – он не даст тебе снова задремать!

– Можно подумать, я спал! – выпалил я, вновь полный энергии. – Хотелось бы мне знать, что здесь творится, черт побери!

Мисс Говард улыбнулась, подобрала юбку и побежала дальше. Как следует все обдумав, я решил, что и в самом деле компания не помешает – дабы нарушить монотонность обратной езды по той же дороге, откуда мы только что прибыли, – поэтому как следует встряхнул моего спутника в коляске, отчего тот вскочил, выхватил свой *крис* и изготовился метать его; и все это – одним молниеносным движением.

– Потише, сынок, – сказал я и похлопал по кучерской скамье, где раньше сидела мисс Говард. – Залезай-ка сюда и держись за что-нибудь – поездочка, похоже, будет не из гладких!

С ликующим смехом от мысли о том, что его повысили до присутствия на козлах, Эль Ниньо прыгнул ко мне и приготовился ехать, а я развернул повозку и хлестнул вожжами по крупу моргана. В городе мы не могли скакать на полной скорости, но лишь только выбрались за его пределы, маленький жеребец доказал, что дневные труды ему были нипочем, и, разогнавшись, мы подняли такое облако пыли – не говоря уже о несусветном грохоте, – что Эль Ниньо не смог удержаться и грянул очередную песню, которой, по его словам, выучился, пиратствуя в Южно-Китайском море.

Мы добрались до фермы Вестонов еще засветло – что говорило не только о выносливости нашей лошадки, но и о моих извозчицких способностях. Иосия Вестон, хоть его и застал врасплох вид туземца в моем вечернем платье, сообщил, что доктор с Кларой где-то у ручья за домом, снова рисуют. Это меня не удивило – доктор обладал поразительным терпением в подобных вещах, а если ребенок отзывался на какую-то конкретную форму обращения или общения, он мог отдаваться этому занятию целыми днями. Велев Эль Ниньо раздобыть корма и воды для нашей лошади, я бегом кинулся к ручью.

Стремглав обогнув большой огород, я проскочил через кукурузное поле, понесся вдоль берега громкого чистого ручья и сообразил, что все больше волнуюсь – вот только неясно, о чем. Я скакал и прыгал по камням и грязной траве на берегу в поисках доктора и Клары, но не нашел их там, и, даже понимая, что они не услышат меня за шумом бегущей воды, я пару раз выкрикнул их имена, не останавливаясь, чтобы услышать ответ. Наконец, минут через пять этих бросков и скачек, я заметил спину доктора где-то в полумиле от дома вверх по ручью. Он сидел под большим кленом, один из корней которого изогнулся в виде некоего помоста над потоком. Клара тихо сидела напротив него, что-то рисуя.

Наконец добравшись на расстояние слышимости, я чуть замедлил шаг. Тот участок ручья, где сидели эти двое, образовывал небольшую излучину, и вода плескалась в спокойной заводи – уже настолько тихо, что я мог расслышать мягкий голос доктора, когда он обращался к Кларе. Судя по тому, что мне было слышно из его слов, его попытки достучаться до девочки находились в критической стадии:

– ... так что, видишь, Клара, я начал понимать, что в случившемся не было моей вины, – и если бы я только рассказал другим правду о том, что

произошло, это бы лишь помогло. Помогло мне остаться невредимым, и помогло бы моему отцу прекратить совершать подобные вещи.

Все это было вполне предсказуемо: повторяюсь, я уже слышал об этом от доктора, и хотя мне хватило ума приближаться потише, я прикидывал, что сейчас последует пауза в разговоре – во время безмолвной попытки Клары охватить его последнюю мысль своим нарушенным юным умом. Я дожидался этой паузы, решив, что как раз тогда смогу изящно вступить и объявить, что нам следует срочно возвращаться в город.

Но вместо этого моя челюсть попросту отвисла, когда я услышал, как Клара отвечает доктору мелодичным, чуть хриплым, но все же поразительно чистым голоском:

– А твоему папе стало лучше?

Я увидел, как доктор медленно кивнул:

– Он был очень больным человеком. Как твоя мама. Но да, в конце концов ему стало лучше. И ей тоже станет.

– Но только если я скажу правду... – тихо, по-настоящему испуганно вымолвила Клара.

Не было никаких сомнений: они разговаривали.

Глава 39

Я изо всех сил старался не перебить происходящее, понимая, что это очень важно, – однако топкость берега под ногами пресекла мои усилия. Стоя там и затаив дыхание, я ощутил, как моя нога погружается в глубокий участок ила под травой. Тихо возопив, я выдернул ногу, и та громко и отчасти комично чавкнула. От шума доктор и Клара быстро обернулись и вскочили. Девочка метнулась и спряталась за ногу доктора, но потом, завидев, что это всего лишь я – и что нога моя снизу покрыта толстым слоем грязи, – она рассмеялась, как обычно, тихо и хрипло. Доктор тоже заулыбался – я же почувствовал, что краснею.

– Простите, – проговорил я, стряхивая комья глины и грязи с ботинка. – Я не хотел встречать, но... – Тут я покосился на ботинок, и эти двое снова расхохотались пуще прежнего.

– Знаешь, Клара, – сказал доктор, – по-моему, кое-кто пытался незаметно подкрасться к нам. Как *ты* думаешь? – Девочка посмотрела на меня, и смех ее сменился простой улыбкой; потом она вытянула шею, желая прошептать что-то на ухо доктору. Тот наклонился послушать, потом засмеялся снова. – Нет, он, конечно же, *не очень* в этом силен. – И, бросив на меня многозначительный взгляд, явно говоривший, что если у меня ничего важного, то лучше бы мне проваливать, доктор продолжил: – Итак, Стиви, что же привело тебя?

Я постарался говорить спокойно, чтобы вдруг не смутить Клару:

– Это мистер Пиктон, сэр. Он говорит, что на сегодня, пожалуй, пора заканчивать. – Затем позволил себе тон посерьезней: – Кажется, он получил телеграмму – от мистера Мура.

Глаза доктора несколько забежали, но он смог сдержать эмоции.

– Понимаю. – Посмотрел на Клару, потом снова на меня. – Хорошо. Встретимся в доме. Через пять минут.

Я кивнул и отчалил, а доктор после моего ухода вернулся к серьезному разговору по душам со своей маленькой пациенткой.

Когда я добрался до дома, грязь у меня на ноге начала засыхать, но я все еще выглядел вполне по-идиотски – и Эль Ниньо просто закатился смехом. Пока я снимал ботинок и пытался почиститься, он продолжал хохотать – но при появлении доктора и Клары быстренько встал по стойке смирно и принял крайне уважительный вид. Девочке абориген показался странным, но, похоже, не напугал ее – и, окончательно рассмотрев его, она

вновь зашептала доктору на ухо. Он улыбнулся, погладил Клару по голове и сказал, что рост Эль Ниньо нормален для его народа.

– Он приехал с другого конца земли, – объяснил доктор. – Там *много* необычного. Когда-нибудь увидишь сама, если пожелаешь. – Потом наклонился и заглянул ей в глаза. – Я вернусь утром и отвезу тебя в суд, Клара. И буду там с тобой, как и обещал. Вопросы тебе будет задавать только мистер Пиктон – так что, видишь, бояться вовсе нечего. Это *поможет* – поможет *всем*, правда.

Клара кивнула, изо всех сил стараясь поверить доктору, Иосия Вестон подошел и обнял ее. Он, разумеется, прекрасно знал, что мы были накануне первого серьезного испытания для Клары – и довольно уверенно пожал руку доктору; однако я, кажется, заметил в его взгляде и толику томительного сомнения в правильности происходящего. Но лишь только доктор принялся усаживаться в свою нанятую двуколку, Клара метнулась и обхватила его ногу, как делали многие дети в Институте – и, думаю, это лучше любых слов убедило мистера Вестона в том, что они действительно пошли по единственной тропе, способной принести ей подлинный мир.

Как только мы выехали на дорожку с фермы Вестонов, я посторонился, уступая доктору дорогу рядом с нами, и быстро описал ему ситуацию в городе – или, по крайней мере, то небольшое, что мне было известно. Похоже, слова мистера Пиктона насчет того, что дела доктора у Вестонов «под контролем», означали, что Клара заговорила как раз этим утром, и доктор немедленно отправил Питера Вестона в город с новостями, чтобы мистер Пиктон знал: представ перед большим жюри, он может рассчитывать на готовность этого последнего оружия в своем арсенале. Сообщив мне все это, доктор притормозил двуколку, снова занял место позади нашего экипажа и сосредоточился на том, чтобы поспевать за нами: остаток обратной поездки был столь же быстрым и суровым, что и дорога сюда. Когда мы добрались до здания суда, по неоднократным тяжелым вздохам моргана стало окончательно понятно: на сегодня он свое отбегал; так что я велел Эль Ниньо, который уводил обеих лошадей и повозки обратно на извозничий двор, передать мистеру Вули, чтобы тот задал выдающемуся животному за его труды корма получше и как следует почистил.

Коляска мистера Пиктона снаружи здания суда подсказала нам с доктором, что мисс Говард со своими спутниками опередила нас, и мысль о том, что эти трое, должно быть, сейчас наверху, не дождавшись нашего прибытия, испытывают у мистера Пиктона, какие же таинственные новости прибыли из Нью-Йорка, заставила нас просто ворваться внутрь и

взлететь наверх по мраморным ступеням. Рослый охранник у дверей – тот, кого мистер Пиктон звал Генри, – возмущенно выкрикнул нам, что нельзя вот так носиться сломя голову по зданию, будто оно наша собственность, и что существуют правила, которые должно блюсти, – но мы не обратили на него никакого внимания. Точно так же, едва соблюдя формальности у входа в кабинет мистера Пиктона, мы заскочили внутрь и обнаружили всех в ожидании.

– Ну наконец-то! – объявил мистер Пиктон, обгладывая свою трубку подобно одному из многих нервных типов, коих я время от времени видывал во время визитов доктора в «Павильон безумцев» нью-йоркской больницы Беллвью. – Я уж боялся, что если вы не придете вскоре, эти трое попросту нападут на меня и *отнимут* телеграмму! Но справедливость прежде всего, сказал я им – доктор и Стиви заслужили услышать новость вместе с остальными!

– Прошу вас, – задыхаясь, произнес доктор, не обращая внимания на любезность мистера Пиктона, – продолжайте...

– Доставили как раз после шести, – сообщил мистер Пиктон, отложив трубку в сторону и нервно устраиваясь в кресле. – И, надеюсь, вместе нам удастся лучше понять ее, чем я смог бы в одиночку. Да просто сейчас прочту вам...

Он с громким шорохом развернул бумагу, прочистил прокуренное горло и начал:

МИСТЕРУ РУПЕРТУ ПИКТОНУ, ЗДАНИЕ СУДА
БОЛЛСТОН-СПА, БОЛЛСТОН-СПА. СРОЧНО. Л.Х.
ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПРЕДСТАТЬ ПЕРЕД Б. ЖЮРИ,
ССЫЛАЕТСЯ НА СВОИ ПОКАЗАНИЯ ПОД ПРИСЯГОЙ ВО
ВРЕМЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ДОБАВИТЬ НЕЧЕГО. ПРЕП.
ПАРКЕР ВЧЕРА ОБНАРУЖЕН. ЖИВ, ХОТЬ И НЕ НЕВРЕДИМ.
ДАСТ ПОКАЗАНИЯ, ЕСЛИ ГАРАНТИРУЮТ ЗАЩИТУ. МИХЕЙ
ХАНТЕР УМЕР ВЧЕРА ОТ ПЕРЕДОЗИРОВКИ МОРФИЯ.
КОРОНЕР ГОВОРИТ, САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ, НО ЭТО УЖЕ НЕ
СЕКРЕТ. КОРОНЕРА СОПРОВОЖДАЛИ ДВА МЕСТНЫХ
ПОЛИЦЕЙСКИХ, Л.Х. ЗНАЕТ, ЧТО ОФИЦИАЛЬНОГО
ПОЛИЦ. РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕ
ВЕДЕТСЯ. ПЫЛЬНИКИ ТЕПЕРЬ СЛИШКОМ ОПАСНЫ, МЫ
НЕ МОЖЕМ ПРОДОЛЖАТЬ СЛЕЖКУ. ЧУТЬ НЕ УБИЛИ НАС,
ПОКА МЫ СЛЕДИЛИ ЗА ТЕМ, КАК ОНА ПЕРЕНОСИЛА
К НИМ А.Л. ПЫТАЕМСЯ ОРГАНИЗОВАТЬ

СОГЛЯДАТАЯ ВНУТРИ. ВАНДЕРБИЛТ ВЕРНУЛСЯ В ГОРОД. Л.Х. ПРИШЛА К НЕМУ В ПОЛНОМ ТРАУРЕ. В. НАНЯЛ ДЛЯ ЕЕ ЗАЩИТЫ ЧИКАГСКОГО ЮРИСТА. МАРКУС УЕХАЛ ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ УЗНАВАТЬ, КТО ЭТО. ВОЗВРАЩАЮСЬ ПЕРВЫМ ЖЕ ПОЕЗДОМ. НЕ ОТКАЖУСЬ ОТ ЭКИПАЖА И ВИСКИ НА СТАНЦИИ. МУР

– Вот такие дела, друзья мои, – сказал мистер Пиктон, снова принявшись за трубку. – Я проверил расписания – Джон прибудет около одиннадцати, хотя, конечно, будут задержки. И это дает нам несколько часов на раздумья о том, что же он имел в виду. – Тут он помахал телеграммой над головой. – Что-то, конечно же, очевидно и не слишком-то удивительно – честно говоря, я и не ждал, к примеру, что Либби объявится на слушании большого жюри. Но есть и другие довольно запутанные вещи.

Доктор встал и потянулся за телеграммой:

– Позвольте?

– О да, разумеется, доктор, – ответил мистер Пиктон, вручая ему листок. – Вы к тому же знаете Джона намного дольше, чем я, так что, вероятно, лучше разберетесь в его смутных намеках – начиная хотя бы с утверждения о том, что преподобный Паркер «жив, но не невредим».

– Или Мур попросту демонстрирует свою обычную четкость высказываний, – просматривая бумагу, отозвался доктор, что называется, сухо, – или же не хотел допустить, чтобы кто-то мог завладеть копией послания. Возвращение Вандербилта в этом свете выглядит действительно несколько зловеще.

– Да, – согласился Люциус. – Его люди смогут немало выяснить, если зададутся такой целью.

– Готова поспорить, – сказала мисс Говард, – что этот намек насчет Паркера означает, что Либби *и впрямь* натравила на него Пыльников. Если его смогли найти Джон с Маркусом – значит, могла и она. И одному богу известно, в каком он теперь состоянии.

Сайрус кивнул:

– Полагаю, мисс, в достаточно плачевном, чтобы его жизнь стала настоящим страданием, – тихо промолвил он. – Быть может, в настолько плачевном, что он жалеет, что не умер. Это вполне могло доставить ей куда больше удовлетворения, чем его убийство.

Мисс Говард мрачно посмотрела на Сайруса, явно с ним соглашаясь; доктор тоже кивнул.

– Да, – сказал он, по-прежнему изучая телеграмму, – а вот с Михеем

Хантером явно требовалось решить вопрос окончательно. И это понятно. Он, вероятно, не знал ничего о том, что творилось до его женитьбы на Либби, – но когда Маркус принес весть о большом жури, Хантер, несомненно, начал подозревать правду. И даже для его изможденного наркотиком разума не составило большого труда сделать очевидные выводы относительно несчастных детей, за которыми «ухаживала» в Нью-Йорке его жена.

Мистер Пиктон вздернул голову, и на лице его отразилось почти восхищение:

– Его убийство – тоже весьма умная тактика для процесса. Теперь Либби явится в обличье только что овдовевшей женщины, долгие годы заботившейся о ветеране Гражданской войны. – Тут его странное восхищение внезапно сменилось гримасой: – Бог мой, что за тягостные мысли! Судьи, присяжные и публика вполне склонны принять на процессе сторону женщины – а уж опечаленная вдова солдата Союза... ничто не вызовет такого сочувствия, как черное платье и флаг. Но скажите же, доктор, – что Мур имел в виду, говоря о попытке «организовать соглядатая внутри»?

– А это, боюсь, касается еще одного умного хода со стороны нашей противницы, – отвечал доктор. – Я надеялся, что при вызове в Боллстон-Спа она позаботится о временном опекуне, который смог бы присматривать за Анной у нее в доме.

– И чем же это могло помочь нашему делу? – спросил мистер Пиктон.

– Ничем. Во всяком случае, только не в условиях процесса. Но если случится так, что мы потерпим поражение и ее оправдают...

– Тогда по возвращении в Нью-Йорк ей придется избавиться от опекуна, – кивнув, закончил за него Люциус, ухватив идею. – И, если повезет, мы могли бы оказаться там, схватить ее на месте преступления и предотвратить его.

– Или же, если не повезет и в этом, мы бы по крайней мере заполучили на сей раз – и я не побоюсь показаться бесчувственным, – еще одно убийство, которое могли бы попробовать предъявить ей, – заметил доктор. – Однако сейчас, зная, что полиция на самом деле не ведет расследования, она может действовать не в пример наглее: Мур сообщает, что они сами *видели*, как она переносила девочку в логово Пыльников, место, где полиция не объявляется без самых серьезных на то оснований. – Прервавшись, доктор еще раз вчитался в телеграмму. – Я бы сказал, что Джон пытается найти кого-то среди Пыльников, или, на худой конец, близкого к ним, кто смог бы присматривать за Анной, – ведь если нам

удастся приговорить Либби, судьба ребенка без помощи изнутри останется неясной.

– Но... с кем он мог бы установить связь? – недоумевал Люциус. – Я хочу сказать, даже одно *приближение* к известному завседатаю этого места стоило бы ему проломленного черепа.

И тут я понял, что в меня вперилась пара глаз, и, оглядевшись, сообразил, что на меня в упор смотрит Сайрус.

– Вовсе не обязательно, – мягко произнес он; и при этих его словах мое сердце ушло в пятки от мысли о том, что – или кого – он сейчас имеет в виду.

– Что ты хочешь сказать, Сайрус? – осведомилась мисс Говард. – Кого он мог бы... – Следуя за взглядом Сайруса и посмотрев на меня, мисс Говард внезапно все поняла. Доктор с Люциусом тоже устали в мою сторону, понимающе и неловко.

От всего этого внимания я заелозил ногами по полу.

– Но... – тихо проговорил я. – Но – она же уехала. – Сердце мое билось сильнее с каждой секундой; я понял, что просто не могу сдерживать голос. – Она *уехала!* Уехала в Калифорнию...

– Этого мы не знаем, Стиви, – бесстрастно произнес доктор. – И, похоже, Муру не к кому было бы больше обратиться.

Я затряс головой даже прежде, чем он закончил.

– Нет, – бормотал я, пытаюсь убедить самого себя в той же мере, что и всех остальных. – Ее *нет*, она уехала! – Но тут же вспомнил мельком виденного перед нашим отъездом из города на пирсе на 22-й улице Динь-Дона, и умолк, едва только понял, что мои доводы не стоят и воздуха, нужного для их произнесения.

– Боюсь, тут я не совсем в курсе, – сообщил мистер Пиктон, попыхивая трубкой, и, похоже, чувствуя, что момент не из легких. – Это, может, и вовсе не мое дело, но – о ком это вы все говорите?

Доктор – как только сообразил, что я, хоть до сих пор и в расстройстве, но уже начал понемногу брать себя в руки – обернулся к мистеру Пиктону:

– Мы сейчас говорили о подруге Стиви – мисс Девлин. Мы думали, что она уехала из города в Калифорнию. – Он еще раз покосился на меня. – Но, похоже, мы ошибались.

– Так это же великолепно! – Громкие, жаркие слова мистера Пиктона, кажется, на мгновение выбили меня и остальных из колеи, и я крайне озадаченно воззрился на него. – Хорошо, я хочу сказать, – продолжал тот с участливой искренностью, – девушка станет делу немалым подспорьем, Стиви. Если она до сих пор в Нью-Йорке, вряд ли найдется лучше человек,

к которому можно было бы обратиться за помощью?

Мысль эта, которая не пришла бы в голову никому из нас, действительно знавших Кэт, до странности успокаивала, и я обнаружил, что она произвела умиротворяющий эффект на стук у меня в голове и груди, – настолько, что я даже слегка кивнул.

– Это так, Стиви, – вмешалась мисс Говард самым ободряющим своим тоном. – У нас нет никаких причин сомневаться в том, что Кэт все сделает правильно. Так она пока и поступала. Несмотря на весь ее вспыльчивый нрав.

И даже Сайрус, лучше всех понимавший, насколько сомнительным могло быть участие Кэт, попытался высказаться позитивно:

– Они все дело говорят, Стиви – она крутая девчонка и, бог свидетель, непредсказуемая. Но для нас она все делала верно, каждый шаг.

– Ага, – тихо выдохнул я, – надеюсь, что так...

Но я не собирался окончательно покушаться на все это, пока не замечу уверенности в лице доктора. Я повернулся – но ее там не было.

– Нам остается надеяться, Стиви, – сказал доктор, выгнув бровь дугой. Он ни разу не лгал мне раньше, и, думаю, понимал, что мне бы не хотелось ждать от него такого сейчас. – Это все, что мы можем сделать. Но надежда наша не слепа – и это, по крайней мере, правда. Она действительно помогла нам в этом деле.

Я лишь кивнул еще раз, с трудом сглотнув и собираясь перевести разговор на любую другую тему, поскольку просто не смог бы говорить о Кэт начистоту, не покурив прежде в одиночестве.

Но доктор, по счастью, привлек внимание остальных к прочим делам, вернувшись к телеграмме:

– Что ж, тогда последний вопрос – и, боюсь, самый загадочный: кто же, черт побери, этот «чикагский юрист», о котором пишет Мур?

– И впрямь загадочно! – провозгласил мистер Пиктон, встал и направился к окну. Он выглянул наружу и начал дергать себя за жесткие рыжеватые волосы с такой силой, что мне показалось, будто они вот-вот начнут выпадать целыми пучками. – Чикаго... во имя господ, с какой стати Чикаго? В Нью-Йорке лучшие уголовные адвокаты в стране – а при наличии Вандербилта Либби могла бы заполучить любого из них!

– Может, у Вандербилта в Чикаго какие-то особые связи? – предположил Люциус. – У него явно есть причина обратиться за помощью столь далеко. В конце концов, он не дурак.

– Вот именно, – согласился мистер Пиктон, пиная стопку бумаг на полу. – Но он железнодорожник. Единственные, с кем он резонно может

быть накоротке в Чикаго – юристы корпорации. Не знаю, где бы один из них мог...

В этот момент мы все обернулись на стук в дверь внешнего кабинета. За ним немедленно последовал голос охранника снизу:

– Мистер Пиктон? Мистер Пиктон, сэр?

– Да-да, Генри, – крикнул мистер Пиктон. – Входи!

Большой охранник медленно открыл внешнюю дверь, осторожно вошел, чуть неуклюже озираясь, будто, как мне показалось, в некоем автоматическом почтении от пребывания в одном из кабинетов. В руках у него был конверт.

– Только что прибыло для вас, сэр, – доложил он, вручая послание подошедшему хозяину. – Из конторы «Западного Союза»⁴⁸. Я сказал им записать на счет окружного прокурора.

– Отлично – быстрое решение, Генри, – сказал мистер Пиктон, принявшись вскрывать конверт. Охранник сдвинул брови, не понимая, серьезен мистер Пиктон или же шутит над ним. Но следующий комментарий нашего друга вполне прояснил его отношение. – Ты здесь всех знаешь, Генри? – спросил он, глядя на одутловатое лицо охранника с маленькими глазками, и указал на нас. – Или мне вас представить?

Мужчина сердито покосился на мистера Пиктона.

– Нет, сэр, – мрачно бросил он. Потом безмолвно и обиженно обвел нас взглядом. – Думаю, что всех их знаю, сэр.

– Что ж, тогда, если ты ждешь чаевых, могу лишь напомнить, что это противоречит политике округа. Всего хорошего, Генри.

Не зная, что на это ответить, охранник попросту кивнул и уныло ретировался.

– Идиот, – буркнул мистер Пиктон, когда тот вышел. – Как подумаю, что кто-то с мозгами мог бы сам воспользоваться всей пищей и кислородом, необходимыми для поддержания таких вот... – Он прервался, наконец вскрыв конверт. – Ага! Новости от Маркуса. – Быстро проглядев послание, мистер Пиктон пожал плечами и передал его доктору, сам же вернулся к себе за стол. – Хоть и крайне скудные! Он, похоже, выяснил имя адвоката, нанятого Вандербилтом. Сейчас пытается собрать досье на него и поговорить с людьми, имевшими с ним дело. Есть вероятность, что он и сам сможет с ним побеседовать.

– Это все, возможно, пригодится, – пожав плечами, заметил Люциус.

– Как его имя, Руперт? – спросила мисс Говард. – Вы его прочли?

Мистер Пиктон снова уставился в окно, дергая себя за волосы.

– Хм-м? О! Дэрроу. Кларенс Дэрроу. Не помню точно, где – но что-то

такое было...⁴⁹

– Я его, разумеется, не знаю, – просто сказал доктор, откладывая телеграмму на стол.

Мистер Пиктон продолжал раздумывать, потом бросил свои попытки.

– Как, выходит, и я, – сообщил он, жалобно скривившись. Но потом лицо его вновь разгладилось. – Или все же знаю?

Было же что-то... минуточку! – Метнувшись через комнату, он подхватил пачку юридических журналов, сложенных стопкой на полу, и швырнул их на стол. – *Что-то, что-то* было... – Принявшись просматривать журналы в своей обычной манере – то есть раскидывая их по всей комнате, так что остальным приходилось уворачиваться, чтобы не заполучить одним в зубы, – мистер Пиктон наконец отыскал нужный номер. – Ага! – объявил он, оседая в кресло. – Да, вот оно! Статья, что упоминает Кларенса Дэрроу – который, оказывается, числится на жалованье у «Железных дорог Чикаго и Северо-запада», хотя это и предварительный гонорар по совместительству. Но при этом он консультант корпорации, так что нет никаких сомнений, откуда Вандербилт знает о нем.

– Но я все равно не понимаю, – заметил Доктор, – зачем нанимать корпоративного адвоката для уголовного дела?

– Ну, – отозвался мистер Пиктон, поднимая палец, – тут есть кое-какие занятные подробности, которые могут прояснить ответ. Помните Пуллмановскую забастовку в 94-м⁵⁰? – В ответ донеслось утвердительное бормотание: все вернулись мыслями к тому печально известному времени, когда Американский профсоюз железнодорожников организовал забастовку против Пуллмановской вагоностроительной компании в Чикаго. Стычки, происходившие во время этого события, были столь скверными и кровавыми, что о них был наслышан даже я, – от тех сочувствующих рабочим энтузиастов, что составляли самую крикливую часть населения в моей старой округе. – Так вот, несмотря на то, что он все-таки являлся консультирующим адвокатом «Чикаго и Северо-запада», Кларенс Дэрроу согласился представлять интересы Юджина Дебса⁵¹ и еще некоторых членов правления профсоюза железнодорожников. Дело не было уголовным – Дебса и прочих обвиняли только в подстрекательстве рабочих к стачке, что формально является антистретовским действием. Но Дэрроу все-таки сподобился полностью оспорить это перед Верховным судом. – Мистер Пиктон перелистнул несколько журнальных страниц и вдруг умолк.

– И? – спросила мисс Говард.

– И – он проиграл, конечно, – ответил мистер Пиктон. – Но то была славная битва. Но, что еще важнее, пока Дебс и прочие отбывали несколько месяцев в тюрьме за гражданские правонарушения, им было предъявлено обвинение в куда более серьезном уголовном преступлении: попытке заблокировать почтовые поезда путем железнодорожной забастовки. Дэрроу снова взялся за дело и по умолчанию выиграл – правительство в итоге сняло обвинения. Таким вот образом, проиграв в менее серьезном гражданском процессе, Дэрроу выиграл более важное уголовное дело⁵².

– Что все же не объясняет нам, – вмешался Люциус, – почему мистер Вандербилт решил, что человек, делящий время между работой на железнодорожную корпорацию и профсоюзы – комбинация эта, кстати, поражает меня до глубины души – будет идеальным кандидатом для участия в деле об убийстве.

– Ну да, – согласился мистер Пиктон, чье настроение уже улучшилось, – не объясняет. Но говорю вам, детектив, – мне полегчало! Каковы бы там ни были таланты этого Дэрроу, Вандербилт вполне мог бы призвать из Нью-Йорка самых важных шишек, пожелай он принять во всем участие.

– Пожалуй, в этом-то и дело, – заметил Доктор. – Пожалуй, мистер Вандербилт чувствует, что процесс может обернуться чем-то неподобающим, и не хочет, чтобы его имя связывали с ним в нью-йоркских кругах.

Мистер Пиктон обдумал это, затем кивнул:

– Думаю, вы правы, доктор, – подозреваю, вы абсолютно правы! Маркус, без сомнения, сможет подтвердить нам эту теорию, когда вернется. А пока... – Мистер Пиктон зажал трубку в зубах и упер руки в бока, – я голосую за то, чтобы поехать домой и как следует отужинать. Дела идут на лад, полагаю!

Испытав серьезное облегчение от такого поворота событий, а заодно – и от уверенности мистера Пиктона, – все мы направились к выходу из кабинета, голодные и более чем готовые воспользоваться его советом относительно расслабляющего вечера дома. Да, нам и впрямь предстояло утром столкнуться с большим жюри – но раз Клара Хатч уже разговаривала, можно было с достаточным на то основанием полагать, что нам удастся с легкостью миновать это препятствие в предстоящем уголовном деле, где, как мы радостно заверяли друг друга, нас будет ждать неопытный в подобных вещах юрист, который не сможет как следует противостоять таким искушенным в прениях людям, как доктор и мистер

Пиктон.

И это предположение было одной из самых тяжких ошибок, что мы допустили за все дело.

Глава 40

Мистер Мур прибыл тем вечером, и вид у него был потрепанный: казалось, что за ним гнались, что, в общем, было вполне понятно – неделька в городе ему выдалась просто адская, и он едва унес оттуда ноги невредимым. И даже когда они с Маркусом не находились в ситуациях, непосредственно угрожавших их жизни, – как, например, когда отправились побеседовать с преподобным Клэйтоном Паркером, – насилие было обычным предметом для разговоров: похоже, на преподобного где-то полгода назад напали несколько человек, которых мы вполне резонно могли счесть Гудзонскими Пыльниками, и раздробили ему бейсбольными битами обе коленные чашечки, да в придачу отрезали одно ухо. Даже пересказывая нам эту историю, мистер Мур так разнервничался, что для успокоения ему потребовалась пара приличных стаканчиков лучшего виски мистера Пиктона. Но новость о том, что мы уже готовы наутро предстать перед большим жюри, существенно его подбодрила – как и остатки ужина, которыми он допоздна объедался на кухне. А когда настало время отправляться в спальню, он уже принял внутрь достаточно обнадеживающей информации – а заодно и виски, – чтобы спать столь же спокойно, как и все остальные.

Впрочем, прежде чем позволить ему отправиться ко сну, целиком и полностью заслуженному, мне нужно было выяснить, вправду ли он общался с Кэт, а если да, то чем все кончилось. Он нетвердо чистил зубы у себя в ванной, высыпав полкоробки порошка «Созодонт» на щетку и в раковину, и тут я шмыгнул внутрь и начал задавать вопросы. Мистер Мур, чей рот исходил пеной, словно у бешеного пса, рассказал мне, что действительно встречался с Кэт за пределами территории Пыльников и сообщил ей о нашем затруднительном положении, а потом спросил, не согласится ли она присматривать за Аной Линарес. Кэт потребовала за свои услуги денег, отчего я было уверенно решил: все, что мы дали ей, включая, вероятно, и билет на поезд, попало к Динь-Дону; но мистер Мур сообщил, что это не так, – Кэт показала ему билет и заявила, что просто дожидается ответа от тетки, прежде чем отправляться в Калифорнию. Когда я спросил мистера Мура, как, на его взгляд, – Кэт до сих пор нюхает марафет или нет, он ответил, что ему трудно было судить; ответил тем нервным тоном, из которого ясно следовало – он лжет; но я решил, что времени и энергии у меня хватит максимум на то, чтобы воодушевиться тем фактом, что у Кэт

до сих пор остался билет и она по-прежнему готова поработать на нас. С прочим же мне предстояло справиться, когда вернемся в Нью-Йорк.

Мистер Пиктон подготовил нас к тому, что некоторые жители Боллстон-Спа могут заинтересоваться деятельностью совещательного органа, который намеревался собраться в пятницу утром, в одиннадцать, в маленькой комнате в крыле здания окружного суда; но мы совсем не были готовы (как, думаю, и он сам) к тому зрелищу, что встретило нас, когда мы подкатили к зданию. На ступенях и лужайке перед судом было, пожалуй, человек сто – всех возрастов, размеров и внешнего вида; они теснились там, словно кучка голодных цыплят. Охранник Генри на самом верху лестницы загораживал вход, поскольку заседания больших жюри всегда закрыты для публики (о чем, видимо, не были осведомлены многие из этих потенциальных зрителей). Но массивный охранник с лошадиным лицом, похоже, благожелательно болтал с толпой, несмотря на то, что вынужден был ее сдерживать. А чем ближе мы подъезжали, тем яснее становилось, что в целом настрой у них всех – включая Генри – отнюдь не радушный.

– Прекрасно, – проговорил мистер Пиктон, останавливая лошадь. Потом раздраженно запыхтел трубкой, которая начала выбрасывать искры. – Просто *спал и видел*, что мои собратья-горожане заинтересуются процессом, – нет ничего лучше публики, участвующей в делах штата, особенно когда эта самая публика слишком невежественна, чтобы понять, с какого момента им участвовать уже *не* дозволено! – Он затормозил экипаж и, подхватив одну из больших стопок книг и папок, составленных на полу под кучерским сиденьем, соскочил на мостовую. – Я бы посоветовал вам не забирать Клару одному, доктор Крайцлер, – добавил он, когда доктор пересел с заднего сиденья вперед. – Одному богу известно, сколько еще этих людей в других частях города вышло поделиться своим драгоценным мнением.

– Со мной будут Стиви и Сайрус, – заверил доктор, пока я перебирался, чтобы взять вожжи.

– И Эль Ниньо тоже! – сообщил абориген, свесившись к нам со своей подножки снаружи экипажа. – Если вас охранять Эль Ниньо, сеньору доктору нечего беспокоиться! – И сверкнул широкой улыбкой, на которую доктор даже в такой сомнительной ситуации просто не мог не ответить.

– Очень хорошо, Эль Ниньо, – сказал он. – Ты тоже пойдешь с нами. Только не хватайся так резво за орудия своего ремесла. – Доктор покосился на толпу перед судом. – Таких людей, как эти, следует бояться не столько из-за их храбрости, сколько из-за невежества.

– Да, сеньор доктор! – кивнул Эль Ниньо, прыгая на заднее сиденье

рядом с Сайрусом, когда освободилось место мистера Мура. – Правильно!

– Не хотите, чтобы я тоже поехал с вами, Ласло? – осведомился мистер Мур, все еще сонный после первого пристойного ночного отдыха за пять дней.

– Думаю, мы и так составим достаточно впечатляющий эскорт, Джон, – ответил доктор, оглядывая тех из нас, кто остался в экипаже. – А кому-то нужно будет провести через эту толпу мистера Пиктона. Кому-то, – тут доктор быстро улыбнулся мисс Говард, – кто не станет *немедля* хвататься за револьвер.

– О, лично у *меня* руки будут заняты, – отозвалась мисс Говард, с улыбкой поднимая еще одну стопку книг и документов. – К счастью для этой толпы.

– Шутки шутками, – вмешался Люциус, вытирая лоб, ярко блестящий под жарким утренним солнцем, – но вы будете осторожны, доктор? В конце концов, девочка – ключ к нашему делу.

– Да, детектив-сержант, – ответил доктор. – И не просто осторожен. Никто не причинит никакого вреда ни ей, ни кому-либо еще, я клянусь вам.

– И Эль Ниньо тоже! – заявил туземец, на что я улыбнулся детектив-сержанту.

– И Эль Ниньо тоже, – пробормотал я, пощелкав языком на лошадь мистера Пиктона, и мы медленно тронулись.

Разворачиваясь, мы следили за остальной четверкой, пробивавшей себе дорогу в толпе перед зданием суда; трубка мистера Пиктона вспыхивала, точно дымовая труба кузницы, когда он приветствовал знакомых с до невозможности фальшивым радушием.

– А, мистер Гроуз, *какое* облегчение для меня – видеть здесь представителя нашего «Уикли Джорнал», да еще и самого редактора! Поистине приятно! Человек моего рода занятий редко встречает такую демонстрацию поддержки!

Мы начали покидать поле слышимости, как раз когда раздраженный голос ответил мистеру Пиктону:

– «Боллстон Уикли Джорнал» уж точно *не* собирается поддерживать вас, сэр, если вы действительно намерены добиться обвинительного приговора для несчастной миссис Хатч!

Последним, что мы услышали из этого разговора, был ответ мистера Пиктона:

– Ах, какая жалость! Шериф Даннинг, вы же *напомните* этим людям – включая и нашего друга Гроуза, – что подобные заседания закрыты для общественности, не так ли? Вот молодчина...

Доктор издал тяжелый вздох, и я обернулся к нему.

– Тысяча чертей, – прошептал он, отворачиваясь от сцены перед зданием суда и потирая свою высохшую руку здоровой. – Ну вот и начинается...

Добравшись до фермы Вестонов, мы увидели, что вся семья уже вышла из дома и окружила коляску – простой, но достойный экипаж, покрытый блестящим новеньким слоем черной краски. Выглядели они так, будто собирались в церковь: начищены и одеты в какую-то темную, официального вида одежду, которую, вероятнее всего, надевали только по воскресеньям да на свадьбы и похороны.

Доктор сел в коляску вместе с ними, на одно сиденье с Кларой, чета Вестонов заняла другое, а Кейт взобралась на кучерское место вместе с Питером, который взялся править.

Клара воплощала собой, разумеется, нервозность и смятение: ее золотые глаза округлились и бегали, как у напуганной чистокровной верховой лошади. Едва забравшись в коляску, доктор велел ей открыть альбом и достать карандаши: очевидно, он понял, что это лучший способ отвлечь ее мысли от того, куда она едет и зачем. Питер тронулся по дорожке, я направил наш экипаж за ним, и всю дорогу до города мы с Сайрусом и Эль Ниньо как следует высматривали любопытные или враждебные лица, что могли встретиться нам по пути.

Вплоть до окраины Боллстон-Спа нам так и не попало ни одного – но холодные взгляды, что устремлялись на нас в самом городке, ясно говорили: слухи о происходящем в суде распространились повсюду. В целом реакция, кажется, была той же, что и у тех смельчаков, кои всей толпой приперлись к зданию суда. То была не совсем стадная психология толпы – я видывал толпы в действии, – здесь было нечто иное. Жители Боллстон-Спа по большей части как будто пребывали в замешательстве: их лица были взволнованы, изборождены морщинами, и ясно выражали желание, чтобы мы проваливали обратно в исторгший нас злой город.

– Странно, сеньорито Стиви, – заметил в какой-то момент Эль Ниньо. – Эти люди – они не хотят, чтобы нашлась малышка Ана?

– Они на самом деле не видят связи, – ответил я; мы как раз проезжали мимо отеля «Орел», ловя просто массу пристальных взглядов. – А мы не можем им сказать, потому что так велел сеньор. Это тайна, если ты понимаешь, о чем я.

– Значит, – кивнул Эль Ниньо, – потому они так и смотрят. Если б они узнай историю малышки Аны, они бы чувствовать по-другому. Точно.

Я чертовски надеялся, чтобы абориген оказался прав.

Сцена у здания суда не сильно изменилась, а лишь только два наших экипажа въехали на Хай-стрит, к нам подошел мужчина крупного сложения с густыми седыми усами, в широкополой соломенной шляпе и со значком на отвороте сюртука.

– Иосия, – вежливо, но серьезно обратился он к мистеру Вестону.

– Шериф Даннинг, – бесстрастно кивнул мистер Вестон. – Народ собрался.

– Да, сэр, – ответил шериф, несколько встревоженно оглядывая толпу. – Ничего серьезного – но, может, вы пожелаете отправиться в объезд. Пройдете через цокольный этаж. И будьте ко всем снисходительны. – Он покосился на Клару и сказал с улыбкой: – Привет, юная мисс. Приехали посетить суд, верно? – В ответ Клара спряталась за руку доктора, и шериф отвел глаза и встретил его взгляд. Улыбка мужчины испарилась. – Как бы то ни было, Иосия, – произнес он, – я просто думаю, так поступить будет проще.

Мистер Вестон кивнул, развернул коляску на Бат-стрит и покатил вниз по холму к черному ходу в здание суда. Я было собрался последовать за ним, но Сайрус потянулся и схватил меня за руку.

– Нет, Стиви, – сказал он. – К передней двери. Давай убедимся, что эти ребята не отправились за ними.

Я знал, о чем он: с Сайрусом и Эль Ниньо внимание толпы, скорее всего, сосредоточится на нашем экипаже, куда бы он ни направился; а если мы просто подъедем к фасаду суда и внаглую проследуем через парадный вход, то наверняка дадим Кларе и Вестонам без труда попасть внутрь.

Так что я подхлестнул лошадь мистера Пиктона до бодрого галопа и сделал все, что мог, чтобы побыстрее проехать оставшиеся полквартила. Точно как и говорил Сайрус, едва мы вышли из экипажа и поспешили к лестнице, все взгляды толпы оказались направлены на нас. Донеслось несколько смешков, но прищелкиваний языком и легкой ругани было куда как больше – и, разумеется, мы услышали кое-какой бубнеж насчет «проклятых ниггеров» и тому подобного; все они имели целью добиться какой-то реакции от Сайруса и Эль Ниньо. Но те умники, что бурчали это, не знали, с кем имеют дело: Эль Ниньо, если он их и слышал, никак не выдал понимания, а Сайрус давно научился сдерживать эмоции насчет подобных сентенций в свой адрес.

У парадной двери мы лицом к лицу столкнулись с охранником Генри, который, похоже, немало переживая по поводу того, что подумает толпа о его следующем шаге, принялся грызть ногти на руке.

– Что ж это такое, Генри? – обратился к нему какой-то напыщенного

вида мужчина, по чьему голосу я опознал в нем редактора «Боллстон Уикли Джорнал» мистера Гроуза. – Неужели уважаемым жителям общины и представителям прессы запрещено присутствовать на этом процессе, тогда как детям и – хм, – тут взгляд мистера Гроуза переместился с Сайруса на Эль Ниньо, – *дикарям* разрешено?

Определенно не зная, что делать, Генри повиновался инстинктам истинного служаки: он скрестил руки, встал пошире и посмотрел Сайрусу в глаза.

– Простите, – заявил он, – когда у большого жюри со... со...

– Совещания, – закончил за него Сайрус с каменным лицом.

Взгляд охранника был полон негодования:

– Такие *совещания* закрыты для публики.

– Сэр, – тихо ответил Сайрус, – вы знаете, что мы участвуем в расследовании под началом помощника окружного прокурора Пиктона. И мы знаем, что вы это знаете. Так что можете или впустить нас – или станете подыгрывать этому сборищу, а позже объясните свое решение мистеру Пиктону. Он ваш начальник. – Сайрус кивнул на толпу позади. – А эти люди – нет.

Кто-то у меня за спиной проворчал:

– Хитрожопый ниггер, – а потом я увидел, что какая-то рука протянулась из напирющей толчеи тел и схватила Сайруса за плечо. Рука эта пыталась оттащить моего друга назад, а лицо ее владельца переполняло возмущение, явно подогретое утренней выпивкой. Но кто бы то ни был, алкоголь подсказал ему дурное решение: Сайрус попросту схватил пальцы, сжимавшие его плечо, и вывернул их кверху на дюйм или около того, а потом, не сводя глаз с лица охранника Генри, начал сжимать их – и когда на лице Генри выступили бисеринки пота, стиснул их еще сильнее.

Надо сказать, хватка у Сайруса всегда изрядно напоминала ни много ни мало стальные тиски – и уже секунд через двадцать тот человек, что схватил его, начал подвывать. Потом раздался звук ломающихся костей, после чего раздались самые настоящие вопли.

– Ну хорошо, хорошо, – выпалил Генри, отходя от двери. – Входите, вы трое, – но я доложу обо всем мистеру Пиктону!

Сайрус заверил Генри, что и сам в точности даст мистеру Пиктону знать о том, что случилось. И мы проскользнули в дверь, захлопнув ее за собой, когда из толпы снаружи понеслись еще более громкие и злобные выкрики.

В главном холле мы увидели мистера Мура, мисс Говард и Люциуса – они нервно расхаживали перед дверью в маленькую комнату для заседаний,

что находилась в левом крыле здания.

– Что там за чертовщина творилась? – спросил мистер Мур, когда мы быстро подошли к ним.

– Похоже, настроения уже накалились изрядно, – ответил я. – Один из этих придурков пытался докопаться до Сайруса.

– Все в порядке? – осведомилась мисс Говард, глядя на невозмутимое лицо гиганта.

– С ним все в порядке! – рапортовал Эль Ниньо, благоговейно покосившись на Сайруса. – Он *эль маэстро* – не все эти свиньи снаружи могут тягаться с мистером Мон-розом!

Слегка смутившись, Сайрус просто кивнул мисс Говард:

– Ничего особенного, мисс. Процесс уже начали?

– Думаю, да, – отозвалась она. – Слава богу, с Кларой пойти разрешили семье – когда они добрались сюда, она была бледнее бумаги.

– Ага, – встрял я, стараясь подглядеть в щель между раздвижными дверями красного дерева, ведущими в комнату заседаний, но ничего не увидел. – Похоже, придется занять выжидательную позицию. – И поднял руки. – И да, прежде чем кто-то спросит – у меня куча сигарет...

То было нервное время – эти последовавшие часа два: податься было некуда (прогулку на улице, понятно, отклонили), и заняться нечем, только курить и переживать. Кто бы там ни мастерил эти двери в суде, работенку он проделал знатную – ведь, не считая того, что в щель между ними не удавалось разглядеть ни черта, до нас ни разу не донеслось никаких звуков четче смутного бормотания – да и того-то ничтожно мало. Мистер Мур заметил, что это хороший знак – вот только хороший он был или нет, все равно странно и в немалой степени волнительно было стоять снаружи, не слыша обычной судебной перепалки. До нас не доносилось даже случайного эха от стука молотка судьи, ведь, как я уже говорил, заседания большого жюри были бенефисами окружного прокурора (или, как в нашем случае, его помощника), и в этом зале попросту не было судьи, чтобы вмешаться в ход дел. Там был лишь один мистер Пиктон, его показания и свидетели, и сами присяжные жюри. Так что, с учетом такого расклада и малого количества шума, просачивающегося через двери, похоже, нам и впрямь стоило счесть, что дела шли неплохо – и пока время тянулось, каждый из нас все сильнее старался в это поверить.

И в кои-то веки предположения наши совпали с фактами. Где-то в половине второго мы услышали в комнате грохот стульев и шаги, потом двери красного дерева раскрылись; у каждой створки стояло по судебному приставу. Первыми из зала вышли Вестоны с доктором; последний с

чувством обращался ко все еще бледной Кларе – но, пройдя мимо, он наградил нас коротким уверенным кивком, без сомнений говорившим о том, что они добились предъявления обвинительного акта. Последовали быстрые взаимные поздравления, но их прервал вид выходящей из зала семьи Вестонов: старый Иосия смотрелся так, будто побывал в сражении, а его жена Руфь выглядела очень бледной и изнуренной – на самом деле, сдается мне, она бы рухнула в обморок прямо на пол, когда бы ее не поддерживали под руки Питер и Кейт. Когда они миновали нас, вся радость погасла от холодного осознания того, что только что случилось, и что теперь оставалось сделать – и того, в какой опасности все они могли оказаться, вернись в Боллстон-Спа Либби Хатч.

Члены большого жюри по-прежнему толпились в комнате слушаний, словно боялись выйти, а когда наконец показались мистер Пиктон с шерифом Даннингом, юрист как будто пребывал в таком замешательстве и смущении, что было нетрудно понять: городку Боллстон-Спа, так шумно и недружелюбно проведенному это утро, похоже, предстояла встряска, коя могла многократно преумножить сии чувства. Мистер Пиктон извлек свою трубку и тыкал ею в лицо шерифу точно пистолетом, не прекращая нотации:

– ... и я *серьезно*, Даннинг, – что бы вы там сами об этом ни думали, процесс был проведен должным образом, и я жду от вас и прочих служителей правосудия и закона в этом округе уважения и поддержки решений большого жюри. Что *включает в себя* распространение вашей защиты на любого, с кем станет работать моя контора, равно как и на всех прочих, кому, по моему мнению, это потребуется. Окружной прокурор Пирсон в течение всего этого дела будет отсутствовать, так что ответственным буду я. Надеюсь, понимаю это не я один – и надеюсь, что выразился ясно.

Шериф поднял руку:

– Мистер Пиктон, сэр, можете поберечь усилия. Признаю, до сегодняшнего дня мне было не по душе ни это расследование, ни слушание – но после того, что я услышал и увидел там... – Глаза его, окруженные морщинами от солнца, бросили взгляд на Клару Хатч – и мне почудилось, что в них как будто показалась пара слезинок. – Что ж, сэр, – продолжил он, поглаживая густые седые усы, – мне еще хватает мужества признавать, когда я неправ. А на этот счет я был неправ. – Он вновь решительно посмотрел на мистера Пиктона. – Мы доставим сюда эту женщину, сэр, если нью-йоркская полиция поможет нам. И все, что могу сказать насчет дальнейших событий... – шериф Даннинг протянул руку, – да пребудет с

вами господь, мистер Пиктон. Потому что вы за это взялись.

Мистер Пиктон, который мог бы и выразить хоть *какую-то* благодарность или чувства в ответ на сей искренний акт признания, лишь быстро пожал шерифу руку и кивнул, ясно давая понять, что совершенно не различает похвалы и проклятия подобных людей.

– Ну а сейчас промысел господень вынуждает меня поговорить с этой толпой снаружи, – произнес он, резко вздернув голову. – Так что если вы или ваши помощники расчистят мне место на ступенях...

– Да, сэр, – быстро ответил шериф. – Сию секунду. Эйб! Галли! Идемте, ребята!

Трое мужчин направились к парадной двери, которая по-прежнему была плотно закрыта, а мы бросились за ними. Станный трепет – волнующий, но пугающий и, может, чуть горький одновременно – начал охватывать меня, и, думаю, все члены нашего отряда испытывали то же самое. Что же до семейства Вестонов, то из вышеупомянутых чувств они разделяли только страх и горечь, уж это-то было вполне очевидно: они обступили Клару будто живой стеной, словно думали, что кто-нибудь может попытаться схватить ее прямо у них из-под носа. Впрочем, учитывая настроение снаружи, подобное отношение не казалось безосновательным.

Дверь распахнулась, и мы услышали, как вновь раздалось то же самое злобное бормотание, что осталось снаружи два с половиной часа назад, так что шерифу Даннингу с его молодцами пришлось прибегнуть к некоторым уговорам – а в итоге и к открытым толчкам и распахиванию, – чтобы расчистить для мистера Пиктона небольшой участок наверху лестницы. Шагнув вперед и поднеся спичку к трубке, мистер Пиктон оглядел кольшущиеся ворчащие головы с видом, что называется, крайнего презрения. Потом, дав им поорать на себя минуты две-три, он поднял руку.

– Ну ладно, ладно, а теперь хоть как-то возьмите себя в руки, если сие возможно! – крикнул он. – Ни у шерифа, ни у меня нет ни малейшего желания объявлять все это незаконным собранием, но вынужден попросить вас прислушаться к тому, что я должен сказать, *очень внимательно!* – В целом уровень шума понизился, и тогда мистер Пиктон поближе пригляделся к лицам перед собой. – Мистер Гроуз еще тут?

– Я здесь! – донесся в ответ голос газетного редактора. Он выступил из толпы. – Хотя, надо заметить, и не слишком рад выстаивать здесь битыми часами под полуденным июльским солнцем, сэр!

– Вполне понимаю, – откликнулся мистер Пиктон. – Но доля подстрекателя никогда не была справедливой, не так ли, мистер Гроуз? Как бы там ни было, я хочу, чтобы вы верно и сразу уловили следующие

подробности, дабы мне не пришлось бесконечно повторять их в грядущие недели. Большое жюри собралось и вынесло свое решение – и мы все обязаны это решение уважать.

– И вправду обязаны! – провозгласил мистер Гроуз, оглядываясь с улыбкой. – Надеюсь, вы тоже готовы его уважать, мистер Пиктон!

– А как же, мистер Гроуз, – отвечал мистер Пиктон, с восторгом обнаружив, что редактор предполагает, что его, мистера Пиктона, притязания были отвергнуты. – А как же. В настоящий момент готовится обвинительный акт против миссис Элспет Хантер из Нью-Йорка, бывшей миссис Элспет Хатч из Боллстон-Спа, бывшей мисс Элспет Фрэзер из Стиллуотера, штат Нью-Йорк. Она обвиняется в убийстве первой степени Томаса Хатча и Мэтью Хатча, равно как и в попытке убийства Клары Хатч. Все в один вечер 31 мая 1894 года.

Должен признать, я подумал было, что при этой новости толпа разразится старым добрым бунтом. И потому был удивлен – как и мистер Пиктон, судя по его виду, – когда возгласы, испущенные этими гражданами, оказались звуками сдавленного ужаса, словно всем в толпе только что пересек дорожку некий призрак.

– Что... что вы говорите? – выкрикнул мистер Гроуз и уставился на шерифа Даннинга. – Фил, не хочет ли он сказать?..

Шериф удостоил мистера Гроуза долгим и серьезным взглядом:

– Я бы на вашем месте позволил ему закончить, Хорэс.

Толпа утихла, и мистер Пиктон – уже не столь раздраженно, как прежде, – завершил свою речь:

– У нас имеются вещественные доказательства, демонстрирующие вину этой женщины, у нас имеется мощный мотив, который поддержат свидетели, а также у нас имеется очевидец этой стрельбы. И эта контора не стала бы предпринимать меры по подобному поводу, располагая чем-то меньшим.

Мистер Пиктон сделал паузу, будто по-прежнему ожидая какой-то вспышки со стороны сборища – но услышал лишь внезапный вопль:

– Господи Иисусе твоя воля! – от какого-то мужчины из задних рядов, немедля развернувшегося и бросившегося напрямиком к трамвайной станции. Пока он бежал, я успел достаточно разглядеть его лицо, чтобы узнать его.

То был официант, прислуживавший нам в «Казино» Кэнфилда. Не требовалось быть гением, чтобы сообразить – его послал босс, разузнать насчет последних подвижек по делу, дабы можно было объявить в «Казино» ставки на процесс для тех клиентов мистера Кэнфилда, кого

недостаточно удовлетворяли рулетка, покер и фараон. Но человек этот, очевидно, не был готов к тому, что услышал, и из скорости, с которой он рванул к трамваю, я заключил, что настоящих игроков Саратоги, похоже, той ночью ждало у мистера Кэнфилда весьма существенное неравенство ставок на обвинительный приговор.

Что же до прочих собравшихся, все они так и стояли, тупо глядя на мистера Пиктона, – точно так же, как люди по всему городу смотрели на нас, когда тем утром мы везли Клару к зданию суда: они все еще были недружелюбны, что верно, то верно, но к этой враждебности добавилось своего рода недоумение, какое бывает у раздраженной коровы, если ее шандарахнуть по лбу лопатой. Похоже, большая их часть попросту не знала, что делать, пока шериф Даннинг не шагнул перед мистером Пиктоном.

– Это все, сэр? – спросил он.

– Да, Даннинг, – ответил мистер Пиктон. – Лучше б вы распустили их – добавить больше нечего.

– Нечего добавить? – Это был мистер Гроуз, чей голос на сей раз весьма отличался от того, что был раньше: напыщенного высокомерия и след простыл. – Пиктон, – продолжил он тихо, – вы понимаете, что вы уже сказали?

Мистер Пиктон очень серьезно кивнул:

– Да. Понимаю, Хорэс. И буду благодарен, если вы полностью напечатаете это в завтрашнем выпуске. – Он закурил и окинул своими серебристыми глазами толпу: – Это не тема для уличных дебатов, леди и джентльмены. Город Боллстон-Спа и округ Саратога будут вынуждены в ближайшие дни внимательно пересмотреть, что кроется в их душах. Будем надеяться, что сможем жить с тем, что там обнаружим.

На этом мистер Пиктон развернулся и зашел внутрь, а шериф Даннинг со своими людьми принялся осторожно разгонять толпу. Медленно закрыв дверь в суд, мистер Пиктон подошел наконец к доктору.

– Ну, – сказал он, – как вы и предполагали, доктор, беспорядков у нас нет – пока.

Тот кивнул:

– Зловещие явления, порожденные этим преступлением, резонируют в людских душах намного глубже, чем можно понять сейчас. Вы уже не первый год сражаетесь с ними, мистер Пиктон, – а мы не одну неделю. А эти горожане? На данной стадии простого гнева не ожидалось. Какое-то время – быть может, весьма долгое – доминировать будет замешательство. Это работает нам на руку. Ведь до прибытия нашей противницы сделать

предстоит немало. А когда она явится, мы, возможно, обнаружим, что людское смятение уступит дорогу чему-то куда уродливее...

Доктор подвел нас к Вестонам, и мы отправились всей группой – за исключением лишь мистера Пиктона, которому нужно было перелопатить гору бумаг, – дабы убедиться, что семья спокойно доберется до дома.

На обратном пути в город с фермы Вестонов доктор поведал нам, что происходило на слушании большого жюри. Несмотря на количество эмоций, все оказалось не то чтобы сложно: мистер Пиктон аккуратно выложил большую часть вещественных доказательств, которые мы собрали, а затем перешел с помощью миссис Луизы Райт к описанию портрета Либби Хатч, охотницы за наследством и распутницы, своевольной развратной женщины, которая если и не напрямую была ответственна за смерть мужа, то совершенно определенно собиралась извлечь из нее выгоду. Когда стало ясно, что на пути к этому стоят ее дети, решительно заявил мистер Пиктон, Либби попыталась уничтожить их. Доктор сообщил, что речь мистера Пиктона была столь убедительной – и, как и предрекал мистер Мур, столь быстрой и подавляющей – что, казалось, большей части членов жюри хватило одних его аргументов, еще до того, как давать показания вызвали Клару Хатч. А когда девочка *предстала* перед присяжными, мистер Пиктон задал ей только четыре вопроса:

– Была ли ты в вашей повозке вместе с матерью и братьями вечером 31 мая 1894 года?

Ответом было нелегкое «да».

– Видела ли ты по дороге домой кого-то еще?

Ответ: твердое «нет».

– Значит, в тебя стрелял тот, кто был в повозке?

На это Клара лишь кивнула.

– Клара, этим человеком была твоя мать?

Прошло не меньше минуты, прежде чем девочка смогла собраться с силами; но постоянные ободряющие взгляды доктора, а также взгляды любви и поддержки от Иосии и Руфи придали ей смелости, и она наконец прошептала:

– Да.

Никто в зале слушаний с момента выхода девочки не издал и звука. Члены жюри, по словам доктора, выглядели точь-в-точь как эта толпа перед судом после новости об обвинительном акте: будто всех ударили огромным кирпичом. После этого мистер Пиктон довольно быстро закруглился, и санкция жюри на предъявление обвинения в двойном убийстве первой степени и одной попытке убийства была получена в два счета.

Однако история эта была не из тех, что могли бы привести кого-то в состояние бешеной радости и ликования; и, по совести, все мы в экипаже – видя, что этот день сотворил с маленькой Кларой, – добравшись до дома мистера Пиктона, крайне сожалели и грустили. Но под вышепомянутыми эмоциями того момента у всех нас крылось нечто, быть может, куда более глубокое: что называется, невысказанное ощущение того, что мы, как отряд, наконец пришли к тому состоянию, кое мои нью-йоркские приятели, пробавляющиеся игрой в кости, назвали бы словом «фарт». Наше расследование, похоже, превратилось в некий тихий локомотив – и этот локомотив словно безостановочно мчался на женщину, которая столько лет совершала столько насилия. Улики и доказательства – с трудом добытые нелегкой работой – были теми веревками, коими мы привязывали золотоглазую убивицу к рельсам. Да, ответственность за Клару, за Вестонов, за маленькую Ану и нашу собственную безопасность играла немалую роль – но ответственность за движение нашего паровоза была превыше всего. И вечером той пятницы мы будто гнали на всех парах, и путь впереди открывался добрым и светлым.

Пока Маркус не вернулся из Чикаго.

Глава 41

Доктор был прав, полагая, что общее состояние, кое он именовал «душевым смятением», овладевшее Боллстон-Спа в дни после обвинительного заключения для Либби Хатч, облегчит нашу работу. Не то чтобы горожане внезапно стали относиться к нам хоть как-то добрее – они просто были слишком заняты усилиями осмыслить все это дело и его долгую, ужасающую историю, чтобы обращать на нас внимание. А то, что такие люди, как шериф Даннинг, оказались столь убеждены в вине Либби после услышанного на заседании большого жюри, попросту не давало раздосадованным жителям списать близящийся процесс на дело рук безбожных смутьянов из Нью-Йорка; и даже тем, кто упрямо цеплялся за байку о таинственном негре, трудно было пренебречь тем фактом, что восьмилетняя девочка, перенесшая годы физической боли и душевных мучений, встала перед взрослыми присяжными и откровенно заявила, что виновницей всего этого на самом деле была ее собственная мать.

Либби Хатч – или, как ее назвали в обвинительном акте большого жюри, миссис Элспет Хантер – была арестована в доме № 39 по Бетьюн-стрит в Нью-Йорке днем во вторник. Шериф Даннинг в пятницу связался с нью-йоркской полицией, бюро немедленно установило за ней наблюдение и доложило, что она, похоже, не собирается совершать никаких шагов, чтобы смыться из города (пока городские фараоны наблюдали за нею, они, похоже, не встретили никакого противодействия со стороны Пыльников: это мы сочли за дальнейшую демонстрацию того, что Либби не намеревалась избегать задержания). Шериф Даннинг распорядился, чтобы детективы Девятого участка не предпринимали никаких действий в отношении ареста женщины до его прибытия, если только не станет похоже на то, что она собирается дать деру; потом, в понедельник, сам отправился в город на поезде в сопровождении двух своих помощников.

Подобный довольно неспешный способ задержания убийцы слегка смутил нашу часть отряда, но мистер Пиктон объяснил, что чем дальше мы сможем отложить появление Либби Хатч в Боллстон-Спа, тем дольше сможем пользоваться преимуществом зловещего, испуганного затишья, накрывшего город. Поэтому, провожая шерифа Даннинга с его ребятами на станции, он не стал убеждать их братья за дело *слишком* поспешно, и инструкцию эту Даннинг воспринял как позволение ему с помощниками спокойно насладиться ночью в большом городе, прежде чем возвращаться

домой со своей пленницей. На вокзале Гранд-Сентрал их встретила пара детективов из бюро и препроводила в город, в Девятый полицейский участок, что на Чарлз-стрит (не зная о том, что в расследование мистера Пиктона вовлечены нью-йоркские детективы, шериф Даннинг избавил себя от холодного приема, который почти наверняка получил бы, упомяни он имена Айзексонов). Вместе служители закона решили подождать до утра вторника, а уж тогда захлопнуть капкан для миссис Хантер – и нам осталось лишь вообразить, чем шериф с помощниками развлекались той ночью, ведь вряд ли сыскался бы кто-то более подходящий для обеспечения им славного времени в большом городе, чем молодцы из Девятого. Тот факт, что Даннинг протянул с арестом миссис Хантер до полудня вторника, похоже, явственно свидетельствовал о том, что он со своими мальчиками в полной мере вкусил культурных «достопримечательностей» Нью-Йорка. Но, как показало развитие событий, похмелье во вторник им особо не повредило: прибыв на Бетьюн-стрит, они обнаружили, что миссис Хантер уже собралась и готова ехать – будто, как сообщил шериф Даннинг мистеру Пиктону, когда звонил тому с вокзала Гранд-Сентрал перед посадкой на северный поезд, почти жаждала начала процесса. Продолжил Даннинг сообщением о том, что, если не будет задержек, он с помощниками доставит задержанную к полуночи.

Весь вторник жители Боллстон-Спа продолжали томиться тем, что мистер Мур, верный формулировке, настойчиво продолжал именовать «нравственной причастностью» к делу. У них не было иного выбора, кроме как продолжать эту тягомотину до самого вечера, когда все ожидали возвращения Либби в кандалах; на самом деле начинало казаться, будто сии тягостные раздумья будут занимать город бесконечно или, по крайней мере, до тех пор, пока кто-нибудь не явится с объяснением убийств и тем самым снимет это общество (кое если и не породило Либби Хатч, то во всяком случае поверило ее лжи) с крючка. Разумеется, знай они, что один из тех немногих людей в стране, кто смог бы предложить подобное объяснение, в этот самый момент паковал чемоданы в Чикаго и готовился к путешествию в их город, настроение их, видимо, было бы совсем иным.

Но, к счастью для нас, единственным, кто пока пребывал в курсе перемещений мистера Кларенса Дэрроу, был Маркус – и под конец дня вторника он вернулся из Чикаго раньше загадочного среднезападного юриста. Обменявшись теплыми приветствиями с остальными на станции, Маркус передал мне чемодан (который немедля выхватил Эль Ниньо, отказавшись позволить мне нести его), и мы тронулись по Бат-стрит к зданию суда. Нам было велено вести детектив-сержанта в вышеупомянутое

здание, как только тот сойдет с поезда, поскольку, даже несмотря на необходимость уделять внимание множеству неотложных дел в конторе (начало процесса было намечено на следующий вторник, 3-е августа), мистер Пиктон заявил, что нет ничего важнее, нежели разузнать подноготную и тактику этого наемного адвоката, призванного противостоять ему из такой дали. Я-то понимал, что Маркусу после столь долгой дороги не помешала бы горячая ванна и какая следует пища, но приказ есть приказ. Кроме того, открытия, сделанные им относительно мистера Дэрроу, были таковы, что он и сам сгорал от нетерпения поделиться ими с остальными. В силу этого доктор сократил на сей раз свое пребывание с Кларой Хатч (он по-прежнему занимался с нею с обычным своим усердием) и присоединился к нам на станции, готовый устроить Маркусу свою собственную версию «допроса третьей степени»: с применением коробки лучших, изготовленных на заказ сигарет вместо ярких ламп, и фляжки великолепного виски мистера Пиктона взамен кастета.

И, усевшись в большое старинное кожаное кресло в кабинете мистера Пиктона, с виски в одной руке и сигаретой в другой, Маркус начал свой отчет:

– Демографические данные выяснить было довольно просто, во всяком случае – существенную их часть, – изрек он, глотнув из фляжки, оставив ее в сторону и извлеки маленький блокнот. – Ему тридцать девять или сорок – точную дату рождения я не отыскал. Родители: священник-унитарий, оставивший кафедру ради карьеры краснодеревщика, и суфражистка из Новой Англии. Он, кажется, по большей части похож на отца – старик так и не утратил боевого духа крестоносца. Сам же Дэрроу всю жизнь был очарован Дарвином, Спенсером, Томасом Гексли⁵³ – считает себя вполне рационалистом. О, кстати, он осведомлен и о ваших трудах, доктор Крайцлер.

– Неужели? – удивленно осведомился доктор. – И как же вы это узнали?

– Спросил у него, – просто ответил Маркус. – Заехал повидать его вчера вечером – сказал, что я издатель из Нью-Йорка, хочу, чтобы он защищал анархиста, обвиняемого в изготовлении бомб. Кстати, последняя часть истории истинна – помнишь Йохена Дитриха, Люциус? Того идиота из центра, который все время взрывал доходные дома, поскольку у него никак не хотели работать часовые механизмы?

– О да, – проговорил Люциус, вспоминая имя. – Парни из Семнадцатого участка забрали его как раз перед тем, как мы покинули

город, верно?

– Так точно, – отозвался Маркус, медленно проводя большой рукой по густым черным волосам и протирая усталые карие глаза. – Как бы то ни было, один из чикагских фараонов, с которым я беседовал, сообщил, что Дэрроу питает слабость к анархистам – воображает, что и сам отчасти таков, интеллектуально. Потому он и согласился встретиться со мной. – Маркус встряхнул головой и от души затянулся сигаретой. – Станный он тип – вовсе не вяжется с тем, чего можно ожидать от человека, довольно прилично живущего на корпоративное жалованье. Ему, похоже, безразличен собственный внешний вид – одежда чуть мятая, волосы пострижены грубо и свисают на лицо. Но во всем этом есть что-то крайне робкое – даже нарочито. Он будто *пытается* разыгрывать эдакого простецкого героя, адвоката бескрайних прерий. Стиль разговора у него такой же: внешние манеры одинокого циника, но в то же время и гарантия того, что слышишь сердце романтика-идеалиста. Вот только насколько все это подлинно, или в какой части, я, конечно, сказать не могу. – Маркус перелистнул страницу в блокноте. – Есть и еще кое-какие мелкие детали: он фанат бейсбола и агностик...

– Ну ясное дело, что он агностик, – вмешался мистер Пиктон. – Он же адвокат. В нашем мире может быть только один высочайший спаситель, и адвокаты предпочитают самолично исполнять эту роль.

– Ну же, ну же, Руперт, – проворчал мистер Мур, – не будь таким желчным.

– Еще он любит русскую литературу – поэзию и философию, – продолжал Маркус. – У него там что-то наподобие салона для народа с теми же убеждениями – читает им вслух во время их маленьких собраний. В общем и целом, очень театральный и склонный к манипуляциям персонаж, несмотря на все его разговоры о социальной справедливости. Так считают даже его люди. Я говорил с одной женщиной, компаньоном в его фирме...

– У него в фирме *женщина*? – изумилась мисс Говард. – *Действительный компаньон*?

– Так и есть.

– Только чтобы выпендриться перед дружками-суфражистами? – продолжала мисс Говард. – Или она и впрямь что-то делает?

– Это действительно интересный вопрос. Сам-то он не большой поборник прав женщин – не считает их в действительности «угнетенной» частью общества. В отличие, скажем, от трудового народа или негров.

– Ага, – сказал доктор, – может, тогда мы будем избавлены от обычных

лекций насчет святости материнства.

– О, полагаю, да, – быстро ответил Маркус. – Но, сдаётся мне, вместо этого у него против нас будет кое-что опаснее – и намного. – Приложившись к фляжке, он со свистом втянул воздух и обратился к нашему хозяину. – Мистер Пиктон, что вы смогли подыскать по Дэрроу?

– Я нашел статью по делу Дебса, – пожав плечами, сообщил наш хозяин. – Там упоминалась его связь с железной дорогой, но, в общем, ничего больше.

– И ничего по делу Прендергаста? – уточнил Маркус.

– Дело Прендергаста? – резко выпрямившись, пробормотал мистер Пиктон. – Да чтоб меня кошки съели, он что, участвовал в *этом*?

– Боюсь, что да, – кивнул Маркус. – И еще как участвовал.

– Так-так-так, – изрек мистер Пиктон. – Полагаю, вы помните этот процесс, доктор.

Доктор уже мрачно кивал:

– Несомненно. Редко встретишь более нелепый образчик извращения правосудия на потеху публике.

Маркус хохотнул:

– Довольно странно, доктор, но Дэрроу тоже отнесся к нему именно так.

Мистер Мур изо всех сил пытался уловить мысль, стуча кулаком себе по голове:

– Прендергаст, Прендергаст... – Тут его лицо прояснилось: – Не тот ли парень, что пристрелил мэра Чикаго?

– Он самый, – ответил Маркус. – В последний день Выставки 1893 года – первое политическое убийство в истории города. Юджин Патрик Прендергаст сам явился в полицию со своим четырехдолларовым револьвером и заявил, что убил мэра Картера Гаррисона, поскольку его честь не сдержал обещания поручить ему строительство новых линий городской надземки. Разумеется, заявление было чистой выдумкой, а человек этот, очевидно, сумасшедшим. Однако же Гаррисон *действительно* был застрелен на Выставке, что повлекло кое-какие *весьма* прискорбные отзывы в международной прессе...

– И потому штат Иллинойс, – резко продолжил доктор, глядя на тех из нас, кто еще не знал этой истории, – решил доверить оценку его вменяемости главному *терапевту* тюрьмы округа Кук – человеку без специальных знаний в области умственных патологий. Но даже этот специально отобранный прислужник без всякого сомнения объявил Прендергаста буйным психотиком.

– Однако сие не возымело никакого действия, – закончил мистер Пиктон. – Прендергаста быстренько признал виновным суд присяжных. Его приговорили к повешению – и *повесили*, не так ли, детектив?

– Но это еще не все, – отвечал Маркус. – По завершении первого процесса Дэрроу – чья личная неприязнь к смертной казни всегда была почти на грани фанатизма, – предложил помочь адвокату Прендергаста попробовать добиться нового слушания по признанию виновности. Этот второй процесс начался 20 января 1894 года и был весьма показательным, особенно для наших целей. – Пролистывая дальше свои заметки, Маркус еще раз глотнул из фляжки. – Дэрроу возглавил утверждение версии защиты. А его тактика, по словам некоторых присутствовавших при том людей, представляла собой совершенно новый род адвокатской практики. С самого начала он перевел фокус внимания с Прендергаста *на* присяжных: он заявил им, что сторона обвинения требует нарушить их священную присягу рассматривать дело по существу ради удовлетворения общественной жажды мести. Впрочем, прошла молва, что Дэрроу – мастак манипулировать присяжными, так что эта группа, по крайней мере, была хоть как-то к нему готова. Но, оказывается, он *знал* об их готовности, и вместо того, чтобы протестовать против несправедливости, обратил сей факт себе на пользу. В своих вступительных замечаниях он обратился к слухам о том, что он-де собирается одурачить их при помощи массы технических подробностей и театральности. И торжественно объявил, что делать этого не станет, ибо, по его словам, ежели испробует сие жульничество и проиграет, ответственность – и это ключевая уловка в аргументах Дэрроу, *ответственность* – за смерть Прендергаста ляжет на его плечи. А я отказываюсь, сообщил он в своей открытой, смиренной манере, взваливать на себя такую моральную ношу. И пообещал, что будет в своих доводах совершенно откровенен – а ежели присяжные решат, что его честные старания недостаточно хороши, ответственность за отправление сумасшедшего на смерть возляжет на них. А не на него.

– Умно, – тихо улыбаясь, пробормотал мистер Пиктон. – Очень умно...

– И полная чушь, разумеется, – добавил Маркус. – Хочу сказать, что на деле он использовал все уловки, какие только смог выдумать. Он оплакивал – в самом деле *рыдая* – покойного мэра и жестокость мира, способного произвести на свет такое существо, как Прендергаст, и *умолял* присяжных дать волю их человечности. И, что важнее всего, коль скоро для нас это имеет значение, он напал на сторону обвинения *лично*. И превратил предполагаемый суд над убийцей в убедительное, саркастическое – этот человек остроумен, сие несомненно – и безжалостное исследование

мотивов государства и его служащих в преследовании сумасшедших, пусть даже и сумасшедших убийц. Все несчастные, призванные судом в качестве свидетелей, подверглись травле и унижениям со всей подозрительностью, которую только смог измыслить Дэрроу, так что допрос касался уже их самих и их убеждений, а отнюдь не Прендергаста. Постоянно опровергая все и вся, а не защищая интересы своего клиента, он перевернул процесс с ног на голову.

Я обернулся к доктору, который уставился в пол и подергивал бородку под нижней губой.

– Но это же не сработало, – пробурчал он.

– В итоге – нет, – констатировал Маркус. – Присяжные выдержали его давление и подтвердили предыдущий вердикт о вменяемости. Но, главное, он устроил напряженное состязание из того, что поначалу казалось простым и ясным вынесением приговора умалишенному.

Доктор откинулся в кресле и вздохнул.

– Неуместные методы, – тихо заключил он. – Но не могу сказать, что не одобряю его цель.

– Может, в том случае это и верно, – отозвался Маркус. – Но если я не ошибаюсь насчет того, что он попытается вытворить здесь, вы, возможно, измените свое мнение, доктор.

– Да, – вымолвил Крайцлер, чуть улыбаясь. – Полагаю, вы правы, Маркус.

– Я не понимаю, – проворчал Люциус. – Что ему пробовать здесь? То есть он, конечно, может отыскать судебных экспертов, которые оспорят наши изыскания и, может, даже личных знакомых миссис Хатч, которые отвергнут нашу интерпретацию ее мотивов. Но как же Клара? Что ему противопоставить очевидице?

– Нападки на человека, который *стоит* за ней, – заметил Маркус, не отрывая глаз от доктора. – Или по крайней мере на человека, которого он *выставит* как стоящего за ней.

– Да, – воскликнул мистер Пиктон. – Я начинаю понимать вашу точку зрения, детектив. И мы не можем полагаться лишь на показания Клары, чтобы отразить сию атаку. Маленькие дети – особенно когда они слабы, как Клара, – не самые надежные свидетели. Их слишком просто запугать или ввести в заблуждение. Вот почему доктору так важно продолжать с ней работать – чтобы она научилась давать *подробные* объяснения своей истории, которые не развалятся при первом же наступлении защиты.

– Дело в том, – продолжил Маркус, – что роли наши во время этого процесса весьма странным, но, возможно, губительным образом

поменяются: Дэрроу примется отстаивать *обратное*, зная, что никто не желает верить в наши слова о Либби Хатч, а нам придется *защищать* свои соображения.

Как вы уже предположили, доктор, этот человек не собирается выступать с благочестивыми доводами в пользу святости слабого пола и материнства – он собирается атаковать, а не защищаться, и постарается вынудить нас занять оборонительную позицию, прежде чем мы поймем, что же происходит. А логическая точка начала любой атаки – слабое место, которым, боюсь, в общественном сознании...

– Буду я, – закончил за него доктор.

Заново набив трубку из кисета в кармане, мистер Пиктон зажег спичку об кресло, пока остальные взвешивали сказанное.

– Итак! – выдохнул он, прикуривая и демонстрируя воодушевление перед лицом опасности, бывшее его лучшим качеством. – Выходит, вопрос теперь – как нам выстроить защиту против подобной линии наступления, и тем самым уберечь целостность свидетельства Клары? – Сильно затянувшись, мистер Пиктон на какое-то мгновение задумался. – Я, как вы знаете, надеялся свести в этом деле к минимуму любые обсуждения психологической теории, доктор. Но если Дэрроу пойдет с этой стороны, вам следует подготовиться к ответному удару. С той тактикой и теми превосходящими силами, коими вы, как эксперт, располагаете!

Доктор встал и медленно прошелся по немногому свободному пространству, что имелось в комнате.

– Положение это мне, вообще говоря, знакомо, – вздохнул он, потирая больную руку. – Впрочем, признаюсь, я надеялся, что, взявшись за сие дело, в кои-то веки окажусь в наступлении. Видимо, этому никогда не суждено случиться.

– Но это *должно* случиться! – выкрикнул мистер Пиктон, хватая трубку и размахивая ею в воздухе. – Это именно то, что я имел в виду, говоря о вашем «ответном ударе». Я не хочу, чтобы вы *защищались* за умственной баррикадой – я хочу увидеть вас в *контрнаступлении*, на открытом поле идей, где присяжные смогут разглядеть вас во всей красе! Растравите этого человека – до первой крови, если сможете! А чтобы поддержать вас, я изучу все те крупницы личной информации о Дэрроу, что удалось собрать Маркусу, – и без колебания ими воспользуюсь. Мы *не* собираемся позволить увести у нас этот процесс. – Мистер Пиктон что было сил ударил кулаком по столу. – Может, Дэрроу и из новой породы юристов, но, черт побери, мы ответим ему хитростью на хитрость!

– Сеньор Доктор. – Эль Ниньо, сидевший, скрестив ноги, на полу,

поднялся и приблизился к доктору с осторожным уважением. – Этот человек – он опасный для вас? Хотите, Эль Ниньо его убьет?

Сентенция сия, будучи объявлена в несколько сложный момент, превосходно помогла разбить сгущающуюся скованность: в изумлении уставившись на аборигена, через несколько секунд все громко расхохотались, а доктор обнял своего маленького защитника правой рукой за плечи.

– Нет, Эль Ниньо, – объяснил он, – этот человек не опасен так, как ты думаешь. Он не собирается причинить мне вред – физически.

– Но если он хочет помешай найти маленькую Ану, – покачал головой Эль Ниньо, улыбаясь нашему смеху и не понимая на самом деле, чем он был вызван, – нам надо убить его, да?

– Думаю, – провозгласила мисс Говард, встав и подойдя к доктору с аборигеном, – самое время объявить перерыв на ужин. Пойдем, Эль Ниньо. По дороге домой я постараюсь объяснить тебе, почему убийство этого человека – *не лучший* выход из положения. – И, ведя Эль Ниньо к двери, она вздернула нос. – Разумеется, если допустить, что он и в самом деле не лучший.

Айзексоны проследовали за этой парочкой из конторы, а мы с мистером Муром и Сайрусом подошли к доктору.

– Думаете, с вами все будет в порядке, Ласло? – обратился к нему мистер Мур.

– Я беспокоюсь не о себе, – ответил доктор. – О Кларе. Этот процесс и так должен был стать для нее мучительным – но теперь, оказавшись мишенью для адвоката, использующего такие методы, о которых поведал нам Маркус... Впрочем, – продолжил он, со вздохом вздев руки, – полагаю, мне просто придется тщательнее удостовериться в адекватности ее подготовки. Если девочка не столкнется с матерью до дачи показаний, думаю, у нее будет шанс при должных усилиях нормально пройти через это – по крайней мере, целой и невредимой.

– Что скажешь, Руперт? – осведомился мистер Мур у мистера Пиктона, который запихивал пачку документов в мягкий кожаный портфель, чтобы взять с собой. – Судья Браун из тех, на кого можно положиться относительно приемлемо высокого залога – в таком деле, как наше?

– Терпеть не могу гадать о чем-нибудь относительно судьи Брауна, – ответил мистер Пиктон. – Но выдающегося мистера Дэрроу пока здесь нет, однако *кто-то*, очевидно, нанял Ирвинга У. Максона быть местным адвокатом Либби. Максон неплох, и располагает массой связей здесь, в

городе, но сомневаюсь, что он сможет в одиночку добиться умеренного залога. Но помните: если Вандербилт *все-таки* тайно финансирует это дело, нам даже не стоит надеяться, что от *любого* залога, сколь угодно высокого, вообще будет толк. Мне придется пойти на полный его запрет, но на это никогда нельзя положиться. Кроме того, остается вопрос завтрашнего предъявления обвинения и оснований иска.

– А что с ними, сэр? – озадаченно спросил Сайрус.

– Ну, Сайрус, – отозвался мистер Пиктон, застегнув портфель и подняв взгляд. – Если Дэрроу *собирается* прибыть сюда до предъявления обвинения, есть возможность, что он попытается уравновесить личные счета, предъявив суду еще одно заявление о невменяемости – исправит ошибку дела Прендергаста, освободив Либби Хатч на основании умственной несостоятельности, как-то вроде того. Юристы таят свою злобу как и все остальные – а может, и больше. Меня до поры не волнует *моя* часть дела – у меня достаточно мотивов и планов Либби, чтобы продемонстрировать ее холодный расчет. Но здесь иная область, и он может приняться за *вас*, доктор. Сумеете успешно доказать, что женщина, убившая собственных детей, была тем не менее здорова психически?

Доктор глубоко вздохнул:

– Я бы, конечно, чувствовал себя поувереннее, раскопай мы больше подробностей ее молодости – на гипотетической же основе все намного труднее. Однако существуют прецеденты – и, как вы и сказали, мистер Пиктон, наличие холодного, даже хитроумного расчета снижает возможность какой бы то ни было явно доказуемой умственной патологии, наподобие *dementia praecox* или любого достаточно серьезного повреждения мозга.

Чтобы доказать ее сумасшествие, Дэрроу придется вернуться к понятию «нравственного помешательства» – идее о том, что человек может быть невменяем морально, но не интеллектуально. От этой концепции отказались почти повсеместно. К тому же по-прежнему остается шанс, что наши усердные трудяги, – тут он взъерошил мои волосы, – смогут выяснить побольше о прошлом этой женщины еще до начала процесса.

– Ну вот и славно! – объявил мистер Пиктон, подхватывая портфель. – Есть основания для осмотрительного оптимизма. В особенности, скажу я, учитывая наше теперешнее положение: женщина – под стражей, направляется сюда, и собирается предстать перед судом. Признаюсь, я не до конца был уверен, что мы вообще зайдем так далеко! Так что не будем впадать в пессимизм – это дурно влияет на аппетит, а миссис Гастингс готовила весь божий день. Ее нельзя разочаровывать!

И, подбадриваемые нашим хозяином, мы вышли в коридор, где пристроились к остальным и спустились по мраморным ступеням на первый этаж здания суда. Мистер Пиктон отвлекся, дабы убедиться, что охранник Генри подготовил одну из камер в подвале: Либби Хатч предстояло провести по меньшей мере одну ночь в заключении, поскольку предъявление ей обвинения было назначено лишь на следующий день. Охранник подтвердил: да, одна из камер готова, – после чего мы по очереди начали выходить на Хай-стрит.

Перед тем как пройти через парадную дверь, я остановился и оглядел большой каменный зал, озаренный мягким, соломенным светом июльского вечера.

– Что такое, Стиви? – удивился мистер Пиктон, заметив мое замешательство.

Я пожал плечами:

– Думается, мы в последний раз видим этот зал таким тихим. Послезавтра беготни тут будет – мало не покажется.

– А если нам удастся отклонить освобождение под залог, – кивнул в ответ мистер Пиктон, – то здесь появится и новый жилец – на грядущую пару недель, как бы там ни было. Генри это не понравится. Да и ни одному из охранников, а, Генри? – Мистер Пиктон улыбнулся, поддразнивая его. – Вы, ребята, уж точно найдете, чем заняться взамен этого!

Хихикая про себя, мистер Пиктон зажал трубку в зубах и вышел на улицу – а я, последовав за ним, заметил негодующий блеск в глазах охранника.

За ужином мы много болтали и смеялись, хотя о деле говорилось не особенно много. Все было так, будто, зная, что случится позже, мы не желали сглазить это, и вели себя так, словно Либби Хатч уже благополучно доставили и заперли в камере. Мистер Мур на середине ужина вдруг впал в легкую истерику, вспомнив, какое нынче число – 27 июля: сие означало, что он пропустил день открытия сезона Ассоциации бегов Саратоги. Пытаясь подбодрить его, мисс Говард предложила после ужина сыграть в покер. Это, похоже, не только способствовало прекращению нытья мистера Мура, но и помогло отвлечь наши мысли от более тягостных забот.

После разорения одного из восхитительных пирогов миссис Гастингс мы направились в приемную, и все, кроме Сайруса и Люциуса, собрались за карточным столом. Младший Айзексон слишком нервничал, чтобы спокойно усидеть за картами, а Сайрус предпочел провести время, играя на пианино мистера Пиктона. Остальные же с подлинным энтузиазмом принялись за игру с маленькими ставками. Борьба к исходу вечера стала

довольно жаркой, и только с приходом миссис Гастингс из своей комнаты и напоминанием о том, что уже пора идти, если точно хотим успеть к прибытию полуночного поезда, мы поняли, как уже поздно. Когда же мы наконец вышли из дому, я думаю, сердце каждого из нас колотилось, точно в джиге, – по крайней мере, нашему окончательному выходу предшествовала масса бестолковой беготни туда-сюда, той самой активности, что обычно отличает людей, добившихся некоего давно желанного, но все же несколько неожиданного результата.

Прогулка до станции оказалась довольно тихой, но я заметил, что за нами следит множество лиц из множества тускло освещенных окон – весьма необычное положение дел в городке, который, как я уже говорил, обычно ложился спать рано. Подобную странность в поведении объяснить было нетрудно: ощущение, что вся община пребывает накануне того, что способно изменить привычный ход их мыслей о массе вещей – и не в последнюю очередь о них самих, – было куда значительней, чем в любой из предшествующих пяти дней; значительнее даже, чем когда мистер Пиктон огласил обвинительный акт, – а когда мы слышали первый отдаленный гудок полуночного поезда, доносящийся за много миль с юго-востока, я был уверен: мы не единственные в городе, чье тело сотрясает сильная дрожь.

Когда мы добрались до платформы, там оказалось совсем немного народа: охранник Генри, которому шериф Даннинг велел встретить поезд, а также мистер Гроуз из «Боллстон Уикли Джорнал» с парой подчиненных. Мэр города пребывал в отпуске с тех самых пор, как мы сюда приехали, а узнав о вынесении обвинения, решил продлить свои каникулы: как и окружной прокурор Пирсон, он заключил, что с этого дела никакой политической пользы не будет, один лишь вред – и, возможно, существенный. Мистер Гроуз не стал особо разговаривать ни с одним из нас, а мистер Пиктон не предложил ему ничего нового для газеты. Вряд ли мистер Гроуз что-то бы напечатал – на самом деле, сдается мне, он находился здесь в слабой надежде на то, что Даннинг объявится с пустыми руками, или что на станции, возможно, приключится какая-нибудь катастрофа. Я не сомневался: если все пройдет гладко, событиям этого вечера посвятят в лучшем случае несколько строк в последующем субботнем выпуске еженедельной газеты.

Настала и миновала полночь, вынудив мистера Пиктона объявить о своей надежде на то, что испанское правительство и народ соблюдают расписания еще хуже американцев, если уж наша страна действительно вознамерилась воевать с Мадридом. Наконец где-то в 12:15 паровозный

гудок раздался снова, на сей раз – намного ближе. Эль Ниньо соскочил и проделал старый индейский трюк, приложив ухо к рельсам, потом, вернувшись к нам на платформу, энергично закивал. Сам шум паровоза донесся до наших ушей одновременно со светом, вспыхнувшим между зданиями за станцией, – и спустя несколько секунд исходящий паром локомотив и четыре почти пустых вагона влетели на платформу, заставив всех нас отступить на несколько шагов.

Первым из переднего вагона вышел шериф Даннинг, и даже в почти полной темноте его лицо казалось совершенно изможденным. За ним последовал один из помощников, потом наступила долгая пауза. И наконец появилась *она*.

Очень стройную фигуру затягивало нарядное черное шелковое платье, жесткий нижний кринолин поддерживал юбку в превосходном состоянии. Руки сковывали старомодные наручники. На голове сидела маленькая шляпка с абсолютно черным петушиным пером, к ней крепилась черная вуаль – но ткань вуали оказалась прозрачной, и можно было ясно различить золотистые глаза, отражавшие свет газового фонаря на платформе прямо нам в лица.

– *Ну вот*, – вымолвила Либби Хатч тем самым тоном, что и в тот раз, когда мы впервые услышали ее речь: тоном, допускающим полдюжины интерпретаций и заставившим меня вспомнить слова мисс Говард о личности Либби, разбитой на кусочки. Потом, глядя мимо нас на мистера Гроуза и прочих, Либби напустила на себя вид помеланхоличнее. – Мистер Пиктон, – заметила она, медленно сходя по ступеням вагона и принимая руку шерифа Даннинга. – Никогда не думала снова встретить вас здесь – и, разумеется, не в таких обстоятельствах, как теперь.

– Правда? – тихо проговорил мистер Пиктон, не в силах сдержать легкую ухмылку. – Как странно – ведь я всегда считал, что мы можем встретиться снова, и *именно* в таких обстоятельствах.

Золотые глаза сверкнули быстрой вспышкой ненависти, но вновь смягчились, остановившись на мистере Гроузе.

– Неужели это вы, мистер Гроуз?

– Да, миссис Хатч, – ответил тот в некотором удивлении. – Вы меня помните?

– Мы встречались лишь раз или два, – проворковала Либби с кротким легким кивком. – Но, конечно же, я вас помню. – Золотистые слезы начали набухать за вуалью. – Как там моя крошка – моя Клара? Мне сказали, что она снова может наконец говорить. Но я не могу поверить, что она... что она... – Тут ее плечи затряслись, и из плотно сжатых губ вырвался тихий

всхлип.

Мистер Гроуз, казавшийся чрезвычайно смущенным и в то же время весьма взволнованным, уже собирался было ответить, но доктор быстро шагнул между ними.

– Мистер Пиктон, – вмешался он тихо, но твердо, – могу я предложить...

– Разумеется, – изрек мистер Пиктон, немедля уловив суть. – Даннинг, мы с вами отвезем миссис Хантер, как ее теперь величают, в суд. Ее дожидается камера. Вы взяли экипаж, Генри?

Охранник, кажется, тоже растроганный увиденным, выступил вперед.

– Да, сэр, – ответил он.

– Тогда нам пора, мадам, – закончил мистер Пиктон, указывая на стационарный двор. – Если желаете поговорить с прессой, или же они с вами – прошения сии будут рассмотрены у меня в конторе.

Шериф Даннинг встал за спиной у женщины.

– Идемте, мэм, – кивнул он. – Лучше поступать, как говорит мистер Пиктон.

Либби Хатч еще несколько секунд продолжала рыдать – но, сообразив, что этим ничего не добьется, обернулась к доктору, и скорбь улетучилась с пугающей скоростью:

– Это *ваших* рук дело, доктор. Не думайте, что я этого не знаю. Но мне наплевать, *что* вы там наговорили моей дочери или что ей втемяшили – лишь только увидев меня, она поймет, что делать. Я ее *мать*. – Мистер Пиктон крепко взял Либби под правую руку и указал шерифу Даннингу точно так же поступить и с левой; вместе они повели ее. – Вы слышите меня, доктор? – крикнула она через плечо. – Я ее *мать*! Я знаю, для вас это ничего не значит, но для нее – да, как и для *любого*, у кого есть сердце! Что бы вы там ни натворили, этого вам не изменить! – И, снова всхлипнув, женщина со своим эскортом проследовала во двор; помощники шерифа и судебный охранник шагали позади.

Мы подошли посмотреть, как все они садятся в большую незамысловатую повозку с тремя скамьями, влекомую парой лошадей. И с единственной женщиной-пассажиркой в слезах упряжка покатилась прочь – лишь только это произошло, мистер Гроуз бросил на доктора молчаливый сердитый взгляд. Потом кивнул своим людям, и, развернувшись, медленно побрел вниз по Хай-стрит в редакцию «Джорнал».

– Ну, Крайцлер, – буркнул мистер Мур, когда мы остались одни на тихом дворе. – Полагаю, это и впрямь вопрос, не так ли?

Доктор обернулся к нему – мысли его блуждали где-то далеко.

– Вопрос? – мягко переспросил он.

– Она мать Клары, – продолжил мистер Мур, глядя на него хмуро, но с любопытством. – *Сможете* вы изменить это?

Доктор лишь покачал головой, и глаза его расширились:

– Нет. Но, быть может, у нас получится изменить то, что это *значит*.

Глава 42

Вынесение обвинения было назначено на десять утра следующего дня, и без четверти десять мы все уже собрались в главном зале. Мистер Пиктон сел за длинный стол по правую сторону большой комнаты, за низким резным дубовым ограждением, отделявшим зрителей от судебных приставов. За таким же столом по левую сторону место заняла Либби Хатч и хорошо одетый темноволосый мужчина в пенсне в золотой оправе, водруженном на кончик его тонкого длинного носа. Однако никакие модные очки и дорогой костюм не могли скрыть подлинной неуверенности во взгляде Ирвинга У. Максона: он озирался, как оробевшая птица, будто не до конца понимал, как очутился в таком затруднительном положении и что же ему теперь с этим делать. Либби Хатч – все еще в черном шелковом платье, но уже без шляпки и вуали – напротив, являла собой картину уверенности, и смотрела на высокую вишневого дерева скамью перед собой с таким выражением лица, словно постоянно пребывала на грани кокетливой улыбки, столь часто на этом лице возникающей.

Мистер Пиктон же раскрыл свои часы, положил перед собой на столе и пристально смотрел на них, будучи спокойнее, чем за все время нашего знакомства.

Доктор, мистер Мур, детектив-сержанты и мисс Говард сидели в первом ряду галереи перед столом мистера Пиктона и деревянным ограждением; Сайрус, Эль Ниньо и я расположились прямо за ними. Мы заставили аборигена как следует отдраить себя перед таким событием, и сочетание опрятности и моего вечернего платья делало его одним из самых презентабельных людей в зале, с девяти часов заполнявшемся под завязку всевозможными горожанами, а заодно и кое-какими посетителями поимпозантней, приехавшими из Саратоги. Шериф Даннинг сидел за маленьким столом аккуратно по правую руку мистера Пиктона, а за ним, у стены справа, располагалась скамья присяжных, двенадцать мест которой пустовали. На другой стороне зала стоял охранник, а перед ним устроилась судебная стенографистка, должного вида леди со странным именем Ифегения Блейлок. Стол судебного пристава перед судейским местом был пуст, а по другую его сторону находились два железных светильника и такое же количество флагов, один американский, другой – флаг штата Нью-Йорк. Сзади у входной двери, внимательно следя за теми, кто входил и выходил из зала и как себя при этом вел, обосновался охранник Генри и

еще один мужчина в мундире, пониже (но, судя по его виду, ничуть не слабее).

То было для меня странное событие – рассматривать все подробности происходящего не со скамьи подсудимого; но вскоре сия странность уступила место облегчению и даже возбуждению, лишь только я понял, что в этом самом месте все наши последние труды в ближайшие дни увенчаются каким-то итогом. Будто стоишь в последнюю минуту у скакового круга и ждешь, когда же лошади помчатся из-за стартовых ворот: я поймал себя на том, что притопываю и прихлопываю ногами и руками, желая, чтобы все уже *началось*. Судя по шуму вокруг меня, в этом чувстве я был не одинок: разговоры, бормотание и сдержанный смех в зале суда звучали все громче с каждой новой секундой ожидания, пока, наконец, без трех десятых я не обнаружил, что вынужден кричать, чтобы мистер Мур услышал меня.

– *Что?* – отозвался он, прикасаясь к своему уху.

– *Я говорю*, вы слышали что-нибудь от Кэнфилда насчет *ставок*? – проорал в ответ я.

Он кивнул:

– Пятьдесят к одному – и не сомневаюсь, были бы еще выше, если бы государственное обвинение представлял не Руперт!

Я присвистнул, покосился на пол, и тут меня озарила идея; я вновь поднял взгляд:

– А не думаете ли, что мы могли бы сделать ставки через третье лицо, а?

Мистер Мур улыбнулся, но покачал головой:

– Я уже подумывал об этом, но обещал Руперту, что мы не будем! Он суеверен – считает, что это принесет несчастье!

Я улыбнулся в ответ и кивнул: любой игрок бы в точности понял чувства мистера Пиктона.

Тут дверь в задней стене большого зала распахнулась, и вошел судебный пристав – с таким видом, будто готов был расправиться с любым и каждым в зале, кто вздумал бы превратить этот суд в балаган. Он был крупным парнем, этот Джек Коффи – со стального оттенка глазами, какие скорее можно встретить в баре на фронтире, а не в зале суда на востоке страны, – но, заметив судью Брауна, я начал понимать, почему он нанял на эту должность столь мускулистого пристава. Такой маленький, что, поднявшись по небольшим ступенькам, чтобы занять свое место за судейским столом, он почти исчез за ним, Чарльз Г. Браун обладал большими, оттопыренными, точно у обезьянки, ушами, короткой, но

обильной россыпью абсолютно седых волос на голове, и массой морщин на пожилom, чисто выбритом лице. Но глаза его не уступали глазам пристава своей решительностью и явным предостережением о том, что этот человек не потерпит абсолютно никакого вздора, тогда как плотно сжатые тонкие, морщинистые губы и квадратная челюсть выдавали, сколько правосудия пришлось свершить этому человеку за свои годы.

Глядя на него, я еще больше обрадовался, что не нахожусь на месте Либби Хатч.

– Всем встать! – пророкотал пристав Коффи откуда-то из глубин своей бочкообразной грудной клетки, поднимая всех на ноги и водворяя тишину в зале; перейдя к объявлению точного порядкового номера заседания суда, он продолжал оглядывать толпу, все еще высматривая какого-нибудь горюмника, который чего доброго вообразит, что находится не в присутствии всей власти штата Нью-Йорк. Затем, держа перед собой пюпитр, Коффи объявил первоочередное дело сегодняшнего дня: – Народ округа Саратога против миссис Элспет Хантер из Нью-Йорка, бывшей миссис Элспет Хатч из Боллстон-Спа, бывшей мисс Элспет Фрэзер из Стиллуотера, – обвиняемой в том, что она в тридцать первый день мая тысяча восемьсот девяносто четвертого года сознательно и преднамеренно совершила убийство Томаса Хатча, трех лет от роду, и Мэтью Хатча, четырех лет от роду, а также сознательно и преднамеренно совершила попытку убийства Клары Хатч, пяти лет от роду, все в пригороде Боллстон-Спа.

Обвинение повлекло волны бормотания во всем зале, кои судья Браун пресек внезапным яростным стуком своего молотка. Со снабженного подушками кожаного кресла – которое, несмотря на высоту, все равно поднимало его над судейским столом лишь по грудь – судья сердитым взглядом окинул зал.

– Суд, – в конце концов изрек он грубым скрипучим голосом, – желает с самого начала дать понять, что осведомлен о том интересе, кое общественность испытывает к данному делу. Но суд никогда не позволял интересу общественности помешать свершению правосудия, равно как не собирается допустить этого сегодня. Тем самым хочу напомнить собравшимся в зале, что вы являетесь гостями этого суда, и предупредить, что в случае любого иного вашего поведения ботинок суда неизбежно пнет вас под ваш коллективный зад.

В ответ на это в зале появилась масса улыбок, но в открытую расхохотался лишь один человек в задних рядах – и вскоре пожалел о своей смелости. Глаза судьи Брауна отыскали беднягу быстрее молнии, а его тонкая морщинистая рука подняла молоток и указала на этого человека.

– Удалите его, – заявил судья, – и позаботьтесь, чтобы он больше не появился на этом процессе.

Охранник Генри схватил мужчину за воротник и, прежде чем ошеломленная жертва успела запротестовать, вывел за большие двери.

– Итак, – продолжил судья, оглядевшись, чтобы удостовериться, – присутствует ли в зале обвиняемая?

– Да, ваша честь, – ответил Ирвинг У. Максон слегка дрожащим голосом.

– Вы слышали обвинение штата, – провозгласил судья, глядя на Либби Хатч. – Что вы можете привести в оправдание?

– С позволения суда, – ответил мистер Максон, прежде чем Либби успела сказать хоть слово, – мы просим короткой отсрочки, поскольку ожидаем...

Судья Браун прервал того внушительным громким вздохом, переросшим в стон, когда он принялся потирать свои короткие седые волосы.

– Все мы чего-то *ожидаем*, адвокат. Лично я провел всю жизнь в ожидании процесса, избавленного от ненужных задержек. – Старые глаза вперились в мистера Максона. – И ожидаю этого *до сих пор*.

– Да, ваша честь, – выпалил мистер Максон, чья нервозность все возрастала под этим древним взглядом с судейского места. – Если вы только позволите мне объяснить...

В этот самый миг раздался легкий хлопок закрывающихся входных дверей, и мистер Максон обернулся вместе с остальными взглянуть на пришельца, произведшего этот звук.

Даже на расстоянии я смог понять, что это явно Кларенс Дэрроу, поскольку он совершенно соответствовал Маркусову описанию. В отличие от адвоката Максона, одежда мистера Дэрроу была самой обычной – незамысловатый светло-коричневый костюм и белая рубашка с простым галстуком, небрежно повязанным на шее, – и выглядела так, будто он спал в ней в поезде. Этот облик, хоть и не настолько неаккуратный, каким он стал впоследствии (мистер Дэрроу только начал внедрять неряшливый вид как один из своих фирменных знаков), все равно существенно отличался от внешности прочих судейских, равно как и походка: шел он медленно, сгорбившись, будто вприпрыжку, что было особенно заметно с учетом его немалых габаритов. Волосы его, как и говорил Маркус, были непричесаны, одна из прядей свисала на лоб. Лицо, естественно, еще не настолько покрылось морщинами, каким будет во дни его большей славы, но все равно казалось изможденным и грубым; глаза же оказались того светлого

оттенка и с тем же печальным, ищущим выражением, которое в будущем тоже станет легендарным. Мягкие губы морщились и вполне соответствовали паре больших кругов под глазами, своим видом будто говоря о дорогой цене мудрости, приобретенной путем слишком близкого соприкосновения с людской бесчеловечностью к ближним своим. Идя по центральному проходу, мистер Дэрроу всматривался в толпу твердым и решительным взглядом, отличавшимся от взгляда судьи Брауна, но производившим не меньший эффект: когда он дошел до ограждения, на нем сосредоточились глаза всех присутствующих в комнате.

Само собой, то было представление – но я побывал во множестве залов суда, и нынешнее было одним из лучших, что я видел, – и достаточно хорошим, чтобы моментально дать мне понять: мы в еще большей опасности, нежели предполагали.

Мистер Дэрроу, сжимающий старый, выдавший виды портфель, помахал мистеру Максону, который объявил:

– Я прошу прощения суда, минуточку, – и бросился к Дэрроу. Судья Браун казался недовольным происходящим, но все же откинулся на спинку кресла с новым вздохом и принялся ждать, а мистер Максон открыл воротца в ограждении и впустил мистера Дэрроу в судебную часть комнаты, где тот быстро пожал руку Либби Хатч.

– С позволения суда, – проговорил уже улыбающийся мистер Максон, – я...

– А если суд *не позволит*, адвокат? – проговорил судья Браун, вновь выпрямляясь. – Что это вы намерены сделать, сэр?

– Ваша честь, – быстро продолжил мистер Максон, – я должен представить мистера Кларенса Дэрроу, лицензированного адвоката из штата Иллинойс. Защита просит, чтобы суд разрешил ему присутствовать, *pro hac vice*, в качестве первого адвоката защиты.

– Дэрроу, хм? – изрек судья Браун. – Да, мне кое-что сообщали о вас, мистер Дэрроу. С юга штата.

Мистер Дэрроу смиренно улыбнулся и хмыкнул.

– Надеюсь, – произнес он глубоким, успокаивающим голосом, – эти сообщения не настроили против меня вашу честь.

Это понравилось людям в зале, а заодно и, некоторым образом, судье Брауну.

– Это, конечно же, не поможет, – ответил он, на что в зале раздались смешки, на которые он не обратил внимания. – Если защита предпочитает нанять внешнего адвоката, это ее прерогатива. Но этому суду не требуются советы по ведению дел *ни от кого* из Нью-Йорка.

– Понимаю, ваша честь, – кивнул мистер Дэрроу с очаровательной, должен признать, улыбкой. – Мы в Чикаго думаем о Нью-Йорке то же самое.

Публика вновь засмеялась, что на сей раз было встречено молотком и суровым взглядом.

– Если таково действительное желание защиты, – буркнул судья, вновь поворачиваясь к месту защитников, – суд милостиво позволяет мистеру Дэрроу практику в этом штате, *pro hac vice*.

Потом судья посмотрел на Либби Хатч, которая встала и невинно распахнула яркие глаза.

– Прошу прощения, ваша честь, – сообщила она, уголки ее губ при этом слегка приподнялись. – Боюсь, что я никогда не изучала латыни.

В толпе при этом раздался тихий шепот в духе «я тоже» и «ну ясное дело, что не изучала», что вызвало очередной удар молотка.

– *Pro hac vice*, – объяснил судья со всем спокойствием, на какое только был способен, – просто означает «в данном случае», миссис Хантер. Это предоставляет мистеру Дэрроу право практики в штате Нью-Йорк, но только по этому делу. Вы удовлетворены?

Либби кротко кивнула, потом села на место.

– Имеются ли у обвинения штата возражения? – уточнил судья.

Мистер Пиктон храбро улыбнулся, сунул большие пальцы за жилетку своего новенького серого костюма и встал.

– Отнюдь нет, ваша честь, – заверил он, выходя из-за стола и смотрясь еще ниже, жилистее и проворнее, чем обычно, в сравнении с мистером Дэрроу. – Суд осведомлен о репутации мистера Дэрроу, и если защита утверждает, что в округе Саратога не нашлось подходящего адвоката, то, хотя мы и не разделяем подобной оценки наших местных талантов, мы не видим причин, по которым мистеру Дэрроу не позволено было бы участвовать.

Аудитория была не особо настроена усматривать в словах мистера Пиктона что-то смешное – но при этом заявлении все равно появилось несколько гордых, довольных улыбок.

Мистер Дэрроу тоже улыбнулся, и довольно обходительно – но его лицо окаменело, когда, глядя в сторону мистера Пиктона, он заметил Маркуса. Быстро придя в себя, он резким движением будто приподнял невидимую шляпу, дав понять детектив-сержанту, что оценил его умный ход в расследовании. Маркус улыбнулся и салютовал в ответ, а мистер Дэрроу провозгласил:

– Благодарю достопочтенного окружного прокурора. И, должен

сказать, что впечатлен его стараниями разузнать все о моей... репутации.

Мистер Пиктон, заметивший этот маленький обмен любезностями между мистером Дэрроу и Маркусом, широко улыбнулся:

– Мистер Дэрроу завышает меня, ваша честь. Он, вероятно, не знает, что я лишь *помощник* обвинителя, поскольку окружной прокурор Пирсон пока еще не выразил желаний покинуть свой на редкость приятный кабинет.

Напустив на себя озадаченный вид, чрезмерный настолько, чтобы ясно дать понять – на самом деле чин мистера Пиктона ему отлично известен, – мистер Дэрроу почесал в затылке:

– Помощник? Что ж, конечно же, прошу прощения у обвинения, ваша честь, – я полагал, что в деле о преступлении, за которое может быть назначена смертная казнь, в деле, преисполненном такой важности, как это, обвинение штата предпочтет, чтобы народ представлял старший по должности.

– Как вашей чести известно, здесь, в Боллстоне, мы можем насладиться столь же немногим количеством недель умеренной погоды, что и жители Чикаго, – вмешался мистер Пиктон. – И нам не хотелось лишать мистера Пирсона ни одной из них. А поскольку производил расследование по этому делу я, мы сочли благоразумным положиться на мои скромные способности.

Судья Браун кивнул с чуть раздраженным видом:

– Если вы оба, джентльмены, уже закончили пикировку, я желал бы знать, удастся ли нам услышать аргументы защиты против обвинения до полудня. Мистер Дэрроу, обвинение штата не имеет возражений, вам позволено выступить первым адвокатом вашего клиента в этом суде. Надеюсь, вы не жалеете о своей поездке. Итак, миссис Хантер, вы слышали весьма серьезные обвинения против вас. Каковы будут ваши возражения?

Посмотрев на Либби, тревожно уставившуюся на него, мистер Дэрроу кивнул. Она снова встала, скрестила руки и произнесла:

– Я невиновна, ваша честь.

По залу суда прокатилась волна шепота, раздался стук молотка судьи Брауна.

– Очень хорошо, – изрек он, еще раз хмуро оглядев зал. – Что ж, мистер Пиктон, в отношении... – Судья прервался, заметив, что мистер Пиктон непонимающе пялится на мистера Дэрроу, со столь же искренним выражением лица, что было у его рослого противника несколькими секундами раньше. – Мистер Пиктон? Вы что, сэр, загипнотизированы

опытным адвокатом из Иллинойса?

Встряхнувшись, мистер Пиктон обернулся к судье:

– Хм-м? О! *Прошу* прощения, ваша честь. Признаться, я не знал, что защита закончила свое возражение.

– Вы находите их возражение недостаточным, мистер Пиктон?

– Не *мне* находить его таким, ваша честь. Я лишь подумал, что к нему, пожалуй, стоит добавить некую... формулировку. «В силу тех или иных причин» – примерно в таком роде.

Судья сурово уставился на него:

– Мистер Пиктон – мы с вами за последние несколько лет провели в этом зале слишком много дел, чтобы я не понимал, к чему вы клоните. Но сейчас здесь нет жюри присяжных, которых бы вы могли дразнить своими предположениями, а я не допущу никаких игр с залом. Мистер Дэрроу квалифицированный адвокат, и, кажется, не страдает дефектами речи. Если бы он пожелал каким бы то ни было образом уточнить возражение ответчицы, уверен, он бы так и поступил. Вы желаете как-то уточнить возражение, мистер Дэрроу?

– Разумеется, нет, ваша честь, – отвечив адвокат с мрачной серьезностью. – Возражение простое, открытое и безусловное: «Невиновна».

– Вполне ясно, – отозвался судья Браун. – На будущее, мистер Пиктон, обвинение может держать свои предположения, равно как и надежды, при себе.

Мистер Пиктон лишь улыбнулся и поклонился.

– Итак, – продолжил судья, – в отношении залога...

– *Залога?* – выпалил мистер Пиктон, вызвав очередной стон и нахмуренный взгляд у судьи.

– Да, мистер Пиктон, – кивнул старик. – Залога. Вы знакомы с этой практикой?

– В подобных делах – боюсь, что нет, ваша честь. Подсудимая обвиняется в чудовищном насильственном нападении на собственных детей, один из которых едва выжил и в данный момент является главным свидетелем обвинения. Неужели суд всерьез полагает, что в подобных обстоятельствах обвинение хотя бы на секунду способно допустить возможность *залога*?

– Суд полагает, что обвинение способно следовать правилам уголовного судопроизводства, *каково бы ни было* преступление! – проревел судья Браун. – Я предупреждаю вас, мистер Пиктон, – не пытайтесь больше вывести меня из терпения столь рано! Вы прекрасно знаете, что мое

терпение отнюдь не безгранично, а, оказавшись за его пределами, я, возможно, с трудом найду обратный путь!

Мистер Пиктон постарался сдержать улыбку и кивнул с, как говорится, подчеркнутым уважением:

– Да, ваша честь. Я прошу прощения суда. Обвинение настоятельно привлекает внимание суда к жестокости преступления, в котором обвиняется ответчица, и опасности, которой может подвергнуться главный свидетель обвинения в случае ее освобождения. Мы просим отклонения залога в любом размере.

– Ваша честь, – возразил мистер Дэрроу шокированно, – моя клиентка – уважаемая женщина, пережившая величайшую из трагедий, что только могут случиться с представительницей ее пола: дикое убийство у нее на глазах двоих ее детей и попытку убийства третьего...

– Я прошу прощения у ученого коллеги, – ответил мистер Пиктон с изрядной долей сарказма. – Я не знал, что вопрос уже был решен настолько окончательно. Я полагал, что мы все собрались в этой комнате, чтобы *определить*, что же на самом деле случилось с детьми ответчицы.

По-прежнему хмурясь, судья Браун кивнул:

– Боюсь, что здесь я должен согласиться с обвинением, мистер Дэрроу. Им еще предстоит обосновать свои притязания, но покауда они не опровергнуты, я не могу принять ваше утверждение о том, что миссис Хантер перенесла подобную трагедию, и обязан потребовать не прибегать к дальнейшему усугублению и без того крайне эмоционального вопроса путем подобных утверждений. У вас просьба относительно залога?

– Да, ваша честь, – изрек мистер Дэрроу. – Если моя клиентка и в самом деле виновна в насилии над детьми, этот или любой другой штат впервые об этом узнает. Она была не только любящей матерью, а еще и воспитательницей и няней многих других детей, кроме собственных, и в этой роли часто вела себя столь же героически, как и в тот вечер, о котором идет речь. Мы просим, чтобы вы учли, что она не представляет угрозы ни для свидетеля обвинения, ни для общины, и чтобы, памятуя о хрупкости как ее пола, так и ее натуры, вы назначили разумный залог, дабы предотвратить ее тягостное пребывание в окружной тюрьме в течение этого, вполне возможно, затяжного процесса.

Собравшиеся – и особенно мы в первых двух рядах – замерли в тревожном ожидании, а судья Браун откинулся на спинку кресла, почти скрывшись за столом. В этом положении он оставался около минуты, потом снова выпрямился.

– Суд принимает во внимание замечания мистера Дэрроу относительно

пола и характера ответчицы, – медленно произнес он. – Но в то же время имеет в виду, что она обвиняется в преступлении особо бесчеловечного и жестокого свойства, караемом смертной казнью. Мы выражаем сожаление относительно возможных неудобств и поручим шерифу Даннингу обеспечить все возможные условия, дабы гарантировать, что пребывание миссис Хантер в этом здании станет если не приятным, то по меньшей мере сносным. Но сам залог отклоняется.

Это вновь вызвало бормотание толпы, и судья принялся стучать молотком:

– Я напоминаю нашим гостям о предыдущих замечаниях! И заверяю, что они были совершенно серьезны. – Когда водворилась тишина, судья Браун посмотрел на два стола перед собой. – Мы вновь соберемся в девять утра во вторник, дабы начать отбор присяжных. Но прежде чем мы разойдемся, позвольте мне еще раз подчеркнуть кое-что для обеих сторон: суд осведомлен о чувствах, вызванных этим делом, и настаивает, чтобы вы воздерживались от любых явных воззваний к эмоциям или общественному мнению. Это не приведет ни к чему хорошему и может причинить вашим намерениям непоправимый ущерб. Суд объявляет перерыв!

Еще один удар молотка – и все встали, а судья Браун проследовал обратно к двери за судейским местом и исчез за ней. Как только он вышел, зал вновь шумно ожил разговорами и комментариями, особенно после того, как шериф Даннинг и пристав Коффи вывели Либби Хатч через боковую дверь прямо к камерам в подвале здания. Мистер Дэрроу на выходе сказал ей что-то ободряющее, и она изо всех сил постаралась выглядеть кроткой и благодарной – но в ее глазах вновь появился тот кокетливый, соблазнительный блеск, который она, кажется, не способна была скрыть при виде новых, только что встреченных мужчин. После ее ухода мистер Дэрроу заговорил с мистером Максоном, но беседа эта была прервана мистером Пиктоном, который прошагал прямо к их столу и громко объявил:

– Ну, Максон! Теперь вы разжились поддержкой. Не знаю, как бы я на вашем месте это воспринял, хотя полагаю, когда помощь исходит от человека, столь досконально знакомого с таким количеством областей права, как мистер Дэрроу, возражать просто невозможно! – И протянул руку: – Мистер Дэрроу, моя фамилия Пиктон.

– Да, я знаю, – ответил мистер Дэрроу, пожимая руку мистера Пиктона с заметным отсутствием энтузиазма и глядя на него с изрядным снисхождением. – Видите ли, я тоже наслышан о вас, мистер Пиктон, хотя должен сказать, что моя информация была получена из несколько более, –

тут он покосился на Маркуса, – открытых источников.

– Что ж, великие люди поступают как вздумается, а малые люди – как вынуждены, – беспечно ответил мистер Пиктон. – Где Вандербилт разместил вас, Дэрроу? Где-нибудь покомфортабельнее, я полагаю, – хотя в Боллстоне немного роскошных апартаментов. Но, быть может, вы позволите обеспечить вас кое-каким пропитанием у меня в доме, если сочтете сие нужным.

При упоминании Вандербилта мистер Дэрроу воззрился на мистера Пиктона с видом, который трансформировался из снисхождения в прямое раздражение:

– *Надо* отдать вам должное, мистер Пиктон, – пожалуй, мало что избегло вашего внимания в этом деле. Или же все в Боллстон-Спа осведомлены о подробностях приготовлений миссис Хантер к своей защите?

– Боже милосердный, ну что вы! – со смехом произнес мистер Пиктон. – А я на вашем месте не стал бы им ничего сообщать. Отношение судьи Брауна к жителям нашего южного метрополиса, уверяю вас, довольно типично для обитателей этого округа. Но не беспокойтесь, я никому не скажу – это ведь будет неспортивно, не так ли?

Было довольно просто заметить, что мистер Пиктон старается вызвать раздражение мистера Дэрроу и что ему это удается.

– Сомневаюсь, что «спортивно» – слово, которое я стал бы употреблять в отношении такого трагичного дела, как это, – буркнул в ответ мистер Дэрроу. – И, боюсь, что не смогу воспользоваться вашим предложением, поскольку я остановился в отеле «Гранд Юнион» в Саратогe. Мы будем осуществлять работу оттуда.

При этих словах мистер Пиктон нахмурился.

– Хм-м, – провозгласил он. – Хорошо. Впрочем, я и *это* не выдам – люди в Боллстоне относятся к Саратогe немногим лучше, чем к Нью-Йорку. Они считают, что это всего лишь место развлечений для богатых гостей и их наемных работников. – При этом замечании глаза мистера Дэрроу широко распахнулись от потрясения, но мистер Пиктон лишь продолжил болтать: – Надеюсь, вас не смущает моя прямота в советах – но я действительно хочу убедиться, что мы разровняли поле для игры как нельзя лучше. Ну, до свидания, Максон, – всего вам наилучшего. Кстати, Дэрроу, если передумаете насчет еды – *обязательно* дайте мне знать, хорошо?

Вместо ответа мистер Дэрроу, минуя с мистером Максоном воротца в ограждении, лишь тихо буркнул что-то себе под нос.

Проходя мимо нашего ряда скамей, он окинул нас ледяным взглядом –

но потом, узнав лицо доктора, взял себя в руки и с более дружелюбным видом развернулся, чтобы подойти к нам.

– Доктор Крайцлер, не так ли? – сказал он; глубокий голос на сей раз был вполне доброжелателен. Доктор пожал протянутую мистером Дэрроу руку. – Я большой поклонник вашей работы, доктор, если позволите мне так выразиться.

– Позволю, – ответил доктор, изучая обворожительно улыбающегося адвоката. – Благодарю вас, мистер Дэрроу.

– Скажите, сэр, – продолжил мистер Дэрроу, – правда ли, что вы в этом деле выступаете советником обвинения?

– Это вас удивляет? – спросил доктор.

– Признаться, да. Ни за что не подумал бы, что вы из тех, кто способен участвовать в удовлетворении желания штата покарать любого, кого только удастся поймать, лишь только для того, чтобы можно было поставить точку в этой загадочной трагедии.

– По-вашему, такова моя мотивация, мистер Дэрроу?

Пожимая крупными плечами, мистер Дэрроу ответил:

– Иное не приходит мне в голову. И, должен сказать, подобное поведение на вас не похоже. Но, возможно, у меня сложилось ложное впечатление. Или же у вас свои причины для сотрудничества со штатом Нью-Йорк. – Заметив, что глаза доктора чуть расширились от подобного едва прикрытого намека на расследование дел в Институте, все еще шедшее в Нью-Йорке, мистер Дэрроу улыбнулся. – Как бы то ни было, надеюсь, у нас еще будет шанс поговорить. Вне суда, я имею в виду. Я совершенно честен, говоря, что восхищен тем, чем вы занимаетесь. Чем вы *обычно* занимаетесь. Всего хорошего.

Доктор кивнул, по-прежнему улыбаясь:

– И вам всего хорошего, сэр.

Мистер Дэрроу вышел вслед за мистером Максоном за двери красного дерева, где их немедля изловил мистер Гроуз и кое-кто из газетчиков, прибывших из Саратоги.

– Умный человек, – пробормотал доктор, глядя, как мистер Дэрроу царственно общается с журналистами: поведение его демонстрировало, что чикагский юрист чувствует себя на этом процессе весьма уютно.

– О да, – вставил мистер Пиктон, присоединяясь к нам. – Умный ханжа-педант, да еще и в народном поплиновом рубище. – Принявшись паковать свой портфель, он еще раз засмеялся. – Из тех людей, кого проще всего вывести из себя!

– Ты несомненно старался на славу, Руперт, – сказал мистер Мур, качая

головой. – В самом деле хочешь провести этот процесс в перебранках с ним?

– Уверен, что доктор согласится со мной, Джон, – ответил мистер Пиктон, сунув неприкуренную трубку в рот. – В том, что человек, пребывающий в постоянном раздражении, намного более склонен к ошибкам суждения, чем в любом ином случае.

– Да, я понял, что это и была ваша цель, мистер Пиктон, – заключил доктор. – И вы ее превосходно добились.

– О, ерунда, – констатировал мистер Пиктон, взяв портфель под мышку. – Такие адвокаты, как я уже говорил вам, обычно считают, что относительно роли спасителя даже сам Иисус Христос не научил бы их ничему новому. Доставать их – все равно что падать с бревна, правда. Что ж! Открытие прошло хорошо, но я бы произвел перегруппировку и приступил к следующим нашим шагам, если вы не против, доктор. – Вновь вытащив часы, мистер Пиктон взглянул на них. – Можем поговорить у меня в конторе, если хотите.

– Конечно, – согласился доктор, направляясь по проходу мимо маленькой группки газетчиков, все еще забрасывавших вопросами мистера Дэрроу и мистера Максона. Они попытались было привлечь и мистера Пиктона, вполне предсказуемыми вопросами: не было ли обвинение Либби Хатч актом безрассудства, какие мотивы могут быть у матери для убийства собственных детей, не должна ли такая женщина быть сумасшедшей, – и тому подобное. Но мистер Пиктон был к этому готов, и весьма ловко отболтался от сей шайки, не сказав ничего существенного и все время отсылая их обратно к мистеру Дэрроу, который, несомненно, сможет поведать гораздо больше интересного, чем какой-то скромный заместитель окружного прокурора.

Уже в своем кабинете мистер Пиктон сказал нам, что главная его забота в данный момент – выяснить, кто из горожан сможет стать лучшими присяжными по этому делу, и составить список вопросов, способных выделить этих людей из прочих вызванных кандидатов. Он спросил мнения доктора на этот счет и получил быстрый ответ: лучшими потенциальными присяжными будут бедняки, предпочтительно фермеры – те, кто ведет нелегкую жизнь и чьи семьи хорошо знакомы с трудными временами. Такие люди лучше всего знают, как легко личные конфликты и денежные вопросы могут привести к насилию, даже в тех семьях, кои кажутся со стороны счастливыми и мирными: они, скорее всего, видывали или по крайней мере слышали о существовании женщин, нападавших на своих детей, когда дела оборачивались особенно удручающе или печально, и не

склонны разделять мнение более зажиточных людей относительно чистоты женских помыслов и действий. Мистер Пиктон сказал, что рад слышать все это, поскольку оно в точности совпадает с его собственным мнением, – теперь оставалось найти способы вычислить таких людей, не дав мистеру Дэрроу прознать об этом.

Главной же задачей доктора по-прежнему оставалась подготовка Клары Хатч к предстоящим событиям: теперь, когда мы познакомились с мистером Дэрроу, было вполне очевидно – он достаточно умен, чтобы найти массу способов смутить Клару и выставить ее не столько лгуньей, сколько сбитой с толку маленькой девочкой, которая на самом деле не помнит настоящих обстоятельств случившегося, а все остальное ей вдолбило обвинение. Скорее всего, сказал доктор, мистер Дэрроу предпримет сие в самой сердечной и дружелюбной манере, и Клара будет склонна в итоге с ним согласиться. Потому ее нужно как следует убедить в том, что даже на вид приятный и уважаемый человек может расставлять ловушки: это она и сама, разумеется, знала на собственном опыте, но, возможно, не до конца приняла своим, как выразился доктор, «активным сознанием».

В выходные и понедельник на доктора ложились двойные обязанности, поскольку дни ему предстояло проводить за подготовкой Клары, а ночи – опрашивая Либби Хатч и оценивая ее психическое состояние. Я сам проходил эту процедуру с доктором и наблюдал, как он проводит ее для других, и потому имел общее представление о том, что произойдет в подвальной камере Либби: почти никаких расспросов насчет убийств, или же ничтожно мало – просто ряд произвольных вопросов о детстве женщины, ее семье и личной жизни. Либби по закону обязана была содействовать доктору, хоть это и не означало, что она не попытается манипулировать своими ответами, дабы ввести его в заблуждение. Но я видывал, как подобные штучки с ним пытались выкидывать и преступники куда покруче – и потерпели неудачу; похоже, у Либби не было особых шансов на успех, даже при всей ее сообразительности. Но все равно я знал, что это будет довольно занимательная череда встреч, и надеялся, что у меня найдется время попристутствовать на некоторых.

Впрочем, сие казалось маловероятным, поскольку за те дни, что оставались до начала процесса, скука нам определенно не грозила. Айзексоны – к которым теперь присоединился мистер Мур, готовый воспользоваться любым предлогом, лишь бы вернуться к игорным столам Саратоги, – приступили к выяснению того, каких свидетелей и экспертов мистер Дэрроу собирается пригласить, а также к попыткам вычислить его

стратегию, насколько это возможно. Мисс Говард по-прежнему намеревалась найти кого-нибудь, кто был бы родственником Либби Хатч или же имел представление о ее детстве – и, похоже, мне предстояло помогать ей в поисках, по меньшей мере, до вторника. Это вообще-то не особо меня воодушевляло – ведь сейчас мне уже казалось, что мы определенно гоняемся за призраками. Я бы с куда большим удовольствием поехал в Саратогу с мистером Муром – но понимал, сколь важно дело мисс Говард, и постарался принять это задание с тем же воодушевлением, кое проявил Эль Ниньо от перспективы продолжить исполнять роль телохранителя «леди», ставшей его изначальной благодетельницей.

Но добрые намерения и труд без продыха окупаются не всегда: к выходным мы так и не выискали ничего, что могло бы сойти за нужную информацию. Все начинало выглядеть так, будто кто-то намеренно постарался стереть с лица земли все следы существования Либби. Путешествия в итоге завели нас изрядно на север, к южным берегам озера Джордж и оконечности Адирондакского леса – и пусть эти окрестности становились все прекраснее, а городки все меньше и встречались все реже; большая часть дня уходила на то, чтобы добраться до них, а потом почти весь вечер возвращаться обратно. Но по крайней мере одно было ясно наверняка: если Либби Хатч действительно родилась и выросла в одном из городов округа Вашингтон, ни она, ни ее семья никогда не отъезжали далеко от дома – если, конечно, она не убила их всех много лет назад; и эта идея все больше и больше овладевала моими мыслями в долгих, бесполезных поездках от поселка к поселку. Мисс Говард же, похоже, перспектива продолжения поисков иголки, которой, возможно, вовсе и не было в нашем стогу сена, вдохновляла не более, чем меня; и я знал, что она заодно разделяет и мое желание поприсутствовать на одной из бесед доктора с Либби Хатч. Но она все равно продолжала привлекать нас с Эль Ниньо к работе, зная, что любой ключик к прошлому Либби, который можно использовать в суде, принесет намного больше пользы, чем наше развлечение битвой умов, происходившей в подвале здания Боллстонского суда.

Впрочем, мы получали еженежные отчеты об этих встречах, когда рассаживались вокруг обеденного стола мистера Пиктона за тем, что с учетом нашей деятельности обычно оказывалось очень поздним ужином. Во время первой из таких трапез доктор объяснил, что отношение Либби к нему было типично переменчивым: начала она с выражений глубокого оскорбления, словно доктор причинил ей некую намеренную боль, попытавшись обвинить не только в похищении девочки Линарсов, но и

в смертях детей, за которыми она ухаживала в Нью-Йорке, и в убийствах собственных детей заодно. С ее стороны начать с этого было весьма хитро, сказал нам доктор: осознанно или нет, Либби пользовалась тайным страхом каждого перед обвинением матери в ужасных преступлениях в отношении детей, за которыми ей полагалось присматривать, и оптимистическим убеждением общества в том, что «миф о материнском воспитании», как его называла мисс Говард, на деле крепок и надежен, что твои Скалистые горы. Но едва стало ясно, что доктор не собирается позволить своему беспокойству взять верх над интеллектом, Либби быстренько перешла к другой роли, знакомой ей не меньше: роли соблазнительницы. Она начала жеманно поддразнивать доктора насчет тайных стремлений и желаний, должно быть, крившихся за его бесстрастной, дисциплинированной наружностью. Это, разумеется, тоже ни к чему не привело, так что в итоге она была вынуждена понадеяться на последнюю из привычных своих линий поведения – гнев. Отбросив действия жертвы и искусительницы, она обернулась грубиянкой, раздраженно уселась в камере и на вопросы доктора начала отвечать коротко и обиженно, причем ему было ясно, что многие из ответов – откровенная ложь, – и подчеркивать свои утверждения, сообщая, как он однажды пожалеет, что вообще с нею связался. Но она не понимала, что сама эта перемена поведения с доктором – именно то, что он хотел выяснить: способность Либби анализировать его намерения и выдумывать последовательность разных, но тщательно спланированных ответов, свидетельствовала, что, как он всегда и подозревал, ее поведением не властвовало никакое серьезное психическое заболевание или умственное расстройство. Один тот факт, что ей хватало ума сочинять хитрые, лживые ответы на его расспросы – каждый из которых долженствовал служить некой большей цели, – служил доказательством того, что она вменяема не хуже остальных.

Все это было весьма интересно, и мы с мисс Говард по-прежнему жалели, что не можем побывать там и взглянуть сами; но ни один из нас не завидовал участи доктора, ставшего особым объектом ненависти Либби – памятуя о массе обнаруженных нами примеров того, как она обращалась с людьми, и молодыми, и старыми, мешавшими ее замыслам. Признаюсь, чем больше я слышал об освидетельствовании, тем больше беспокоился за доктора, пока наконец не спросил, позаботился ли он о наличии во время этих бесед кого-то, способного помешать этой женщине причинить ему какой-то внезапный, неожиданный физический ущерб. Он ответил, что да: каждую минуту, что он проводит в камере Либби, за дверью находится охранник Генри и тщательно следит за всем происходящим.

Что же до детектив-сержантов и мистера Мура, то их попытки выяснить, что мистер Дэрроу замышляет в Саратогге, были примерно столь же плодотворными, что и усилия нашего отряда разузнать прошлое Либби, – но только до субботы. Тем вечером, когда остальные из нас сидели в столовой мистера Пиктона и слушали рассказ доктора о его последней беседе с Либби, явились эти трое – позже, чем обычно, и в настроении существенно лучше, нежели то, с коим они покинули дом поутру. Им, кажется, наконец улыбнулась удача в лице частного сыщика, работавшего на Дэрроу в Нью-Йорке: Люциус знал сыщика, и когда тот объявился в отеле «Гранд-Юнион» с отчетом для мистера Дэрроу, детектив-сержант перехватил его и выжал кое-какие сведения – естественно, не сообщая, что трудится на противоположную сторону. И хотя этот человек не сообщил особых подробностей, его общих замечаний хватало, чтобы удостовериться: Дэрроу действительно пытался разведать все, что только мог, относительно текущей деятельности доктора и ситуации в городе, включая проблемы, с которыми тот столкнулся после самоубийства Поли Макферсона. Ничто из этого в принципе не шокировало: мы с самого начала догадывались, что Дэрроу для опровержения наших действий против Либби Хатч мишенью изберет доктора. Но одно, как говорится, замечание, вскользь брошенное Люциусом насчет прочих сведений от сыщика, вызвало у доктора существенно бóльшую обеспокоенность.

– О, кстати, – сказал Люциус, улыбаясь миссис Гастингс, когда та поставила перед ним большую тарелку с едой, – он обзавелся своим алиенистом, который тоже собирается провести освидетельствование Либби.

Мистер Пиктон озадаченно поднял взгляд:

– В самом деле? Интересно, зачем. Он уже довольно ясно дал понять, что не собирается прибегать к линии защиты по невменяемости.

– Верно, – ответил доктор, – но когда обвинение в таком деле, как это, планирует оперировать свидетельскими показаниями о чем-то психическом состоянии, защита обычно испытывает потребность ответить на это. Вероятнее всего, Дэрроу использует возможность показать, сколь мучительной оказалась для Либби смерть детей, и в то же время продемонстрировать, что она – полностью дееспособная личность, достаточно уравновешенная, чтобы заботиться не только о собственных детях, но в равной степени и о чужих. Ваш коллега случайно не упомянул имени этого алиениста, Люциус?

– М-м, да, – отозвался Люциус, набросившись на домашнюю еду, к

которой все мы весьма пристрастились с нашего прибытия в Боллстон-Спа, и начал одной рукой шарить в карманах, не собираясь откладывать вилку. – Я записал его где-то... ага! – Он извлек маленький клочок бумаги из внутреннего кармана сюртука. – Вот – Уайт. Уильям Уайт.

Доктор внезапно перестал жевать, обеспокоенно глянул на Люциуса и уточнил:

– Уильям Алансон Уайт⁵⁴?

Люциус еще раз сверился с бумажкой:

– Да, так и есть.

– В чем дело, Крайцлер? – вмешался мистер Мур. – Вы знаете этого человека?

– Конечно, – кивнул доктор, отодвигая тарелку, медленно поднялся и взял бокал вина.

– Проблема? – осведомился мистер Пиктон.

Черные глаза доктора обратились к окну и уставились в ночь.

– Скорее загадка. *Уайт...* – Еще несколько секунд поразмыслив, доктор наконец встряхнулся и вернулся к разговору. – Он один из лучших из молодого поколения – блестящий ум и выдающееся воображение. Работал в больнице штата в Бингэмптоне и провел великолепное исследование разума преступников – их подсознательного, в частности. Стал опытным свидетелем-экспертом, несмотря на свою сравнительную молодость.

– Он ваш противник? – спросил Маркус.

– Наоборот, – ответил доктор. – Мы много раз встречались и часто переписывались.

– Странно, – заметила Сара. – По идее, Дэрроу мог бы найти кого-нибудь, в открытую враждебно настроенного к вашим теориям, раз уж вообще озаботился кого-то привлечь.

– Да, – проговорил доктор, кивая, – но самое странное не в том, Сара. Уайт и я склонны разделять невысокое мнение о пенитенциарной системе этой страны и ее методах воспрепятствования преступлениям и заботы о психически больных. Но мы совершенно расходимся в самом определении психической болезни. Его классификация, похоже, намного шире моей, и в свою категорию «невменяемых поступков» он включает куда больше преступного поведения, чем вообще способен я. Потому-то он практически всегда выступает свидетелем-экспертом с целью продемонстрировать, что данный обвиняемый несколько неуравновешен и, следовательно, по закону не отвечает за свои действия.

– Хм-м, – протянул мистер Пиктон. – А это вновь наводит на мысль,

что Дэрроу, возможно, приберегает карту невеняемости – на случай, если ему приспичит разыграть ее позже. Впрочем, сомневаюсь, что он настолько глуп.

– Я тоже, – согласился доктор. – Апелляция защиты к невеняемости редко оказывается эффективной, будучи представлена посреди процесса – мало кто из присяжных не в состоянии распознать в изменении аргументации акт отчаяния.

– Что ж, тогда, – сказал мистер Мур, непонимающе переводя взгляд с доктора на мистера Пиктона, – к чему, по-вашему, клонит Дэрроу?

Доктор лишь медленно покачал головой:

– Не знаю – и это меня беспокоит. Да и вообще меня многое беспокоит в нашем оппоненте. – Подойдя к окну, доктор покрутил бокал в руках. – Вы не узнали, когда должен прибыть Уайт?

– Во вторник вечером, – ответил Люциус. – После начала процесса.

– И у меня будет слишком мало времени с ним посоветоваться, – отозвался доктор, снова кивая. – Да, это хитрый ход. Но что, во имя господ, Дэрроу хочет от него услышать?

Ответ на сей вопрос мы узнали довольно скоро, и он – как и почти все, что касалось мистера Дэрроу, – с легкостью объяснил, почему в один прекрасный день этот человек стал величайшим уголовным адвокатом, какого только видела страна.

Глава 43

Наша подготовка началась во вторник утром, когда люди с полей, из-за прилавков и из гостиных всего округа Саратога столпились в здании суда Боллстон-Спа, дабы узнать, проведут ли они следующую пару недель в качестве членов жюри присяжных по делу, которое стало повсеместно известно как «процесс Хатч».

С самого начала мистер Дэрроу дал понять: он точно знает, к чему станет клонить мистер Пиктон, и намеревается препятствовать ему на каждом шагу. Обеим сторонам было даровано по двадцать «отводов без указания причины», как они это называли, – то есть права отвергнуть кандидатуру присяжного без всяких обоснований, – и первая десятка мистера Дэрроу задела тех, кто как нельзя лучше соответствовал представлениям доктора и мистера Пиктона об идеальном присяжном. Каждый из этих людей был беден, но умен, и обладал той мудростью касательно мира, коя на первый взгляд никак не соотносилась с тем, что большинство из них ни разу не покидало округа, а уж тем более штата. Когда настала очередь задавать вопросы этим ребятам, мистер Дэрроу был с ними достаточно мил – он слишком заботился об отсутствии волнения на галереях. Он завязывал приятный разговор о состоянии дел в городе, или о том, как влажная холодная погода того лета влияет на местные зерновые, – но лишь только человек упоминал, скажем, что вырос в однокомнатном фермерском доме или, хуже того, что его мать, бабка, тетка или сестра подчас впадали в буйство, адвокат защиты отстранял его с дружелюбным «спасибо» (но без единого объяснения).

Мистера Пиктона, в свою очередь, не одурачил на вид невинный и скромный метод опроса мистером Дэрроу состоятельных, более образованных кандидатов в присяжные насчет «естественного положения» мужчин и женщин, и насчет того, могло ли человеческое общество деградировать до состояния, когда львиная доля основополагающих связей между представителями рода людского – «естественный закон человеческого общества», как определял его мистер Дэрроу, – оказалась бы нарушена без всякой на то причины. Мистер Дэрроу не говорил прямо, что связь между матерью и ребенком представляла собой часть вышеупомянутого «естественного закона» – да ему и не требовалось. Ясно было, что большинство людей в зале суда молча верили в справедливость сего утверждения. Но если мистер Дэрроу давал отставку каждому

потенциальному присяжному, который в открытую говорил о женском насилии, мистер Пиктон ровно так же отрекался от любого, кто выражал веру в эти «естественные» или «фундаментальные» привязанности. Мистер Дэрроу в итоге возразил, что мистер Пиктон, похоже, отвергает «всю концепцию естественного права», идею, которая, как он заявил, была основой американской Конституции и Декларации независимости. Мистер Пиктон парировал, что не дело суда вступать в подобные философские дискуссии – они имеют дело с уголовным, а не естественным правом. Эта позиция, хоть и не принесла ему симпатий со стороны судьи Брауна, была все же весьма уместной и вполне допустимой, и многие кандидаты, очевидно предпочитаемые мистером Дэрроу, оказались должным образом спроважены.

К полудню оба использовали уже бо́льшую часть положенных отводов и вдобавок отказали нескольким присяжным по конкретным причинам, так что, когда объявили перерыв, избрана была лишь половина жюри. Похоже, дневное заседание могло оказаться несколько нервнее утреннего, ведь когда у одного из юристов кончаются отводы, сие означает, что для отказа придется прибегнуть ко всем возможным оправданиям. К трем часам отводы без указания причин у обоих иссякли, но предстояло избрать еще пятерых присяжных; и хоть мистер Пиктон понимал, что большинство уже отобранных людей было из таких, кому, возможно, и удастся навязать свое представление, в то же время он подозревал, что судья Браун, похоже, куда как благожелательнее относится к причинам, кои указывает при отводе кандидатур мистер Дэрроу, нежели к аргументам обвинения. И подозрение это оказалось верным. Мистер Дэрроу по-прежнему продолжал твердить, что понятие «естественного права» – главный оплот всего американского государства и общества; если же кто-то вдруг согласен с идеей о том, что «узы природы» могут быть «своенравно нарушены», сообщил адвокат, то такой человек, по сути, считает, что всерьез хромает и сама сущность Соединенных Штатов – а уж с такими-то чувствами среди американских присяжных ему делать нечего.

Эта, как заметил доктор, «нелепая, но необычайно эффективная логика» мистера Дэрроу выглядела так, будто являлась общепринятым убеждением, но, скорее всего, была выдуманна для конкретного дела и города, где он оказался по работе. (Эта идея, похоже, подтвердилась, когда мы обнаружили, что судья Браун служил в Гражданскую войну офицером – и мистер Дэрроу, видимо, выяснил этот факт.) У мистера Пиктона не имелось аналогичного по простоте философского обоснования отказов кандидатам в присяжные – на самом деле, у него вообще не имелось

аргументов, взывавших к кондовому патриотизму судьи Брауна. Ему оставалось лишь возражать, что личным чувствам людей насчет политики, философии и даже религии нельзя позволять влиять на выводы при уголовном судопроизводстве, где вина или невиновность определяются уликами, а не личными убеждениями. Подобные соображения не особо волновали таких как судья Браун, и по мере удлинения теней в зале суда эти аргументы довольно явно стали его утомлять, тогда как намеренные попытки мистера Дэрроу воззвать к самым глубоким чувствам старика – озвученные со всем «простым» среднезападным красноречием, в коем мистер Дэрроу весьма преуспел, – становились лишь цветастее и убедительнее.

Когда все двенадцать мест на скамье присяжных заполнились, уже невозможно было определить, на чьей стороне оказалось превосходство по части личных предпочтений отобранных людей. Но если бы мне пришлось на это поставить, я бы сказал, что чаша весов склонилась в пользу мистера Дэрроу – а новость, принесенная мистером Муром тем вечером из «Казино»: о том, что ставки против признания Либби виновной уже составляют шестьдесят к одному, – похоже, лишь подкрепляла сие чувство. Для мистера Пиктона битва начиналась не самым легким образом.

Но все же у нас имелся свидетель и улики, и пока не было никаких серьезных причин полагать, что они не изменят мнения даже тех присяжных, которые внутренне настроились с некоторым сомнением воспринимать обвинения против Либби Хатч; в конце концов, шериф Даннинг тоже поначалу скептически относился к версии обвинения, но совершенно изменил свои взгляды после заседания большого жюри. Памятуя обо всем этом, мистер Пиктон допоздна просидел в конторе вечером в понедельник, повторяя свою вступительную речь (кою должен был произнести на следующее утро) и график, в соответствии с которым он собирался предъявлять косвенные улики и вызывать свидетелей. Около полуночи миссис Гастингс попросила меня отнести в суд кое-какой еды, и там я обнаружил, что мистер Пиктон по-прежнему расхаживает, как умалишенный, курит, читает, повторяет вслух и вновь дергает себя за волосы на лице и голове, будто вознамерился причинить себе увечья. Сие зрелище заставило меня еще больше восхититься тем, как ему удавалось быть таким спокойным и собранным в самом зале суда; я понимал, что никогда не скажешь, где человек чувствует себя непринужденнее всего, – однако в этом случае разница между нервным, слегка чудаковатым малым, которого мы знали за пределами суда, и уравновешенным блестящим юристом, которого видели на рассмотрении дела против Либби Хатч, была

столь непомерной, что просто сбивала с толку.

Но как бы там ни было насчет сбивания с толку, мистер Пиктон действительно всегда производил впечатление в суде, особенно в то утро, когда открыл слушание по делу Либби. В десять часов судья Браун стуком молотка распорядился начать заседание, и Ифегения Блейлок приготовилась резво записывать выступление мистера Пиктона. Когда помощник окружного прокурора встал, чтобы обратиться к присяжным, на его лице не было и намека на дьявольскую улыбку, что так бросалась в глаза во время предъявления обвинения и отбора жюри: он был сама серьезность, понимая, как мне кажется, что такая перемена настроения заставит присяжных заинтересоваться и с самого начала обратить на него особое внимание. Мистер Пиктон – в темном костюме, будто подчеркивавшем, что его владелец явился сюда по делу, в коем у него нет никакой личной заинтересованности, – прежде чем начать речь, где-то с минуту прохаживался перед скамьей присяжных; и открыл рот, лишь когда убедился, что лица всех двенадцати на этой скамье стали совершенно внимательными и, как говорится, восприимчивыми.

– Джентльмены, – начал он намного медленнее и меланхоличнее, чем было в его привычке, – вы слышали вынесенное штатом обвинение против подсудимой. Но помимо обвинения имеются и еще некоторые факты, о которых вам следует знать. – Он простер руку в направлении места защиты, не глядя на Либби Хатч. – Эта женщина недавно лишилась мужа, человека великой отваги, который ранее жертвовал здоровьем во имя благородных целей Союза и освобождения. Никому из вас не стоит думать, что обвинение не в курсе этого или что оно намерено, как адвокат защиты поведал местной прессе, потревожить траур такой женщины только лишь ради разрешения старого неприятного преступления. Честно скажу вам, мы этого не сделаем. Даже будь у нас время на подобные тайные, низкие планы, память о человеке, бывшем в числе многих героев этой страны в трудную минуту, перерезала бы нам путь, подобно тому, как падение мощного дерева заблокировало бы движение на Чарлтон-роуд.

Я вытянулся вперед, чтобы не только расслышать все, что говорит мистер Пиктон, но и глянуть на реакцию доктора. При упоминании бедного старого Михея Хантера доктор принялся кивать, изо всех сил стараясь сохранять совершенно спокойное выражение лица.

– Хорошо, – прошептал он, – хорошо... не дайте Дэрроу завладеть этой темой.

Мистер Пиктон прервался, устремив взор в потолок.

– Чарлтон-роуд... – И вновь обернулся к присяжным: – Мы собрались

здесь – против своей воли, джентльмены, можете не сомневаться, – поскольку три года назад на Чарлтон-роуд случилось нечто непередаваемо чудовищное. Событие из таких, что мы всей общиной молим, дабы оно не повторялось – и, вероятно, желали бы о нем забыть. Но мы не можем. На кладбище Боллстон-авеню есть две могилки, которые не дадут нам забыть об этом, и есть одна маленькая девочка – наполовину парализованная и до последних дней немая от ужаса, – которая тоже не даст нам об этом забыть. Само ее существование все эти три года служило напоминанием о кошмаре, произошедшем тем вечером. Однако сейчас она может даровать нам не просто одно лишь свое мучительное присутствие. Наконец, спустя три долгих года, которые она терпела тайную муку, невообразимую даже для тех храбрецов, что пережили кровавую бойню нашей великой Гражданской войны, наконец-то маленькая Клара Хатч может говорить! И неужели кто-то из вас, джентльмены, поверит, что этого ребенка, в конце концов почувствовавшего себя в достаточной безопасности, чтобы озвучить свои страшные воспоминания, можно убедить *солгать*? Неужели хоть один из вас всерьез поверит, что к этой восьмилетней девочке, после всего, что она вынесла, могут подступиться представители обвинения и убедить ее *выдумать* историю о том, что случилось на Чарлтон-роуд, где двоих ее братьев застрелили насмерть, а сама она получила ранение, которое, как явно надеялся нападавший, окажется смертельным?

Прервавшись, чтобы в упор взглянуть на присяжных, мистер Пиктон предпринял очевидную попытку усмирить свое душевное волнение – попытку, которая, как я уже мог судить по нашему знакомству, явно должна была провалиться.

– Защита постарается убедить вас в этом, – продолжил он, кивнув. – Несомненно, защита постарается убедить вас во множестве разных вещей. Они напомнят вам о том самом нападении на женщину, известную тогда как миссис Либби Хатч, и пригласят ее снова встать и поведать свой странный, никем не подтвержденный рассказ о таинственном негре, который атаковал ее детей, но не ее саму, а потом растворился в ночи, и никто и никогда его больше не видел, несмотря на самые решительные поиски. Но факты в изложении единственной, помимо миссис Хатч, свидетельницы событий той ночи слишком просты и слишком ясны, даже при всем их ужасе, чтобы защита по-прежнему водила вас по каким-то фантастическим окольным тропам. Я уверен в этом – уверен, потому что слышал версию маленькой Клары от нее самой. И лишь потому, что я *услышал* этот зловещий рассказ, мы выдвигаем обвинения против бывшей миссис Хатч. Не сомневайтесь в этом, джентльмены. Не сомневайтесь, если бы Клара Хатч не объявила – в

этом самом здании, под присягой и перед всей устрашающей властью суда – что именно ее собственная *мать* совершила это позорное деяние: хладнокровно навела дуло револьвера сорок пятого калибра на три эти маленькие груди и сознательно спустила курок, да не один раз, а несколько, пока не решила, что все ее дети мертвы, – говорю вам, *не сомневайтесь*, если бы кто-то, помимо Клары Хатч, высказал подобное, нам бы ни за что не хватило безрассудства вынести такое страшное обвинение против этой женщины! Нет, джентльмены! У нас здесь нет никаких скрытых мотивов. Мы не стали бы шутить с умственным спокойствием, с самим *рассудком* ребенка лишь ради того, чтобы окончательно определиться с нераскрытым убийством. Пусть лучше *сотня* дел останется не раскрыта, чем государство поступит подобным образом! Мы – *вы* – здесь по одной причине: единственный человек, видевший, что случилось тем майским вечером три года назад на Чарлтон-роуд, согласился поведать свою историю. А когда обвинению штата представляют столь ужасающие основания, у него нет выбора, кроме как против воли – повторяю, джентльмены, против воли! – *против воли* привести в движение машину правосудия, не считаясь с тем, насколько последующие события могут нарушить покой общины, равно как и покой любого из ее граждан.

На этом мистер Пиктон вновь прервался, чтобы глубоко вздохнуть, и потер лоб, будто ему и впрямь было больно говорить об этом.

– Ловко, – прошептал доктору Маркус. – Он расправляется с критикой Дэрроу, прежде чем сам Дэрроу успел ее высказать.

– Да, – ответил доктор. – Но взгляните на Дэрроу. У него живой ум, и он изобретет новые пути атаки, даже если Пиктон перекроет старые.

Покосившись на мистера Дэрроу, я понял, что имел в виду доктор: несмотря на то, что адвокат сохранял свою небрежную сутулость, лицо отражало, что ум его работает как динамо-машина.

– Через мгновение, джентльмены, – продолжил мистер Пиктон, – вы услышите, какие улики представит обвинение штата и каких свидетелей вызовет, а потом вы, возможно, пожелаете узнать обо всем этом побольше. Но пока вы будете слушать, в дальней части вашего сознания останется вопрос. И чтобы этот вопрос как можно меньше отвлекал ваше внимание от подробностей, чувствую, мне стоит обратить на него внимание сейчас. Никакие улики и свидетели на всем белом свете не избавят вас от недоумения: как это женщина может быть виновна в подобном преступлении? Наверняка надо быть сумасшедшей, чтобы совершить такое. Но никакого безумия у женщины, сидящей перед вами, не наблюдалось, а защита не стремится выставить ее сумасшедшей. И дети ее

не были рождены вне брака – это еще одно частое объяснение детоубийства, убийства своих собственных потомков. Нет. У Томаса, Мэтью и Клары Хатч был дом, отец, чье имя они носили, и мать, чей разум был и остался совершенно здоровым. Так как же, спросите вы себя, это могло приключиться? Время и правила процедуры не позволяют мне в данный момент приводить доводы обвинения на сей счет – это сделают улики. Я прошу сейчас лишь об одном: чтобы вы осознавали нежелание своего разума допустить даже возможность того, что подобные доводы могут оказаться верными. Потому что правосудие сможет свершиться, лишь если вы преодолеете свое предубеждение, как те из нас, кто расследовал это дело, были вынуждены против воли – да, я вновь повторяю, *против воли!* – преодолеть свое. – Прервавшись еще раз, дабы убедиться, что присяжные уяснили его слова, мистер Пиктон глубоко вздохнул и продолжил: – Что же касается вопроса средств и возможностей, доказательства покажут...

Тут наш друг приступил к подробному, но быстрому рассмотрению каждой косвенной улики, что мы собрали, перейдя после этого перечисления к обсуждению того, что двум его главным свидетелям – миссис Луизе Райт и преподобному Клэйтону Паркеру – предстояло сказать относительно возможных мотивов Либби Хатч для совершения преступления.

– Ну, Мур, – прошептал во время всего этого доктор, – выкладывается он что надо. Даже я уже почти поверил, что он ведет это дело против воли.

– Говорил я вам, – отозвался мистер Мур, глядя на мистера Пиктона и кивая, – он просто *рожден* для этого дела.

– И какая странная перемена, – добавила мисс Говард. – Он сейчас куда больше похож на адвоката, чем на обвинителя.

– В чем и фокус, – сказал Маркус. – Он знает, что Дэрроу собирается использовать отрицательную аргументацию, и потому взялся за положительную. Он *защищает* своих свидетелей и свое дело, еще до того, как на них напали. Весьма умно – и должно изрядно выбить почву у Дэрроу из-под ног.

– Как бы мне хотелось в это верить, – едва слышно вымолвил доктор.

И все мы вновь обратили внимание на мистера Пиктона – тот перешел к уликам, которые обвинение собиралось представить напоследок. Он повернулся к своему столу, словно уже собирался было сесть; но внезапно прервавшись, как будто только что вспомнил о чем-то и не был уверен, стоит ли заводить об этом речь, он прижал палец к губам и снова подошел к скамье присяжных.

– Но вот еще что, джентльмены. Суд и обвинение не выразили возражений относительно представления интересов обвиняемой посторонним адвокатом. Это ее право, и адвокат защиты – опытный юрист. Мне хотелось бы, чтобы вы это помнили. *Весьма* опытный юрист. За годы своей практики он представлял интересы разных клиентов – скромных и сильных, огромных корпораций и безумных убийц. Что же привело его, вполне резонно спросите вы, в наш маленький городок, так далеко от изобильного Чикаго, и, главное, – к этому делу? Обвинение не может делать вид, что здесь обошлось без вмешательства неких сил – ведь обвиняемая, пока обитала в Нью-Йорке, нашла работу у одних из самых могущественных людей этого метрополиса. И они, вполне естественно, постарались поддержать ее в сей трудный час. И потому обратились за пределы штата за помощью, как я уже говорил, очень опытного юриста. Это их дело... Но вам следует по крайней мере отдавать себе отчет: в процессе приобретения всего своего опыта адвокат защиты кое-что да узнал о присяжных. Он узнал, как они думают, как они чувствуют и как относятся к ужасной ответственности за разрешение судьбы собрата-человека путем смертного приговора. Да, вы, несомненно, немало услышите о *вашей* ответственности, когда адвокат защиты начнет свою вступительную речь.

И мистер Пиктон впервые весьма скупно улыбнулся двенадцати лицам перед собой.

– Но *в чем же* заключается ваша ответственность, джентльмены? – спросил он, вновь напуская на себя бесстрастность. – Во взвешивании улик и свидетельских показаний, кои будут представлены вам обвинением, равно как и защитой. Не менее – но и не более того. Адвокат защиты попросит вас поверить, что не собирается влиять на ваши эмоции и естественные симпатии, что желает лишь представить вам самые открытые и честные доводы, так что если вы решите, что эта женщина виновна, ответственность за то будет *вашей* и только *вашей*. Но, джентльмены, наша система суда присяжных веками совершенствовалась средством удостовериться, что ни единому человеку никогда не придется ощутить власть над чужой судьбой, будто в уподобление Всевышнему. В *вашей* ответственности – лишь взвесить то, что вам представят. Тогда как ответственность адвоката защиты и обвинения – соответственным образом подготовить и представить свои возражения. Если вы сочтете, что подсудимая невиновна, ответственность тут не *ваша* – она ложится на обвинение штата. На *меня*, джентльмены. А верное с одной стороны, верно и с другой. Вы – не древняя инквизиция, уполномоченная и наделенная

властью своевольно решать судьбу своих собратьев. Будь оно так, конечно же, вы несли бы ответственность за происходящее здесь. Но сие не в ваших полномочиях. Ваша задача – просто слушать: доказательства, свидетелей и голос сомнения внутри себя. Если я не смогу утихомирить этот голос до разумных пределов – значит, вы должны проголосовать против обвинения. И поверьте мне, джентльмены, ответственность ляжет именно на *обвинение штата*. – Мистер Пиктон повернулся, глянул на мистера Дэрроу и добавил: – Так, во всяком случае, это принято в штате Нью-Йорк.

Потом, вновь вернувшись к своему столу, он тяжело вздохнул и сел, извлек часы, положил перед собою и сосредоточил на них взгляд.

Судья Браун несколько секунд изучал мистера Пиктона, и в его взгляде сочетались досада и, что называется, невольное уважение; потом он обернулся к столу на другом конце комнаты:

– Мистер Дэрроу? Не соблаговолит ли защита теперь огласить свои вступительные замечания – или же станет ждать открытия собственного процесса?

Мистер Дэрроу медленно встал и чуть улыбнулся судье; его привычная прядь волос упала на лоб.

– Я как раз обдумывал этот вопрос, ваша честь, – сказал он. Голос его звучал глубже и ровнее, чем раньше. – Полагаю, вам нечего мне посоветовать?

В толпе тихо захихикали, отчего судья Браун схватил молоток – но народ утихомирился, прежде чем тот принялся стучать.

– Кажется, сейчас не совсем время для легкомыслия, адвокат, – строго сказал судья.

Улыбка мистера Дэрроу испарилась, а морщины на его лице будто углубились от беспокойства.

– Нет – конечно же, нет, ваша честь, и я извиняюсь за подобный тон. Защита продолжает и сейчас приступит, с вашего позволения. – Медленно выйдя из-за своего стола, мистер Дэрроу очень медленно подошел к скамье присяжных: плечи его сгорбились, как у человека, несущего тяжкую ношу. – Мои извинения были искренни, джентльмены, – подчас замешательство приводит к неподобающему поведению. И я признаю, что обвинение ввело меня в изрядное замешательство, и не только в связи с этим делом. Мистер Пиктон, похоже, знает обо мне поразительно много – знает и то, что я должен вам сказать и какие слова собираюсь использовать. Понимаю, я давно не мальчик, но не думал, что уже *настолько* постарел и закоsnел в своих методах. – Присяжные заулыбались мистеру Дэрроу, и тот кратко ответил им взглядом. – По его словам я получаюсь вполне опасной

персоной, не так ли? Что ж, будь я сейчас на вашем месте, я бы, признаться, был настороже и готов к юристу из большого города, собирающемуся... как обвинение сформулировало это?.. «повлиять на ваши эмоции и естественные симпатии». Та еще работенка – заставить двенадцать взрослых мужчин плясать, будто кукол, всех как одного, – и признаюсь вам, джентльмены, я на это не способен. Особенно в таком замешательстве...

Мистер Дэрроу положил руку на шею и резко ее потер, скосив глаза.

– Видите ли, обвинение, похоже, хочет, чтобы вы поверили, будто оно, обвинение, оставило бы все это при первой возможности – что оно спокойно занималось своими делами, как вдруг объявилась маленькая девочка, Клара Хатч, разрывающаяся от желания поведать свою версию случившегося на Чарлтон-роуд 31 мая 1894 года. Но, джентльмены, правда выглядит несколько иначе. Правда заключается в том, что после... после кошмара, невообразимой трагедии на Чарлтон-роуд, моя клиентка, мать Клары Хатч, осталась в таком опустошенном состоянии, что понимала: она не сможет ухаживать за девочкой, которой теперь требуется столько внимания. И как же она поступила? Она согласилась передать заботы о дочери двум хорошим, добрым жителям города, Иосии и Руфи Вестонам – большинство из вас знает их, – пока сама отправилась добиваться для себя и нее нового будущего, дабы найти убежище от ужасов прошлого. Она несомненно намеревалась вернуться за Кларой, когда настанет день и девочка поправится достаточно, чтобы покинуть Вестонов. До последнего времени она полагала, что этот день по-прежнему слишком далек. Но вдруг получила весть о том, что Клара восстановила способность говорить – получила ее от шерифа Даннинга, который приехал в Нью-Йорк арестовывать мою подзащитную. И что же, предположительно, первым долгом сказала маленькая Клара после трех лет мучительного молчания? Что в нее стреляла родная мать. Эта измученная, запуганная девочка в один прекрасный день вновь обретает общение с миром – что само по себе событие весьма важное – и без принуждения предлагает обвинению штата объяснение своего трагичного случая, причем такое, что ни единой деталью не совпадает с рассказом, принятым всеми в этом округе три года назад, но при этом, оказывается, *раскрывает* имя виновного в преступлении, имя, кое с легкостью может прибрать к рукам обвинение.

Мистер Дэрроу убрал руку с шеи и пожал плечами резким, преувеличенным движением.

– Драматичная информация, джентльмены. И с трудом поддающаяся опровержению – будь она верной. Но суть в том, что история эта не верна.

Клара Хатч отнюдь не проснулась однажды утром, готовая рассказать свою сказку и намеренная так и поступить – нет, ее тщательно тренировали, тренировали и *подталкивали* обратно в мир речи. И кто же? Тот самый человек, что сидит сейчас за обвинителем штата. – Мистер Дэрроу не взглянул при этом на доктора – зато так поступили все в зале суда. – Человек, который всю жизнь работал с детьми, ставшими жертвами трагедий и насилия. Человек, который всю последнюю *неделю* провел за оценкой психического состояния моей клиентки и которого вызовут в качестве свидетеля выступить по этому вопросу – и вызовет его сторона обвинения. – Наконец мистер Дэрроу посмотрел в нашу сторону. – Доктор Ласло Крайцлер. Имя это может быть незнакомо вам, джентльмены, как и жителям округа Саратога в целом. Но оно весьма известно в Нью-Йорке. Весьма известно. Некоторыми уважаемо. Прочие же... – Тут мистер Дэрроу снова пожал плечами. – Джентльмены, вас вполне может удивлять, чем и кем был вызван мой приезд сюда из Чикаго для защиты обвиняемой. *Меня* же удивляет, чем и кем объясняется приезд этого незнакомца, этого *алиениста*, сюда, из сумасшедших домов Нью-Йорка, дабы склонить маленькую девочку к рассказу всему миру о том, что в нее стреляла родная мать. Вот что смущает *меня*, джентльмены. Вот что беспокоит «очень опытного юриста» до того, что я даже не в состоянии как следует собраться с мыслями, чтобы суметь «повлиять на ваши симпатии». Что бы *это* ни значило...

Мы, сидящие в первых двух рядах за мистером Пиктоном, широко раскрыв глаза, тревожно уставились друг на друга – ведь если мистер Пиктон обращался к присяжным красноречиво, мистер Дэрроу говорил на их собственном языке, и мы все это понимали.

Вновь устало потирая шею, мистер Дэрроу извлек носовой платок и принялся промокать бисеринки пота, которые с приближением полудня начали все быстрее и быстрее выступать на его лице.

– Ваша честь, – проговорил он очень мягким и печальным голосом, – жизнь сталкивает нас со множеством событий, остающихся необъяснимыми. Некоторые из них изумительны, некоторые же ужасающи. Быть может, это довольно простая идея, но, как и множество других простых вещей, она полна смысла. Потому что разум склонен отвергать то, что не способен объяснить, – отвергать, бояться и поносить это. Так вышло и в данном случае, особенно у тех людей, чья работа – раскрывать преступления и отправлять правосудие штата. Помощник окружного прокурора называет объяснения моей клиентки насчет случившегося тем вечером «фантастическим» рассказом. Что ж... может, так оно и есть. Но

это не делает сие объяснение ложным. Это даже не делает его сложным. Вспомните ее рассказ – когда она везла детей домой после долгого дня, который все они вместе прекрасно провели в городе и на берегу озера, ее остановил некий очевидно сумасшедший негр, попытался напасть на нее и начал угрожать детям, когда она засомневалась, стоит ли уступать ему. Этот человек был дик, безумен, безрассуден – и когда моя клиентка совершила неожиданное движение, кое нападавший принял за сопротивление, он застрелил детей и сбежал.

Сунув руки в карманы брюк, мистер Дэрроу обернулся к скамье присяжных:

– Знаю, вам вряд ли приходилось часто сталкиваться с подобным поведением здесь, в Саратоге. Но это еще не значит, что такого не могло приключиться. В Чикаго подобное творится каждую неделю. Может, нам стоит спросить доктора Крайцлера – чье положение позволяет судить, джентльмены, – о том, сколько раз *на дню* такое случается в Нью-Йорке. Там это тоже «фантастика»? Или же только *здесь*, потому что Боллстон-Спа – тихий приятный маленький городок? Обвинение собирается сообщить вам, что, поскольку никто, кроме моей клиентки, так ни разу и не видал и следа того безумца, его вовсе не существует. Но помните, джентльмены, – прошли *часы*, прежде чем моя клиентка смогла наконец достаточно внятно поведать, что же именно случилось на Чарлтон-роуд. Время, более чем достаточное для такого человека, чтобы добраться до железнодорожной станции и укрыться в вагоне или же незаметно проникнуть в фургон при погрузке, и на следующее утро оказаться уже далеко от поисковых партий БоллстонСпа. Может, он объявился в Чикаго. Может, в Нью-Йорке. Времени у него было предостаточно. Может, его, вопящего о каких-то белых детях, которых он застрелил, задержала нью-йоркская полиция, коя, не обнаружив на вверенной территории никаких застреленных белых детей, сочла его ненормальным и отправила в знаменитый «Павильон безумцев» больницы Беллвью. И, быть может, доктор Крайцлер – немало работающий в этой больнице, – был призван для проведения, как говорят алиенисты, «оценки» психического состояния этого человека. Может, он решил, что у парня галлюцинации. Может, несчастное создание до сих пор там, гниет в своей камере, мучимое снами о тех троих детях в подводе...

Тут мистер Дэрроу уставился в пол – в голосе его проскальзывали рассеянные, беспокойные нотки. Потом его брови внезапно нахмурились, и он встряхнулся.

– Суть, джентльмены, – продолжил он, – в том, что мы, возможно, так и не узнаем ответа. Это дело, как и случаются каждый год тысячи

похожих на него, осталось нераскрытым – так все они становятся кровоточащей раной на душе нашего общества. Мы хотим затянуть эти раны – само собой. Кому понравится вершить ежедневные дела с мыслью о том, что в любой момент с обочины может выскочить сумасшедший и лишить человека вещей – или, что куда ужаснее, людей, – ценимых им превыше всего? Никому из нас. И потому мы ищем решения, предпринимаем меры безопасности, и каждый раз, когда получаем их, говорим себе, что уже намного ближе к полной защите и полной надежности. Но это иллюзия, джентльмены, – иллюзия, и я не собираюсь смотреть, как в жертву ей приносят мою клиентку. Обвинение может расслабиться, полагая, что предало правосудию убийцу Томаса и Мэтью Хатчей – равно как и жители этой общины. Но от того сии обвинения не станут правдивее или достовернее для тех, у кого хватает смелости отступить назад и взглянуть на все в холодном свете разума. Обвинение уже сообщило вам, какие улики собирается представить и каких свидетелей вызвать для доказательства своих заявлений. А я говорю вам сейчас, что на каждый из этих пунктов защита выставит доказательства или свидетелей – экспертов и прочих, – кои опровергнут обвинение шаг за шагом.

Подняв крупный палец и указав им в сторону мистера Пиктона, мистер Дэрроу атаковал:

– Они скажут вам, что располагают подтвержденным «экспертами» вещественным доказательством того, что револьвер, из которого стреляли в детей Хатч, принадлежал их отцу, и воспользовалась им их мать. Но вся эта теория основывается на судебной «науке», о которой, как объяснят вам свидетели-эксперты защиты, еще не стоит и говорить. Потом обвинение сообщит вам, что у моей клиентки имелась финансовая и романтическая заинтересованность в смерти своих детей. Но, джентльмены, – досужие слухи местных кумушек еще не доказательство! – Распаяясь, мистер Дэрроу обернулся, чтобы взглянуть на галереи – то было первое в самом деле быстрое его движение. – И, наконец, они поведают вам, что моя клиентка вменяема, и, будучи вменяемой, заслуживает водворения в ужасную маленькую комнатку в тюрьме штата, привязывания к стулу – которому место скорее в подzemелье какого-нибудь кровожадного средневекового тирана, нежели в Соединенных Штатах, – а затем ее следует подвергнуть ужасной мощи электричества до самой смерти – и все ради того, чтобы обвинение штата могло объявить, что дело закрыто, а жители могли наконец вновь обрести свое «спокойствие»!

Тут, внезапно осекшись и переведя дыхание, мистер Дэрроу беспомощно опустил руки.

– Ну конечно, так оно все и есть, а, джентльмены? Да, моя клиентка вменяема. И в ближайшие дни вы услышите – от людей, обладающих немалым опытом в этих делах, – что ни одна нормальная женщина не могла бы и не стала бы вершить такое насилие над собственными детьми. О да, обвинение приведет вас прецеденты – они расскажут массу жутких баек о женщинах, творивших подобные преступления в прошлом, признанных вменяемыми судом и в наказание навеки заключенных или же повешенных. Но, джентльмены, – прежние несправедливости не должны обнадеживать вас насчет допущения несправедливости здесь. Да, такие женщины были. Но вы узнаете – снова же от людей, тщательно изучавших сии дела, – что женщины эти тоже страдали от ужасных психических расстройств и что они пали жертвами той жажды, что управляет обвинением сейчас. Жажды не справедливости, но мести – мести и, пожалуй, в еще большей степени, дабы покончить с неловкостью, *страха*, порожденного отвратительным преступлением, не находящим никакого разрешения.

Расхаживая перед скамьей присяжных, мистер Дэрроу снова принялся терзать свою шею.

– Джентльмены, я не могу объяснить вам, почему все это случилось. Я не могу объяснить вам многих вещей – не могу объяснить, почему младенцы рождаются мертвыми и уродливыми, почему молнии и циклоны в одно мгновение без всякого предупреждения рушат жизни и дома и почему болезни уносят добрые, но невезучие души, оставляя прочих влачить долгое и бесполезное существование. Но я знаю, что такое происходит. И я никак не могу понять... если бы тем вечером с неба ударила молния и положила конец жизням этих троих несчастных деток – точно так же, как обвинение нынче старается положить конец жизни их матери, – стала бы контора окружного прокурора пытаться выманить у небес оправдание, чтобы жители этого округа и этого штата могли спать спокойно? Поскольку в конечном счете это единственное место, куда, вероятно, можно обратиться за оправданием того, что случилось на Чарлтон-роуд 31 мая 1894 года, – к небесам. Стараясь найти ответ здесь, в этом зале суда, вы лишь подавляете ужас. И потому вы – да, *вы*, и окружной прокурор, и все остальные участники – понесете ответственность. Детей миссис Хатч убил случайный преступник, но *ее* смерть станет совершенно иной. В самом деле, совершенно иной...

На этом мистер Дэрроу торжественно вернулся к своему столу и сел. Он так и не обернулся к Либби Хатч, но она быстро глянула на него – и в ее глазах был свет надежды, быстро превратившийся в пугающий блеск триумфа, когда она перевела взгляд с мистера Дэрроу на всех нас, сидящих

за мистером Пиктоном. Было вполне очевидно – она решила, что сможет спастись; и, обзрев лица присяжных и людей в зале, я, честно говоря, не осмелился бы утверждать, что она заблуждается. И мысль сия произвела на меня странное действие: внезапно все мои мысли сосредоточились на маленькой девочке Линаресов и Кэт, и том, что приключится с ними обеими, ежели нашей Либби позволят выйти из зала суда свободной женщиной, – возможность сия доселе ни разу не казалась такой близкой.

Судя по выражениям лиц доктора с мистером Пиктоном, эти двое тоже осознавали, какой был нанесен ущерб. Присяжные и толпа, кои, вероятно, купились бы и на скудную защиту Либби Хатч, приняли осторожные, опытные и страстные слова мистера Дэрроу близко к сердцу. Так что сейчас улики и свидетельские показания становились нашей единственной надеждой – более чем когда-либо. И в тот день со стуком молотка началась процедура их представления, и показания давать вызвали Клару Хатч.

Глава 44

Испуганная маленькая девочка с семьей прибыла в суд во время дневного перерыва в сопровождении шерифа Даннинга и отряда специально отобранных помощников. Доктор постарался оказаться у задней двери, чтобы встретить Клару, и, судя по выражению лица девочки при виде ожидающей ее толпы, поступил очень правильно: даже во времена моего бывшего жития на улице я редко видывал детей в таком замешательстве и отчаянии. Клара, всматриваясь в джунгли лиц и тел, столпившихся вокруг их повозки, успокоилась, похоже, лишь когда ее золотисто-карие глаза узрели доктора, и она натурально слетела на землю, стремясь добраться к нему. Какие-то газетчики поблизости особенно заинтересовались этим явлением, по причинам, что были мне не вполне понятны, пока я не вынудил себя взглянуть на все это дело с противоположной точки зрения: при склонности полагать, что доктор контролирует и провоцирует слова и поступки Клары, ее очевидная насущная жажда быть ближе к нему могла и впрямь показаться зловещей.

Вестоны проследовали за Klarой и доктором в здание суда, а люди шерифа Даннинга растянулись цепочкой перед задней дверью, сдерживая толпу любопытных снаружи. Мы же поднялись на второй этаж здания, расселись в кабинете мистера Пиктона и подкрепились бутербродами, которые Сайрус взял у миссис Гастингс. Мы пытались сохранять веселье, как только могли с учетом обстоятельств, и никто ни слова не проронил о процессе – но, казалось, ничто не способно было подбодрить Клару. Она совсем не ела, только отпивала лимонада, что дал ей Сайрус; и каждый раз, когда она ставила стакан на стол, ее здоровая рука, липкая от лимонного сока и сахара, тянулась к мистеру Вестону или к доктору, которые сидели по краям от девочки. Словно вовсе не слыша легкой беседы и натянутых шуток, витавших в комнате, она лишь как-то безразлично смотрела на наши лица, пока не настало время возвращаться в суд; и тогда, решив, что никто не обращает внимания, она подняла взгляд на доктора.

– Моя мама здесь? – очень тихо спросила она. Доктор кивнул, мягко улыбнулся, но очень серьезно посмотрел ей в глаза:

– Да. Она внизу.

Клара начала стучать ногами по ножкам стула и опустила голову, уставившись себе на колени.

– Это мое выходное платье, – сказала она, осторожно расправляя

здоровой рукой светло-голубую ткань с цветочным рисунком. – Я не захотела есть, чтобы оно не запачкалось.

Миссис Вестон улыбнулась ей:

– Клара, милая, не волнуйся об этом. Если ты голодна...

Но Клара только помотала головой, так резко, что ее широкая коса метнулась вперед и обнажила часть ужасного шрама на задней части шеи.

Доктор поднял руку и коснулся ее макушки:

– Весьма благоразумно. Если бы ты только могла научить такому благоразумию Стиви. Его одежда большую часть времени пребывает в чудовищном состоянии.

Клара быстро покосилась на меня и улыбнулась.

– Ага, – кивнул я. – Я просто как свинья из хлева, ничего не могу с этим поделать. – И, чтобы подчеркнуть свои слова, выронил кусочек ростбифа с бутерброда на рубашку – что вызвало у нашей свидетельницы тихий скрипучий смех. Потом она быстро и смущенно отвернулась.

К двум часам мы вернулись на места в главном зале, а Вестоны остались ждать снаружи вместе с Кларой. Мистер Пиктон решил начать дело с показаний бывшего шерифа, Мортон Джозунза, седого старикана крутого нрава, который выглядел так, будто провел большую часть своей отставки за барной стойкой. Джозунз поведал о том, что обнаружил, когда прибыл в дом Хатчей ночью 31 мая 1894 года, и какие действия предпринял в той ситуации, включая звонок мистеру Пиктону. Сие резюме познакомило присяжных с основными фактами дела, фактами, которые мистер Дэрроу никоим образом не стал оспаривать; когда настала его очередь перекрестного допроса свидетеля, он отказался от этой возможности.

Следующим перед судом предстал мистер Бенджамин Лоуренс, тогдашний коронер. Он рассказал, как по прибытии в дом Хатчей обнаружил миссис Хатч в состоянии крайней истерии, а окровавленные дети были уложены на диваны и стол в гостиной. Он дал матери для успокоения настойку опия, затем приступил к детям, быстро определив, что Мэтью и Томас мертвы. Но Клара была еще жива, хотя Либби и домоправительница, миссис Райт, думали иначе. Засвидетельствовав, что пульс девочки, хотя и очень слабый, вполне прощупывался, доктор Лоуренс продолжил и сообщил, что дал ей полтаблетки нитроглицерина и ввел в руку бренди, чтобы подстегнуть ее сердце. После этого принялся останавливать кровотечение. Но сама рана оказалась за пределами его возможностей, и он позвонил в Саратогу, чтобы попросить как можно скорее приехать доктора Джейкоба Дженкинса, специалиста-хирурга. Дженкинс должен был давать показания вслед за Лоуренсом, но прежде

чем закончить с первым свидетелем-медиком, мистер Пиктон не забыл спросить, не обездвигило ли каким-то образом Либби ее истерическое состояние. Отнюдь нет, ответил доктор Лоуренс, – когда он добрался до их дома, миссис Хатч носилась по всем комнатам с необычайной скоростью.

– Будто у нее имелась какая-то цель, верно? – уточнил мистер Пиктон.

Доктор Лоуренс уже было согласился, но тут вскочил мистер Дэрроу:

– Должен выразить протест, ваша честь. Вопрос вынуждает свидетеля к гипотетическому ответу, но он не мог знать, о чем думала или что собиралась сделать миссис Хатч.

– Протест принят, – кивнул судья Браун. – Я предупреждал вас, мистер Пиктон, – никаких намеков. Присяжные игнорируют вопрос обвинения.

Вновь подавшись вперед, я услышал, как доктор Крайцлер бормочет:

– Если смогут. – Потом увидел, как он прикрыл улыбку рукой.

Мистер Пиктон задал напоследок еще несколько вопросов доктору Лоуренсу. Присутствовал ли он в доме Хатчей, когда миссис Хатч рожала детей? Доктор Лоуренс отвечал: разумеется. И каково же было состояние миссис Хатч после третьих родов? Открывая частичку информации, предназначенной для подготовки присяжных к подразумеваемому заявлению мистера Пиктона о том, что Либби в действительности терпеть не могла своих детей (а заодно и соответствовавшей нашим предположениям в самом начале этого дела), доктор Лоуренс сообщил, что рождение маленького Томми было трудным, и мать после него оказалась не способна больше иметь детей. Мистер Дэрроу возразил против существенности сих сведений, и в качестве ответа мистер Пиктон сел, передав свидетеля своему оппоненту. Но адвокат защиты снова отказался от возможности перекрестного допроса.

Так он поступил и с доктором Дженкинсом: после того, как мистер Пиктон ознакомился с воспоминаниями свидетеля относительно лечения Клары Хатч – особо сосредоточившись на том, чтобы присяжные поняли: между пулевым ранением девочки и ее немотой в течение трех лет нет никакой связи, – настало время вопросов защиты. Но мистер Дэрроу лишь быстро встал со словами:

– Пока у нас нет вопросов, ваша честь, – и снова сел.

С галерей донеслись кое-какие замечания, и судья Браун начал потирать свою седую шевелюру с несколько обеспокоенным видом.

– Мистер Дэрроу, – медленно произнес он, – я понимаю, у вас на западе к этому подход иной – но, полагаю, вы все же следуете неким основным правилам процедуры уголовного процесса?

Мистер Дэрроу улыбнулся и встал, как будто даже робко хихикнув:

– Я благодарен суду за его заботу. Дело лишь в том, ваша честь, что у защиты нет никаких возражений обвинению относительно того, что случилось сразу же *после* стрельбы. По крайней мере, не в отношении *этих* свидетелей.

Толпа вроде бы сочла сию информацию обнадеживающей; судья же Браун несколько раз кивнул и проговорил:

– Очень хорошо, адвокат. Если вы понимаете, что происходит.

– Я стараюсь как могу, ваша честь, – ответил мистер Дэрроу и сел.

Судья обратился к мистери Пиктону:

– Обвинение может вызвать следующего свидетеля.

Мистер Пиктон встал и глубоко вздохнул – и я заметил, как доктор крепко схватился за подлокотники своего стула, да так, что костяшки его побелели.

– Ваша честь, – сказал мистер Пиктон, – у обвинения на сей раз есть необычная просьба.

Маленькие глаза судьи Брауна распахнулись широко, как только могли:

– В самом деле?

– Да, ваша честь. Следующий свидетель обвинения – Клара Хатч. Кларе всего восемь лет, она не видела свою мать – свою *родную* мать, я хочу сказать, – больше трех лет. Не сомневаюсь, жители Боллстон-Спа, – тут мистер Пиктон окинул зал взглядом, в котором, по мне, могло быть и чуть больше, что называется, *расположения* к собравшимся, – снисходительны и деликатны в подобных вопросах, как и любая другая община. Но, с учетом вышеупомянутых особых соображений, обвинение пожелало бы попросить очистить зал на время свидетельских показаний Клары Хатч.

– Хм-м, – протянул судья Браун, дергая за одно из своих обезьяньих ушей. – Обычно я не сторонник закрытых заседаний, мистер Пиктон. По мне, они отдают Старым Светом. Но признаю, что вы, возможно, правы. Что скажете, мистер Дэрроу?

Встав еще медленнее, чем это было в его обычной практике, адвокат наморщил лоб.

– Ваша честь, – произнес он так, будто это далось ему с немалым трудом, – как и суд, мы признаем, что это особый свидетель, с которым нужно обходиться осторожно. Но – и я говорю это с весьма смешанными чувствами, – обвинение уже заявило, что эта маленькая девочка – главный свидетель. И она уже была на закрытом заседании, перед большим жюри. Сейчас, повторюсь, я сочувствую эмоциональности ребенка, но – ваша честь, от процесса зависит *жизнь* моей клиентки. Каков бы ни был возраст

девочки – если ее слова могут отправить мать на электрический стул, что ж, тогда, полагаю, она должна суметь сказать их перед той же аудиторией и при том же давлении, что и все прочие свидетели, что должны здесь появиться.

Галерка, больше из своих эгоистичных соображений, нежели из каких-то еще, одобрительно зашумела; но судья на сей раз без колебаний пресек гул своим молотком.

– Суд осведомлен, – сказал он, холодно оглядывая зал, – о предвзятости наших зрителей в этом отношении – поэтому давайте обойдемся без дальнейших комментариев, или же я *и в самом деле* очищу зал, и быстро! – Прервавшись, чтобы взглянуть, сколько уйдет у зрителей, чтобы ему подчиниться (всего несколько секунд), судья снова посмотрел на мистера Пиктона. – Суд ценит заботу обвинения, – изрек он. – И могу заверить вас, если во время показаний девочки я услышу с галереи хоть звук упавшей булавки, я удовлетворю вашу просьбу. Но до этих пор, боюсь, первоочередными останутся соображения защиты. Девочка нервничает, это понятно – но обвиняемая тоже нервничает. Вызовите свою свидетельницу, мистер Пиктон.

Мистер Пиктон нахмурился и протянул руки:

– Но, ваша честь...

– Свидетельницу, сэр, – повторил судья, откидываясь в кресле.

Вздохнув, мистер Пиктон уронил руки:

– Хорошо. Но я не премину напомнить суду о его обещании относительно поведения на галереях, если поведение сие станет мешать самообладанию моей свидетельницы.

Судья Браун кивнул:

– Если вам удастся придраться к поведению наших гостей до того, как это сделаю я, мистер Пиктон, я буду крайне удивлен. Как бы то ни было, не стесняйтесь дать мне знать, ежели такое произойдет. А пока – приступайте к делу.

Еще раз глубоко вздохнув, мистер Пиктон посмотрел на Ифегению Блейлок и произнес:

– Обвинение вызывает Клару Хатч.

И, повернувшись к большим дверям красного дерева, кивнул охраннику Генри; тот открыл одну створку и тихим, но твердым голосом провозгласил:

– Клара Хатч.

И они вошли: маленькая девочка в простом летнем платье, левой рукой придерживающая правую, в сопровождении мистера и миссис Вестон, вид

у которых был такой, точно пылающие взгляды каждой пары глаз в зале обжигали их. Народ на галерке был по большей части из тех, кого Вестоны знали не один год, но в такие минуты годы знакомства и дружбы бывают разбиты и растоптаны более сильным давлением смятения, подозрений и самого обычного страха. Клара начала осматривать толпу, быстро вертя маленькой головой – а найдя взглядом лицо доктора, девочка больше не отрывалась от него, будто он был маяком, способным провести маленький кораблик ее жизни в безопасную гавань после бури, что ждала за дубовым ограждением в конце прохода. Когда Клара посмотрела на доктора, я обернулся взглянуть на Либби Хатч: мать девчушки – ее «родная мать», как подметил мистер Пиктон – увидела, что взгляд Клары сосредоточился на докторе, и жалобное, любящее выражение, кое эта женщина умудрилась натянуть на лицо в попытке привлечь Клару, быстро скисло до ревности – и ненависти. Но лишь только пристав провел девочку к другой стороне перегородки, Либби вновь удалось сменить свою маску – и хоть на сей раз эта гримаса была уже не столь нежной, как поначалу, она все равно оказалась ближе всего к этому чувству, нежели все ее лица, виденные мною доселе.

Примерно на полпути к месту дачи показаний Клара остановилась, словно почувствовав взгляд пары золотистых глаз, сверлящий ее затылок; она медленно обернулась и взглянула на женщину в черном платье, что сначала кротко улыбалась ей, а потом внезапно зажала рот руками, задыхаясь и всхлипывая. С удивительно спокойным видом Клара произнесла три простых слова – «Не плачь, мама», невероятно взрослым и серьезным голосом; и звук этого голоса заставил всех на галерке попросту онеметь – как нема была сама свидетельница три последних года.

Отвернувшись, Клара вошла на возвышение и подняла здоровую левую руку, следуя процедуре, к которой ее долгие часы готовил доктор. Пристав Коффи, предупрежденный мистером Пиктоном, взял безжизненную правую руку девочки и возложил ее на Библию.

– Клянетесь ли вы торжественно, – произнес он мягче, чем обычно – что показания, которые вы собираетесь дать этому суду...

– Клянусь, – прежде времени сказала Клара, впервые явно продемонстрировав свою нервозность.

Пристав Коффи поднял палец, призывая ее подождать:

– ... будут правдой, только правдой и ничем кроме правды, и да поможет вам Бог?

– Клянусь, – повторила Клара, слегка покраснев.

– Назовите свое полное имя, пожалуйста, – продолжил пристав

Коффи.

– Клара Джессика Хатч, – тихо ответила она.

Потом, по знаку Коффи, девочка села. И снова быстро покосилась на мать, но столь же быстро обернулась еще раз взглянуть на доктора. Он чуть кивнул ей – довольно решительно, дабы дать понять, что все идет хорошо. Наконец мистер Пиктон встал и подошел к месту свидетеля.

– Привет, Клара, – сказал он осторожно, но все же довольно бодро. Девочка открыла было рот, чтобы ответить, но сумела лишь кивнуть и перенесла правую руку обратно на колени. – Клара, – продолжил мистер Пиктон, – я хочу, чтобы ты рассказала этим джентльменам... – Он жестом показал на присяжных. – ... все, что случилось вечером 31 мая, три года назад. Своими словами. Можешь сделать это для меня, Клара? – Девочка помолчала, изо всех сил стараясь не смотреть на мать. Через несколько секунд она кивнула. – Тогда, пожалуйста, – подбодрил мистер Пиктон, – начинай.

Клара глубоко вздохнула, пальцы левой руки сомкнулись на недвижимом правом предплечье и сильно сжали его. И, выдохнув воздух из легких, она начала свой рассказ, по-прежнему скрипучим, но смелым голосом.

– Мы поехали в город, купить кое-что. А потом на озеро...

– Озеро Саратога? – уточнил мистер Пиктон.

– Да. Летом мы иногда туда ездили. Смотреть, как солнце заходит. А еще там бывают фейерверки. Но Томми захотел спать еще до фейерверков. А у Мэтью расстроился животик из-за того, что он съел слишком много ирисок. Потому мама сказала, что нам лучше ехать домой.

– «Мама»? – спросил мистер Пиктон. – Клара, видишь ты сейчас где-нибудь здесь свою маму? – Девочка быстро кивнула. – Покажи на нее, пожалуйста. – Оглянувшись еще быстрее, чем прежде, Клара украдкой взглянула на Либби, а потом снова понурилась, указав в сторону места защиты.

– Занесите в протокол, – отметил мистер Пиктон, – что свидетельница опознала в обвиняемой, миссис Элспет Хантер, свою мать, бывшую миссис Элспет Хатч, более известную как Либби Хатч. – После этого он подошел поближе к Кларе и опять смягчил голос: – Все в порядке, Клара. Скажи мне, ты *хотела* тем вечером уезжать с озера?

Девочка покачала головой, следя за тем, чтобы коса оставалась сзади на шее:

– Нет, сэр – я хотела посмотреть, как пускают ракеты.

– А твоя мама – она тоже хотела увидеть ракеты?

– Да. Но она сказала, что нам надо отвезти домой Томми и Мэтью.

– Это ее радовало?

– Нет, сэр. Она была... ну, будто буйная. Она иногда бывала как буйная.

– Она сказала что-нибудь, из чего ты решила, что она снова как буйная?

Клара еще раз кивнула, на этот раз нехотя:

– Она сказала – неважно, чего хочет она сама, и никогда не было важно. Что ей вечно приходится заботиться о нас, а не делать то, чего хочется ей самой.

– Она говорила тебе, чего именно ей «хочется»?

Клара пожала плечами – по крайней мере, одним, здоровым плечом:

– Думаю, она имела в виду ракеты.

Дав девочке сделать несколько вздохов, чтобы успокоиться, мистер Пиктон подождал, а потом произнес:

– Ну что ж, Клара, – потом вы сели в подводу, чтобы ехать домой?

– Да, сэр.

– А твоя мать *сделала* что-нибудь, когда вот так разозлилась?

Личико Клары озадачилось:

– Она нас не шлепала, и ничего такого, если вы об этом. Она только сказала мне погрузить мальчиков в подводу, и потом мы тронулись.

– Сказала тебе? – переспросил мистер Пиктон, подходя к присяжным и нацепляя на себя удивленный вид. – Это не она сажала мальчиков в подводу?

– Она попыталась, – ответила Клара. – Но Мэтью начал плакать. Так что она велела сделать это мне, а сама пошла к воде умыть лицо.

Мистер Пиктон посмотрел на присяжных, что называется, многозначительно.

– Она часто просила тебя позаботиться о мальчиках?

Кивнув, Клара вновь уставилась на свои руки.

– Угу. Это была моя работа.

Мистер Пиктон тоже кивнул, все еще глядя на присяжных, глаза у которых стали такими же расширенными и озадаченными, как у шерифа Даннинга, когда он вышел с заседания большого жюри.

– Понимаю, – произнес мистер Пиктон. – Это была *твоя* работа... а когда мальчики уже оказались в подводе?

– Тогда мама вернулась от воды, и мы поехали домой, – сказала Клара; но слова ее уже не были столь уверенными, как прежде.

Мистер Пиктон, расслышав эту перемену, вернулся к ней и встал так,

чтобы загородить от Клары Либби, и наоборот.

– Но вы *не попали* домой, верно, Клара?

Будто почувствовав облегчение от того, что мать больше не видно, Клара покачала головой уже поуверенней:

– Нет, сэр.

– А почему нет?

Еще один глубокий вздох и еще один взгляд на доктора – и Клара продолжила:

– Мы поехали обратно в город, и были по дороге домой...

– На Чарлтон-роуд? – спросил мистер Пиктон.

Клара кивнула:

– Но внезапно мама направила подводу под большое дерево, прочь с дороги. Тогда уже было темно, и я не знала, зачем она остановилась. Там было страшно, на той дороге.

– А где ты сидела к тому моменту?

– Я была сзади, держала Томми, чтобы он не приставал к Мэтью – тот уже спал.

– Мэтью спал?

– Да, сэр. А я не хотела, чтобы Томми его разбудил, и он снова начал бы плакать из-за своего животика. Мама от этого нервничала. Я спросила ее, зачем мы остановились. Несколько минут она ничего не говорила, просто сидела на скамье и глядела на дорогу. Я спросила еще раз, и тогда она слезла и обошла подводу сзади. В руке у нее была ее сумка. Она сказала, что должна сообщить нам что-то важное.

Услышав, что голос Клары снова начал затихать, мистер Пиктон подбодрил ее:

– Все хорошо, Клара. Что она вам сказала?

– Она сказала, что остановилась... что остановилась...

– Клара?

Глаза девочки остекленели, и сердце мое на минуту ухнуло в пятки, от мысли о том, что она вновь погрузилась в то потрясенное молчание, кое так долго не отпускало ее. Я заметил, как напряглась челюсть доктора, и знал, что он переживает по тому же поводу. Однако мы оба снова вздохнули, когда Клара почти прошептала:

– Она сказала, что видела нашего папу.

Судья Браун наклонился вперед, приложив руку чашечкой к одному из своих больших ушей.

– Боюсь, вам придется говорить чуть громче, юная леди, если это возможно, – сообщил он.

Взглянув на него и тяжело сглотнув, Клара повторила:

– Она сказала, что видела нашего папу. Она сказала, будто папа сообщил ей, что сейчас он вместе с Богом. Будто он сказал ей, что Бог хочет, чтобы мы тоже были с Ним.

Мистер Пиктон сурово кивнул, бросив взгляд на скамью присяжных:

– К сведению жюри присяжных, отец Клары, Дэниэл Хатч, умер 29 декабря 1893 года – приблизительно за полгода до упомянутого вечера. Причиной смерти стал внезапный, – тут мистер Пиктон обернулся и посмотрел на Либби, – *весьма* внезапный и необъяснимый приступ сердечного заболевания.

– Ваша честь, – вмешался мистер Дэрроу, вставая быстро, как только возможно, – подобные инсинуации...

– Мистер Пиктон, – согласился судья, кивнув мистеру Дэрроу и затем обернувшись к помощнику окружного прокурора, – я предупреждал вас...

– Ваша честь, я ничего не имел в виду, – заметил мистер Пиктон, удивленно расширив глаза. – Это чистая правда, все медики Боллстон-Спа осматривали Дэниэла Хатча во время болезни и так и не смогли найти объяснений его состоянию.

– Тогда так и *говорите*, – парировал судья Браун. – Полуправда не лучше лжи, сэр. Продолжайте допрос.

Мистер Пиктон снова обратился к Кларе, смягчив голос:

– А что, как ты думаешь, мама имела в виду, когда сказала, что, по словам папы, Бог захотел, чтобы вы были с Ним?

Клара, как раньше, пожалала левым плечом:

– Не знаю. Я подумала, она имеет в виду – *когда-нибудь*, но...

Кивнув, мистер Пиктон продолжил:

– Но сказать она хотела не это, так?

Клара помотала головой – на сей раз довольно резко, коса сдвинулась в сторону, и тогда стал виден шрам на тыльной стороне шеи; я заметил, что его увидели несколько присяжных и тихо указали остальным.

– Она открыла свою сумку, – проговорила Клара. – И достала папин револьвер.

– Папин револьвер? – уточнил мистер Пиктон. – Откуда ты знала, что это револьвер папы?

– Он держал его под подушкой, – ответила девочка, – и один раз показывал мне. Он велел никогда его не трогать, если только в дом не заберется кто-нибудь плохой. Какой-нибудь вор или... Мама оставила его там, когда папа умер.

Голос девочки оборвался, а лицо ее начало становиться испуганным:

испуганным настолько, что не помог, кажется, даже взгляд на доктора. Понимая, что достиг крайне опасной точки, мистер Пиктон подошел ближе и спросил:

– Что же случилось потом, Клара?

– Мама, она... – Головка Клары начала слегка дрожать, потом задрожала и левая сторона ее тельца. Обхватив себя здоровой рукой, девочка собралась с силами, чтобы продолжить. – Мама забралась в подводу. Она разбудила Мэтью и сказала мне отдать ему Томми. Я так и сделала. Потом она снова посмотрела на меня. И сказала мне, что пора отправиться к папе и к Богу. Что там место получше, и что нам надо поступать так, как хочет Бог. – В глазах девочки выступили слезы и покатались по лицу, но она так и не заплакала всерьез, просто обхватила себя покрепче и постаралась говорить дальше. – Она приставила ко мне револьвер...

– Куда она приставила его, Клара, – спросил мистер Пиктон. Девочка показала себе на верх груди, и тут издала наконец всего один задыхающийся всхлип. – А потом?

– Я помню, как она спустила курок, и раздался громкий грохот – но это все, – пробормотала Клара, поплотнее обвивая себя рукой. – Я больше ничего не помню. А потом я уже оказалась дома, у себя в кровати.

Мистер Пиктон снова кивнул и глубоко перевел дыхание:

– Все хорошо, Клара. Все хорошо. А сейчас мы можем поговорить о чем-нибудь другом, если хочешь.

Клара вытерла личико и вымолвила:

– Ладно.

Дав ей пару минут, мистер Пиктон спросил, уже громче:

– Клара – ты помнишь преподобного Паркера?

– Он... он служил в нашей церкви. И иногда приходил навещать маму и папу.

– А что он делал, когда приходил навещать вас?

– Он приходил на обед, – отозвалась Клара. – А иногда ходил гулять с мамой. Папа не любил гулять. Он говорил, что воздух для него плох.

– Мама когда-нибудь брала с собой тебя или мальчиков?

Клара покачала головой:

– Она говорила, что там нам не место.

Мистер Пиктон потянулся к ней и взял девочку за левую руку, с видом чрезвычайного облегчения.

– Спасибо, Клара, – произнес он. А потом добавил, не заботясь о том, что говорил достаточно громко и могли услышать все остальные. – Ты была

очень смелой юной леди. – Вернувшись к столу, мистер Пиктон встал и посмотрел на судью и присяжных. – У обвинения больше нет вопросов к этому свидетелю, ваша честь. – И сел, оставив Клару перед всей силой взгляда ее матери.

Либби реагировала на показания дочери весьма похоже на то, как предсказывал доктор: сначала она испробовала беззвучные слезы и заламывания рук, потом начала вертеть головой, пытаясь обратить на себя внимание девочки. А после того, как мистер Пиктон шагнул и загородил от нее Клару, слезы и кивки прекратились, и она замерла в полной тишине; глаза же вновь обрели тот самый холодный взгляд, полный ненависти.

Но смогло ли заметить все это жюри присяжных? Или только те немногие из нас, кто знал историю Либби и мог читать по ее лицу?

Клара, без мистера Пиктона поблизости выглядевшая ужасно одинокой, снова опустила глаза и начала тихо шевелить губами. Заметив у девочки выражение, близкое к отчаянию, судья наклонился к ней из-за своего стола.

– Клара? – спросил он. – Ты можешь сейчас продолжать?

Клара, вздрогнув, подняла на него взгляд.

– Продолжать? – тихо проговорила она.

– Защита должна задать тебе свои вопросы, – объяснил судья – с единственной улыбкой, которую я вообще увидел у него за весь процесс.

– О, – отозвалась девочка, будто вспомнив забытое. – Да. Я могу продолжать, сэр.

Судья откинулся на спинку кресла и посмотрел на стол защиты:

– Все в порядке, мистер Дэрроу.

Пока мистер Пиктон опрашивал Клару, мистер Дэрроу сидел, переплетя руки перед лицом, так что было довольно сложно судить, о чем он думает и как реагирует. Когда же он встал для перекрестного допроса, вся глубокая тревога и случайно прорывавшийся гнев, что мы видели у него доселе, как будто ушли, а черты его стали открытыми и расслабленными, и Клара вполне очевидно приняла это за утешение.

– Спасибо, ваша честь, – сказал мистер Дэрроу, кротко улыбаясь, и подошел к свидетельскому месту. Но подошел он под таким углом, что девочка не могла больше смотреть на доктора: в зале суда жизнь как никогда демонстрирует принцип «око за око». – Здравствуй, Клара, – проговорил он, подойдя к ней поближе. – Понимаю, это нелегко, поэтому я постараюсь отпустить тебя отсюда как можно скорее.

В ответ Клара лишь опустила глаза.

– Клара, говоришь, следующим, что ты помнишь, стало пробуждение у

вас дома, правда?

Когда девочка кивнула, мистер Дэрроу продолжил:

– Но, я не сомневаюсь, тебе показалось, что все это был дурной сон, верно?

– Нет, – ответил Клара. – Я была... ранена...

– Да, – изрек мистер Дэрроу, явственно источая сочувствие. – Ты была довольно тяжело ранена. И ты очень долго спала, ты знаешь об этом?

– Мне потом сказали... доктора.

– Долгий сон иногда может сбить человека с толку. Я знаю, что если посплю слишком долго, то подчас, когда просыпаюсь, даже не могу понять, где я или как попал сюда.

– Я понимала, где я, – тихо, но твердо произнесла Клара. – Я была дома.

– Умница девочка, – прошептал доктор, вытягивая шею в попытке посмотреть на нее, но не желая делать свой жест очевидным.

– Ну конечно же, – отвечал мистер Дэрроу. – Но понимала ли все остальное? В смысле, когда ты проснулась, ты помнила все остальное?

Словно не сумев совладать с собой, Клара вновь бросила быстрый взгляд на мать, которая переплела руки так, будто умоляла о чем-то, а глаза ее наполнились слезами. Увидев это, Клара резко отвернулась, будто ее рванули на веревке, и пробормотала:

– Я помню. Мама кричала. И плакала. Она сказала, что Мэтью и Томми умерли. Я не поняла. Я пыталась встать и спросить ее, но доктор дал мне какое-то лекарство. И я снова уснула.

– А когда ты проснулась во второй раз?

– Мама была у моей постели. С врачами.

– Мама тебе что-нибудь говорила?

– Она сказала, что на нас напали... какой-то мужчина. Сумасшедший. Она сказала, что он убил Мэтью и Томми. – Слезы вновь медленно потекли по ее лицу, и Клара добавила. – Я начала плакать. Я хотела увидеть братиков, но мама сказала... что я больше не смогу. Никогда не смогу...

– Понимаю, – заверил ее мистер Дэрроу. Потом он достал носовой платок – намного опрятнее, нежели скрывавшие его одежды, – из нагрудного кармана. – Хочешь? – Клара взяла кусок белой ткани и вытерла лицо. – Клара, когда после этого мама уехала?

– Скоро. Как мне кажется. Не знаю, не уверена.

– Но до отъезда она была все время с тобой?

Клара кивнула:

– Она и Луиза – наша домоправительница. И еще врачи иногда. И

мистер Пиктон приходил.

– Не сомневаюсь в этом, – обронил мистер Дэрроу, взглянув на присяжных. – А что мама сказала тебе перед тем, как уехать?

Еще раз украдкой покосившись на Либби, Клара ответила:

– Что ей надо найти нам новое место для жилья. Чтобы нам не надо было жить в этом доме. Это слишком грустно, сказала она – папа умер и Томми с Мэтью тоже. Она сказала, что найдет новое место и потом вернется забрать меня.

– И ты поверила ей?

– Да.

– Ты обычно верила своей маме?

– Да. Кроме...

– Кроме?..

– Кроме того, когда она иногда становилась буйная. Тогда она, бывало, говорила такое... я ей не верила. Но вряд ли это она всерьез.

– Понимаю, – проговорил мистер Дэрроу, отвернувшись от нее, но не сходя с места. – Значит... последнее, что ты помнишь о том вечере на Чарлтон-роуд – как мама приставила к тебе револьвер, спустила курок – и после этого раздался громкий шум?

– Да.

– Но ты не вспомнила этого, когда проснулась? – Клара покачала головой. – И ты не помнила ничего, что случилось с Томми и Мэтью?

– Я не... я не видела... что случилось.

– Ты уверена?

– Да.

– Выходит, твоя мама уехала, а ты стала жить с мистером и миссис Вестон – так? – Клара кивнула. – И ты помнила все, что случилось той ночью, пока жила у них?

– Не то чтобы... – Тут Клара всерьез задумалась, явно вспоминая что-то. – Не то чтобы я могла говорить об этом. Или показывать. Я могла лишь видеть это. У себя в голове.

Мистер Дэрроу быстро обернулся к девочке, заставив ее чуть вздрогнуть и попытаться, хоть и безуспешно, взглянуть на доктора.

– Нечто непроизносимое для маленькой девочки. *Не то чтобы ты могла говорить об этом или показывать, могла лишь видеть это в своей голове.* Ты сама до всего этого додумалась?

Клара быстро опустила взгляд:

– Так оно и было.

– Ты сама до всего этого додумалась, Клара? – повторил мистер

Дэрроу. Потом, не дожидаясь ответа, он придвинулся ближе. – Или же на самом деле это доктор Крайцлер помог тебе взглянуть на все таким образом и велел тебе использовать эти слова, когда настанет время рассказать историю в суде?

Мистер Пиктон соскочил со своего места, будто в подкладке сиденья оказались горячие угли:

– Ваша честь, обвинение протестует! Мы просили особого обращения с этой свидетельницей, и что получаем? Наводки и травлю!

Прежде чем судья успел ответить, мистер Дэрроу поднял руку:

– Я отзываю вопрос, ваша честь, и постараюсь сделать свои вопросы более приятными для обвинения. – Вновь улыбнувшись свидетельнице, он спросил: – Клара, когда ты впервые начала вспоминать, что случилось той ночью? Я имею в виду, вспоминать так, что смогла говорить об этом?

Клара пожала плечами; лицо ее после краткой, но резкой перепалки между юристами стало еще обеспокоенней.

– Думаю, не так давно.

– До того, как ты познакомилась с доктором Крайцлером? – Клара нехотя покачала головой. – После того, как ты познакомилась с ним? – Клара не двигалась. – Или же это было во время вашей встречи?

Мистер Пиктон снова встал:

– Ваша честь, со всем должным уважением, на какой из заданных вопросов опытный адвокат из Иллинойса хочет получить ответ свидетельницы?

– Сядьте, мистер Пиктон, – отозвался судья Браун. – Адвокат защиты в своем праве.

– Благодарю вас, ваша честь, – произнес мистер Дэрроу. – Ну, Клара?

– Я никогда и не забывала, – ответила девочка снова в слезах. – Я никогда и не забывала на самом деле.

– А что же ты не забывала? Ты же не знала, что случилось с Томми и Мэтью, это верно, ты сама нам это сказала. Выходит, ты не могла это помнить – и не помнила. Так что же ты *на самом деле* знала и не забывала?

– Я никогда... – Умоляюще посмотрев на судейское место, Клара пробормотала: – Я не понимаю, о чем он.

– Я о том, Клара, – вмешался мистер Дэрроу, на сей раз чуть жестче, – что же ты такое знала, чего так и не забыла, и что же ты знала, что забыла и вспомнила только недавно?

Вздрогнув всем телом, Клара всхлипнула и перевела взгляд с судьи на мистера Дэрроу, а потом попробовала высмотреть за спиной адвоката доктора, который в свою очередь тоже отчаянно старался сесть так, чтобы

она его видела.

– Что за чертовщина? – прошептал доктор. – Он намеренно пытается сбить ее с толку...

– Я не понимаю! – снова пискнула Клара, расплакавшись уже в открытую.

– Так что именно? – изрек мистер Дэрроу, удивив всех в зале вдруг суровым, даже грубым тоном. – Что ты всегда знала и что забыла, но вспомнила не так давно, быть может, примерно тогда, когда встретила с доктором Крайцлером – и, быть может, во время знакомства с ним? Клара! Ты должна...

– *Прекратите!* – раздался голос, заставивший умолкнуть и адвоката, и бубнеж, начавшийся было на галерке. Весь зал повернулся к столу защиты, где Либби Хатч сидела вся в слезах, как и ее дочь. – Оставьте ее! – крикнула она Дэрроу. – Вы не смеете с ней так обращаться – после того, что она пережила. Если она не помнит – значит, не помнит! Прекратите запугивать мою дочь! Прекратите это, перестаньте! – И, уткнувшись лицом в ладони, Либби рухнула на стол, а толпа вновь загудела как улей, заставив судью Брауна стукнуть молотком.

– Подзащитная, возьмите себя в руки! – приказал он. – И галерка тоже! Мистер Дэрроу – суду хотелось бы знать...

– С позволения суда, ваша честь, – быстро отозвался мистер Дэрроу. – Защита воздерживается от дальнейших вопросов к этому свидетелю. С учетом обстоятельств мы просим перенести слушание на завтрашнее утро.

Народ при этом загудел еще пуще, и судья принялся колотить молотком:

– Тишина! Я не потерплю больше ни звука! – Когда сей приказ начал действовать, судья отложил молоток с весьма недовольным видом. – Свидетельница свободна, – провозгласил он. – Суд удаляется до десяти утра завтрашнего дня – и тогда я или увижу совершенно иное поведение, или *и впрямь* закрою этот процесс! – Молоток ударил в последний раз, и пристав Коффи подошел помочь Кларе, которая теперь плакала навзрыд, спуститься со свидетельского места. Мистер Пиктон рванулся предложить руку, но измученные глаза девочки не отрывались от несомненно обессиленной матери.

– Мама, не плачь! – крикнула Клара еще раз, когда ее уводили. Но тон ее был уже совсем иным: вся взрослость испарилась, а безысходность слов подчеркивала горечь ее рыданий. – Не плачь, тебе станет легче! Это должно помочь тебе, мне так сказали...

Либби Хатч не подняла головы. Чувствуя, что творится, доктор быстро

бросился к воротцам в ограждении; но страдание Клары при виде его лишь будто усилилось, она метнулась мимо него по проходу к мистеру и миссис Вестон, и они побежали с ней сначала из зала, а потом и из здания.

Судья уже удалился; а когда присяжные тоже начали выходить, мистер Дэрроу поднял Либби на ноги и повел ее к боковой двери в камеру. Но прежде чем выйти самой и дать выйти присяжным, она начала причитать:

– Она не помнит! Она не помнит, как вы можете ждать от нее такого, она же еще дитя! О, моя бедная Клара, моя бедная малышка!

На этом мистер Дэрроу с тяжелым взглядом обернулся к скамье присяжных; но их смущенные лица словно воодушевили его, и он кивнул охраннику, стоявшему позади Ифегении Блейлок, чтобы тот отвел подзащитную вниз.

Когда все наконец улеглось, мистер Пиктон пробрался к доктору. Взгляды, которыми они обменялись, не сулили ничего хорошего, и мне, конечно же, не составило труда понять, почему. Остальные наши столпились вокруг, тоже с видом крайней обеспокоенности; один только мистер Мур почесывал затылок.

– Ну, – сообщил он, – как по мне, так Вандербилт выкидывает деньги на ветер. Подумать только, попытаться так запугивать восьмилетнюю девочку! Дэрроу с ума сошел, не иначе! Дьявол, даже ее собственная мать... – И внезапно осекся: глядя на наши лица, он наконец-то сообразил то, что мы уже поняли. – Вот проклятье! – тихо прошипел он, топнув ногой. – *Ненавижу* последним вникать во все эти вещи! Он что же, целиком спланировал ту сцену, да?

– Сукин сын, – выпалил Маркус, скорее пораженный, нежели злой. – Взял явный провал своей клиентки и обратил его в возможное преимущество.

– И она превосходно сыграла свою роль, – печально сказал мистер Пиктон, потом обернулся к мистеру Муру. – Такие люди, как Вандербилт, поддерживают свое положение в жизни отнюдь не глупыми поступками, Джон. – Он со свистом втянул воздух и стукнул по ограждению. – Да какого черта Дэрроу переживать насчет того, что люди подумают «он действительно бессердечен», – если в то же самое время он может заставить присяжных поверить, что Либби на самом деле любит дочь и никоим образом не способна причинить ей вред?

Я поднял взгляд на доктора, чье лицо слегка побледнело. Он отвернулся и уставился на двери красного дерева, словно надеясь, что Клара может вернуться в зал; но видел он, как и все мы, одну лишь толпу, гуськом вытекающую наружу; кое-кто из зрителей оборачивался, бросая на

нас, мягко говоря, крайне недоброжелательные взгляды. Нащупав стул, доктор ссутулился и сел, лицо его внезапно стало мертвенно-бледным: точно таким, каким, с некоторым ужасом вспомнил я, оно оказалось при вести о Поли Макферсоне.

Я стоял так и смотрел на него, как вдруг почувствовал, что кто-то слегка тянет меня за руку, обернулся и встретил печальный взгляд Эль Ниньо.

– Сеньорито Стиви, – проговорил он, стараясь, чтобы не услышали остальные. – Это нехорошо.

– Да, – сказал я. – Нехорошо.

Абориген взвесил сказанное, потом кивнул, расправив белый галстук и уперев руки в бока:

– Этот человек Дэрроу – вы уверены, что мне не надо его убить?

– Вообще-то, – отозвался я, качая головой, – я уже начинаю сомневаться...

Глава 45

Тем вечером настроения в доме мистера Пиктона были весьма подавленными – еще и потому, что в начале дня мы полагали: дневные события дадут нам достаточно надежную власть над делом. Вместо этого хитроумный мистер Дэрроу довел нас до того, что приравнивалось к ничьей, если не сказать хуже: он выставил Клару неуверенной и запутавшейся и заронил мысль о том, что ее убежденность и, быть может, вся история целиком, была заслугой доктора, а не ее собственной. Вообще-то факты, которые она вспоминала, играли нам на руку – но любой, хоть раз имевший дело с законом, скажет вам, что дело не всегда решают факты, а зачастую и вовсе не они. Так что за ужином говорили мы мало, взрослые большую часть своей энергии обратили на проделывание очередной существенной бреши в винном погребе мистера Пиктона. После еды Маркус с мистером Муром отправились трамваем в Саратогу, дабы попробовать выяснить, какова в целом реакция публики на показания Клары – хотя ответ на сей вопрос казался вполне очевидным.

Я же обнаружил, что наступление ночи принесло с собой новую тревогу о Кэт. Про Ану Линарес я, конечно, тоже не забывал, как и все остальные; но мысль о том, что произойдет, если Либби выйдет на волю, вернется в Нью-Йорк и обнаружит, что Кэт пытается охранять девочку, терзала мое сердце, а заодно и желудок, да так, что я попросту не мог с этим справиться. После ужина я предпринял долгую прогулку, а когда вернулся, просто сел на парадном крыльце дома, по-прежнему стараясь отвлечься от своих чувств, говоря себе, что Кэт, должно быть, уже покинула Нью-Йорк, что в своем затруднительном положении ей стоит винить лишь себя. Но это не помогало. Чем больше я размышлял над этой незадачей, тем больше мой разум впадал в то состояние, что было обычным для меня, когда дело касалось Кэт: в какую-то разочарованную горечь и подспудное ощущение того, что в последнем состоянии дел виноват все же некоторым образом я сам.

Погруженный в эти раздумья и чувства, я едва услышал, как за спиной открылась сетчатая дверь. Я знал, что это доктор: за ужином он все понял по моему обеспокоенному лицу, и вполне в его духе было убедиться, что со мной все в порядке. Мне не очень-то хотелось разговаривать – обычно обсуждение темы Кэт с другими лишь заставляло меня чувствовать себя дураком, – и потому я был благодарен, когда он просто сел рядом, не говоря

ни слова. Какое-то время мы слушали сверчков и обменивались короткими замечаниями насчет роя светлячков, неплохо имитировавших звездное небо над нами на лужайке перед домом мистера Пиктона. Впрочем, помимо этого, оба мы оставались наедине каждый со своими тревогами.

Было ясно, о чем размышляет доктор: момент, когда Клара Хатч метнулась мимо него в двери зала суда, был ужасен, и вынудил его задуматься, правильно ли он поступил с девочкой, или же на самом деле использовал ее в собственных целях вместо того, чтобы помочь. Мне было нечего сказать ему – честно признаться, я не знал, как к этому отнестись. Может, тишина и забвение были бы лучше, думала часть меня, для таких, как Клара, может, встреча с демонами из прошлого, особенно в таком юном возрасте, могла обернуться лишь болезненным ущербом; может, ключ к жизни, несмотря на все, во что доктор верил и над чем проработал весь свой век, кроется лишь в том, чтобы отстраниться от уродства, с которым ты сталкиваешься – с которым сталкивается *каждый* – и просто пережить это. Может, память – лишь злобное проклятье, а мышление, способное стереть болезненные воспоминания, – благо. Может...

Мы по-прежнему сидели на крыльце, когда вернулись мистер Мур с Маркусом. Завидев их, доктор встал и крикнул:

– Вы виделись с Уайтом?

Мистер Мур кивнул, в руках у него был маленький конверт:

– Виделись. – Они подошли к ступеням, и мистер Мур вручил конверт доктору: – Впрочем, сказать ему было особо и нечего.

– Более того, – добавил Маркус, когда остальные вышли на крыльцо на звук голосов. – В «Гранд-Юнион» сегодня прибыли кое-какие новые гости – благодаря мистеру Вандербилту.

– Свидетели защиты? – спросила мисс Говард.

Маркус кивнул, потом посмотрел на брата:

– Они пригласили Гамильтона, Люциус.

Глаза младшего Айзексона распахнулись:

– *Гамильтона?* Ты шутишь!

Маркус покачал головой, а мистер Пиктон осведомился:

– А кто такой этот Гамильтон?

– *Доктор* Алберт Гамильтон, из Оберна, штат Нью-Йорк, – сказал Маркус. – Впрочем, нет никаких доказательств того, что он в действительности обладает хоть какой-нибудь докторской степенью. Он торгует патентованными медикаментами. А сейчас выдает себя за эксперта во всем, от баллистики до токсикологии и анатомии. Конченный шарлатан – но заработал себе определенную репутацию судебного эксперта и одурачил

уже немало умных людей. А заодно и отправил на виселицу немало невиновных.

– И Дэрроу нанял его? – уточнил мистер Пиктон.

Маркус снова кивнул:

– Полагаю, завтрашним утром вы первым делом получите запрос на оружие и пули, чтобы Гамильтон смог произвести над ними свои «испытания».

– Но это же просто смешно! – воскликнул Люциус. – Гамильтон скажет все, что только *пожелают* стоящие за ним люди!

– Что и является простейшим способом стать преуспевающим экспертом-свидетелем, – проворчал мистер Пиктон. – Что, еще кто-нибудь?

– Да, – отозвался мистер Мур. – И связанные с этим перспективы мне не нравятся. Дэрроу нужен тот, кого он смог бы представить экспертом по женской психологии и характеру – кто-то из местных, знакомый толпе и, быть может, даже симпатичный ей. – Он обернулся к мисс Говард. – Это твоя подруга Кэди Стэнтон.

– *Миссис Кэди Стэнтон?* – повторила мисс Говард.

– Но ведь она же была *там*, – заметил Сайрус обеспокоенно. – Когда мы занимались тем наброском – она знает, что мы преследуем ту женщину.

– Потому-то, подозреваю, она и понадобилась Дэрроу, – сказал Маркус. – Он постарается выставить это как охоту на ведьм со стороны доктора.

– Далеко он не пойдет, – твердо заверил мистер Пиктон. – Ваша предыдущая встреча с миссис Кэди Стэнтон касалась другого случая, недоказанного, по которому еще предстоит провести официальное расследование, и я могу воспользоваться этим в нашу пользу. Если Дэрроу хоть *намекнет* на ваши дела в Нью-Йорке, я заставлю судью Брауна заткнуть его за отход от существа дела.

– Да, – вмешалась мисс Говард, – но то, что миссис Кэди Стэнтон знает, сколь долго мы преследовали Либби, скорее всего, настроит ее враждебно, – а она способна быть весьма убедительной, когда выходит из себя. – Обдумывая сию вероятность, мисс Говард пнула один из столбов, поддерживавших крышу крыльца. – *Проклятье*, этот человек умен!

Доктор все слышал, но не сказал ни слова: он слишком углубился в чтение записки от доктора Уайта, которая, казалось, еще больше его беспокоила.

– Что, опять хорошие новости, Крайцлер? – осведомился мистер Мур, заметив тревожное выражение лица доктора.

– На это я, конечно же, не надеялся, – пожал плечами доктор. – Уайт

пишет, что с учетом обстоятельств, на его взгляд, нам не стоит встречаться до дачи им показаний. И это на него не похоже.

– Может, и нет, – ответил мистер Пиктон. – Но все совпадает – Дэрроу держит в узде вся и всех, связанных с этим делом. Думается, он был несколько удивлен нашей подготовкой, и теперь желает убедиться, что сможет тоже ответить кое-какими сюрпризами. Сегодня мы это и наблюдали.

– Что ж, как ни странно, нам, похоже, не следует принимать случившееся сегодня слишком близко к сердцу, – посоветовал Маркус, направляясь в дом. – По крайней мере, согласно уровню ставок у Кэнфилда.

– Каков он сейчас? – спросил Сайрус, выходя вслед за Маркусом.

– Без изменений, – крикнул им вслед мистер Мур. – Все еще шестьдесят к одному против приговора – и у Кэнфилда масса желающих, несмотря на такие ставки.

Не отводя взгляда от записки, доктор поинтересовался:

– А сколько вы проиграли, пока уточняли эти сведения, Мур?

Мистер Мур шагнул к двери.

– Могло быть и хуже, – входя в дом, сообщил он, причем настолько смущенно, что я сделал вывод – если хуже и могло быть, то лишь *ненамного*.

И все же, пусть даже и обошедшаяся недешево, новость о том, что те, кто внимательнее всего следил за делом – заядлые игроки, – сочли, что наши позиции не пострадали от сегодняшних выходов мистера Дэрроу, воодушевляла; и все мы, думаю, от этого смогли спать хоть чуть-чуть поспокойнее. Люциус лег последним – наутро ему предстояло давать показания относительно косвенных доказательств против Либби Хатч, и прежде чем отойти ко сну, он хотел убедиться, что во всем царит полный порядок. Впрочем, встал он тоже рано, и, спустившись вниз, я обнаружил, что он, опрятно одетый, расхаживает по заднему двору, бормоча что-то себе под нос и уже потая. Неизменно холодный как лед, когда дело касалось расследований и научных испытаний, он (как во многом и я) не выносил никакого прямого внимания толпы или чужаков, и, думается, все мы вздохнули бы чуть полегче, если бы свидетельствовать вызвали его намного более дипломатичного брата. Но приглашение Маркуса дало бы мистеру Дэрроу шанс намекнуть – если не объявить в открытую, – что обвинение преследовало его лично до начала процесса; сей факт, хоть и не являющийся, разумеется, ничем противозаконным, мог быть подан таким образом, что выставил бы нас в безнадежном положении.

И именно Люциус в самом начале одиннадцатого уже дал присягу и сел на место свидетеля, готовый рассказать все подробности о револьвере Дэниэла Хатча, который они с братом собрали за время нашего пребывания в Боллстон-Спа. В зале суда на сей раз царило иное настроение, вызванное присутствием новых лиц за столом защиты: там были доктор Уильям Алансон Уайт, невысокий молодой человек в очках, миссис Элизабет Кэди Стэнтон, выглядящая как нельзя лучше, и, наконец, странного вида тип, старавшийся компенсировать свои мало впечатляющие габариты, раздуваясь точно петух, – «доктор» Алберт Гамилтон, известный «эксперт» по баллистике. Доктор Уайт и миссис Кэди Стэнтон ограничились лишь самым формальным приветствием для тех из нас, с кем были знакомы, ясно дав понять с самого начала, что не согласны с тем, что мы затеяли; а натянутая атмосфера, на мой взгляд, мало содействовала спокойствию Люциуса. И все же он держался весьма достойно – сидел и ждал вопросов так, будто проделывал это каждый божий день.

На самом деле с вопросами мистера Пиктона детектив-сержант справился, как говорится, впечатляюще: он не упустил ни единой детали, не колебался с ответами и даже не потел – по крайней мере, не намного больше, чем все остальные в это жаркое, влажное августовское утро. Забавно, я даже гордился им, поскольку знал, как он ненавидит положение, в котором оказался; так было до самого конца свидетельских показаний, когда дела пошли несколько шатко.

– И еще немного подробностей, детектив-сержант, – объявил мистер Пиктон. – Вы сообщили нам, когда приблизительно из револьвера стреляли в последний раз, сколько выстрелов было произведено, каким образом всего две пули могли вызвать ранение сразу троих детей и сколь точно пуля, извлеченная из подводы Хатчей, совпала со стволом револьвера Дэниэла Хатча. Но не столкнулись ли вы во время обследования оружия с чем-нибудь, что могло бы навести вас на потенциальную догадку о том, кто стрелял из него последним?

– Да, столкнулся, – быстро ответил Люциус.

– И что же это было?

– Мы провели дактилоскопический тест. Мы сравнили полученные результаты с образцами, взятыми с предметов утвари, принадлежавших ответчице. Совпадение оказалось идеальным.

Мистер Дэрроу вновь пулей подскочил со своего места:

– Я протестую против этой линии допроса, ваша честь! Обвинение пытается применить улики, которые *никогда* не принимались американским судом, и, уверен, они это знают.

– Все верно, – заявил судья Браун, обращая уже привычный неодобрительный взгляд на мистера Пиктона. – Пока у помощника окружного прокурора не будет в распоряжении новых научных данных, подтверждающих абсолютную надежность отпечатков пальцев – которые он и имеет в виду, к сведению присяжных, – или же пока он не сможет предоставить мне прецедент дозволения подобного в американском суде, я не могу разрешить продолжать эти показания.

– Вашей чести не требуется разрешать продолжить, – вымолвил мистер Пиктон. – На самом деле обвинение *не собирается* продолжить. Мы признаем, что отпечатки пальцев пока не приняты американским судом, несмотря на тот факт, что они успешно использовались в качестве улики в судах Аргентины...

– Мистер Пиктон, – предупредил судья, подняв молоток.

– ... а заодно несмотря и на тот факт, что британское правительство в Индии приказало ввести их в практику полицейским и обвинителям во всей колонии...

– Мистер Пиктон, довольно! – выкрикнул судья, стуча молотком.

– Ваша честь, – удивился мистер Пиктон, вновь напуская на себя невинный вид. – Я приношу свои извинения суду, хотя меня, кажется, недопоняли. Я лишь *упоминаю* эти довольно интересные и, с определенной точки зрения, важные факты. Я не говорю, что присяжным стоит придавать им какое-то значение лишь из-за того, что так поступают все аргентинцы, индусы и англичане, – это Америка, и здесь нужно время, чтобы что-то прижилось. Я *не* предлагаю эти результаты в качестве улики – я предлагаю их просто как довольно занятное совпадение, кое может заинтересовать присяжных. – И, быстро сев, мистер Пиктон добавил: – У меня больше нет вопросов, ваша честь.

Теперь судья Браун уже изо всех сил потирал мятое, морщинистое лицо обеими руками.

– Мистер Пиктон, – выдохнул он, стараясь сдерживать голос, – что-то не припомню, чтобы хоть раз слышал подобную неприкрытую софистику в зале суда. Вы прекрасно знаете, что любые вещи, сообщаемые свидетелем при даче показаний, должны считаться доказательствами, иначе они неправомерны! Мне следовало бы обвинить вас в неуважении к суду, сэр, – а если вы еще раз прибегнете к подобным семантическим фокусам, я *действительно* обвиню вас в неуважении! Вы здесь для того, чтобы представить приемлемые доказательства, а не для замечаний относительно интересных недоказанных теорий! – Обращаясь к присяжным, судья проревел: – Присяжные игнорируют все только что сказанное, и оно

исключается из протокола! – Потом настал черед Люциуса: судья развернулся к нему и крикнул: – А если вы вновь затронете тему отпечатков пальцев, детектив-сержант, я обвиню в неуважении к суду *и вас!*

Лоб Люциуса заблестел от жара этих слов.

– Да, сэр, – робко вымолвил он.

Гневно зашипев, судья Браун обратился к защите:

– Все в порядке, мистер Дэрроу, свидетель ваш! А поскольку я настроен серьезно, позвольте предупредить *вас, сэр*, – я не желаю больше видеть никаких истерических спектаклей наподобие вчерашнего! Впредь сей процесс будет происходить традиционным образом, и если любая из сторон вновь перейдет эту черту, я посажу в тюрьму *всех!* – Мистер Дэрроу не смог сдержать улыбки – и судья при виде этого указал молотком прямоком в направлении его головы. – Не совершайте ошибки, принимая все это не всерьез, мистер Дэрроу, иначе очутитесь на обратном поезде в Чикаго, подвывая, как избитая дворняжка!

Выйдя из-за стола, мистер Дэрроу стер улыбку с лица:

– Да, ваша честь. Я приношу извинения – вы были чрезвычайно терпеливы.

– Был, вы чертовски правы! – рявкнул судья, отчего по галерке пробежал смех. При этом звуке судья вскочил и принялся стучать молотком как полоумный. – Всех вас это тоже касается! – Когда восстановилась тишина, судья начал успокаиваться – но сел он, бормоча что-то про «все мои сорок лет на судебном месте», лишь когда зал стал совершенно безмолвен. После чего вновь указал на мистера Дэрроу молотком: – Ну? Пошевеливайтесь, адвокат, я не хочу *помереть* до конца этого процесса!

Кивнув, мистер Дэрроу подошел к Люциусу:

– Детектив-сержант, во скольких судебных делах, говорите, важную роль играла баллистика?

– В Соединенных Штатах? – уточнил Люциус.

– Ах да, детектив-сержант, – провозгласил мистер Дэрроу, – ради крепкого здоровья его чести, думаю, нам лучше ограничить дискуссию Соединенными Штатами.

Люциус пожал плечами:

– В нескольких.

– Можете назвать мне количество?

– Нет. Боюсь, что нет.

– Но все эти штуки насчет вашей способности определить, когда из оружия стреляли, по плесени и ржавчине на нем – это использовалось раньше?

– Несколько раз. Началось с дела Мофона, в 1879 году. Обвиняемого оправдали, когда оружейный мастер определил, что, судя по скоплениям плесени и ржавчины в его пистолете, стрельба из оружия не производилась по меньшей мере последние полтора года. Рассматриваемое убийство произошло как раз в этот отрезок времени.

Мистер Дэрроу покачал головой и подошел к скамье присяжных.

– Не знаю, детектив-сержант, – может, это только я такой, но я в жизни повидал немало плесени и ржавчины. Просто поразительно, что вы можете датировать ее рост с такой точностью, словно это некое живое существо.

– Плесень *и есть* живые существа, – отвечал Люциус, несмотря на нервозность, пользуясь возможностью уколоть мистера Дэрроу. – А ржавчина – всего лишь окисление металла, соответствующее известным временным рамкам. При должной подготовке все это на самом деле не так уж и сложно.

– Да что вы говорите, детектив, неужели? Но, полагаю, нам придется поверить вам на слово – пока. Итак – из револьвера стреляли около трех лет назад, плюс-минус несколько месяцев. И одну из пуль нашли в обшивке подводы. – Лицо мистера Дэрроу снова сморщилось. – Не хочу показаться тупым, детектив, но как же *с этим*? С соответствием пули оружию, хочу я сказать? Сколько дел было решено с использованием *этой* методики?

– Что ж, – ответил Люциус чуть тревожнее, – оружейники всегда сопоставляли пули с оружейными стволами...

– Выходит, это точная наука?

– Зависит от того, что вы понимаете под точной.

– *Точность*, детектив, – бросил мистер Дэрроу, возвращаясь к Люциусу. – Отсутствие допусков на ошибку.

Люциус поерзал на стуле, потом вытащил платок и вытер лоб.

– Мало в каких науках этот допуск отсутствует.

– Понимаю. Выходит, она *не* точна. А что же с той пулей? Есть какие-то признаки ее участия в убийстве?

– На ней имелись следы крови.

– А что с предположениями, какой именно крови?

Люциус начал потеть еще заметнее и снова вытер лоб.

– Пока... существует не так много тестов, позволяющих отличить одну кровь от другой.

– О... – Делая все, от себя зависящее, чтобы показаться действительно сражающимся с задачей, мистер Дэрроу отошел к скамье присяжных. – Значит, подводя итог, вы говорите, что у нас есть револьвер, из которого стреляли *около* трех лет назад – причем мы точно не можем сказать, *кто*

именно, – и что его нашли на дне колодца за домом Хатчей. Это может быть, а может и не быть, тот револьвер, из которого была выпущена пуля, найденная в подводе, – пуля, которая может быть, а может и не быть той, что связана с убийством. Так, детектив?

– Я бы не стал это так описывать. Шансы...

– Шансы достаточно высоки, чтобы оставить место обоснованному сомнению⁵⁵, детектив. По крайней мере, на мой взгляд. Но давайте попробуем вопрос, на который вам, возможно, удастся ответить чуточку поточнее. Во скольких процессах вы представляли баллистические свидетельства в качестве эксперта?

Вопрос, очевидно, застал Люциуса врасплох:

– Во скольких?

– Это простой вопрос, детектив.

Уставившись в пол и снова вытерев лоб платком, Люциус тихо сказал:

– Впервые.

– Впервые? – повторил мистер Дэрроу, быстро переводя взгляд со свидетеля на присяжных. – Впервые пробуя плавать, вы кидаетесь на немалую глубину, не находите?

Стараясь оказать сопротивление, Люциус ответил:

– Я долгие годы изучал баллистику...

– О, не сомневаюсь, не сомневаюсь. Однако никто до сих пор не спрашивал у вас совета. Интересно, почему же. – Наконец отведя взгляд от присяжных, мистер Дэрроу размашисто прошагал к своему столу. – У меня все, сэр.

Люциус начал было вставать, но тут мистер Дэрроу поднял руку:

– О... и вот еще что, детектив-сержант. В своем вступительном слове вы заявили, что работаете в Полицейском управлении Нью-Йорка. Позвольте спросить – каково ваше нынешнее задание?

Крайне пораженный, Люциус откинулся на свидетельском месте и попробовал потянуть время:

– Мое нынешнее задание? Помощник окружного прокурора попросил меня проанализировать...

– В вашем департаменте, я имею в виду.

Люциус глубоко вздохнул:

– Мое нынешнее задание не связано с этим делом, и будет неподобающим...

– Разве, детектив, – перебил его мистер Дэрроу, в голосе которого зазвучали праведные нотки, – вас не уполномочили несколько недель назад провести расследование в отношении доктора Ласло Крайцлера – в

частности, его роли в самоубийстве одного из мальчиков, находившихся под опекой доктора в Институте Крайцлера в Нью-Йорке?

Толпа при этом не удержалась от шума, и когда народ принялся удивленно переговариваться, мистер Пиктон вскочил с места:

– Протестую! Ваша честь, обвинение выражает самый серьезный протест! Какое отношение текущее задание детектив-сержанта может иметь к нашему делу?

Судья стуком молотка утихомирил зрителей, потом схватился за ухо и обратился к мистеру Дэрроу:

– Адвокат, я *надеялся*, что вы оставили инсинуации помощнику окружного прокурора. Что вы хотите сказать, сэр, поднимая столь очевидно не связанную с делом тему?

– Ваша честь, – изрек мистер Дэрроу, – боюсь, что не могу согласиться с оценкой суда сей информации как не связанной с делом. Когда дело обвинения столь сильно зависит от работы одного из экспертов и когда честность и компетентность этого эксперта оказываются предметом расследования *другого* эксперта обвинения – что ж, ваша честь, помощник окружного прокурора не единственный, кто способен замечать поразительные совпадения.

Судья с силой ударил молотком, глаза его пылали.

– Может, и нет, сэр, – но этот суд не потерпит больше демонстрации совпадений от защиты, равно как не станет потворствовать подобному поведению обвинения! Если рассматриваемый вами вопрос имеет непосредственное отношение к данному делу, объясните это прямо сейчас, сэр.

Мистер Дэрроу лишь поднял руки, в свою очередь разыгрывая невинность:

– Прошу прощения, ваша честь, если мои замечания оказались неподобающими.

– Неподобающими *и* недопустимыми! – взорвался судья. – Присяжные игнорируют замечания защиты касательно текущего задания свидетеля в Полицейском управлении Нью-Йорка, а соответствующие записи исключаются из протокола. – Молоток предупредительно поднялся, указывая на стол защиты. – И не пробуйте больше со мной эти штучки, мистер Дэрроу. Я не допущу никаких упоминаний или расследований какого бы то ни было предмета, если он не имеет отношения к этому – и только этому – делу. А теперь продолжайте допрос.

– У меня больше нет вопросов, ваша честь, – ответил мистер Дэрроу и сел.

– Мистер Пиктон? – произнес судья. – Вы желаете опросить свидетеля повторно?

– Если повторный опрос мог бы стереть клевету из памяти присяжных, ваша честь, я бы провел его. А поскольку он не сможет, я воздерживаюсь.

– Тогда детектив-сержант свободен, и обвинение может пригласить своего следующего свидетеля.

– Обвинение, – объявил мистер Пиктон, – вызывает миссис Луизу Райт.

В задних рядах началась небольшая суета, и в двери красного дерева вошла миссис Райт.

Глава 46

Пока бывшая домоправительница Хатчей шла по проходу, доктор наклонился и спросил у мистера Пиктона:

– Что с Паркером?

Мистер Пиктон пожал плечами:

– Двое помощников Даннинга собирались привезти его на первом поезде сегодня утром. Уже должны были прибыть. Придется вызвать его днем.

Миссис Райт в старомодном синем платье гордо и без колебаний вошла в дверцу в дубовом ограждении, лишь единожды обратив седую голову и лицо с резкими чертами в сторону стола защиты и не выразив никаких эмоций при виде Либби Хатч. На присягу пристава Коффи она почти выкрикнула «Клянусь!», после чего объявила свое имя так, будто ожидала, что кто-то вдруг станет его оспаривать. Сие отношение она сохраняла в течение всех вводных вопросов мистера Пиктона, который за это время нарисовал очень яркую картину жизни в доме Хатчей. Либби была женщиной весьма переменчивого нрава, сказала миссис Райт, а когда чувствовала, что ее желания ущемляют, была способна впасть в крайнюю ярость. Мистер Пиктон не преминул убедиться, что присяжные поняли – Луиза Райт не питала особой любви к Дэниэлу Хатчу и не испытывала никакой зависти к бывшей хозяйке; как она сообщила мисс Говард, когда мы только приехали в город, единственными людьми в доме, к которым она чувствовала истинную симпатию и привязанность, были трое детишек, выросших столь запуганными чудачеством отца и переменчивыми настроениями матери, что подчас казалось, будто они пребывают в постоянной нервозности.

– Итак, миссис Райт, – спросил в итоге мистер Пиктон, описав сию не слишком-то приятную обстановку дома Хатчей, – когда, на ваш взгляд, преподобный Клэйтон Паркер стал постоянным гостем в доме?

– Ну, – отвечала пожилая дама, подумав, – обычно он заезжал на праздники, Рождество и тому подобные, и, конечно, он крестил Клару – но постоянные, как вы говорите, визиты стал наносить позже. Впервые он остался на ужин, по-моему, в первый день рожденья Клары.

– А как часто он приезжал после этого?

– О, по меньшей мере раз в неделю, а то и чаще. Мистер Хатч к тому времени не на шутку заинтересовался церковными делами, понимаете ли.

Многие люди так и поступают, когда начинают думать, что им не так уж и много осталось. – Миссис Райт вовсе не подразумевала в последнем утверждении шутку, и удивилась, когда на галереях раздался смех. – Так и происходит! – подтвердила она, крепко сплетая руки, словно смутившись. – Я видывала такое.

– Ну конечно же, – согласился мистер Пиктон. – Но был ли интерес мистера Хатча к церкви основной причиной участившегося присутствия в доме преподобного Паркера?

– Протестую, ваша честь! – монотонно проговорил мистер Дэрроу. – Вопрос подразумевает предполагаемый ответ.

– Тогда я его перефразирую, – сказал мистер Пиктон, прежде чем успел вмешаться судья. – Миссис Райт, с мистером Хатчем ли преподобный проводил в эти визиты большую часть времени?

– Нет, сэр, – ответила миссис Райт с легкой усмешкой. – В конце концов, много ли времени надо, чтобы подписать чек?

Это вызвало в толпе новый смех, и судья ответил на него обычным манером – раздраженным стуком молотка. И, наклонившись со своего места, мягко пожурил миссис Райт:

– Свидетельница, пожалуйста, воздержитесь в ответах от доли сарказма.

– Я и воздерживаюсь, сэр! – отозвалась она чуть обиженно. – Мистер Хатч только это и делал, когда приходил преподобный – выписывал чеки, ну, может, еще пару-другую минут беседовал о теологии. А остальное время именно миссис развлекала... *гостя*.

– Но почему же? – осведомился мистер Пиктон.

– Я точно не могу сказать, – ответствовала миссис Райт. – Знаю лишь то, что сама видела, шесть или семь раз.

– Так что же вы видели?

Выпрямив спину и сузив глаза, миссис Райт воздела указательный палец в направлении места защиты.

– Я видела *эту* женщину и преподобного Паркера. Там, в березовой роще, примерно в четверти мили от дома.

– И что они делали?

– Ничего такого, что преподобный обычно делает с замужними женщинами! – сообщила миссис Райт так оскорбленно, будто эти события случились только вчера.

Судья изможденно вздохнул:

– Миссис Райт, вопрос вам задан прямой. Будьте *любезны*, постарайтесь отвечать должным образом. В этом деле мне уже и без того

хватило словесной игры для полемики.

Миссис Райт сложила руки на коленях.

– Ну, я не знаю... но раз вы приказываете мне, судья, так и быть... – Она глубоко вздохнула и продолжила. – В первый раз я пошла искать миссис, поскольку Клара прихворала. И увидела миссис в березовой роще с преподобным. Они обвивали друг друга руками. Они... целовались.

Новое бормотание толпы было встречено стуком судейского молотка.

– А в прочие визиты? – уточнил мистер Пиктон.

– В прочие визиты... ох... – Миссис Райт беспокойно поерзала. – Некоторые были такими же. Но другие... ну вот, то была середина лета, в те разы. Тепло, как сейчас. Земля в той роще мягкая, мох толстый. И это все, что я собираюсь говорить, судье или кому другому, будь то суд или не суд. Я женщина порядочная!

Мистер Пиктон кивнул:

– И мы, разумеется, не станем просить вас вести себя непорядочно. Но позвольте мне задать вам, миссис Райт, вот какой вопрос: правильно ли будет сказать, что вы видели обвиняемую и преподобного Паркера в частично или полностью неадекватном виде?

Теперь определенно начав неловко поеживаться, миссис Райт кивнула:

– Да, сэр. Правильно.

– И предающимися физической близости?

Ее неудобство, похоже, обернулось гневом, и миссис Райт рывкнула:

– Да, сэр – и это все при муже и самой хорошенькой дочурке, какую только можно пожелать – там, в доме! Позорище, вот что это такое!

Кивнув и принявшись расхаживать перед свидетельским креслом, мистер Пиктон медленно спросил:

– Вы наверняка не сможете назвать мне точные даты этих событий?

– Точные – нет, сэр, нет.

– Нет. Но разрешите спросить у вас вот что – можете ли вы с уверенностью утверждать, что они предшествовали рождению Мэтью и Томаса Хатчей по меньшей мере на девять месяцев?

– Ваша честь! – вскричал мистер Дэрроу. – Боюсь, что обвинение вновь потакает своему пристрастию к намекам.

– Не уверен, что соглашусь с вами на сей раз, адвокат, – заметил судья. – Обвинение, хоть оно и было чертовски невыносимо, сейчас представило свидетельство, которое подтверждает возможность и средства касательно нашего дела. Я собираюсь позволить им перейти к вопросу мотива. Но вы, мистер Пиктон, будьте *осторожны*.

Мистер Пиктон с таким видом, будто мог расцеловать эту седую

пушистую голову, покачивающуюся над судейским столом, произнес:

– Да, ваша честь, – и вновь обратился к свидетельнице: – Ну что ж, миссис Райт. Можете вы сказать, что время примерно соответствовало последующему рождению двух младших детей Хатчей?

– Оно было ужасно близко к тому, – кивнула в ответ миссис Райт. – Помню, я еще отметила тогда это про себя. А когда мальчики стали выглядеть так, как стали, ох... я сделала свои выводы.

– А как они выглядели? – Мистер Пиктон украдкой покосился на судейское место. – Сейчас я прошу вас не допускать предположений, миссис Райт.

Вновь погрозив пальцем столу защиты, миссис Райт изрекла:

– Эти мальчики не унаследовали свой цвет – цвет глаз, кожи, волос – от мистера или миссис Хатч. Это всем было ясно. И заодно имелось кое-что еще – когда живешь в том же доме, где работаешь, начинаешь понимать его ритмы, так сказать. Миссис Хатч с мистером Хатчем спали в разных спальнях. Когда только поженились, они провели вместе несколько ночей в его комнате, но когда появилась Клара... ну, мистер Хатч, он всегда спал только в своей постели. А если миссис когда и входила вновь в комнату мистера Хатча – не для того, чтобы принести ему еду и лекарства, когда он умирал, – то я этого точно не замечала.

– Понимаю. Когда же в таком случае вы *в последний раз* видели, как миссис Хатч входит в комнату к мужу?

– В ту ночь, когда застрелили детей. Она носилась по всему дому – я не могла ее остановить, и потому мистер Лоуренс дал ей чего-то для успокоения. Но дверь была закрыта. Еще через несколько минут она вернулась – по-прежнему кричала и повсюду бегала. Заявила, что нашла револьвер мужа и боится, что может причинить себе вред с его помощью. Велела мне избавиться от этой вещи – и я завернула его в бумажный пакет и выкинула в старый колодец.

– Вы помните, что это был за пакет?

Миссис Райт кивнула:

– Мистер Хатч покупал все оптом, из экономии. У нас тогда оставался целый ящик пакетов с фабрики мистера Веста.

Мистер Пиктон подошел к своему столу и взял кусок бумажного пакета, срезанного Люциусом с кольца в тот вечер, когда был найден револьвер.

– Значит, на пакете должно было иметься такое клеймо? – Он передал ей обрывок оберточной бумаги.

Изучив бумагу, миссис Райт снова кивнула:

– Да, все верно.

– Вы уверены?

– Разумеется, я уверена. Видите ли, два года назад бумажная компания Веста перенесла эту надпись – вот сюда, со дна пакета наверх. Вы бы заметили, будь у вас достаточно таких вещей.

– А у вас таких вещей достаточно?

– Да, сэр. Никогда их не выбрасываю. Вдове, живущей на армейскую пенсию, приходится следить за расходами, хочешь не хочешь.

– Нет, ну конечно же. Что ж, спасибо вам, миссис Райт. У меня больше нет вопросов.

Мистер Пиктон сел, весьма довольный тем, что ни одно из показаний миссис Райт не исключили из протокола. Мистер Дэрроу же, напротив, казалось, погрузился в очередную перемену своей стратегии по ходу действия: переплел руки перед лицом, сурово нахмурил брови и минуту-другую ничего не говорил и не двигался.

– Мистер Дэрроу? – спросил судья. – У вас есть вопросы к этой свидетельнице?

Наконец произведя какое-то движение – но лишь глазами – мистер Дэрроу пробормотал:

– Всего один или два, ваша честь. – Потом, после новой паузы, встал: – Миссис Райт, вы когда-нибудь замечали в поведении ответчицы нечто, позволившее бы вам заключить, что она могла быть способна на убийство собственных детей?

Мистер Пиктон, едва устроившись в своем кресле, немедленно встал снова:

– Я должен возразить, ваша честь. Свидетельница недостаточно компетентна для обсуждения подобных тем. У нас есть алиенисты, которые смогут поведать, на что ответчица могла быть способна, а на что – нет.

– Да, – согласился судья, – и не сомневаюсь, что они начнут противоречить друг другу и заведут нас незнамо куда. Свидетельница, на мой взгляд, – женщина необычайного здравомыслия, мистер Пиктон, – к тому же именно *вы* и выступали за включение ее мнения в протокол. Я разрешаю ей ответить.

– Благодарю, ваша честь, – сказал мистер Дэрроу. – Ну, миссис Райт?

Улучив момент, чтобы все обдумать и еще раз тайком бросить взгляд на Либби, миссис Райт проговорила:

– Я... не рассчитывала на такой вопрос.

– Да? Тогда прошу прощения, что застал вас врасплох. Но все же постарайтесь найти ответ. *Приходилось* ли вам когда-нибудь, за все эти

годы работы на нее, подозревать, что миссис Хатч способна на убийство собственных детей?

Миссис Райт посмотрела на мистера Пиктона, и на ее лице явственно отразилась борьба, происходившая у нее в мыслях.

– Какого черта Дэрроу творит? – прошептал мистер Мур. – Я-то думал, это будет один из *наших* вопросов!

– Он заметил, что присяжные сделали выводы из ее показаний, – произнес доктор. – Хочет смутить ее, пытаясь вынудить к прямому обвинению. – Он тревожно подался вперед. – Но *удастся ли* ее смутить?..

Мистер Дэрроу скрестил руки:

– Я все еще здесь, миссис Райт.

– Это... – Луиза Райт на пару секунд заломила руки, – это не из тех вещей, какие стоит выбалтывать...

– В самом деле? – осведомился мистер Дэрроу. – Сдается мне, вы уже и так «выболтали» преизрядно. И не думаю, что это позволит вам прерваться. Но я попробую облегчить задачу. Вы заявляете, что миссис Хатч была вовлечена в, судя по всему, довольно страстный роман с преподобным Паркером. Вам не кажется, что ей проще было бы сбежать с ним, раз муж уже умер, если бы не пришлось тащить с собой троих детей?

– Это слишком резкие слова, – ответила миссис Райт, снова косясь на Либби.

– Если сможете подобрать для подобных обвинений слова помягче – дайте мне знать. Так что, миссис Райт?

– Вы не понимаете, – произнесла женщина, на сей раз чуть демонстративнее.

– И чего же я не понимаю?

Миссис Райт подалась вперед, пристально глядя на мистера Дэрроу:

– У меня есть дети, сэр. Мы с мужем родили двоих, пока его не убили на войне. Я не могу вообразить, что могло заставить женщину совершить такое. Это неестественно. Для матери положить конец любой жизни, принесенной ею в мир, – просто неестественно.

– Ваша честь, я вынужден просить у вас помощи, – объявил мистер Дэрроу. – Вопрос, по-моему, был довольно внятными.

– Миссис Райт, – промолвил судья Браун, – у вас всего лишь спрашивают ваше мнение.

– Но это же ужасно, ваша честь – обвинять кого-нибудь!

Мистер Дэрроу, почуяв ее страх, подошел ближе к свидетельскому месту:

– Но штат *и так* обвиняет ее, миссис Райт, а вы – свидетель стороны

обвинения. Ну, давайте, вы ведь знали, что миссис Хатч была вычеркнута из завещания мужа – и единственным способом унаследовать его деньги для нее была смерть детей. Неужели и это не навело вас на подозрения?

– Хорошо же, раз так! – наконец воскликнула женщина. – Это и вправду *наводит* меня на подозрения – но обвинять кого-то все равно ужасно!

– Это *наводит* вас на подозрения, миссис Райт, – тихо спросил мистер Дэрроу, – или же *наводило*? Скажите, если я правильно вас понял. Вы говорите, что миссис Хатч иной раз могла вспылить. Вы говорите, что она пребывала в романтических отношениях с преподобным Паркером. И вы говорите, что она хотела денег мужа. И все, что вы *сейчас* говорите, является основанием полагать, что она убила своих детей – хотя в то время вы не выдвигали никаких подобных обвинений.

– Разумеется, нет! – выдохнула миссис Райт. – Меня и спросили-то об этом лишь около недели назад.

– Вот именно, миссис Райт, – весьма довольно провозгласил мистер Дэрроу. – Скажите мне – вы когда-нибудь знали других женщин, поднимавших руку на своих детей?

Лицо миссис Райт озадачилось:

– Ну конечно.

– Слышали о таких, кто был неверен своим мужьям?

Нервно заерзав, миссис Райт попыталась сдержать голос:

– Об одной или двух, пожалуй.

– А про таких, которые выходили за богатого старика, чтобы прибрать к рукам его деньги?

– Возможно.

– Как по-вашему, могла хоть одна из них оказаться способна убить своих детей?

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что сказал, миссис Райт.

– Я... я не знаю.

– Но у вас есть довольно определенные подозрения насчет миссис Хатч. *Сейчас*, я имею в виду.

– Я вас не понимаю.

– А я думаю – понимаете, – бросил мистер Дэрроу, снова подходя ближе. – Миссис Райт, скажите, вы подумали, что миссис Хатч убила своих детей, только *сейчас*, потому что помощник окружного прокурора со своими следователями *внушил* вам, что она могла это сделать, не так ли?

– Ваша честь! – крикнул мистер Пиктон, срываясь с места. – Если

адвокат защиты подразумевает, что свидетельница лжет...

– Ваша честь, ничего подобного я не подразумеваю, – изрек мистер Дэрроу. – Я лишь пытаюсь установить истоки подозрений миссис Райт и показать, что, как и масса прочих вещей в этом деле, они, похоже, ведут к помощнику окружного прокурора – и к людям, кои консультируют его на этот счет.

– Мистер Дэрроу, – произнес судья Браун. – Мне казалось, мы уже покончили с инсинуациями...

– Так и есть, ваша честь, – любезно отозвался мистер Дэрроу. – У меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

Повисла долгая пауза, мистер Пиктон смотрел, как мистер Дэрроу занимает свое место, со смесью гнева и временного замешательства на лице.

– Мистер Пиктон? – наконец осведомился судья Браун. – Желаете провести повторный опрос?

Мистер Пиктон повернулся к судье:

– Нет, ваша честь.

– Тогда свидетельница свободна, – закончил судья, и потрясенная миссис Райт спустилась со свидетельского места и пошла обратно. Судья Браун вновь взглянул на мистера Пиктона: – У вас есть еще свидетели, сэр?

Стараясь окончательно взять себя в руки, мистер Пиктон тревожно посмотрел на дверь, а потом на шерифа Даннинга, но тот лишь пожал плечами.

– На самом деле, ваша честь, – объяснил мистер Пиктон, – следующий свидетель обвинения, видимо, еще не прибыл. Его должны были сопровождать в город два помощника шерифа Даннинга, но не знаю...

Тут в главные двери протиснулся мальчик. Он был в униформе «Западного союза», а в руке сжимал конверт. О чем-то спросив охранника у двери, он взглянул на стол мистера Пиктона и направился к нему по проходу.

Завидев его, мистер Пиктон провозгласил:

– Это, возможно, весть от нашего свидетеля, ваша честь – если вы позволите, всего минуточку.

– *Минуточку*, мистер Пиктон, – обронил судья, откидываясь на спинку кресла.

Посыльный миновал два ряда кресел, где сидели мы, вручил мистеру Пиктону конверт и попросил расписаться. Быстро поставив подпись, мистер Пиктон вскрыл телеграмму и бегло ее прочел; потом перечитал еще раз, будто ее содержание показалось ему бессмысленным. Наконец, при

третьем чтении, с его лица совершенно схлынула краска, и он осел на стоявший позади стул.

– Пиктон, – прошептал доктор, – что такое?

Судья Браун подался вперед в своем кресле, с видом одновременно озабоченным и раздраженным:

– Мистер Пиктон? С вами все в порядке, сэр?

– Ваша... ваша честь, – выдохнул мистер Пиктон, пытаясь подняться на ноги. – Я... – Уставившись в пол перед собой невидящим взглядом, он в конце концов восстановил дыхание, прочистил горло и поднял глаза. – Прошу прощения, ваша честь. Обвинение собиралось пригласить преподобного Клэйтона Паркера. Он должен был этим утром приехать первым поездом в сопровождении двух помощников шерифа Даннинга. Видимо, произошел... несчастный случай...

– Несчастный случай? – повторил судья. – Какого рода?

Мистер Пиктон помолчал, снова взглянул на телеграмму и медленно произнес:

– Очевидно, преподобный Паркер упал под колеса приближающегося поезда на вокзале Гранд-Сентрал, сегодня утром. Он был серьезно изранен и доставлен в ближайшую больницу. Скончался там через сорок пять минут.

Новость поразила зал не меньше, чем этот самый поезд – беднягу преподобного. Люди на галереях – некоторые из них были прихожанами Паркера – зашумели в открытую, кое-кто расплакался. Мы же оказались слишком ошарашены, чтобы хоть что-нибудь сказать или сделать. И, разумеется, сомнений у нас не было: все мы понимали, что причиной этой смерти был на самом деле отнюдь не несчастный случай. Смерть под поездом на вокзале Гранд-Сентрал была практически невозможна, если только кто-нибудь не вызвался ей поспособствовать – кто-то опытный в подобных вещах, сильный и достаточно безумный, чтобы повернуть такую штуку среди немалой толпы, кто-то, кого не волновало присутствие двух помощников шерифа. К примеру, кто-нибудь, ошалевший от марафета, – кто-нибудь вроде одного из Пыльников.

Либби Хатч издала короткий громкий звук, и, готов поклясться, это был смех – но когда я обернулся, она уже спрятала лицо в ладонях и вроде бы плакала.

Судья Браун принялся восстанавливать порядок, однако намного умеренней, чем обычно. Народ утих, и судья мрачно оглядел зал.

– Суд действительно огорчен такими известиями. Преподобного Паркера хорошо знали и уважали в этой общине, несмотря на все

прозвучавшие здесь заявления. С учетом данных обстоятельств я предлагаю объявить перерыв до двух часов – и тогда, мистер Пиктон, вы сможете вызвать следующего свидетеля. Или, если времени вам нужно больше...

По-прежнему крайне ошеломленный, мистер Пиктон покачал головой:

– Нет, ваша честь. Благодарю вас. Обвинение будет готово к двум часам. Со следующим свидетелем...

Судья стукнул молотком, и лишь только он покинул зал, все вновь ожило. Мистер Пиктон снова рухнул на стул, но никто из нас не сделал к нему и шага – попросту не зная, что тут можно сказать. Все снова пошло не так, как он планировал, и будущее нашего дела теперь, похоже, оказалось под сомнением – особенно в свете того, как мистер Дэрроу обращался с Луизой Райт, свидетельницей, чьим показаниям теперь не осталось никакого подкрепления. Понимая все это, мистер Пиктон довольно долго сидел так, не отрываясь от телеграммы в руке; наконец он поднял голову и посмотрел на нас – точнее, на одного из нас.

– Что ж, доктор, – очень тихо промолвил он. – Надеюсь, к двум вы будете готовы, потому что я не могу позволить присяжным до утра обдумывать уже услышанное сегодня. – Он прервался и поднял бровь: – Вы – все, что у нас осталось.

Доктор кивнул, понимая, похоже, в каком трудном положении теперь оказался. Но когда он заговорил, голос его был очень сдержанным – даже спокойным.

– Все в порядке, мистер Пиктон, – заверил он, прикасаясь к своей бородке. – Я, кажется, научился паре трюков у нашего друга Дэрроу...

Глава 47

Вернувшись днем в зал суда, я заметил перемену в расположении охранников, тогда не особо-то меня и впечатлившую. Крупный мужчина, что прежде стоял за Ифегенией Блейлок, перешел к двери, а Генри, наш старый приятель с вытянутой головой и тупыми мозгами, оказался за дубовыми перильцами ограждения, рядом со столом защиты. Списав сию перестановку на желание охранников поменяться местами, я, как уже сказал, не слишком этим заморочился; однако сейчас, оглядываясь назад, я понимаю – то был первый признак куда более зловещих событий, тех, что в итоге привели к неожиданному и ужасному исходу дела. Сообрази я тогда – я или любой другой из нас, – что на самом деле стоит за этой переменой, получилось бы обойтись без всех этих страданий. Единственным, кто по логике вещей смог бы, пожалуй, верно истолковать это, был доктор, но он слишком сосредоточился на грядущем поединке с мистером Дэрроу, чтобы обращать внимание на такие, казалось бы, незначительные подробности.

Дав присягу ровно в половине третьего, доктор почти весь следующий час отвечал на вопросы мистера Пиктона о работе, проведенной с Кларой, после чего обсуждение перешло к оценке психического состояния Либби Хатч. Когда доктор только начал говорить, присяжные, как и зрители на галерке, вполне явственно склонялись к принятию его утверждений, что называется, скептически – но, как это часто и происходило при его появлениях в суде, он постепенно расположил к себе по меньшей мере часть из них своими четкими и полными сочувствия суждениями, особенно когда речь шла о Кларе. Ясно дав понять, что при обращении с девочкой он попросту следовал стандартной процедуре, принятой в подобных случаях, – и объяснив, с каким количеством аналогичных случаев уже имел дело, – доктор изобразил портрет очень смышенной, чувствительной девочки, чей ум был ужасно сбит с толку, но все же не поврежден событиями, случившимися вечером 31 мая 1894 года. Его описание Клары смягчило присяжных настолько, что они начали интересоваться подробностями его медицинской диагностики, вместо того чтобы отмахнуться от них. И пока он рассказывал, как дни напролет сидел и рисовал с ней, объясняя, что не пытался ни заставить девочку говорить, ни внушить ей какие бы то ни было слова, как только она наконец начала разговаривать, эти двенадцать мужчин становились все более и более восприимчивы – так что когда мистер Пиктон перешел к вопросам о Либби

Хатч, они уже были готовы выслушать все, что доктор собирался сказать. Здесь не было никаких хитроумных манипуляций: просто когда доктор – при всем своем необычном облике, акценте и странной сути большей части его работы – заговаривал о детях, отношение его было столь честным и заботливым, что даже самые скептически настроенные не сомневались – он искренне беспокоится о благе своих юных подопечных.

Все вопросы мистера Пиктона о Либби Хатч были направлены на одну общую цель: показать, что эта женщина была расчетлива, а не безумна и что она весьма поднаторела в использовании самых разных способов добиться своего. Доктор поведал о трех разных подходах, кои она испробовала, пытаясь вызвать его сочувствие: прикидывалась жертвой, искусительницей и, в итоге, гневной грубиянкой, – и объяснил, почему ни один из них не считается, пользуясь его словами, «патологическим» по природе. На самом деле то были методы, весьма широко используемые множеством разных женщин при попытках завладеть той или иной ситуацией – в особенности ситуацией с участием мужчин. На мгновение прикинувшись адвокатом дьявола, мистер Пиктон спросил, нельзя ли убийство женщиной своих детей в действительности считать частью одной из таких попыток – если попробовать рассмотреть его как старание получить больше власти над собственной жизнью и миром. Тут доктор пустился в долгое перечисление аналогичных случаев, которые он видел сам или читал о них – случаев, когда женщины в самом деле расправлялись со своими отпрысками, если эти самые дети стояли на пути к тому, что их матери почитали для себя первостатейными потребностями.

Частью этой беседы стал тщательный разбор хорошо известного всем нам случая: жизни и убийств Лидии Шерман, «Королевы отравителей». Доктор подметил некоторые чрезвычайно близкие черты этой убийцы и Либби Хатч: Лидия Шерман, пользуясь терминологией доктора, была «ни по темпераменту, ни по конституции не приспособлена ни к браку, ни к материнству», но это не останавливало ее все новую и новую охоту на мужей и произведение на свет детей. Когда дела шли совсем уж невыносимо – как всегда и происходило, учитывая ее личность, – она попросту убивала всю семью, вместо того, чтобы смириться с тем, что проблема, видимо, кроется в ней самой. Та же «динамика», сообщил доктор, управляла и поведением Либби: по каким-то причинам (тут он не преминул упомянуть, что Либби никогда не обсуждала с ним свое детство) обвиняемая просто не могла вынести разрыв между тем, что желала, и тем, что общество, по ее мнению, навязывало женщине. Своевольная, поглощенная личными желаниями и потребностями, Либби даже детям не

могла позволить помешать своим планам; однако в то же время она испытывала отчаянную нужду в общественном признании себя достойной женщиной, заботливой матерью и любящей женой. С этой точки зрения странная история о призрачном негре на Чарлтон-роуд оказывалась не такой уж и необычной: лишь столь фантастическая выдумка могла выставить ее перед жителями городка героиней, а не женщиной, которая убила помешавших ей троих детей. Но во всем этом, подчеркнул доктор, не было ничего безумного: представители мужского пола очень часто отправляются за подобные преступления на виселицу, однако никто не предполагает у них сумасшествия.

Но нет ли различий между мужчинами и женщинами в этой связи, спросил мистер Пиктон. Только в глазах общества, отвечал доктор. Мир в целом не желает смириться с тем, что связь между матерью и ее детьми – кою большинство людей почитает единственными подлинно надежными кровными узами, – на самом деле бывает какой угодно, только не священной. Не позволив высказать вопросы, наверняка вертевшиеся в головах у присяжных, мистер Пиктон осведомился, почему же Либби попросту не бросила детей и не сбежала, дабы начать новую жизнь где-то еще, как поступали другие женщины. Неужели только деньги, которые она надеялась выручить из имущества мужа после смерти детей, довели ее до кровопролития? Эти вопросы намеренно позволяли доктору повторить основную мысль его показаний, вдолбить ее в мозги присяжным – и доктор воспользовался этой возможностью для удара. Даже сильнее жажды Либби к богатству, сообщил он, была страсть предстать перед миром хорошей матерью. Каждый человек, объяснил он, хочет верить – и хочет заставить поверить весь мир – в то, что он (или она) в состоянии исполнить самые основные жизненные функции. Это в особенности справедливо для женщин, взращенных в американском обществе: девочкам внушают (тут доктор процитировал мисс Говард, которая, в конце концов, и привела его к осознанию сего факта), что, если они окажутся неспособны к продолжению рода, сей недостаток не исправить уже ничем. Либби Хатч особенно «прониклась» этим убеждением – вероятно, благодаря своей семье. Она просто неспособна была вынести обращение с собой как с человеком, который не может или не хочет должным образом заботиться о своих детях; ей казалось, что смерть их лучше, чем это позорное клеймо. Но, вмешался мистер Пиктон, такие мысли большинство людей сочтет безумием – и не безумие ли это *в действительности*, в какой-то мере? Нет, сказал доктор, это – нетерпимость. Да, нетерпимость мстительная и неистовая, но ее все же не относят пока – и, как он считает, никогда не будут относить – к

психическим расстройствам.

Мы, конечно, уже не раз слышали все это за последние недели – но доктору с мистером Пиктоном удалось влить в сии дебаты достаточно новой крови, так что диалог захватил даже нас. Эффект, произведенный им на присяжных, судя по их виду, был еще сильнее – и, полагаю, именно поэтому мистер Дэрроу сразу взял быка за рога, лишь только мистер Пиктон сел.

– Доктор Крайцлер, – сказал он, подходя к свидетельскому месту с суровостью на лице, – верно ли, что вы с вашими компаньонами недавно пытались доказать виновность ответчицы в необъяснимой смерти ряда детей в Нью-Йорке?

Мистеру Пиктону даже вставать не потребовалось: прежде чем он успел выразить протест, судья Браун грохнул своим молотком, утихомиривая громкие пересуды, которые этот вопрос породил на обоих галереях и скамье присяжных.

– *Мистер Дэрроу!* – заорал он. – С меня хватит подобных безответственных вопросов – от *обеих* сторон! Вы и мистер Пиктон – оба в мой кабинет, *немедленно!* – Судья встал и обратился к присяжным: – А вы, джентльмены, игнорируете этот последний вопрос, который будет исключен из протокола! – Вновь повернувшись, он посмотрел на доктора: – Свидетель может сойти с места – но вы по-прежнему будете под присягой, доктор, когда мы вскорости вернемся. Пойдемте, джентльмены!

Судья Браун – с такой скоростью, что показался попросту мазком чернил, – выскочил через заднюю дверь зала суда, за ним быстро проследовали мистер Дэрроу и мистер Пиктон. Едва они вышли, толпа забурлила оживленными пересудами. Доктор, не желая показаться шокированным, медленно встал и подошел к нашим местам.

– Ну, доктор, – сказал Люциус, – вот теперь, полагаю, начнется *настоящий* процесс.

– Он готовит почву для своих экспертов, – добавил Маркус, глядя через весь зал на миссис Кэди Стэнтон, доктора Уайта и «доктора» Гамильтона. – Он понимает, что не сможет достать вас обвинением в некомпетентности, поэтому станет упираться на скрытый мотив. Вот только я не думал, что проделает он это столь быстро.

– У него не было иного выбора, – ответил доктор. – Если бы он подводил к своему обвинению постепенно, судья ни за что бы не позволил ему осуществить задуманное. А так он по крайней мере уверен – присяжные услышали его слова. Это стоит нотации в кабинете судьи.

– Что касается его свидетелей, тут дела, кажется, будут похуже, –

проговорил Сайрус, указывая на стол защиты. Либби Хатч поднялась и представилась миссис Кэди Стэнтон, и когда они пожимали друг другу руки, я расслышал, как пожилая дама сказала: «Спасибо, спасибо вам», почти без сомнения в ответ на весьма лестное замечание обвиняемой – замечание из тех, кои она расточала доктору в их первую встречу.

– Может, мне попробовать положить этому конец, – вмешалась мисс Говард, глядя, как эта парочка продолжает болтать. – Теперь, когда тема вынесена, так сказать, на обсуждение, не сомневаюсь, миссис Кэди Стэнтон поймет...

– Не стоит, Сара, – перебил доктор. – Не будем снабжать Дэрроу дополнительным оружием, пытаюсь сдружиться с его свидетелями. – Взгляд его черных глаз переместился на заднюю дверь зала, и доктор улыбнулся. – Могу лишь представить, что там сейчас происходит...

А происходил там, как мы позже узнали от мистера Пиктона, полный отчет помощника окружного прокурора перед судьей о том, что же привело всех нас в Боллстон-Спа. Похоже, частные детективы мистера Дэрроу (которые, как выяснилось, были на самом деле частными детективами мистера Вандербилта) с помощью нью-йоркского Сыскного бюро и разных служащих «Родильного дома» и больницы Святого Луки составили довольно неплохое представление обо всех наших последних действиях в отношении Либби Хатч. Мистер Дэрроу, кажется, не знал лишь о деле Линаресов, а мистер Пиктон позаботился о том, чтобы не выдать никаких сведений на сей счет. Судья Браун раздраженно выслушал все эти новости, и хотя они нисколько не способствовали его дальнейшему расположению к мистеру Пиктону и остальным из нас, после них он лишь утвердился в своем намерении исключать из протокола дела все не связанные с ним вопросы. Он весьма жестко поставил перед этим фактом мистера Дэрроу: отныне защита может говорить, что ей вздумается, о личных или профессиональных мотивах и методах доктора, но не смеет поднимать тему прочих заявлений или расследований. Мистер Дэрроу возразил, что без привлечения прочих расследований будет тяжело представить точную картину истинных побуждений доктора, но судья, как и предполагал мистер Пиктон, твердо стоял на своем, заявив, что дело Хатч следует рассматривать по его существу. Он предостерег мистера Дэрроу от новых попыток запудрить присяжным мозги неожиданными вопросами, которые будут исключаться из протокола (но, разумеется, их нельзя было исключить из человеческой памяти), после чего эти трое вернулись в зал суда, и защита продолжила опрос доктора.

– Доктор Крайцлер, – сказал мистер Дэрроу, когда наконец расселись

зрители на галереях. – Чем именно вы занимаетесь, сэр?

– Я алиенист и психолог, – ответил доктор. – В этом качестве работаю в большинстве нью-йоркских больниц. Кроме того, я при необходимости провожу для города оценки психической дееспособности и выступаю свидетелем-экспертом в таких процессах, как этот.

Мистер Дэрроу порывался уже было задать следующий вопрос, но тут доктор продемонстрировал, что имел в виду, когда сказал, что выучился кое-чему у адвоката защиты:

– Однако я должен добавить, что в настоящее время не являюсь действующим директором Института в связи с судебным расследованием дел в нем, начатым после самоубийства недавно поступившего к нам мальчика.

Расстроенный тем, что шанс лично вытрясти эти сведения из доктора ускользнул, мистер Дэрроу спросил:

– Фактически вам было приказано не возвращаться в Институт в течение шестидесяти дней, верно?

– Да. Подобное решение – не редкость для суда с учетом имеющихся обстоятельств. Оно позволяет более свободно и эффективно расследовать, что же вынудило мальчика лишиться себя жизни.

– И следствию уже удалось обнаружить какие-либо ответы на вопрос, почему мальчик лишил себя жизни?

Доктор почти незаметно опустил глаза:

– Нет. Не удалось.

– Это, должно быть, особенно разочаровывает человека, большую часть жизни старающегося помогать детям.

– Вряд ли разочаровывает. Озадачивает, это верно. И тревожит.

– Ну, я не алиенист, доктор, – изрек мистер Дэрроу, подойдя к присяжным. – Но, на мой взгляд, озадаченность и тревога вместе как раз без особого труда могут составить разочарование. Вы не согласны?

Доктор пожал плечами:

– Возможно.

– А человек, разочарованный в одной области, вероятно, захочет найти удовлетворение в другой – по крайней мере, так всегда казалось мне. – Вернувшись к своему столу, мистер Дэрроу взял с него книгу. – Скажите – вы знаете доктора Адольфа Майера⁵⁶?

Доктор кивнул:

– Конечно. Он мой коллега. И друг.

– Похоже, дети тоже представляют для него особый интерес, судя по его работам.

Доктор безмолвно кивнул.

– Полагаю, вы читали, что он пишет о детях с, как он выражается, «болезненным воображением»?

Доктор снова кивнул, и мистер Дэрроу осведомился:

– Может, вы расскажете присяжным, что означает этот термин?

– Болезненное воображение, – ответил доктор, поворачиваясь к присяжным, – характеристика детей, чьи фантазии не поддаются контролю, даже с помощью сознательных усилий. Такие дети часто страдают кошмарами и ночными страхами, и это состояние в крайней своей степени способно даже привести к галлюцинациям.

Подхватив вторую книгу, мистер Дэрроу вернулся к месту свидетеля.

– А что насчет этих двух европейских докторов – Брейера⁵⁷ и Фрейда? Вы знаете о них?

– Да.

– Они, похоже, неплохо изучили истерию и ее последствия. Признаюсь, я даже не знал, что означает это слово, пока не принялся за сей том. Всегда считал, что оно относится к перевозбужденным леди.

По галереям пронесся тихий смех, и доктор выждал, пока он не стих, а потом ответил:

– Да, слово ведет происхождение от греков, которые полагали, что сильные нервные расстройства свойственны женщинам и берут начало в матке.

Мистер Дэрроу улыбнулся и покачал головой, откладывая книги:

– Что ж – мы продвинулись дальше, не так ли? Сегодня истеричным может быть почти *кто угодно*. Боюсь, что я непреднамеренно чуть не довел до этого состояния его честь. – Зрители на сей раз засмеялись чуть громче, но судья лишь бросил на мистера Дэрроу ледяной взгляд. – И я приношу за это свои извинения, – сказал адвокат, поднимая руку, а потом вновь посмотрел на доктора. – Но мне интересно, что об истерии говорят эти два джентльмена, Брейер и Фрейд. Они, кажется, считают, что корни ее таятся в детстве, как и у болезненного воображения. Доктор, возможно ли, что Клара Хатч страдает болезненным воображением или же истерией?

Я заметил, что доктор изо всех сил сдерживается от издевки над вопросом:

– Нет. Я так не считаю. Как я уже говорил обвинителю штата, Клара страдала тем, что я называю «затяжной истерической диссоциацией». Она достаточно отличается от истерии, описываемой Брейером и Фрейдом.

– Вы, кажется, чертовски уверены, проведя – сколько дней с девочкой?

– В целом – десять.

– Быстрая работа, – оценил мистер Дэрроу, прикидываясь пораженным. – А что же с Полом Макферсоном – тем мальчиком, который убил себя в вашем Институте?

При упоминании несчастного ребенка доктор смог сохранить полное спокойствие:

– А что с ним, если конкретнее?

– Он страдал этими патологиями?

– Не могу сказать. Он провел у нас слишком мало времени.

– Да? И сколько же?

– Несколько недель.

– Несколько недель? Неужели вам не хватило этого времени, чтобы сформулировать точный диагноз? Ведь с Кларой у вас ушло всего *десять* дней.

Доктор понял, куда клонит мистер Дэрроу, глаза его сузились.

– В Институте я занимаюсь десятками детей. Клара же, напротив, располагала моим безраздельным вниманием.

– Нисколько не сомневаюсь, доктор. Не сомневаюсь. И вы сказали девочке, что ваши совместные усилия помогут ей, я прав? – Доктор кивнул. – А вы говорили, что это поможет и ее матери?

– У таких детей, как Клара, – объяснил доктор, – воспоминания об ужасном происшествии вызывают разделение психики. Она отстранилась от их реальности, отказавшись общаться с остальным миром...

– Это чрезвычайно интересно, доктор. Но не ответите ли на вопрос?

Помолчав и затем неохотно кивнув, доктор признался:

– Да. Я сказал девочке – если она сможет справиться с силами и заговорить о том, что случилось, это поможет ей – и ее матери.

– Выходит, для нее было очень важно помочь матери?

– Да. Клара любит мать.

– Даже несмотря на свое мнение о том, что мать пыталась убить ее? А братьев – *убила*? – Не дожидаясь ответа, мистер Дэрроу продолжал давить: – Скажите мне, доктор, когда вы работали с Кларой, кто первым упомянул о том, что на самом деле нападение на Чарлтон-роуд совершила ее мать? Вы или она?

Доктор чуть отшатнулся в чрезвычайном негодовании:

– Она, конечно же.

– Но вы уже предполагали, что виновна в этом ее мать, верно?

– Я... – Доктор с трудом подбирал слова – редкое зрелище. – Я не был уверен.

– Вы проделали весь этот путь в Боллстон-Спа по просьбе помощника

окружного прокурора потому, что *не были уверены?* Попробуем задать вопрос иначе, доктор: вы *подозревали*, что виновница нападения – мать Клары?

– Да, подозревал.

– Понимаю. Итак, вы приезжаете в Боллстон-Спа, проводите каждый час бодрствования с девочкой, которая за три года ни слова не сказала ни единой душе, используете все возможные трюки и приемы вашей профессии...

– Я не использую трюков, – бросил доктор, начиная выходить из себя. Но мистер Дэрроу не остановился:

– ... чтобы эта девочка понадеялась на вас и поверила, что вы стараетесь помочь ей, тогда как сами вы все время подозревали, что стреляла в нее на самом деле ее же мать. И вы искренне просите нас поверить, что ни одно из ваших подозрений никак не выдало себя при занятиях с этим ребенком, ни разу за эти десять дней?

Доктор напряг челюсть с такой силой, что его следующие слова едва можно было разобрать:

– Я не *прошу* вас ни во что поверить. Я рассказываю вам, что *произошло*.

Но мистер Дэрроу вновь игнорировал его высказывание.

– Доктор, свое психическое состояние после потери Пола Макферсона вы описали нам как «озадаченное» и «встревоженное». Будет ли справедливо сказать, что вы до сих пор озадачены и встревожены по этому поводу?

– Да.

– Озадачены, встревожены – и потенциально дискредитированы в глазах коллег, полагаю, если расследование покажет, что смерть Пола Макферсона была вызвана тем, что он не получил необходимого ему количества заботы и времени у вас в Институте. Ведь, как вы говорите, вы не смогли уделить этому мальчику «безраздельного внимания». И его не стало. И тогда вы приезжаете сюда, преисполненный вины за мертвого ребенка и подозрений относительно обвиняемой. И вдруг встречаете маленькую девочку, которой *можете* уделить ваше «безраздельное внимание» – которую можете *спасти* от участи, постигшей Пола Макферсона. Но только – *только* – если найдется разгадка тайны, держащей девочку в безмолвии все эти годы. И тогда – вы *создаете* разгадку.

– Я ничего не создавал! – возразил доктор, безотчетно хватаясь за свою левую руку.

– Вы так уверены, доктор? – уточнил мистер Дэрроу, повышая голос. – Вы уверены, что не *заронили* в сознание Клары Хатч – как мог только умный алиенист – идею о том, что виновницей была ее мать, а не какой-то сумасшедший, испарившийся и так и никогда не пойманный – лишь ради того, чтобы она снова могла говорить и радоваться счастливой жизни?!

– Ваша честь! – выкрикнул мистер Пиктон. – Это вопиющая травля свидетеля!

Но судья Браун отмахнулся от него.

Видя это, мистер Дэрроу продолжал:

– Одна лишь проблема, доктор, одно лишь препятствие. Чтобы ваша схема – ваша и обвинения – сработала, моя клиентка должна отправиться на электрический стул! Но что же это будет значить для вас? Что вы будете реабилитированы – в собственном сознании и в глазах коллег, а дело Макферсона окажется более чем уравновешено делом Хатч! Ваша драгоценная честность будет восстановлена, и обвинение штата сможет закрыть дело о неразгаданном убийстве! Простите меня, конечно, доктор, но я не готов пойти на такую сделку. В этой жизни случаются трагедии, на которые *нет* ответов!

Внезапно, таким жестом, от которого мистер Мур, мисс Говард и я лишились дыхания, мистер Дэрроу схватил свою левую руку, точно копируя действия доктора; потом он отпустил ее, дав понять, что знает, *знает* откуда-то тайну прошлого доктора.

– Да – трагедии без ответов, доктор, о чем вы прекрасно осведомлены! И попытка подвести итоги и закрыть счета ничего не изменит! Затягивание петли вины на шее моей клиентки не вернет силы парализованной руке Клары Хатч и не оживит Пола Макферсона. Все совсем не так просто, доктор, не так *объяснимо*. Сумасшедший совершил преступление и исчез. Мальчик зашел в умывальную и повесился. Ужасные, необъяснимые события – но я не позволю ни вам, ни обвинению растерзать мою клиентку лишь потому, что вам жизнь не мила без объяснений! Нет, сэр, – не позволю! – Обернувшись к присяжным, мистер Дэрроу воздел толстый палец к небесам, потом уронил руку, словно внезапно почувствовав полное изнеможение. – И я надеюсь – и, может, даже *молюсь*, – что вы, джентльмены, тоже этого не позволите. – Тут он вздохнул и проследовал к своему месту со словами: – У меня больше нет вопросов.

Казалось, что с тех пор, как мистер Дэрроу начал говорить, прошло немало времени, и я вроде бы никогда раньше не испытывал к доктору такого сочувствия, как в тот момент – когда его отпустили со свидетельского места, и он медленно пошел обратно, туда, где сидели мы.

Я знал, каково ему, как глубоко ранили его слова мистера Дэрроу – и потому, когда он не остановился у своего кресла, а побрел дальше, к выходу, я вовсе не удивился. И ни шагу не сделал вслед за ним, понимая, что несколько минут ему лучше побыть одному – но едва судья объявил перерыв до десяти утра следующего дня, я метнулся к выходу, Сайрус и мистер Мур – за мной по пятам.

Доктора мы увидели на другой стороне улицы: он стоял под деревом и курил. Когда мы приблизились, он даже не шевельнулся – просто продолжал искоса смотреть на здание суда, сузив глаза. Мы с Сайрусом встали рядом с ним, каждый со своего боку, а мистер Мур подошел и посмотрел на доктора в упор.

– Что ж, Ласло, – осторожно, но с улыбкой, проговорил он. – Думаю, вам у него еще учиться и учиться.

Доктор лишь выдохнул клуб дыма и еле заметно улыбнулся другу детства:

– Да, Джон. Похоже на то...

Потом до нас донесся голос мистера Пиктона, и мы увидели, что сам он появился на ступенях перед залом суда в сопровождении мисс Говард, Айзексонов и Эль Ниньо. Узрев нас, они заспешили в нашу сторону, причем мистер Пиктон пыхтел своей трубкой и будто лупил кулаком по чему-то невидимому.

– Да будь он проклят! – провозгласил он, убедившись, что доктор в порядке. – Нет, ну до чего наглый паршивец, а! *Простите*, доктор. Он был не прав – чудовищно не прав.

Доктор, не шелохнувшись, перевел взгляд на мистера Пиктона.

– Не прав? – тихо произнес он. – Да, он был не прав – насчет Либби Хатч. И этого дела. Но вот насчет меня?..

Пожав плечами, доктор выкинул сигарету в канаву и в одиночестве зашагал вниз по Хай-стрит.

Глава 48

К полуночи того вторника ставки в «Казино» у Кэнфилда против того, что мы засудим Либби Хатч, поднялись до сотни к одному, и нетрудно было понять, почему: мистеру Дэрроу удалось-таки посеять в сознании присяжных сомнения в баллистических показаниях Люциуса еще до выступления его собственного «эксперта», Алберта Гамилтона, тогда как соображения миссис Луизы Райт о возможном романтическом мотиве убийства обратились в недоказуемые после неожиданного и ужасного «несчастливого случая», приключившегося с преподобным Клэйтоном Паркером тем утром на вокзале Гранд-Сентрал. Весьма результативные вопросы мистера Дэрроу относительно побуждений и методов доктора оказались глазурью на этом безрадостном тортике, и всем нам было ясно – если дела пойдут так и дальше, поражение себя ждать не заставит.

Неудивительно, что атмосфера в доме мистера Пиктона тем вечером из унылой превратилась в такую, что могло показаться: здесь справляют поминки. Мы, будто бы смирившись с самим судебным делом как таковым, постарались сосредоточить свою энергию не на том, что оставалось предпринять в суде (да, в общем-то, почти и нечего с нашей стороны, не считая официального объявления мистера Пиктона о том, что обвинение изложило все по данному делу), а на тех действиях, кои нам требовалось предпринять, дабы постараться вызволить Ану Линарес из берлоги Пыльников до возвращения Либби в Нью-Йорк. То есть послать весточку Кэт через посредника, нанятого мистером Муром, – подружку Кэт, Бетти, которая, по идее, ждала, что мы пришлем телеграмму на адрес заведения Фрэнки, как только пойдем, что Кэт пора действовать. Даже одни только разговоры об этом снова ужасно подействовали на мои нервы, и какие-то минуты я даже подумывал было самому свалить в Нью-Йорк и убедиться, что все в порядке и как надо; но я понимал – ежели мое присутствие там будет замечено, положение Кэт от этого станет еще рискованней. И потому я остался где был – дожидаться вместе с остальными того, что, похоже, обещало стать бесславным концом нашего предприятия в Боллстон-Спа.

– Так что новый век принесет новую юриспруденцию, – такой мистер Пиктон подвел итог, когда мы расселись поздно вечером на парадном крыльце его дома. – Процессы, где жертвы и свидетели предстают перед судом вместо обвиняемых, где убийцу рассматривают как «женщину», а не как личность... ах, доктор, это не шаг вперед, вот что я скажу, и что-то не

хочется мне быть его частью. Если все так пойдет и дальше, мы окажемся в каком-то мрачном мире, где юристы пользуются невежеством среднего обывателя, чтобы манипулировать правосудием, подобно священникам в Средневековье. Нет, если мы проиграем это дело – *когда* мы проиграем это дело, – подозреваю, оно будет моим последним.

– Хотелось бы мне суметь найти здесь хоть какой-то аспект, что принес бы вам утешение, – тихо ответил доктор. – Но, боюсь, я его не вижу. Дэрроу – юрист будущего, уж это вполне очевидно.

– А я – пережиток прошлого, – согласно кивнул мистер Пиктон, потом хихикнул. – Пережиток прошлого – в сорок один год! Не очень-то справедливо, не так ли? А, ладно – таковы судьбы нового века.

Человеку этому стоило отдать должное: в отличие от многих других азартных натур, что я знал, проигрывал он с подлинным изяществом, и, думаю, вряд ли хоть кто-то из нас недооценивал его способность принять поднесенную ему в суде голову (его собственную) и сохранить философский настрой – кроме, конечно, мисс Говард, которая всегда последней из нашего отряда смирялась с любой неудачей и поражением.

– Вы двое можете просто умыть руки, будто все уже закончилось, – выпалила она, сидя на ступеньках с маленькой керосиновой лампой и большой картой штата Нью-Йорк. – Боже мой, Дэрроу даже не успел приступить к своим аргументам – у нас еще есть время *что-нибудь* предпринять.

– Да? И *что же*? – осведомился мистер Мур. – Сама подумай, Сара, – тебе не побороть предубеждений целого общества *и* женщины, столь смертоносно коварной, как эта, да *в придачу* такого проныру-юриста, как Дэрроу, причем всех сразу, и при этом еще надеяться выжить. – Он опустил глаза и обратился к мистеру Пиктону. – Я не хотел тебя обидеть, Руперт.

Но мистер Пиктон лишь салютовал другу трубкой:

– Все нормально, Джон, уверяю тебя. Ты абсолютно прав – этот человек обратил в триумф то, что должно было стать катастрофой. Снимаю перед ним шляпу.

– Ну хорошо, прежде чем все вы друг за другом выстроитесь с выражениями почтения к этой юридической гадюке, – парировала мисс Говард, – не будете ли против, если я предложу кое-какие дальнейшие попытки спасти наше дело? – Она глянула на свою карту. – У нас по-прежнему нет одного важного элемента – кого-то, кто *что-нибудь* знает о семье Либби Хатч.

– Сара, – вмешался Маркус, указывая в направлении здания суда, – эти присяжные пока *что-то* не очень-то восприимчивы к психологическому

анализу контекста детства Либби.

– Нет, – отвечала мисс Говард, – и этого я и не предлагаю. Не забываете, к Мюленбергам она поступила кормилицей. Она должна была прежде родить ребенка, и этот ребенок должен где-то быть, на земле или под землей.

– Но вы искали много дней напролет, Сара, – заметил Люциус. – Вы прочесали практически каждый дюйм округа Вашингтон...

– И, быть может, тут я и ошиблась, – ответила мисс Говард. – Подумайте, Люциус, – окажись вы на месте Либби и получи такую работу, как у Мюленбергов, разве стали бы вы давать им хоть какой-то шанс проверить подлинные факты своего прошлого?

Прежде чем Люциус успел ответить, вмешался доктор:

– К чему вы клоните, Сара?

– Она слишком умна для такого, – продолжала мисс Говард. – Если в родном городе у нее осталась какая-то тайна и даже если она просто оставила там семью, этой семье наверняка были известны какие-то вещи из тех, что Либби не желала выдавать другим, и уж точно не людям, которые могли нанять ее кормилицей. Вы сами это говорили, доктор, – особенности поведения этой женщины *должны* крыться в ее детстве. Поэтому Либби нужно было устроить так, чтобы никто никогда не узнал, откуда она на самом деле. С другой стороны, ей все же пришлось назвать, откуда она – из мест, которые действительно могла описать, о которых хоть *что-то* знала, – чтобы сделать свой рассказ убедительным.

– Это верно, – заметил Сайрус, обдумав сказанное. – Она *наверняка* заметала следы, по крайней мере, таким вот образом.

– Но не могла же она быть отовсюду сразу! – возразил мистер Мур.

– Джон, постарайся прислушиваться чуть дольше тридцати секунд, – огрызнулась мисс Говард. – Она *не могла* быть отовсюду сразу. Она узнала, что Мюленбергам нужна кормилица, из газетного объявления – значит, она была из местных. Она много болтала о городах Вашингтона – значит, провела там какое-то время. Но если она пыталась скрыть свои корни, то уж точно приехала *не* из округа Вашингтон – что означает...

Мистер Пиктон хрустнул пальцами:

– Что означает, что вам, возможно, стоит вернуться в Трой, Сара. Это центр округа Ренсселир, что южнее Вашингтона – на *восточном* берегу реки. А Стиллуотер расположен на другом берегу, по ту сторону границы, разделяющей эти округа.

Мисс Говард с силой ударила по карте и отставила керосиновую лампу.

– Именно это я и сообщила пять минут назад, – сказала она с

широкой довольной улыбкой.

– Но путь все равно не близкий, – проговорил Маркус, устало встряхнув головой. – И выехать вам придется завтра, а, значит, вы пропустите...

– Пропустим что? – перебила мисс Говард. – «Экспертов» Дэрроу? Миссис Кэди Стэнтон? Я знаю, что они скажут, Маркус, как и вы. Это очевидно – и сейчас, быть может, даже неправомерно. Но нам *нужно* действовать быстро. Сайрус, ты мог бы поехать со мной, если не против – и Стиви тоже.

– И Эль Ниньо, чтобы защищать вас! – почти заорал абориген, захваченный воодушевлением мисс Говард.

– Естественно, – согласилась она, погладив его курчавую голову. Потом взглянула на доктора с мистером Пиктоном. – Ну?

Мистер Пиктон выждал и закурил, потом пожал плечами:

– Терять, полагаю, нечего. Я за.

– А вы, доктор?

Крайцлер посмотрел на нее с едва заметной надеждой на лице – но, во всяком случае, большей, чем за весь вечер:

– А я за то, что всем вам надо отдохнуть. Если собираетесь провести весь день в Трое, вам нужно будет успеть на самый первый поезд.

На этом наша четверка – мисс Говард, Сайрус, Эль Ниньо и я – поднялась и зашла в сетчатую дверь. Мы не были до конца уверены – это уж вряд ли, – но перспектива настоящих действий вместо еще одного дня наблюдений за тем, как мистер Дэрроу превращает боллстонский зал суда в свой личный водопой, представлялась некоторым облегчением, и я был рад, что меня включили в этот план. Да и предшествующие доводы тоже вроде как подавали надежды, хоть у нас и было немного времени на их проверку; и когда мы вошли в дом и стали подниматься наверх, каждый в свою комнату, я не преминул выразить восхищение работой мысли мисс Говард:

– Выходит, – сообщил я, когда мы оказались на втором этаже, – у «девицы-детектива» все-таки оказывается масса времени на раздумья.

И заскочил в свою комнату, едва увернувшись от игривого, но хорошо рассчитанного подзатыльника.

Так начался новый круг поисков в окрестностях долины Гудзона, на сей раз куда как ограниченный по времени и не такой нудный по методике, в отличие от тех разъездов, что мы с мисс Говард и Эль Ниньо предпринимали до начала процесса. Наутро мы сели на первый поезд в Трой и умудрились без особых тревог добраться до архива округа Ренсселир. Архив, размещавшийся в здании, уж слишком походившем на

банк, выходил окнами на маленький сквер в центре, и из них город казался по крайней мере вполовину не таким уродливым, как из поезда. На самом деле в нем было даже нечто привлекательное – во всяком случае, в этой его части. Сдается мне, виной сему впечатлению была лишь необычайно прохладная погода, да еще моя благодарность за отсутствие необходимости торчать в боллстонском суде; как бы то ни было, первые два или три часа, проведенные нами за просмотром записей о смертях и рождениях, пролетели довольно незаметно. В просторной комнате, кроме нас, не было никого, за исключением клерка, чьей главнейшей задачей, не считая доставки нам папок, похоже, было не уснуть. Так что мы могли действовать и разговаривать довольно свободно, отчего Эль Ниньо (не умеющий читать по-английски) и я (от которого было мало толку с официальными документами) быстренько начали паясничать среди столов и стульев, оставив настоящую работу Сайрусу и мисс Говард, и вели себя прилично лишь в те моменты, когда нас просили потревожить клерка и попросить его принести новую кипу бумаг и переплетенных документов.

Примерно к часу мы с аборигеном порядком проголодались от этих шумных игрищ и отправились поискать место, где можно было бы раздобыть для всех готовый ланч в коробке. При этом поведение наше нимало не исправилось, и, когда мы возвращались с едой назад в окружной архив, нас отвел в сторонку полисмен, которого, по-моему, не столько заинтересовало, что это мы такое творим, сколько поразил вид Эль Ниньо. Фараон проводил нас до здания архива, просто чтобы убедиться, что мы ему не наврали, и велел мисс Говард не давать нам «бесчинствовать» на улицах. Я едва сдержал желание сообщить ему о том, что если наши выходы показались «бесчинством», то ему определенно стоит побывать в Нью-Йорке; потом он наконец ушел, и все мы вышли в скверик поесть.

Едва мы вернулись обратно в архив, Сайрус тут же наткнулся на золотую жилу в виде потертой книжицы, содержащей регистрацию рождений и смертей в городке с занятным названием Шагтикоук за годы с 1850 по 1860-й. Просматривая все записи на предмет необычного имени «Элспет», Сайрус наткнулся на одну – только значилась она под «Фрэнклин», а не под «Фрэзер»: так звали ее отца. А вот *мать*, похоже, как раз носила фамилию, коей Либби воспользовалась, переехав в Стиллуотер.

– По-твоему, они не были женаты? – спросила мисс Говард Сайруса, когда мы все столпились вокруг взглянуть ему через плечо на потускневшие страницы регистрационной книги. – Либби – незаконнорожденная?

Сайрус пожал плечами:

– Чем, возможно, и объясняются кое-какие вещи в ее поведении. И это явно будет довольно просто подтвердить. Стиви, разбуди нашего друга, – Сайрус ткнул большим пальцем в направлении придремавшего клерка, – и скажи, что нам нужны записи регистрации браков в этом же самом городе, за, допустим, десять лет до... когда она родилась? 18 марта 1858 года. За десять лет до того.

– Понял, – кивнул я, побежал к конторке и поднял несчастного, принявшись колотить по крышке, где он приткнул свою ленивую башку на паре книг. С ворчанием и проклятьями поднявшись на ноги, этот тип потащился и припер нужный нам предмет, оказавшийся еще одной маленькой, пыльной регистрационной книгой. Я бегом отнес ее мисс Говард, она села рядом с Сайрусом и начала быстро ее просматривать в поисках упоминания людей по фамилии Фрэнклин или Фрэзер.

– Вот оно, – объявила она минут через десять. – Официальная регистрация гражданского брака – Джордж Фрэнклин и Клементина Фрэзер, 22 апреля 1852 года.

– Тут упомянуты двое детей, – заметил Сайрус, не отрываясь от книги. – Джордж-младший, рожденный в сентябре 1852 года, и Элайджа, родившийся двумя годами спустя.

– Ага, – протянула мисс Говард почти разочарованно, – прощай, теория о внебрачном ребенке. Похоже, покинув дом, она попросту взяла себе девичью фамилию матери.

– А как мы выясним, когда это было? – спросил я. – Если, конечно, не сможем найти родителей?

– Мы знаем, что в 1886 году она работала на Мюленбергов, – ответила мисс Говард. – Можно проверить перепись населения 1880 года – это несколько сузит круг поисков.

– Будет сделано! – выпалил я, направляясь обратно к конторке. На этот раз клерк услышал мои шаги и вздернул голову до того, как я успел заставить его еще раз вздрогнуть; а вернувшись из дальнего угла за конторкой, он отплатил мне, швырнув в руки гигантскую книжищу. Подхватив ее, я взвизгнул, развернулся, пробормотал:

– Ничто так не способствует чувству юмора, как государственная служба, а? – и пошел к остальным.

Из переписи 1880 года мы узнали, что Либби Хатч тогда все еще жила со своей семьей, ей должен был исполниться двадцать один год. Мы также узнали, что родом занятий Джорджа Фрэнклина значилось «фермер» (совершенно ничего удивительного) и что двое мальчиков тоже продолжали жить в родительском доме и служили подмогой старику-отцу. Оставался

один вопрос, ответ на который мы могли найти в том же архиве, – выходила ли хоть раз Либби замуж, пока проживала в округе Ренсселир; однако новая проверка записей о регистрации браков не дала ничего, оставив нас в размышлениях: то ли она дала брачный обет в каком-то другом округе между 1880 и 1886 годами, то ли ребенок, которого она должна была родить, явился на свет вне брака. Записи о рождениях за эти годы никак не помогли нам с этой тайной, из чего, однако, не следовало, что никто по фамилии Фрэнклин или Фрэзер не производил на свет никаких младенцев; и потому, со всеми этими неразрешенными вопросами, мы вернули стопку книг и папок клерку и направились назад на станцию.

Мы сели на четырехчасовой местный поезд до БоллстонСпа, и поездка с учетом полученных нами сведений вышла довольно веселой и волнительной. Верно, скорее всего, эти сведения ни к чему бы и не привели: совершенно неизвестно было, как обернулась судьба семьи Фрэнклинов с 1880 года (я по-прежнему считал, что Либби вполне могла их всех прикончить), но теперь нам, по крайней мере, было с чего начать какие следует поиски. Сгорая от нетерпения рассказать об этом доктору и остальным, мы, едва добравшись до города, взбежали вверх по холму от железнодорожной станции Боллстона до здания суда – и обнаружили, что суд уже разошелся на перерыв. Потому после этого холостого пробега мы направились к дому мистера Пиктона, дабы доставить весть о том, что надежда на новые сведения еще не умерла окончательно.

Но оказалось, что новость эта не особо воодушевила наших товарищей – с учетом того, что творилось в этот день в суде. Как и ожидалось, мистер Дэрроу начал версию защиты с выступления троих своих экспертов, которые сделали все от себя зависящее, чтобы усилить и без того уже серьезную склонность присяжных к тому, что Либби Хатч невиновна. Алберт Гамилтон, торговец змеиным ядом, ныне обратившийся в судебного эксперта, сподобился выложить достаточно сбивающих с толку сведений об оружии и пулях, чтобы показания Люциуса выглядели если не ошибочными, то по меньшей мере необоснованными. Для начала, объявил он, пуля, найденная обвинением в подводе Хатчей, *возможно* была выпущена из «кольта» Дэниэла Хатча, а возможно и нет: поскольку центрального регистрационного органа для огнестрельного оружия не существовало (как нам и говорили Маркус с Люциусом), и «кольт-миротворец» уже долгие годы был популярной моделью револьвера, шанс на то, что пуля эта на деле могла быть выпущена из какого-то другого револьвера, оказывался отнюдь не один к миллиону, как оценил Люциус. А в отношении отличительных меток на самой пуле Гамилтон всячески

старался объяснить, сколь высоки производственные стандарты на фабрике Сэмюэла Кольта и насколько, как выяснилось, технические данные каждой детали соответствуют аналогичным в другой модели. Даже зазубрина на дуле револьвера Хатча, производившая маленькую отметину на пулях, что мы видели, могла оказаться результатом фабричного дефекта, объяснил «доктор» Гамилтон, – дефекта, который имелся у дюжин, если не сотен «миротворцев». Мистер Пиктон на перекрестном допросе осведомился, каким же образом фабрика со столь высокими производственными стандартами могла выпустить сотни револьверов с одинаковым изъяном дула, и на этот вопрос Гамилтон ответить не смог; однако при всей своей некомпетентности, очевидной любому, хоть что-то смыслящему в баллистике, этот человек изрядно повлиял на дилетантов-присяжных, и заявление мистера Дэрроу о недостоверности баллистических улики обвинения, похоже, получило подтверждение.

Задачей же коллеги доктора, Уильяма Алансона Уайта, было подвергнуть сомнению утверждение обвинения о том, что вменяемая женщина способна спланировать и осуществить убийство собственных детей – и он как будто справился со своим заданием весьма эффективно. Помогало ему то, что за время своей карьеры он не особо-то углублялся в психологию семейных отношений, и уж во всяком случае не настолько полемическим манером, как доктор и прочие представители его поколения (как, например, доктор Адольф Майер); поскольку деятельность Уайта довольно строго ограничивалась преступниками и их умственными расстройствами, он с самого начала казался не таким эксцентричным, как доктор, и, следовательно, заслуживал большего доверия. Более того, он не проводил никакой непосредственной работы с Кларой – в обычных обстоятельствах сей факт выставил бы его не вполне осведомленным, но в этом тревожном, беспорядочном деле лишь способствовал его видимой беспристрастности и надежности. На просьбу мистера Дэрроу о его «просвещенном мнении» насчет психического состояния Клары доктор Уайт ответил, что на самом деле не считает возможным полагаться на воспоминания девочки, побывавшей в такой переделке, – и, в конце концов, все-таки довольно юной. Именно это и хотелось услышать присяжным – это было куда проще, чем поверить в правдивость сказанного Кларой, – и потому они, похоже, не обратили внимания на собственные заявления доктора Уайта о том, что он не специалист по детям, но зато приняли остальные его слова.

Впрочем, главная часть его показаний касалась самой Либби Хатч, и по поводу того, могла ли она совершить преступление, приписываемое ей

обвинением, доктор Уайт сообщил, что провел с этой женщиной около трех часов и сделал тот же вывод, что и доктор Крайцлер: Либби, несмотря на эмоциональность и импульсивность, не страдала никаким психическим заболеванием и была, особенно в рамках юридического определения этого слова, вменяема. Но вывод доктора Уайта из вышесказанного оказался противоположным заключению доктора Крайцлера: вменяемость Либби была очень серьезным основанием – если не прямым доказательством – того, что она не могла застрелить своих детей. В его практике, сказал он, имелось только три причины для совершения женщинами подобных преступлений: безумие, бедность или незаконнорожденность детей. Поскольку ни одна из этих причин в данном деле никоим образом не присутствовала, версию обвинения о случившемся можно было считать «не заслуживающей доверия».

«Одного характера этого преступления, – сообщил доктор Уайт, используя слова, которые мистер Пиктон считал настолько возмутительными, что даже записал их, – достаточно, чтобы вынести диагноз о психическом заболевании». Либби Хатч психически здорова; и потому, согласно логике, которая опять же была некорректна для профессионального уха, но чрезвычайно привлекательна для присяжных, совершить этого она не могла.

Но что же со всеми прочими случаями, упоминавшимися мистером Пиктоном и доктором Крайцлером, спросил тогда мистер Дэрроу, случаями, когда женщины несомненно убивали своих детей и были признаны вменяемыми судом и присяжными? Как же Лидия Шерман, к примеру? Лидия Шерман, ответил доктор Уайт, к сожалению, совершила свои преступления в то время, когда психиатрия пребывала в куда более примитивном состоянии; более того, люди питали такое отвращение к убийствам, в коих обвинили «Королеву отравителей», и против нее имелось столько улик и столько свидетелей, что вероятность справедливого процесса, а уж тем более признания ее умственной неполноценности, была практически равна нулю. Алиенисты того времени были слишком простодушны, чтобы понять, что же не так с этой женщиной, а публика жаждала мести: вот так просто доктор Уайт объяснил, почему судьба Лидии Шерман была решена. Тогда мистер Дэрроу спросил доктора Уайта, не повторяется ли – а то и вовсе побеждает, – на его взгляд, сейчас подобная несправедливость в виде попытки штата Нью-Йорк обвинить и казнить Либби Хатч? Да, торжественно ответил доктор Уайт, – и на самом деле, поскольку Либби Хатч, по его мнению, невиновна, несправедливость эта еще значительнее.

Наконец, выступление защиты завершила миссис Кэди Стэнтон. Вопросы мистера Дэрроу к ней были особенно хитроумны: как завзятый борец за права женщин, он спросил, не кажется ли миссис Кэди Стэнтон, что представительницы ее пола вынуждены смириться со всеми тяготами, равно как и преимуществами равенства? Не думает ли она, что им не стоит позволять «прятаться за своими юбками», использовать свой пол в качестве оправдания или даже объяснения подобных убийств? Разумеется, отвечала миссис Кэди Стэнтон; и если бы преступление, в котором обвиняют Либби Хатч, не касалось убийства собственных детей, старая суфражистка даже не подумала бы приезжать в Боллстон-Спа давать показания. Но в этом единственном вопросе, в деторождении и воспитании, сказала она, мужчины и женщины никогда не были и никогда не смогут быть равными. Повторяя то, что она сообщила нам, посетив № 808 на Бродвее, миссис Кэди Стэнтон прочла присяжным и зрителям лекцию о «божественной созидательной силе» женщины, очевидной в связи матери и ребенка. Если эта сила использовалась со злым умыслом, сообщила она, сие уже не могло быть деянием женщины: в конце концов, ни одна женщина не способна предать силу, которая, будучи божественной, оказывалась значительней ее собственной воли. Нет, если женщина совершает насилие над собственными детьми, она или безумна, или ее к этому как-то вынудило мужское общество – а, вероятно, справедливо и то, и другое сразу.

Последнее заявление мистеру Пиктону было особенно тяжело оспорить на перекрестном допросе – ведь он за время, проведенное с доктором Крайцлером, понял, в какой значительной степени на действия Либби Хатч, по всей видимости, повлияло общество мужчин. Но и мистер Пиктон, и доктор полагали, что, несмотря на сие влияние, Либби по-прежнему юридически ответственна за свои поступки, и мистер Пиктон спросил у миссис Кэди Стэнтон, согласна ли она с этим. Нет, возразила она, бросив на доктора взгляд, говоривший, что, хоть ей и не дозволено сообщать об этом, она все равно убеждена в том, что он вовлечен в некую таинственную охоту на ведьм. Нет, сказала она, женщину, измученную и загнанную настолько, что она оказалась способна на убийство своих детей, разумеется, довело до безумия – безумия в *юридическом* смысле, естественно, означающего отсутствие осведомленности о природе своих поступков или же их неправоте, – мужское общество. А поскольку ни свидетель-эксперт обвинения, ни психиатр со стороны защиты не сочли Либби на самом деле безумной, она не могла совершить этого преступления.

На представление всех этих свидетельских показаний ушел лишь день, и в совокупности они, как сказал мистер Пиктон, еще больше доказывали

(как будто нам требовалось подобное доказательство), что мистер Дэрроу был подлинным мастером отрицательной аргументации. Даже не выставляя свою клиентку в качестве свидетельницы (что всегда в процессах об убийстве было для защиты делом опасным), он умудрился разорвать утверждения обвинения с настолько вывернутой логикой – да попросту шиворот-навыворот, – что в ней, казалось, даже имелся определенный смысл. Поначалу сбитые с толку, присяжные потихоньку начали соглашаться, и все безнадежные попытки мистера Пиктона доказать, что это попросту словесное жульничество в чистом виде – утверждать, что человек обязан быть невиновным только потому, что он вменяем, а преступление, в котором его обвиняют, *безумно*, – лишь заставили его показаться, как он и сказал прошлым вечером, голосом былой эпохи. Вывернутая, отрицательная логика мистера Дэрроу оставляла ощущение нового века, современного мышления – и, собственно, таковой и была; но, согласно тем же словам мистера Пиктона прошлым вечером, новизна не наделяла ее ни честью, ни респектабельностью – только более эффективным воздействием на присяжных. Что в итоге, я полагаю, большинство юристов всегда и считали единственным значимым прогрессом.

Мистер Дэрроу еще не закончил свое выступление и теоретически, если бы пожелал, мог вызвать Либби Хатч в качестве свидетельницы в понедельник – но в этом не было необходимости. Ее маленький спектакль во время показаний Клары оказался куда как действеннее любых возможных свидетельств, которые она могла привести в доказательство своей заботы о детях; и если бы мистер Пиктон замахнулся на нее во время перекрестного допроса (самому обвинению не разрешалось вызывать ответчицу), это привело бы лишь к неприятностям. Нет, со стороны мистера Дэрроу было проще оставить ее как есть: заплаканной вдовой и любящей матерью, чья жизнь оказалась искалечена ужасными потерями и трагедиями и которую, при всех ее героических стараниях преодолеть море забот, теперь преследовало обвинение штата, запутавшееся в своей попытке разрешить чудовищное старое преступление, и алиенист, стремящийся восстановить свою репутацию.

Так что теперь нетрудно было понять, почему новости, привезенные нами из Троя, так мало способствовали утешению наших друзей: вопрос о том, что же в прошлом Либби Хатч сделало ее такой, какой она стала сегодня, или заставило ее застрелить той ночью своих троих детей, теперь казался ушедшим поездом. Как сказал вчера Маркус, присяжным не было дела ни до каких психологических объяснений того *контекста*, что

породил нормальную вменяемую девочку, которая в один прекрасный день смогла убить своих детей; на самом деле они прежде всего не верили, что она их убила, и попытка представления подобных свидетельств оказалась бы тщетной попыткой ухватить пустоту. Единственной пользой, которой в случае чего обернулись бы наши поиски, мог оказаться факт совершения Либби других насильственных действий за годы до ее поступления к Мюленбергам, и тогда нам, возможно, удалось бы как-то связать сии действия с текущим процессом.

Впрочем, возможность эта казалась всем довольно незначительной – всем, кроме, понятно, мисс Говард, которая отказывалась слезать с избранного ею коня до тех пор, пока он окончательно не выпускал дух. И потому рано утром в субботу она собрала нашу четверку, ездившую в Трой, и усадила всех в экипаж мистера Пиктона. (Доктор хотел бы поехать с нами, но чувствовал, что просто обязан навестить в тот день ферму Вестонов и узнать, как там Клара.) Город Шагтикоук располагался в полудюжине миль от восточного берега Гудзона, что означало еще одну переправу на пароме и монотонную езду по сельским предместьям, кои не слишком отличались от территории, уже изъезженной нами в округах Саратога и Вашингтон. Мы прибыли туда и обнаружили, что местные жители готовят большие площадки для окружной ярмарки Ренсселира – и этот факт делал общую атмосферу, а заодно и настроение городских жителей, поприветливее, чем обычно: мы спросили о Фрэнклинах лишь у нескольких людей, прежде чем нашлась добрая душа, снабдившая нас весьма подробными инструкциями о том, как к ним добраться.

Ферма эта находилась к востоку от города, неподалеку от тенистой проселочной дороги, мало приспособленной для езды и заставившей меня и мисс Говард предполагать, что нас ждет очередной мрачный дом, населенный призраками былой жестокости и трагедии. Вообразите наш шок, когда, свернув на повороте ухабистой дороги, мы обнаружили по левую руку пару весьма ухоженных кукурузных полей и коровьи выпасы, огороженные недавно натянутым проволочным забором – по правую. Самым же удивительным был расположенный между полями маленький, но приятный на вид домик, обшивку которого покрывал свежий слой белой краски, а на аккуратно подстриженной лужайке имелись хорошенькие цветочные клумбы.

Мы свернули на подъездную дорожку, не замечая поначалу никаких признаков жизни, но потом заметили человека в рабочей одежде: он направлялся от дома к большому зеленому коровнику, прятавшемуся за кукурузой. На вид ему было лет сорок пять, и казался он вполне

порядочным и дружелюбным: рассыпая из ведра птичий корм перед кучкой куриц, квохчущих на скотном дворе, он издавал какие-то приятные, может, даже нежные звуки и с улыбкой смотрел, как птицы суетливо несутся за едой. Наблюдая за ним, я остановил экипаж перед домом.

– Мы ошиблись местом, – вот и все, что я мог сказать.

Мисс Говард несколько минут просто изучала эту сцену с обеспокоенным видом; потом сошла с экипажа и двинулась к калитке в белом штaketнике, огораживавшем лужайку.

– Оставайтесь здесь, – велела она, проходя в калитку. Эль Ниньо не особо пришлась по душе идея отпустить ее одну разговаривать с незнакомцем на скотном дворе, но я приказал ему расслабиться, напомнив, что у нее почти наверняка при себе револьвер. Однако он все равно извлек свой маленький лук и одну из коротких стрел из-под смокинга (он втихаря вспорол подкладку дабы разместить там оружие) и пристально глядел на происходившее во дворе.

– Простите! – крикнула мисс Говард, дойдя до угла дома. На этот звук мужчина обернулся и, мило улыбаясь, порысил туда, где она стояла, – как раз на расстоянии слышимости от нас.

– Здравствуйте, – сказал он, отставляя в сторону ведро и вытирая руки об одежду. – Могу вам чем-нибудь помочь?

Заглянув за мисс Говард, он заметил и наш экипаж, и хотя, на мой взгляд, вид двух черных мужчин не особо его вдохновил, он, похоже, не особо и занервничал на этот счет.

– Надеюсь, – ответила ему мисс Говард. – Меня зовут Сара Говард. Я следователь, работаю в конторе окружного прокурора Саратоги. Я ищу мистера и миссис Фрэнклин.

Упоминание окружного прокурора Саратоги тоже, кажется, не смутило этого человека так, как должно было бы, – и уж, конечно, не так, как действовало на других людей, которых мы встречали прежде.

Глаза у него стали озадаченными, но улыбка с лица до конца не исчезла.

– Это мои старики, – сказал он. – Точнее, были. Отец умер пять лет назад.

– О, простите меня. А ваша мать?

– Уехала в Хусик-Фоллс, навестить моего брата с женой. У них там лавка. Боюсь, она вернется только завтра днем. А что такое?

Столь же любезным, как и он, тоном, мисс Говард осведомилась:

– А вы, должно быть, Джордж Фрэнклин, да? Или Элайджа?

Мужчина в изумлении вздернул голову:

– Да вы, похоже, все о нас знаете, мисс. Я Эли – так меня зовут. Что-то случилось?

– Я... – мисс Говард оглянулась на нас, будто не совсем понимала, как продолжить. – Мистер Фрэнклин... позвольте спросить, вы не получали в последнее время никаких вестей от сестры?

– Либби? – Впервые черты Эли Фрэнклина как будто затуманились, и он тревожно уставился в землю. – Нет. Нет, никто из нас, ни один не получал ничего от Либби вот уже... да, вот уже несколько лет. – Он вновь поднял взгляд и больше не улыбался. – Она попала в беду?

– Я бы... пожалуй, обсудила этот вопрос, когда придет ваша мать.

– Ну вот что, – сказал Фрэнклин, – если моей матери нужно что-то услышать, думаю, лучше будет, если сообщу ей об этом я. Что натворила Либби?

– Вы полагаете, это она что-то натворила? – удивленно спросила мисс Говард. – А почему не с ней что-то стряслось?

Глаза Фрэнклина расширились от удивления, когда он прикинул эту возможность.

– С ней *и впрямь* что-то стряслось? У нее все хорошо?

– Мистер Фрэнклин... – Мисс Говард скрестила руки, ее зеленые глаза вперились в его карие. – Боюсь, мне придется сказать вам, что ваша сестра сейчас находится под судом в Боллстон-Спа. По очень серьезному обвинению.

Фрэнклин воспринял эту, по идее довольно ошеломительную, новость с намного меньшим смятением, чем мне казалось возможным.

– Значит, – произнес он спустя несколько безмолвных минут, – значит, вот оно. – Голос его не был ни гневным, ни даже потрясенным, только... ну, как бы печальным, только так это и можно было назвать. – Что случилось? Полагаю, в это замешан мужчина. Он ведь женат, вроде того, да?

– Вроде того, – хладнокровно солгала мисс Говард, решив, что сможет вытянуть побольше сведений у фермера, если продолжит в соответствии с его подозрениями, не выдавая правды. – Но почему? У нее уже были такие неприятности?

– Либби? – проворчал Фрэнклин. – Когда доходило до мужчин, у Либби *всегда* были неприятности. – Отвернувшись и раздосадованно прошипев, он проговорил: – Так зачем вы здесь? Нас вызывают в суд? Не понимаю, зачем...

– Нет, – быстро отозвалась мисс Говард. – Ничего такого. Я просто подумала, что вы и ваша семья могли бы поделиться с нами информацией о прошлом сестры. Она довольно неохотно говорит об этом сама.

Фрэнклин покачал головой:

– Боюсь, в этом нет ничего удивительного. Что ж... вам, видимо, действительно стоит дождаться матери, если таково ваше желание. Она знает больше, чем помню я. Вы могли бы вернуться завтра...

– О да, мы вернемся, – быстро подтвердила мисс Говард. – Но не расскажете ли мне хоть какие-то основные факты? – Она двинулась через лужайку к двери домика. – Вы всегда здесь жили?

– Да, – ответил Фрэнклин, потом осекся. – Простите – могу я вам что-нибудь предложить? Может, что-нибудь попить или...

– Да, это будет очень мило с вашей стороны. Дорога была долгой и пыльной.

– А ваши... ваши люди там? – уточнил Фрэнклин, указывая на экипаж.

– Хм-м? – протянула мисс Говард. – О... Нет, о них переживать не стоит. Я все равно долго не задержусь. Приберегу вопросы на завтра, когда вернется ваша мать.

– Что ж, тогда – пожалуйста, входите.

Быстро глянув на нас и кивнув, что означало приказ оставаться на месте, мисс Говард исчезла в маленьком доме, а хозяин счистил с башмаков грязь и навоз о старую решетку для обуви, прикрученную к каменным ступеням за дверью.

– Не понимаю, – выпалил я, когда они вошли. – Это вот здесь и выросла Либби Хатч?

– Что-то не очень сходится, верно? – ответил Сайрус и вылез из экипажа размять ноги. – Но ведь никогда не узнаешь, как...

– Сеньорито Стиви, – позвал меня Эль Ниньо, убирая свой лук. – Этот человек – он не сделает вреда леди?

– Вряд ли, – ответил я, почесывая голову.

– Ага, – кивнул абориген и улегся на заднем сиденье. – Тогда Эль Ниньо будет спать. – Но прежде чем закрыть глаза, он поднял голову и посмотрел на меня еще раз. – Сеньорито Стиви... наша дорога к маленькой Ане странная, да? Или это только Эль Ниньо не понимает?

– Нет, ты все понимаешь правильно, – сообщил я, прикурив сигарету. – Странная дорога, это верно...

Глава 49

Мисс Говард возвратилась примерно через полчаса, но этого времени ей хватило, чтобы обнаружить кое-какие небезынтересные крупницы информации, коей она отказалась делиться с нами, пока мы не вернулись тем вечером в дом мистера Пиктона и не собрались вокруг грифельной доски вместе с доктором и всеми остальными.

Похоже, дом, который мы видели, был очень стар, и комнат в нем было всего ничего, причем только две из них – спальни. Братья Фрэнклин делили одну из них, а Либби все детство и ранние годы юности спала в кроватке в родительской. В этой каморке не было ни разделяющих штор, ни перегородок, так что большую часть жизни Либби вела в полном отсутствии уединения, каковой факт доктор счел весьма важным. Очевидно, и он, и доктор Майер провели немалую работу касательно детей, которые почти никогда не оказывались без родительского присмотра, и выяснили, что такие дети сталкивались с целой кучей проблем, когда дело доходило до взаимоотношений с внешним миром: они обычно оказывались раздражительными, чрезмерно чувствительными к любой критике и, согласно выражению доктора, «патологически боялись трудностей, вплоть до состояния, именуемого доктором Краффт-Эбингом “паранойей”». Однако при всем вышесказанном эти самые дети, уже будучи взрослыми, иногда оказывались странно подвержены сомнениям в способностях обрести свой путь в мире: они, как правило, вырастали с сильной потребностью в людском окружении, но в то же время питали обиду и даже ненависть к этому самому окружению.

– Мы, конечно, не говорим о чем-то, совершенно аналогичном физическому насилию или словесным оскорблениям, – объяснял доктор, впервые приступив к заполнению того раздела доски, что был оставлен под факты, касающиеся детства Либби. – Но подобное отсутствие уединения может повлечь за собой множество подобных исходов – и прежде всего неспособность психики развиться в действительно единую, комплексную и независимую сущность.

Я вновь вернулся мыслями к словам мисс Говард о том, что личность Либби в раннем возрасте разбилась на части, которые она так и не смогла собрать.

– Это трудно себе представить, – продолжал доктор. – Сдавленный ужас вынужденности проводить каждый час пробуждения и отхода ко сну в

близкой, бдительной компании других людей, ужас редкого, если вообще известного одиночества. Подумайте о невероятной фрустрации и гнев, о чувстве полного – полного...

– Удушья, – закончил Сайрус за доктора, и я знал, что он подумал о детках, коих Либби погубила этим самым способом.

– Именно, Сайрус, – сказал доктор, записав это слово на доске большими буквами и подчеркнув его. – Здесь у нас на самом деле первый ключ, в равной степени подходящий и к загадке мышления Либби, и к очевидной головоломке ее поведения, – удушье. Но, Сара, что же в ее раннем детстве привело к нему? Ее брат навел вас хоть на какие-то мысли?

– Он готов был обсуждать со мной лишь одну тему. Прежде всего, думаю, потому, что не хотел, чтобы об этом услышала их мать. Похоже, Либби изрядно путалась с мальчиками, причем с очень раннего возраста. Она развилась не по годам рано – и в романтическом, и в сексуальном отношении.

– Ну да, вполне логично, – подумав, сообщил доктор. – Такое поведение неизбежно становится тайным, а значит, и приватным – к тому же оно отражает ее неспособность, самую досадную неспособность добиться для себя этой приватности и независимости. – Записав эти мысли, доктор добавил: – И потому, сдается мне, она была не особо добра к ничего не подозревающим молодым людям, кои увлекались ею.

– Да, – ответила мисс Говард. – Настоящая сердцеедка – так, пожалуй, будет снисходительнее всего выразиться.

– Хорошо, – кивнул доктор. – Очень хорошо.

Мистер Мур, сидевший в углу с большим стеклянным кувшином мартини, который смешал для себя, издал при этом громкий стон; ему, будто эхом, отозвался скорбный вопль паровозного свистка вдали. Услышав его, мистер Мур воздел палец:

– Вы слышали, Крайцлер? То звук этого проклятого дела, утекающего у нас сквозь пальцы. Оно растворяется в ночи, а чем же при этом заняты вы? Все еще просиживаете тут с вашей окаянной доской, ведете себя так, словно по-прежнему есть некий способ придумать какой-то выход из поражения. Все кончено – и кому, черт побери, какое сейчас дело до того, как Либби Хатч дошла до жизни такой?

– Наш вечный глас поддержки, – заметил мистер Пиктон, бросив быстрый взгляд на мистера Мура. – Давай, еще шесть или семь порций этой гадкой мешанины, Джон, и, пожалуй, ты отвалишь на боковую – тогда мы сможем спокойно продолжить.

– Понимаю, сейчас кажется, что гонка уже проиграна, Мур. – Изучая

доску, доктор прикурил сигарету. – Но мы должны делать все, что можем, – пока можем. Мы должны.

– Зачем? – проворчал мистер Мур. – Никто не хочет приговора для этой чертовки, уж это дали понять ясно. Так какого дьявола ради мы все продолжаем?

– Есть еще Ана Линарес, Джон, – напомнил Люциус.

Мистер Мур снова заворчал:

– Девочка, чьему отцу совершенно все равно, жива она или мертва. С Либби ей, пожалуй, будет не хуже, чем с этим испанским ублюдком.

– Вообще-то сейчас я думал не об Ане Линарес, – очень тихо произнес доктор.

– О Кларе, не так ли? – проговорила мисс Говард. – Как она там? Я даже не сообразила спросить.

Доктор неловко пожал плечами:

– В замешательстве. И не слишком разговорчива, хотя я ее в этом вовсе не виню. Я обещал, что сие суровое испытание поможет и ей, и ее матери. Но ничего не вышло – и теперь к ужасу от воспоминаний о случившемся три года назад прибавился страх того, что случится, если ее мать выйдет на свободу. Девочка не настолько мала, чтобы не видеть опасности, в которой может оказаться, если Либби решится отомстить дочери, которую без сомнения считает вероломным ребенком, единственным свидетелем ее кровавого деяния.

Отложив кусок мела, доктор взял бокал вина и собрался было глотнуть – но на полпути остановился, будто потерял всякий интерес к любому успокоению.

– Вам не стоит обвинять себя, доктор, – вмешался Маркус. – Дело казалось надежным. Не было никаких причин полагать, что так все обернется.

– Может быть, – изрек доктор, сел и отставил бокал.

– И позвольте мне еще раз напомнить всем... – произнесла мисс Говард, но на этом мистер Мур исторг очередной громкий стон:

– Да, да, мы знаем, Сара, еще не все потеряно! Бог мой, ты сама-то не устала от этой присказки?

– Если так ты хочешь спросить, не желаю ли я, чтобы все было кончено, дабы у меня имелось хорошее оправдание погрузиться на дно бокала и остаться там на веки вечные, Джон, то мой ответ – нет, – отрезала мисс Говард. – Да, может, мы сегодня и не принесли особых сведений – но мать должна знать больше, а она вернется завтра. Как и мы. – Она посмотрела на доктора. – Поедете с нами? Не уверена, что смогу подобрать

правильные вопросы.

Каким-то глубинным усилием доктор смог встряхнуть последние следы того, что сходило за ободрение.

– Конечно, – сказал он, положил руки на колени и встал. – Но сейчас, если вы не возражаете, я, пожалуй, удалюсь, не дожидаясь ужина. Я не слишком голоден. Нам ведь нет нужды являться к Фрэнклинам раньше полудня, да, Сара?

– Верно.

– Значит, по крайней мере, не нужно рано вставать. – Он чуть неловко оглядел комнату. – Спокойной ночи.

Мы забормотали в ответ и утихли, когда доктор медленно побрел наверх по лестнице.

Услышав, как хлопнула дверь его спальни, мисс Говард взяла кусочек мела у доски и кинула им мистеру Муру в голову, попав аккурат промеж глаз, отчего он взвизгнул.

– Знаешь, Джон, – заключила она, – если тебя не возьмут обратно в «Таймс», запросто сможешь открыть новое дело – пинать хромых псов или выбивать костыли у калек.

– Однажды, – простонал мистер Мур, стирая след от мела, – ты причинишь мне серьезное увечье, Сара, – и обещаю, я подам на тебя в суд! Знаешь, мне жаль, если вы все считаете меня пораженцем, но я попросту не понимаю, что же такое, способное изменить ход событий, ты собираешься вытрясти из матери Либби Хатч.

– Может, и ничего! – парировала мисс Говард. – Но ты же видел, каково пришлось доктору на этой неделе – и не забывай, именно мы втравили его в это дело, чтобы помочь забыть о неурядицах в Нью-Йорке. Но теперь, похоже, сделали только хуже. Так что мог хотя бы попытаться быть пободрее.

Мистер Мур покосился на лестницу, будто слегка устыдившись.

– Ну... думаю, ты права... – Он налил себе еще и обернулся к мисс Говард. – Хочешь, съезжу завтра с вами? – Он изо всех сил пытался казаться искренним. – Обещаю – я постараюсь сохранять оптимизм.

Мисс Говард вздохнула и покачала головой:

– Вряд ли ты смог бы сохранить оптимизм хотя бы сейчас, даже если бы от этого зависела твоя жизнь. Нет, лучше поедем только мы со Стиви – чем меньше народу, тем менее неловким будет молчание. – Она подняла взгляд на потолок. – А молчания, сдается мне, будет немало...

Предсказание сие оказалось верным. Доктор вышел из своей комнаты в воскресенье лишь ближе к полудню и по-прежнему не испытывал какого

следует аппетита. Он как мог старался заинтересоваться грядущей работой, однако номер этот был почти безнадежным: он, судя по всему, понимал, сколь мала вероятность того, что на ферме Фрэнклинов мы обнаружим нечто настолько серьезное, что оно способно будет переменить нашу участь в суде. Когда мы уселись в экипаж, он оставил все попытки завязать беседу и вновь погрузился в молчание и задумчивость, да так и молчал всю дорогу до Шагтикоука.

Дом Фрэнклинов оставался таким же мирным, что и день назад; но на сей раз помимо Эли Фрэнклина, трудившегося на скотном дворе, была еще и пожилая женщина – полная, но не толстая, – засевавшая одну из клумб у дома. Ее седую голову защищала от солнца широкополая соломенная шляпа, а полосатое хлопчатое платье покрывал чуть запачканный фартук. Еще на полпути по дорожке к дому мы услышали, как она что-то про себя напевает, а вокруг нее радостно скакала маленькая собачка, слегка потявкивая время от времени, чтобы привлечь внимание женщины и получить в ответ ласку и пару добрых слов.

Доктор завидел эту сцену, и черные глаза его озарились тем светом, коего я не видал уже дня два, не меньше.

– Ага... – констатировал он, когда я затормозил экипаж у калитки в белом штaketнике, а спустившись на землю, слегка улыбнулся.

– Не совсем то, чего вы ожидали? – спросила мисс Говард, тоже спускаясь.

– Трагедия и страх не всегда сопутствуют соответствующей обстановке, Сара, – мягко ответил доктор. – Будь оно так, профессия моя не имела бы смысла.

Отпустив поводья, я заметил, что Эли Фрэнклин углядел нас и уже бежит к калитке. Он, похоже, спешил со вполне определенной целью.

– Здравствуйте, мисс Говард, – объявил он с весьма встревоженным лицом.

– Мистер Фрэнклин, – кивнула она в ответ. – Это доктор Крайцлер, он тоже работает по этому делу. И, кажется, вы вчера не успели познакомиться с нашим юным компаньоном Стиви Таггертом...

Эли Фрэнклин, ни слова не говоря, быстро пожал нам руки, потом вновь обратился к мисс Говард:

– Моя мать... когда я сказал ей...

Но тут и сама женщина, ухаживавшая за цветами, обернулась и увидела нас. Заметив появление чужаков, ее маленький песик затывжал громче и чаще.

– О! – крикнула женщина очень громким и в то же время отчасти

мелодичным голосом. – О, Эли, дорогой, это друзья Элспет?

Она направилась к нам, и Эли Фрэнклин заговорил еще быстрее и встревоженнее:

– Я не смог сказать ей, что у Либби на самом деле неприятности, – ей бы это стоило немалых переживаний, а сердце у нее уже не такое выносливое. Не могли бы вы как-то выяснить, что вам нужно, без...

– Мы постараемся, мистер Фрэнклин, – доброжелательно ответил доктор. – Ваша мать может сказать нам все, что нужно, и без раскрытия нами истинных целей визита.

Лицо Эли Фрэнклина посветлело от облегчения, и он успел лишь добавить:

– Спасибо вам, доктор, я благодарю... – но тут к калитке подошла его мать.

Песик заливался пуще прежнего, и миссис Фрэнклин, удерживая шляпу на голове, взглянула на него и тихо пожурила:

– Леопольд, перестань, это гости! – Тот попытался умерить свой пыл, но вотще. – Простите, – сказала нам женщина; ее распевный голос будто несколько запинался. – Уж такой он охранник! Значит, вы все – друзья моей дочери? И хотите найти ее, как сказал мне сын?

По янтарным глазам миссис Фрэнклин – которая в свое время явно была весьма хорошенькой, – отчетливо читалось: она не до конца поверила его словам, но ей проще было принять их, нежели допустить иные, не столь приятные возможности.

– Боюсь, мы не сможем вам помочь, – продолжила она, прежде чем успели ответить доктор или мисс Говард. – Эли уже сказал вам вчера, вестей от Либби у нас нет уже несколько лет. Но я не удивляюсь! Такая уж она легкомысленная девочка, знаете ли! Никогда не могла позаботиться даже о самом простом маленьком...

– Да, мама, – вмешался Эли Фрэнклин, трогая ее за локоть, чтобы утихомирить. – Это мисс Говард и доктор... Крайцлер, так? А мальчика зовут...

– Да просто Стиви, – сказал я, глянул на женщину и получил в ответ широкую улыбку.

– О, просто Стиви, вот как? – Она прикоснулась к моей щеке. – Что же, вполне неплохо – ты симпатичный мальчуган!

– Они считают, что, может, какие-то наши сведения насчет ее прошлого помогут им найти Либби, – продолжал Эли Фрэнклин.

Мисс Говард кивнула:

– Понимаете, с нами она тоже довольно давно не общалась. Может,

узнай мы чуть больше о ее обычных привычках...

Миссис Фрэнклин кивнула:

– Не общалась с вами? Ну, это меня тоже не удивляет! Не знаю уж, почему эта девочка никогда не заботилась даже о малейших подробностях. За эти годы мы получили одну или две коротенькие записки – но ни разу не удостоились обычного визита! Она просто танцует по жизни, ведет себя как вздумается. А, ладно, бывают такие люди, думаю я. – Она распахнула калитку. – Пожалуйста, пожалуйста, входите и садитесь там, на заднем крыльце – мы его отгородили, так что не придется сражаться с этой жуткой мошкаррой. От всей этой мокреда нынешним летом насекомых, боюсь, расплодилось прорва!

Мы двинулись за ней вдоль стены дома; никто не вставил ни слова.

– Ну вот, я приготовила лимонад и чай со льдом – подумала, для всего остального чересчур жарко. Есть немножко имбирных пряников, а для тебя, Стиви, найдется, пожалуй, кое-что послаще, если жалуешь сладкое так же, как когда-то мои мальчики! А вот что до Либби, не знаю, смогу ли чем помочь...

Перебравшись на заднее крыльцо, мы обнаружили, что большие ширмы действительно избавляют от докучливых мошек, роящихся под полуденным солнцем.

– Может, на самом-то деле это вы расскажете мне побольше. Говорю вам, мы даже не виделись с ней – сколько уже, Эли?

Эли Фрэнклин посмотрел на мисс Говард, что называется, многозначительно.

– Десять лет, – сообщил он.

– Десять? – повторила его мать. – Этого не может быть. Нет, ты, должно быть, ошибаешься, Эли, не верится мне, что Либби, даже при всем ее легкомыслии, могла не навещать нас целых десять лет. Неужели и вправду так долго? Ну ладно, садитесь все, берите стаканы!

Я уселся в большое плетеное кресло, тихонько вздохнув про себя: вытянуть информацию из этой старой кошелки будет непросто, это уж как пить дать.

– Благодарю, миссис Фрэнклин, – сказал доктор, заняв другое плетеное кресло. – День нынче жаркий, а дорога была неблизкая.

– Ну еще бы, – отозвалась миссис Фрэнклин, наливая в стаканы напитки и раздавая их собравшимся. – Аж от самого Боллстон-Спа! Надо признаться, никогда и не думала, что Элспет окажется центром такого внимания.

В этих словах и в самой интонации крылось нечто, жутковато

напомнившее мне самый первый раз, когда мы услышали голос Либби Хатч, у ее дома на Бетьюн-стрит.

– Она никогда не была из тех девочек, которыми интересуются всерьез.

Эли Фрэнклин снова бросил на мисс Говард быстрый взгляд, глазами умоляя не обращаться к темам, о коих он упоминал днем ранее.

– А вот братья ее, те-то были куда как дружелюбней и общительнее – это они в меня пошли, пожалуй. А Элспет больше походила на отца – мечтательница, слишком уж вся в своих мыслях, чтобы от нее хоть когда-нибудь была польза, серьезно.

– Насколько я понимаю, вашего мужа больше нет с нами? – спросила мисс Говард.

– Да, господи боже, твоя воля, – отозвалась женщина, вышла из-за стола, чтобы положить в наши стаканы веточки свежесрезанной мяты, а потом обошла всех с имбирным кексом. – Вот уж почти пять лет как преставился. Бедный Джордж загнал себя работой в могилу, все о ферме заботился. Вообще-то никогда он особым мастером в этом деле не был – и если бы мальчики наши не помогали... а они-то прирожденные работники, оба. Это они тоже от меня переняли, сдается мне. Деловитые. А вот Джордж был фантазером, как и Элспет. Вот и все, что мы могли сделать, чтобы вырастить троих детей и удержать на плаву это место.

– А Элспет? – осторожно спросил доктор. – Она, конечно же, как-то да помогала вам?

Миссис Фрэнклин рассмеялась – живым бойким смехом женщины, привыкшей управляться с мужчинами.

– Ну, не знаю, как мне еще это сказать, доктор, да только эта девочка никогда и ни к кому на самом деле не проявляла доброты, когда доходило до практической стороны жизни. О, она была довольно хорошенькой. И умной тоже, особенно в учебе.

Но совершенно бесполезной во всех смыслах, что действительно важны для юной леди.

Я заметил, что мисс Говард при этих словах чуть не подавилась куском имбирного кекса, но ей удалось сохранить приятное выражение лица.

– На кухне она была – ну просто суший кошмар, – продолжала миссис Фрэнклин. – А что до работы по дому, ох... даже пыль стереть не могла, не разбив ничего из бьющегося. Милашка, да только что с той милovidности, когда совсем вырастаешь? Неудивительно, что у нее и ухажеров никогда не было. Прожила с нами чуть ли не до той поры, когда в старые девы уже могла сгодиться – и ни один мужчина так и не попросил ее руки. А я и не

удивлялась. Парни-то в округе все работяги – и женщина им нужна такая, что дом сможет в порядке держать, а не умница-фантазерка. А привлекательность-то блекнет, доктор, ой блекнет...

Маленький песик, прискакавший за нами на крыльцо и возбужденно дышащий у кресла миссис Фрэнклин, снова тявкнул.

– Ох! Леопольд, ты тоже хочешь кексик, ну прости меня! На, держи... – Миссис Фрэнклин сунула собаке кусок кекса – а кекс, должен признать, был лучше всех, что я пробовал, – и начала поглаживать любимца по голове. – Да, вот так, мальчик мой сладкий. Не помнишь Либби, да, Леопольд? Она уехала раньше, чем ты у нас появился... – Женщина задумалась, погрузившись в воспоминания. – У нас тогда была другая собака – пес Либби. Как его звали, Эли?

– Фитц, – ответил Эли Фрэнклин, жуя кекс и глотая уже третий стакан лимонада.

– Да, верно. Фитц. Ох, любила она этого пса. Уж так рыдала, когда он помер, – я думала, она и сама может концы отдать! Помнишь, Эли?

Внезапно Эли Фрэнклин прекратил жевать: он оглядел нас всех, как говорится, с опаской, потом медленно сглотнул кусок кекса, что был у него во рту.

– Нет, – пробормотал он быстро и тихо.

– Да ладно, ты точно помнишь! Не глупи – это было как раз перед тем, как она уехала работать к той семье в Стиллуотер...

– К Мюленбергам? – с надеждой произнесла мисс Говард.

– А, так вы знаете Мюленбергов, мисс Говард? – с радостным удивлением отозвалась миссис Фрэнклин. – Славные люди, говорила Элспет – она как-то написала оттуда. Очень славные. А как раз перед отъездом с ней приключился желчный приступ...

– Мама, – перебил Эли Фрэнклин, все еще слегка встревоженно.

– ... как раз наутро после смерти Фитца. Ты помнишь, не сомневаюсь, Эли, – мы похоронили его там, у коровника. Ты соорудил гробик, а Либби покрасила плиту...

– Мама! – теперь Эли Фрэнклин был пожестче; потом он улыбнулся нам, но с натугой. – Не сомневаюсь, эти люди не хотят знать обо всех мельчайших подробностях здешней жизни Либби – их интересует, что с ней сейчас.

– Что ж... – Миссис Фрэнклин с некоторым потрясением глянула на сына – но кроме потрясения там был и след внезапного, холодного гнева, того свойства, что я порой видывал на лице самой Либби. – Я, конечно, прошу прощения, если смущаю собственного сына. Но я говорила им

о Мюленбергах...

– Ты говорила им... – начал было Эли Фрэнклин, но затем, поймав взгляд матери, спасовал. – Ну хорошо. Давай, продолжай, расскажи им... о Мюленбергах.

– Они были очень славные люди, – продолжила миссис Фрэнклин, кинув напоследок предостерегающий взгляд на сына, тогда как голос ее вновь обрел музыкальность. – Так она нам писала. И, понятно, я была рада – ведь это, похоже, оказалась для нее работа что надо!

Лицо мисс Говард едва не вытянулось – да, кажется, и мое тоже. Кто бы ни говорил, что кормилица – «работа что надо» для Либби Хатч, тем самым показывал, что не знал ее вовсе; а миссис Фрэнклин, какой бы недалекой подчас ни казалась, похоже, была осведомлена о сильных и слабых сторонах своей дочери. Однако, прежде чем кто-то из нас успел выразить замешательство, доктор, полагая, что история где-то в процессе разговора претерпела изменения, спросил:

– А что это была за работа, миссис Фрэнклин?

– А, так вы не знаете? – удивленно отозвалась она. – Раз уж знаете Мюленбергов, то должны бы знать, что Либби была гувернанткой их сына – ну то есть до отъезда в Нью-Йорк. Но, наверное, вы встречались с ними после того, как она уехала?

– Да, – быстро и нервно сказала мисс Говард. – Вообще-то совсем недавно. А с вашей дочерью не были знакомы, пока она не прибыла в город – понимаете, мы все оттуда.

– О, неужели? Ну, раз вы из Нью-Йорка, то уж точно должны знать о моей дочери побольше, чем я. Видите ли, я получила от нее лишь одно письмо с тех пор, как она туда перебралась, и это было так давно – я уж несколько лет ничего не слышала. Хотя, говорю вам, Элспет всегда была такой – вряд ли она вообще соображает, что не пишет! Такая легкомысленная девчонка, вечно в облаках витает с какими-то идеями...

На какое-то мгновение мысли миссис Хатч как будто снова унеслись куда-то в сторону; но на этот раз я начал соображать, что принятое мною прежде за недалекость было на самом-то деле лишь способом избежать тем, о которых она не собиралась или не могла говорить – быть может, из-за того, что они были слишком болезненными или же способными раскрыть о ней самой нечто такое, чего ей не хотелось бы показывать, в особенности чужим людям. При таком положении дел я решил было, что доктор примется пожесточе вытягивать из нее информацию: он был не из тех, кто позволяет людям отклоняться от предмета разговора. И оттого я удивился вдвойне, когда он просто встал, внимательно посмотрел в глаза миссис

Фрэнклин, глядевшие куда-то вдаль, и наконец произнес:

– Да. Полагаю, вы правы, миссис Фрэнклин. Спасибо вам большое за напитки – мы продолжим розыски вашей дочери в Нью-Йорке.

Быстренько справившись со своим изумлением, миссис Фрэнклин тоже встала, с видом чрезвычайного облегчения:

– Мне очень жаль, что не смогла особо ничем помочь вам, правда. А если повстречаете Элспет, можете просто передать ей, что ее семье интересно, как же там у нее дела.

На этом она двинулась к сетчатой двери.

– Доктор, – озадаченно воскликнула мисс Говард. – Мне не кажется, что мы...

– О, думаю, миссис Фрэнклин сказала нам все, что могла, – любезно ответил доктор. – И все это окажется чрезвычайно полезным, не сомневаюсь.

При этих словах он бросил на мисс Говард весьма многозначительный взгляд; она же, приняв его слова на веру, пожала плечами и шагнула к двери. Я же вообще не скумекал, о чем они, – да, впрочем, и не надеялся. Я не надеялся даже, что меня пустят в дом, а оказавшись здесь, решил, что подожду объяснений до поездки обратно.

Мы вышли на лужайку перед крыльцом, и миссис Фрэнклин подняла палец:

– Знаете что, доктор, – попробуйте-ка вы проверить театры. Лично мне всегда казалось, что Элспет рано или поздно окажется на сцене – вот уж не знаю, почему, да только я всегда так думала. Ну что же, до свидания! Приятно было поболтать со всеми вами!

Мы с мисс Говард что было сил старались сдержать еще большее изумление, прощаясь с миссис Фрэнклин; она же подозвала свою собачку и исчезла в доме.

– Провожу вас до экипажа, – сказал Эли Фрэнклин, похоже, и сам испытывавший изрядное облегчение от нашего отъезда. – И спасибо вам, что не упомянули при матери о трудностях Либби. Видите же сами, как она, и...

– Да, мистер Фрэнклин. – Голос его внезапно утратил ту мягкость и вежливость, с какими доктор говорил с матерью. – Мы действительно, как вы изволили сказать, «видим, как она». Быть может, даже больше, чем вы себе представляете. И, боюсь, за сокрытие от нее нашей истинной цели я буду вынужден попросить об услуге.

Эти слова и то, как доктор их произнес, снова повергли Эли Фрэнклина в нервозность и, пожалуй, даже в страх:

– Об услуге? – пробормотал он. – Что вы...

– Скотный двор, мистер Фрэнклин. Мы хотим осмотреть скотный двор.

– Скотный двор? – Фрэнклин попытался сдержать смешок. – Да что ж вы там увидеть-то хотите, Христа ради, ничего ведь там...

– Мистер Фрэнклин. – От взгляда черных глаз доктора лицо фермера застыло. – Будьте так любезны.

Фрэнклин медленно начал качать головой, и движение это быстро стало взволнованным:

– Нет. Простите, но я даже не знаю, чего вы хотите, и не собираюсь позволять вам...

– Очень хорошо. – Доктор развернулся к крыльцу. – Вы заставляете меня обратиться к вашей матери... – Он взялся за дверную ручку – только для того, чтобы Фрэнклин мощными руками схватил его за предплечье: не грубо, но все-таки отчаянно.

– Стойте! – проговорил Фрэнклин, а когда доктор обернулся к нему с хмурым видом, ослабил хватку. – Вы... вы просто хотите оглядеть скотный двор?

– Мистер Фрэнклин, вы прекрасно понимаете, что мы хотим увидеть, – бросил доктор, и тут мисс Говард вдруг хлопнула себя по лбу, видимо, сообразив, к чему доктор клонит.

Тяжело сглотнув, Фрэнклин посмотрел на нее:

– У Либби куда больше неприятностей, чем вы сказали, верно?

– Да, – согласилась мисс Говард. – Боюсь, что так.

Фрэнклин, похоже, чуть уязвленный сей информацией, кивнул раз или два:

– Ну ладно. Идемте, что ли.

И, размашисто зашагав вперед, повел нас на заднюю лужайку за дом, через пыльную дорогу, на скотный двор, покрытый навозом и грязью. Мы с мисс Говард по дороге подтянулись поближе к доктору.

– Вы подозреваете... – начала было мисс Говард.

– Я ничего не подозреваю, – оборвал ее доктор. – Я уверен. Нам нужно только точное описание места, чтобы дать этой женщине понять, что мы действительно были здесь, и настроены серьезно.

– Описание какого места? – вклинился тут ваш покорный слуга, теперь единственный из группы, не соображающий, что творится; но мисс Говард с доктором, ни слова не говоря, последовали за Фрэнклином к дальнему краю скотного двора.

Там с одного конца обнаружилась грязная яма с водой, а с другого –

колючие заросли малины. Фрэнклин миновал один малиновый куст, потом, еще раз глянув на нас и вздохнув, ухватил упавшую старую ветку узловатой дикой яблони, стоявшей неподалеку от водяной ямы. Веткой этой он прибил и раздвинул густые шипастые стебли кустов перед собой – и на земле перед нами открылся некий маленький предмет:

То было деревянное надгробье, высотой, может, фута в два. Кое-где оно потрескалось, но не сильно, и выписанные на нем буквы, хоть уже и потускневшие, прочесть было нетрудно:

ФИТЦ 1879–1887 С ВЕЧНОЙ ЛЮБОВЬЮ, МАМА

Когда я прочитал последнюю строчку, мне будто острым концом гусиного пера по спине провели: на могилках Томаса и Мэтью в Боллстон-Спа были те же самые слова.

– Ну конечно, – прошептал я в никуда, напряженно отступая на пару шагов и не отрывая взгляда от надгробия, – разумеется – она же была *кормилицей*... – И наконец отвел глаза, заслышав голос доктора:

– От чего умер пес, мистер Фрэнклин? – спросил он.

Тот лишь покачал головой.

– Не знаю. Она принесла его ко мне уже мертвым. И ни следа на нем. Я соорудил ей гробик, она унесла его и закрыла. Потом я помог ей похоронить его.

– А этот... «желчный приступ» у вашей сестры?

– Продолжался всю ночь, – ответил Фрэнклин, не сводя глаз с надгробья. И, что называется, бесстрастным голосом добавил: – Приключился с ней, когда мы все легли спать... чуть было ее не прикончил. Только знаете что? Она ни словечка не сказала, до самого утра. Ни звука не издала... Мать-то с отцом, они все проспали. Все проспали.

Доктор кивнул:

– Вы понимаете, мистер Фрэнклин, что человека, уничтожающего улики преступления, можно обвинить в соучастии?

Фрэнклин кивнул в ответ – все еще с бесстрастным лицом:

– Это же просто собака...

Доктор шагнул к нему ближе:

– Надеюсь, вашего же блага ради, что у вашей сестры достанет благоразумия, и нам не придется возвращаться сюда с судебным распоряжением об эксгумации этой... *собаки*. Однако же советую вам как следует позаботиться о том, чтобы могила осталась нетронутой.

Фрэнклин ничего не сказал на это – лишь кивал и смотрел на могилку.

Доктор, удовлетворенный тем, что фермер понял его, посмотрел на меня с мисс Говард и направился к экипажу.

– Доктор, – пробормотал Фрэнклин, как только мы двинулись с места; мы остановились и оглянулись. – У нее никогда – у Либби-то – ничего особо и не было. Вы же слышали мою мать – у них в доме она была лишь прислугой. Да даже и не так – у прислуги хоть жильё свое есть. – Он снова опустил взгляд на могилку. – Мужчины у нее были – мальчишки, на самом-то деле... ухлестывали за ней. А она была дурой. Но зато это у нее было свое. Хоть это она заслужила, без того, чтобы оно ее жизнь порушило. Она заслужила побольше, чем какую-то собаку...

Доктор коротко кивнул, и мы зашагали к упряжке.

– Думаете, – тихо произнесла мисс Говард, – судья Браун даст нам распоряжение суда?

– Сдается мне, подобное действие будет без надобности. Дэрроу и Максону хватит ума, если его не найдет у самой Либби.

Мы сели в экипаж, и мисс Говард оглянулась на хлев:

– А брат – он знал? Он – знает?

– Подозревает, разумеется, – сказал доктор, когда я тронул лошадь. – Но вот уверен он или нет...

– А как же мать? – вмешался я. – Она-то не такая бестолковая, как прикидывается – она ж тоже может знать.

– Вполне возможно, – ответил доктор. – Она тоже многое подозревает насчет своей дочери, и этому совершенно не удивится. Но, по-моему, она не в курсе. У такой женщины, как Либби Хатч, нашлись бы способы скрыть беременность – а вы слышали, что случилось, когда она наконец разрешилась ребенком. Не издала ни звука. В большинстве случаев я бы такому не поверил, но здесь мы имеем дело с человеком, который, обнаружив себя в западне, способен на невероятную дисциплину.

– Но кто же отец? – осведомилась мисс Говард.

– Ответы на все вопросы будут позже, – констатировал доктор. – Стиви, пока мы проезжали город, я заметил гостиницу. Там может оказаться телефон. Нам нужно позвонить мистеру Пиктону и сказать, чтобы встретил нас у конторы, как только вернемся. Потом ему нужно будет связаться с Дэрроу и Максоном, и велеть им вместе с их клиенткой присоединиться к нам, скажем, в... – Доктор извлек часы, уточнил время и произвел быстрый подсчет. – В девять. Да, так у нас останется достаточно времени проработать детали. – Сунув часы обратно, доктор нервно скрестил руки. – И вот тогда поглядим.

Глава 50

В половине восьмого тем вечером весь наш отряд еще раз набился в кабинет мистера Пиктона – взвесить результаты поездки на ферму Фрэнклинов и решить, что нам с этим делать. Присутствовал даже Эль Ниньо: он, как обычно, не особо понимал в большей части происходящего, и вклада никакого внести не мог, но всегда переживал, что на «леди», «мистера Мон-роза», мистера Пиктона (его будущего «jefe»⁵⁸) или еще кого-нибудь из нас могут совершить нападение какие-то подлые личности. Он уверовал, что его личная миссия и ответственность – не допустить подобного штурма; и когда те, кому действительно было что сказать по делу, расселись вокруг стола мистера Пиктона, абориген встал у двери с оружием наготове. Тогда все это казалось мне – как и масса прочего в его поведении – забавным и трогательным, не больше; но позже я пожалел, что мы все не следовали его осмотрительному примеру.

Главная тема разговора – разговора, быстро превратившегося в дебаты, – заключалась в том, как преподнести наше открытие представителям защиты и как в свете этого попытаться лучше совладать с ними. Основное соображение выглядело так: мистер Пиктон скажет Либби Хатч, что обвинение будет готово забыть о гробике, зарытом за хлевом у дома ее семьи, в обмен на ее признание своей вины – вот только вины в чем? Мистер Пиктон крайне неохотно готов был расстаться с обвинением в убийстве первой степени, которое отправило бы Либби на электрический стул; однако он понимал, что выбор между смертью сейчас и смертью попозже у человека особого энтузиазма не вызывает. Так что он постарался примириться со следующим блестящим решением: убийство второй степени и приговор – пожизненное заключение без возможности условно-досрочного освобождения. Кое-кто из нашего отряда – а именно Маркус и мистер Мур – сомневались, что Либби на такое пойдет: женщина, по всей видимости получающая удовольствие от своей свободы столькими разными способами, вряд ли с воодушевлением отнесется к возможности провести остаток дней за решеткой.

Но доктор был не согласен. Он заметил, что, несмотря на возможный протест этой дамы против перспективы подобного приговора, некая потайная часть ее души, возможно, примет его – и, не исключено, даже с радостью. Мистер Мур с Маркусом скептически отнеслись было и к этой идее, но доктор продолжил объяснение. Тюрьма, сказал он, на самом деле

усмирит противоречивые стремления духа Либби: потребность в изоляции при одновременном наличии окружающих; потребность в исполнении, по ее мнению, некой важной задачи (поскольку такой женщине, как Либби, без сомнения, поручат какой-нибудь важный «пост» среди заключенных, скажем, в женском блоке в Синг-Синге) – и в то же время ощущение того, что она противостоит принятым социальным нормам и авторитетам (в конце-то концов, она окажется арестанткой). К тому же оставалась ее страсть контролировать происходящее вокруг: многие преступники, по словам доктора, в особенности – той породы, что Либби, – втайне желали некоего руководства и дисциплины в собственной жизни (она, как он напомнил нам, смогла вынести не один час родоразрешения без единого громкого звука, чтобы не разбудить родителей); и, несмотря на то, что физический контроль в этом случае фактически будет состоять в заключении, Либби, с ее талантом к самообману, быстро убедит себя в том, что это именно она диктует условия происходящего. И она будет в некотором роде права, заметил доктор, поскольку в тюрьме окажется в силу собственных преступных деяний. Но все убеждения доктора в том, что Либби пойдет на сделку, кою ей собирается предложить мистер Пиктон, перевешивал один довод: мы раз за разом убеждались, что превыше всего – включая здоровье и безопасность своих же отпрысков – она ценит собственную жизнь, и возможности избежать смертной казни, сказал доктор, будет довольно, чтобы вынудить Либби к согласию даже без всех остальных воздействий.

Маркуса это объяснение удовлетворило, но мистер Мур по-прежнему питал сомнения; а мистер Пиктон, хоть и знал, что это единственный разумный выход, все еще чувствовал себя слегка обманутым оттого, что не мог вынести смертный приговор. Но доктор продолжал настаивать: на самом деле важно лишь то, что Либби Хатч поместят туда, где она больше не сможет получить доступ к детям – и тем более к собственному ребенку. Более того, знание о том, что мать ее заключена до конца своих дней, а не казнена, лишь поможет выздоровлению Клары Хатч, ведь девочка просто не вынесет чудовищной пожизненной ноши того, что сыграла роль в казни родной матери. Мисс Говард объявила, что это наилучший довод в пользу сделки; действительно, заметила она, учитывая, как казнь матери может повлиять на Клару, совершенно непонятно, почему мистер Пиктон не сделал пожизненное заключение для Либби своей первичной целью. Это замечание повлекло за собой довольно страстные заявления помощника окружного прокурора насчет непостижимого будущего и того, что какой-нибудь тюремный комендант – скажем, лет через двадцать-тридцать –

вполне может попасться на удочку одного из эффектных представлений Либби, и аннулировать ту часть приговора, в которой сказано о недопустимости условно-досрочного освобождения. Доктор и мисс Говард, сказал он, сегодня немало сделали, чтобы объяснить ее зло, но не сделали ничего, чтобы извести его: такое решение под силу только смерти.

Тут доктор снова завелся – насчет того, как вообще наука сможет хоть что-то узнать о таких преступниках, как Либби, если государство только и делает, что жарит их всех и вешает. В общем, дискуссия эта, равно как и прочие с нею связанные, тянулась и тянулась до тех пор, пока солнце не село за железнодорожной станцией у холма. Наконец, в несколько минут десятого, раздался стук во входную дверь в контору мистера Пиктона. Эль Ниньо распахнул ее – и вошли мистер Дэрроу и мистер Максон; первый казался удивленным, но при виде окружающей сцены обрел уверенность, второй же, похоже, как и обычно, изрядно нервничал. Формально раскланявшись, Эль Ниньо провел эту пару во внутренний кабинет, и все мы встали.

– А! Максон, Дэрроу, – промолвил мистер Пиктон. – Весьма любезно с вашей стороны прийти так поздно вечером, да еще и в воскресенье.

– Я гляжу, у вас тут целая конференция, – заметил мистер Дэрроу, оглядев всех нас и вежливо кивнув. – Что, незадача с итоговой речью, мистер Пиктон?

– С итоговой речью? – изрек мистер Пиктон, разыгрывая удивление. – О! Чтоб вас кошки съели, да вы знаете, со всеми этими сегодняшними событиями, боюсь, я напрочь позабыл о дозировке аргументов! Впрочем, я не вполне уверен, что они нам понадобятся.

Он извлек трубку и зажал ее в зубах, чрезвычайно довольный собой.

Мистер Максон – который уже не раз сталкивался с мистером Пиктоном в суде и мог сообразить, когда этот человек что-то замышляет – забеспокоился еще сильнее.

– Что такое, Пиктон? – спросил он, поплотнее вдавливая пенсне в свой тонкий нос. – Что это у вас там?

– Да что у него может быть? – хмыкнул мистер Дэрроу. – Обвинение практически покончило со своим делом, мистер Пиктон. Надеюсь, вы не совершили ошибки, приберегая что-нибудь для финального спектакля. Судье Брауну, кажется, не по душе сторонники таких методов.

– Я знаю, – ответил мистер Пиктон. – А ваш коллега Максон, кстати, знает, что я это знаю. Поэтому, что бы «у меня там» ни было, оно вполне стоит того, чтобы вызвать вас сюда сегодня вечером – не так ли, Максон?

Мистер Максон, в отличие от мистера Дэрроу, похоже, принял это

заявление близко к сердцу; и довольный сим фактом мистер Пиктон взглянул на меня:

– Юный Стиви? Не сбегаете ли вниз, не попросите ли Генри привести миссис Хатч – о, прошу прощения, миссис Хантер, – из камеры?

– Уже бегу, – крикнул я, кинувшись к двери. И, выскочив наружу, услышал, как мистер Пиктон продолжил:

– Доктор, не останетесь ли здесь с нами троими? Остальные могут пока сесть в наружном кабинете – мы же, в конце концов, не хотим смущать обвиняемую...

Промчавшись по коридору, я кинулся вниз по мраморным ступеням, перескакивая через две разом, к посту охранника на входе. Подскочив туда, я, не поднимая глаз, начал было:

– Мистер Пиктон хочет...

Но тут увидел, с кем говорю. То был вовсе не Генри, а один из тех здоровых мужчин, что следили за дверями зала суда во время процесса.

– Где Генри?

Человек посмотрел на меня с кислым лицом:

– А тебе-то что, мальчик?

Я пожал плечами:

– Ничего. Зато кое-что мистеру Пиктону – у него для Генри распоряжение.

Охранник кивнул на проход у себя за спиной с еще более раздраженным видом:

– Генри внизу. Охраняет заключенную.

Я услышал эти слова; я просто кивнул в ответ и даже не задумался. Но теперь, через столько прошедших лет, мне снова и снова безумно жаль, что я так и не сообразил, что же происходит.

– Ну, – сообщил я охраннику, – мистер Пиктон хочет, чтобы он привел заключенную к нему в кабинет.

– Что, сейчас? – удивился охранник.

– Вряд ли он имел в виду следующий четверг, – буркнул я, развернулся и направился обратно к лестнице. – А на вашем месте я бы пошевеливался – они там все наготове и ждут.

– Эй! – крикнул охранник, когда я уже взбирался по ступеням. – Запомни-ка вот что: я свои деньги получаю не за выполнение приказов всяких малолеток!

Потом он развернулся и вошел в дверь у себя за спиной.

– Да ты только что выполнил один такой приказ, дубина, – пробормотал я с улыбкой, добравшись до второго этажа. – Так что снял бы

штаны до побегал.

В секретарской мистера Пиктона я обнаружил Сайруса, детектив-сержантов, мистера Мура, мисс Говард и Эль Ниньо, столпившихся у закрытой дубовой двери во внутренний кабинет. Абориген сидел у Сайруса на плечах и оттуда заглядывал в приоткрытую фрамугу – шпионил за тем, что творилось у трех юристов и доктора, и пытался нашептывать сведения остальным; вот только английский его был не вполне хорош, и разобрать получалось не больше половины того, что говорилось внутри.

– Они сейчас говорят про девочку, про Клару, – шептал Эль Ниньо, когда я вошел.

– Что там о ней? – спросила мисс Говард.

– Что-то... что-то... – Эль Ниньо расстроено покачал головой. – Сеньор доктор говорит такие вещи, что я не понимаю, – что-то про болезнь и про мать – ту, которая убийца...

– Ох, это без толку, – разочарованно проговорил мистер Мур, потом махнул мне. – Стиви, поменяйся-ка со своим другом. Я хочу знать, что там, черт побери, происходит.

Я было собрался сделать, как он велел, но тут во внешнюю дверь постучали. Пока Эль Ниньо спускался с плеч Сайруса, я открыл – и оказался лицом к лицу с охранником Генри и Либби Хатч. Неделя с хвостиком в заключении нисколько не сказалась на манере этой женщины держаться – ее черное платье казалось таким же свежим, как в ту ночь, когда она сошла с поезда, – и не затуманила дьявольского блеска ее золотых глаз. Прежде я ни разу не оказывался так близко к этим глазам, никогда еще не смотрели они прямо на меня; и впечатление от них заставило меня отступить, медленно и тихо, пока я чуть было не рухнул на пустой секретарский стол. Либби при виде такой реакции улыбнулась мне – да так, что, надеюсь, никогда не увижу больше ни у кого подобной улыбки, так, что я припомнил слова мистера Мура в кафе «Лафайетт»: глянув на ее лицо, никогда не угадаешь, что приберегла для тебя эта женщина. Любовь, ненависть, жизнь, смерть – все это было вполне возможно, если благоприятствовало ее целям.

А из гордой походки, которой она миновала остальных, проходя к массивной двери во внутренний кабинет, вполне явственно следовало, что Либби Хатч уверена – целям ее все вполне благоприятствует, во всяком случае, в сложившейся ситуации. Она посмотрела на все лица перед собой, по-прежнему улыбаясь, потом принялась качать головой, будто говоря тем самым, что все мы чудовищно сглупили, даже только подумав о том, что ей можно бросить вызов. Генри, держа ее за предплечье (наручников на ней не

было – и это должно было бы показаться мне странным, но не показалось), постучал в дверь кабинета, и мистер Пиктон велел ему проходить. Охранник открыл дверь и указал Либби, что ей следует войти. Сделал он это одним взглядом, быстрым, выразительным движением глаз, какими обычно общаются только очень хорошо знающие друг друга люди.

– Заходите, миссис Хантер, – услышал я голос мистера Пиктона. – Спасибо, Генри. Я пошлю кого-нибудь вниз, когда мы закончим.

– Не хотите, чтобы я подождал? – осведомился охранник.

Мистер Пиктон лишь вздохнул:

– Генри, я что, по-гречески говорю? Если бы я хотел, чтобы ты подождал, я бы попросил подождать. Возвращайся вниз, я пришлю кого-нибудь, когда закончим, большое спасибо!

Охранник, с таким видом, какой у него бывал обычно, если мистер Пиктон ставил его в неловкое положение, – точно у какого-то раненого животного, – снова бросил взгляд на Либби, и она кивнула ему. Только при этом знаке Генри развернулся и угрюмо выскочил из комнаты. Либби же вошла и села за стол мистера Пиктона рядом с мистером Дэрроу, а мистер Максон закрыл перед нами дверь.

– Ну, Стиви, – прошептал мистер Мур, – давай залезай!

Я быстро шагнул на подставленные Маркусом ладони, сцепленные лодочкой, ухватился за руки Сайруса, и он подсадил меня к себе на плечи. Сайрус придерживал меня за ноги, я уселся поудобнее и осторожно придвинул лицо к фрамуге, открытой ровно настолько, чтобы видно было всех участников в комнате, а заодно и кусок стола мистера Пиктона. И, регулярно шепча вниз остальным, я стал свидетелем и пересказчиком вот какой сцены:

– Зачем меня сюда позвали в такое время? – тихо и печально спросила Либби. Выражение ее лица, насколько я мог видеть в профиль, казалось куда как застенчивей, чем в секретарской. – Из-за Клары? С моей крошкой что-то случилось?

– Сейчас, сейчас, миссис Хатч, – произнес мистер Максон, опуская ладонь ей на руку. – Прошу прощения – миссис Хантер. Пожалуйста, успокойтесь.

– Да, уж постарайтесь, миссис Хантер, – сказал мистер Пиктон без тени сочувствия в голосе. – Вы сейчас не в суде, да и представители прессы тут нигде не затаились. Ваш обычный спектакль без надобности.

– Вместо оскорблений, Пиктон, – заметил мистер Дэрроу, закидывая ногу на ногу и откинувшись в кресле, – могли бы и сообщить, какого дьявола вам надо.

– Да, – кивнул мистер Пиктон и прикурил трубку быстрыми скупыми жестами. – Не вижу никаких причин ходить вокруг да около. – Выпустив большие клубы дыма, он выпрямился. – Вокруг да около кустов малины, если точнее, миссис Хантер – тех самых, за хлевом вашей семьи в Шагтикоуке. – И раскрыл глаза пошире: – Или этих кустов еще не было, пока вы жили дома? Нет, думаю, вряд ли были – слишком трудно было бы пробраться под ними для всех этих земляных работ. Впрочем, она же растет как сорняк, малина эта – сейчас уже вот такая вымахала. Почти скрывает это дело. Почти.

Голова Либби замерла, а руки крепко вцепились в подлокотники кресла. Мне был виден лишь один из ее золотистых глаз, но он широко распахнулся – шире, чем я видел раньше: настолько, что я поверил – похоже, на сей раз она и впрямь изумлена и в полном недоумении.

– Пиктон, – проговорил мистер Дэрроу, почесывая затылок с чрезвычайно раздосадованным видом, – вас что, окончательно покинул рассудок – или же во всем этом лепете есть какой-то смысл?

Но на лице мистера Максона отразилась совсем иная реакция; он, может, и не до конца понимал, о чем толкует его оппонент, но, очевидно, знал, что помощник окружного прокурора не станет тратить уйму времени на пустые разглагольствования ни о чем.

– Пиктон, – тихо вмешался мистер Максон, – у вас что, есть новые сведения, вы собираетесь их представить?

Мистер Пиктон не ответил ни на один из этих вопросов – он не отрывал взгляда от Либби, и серые глаза его приобрели тот странный серебристый оттенок, которым отличались, когда он бывал взволнован. Спустя несколько секунд он кивнул:

– Да, миссис Хантер. Мы нашли их – вашу мать и брата Элайджу. И, что важнее, нашли *это*, и услышали всю историю целиком.

В этом последнем заявлении крылся маленький блеф, я-то знал – но все хорошие юристы знают цену расчетливому блефу.

Либби по-прежнему молчала, отчего оба адвоката обернулись к ней с некоторым беспокойством.

– О чем это он? – вмешался мистер Дэрроу. Его глубокий голос прозвучал так, будто и он допускал уже, что мистер Пиктон мог приберечь напоследок кое-что стоящее.

А Либби по-прежнему без слов глазела на мистера Пиктона; однако, похоже, сообразила, что причина ее затруднительного положения не в нем – и вскоре ее золотые глаза вперились в доктора.

– Кто... что же вы такое, черт вас побери? – едва прошептала она,

настолько ледяным тоном, что он, похоже, шокировал даже мистера Максона с мистером Дэрроу.

Доктор же в свою очередь только пожал плечами и ответил женщине:

– Всего лишь человек, знающий, на что вы способны, миссис Хантер. Не более.

Мистер Дэрроу весьма неловко встал и сунул руки в карманы:

– Ну ладно, хорош – кто-нибудь собирается объяснить нам, что здесь происходит, или нет?

– Все довольно просто, Дэрроу, – ответил мистер Пиктон, наконец отводя взгляд от Либби. – Хотя и ужасно при всей своей простоте. Десять лет назад – боюсь, что не могу назвать вам точную дату, однако мы полагаем, что это было весной – ваша клиентка произвела на свет ребенка. Незаконного. Она убила его и похоронила тело за хлевом на семейной ферме, в гробике, где было еще и тело собаки. Которую, не сомневаюсь, она тоже убила, чтобы обеспечить прикрытие для похорон. Мы видели могилу и располагаем подтверждающими сведениями членов семьи обвиняемой. И мы готовы обсудить сделку.

Глаза мистера Дэрроу поползли на лоб:

– Ну, знаете ли, видал я безнадежные попытки в последнюю минуту, но чтобы...

И осекся, когда Либби молча остановила его жестом.

– А если мы не пойдем на вашу сделку? – спросила она.

– Тогда, – изрек мистер Пиктон, снова закуривая, – мы эксгумируем труп младенца, тем самым подробно посвятив вашу мать – которая, кстати, до сих пор не знает о нашем открытии, – в это преступление, и арестуем вас, едва закончится нынешний процесс. А заодно можем арестовать и вашего брата как соучастника – это ведь он соорудил гроб и выкопал могилу...

– Он ничего не знал об этом! – не подумав, выкрикнула Либби.

Мистер Дэрроу автоматическим движением твердо опустил руку на плечо клиентки:

– Вообще ничего не говорите, миссис Хантер.

И, удовлетворенный ее послушанием, вновь обратился к мистеру Пиктону:

– Вы закончили?

– Ну да, вроде как, – отвечивал мистер Пиктон.

Мистер Дэрроу снова сел, потирая изборожденный морщинами лоб, и довольно долго всматривался в лицо Либби. А в этом лице явно было нечто, пришедшееся ему не по душе, – нечто, сообщившее ему, что мистер

Пиктон, возможно, говорит не такую уж и чушь.

– Чисто гипотетически, – медленно пробормотал мистер Дэрроу, не отворачиваясь от Либби. – Что это за «делку» вы имели в виду?

– Мы умерим обвинение по данному делу до убийства второй степени, если она признает свою вину.

– И, – осторожно добавил доктор, – завтра же утром свяжется со своими союзниками в Нью-Йорке и велит им отпустить девочку Ану Линарес под нашу опеку, когда мы вернемся.

Мистер Пиктон кивнул:

– А в обмен она получит пожизненное заключение без возможности досрочного освобождения.

Либби вроде бы собиралась что-то ответить – но мистер Дэрроу вновь опустил свою крупную руку ей на плечо:

– Ничего не говорите, – повторил он, на сей раз еще жестче, потом бросил взгляд на мистера Пиктона. – Вы не против, если мы с мистером Максоном обсудим это с нашей клиенткой с глазу на глаз – может, какое-то время поразмыслим?

– Можете обсудить все в этом кабинете в ближайшие пятнадцать минут, – отозвался мистер Пиктон. – Для нашей сделки этого довольно. Мы с доктором оставим вас.

Мистер Пиктон поднялся и кивнул доктору, который медленно проследовал за ним к двери. Не желая запалиться на подслушивании, я быстренько соскользнул с плеч Сайруса и со стуком рухнул на пол. Когда дверь открылась, я уже умудрился выпрямиться – и доктор, выходя, с любопытством посмотрел на меня, явно подозревая, что я, не иначе, что-то учудил. Однако лишь только мистер Пиктон закрыл дверь, все внимание переместилось на другие предметы.

– Ну? – спросил мистер Мур; хоть я уже сообщил ему и остальным, чем кончилось дело, полагаю, он решил, что надо соблюсти формальности.

– Ну, – тихо отозвался мистер Пиктон, – думаю, шансы наши весьма недурны. Она, похоже, приняла нас всерьез. И, полагаю, вряд ли захочет, чтобы мать узнала о том, что ее единственная дочь натворила в жизни, или чтобы она явилась в суд давать показания о детоубийстве, совершенном под самым ее носом. Да и вероятность обвинения брата, кажется, тоже ей радости не доставляет.

– Однако женщина эта не так проста, – задумчиво добавил доктор. – Что-то в ее голосе было не так. Она, конечно, поражена, но... ведет себя не как человек, чувствующий, что ловушка вот-вот захлопнется. Пока нет.

– Может, вы тогда были правы, доктор, – вымолвил Люциус. – Может,

какую-то часть ее подсознания действительно притягивает идея заключения.

Доктор быстро покачал головой, словно сражаясь с чем-то:

– Нет, тут было нечто иное. Не вполне получается определить. И, думаю, вряд ли получится. Нет, во всяком случае, – он вытащил часы, – не в ближайшие четырнадцать минут...

Эти четырнадцать минут прошли почти в полном молчании. Трое в кабинете мистера Пиктона говорили очень тихо, мы не могли разобрать, о чем – и, думаю, вся наша группа чересчур переживала, чтобы и дальше размышлять о том, что может ждать впереди. И доктор, и мистер Пиктон чуть ли не ежеминутно сверялись со своими часами и всякий раз тяжело вздыхали, обнаруживая, как мало времени миновало. Но вот наконец им настала пора вернуться в кабинет. Мистер Пиктон слегка кивнул доктору и осторожно постучал. Не дожидаясь ответа, он направился внутрь, придерживая дверь для доктора, а потом закрыл ее перед остальными.

– Стиви! – зашептал мистер Мур, но я уже наполовину вскарабкался Сайрусу на спину и заглянул во фрамугу, когда мистер Пиктон говорил:

– Ну, Дэрроу? Пришли к решению?

Глядя в пол и оживленно, но бесцельно шаря у себя в карманах, мистер Дэрроу выдохнул:

– Боюсь, с этого момента, Пиктон, вам придется адресовать свои вопросы мистеру Максону.

Мистер Пиктон изумился:

– Неужели?

– Да, – признал Дэрроу, все еще избегая смотреть в глаза мистеру Пиктону и доктору. – Миссис Хантер сочла нужным обойтись без моих консультаций. Так что я намерен вернуться в Чикаго ближайшим же поездом.

Обменявшись, что называется, ошеломленными взглядами, мистер Пиктон с доктором постарались не выказывать никаких признаков облегчения и злорадства.

– О нет, как же так! – провозгласил мистер Пиктон.

– Можете избавить меня от профессиональных любезностей, Пиктон, – бросил Дэрроу. – А желаете позубоскалить – так не стесняйтесь, вам удалось провернуть чертовски ловкий трюк.

Либби Хатч при всем этом просто сидела, уставившись перед собой с таким видом, что было ясно: с мистером Дэрроу она обошлась что надо. Что же до мистера Максона, то на его привычно нервном лице впервые отразилось некое облегчение.

– Мне нужно успеть на трамвай, забрать вещи, – продолжил Дэрроу, направляясь к двери. Его широкие плечи показались мне сутулей обычного, хотя, может, и просто почудилось. – По-моему, есть полуночный поезд до Буффало – там я смогу пересесть.

– Что ж! – произнес мистер Пиктон, заново прикуривая трубку. – Мне жаль, что вас здесь не будет...

– О, не сомневаюсь, Пиктон, – отвечив Дэрроу, чуть улыбнувшись; потом, прежде чем я успел хоть что-нибудь, кроме как треснуть Сайруса по башке, юрист схватился за дверную ручку и потянул ее. Сайрус отпрыгнул влево, чтобы нас хотя бы не увидели остальные в кабинете; но когда мистер Дэрроу вышел и закрыл за собой дверь, он поднял взгляд и узрел меня, все еще громоздившегося на плечах Сайруса. Я было ожидал, что он разразится какой-нибудь возмущенной лекцией насчет пристойности нашего поведения – и весьма удивился, когда он лишь покачал головой, отчего одна из этих его прядей свесилась на лоб, и довольно дружелюбно хихикнул.

– *Никогда* не видел ничего подобного, – заключил он, салютовал нашей группе двумя пальцами и вышел через дверь секретарской.

Едва он удалился, Сайрус вновь отступил вправо, возвращая меня на былую позицию у фрамуги. Я еще раз осторожно заглянул в кабинет, и обнаружил, что доктор, мистер Пиктон и мистер Максон смотрят в упор на все еще безмолвную Либби Хатч.

– Миссис Хантер решила, что примет ваши условия, – сообщил мистер Максон, к тому моменту уже подуспокоившись. – Мистер Дэрроу советовал ей отказаться, но я...

– Вам не нужно ничего объяснять, Максон, – добродушно объявил мистер Пиктон. – Дэрроу – юрист из большого города, хочет добиться для себя национальной известности. А в согласии на сделку о признании вины славы немного, верно? Только не тогда, когда по всем признакам рассчитываешь на яркую победу. Но я уверен, миссис Хантер понимает, что вы заботились прежде всего о ее интересах, а не о собственной репутации.

– Спасибо, Пиктон, – кивнул мистер Максон. – Очень благородно с вашей стороны. Да, с учетом всего этого, я и впрямь полагаю, что принять ваши условия – самый мудрый выбор. Вам от нас сейчас еще что-нибудь нужно, или отложим остальное до завтрашнего суда?

Мистер Пиктон развел руками:

– Нет, у меня больше ничего – или миссис Хантер хочет сделать какое-то заявление?

По-прежнему не шевелясь, Либби медленно покачала головой; потом,

задумавшись о чем-то, подняла палец.

– Только вот что, – тихо призналась она. – Мой брат Эли. Я не хочу, чтобы вы его преследовали. Он ничего не знал.

– Но, конечно же, подозревал о чем-то? – возразил мистер Пиктон.

– А вы нынче обвиняете людей за подозрения? – парировала Либби. – Нет – я хочу, чтобы вы мне в этом ручались.

Мистер Пиктон кивнул:

– Не переживайте, миссис Хантер. Согласившись на сделку, вы избавляетесь от любого расследования касательно происходившего в доме вашей семьи. Если это, конечно, не слишком неудачный выбор слов... – И, посмотрев на дверь, он крикнул: – Стиви!

– Спускай давай! – зашептал я Сайрусу, тот ухватил меня за руки и опустил на пол, только теперь поизящней. Я открыл дверь кабинета, просунул туда голову и увидел, как мистер Максон помогает Либби подняться.

– Стиви, не попросишь ли Генри вернуться и проводить миссис Хантер обратно в камеру? – обратился ко мне мистер Пиктон.

Я кивнул и кинулся из кабинета – хотя на сей раз добежал лишь до коридора второго этажа.

Там нервно расхаживал Генри, курил, держа сигарету в одной руке, а между затяжками обкусывал ногти на другой.

– Эй! – крикнул я. – Мистер Пиктон говорит, что миссис Хантер пора возвращаться в камеру.

Генри выкинул сигарету на пол, растоптал ее тяжелым сапогом и помчался мимо меня в кабинет. Я даже не успел вернуться – а он уже появился со своей подопечной, глядевшей на все вокруг так, будто у ее мира только что рухнула крыша. Особых причин сомневаться в том, что именно так она в действительности себя и чувствует, у меня не было; и пока я смотрел, как она бредет к лестнице, настроение мое начало заметно выправляться, хоть и втихую. Быстрый уход мистера Максона лишь усилил этот порыв; и, наконец, вернувшись в кабинет мистера Пиктона, я обнаружил, что все остальные чувствовали себя точно так же: счастливые, да, но словно ошеломленные тем, как быстро все изменилось.

Мистер Мур был первым, кто хоть что-то сказал:

– Ну и как там положено, а, Руперт? Время праздновать, или... – Слова его стихли, едва он взглянул на друга.

Мистер Пиктон просто улыбнулся, пожал плечами и постарался не особо выдавать свое волнение:

– Осторожно, Джон, – осторожно. Сделку еще должен одобрить судья

Браун, а он не очень-то жалуется сюрпризы.

– Но ведь, – уточнила мисс Говард, тоже не вполне уверенная, насколько стоит демонстрировать ликование, – он же не может ее отменить, правда? Если сама обвиняемая согласна?

– Я, Сара, – объяснил мистер Пиктон, принявшись собирать какие-то бумаги у себя на столе, – человек чрезвычайно суеверный. И это, уверен, от вас не укрылось. Я бы не стал строить какие бы то ни было прогнозы относительно того, что случится завтра утром.

– А вы, доктор? – вмешался Люциус.

Доктор прошествовал к окну и разглядывал пресвитерианскую церковь.

– Хм-м? – изрек он.

– Какие-нибудь прогнозы? – осведомился Люциус. – Или вам все еще есть о чем переживать на этот счет?

– Не на этот счет, Люциус, – ответил доктор. – А насчет нее. Сама сделка особых сомнений не вызывает, и, уверен, судья Браун ее одобрит – даже при всей непреклонности его ума.

Мистер Пиктон с тихим шипением втянул воздух; несмотря на улыбку, он был как будто не на шутку встревожен:

– Мне бы очень не хотелось, чтобы вы такое говорили, доктор.

– Ой, да брось ты, Руперт, – оборвал его мистер Мур в приподнятом настроении. – Оставь все это мумбо-юмбо невежественным уголкам мира! В нынешнем деле ты сам хозяин своей судьбы, просто не знаю, как бы ты смог продемонстрировать это еще яснее. Ты и Крайцлер – да, и ты тоже, Сара. Вы все-таки добились успеха, и, повторяю, нам непременно нужно вернуться к тебе и вскрыть одну из тех великолепных бутылок шампанского, что затаились в углу погреба.

– Правильно, правильно, – согласился Маркус. – Давайте-ка, все вместе. Мы так долго пребывали на грани, что уже позабыли, каково это – нанести серьезный удар. Серьезный удар, черт побери – да мы просто дух из них вышибли!

Осторожно глянув на доктора, Сайрус проговорил:

– Дела, похоже, и вправду пошли на лад.

Меня-то самого уже начал захлестывать растущий победный настрой; однако в голову вдруг пришла практическая мысль:

– А что же с Кэт? Разве нам не стоит отправить ей весточку?

– Еще рано, Стиви, – быстро ответил доктор. – Сначала судья Браун должен официально подтвердить соглашение. Мисс Девлин окажется в опасности, только если сама совершит какие-то несвойственные действия,

прежде чем мы вернемся в Нью-Йорк и сможем ей помочь.

Я кивнул – а обмозговав все остальное, и впрямь не смог найти никаких доводов против того, чтобы двинуть домой и отпраздновать.

– Так чего ж мы тогда тут стоим? – спросил я. – И почему это совсем не чувствуется, что наконец можно расслабиться?

Мисс Говард обернулась ко мне:

– Помнишь тех людей в Стиллутере, Стиви? Им вроде бы тоже бояться было нечего – дом Мюленбергов сгорел много лет назад. Но чувство это так и не ушло...

– А, вздор, как говорила моя бабушка, – отвечал на это мистер Мур. – Женщина в заточении, судьба ее решена. Ну, давайте же, поехали домой, погладим наконец друг друга по головке!

– Да, – наконец согласно кивнул мистер Пиктон. – Думаю, хотя бы один вечер свободы от забот мы заслужили. Может, отправитесь сами да и начнете? Я только проверю тут коечто и подготовлю предложение судье Брауну – и буду весьма благодарен, если ты не вылакаешь все шампанское, прежде чем я к вам присоединюсь, Джон.

И мы покинули суд, вышли в теплую ночь и довольно резво зашагали домой. Мы шли вниз по Хай-стрит, настроение наше все поднималось, и, хоть я и не стал бы утверждать, что у дома мистера Пиктона мы уже пребывали в экстазе, этого все равно вполне хватило, чтобы разразиться одобрительными возгласами, когда выяснилось, что наш хозяин заранее позвонил и велел миссис Гастингс доставить из погреба шампанское и поместить его на лед. Ужин уже был накрыт и ждал, никогда еще труды любезной старой домоправительницы не выглядели столь соблазнительно: жареный каплун, холодный ягненок с карри и изюмом, разнообразие восхитительного картофеля (включая соленый поджаренный – для меня) и по-настоящему щедрый выбор молодых овощей, прибывших тем самым днем от местных фермеров. Добавьте туда еще слоеный торт со свежей клубникой и домашний сладкий лед – и получите пиршество, к которому мы просто не могли не приступить, не дожидаясь нашего хозяина. Мы ели и пили, комната все больше и больше наполнилась смехом и приподнятым настроением; и хотя я глотал лишь рутбир, поведение мое вскоре оказалось столь же раскрепощенным, что и у напившихся вина взрослых. Во власти такого настроения, похоже, никто из нас на самом деле не сообразил, сколько времени утекло: мы могли пробыть за столом всю ночь – столь сильно было общее облегчение от осознания того, что, похоже, вот и достигнута наконец грань счастливого завершения дела Либби Хатч.

Но вдруг, незадолго до полуночи, мы услышали, как вдалеке звонит

колокол.

Первым это заметил Маркус: детектив-сержант, покатывавшийся было со смеху от истории мистера Мура о том, как во время последней поездки в Нью-Йорк за ними по Эбингдон-сквер гналась шайка Гудзонских Пыльников, вдруг поднял голову. Улыбаться он не прекратил, но смех его утих довольно быстро.

– Что за черт? – пробормотал он. – Вы слышали?

– Что слышали? – отозвался мистер Мур, направившийся за новым шампанским. – Маркус, у тебя галлюцинации...

– Нет, прислушайтесь, – повторил детектив-сержант, убрал с колен салфетку и встал. – Это колокол...

Краем глаза я заметил, что доктор резко вздернул голову: он тоже моментально расслышал этот звук – как вскоре и все остальные.

– Это еще что такое? – изумился Люциус.

Эль Ниньо резво подбежал к входной решетчатой двери.

– Это в одной из церквей! – крикнул он нам.

– Служба? – вымолвил Сайрус. – Полуночная месса в августе?

Мне вдруг стало тревожно, я глянул на доктора – тот вытянул руку в попытке утихомирить остальных. А когда мы наконец последовали его приказанию, за пульсирующим стрекотом сверчков и кузнечиков стал различим новый звук:

То был мужской голос, отчаянно взывающий о помощи.

– Пиктон, – прошептал доктор.

– Это не Руперт, – быстро ответил мистер Мур.

– Знаю. Это-то меня и пугает, – бросил доктор и кинулся к двери, а мы – за ним следом.

Глава 51

С целенаправленностью, начисто стершей всю радость, что поднялась было за ужином (и, похоже, быстренько протрезвившей взрослых), мы рванули обратно по Хай-стрит к суду. Примерно на полпути стало ясно, что колокол, звон которого мы слышали, находится на колокольне пресвитерианской церкви: дурной знак. Пока мы бежали по тротуару, в некоторых домах по пути включался свет и зажигались лампы, однако на улицу осмелились высунуться лишь немногие смельчаки в ночной одежде, желающие понять, что творится. Все это оставалось крайне загадочным, пока мы не добрались почти до самого здания суда, и тут я внезапно сообразил, что узнал этот голос, зовущий на помощь.

– Это второй охранник! – крикнул я доктору. – Тот, что был у входной двери, когда мы уходили!

– Уверен? – крикнул доктор в ответ.

– Я говорил с ним перед тем, как Либби привели из камеры! – отозвался я, снова прислушавшись к голосу. – Ну да, это он, точно!

Вперившись в почти полную темноту перед собой – между домом мистера Пиктона и судом было всего-то-навсего два или три фонаря – я попытался различить хоть какие-нибудь признаки активности, а потом понял, что колокол звонить перестал. Мы достигли лужайки перед судом, и я заметил на ступенях перед зданием некую фигуру, безумно машущую нам руками.

– Вот он! – заорал я, когда наверняка разглядел, что это и в самом деле охранник, с которым я говорил раньше.

Глаза доктора широко распахнулись от ужаса, когда он увидел, что я прав, но он даже не остановился – и вскорости мы оказались лицом к лицу с объатым паникой мужчиной.

– Бога ради! – выпалил он, указывая. – Туда, вниз! Попробуйте помочь им, доктор! А я за шерифом Даннингом!

– Но что... – начал было доктор, но охранник уже рванул прочь.

– Помогите им, доктор, прошу вас! – крикнул он на бегу.

Маркус недоуменно уставился ему вслед:

– Какого черта он не позвонил по телефону?

– Он ничего не соображает от страха, – быстро ответил доктор, переводя дыхание. – И, сдается мне, причина тут может быть только одна... за мной!

Доктор первым вбежал в здание суда и метнулся к проходу за конторкой охранника. За ним открывалась череда каменных ступеней, которую доктор преодолел без особого труда – ведь он уже столько раз спускался по ним, когда опрашивал Либби Хатч. Ноги его быстро, точно в танце, вели нас в самые потроха здания, а сам он снова и снова бормотал про себя:

– Тупица... какой тупица!

Ворвавшись в центральное помещение подвала, куда выходили все здешние тюремные камеры, доктор вдруг остановился – как и все мы, когда вслед за ним узрели, что творилось в той тускло освещенной каменной келье:

К одной из стен прислонился охранник Генри. Глаза его были широко раскрыты, а челюсть отвисла под каким-то неуклюжим углом. Горло ему перерезали от уха до уха, ножевые раны виднелись и на груди. Однако кровью он не истекал – во всяком случае, теперь. Вся кровь словно вытекла из него, насквозь пропитала одежду и скопилась в огромную темную лужу под его телом и вокруг. Напротив него, тоже привалившись к стене, лежал мистер Пиктон. И на груди у него тоже имелись уродливые ножевые раны, а с одного боку шеи – жуткий порез, только, в отличие от Генри, в глазах у мистера Пиктона все еще теплился слабый огонек жизни, а рот вроде бы хватал воздух, пусть даже и судорожными мелкими вздохами.

Вот только окружавшая его лужа крови была почти такой же, как под мертвым охранником.

Пока все в шоке пялились на эту сцену, доктор кинулся прямо к мистеру Пиктону и бегло осмотрел его раны.

– Сайрус! – крикнул он. – Мою медицинскую сумку из дома!

Ни слова не говоря, Сайрус помчался наружу и вверх по лестнице.

– Детектив-сержант! – продолжил доктор, глядя на Люциуса. – И вы, Сара, – помогите мне! Джон, Маркус, нам понадобятся бинты – рвите свои рубашки, оба!

Все забегали, делая как велено, а мы с Эль Ниньо медленно отошли и встали в сторонке. Это было жуткое зрелище, такое жуткое, что поначалу попросту не укладывалось в голове, по крайней мере – у меня. Эль Ниньо же, с другой стороны – повидавший за свою жизнь немало жестокого кровопролития – похоже, немедленно сообразил, что к чему: он беспомощно упал на колени, на какое-то мгновение поник головой, потом поднял лицо и уставился в потолок широко распахнутыми безысходными глазами. И вдруг издал долгий, ужасающий скорбный вопль, что прорезал ночь, будто волчий вой, и наконец заставил меня осознать истинный смысл

того, что было у меня перед глазами.

– Jefe! – причитал туземец, расплакавшись. – Сеньор Пиктон, нет! Нет!

Мистер Пиктон чуть-чуть повернул голову на звук рыданий Эль Ниньо, и движение это явно причинило ему страшную боль. Потом он поднял глаза, увидел обрабатывающих его раны доктора, Люциуса и мисс Говард и попытался собрать во рту достаточно слюны, чтобы заговорить.

– Бог мой... – с трудом выдохнул он, – сколько же шума от такого маленького человечка...

– Тихо, Руперт, – выпалил мистер Мур, пока они с Маркусом бешено раздирали на бинты свои рубашки. Вид старого друга, лежащего теперь с такими тяжелыми ранами, похоже, довел нашего приятеля-журналиста почти до слез – но он лишь стиснул зубы и продолжил рвать ткань. – С тобой все будет в порядке, только помолчи хоть раз в жизни, пожалуйста!

Мистер Пиктон выдавил тихий смешок, потом резко вздрогнул.

– Прости, Джон, – выдохнул он. – Прости, что я всегда так много болтал... знаю, иногда тебе это мешало...

– Не будь идиотом, – бросил мистер Мур, теперь едва сдерживающий слезы.

– А доктор... – продолжал мистер Пиктон, глядя на человека, лихорадочно старающегося перевязать его раны и остановить кровь. – Вы всегда хотели... хотели знать, доктор... почему со мной так было... мой контекст...

От приступа кашля у него брызнула кровь, попала доктору на грудь, но тот продолжал трудиться над своим пациентом.

– Я собирался сказать вам... – не унимался мистер Пиктон, – я хотел сказать вам...

– Мистер Пиктон, послушайте Джона, – отозвался доктор. – Лежите тихо, это приказ.

– Я уже слышал об этом... – просипел мистер Пиктон, потом пару раз отчаянно глотнул воздуха; грудь его будто свело спазмом; однако приступ прошел, и тогда он перевел взгляд на тело охранника Генри. – Я... я лежал здесь... смотрел на него... – Раздался еще один тихий смешок. – Идиот... сколько историй... правдивых и выдуманных, доктор... по-вашему, есть о тюремщиках... соблазненных своими пленниками?..

– Пожалуйста, Руперт, – пискнула мисс Говард, сама уже на грани слез. Потом потянулась, приложила два окровавленных пальца к его губам и слабо улыбнулась. – Постарайтесь не шевелиться. Я знаю, вам это нелегко...

Мистер Пиктон отвел голову от ее пальцев и улыбнулся в ответ.

– Сара... чем меньше... вмешательства... в мою смерть... тем лучше... – Вновь бросив взгляд на Генри и с трудом сделав еще один сиплый вдох, он продолжил: – По моим прикидкам... этих историй... сотни... Такова мера... человеческого невежества, понимаете... И что интересно... – Он снова начал кашлять кровью, и на сей раз куда мучительнее: ухватился за лацкан сюртука доктора и резко потянул, глаза широко раскрылись и выпучились. – Это была... не она... – просипел он, кровь потекла у него изо рта и намочила рыжеватую бороду. – Она велела ему... убить меня... Но тупоголовый болван... даже с этим толком не справился... – Лицо мистера Пиктона ужасно побледнело, он откинулся и добавил: – Потом она убила его... больше часа назад... Она опередила вас, доктор... Вам надо идти... *идите...*

– Руперт, заткнись, во имя всего святого! – выпалил мистер Мур. На глазах у него показались слезы и покатались по щекам.

Мистер Пиктон еще раз улыбнулся ему, потом попробовал окинуть взглядом остальных.

– Вы все... хочу поблагодарить вас... – Тут он снова схватился за докторов лацкан и прошептал: – Когда будете хоронить меня, доктор... взгляните на могилы... моя семья... разгадка...

Голова его запрокинулась набок, и серебристая искра понимания ускользнула из глаз.

Доктор положил палец на горло мистера Пиктона, потом извлек свои часы и, открыв их, поднес блестящую крышку к его окровавленным ноздрям.

– Он еще дышит, – объявил доктор, возвращаясь к работе. – Но лишь едва.

По каменной лестнице эхом разнесся звук шагов – вернулся Сайрус с черным медицинским саквояжем доктора. Через несколько секунд после него явилась миссис Гастингс, а когда увидела кровавую сцену на полу, руки ее непроизвольно взлетели и прикрыли рот.

– О, ваша честь! – тихо вскрикнула она и бросилась к доктору. – О, ваша честь, нет!

– Миссис Гастингс, – сказал доктор, что было сил стараясь удерживать всех в чувствах. – Миссис Гастингс! – повторил он и схватил женщину за плечо, привлекая ее внимание. – Не знаете, у доктора Лоуренса в конторе нет хирургических инструментов? Мистера Пиктона не довести до Саратоги, но здесь оказать ему нужную помощь мы тоже не сможем.

Сдерживая рыдания, миссис Гастингс кивнула:

– Да... думаю, есть... мужа-то моего мы туда возили, когда он... ох, ваша честь, я этого не вынесу!

– Слушайте меня! – перебил доктор. – Возьмите с собой детектив-сержанта. – Кивком он указал на Маркуса, который успел надеть сюртук поверх нижней рубашки. – Позвоните доктору Лоуренсу и велите ему все подготовить. Потом отправляйтесь в прокат к мистеру Вули. Пускай подберет повозку на самом легком ходу и обложит всем мягким, какое только найдет. Миссис Гастингс! – Доктор сильнее сжал плечо убитой горем женщины. – Сможете?

– Я... – Она закивала и постаралась взять себя в руки. – Да, доктор. Если детектив-сержант мне поможет.

– Идемте, миссис Гастингс, – обратился к ней Маркус, провожая к двери. – Если поторопимся, все будет хорошо.

Лишь только эти двое покинули помещение, доктор вернулся к перевязке ран мистера Пиктона.

– Да – если поторопятся... – тихо произнес он, и в голосе его было мало надежды.

При этих словах я впервые осознал возможность смерти мистера Пиктона; и вместе с жуткой горечью от этой мысли пришло и полное понимание того, кто на него напал, и что означало это нападение: Либби Хатч сбежала и почти наверняка направляется теперь в Нью-Йорк.

– А как же эта женщина, доктор? – осведомился Люциус, продолжая помогать ему с перевязкой. – Мистер Пиктон прав – она нас порядком опередила.

– Тут уже ничего не попишешь, – быстро ответил доктор. – Мы слишком многим обязаны этому человеку – и сделать надо все, что только можно сделать. Заодно нужно поговорить с шерифом Даннингом. Я хочу, чтобы случившееся здесь было абсолютно ясным – дабы преследовать ее на этот раз мы могли открыто.

А я, слыша все эти разговоры, похолодев от всей этой кровищи на полу, думать мог лишь об одном: что станет с Кэт, когда Либби вернется в Нью-Йорк? Сейчас уже за полночь – и в этот час трудно, почти невозможно переправить послание Бетти, чтобы она успела добраться до Пыльников и предупредить Кэт о том, кто к ним едет. И что же будет? – гадал я с растущим страхом; руки мои похолодели, ноги нервно переминались. Если эта женщина смогла учинить такое с несчастным мистером Пиктоном, не говоря уже о крупном покойнике, лежащем у противоположной стены, что же будет, когда она...

Я почувствовал, как меня сзади дергают за рубашку. Обернувшись, я

увидел Эль Ниньо, у которого, похоже, приступ горя завершился, во всяком случае – насколько он смог с ним совладать: вместо слез в его темных глазах теперь горел свирепый огонь, а лицо впервые с нашего знакомства отражало, на какую жестокость он способен, впад в ярость. В ту секунду я смотрел не на маленького дружелюбного аборигена – я смотрел на мужчину, насильно оторванного от своего народа в раннем детстве, проданного в рабство и бежавшего из него, чтобы стать странствующим наемником.

– Сеньорито Стиви, – прошептал он и подтолкнул меня к лестнице, пока остальные были по-прежнему сосредоточены на мистере Пиктоне. Я пошел за ним, не отрывая глаз от быстрых рук доктора. – Сеньорито Стиви, – повторил Эль Ниньо, когда мы покинули пределы слышимости остальных. – Я должен идти.

– Идти? – изумился я, быстро глянул на него и увидел, что лицо моего друга стало еще суровее. – Куда идти?

– Jefe умрет, – заключил Эль Ниньо сухим тоном, все еще изрядно выдававшим его горе. – Я уже видел такие раны. И я прочитал это в глазах сеньора доктора. Он постарается спасти сеньора Пиктона – но не сможет. А на его старания уйдут часы. Мое будущее здесь умрет с jefe. Я должен идти. – Из-под выходного сюртука внезапно появился блестящий *крис*. – Пока след этой женщины не пропал. Я должен это сеньору Пиктону. Он собирался дать мне жизнь – а я отомщу за его.

– Зачем ты мне это говоришь? – спросил я, развернувшись к нему.

– Они не дадут мне уйти, – кивнул он на остальных. – Они попробуют остановить меня – и попробуют остановить тебя.

– Меня?

– Ты не можешь ждать, пока jefe умрет. Если только хочешь спасти свою подругу и маленькую Ану. Это должны сделать мы, сеньорито Стиви, и должны сделать сейчас. Ты знаешь места, куда нам надо. А я знаю, как сделать – он покосился на нож у себя в руке, – то, что надо сделать. Но они не разрешат нам, если узнают.

Я еще раз обернулся и посмотрел на доктора, понимая, что имеет в виду Эль Ниньо. Даже попроси я только позволить мне вот так взять и самому позаботиться о безопасности Кэт, доктор бы никогда не согласился. Он и в деле-то этом мне позволил участвовать с самого начала лишь потому, что я дал слово не подвергать себя опасности без необходимости – а мой самостоятельный побег в Нью-Йорк ради попытки защитить Кэт он уж наверняка счел бы слишком рискованным. И, наверное, был бы тоже прав.

– Но, – прошептал я, – как же мы... где...

– Это не слишком и трудно. Ты и я – мы люди, которые знают, как делаются такие вещи.

Несколько секунд я размышлял над сказанным.

– Они решат, что мы попробуем сесть на поезд, – подумал я вслух. – Значит, постараются остановить на станции. Можно украсть лошадь из конюшни, доехать до Троя, а там уже попасть на экспресс...

Абориген твердо опустил руку мне на плечо:

– Да. Вот видишь, сеньорито Стиви, это дело как раз для нас. Это мы знаем, как все нужно устроить.

Я глубоко вздохнул раза два-три, пытаюсь унять стук в груди, вызванный возможной смертью мистера Пиктона и явной опасностью, в которой внезапно оказалась Кэт, и кивнул.

– Лады, – сказал я. – Вот только что...

Подошел к лестничному проходу и тихо свистнул мистеру Муру. Чтобы привлечь его внимание, пришлось проделать это дважды – и вот наконец он обернулся.

– Мистер Мур! – зашептал я и жестами поманил его к себе.

Медленным шагом, не отрывая глаз от мистера Пиктона, он подошел к нам на лестницу.

– Что такое, Стиви?

– Мистер Мур, – сказал я, ерзая от нетерпения, – я – *мы* – уезжаем. *Сейчас*.

Тут-то он наконец сосредоточился и окончательно повернул ко мне заплаканное лицо:

– То есть как?

– Форя у нее немаленькая. А вам надо позаботиться о мистере Пиктоне и разобраться с шерифом. Когда это наконец произойдет...

Мистер Мур какое-то мгновение взвешивал все, потом бросил еще один быстрый взгляд на мистера Пиктона.

– Но что вы можете... – И, повернувшись обратно к нам, опустил глаза и внезапно заметил *крис* Эль Ниньо. Тут лицо его помрачнело – но порицания в нем не было. – Как вы поедете?

– Мы справимся. Но нам понадобится немножко помощи.

Еще раз покосившись на окровавленного друга, мистер Мур полез в карман и достал бумажник.

– Деньги вам тоже не помешают, – сухо сказал он.

– Вы нам поможете? – проговорил я, и по телу моему пробежала легкая дрожь облегчения.

Мистер Мур кивнул:

– Крайцлер меня моими же кишками задушит, – прошептал он. – Но другого выхода нет. – Он извлек пачку банкнот – все, что было, – затем положил одну руку на плечо мне, другую – Эль Ниньо. – Не говорите мне, как доберетесь туда, – я же не смогу выдать то, чего не знаю. И будьте осторожнее. Мы приедем, как только сможем. Как только...

– Я знаю. И скажите доктору... – Я снова глянул в каморку на человека, который столько сделал для меня в жизни, и которым я теперь пренебрегал. – Скажите доктору, что я прошу прощения.

– Понимаю, – ответил мистер Мур. – Не переживай – и не трать больше времени. Просто иди и делай, что должен. – Он бросил на меня тяжелый выразительный взгляд. – Иди, Стиви-Свисток.

Потом развернулся и пошел обратно к остальным, а мы с Эль Ниньо тихо, но быстро взбежали по каменным ступеням, с отточенной ловкостью людей, долгие годы потративших на овладение искусством быть незаметными.

Глава 52

Добравшись до стойл мистера Вули, мы обнаружили, что хозяин как раз отправляет миссис Гастингс и Маркуса в специально обложенной мягким упряжке (в кузов он положил пуховую перину), как и велел доктор. Мы подождали, пока он не вернулся в дом, полагая, что такой парочке, как мы, он ни одну из своих лошадок ни в жисть не доверит; потом подскочили к конюшне, где я быстренько потрудился над большим, но простым висячим замком при помощи набора отмычек, что имелся у меня в кармане. Оказавшись внутри, я огляделся в поисках маленького моргана – ведь я уже знал, какое это сильное, надежное животное; обнаружив его, я велел Эль Ниньо подготовить узду и седло, а сам принялся искать на старом столе у двери карандаш и кусок бумаги. Написал записку, объясняющую, где мистер Вули сможет найти своего коня – на железнодорожной станции в Трое, – а потом завернул в нее более чем достаточно денег, дабы покрыть этот «займ».

Когда я закончил, Эль Ниньо уже приготовил коня – а поскольку выяснилось, что он какое-то время провел в банде конных налетчиков во французском Индокитае, я помог ему укоротить стремяна и позволил занять место впереди и взять поводья, а сам сел сзади и ухватил его за плечи. Тихим шагом проехав мимо дома мистера Вули, мы малой скоростью порысили к юго-восточной окраине города, а уж выбравшись на Мальта-роуд, абориген дал моргану волю, так что мы просто полетели таким галопом, что одновременно действовал на нервы и успокаивал.

До Троя было больше двадцати миль, но этот маленький морган – пусть и с ношей в виде двух седоков – справился быстро, как я, собственно, полагал и надеялся. Но вот новости на станции оказались не столь утешительными: мы пропустили последний пассажирский поезд до Нью-Йорка, и не могли забронировать места на следующий до шести утра. Но в ближайшие двадцать минут проходил товарный состав «Железных дорог Западного берега»; так что, оставив нашего верного коня, мы с аборигеном кинулись к концу депо, где выждали и запрыгнули в один из товарных вагонов, когда поезд замедлил ход на въезде в город. Размещение сие, хоть и не столь комфортное и живописное, как поездка в пассажирском вагоне (поезд «Западного берега» ехал по внутренним путям, к югу вплоть до Покипси), куда лучше подходило для наших целей – товарняк-то по дороге на юг останавливался всего ничего; и хотя конечной точкой его назначения

был Уихокен, Нью-Джерси, через Гудзон от Манхэттена, в городе этом имелась паромная переправа, и паромы ночь напролет пересекали реку и доплывали до Фрэнклин-стрит, что была всего в каких-то двадцати пяти кварталах от логова Пыльников на Гудзон-стрит.

Однако ничто из этого нисколько не поднимало нам дух в поездке. Первую часть путешествия Эль Ниньо просто сидел у открытых дверей вагона и пялился на проплывающие мимо темные местности. Иногда казалось, что ненависть, которую он питал теперь к Либби Хатч, обратила его в камень; потом лицо его смягчалось, и он тихо плакал, прикрывшись руками, или бился головой о деревянный косяк. Я не находил, что сказать ему в утешение, хотя, должен признать, не особо-то и старался; ведь, не считая того, что и у меня самого сердце едва не разрывалось от случившегося с мистером Пиктоном, я еще и жуть как переживал насчет Кэт – так что уж никак не мог вещать о том, что все в конце концов наладится. Потому, когда ниже Покипси показался западный берег Гудзона, я просто уселся рядом с аборигеном и уставился на реку, тщетно пытаюсь не подсчитывать, сколько крови мистер Пиктон, должно быть, потерял за те долгие минуты, пока лежал один в подвале здания суда, или как быстро Либби Хатч сбежала из Боллстон-Спа.

То, что Либби прибудет в Нью-Йорк существенно раньше нас, было яснее дня; оставался один вопрос – что она будет делать, когда там окажется. Может, главная ее задача теперь – избавиться от всех следов Аны Линарес, стибрить, сколько сможет, денег у Гу-Гу Нокса, а потом рвануть из штата, скорее всего на Запад, где преступники в розыске могли исчезнуть и часто так и делали, начиная новую жизнь под вымышленным именем?

Такое поведение было бы самым логичным, но никто и никогда не мог обвинить Либби Хатч в логичности. Умная и лживая, да настолько, что подчас казалась гениальной; но в основе своей ее действия – да и вся ее жизнь – были смертельно абсурдны, и я знал, что, пожелай я предсказать ее следующие шаги, мне бы пришлось мыслить, как доктор, а не припоминать свой жизненный опыт с преступниками, чьи цели были куда практичнее.

Как только въехали в Нью-Джерси и рассвет начал придавать небу странную светящуюся голубизну, я и занял ум сей задачей, но пришел лишь к одному выводу, который вроде бы мог обнадежить: со всем, что она пережила на севере штата, со всем, что было открыто и обнаружено насчет ее убийств и разрушений, желание и даже нужда Либби сохранить жизнь Аны – чтобы воспитывать ее в качестве доказательства того, что она все-таки может правильно ухаживать за ребенком, – должны были только

усилиться. Она постарается сбежать из города, уж тут вопросов никаких; но я предположил, что она попытается свалить вместе с малышкой, и, поскольку не станет причинять Ане никакого вреда, у Кэт не будет причин вмешаться и, быть может, в результате этого встретить смерть. Размышление сие показалось мне вполне здравым; и я вцепился в него с той же решимостью, с какой наш поезд прижимался ко внутренней стороне Палисадов по пути в Уихокен. Как только показалась станция Уихокена, мы с Эль Ниньо выскочили из вагона и что было сил понеслись к переправе, так и не обменявшись ни словечком. Абориген становился все сосредоточеннее: оставив надежды на новую жизнь с мистером Пиктоном, теперь он намеревался отомстить, что, похоже, было очень важным в той части света, откуда он родом. Всю дорогу через Гудзон на пароме он точил стрелы и нож и готовил коротенький лук, да еще смешивал ингредиенты из маленьких мешочков в небольшом деревянном пузырьке с какой-то липкой, похожей на клей субстанцией. Это, как я понял, был яд, которым он покрывал наконечники своих орудий, и, как я мог лишь догадываться, смесь он делал куда смертельнее, чем в тех случаях, что я уже видел. Лицо его при этой процедуре стало таким мрачным и решительным, что я почувствовал – мне надо с ним кое-что прояснить.

– Эль Ниньо, – произнес я, – кому как не мне знать, каково тебе сейчас. Но наша главная забота – наверняка заполучить Ану и Кэт живыми, ведь так?

Туземец лишь медленно кивнул, опуская наконечники стрел в пузырек.

– Ты ведь знаешь, что остальные – доктор, мисс Говард и все прочие – сказали бы о том, что должно быть дальше, верно? Они бы сказали, что, будь у нас шанс, мы должны захватить Либби Хатч живой и представить ее перед судом.

– Суд у нее уже был, – пробурчал в ответ Эль Ниньо. – Из-за этого суда она чуть было не оказалась на свободе. Я знаю, что остальные верят в это, сеньорито Стиви... – И, аккуратно сунув последнюю стрелу под полу, он убийственно посмотрел на меня: – А ты сам?

Я лишь покачал головой:

– Я говорю тебе, что бы они сказали. Как только убедимся, что с Кэт и малышкой все в порядке, сам решай, что тебе делать дальше, – вот тебе мой ответ.

Он кивнул, глядя на паромный причал на Фрэнклин-стрит, начавший вырастать перед нами:

– Да. Ты и я понимаем эти вещи...

А другого выхода тут и не было. Попытайся я не дать Эль Ниньо

сделать то, что, по его мнению, он был сделать обязан, я бы только разругался с ним; к тому же я так и не был уверен, что его путь – не лучший. Либби Хатч была словно змея, казалось, она может вывернуться или из любого затруднительного положения, в каком окажется, убить любого, стоящего на пути; и я не мог вообразить никого, кто справился бы с этой странной смертельной змеей лучше маленького заморского человека, сидевшего рядом со мной.

Никогда Нью-Йорк не бывает уродливее, чем на рассвете, и никогда не воняет хуже, чем в августе, – а тем утром оба сих факта во всей своей красе предстали перед нами, пока наш паром шлепал и пробивал себе дорогу к пристани Фрэнклин-стрит. Разумеется, на расстоянии нам открывались виды, что так потрясали дурачье из других мест: здание «Западного союза», башни Принтинг-хаус-сквер, колокольня церкви Троицы, – но ни один из них не искупал ни зловония гниющего мусора и нечистой воды, в изобилии имеющихся в порту, ни зрелища тех жалких грязных кварталов, что лежали за пристанью. Само собой, настроение, в котором прибыли сюда я и мой товарищ, нисколько не улучшило впечатления от города – после такой жуткой и бессонной ночи, как наша, вряд ли хоть какой-то город показался бы симпатичным. Благодарным я мог быть лишь за то, что миссия наша не оставляла нам почти никакого времени на жалкое чувство возвращения в грязь и опасности метрополиса: едва высадившись на берег, мы немедля пробежали что-то около мили в нужном направлении, даже не подумав взять экипаж.

Первым пунктом повестки, вполне очевидно, было постараться как-то выяснить, что же творится у Пыльников. В такой ранний утренний час логово, пожалуй, совсем вымирало (хотя уверенности тут не было никакой, все Пыльники-то сидели на марафете, а такие люди, если все ж ложатся наконец спать, делают они это обычно в странное время), так что, на мой взгляд, умнее всего оказалось бы укрыться где-нибудь, откуда можно было бы следить за входящими и выходящими из здания. Проще всего устроить это было на одной из крыш через Гудзонстрит: ведь углов и всякого такого, где мы могли бы притаиться при полном свете дня, не будучи замеченными членами банды, имелось немного. Пробравшись мимо складов, торговых лавок и пансионеров Гудзон-стрит, миновав маленькую церковь Святого Луки (тем же маршрутом, отметил я, что в первую ночь этого дела следовали мы с Сайрусом и детектив-сержантами), мы наконец попали в сердце владений Пыльников, потрудившись при этом по мере приближения к их штаб-квартире срезать самую западную часть Гудзон-стрит. Обойдя это место через Горацио-стрит, мы с Эль Ниньо выбрали подходящий дом в западной

части Гудзон, с которого нам открылся бы хороший вид на то, что происходило внутри и вокруг мерзкого, но модного притона; на задний двор дома мы попали через старый подсобный проулок. Я взялся за замок на задней двери, и через несколько минут мы очутились на крыше, где быстренько отползли и скорчились за маленькой стеночкой, что огораживала саму крышу.

Не было еще восьми, и единственными признаками жизни у Пыльников оказались редкие посетители трущоб, покидавшие заведение. Эти хорошо одетые типы, судя по всему, были намарафечены и еще не вкусили сполна мерзостей жестокой низменной жизни банды – однако здоровый Пыльник, выталкивавший этих людей за порог, ясно давал понять, что сами «хозяева» уже по уши сыты развлечением своих гостей и хотят отдохнуть. Для нас это была хорошая новость – так у нас оставалось время подумать, как же передать весточку для Кэт и узнать, не там ли уже Либби Хатч. Ясное дело, сам я не мог явиться туда с вопросами; а попытайся даже Эль Ниньо, оставался шанс, что Либби, оказавшись она там, его заметит. Самым быстрым решением проблемы казалось отправиться в заведение Фрэнки и разыскать там подружку Кэт Бетти: она могла бы без хлопот проникнуть к Пыльникам и разузнать, как там и что. Эль Ниньо же в это время оставался бы на крыше и при появлении Либби и ее попытке совершить побег ринулся в погоню, начав действовать, только убедившись, что Ана Линарес окажется в безопасности.

Так что я спустился обратно на улицу и остановил первый же попавшийся экипаж. Извозчик только начал день и вывел лошадь из стойла за пару кварталов отсюда, и я знал, что ни за какие деньги не смогу заставить его поехать к Фрэнки на Уорт-стрит. Извозчики в эту округу не совались, если только не хотели нарваться на гоп-стоп и, быть может, свою смерть; и я направил этого типа к ближайшему месту, докуда, по моим расчетам, он бы согласился доехать: к старому зданию суда босса Твида, аккурат к северу от Ратуши. Суд был всего в нескольких кварталах от Фрэнки (хотя эти несколько вполне сошли бы и за пятьдесят, учитывая изменения в пейзаже, происходящие по мере продвижения по ним), но я умудрился рассчитать поездку как раз так, что она миновала утреннюю суету: выдал извозчику все подсказки, что знал, насчет боковых улиц и объезда главных путей, правда, все равно времени на то, чтобы добраться до центра, ушла просто уйма.

Утро – всегда неподходящее время для посещения таких заведений, как у Фрэнки, и тот день не стал исключением. Стояло лето, повсюду на улице снаружи валялись «спящие» ребята – точнее, если начистоту,

вырубленные гадким пойлом, что Фрэнки подавал в баре; а тех, кто был в сознании, тошнило в канаву, и стонали они так, будто вот-вот готовы были отдать концы. Переступая по пути в притон через тела и человеческие испражнения всех мастей, я радовался хотя бы тому, что в крысиной яме все тихо; на самом деле вокруг не было ни единой вмняемой души, кроме бармена, крутого на вид мальчишки-итальянца лет пятнадцати, с жутким шрамом с одной стороны лица, который будто злобно светился во тьме этой черной грязной дыры.

Я спросил его, где тут Фрэнки, на что мне ответствовали: «босс» спит в одной из задних комнат – к моему счастью, с Бетти. Я сказал бармену, что мне нужно перекинуться с Бетти парой слов, но мальчишка только покачал головой и сообщил, что Фрэнки не велел никого из них тревожить. Понимая, что на моем пути это помехой не станет, я начал тщательно рассматривать комнату, изучая присутствующих мальцов и стараясь понять, нет ли у кого из них при себе какой дубинки. У одного пацаненка в глубине – явно не старше десяти лет от роду – из кармана штанов предательски торчала кожаная рукоять; а поскольку он лежал башкой на столе в луже собственной рвоты, я сделал вывод, что особо сопротивляться конфискации своего оружия он не станет. И потому я попросту направился прямо в узкий проход, что вел в «спальни», а за мной с руганью кинулся бармен. Но я добрался до мальчишкиной дубинки быстрее, чем бармен до меня – и в какие-то три секунды мой преследователь заполучил премиленькую шишку на темени в придачу к шраму на лице и рухнул на пол.

Быстрая проверка всех задних комнат показала, что Фрэнки с Бетти в отключке в одном из последних маленьких закутков; я поднял девчонку и вытащил ее к бару, где разыскал воды и плеснул ей в лицо. При этом она довольно резво извлекла на свет божий трехдюймовый нож, ни черта не понимая, что творится – и только быстрая соображалка и рефлексы, что были еще быстрее, уберегли меня от пера в брюхо. Поняв наконец, что это я, она убрала нож, хотя настроение ее несколько не улучшилось; однако после рассказа о том, что может случиться с Кэт, она попыталась собраться, а потом согласилась пойти со мной и поучаствовать в выполнении нашего плана – после того, конечно, как я предложил ей денег. Для этой девчонки дружба была дружбой, но деньги – деньгами, а раз уж выпал случай совместить одно с другим – что ж, разве можно ее в том упрекнуть?

Со всей возможной для Бетти скоростью мы выбрались к суду Твида, поймали еще один экипаж и направились обратно на Гудзон-стрит: «Больница Гудзон-стрит», так я сказал вознице, снова для того, чтобы он не слишком переживал о маршруте. Больница была неподалеку от логова

Пыльников, а когда мы добрались до маленького медицинского учреждения, Бетти уже привела себя в чувство, вдунув немного антрациту, что имелся у нее в жалкой сумочке. Я даже не стал пытаться остановить ее или читать ей мораль – моей целью тогда была Кэт, – однако в том, как такая юная девушка истязает свое тело этим мерзким белым порошком, да еще и с утра пораньше, не было отнюдь ничего, так сказать, ободряющего. Впрочем, это помогло ей поднабраться кое-какой храбрости перед походом к Пыльникам, и когда я оставил ее и помчался на крышу, где по-прежнему сидел Эль Ниньо, у меня было немало причин полагать, что план этот выгорит.

Перспектива сия укрепилась, когда абориген сообщил, что и впрямь заметил Либби Хатч: она очень быстро показалась сразу после моего ухода и остановила проезжавший молочный фургон. Вид у нее был не слишком-то довольный от того, что в столь ранний час пришлось встать и позаботиться, судя по всему, о потребностях маленькой Аны, но ее возвращение указывало на то, что, по крайней мере сейчас, она не собирается предпринимать никаких решительных действий. Особых причин на то у нее пока не было: она знала: чтобы нагнать ее, доктору и остальным потребуется время, а даже когда они с этим справятся, придется сообщить о случившемся фараонам, а потом убедить кого-нибудь в штаб-квартире на Малберри-стрит устроить облаву в логове Пыльников – а на такое ни один полицейский или даже отряд полицейских по здравом размышлении явно не решится без чертовой прорвы уговоров. Но уже одно знание того, где находится эта женщина с малышкой, вызывало некоторое удовлетворение.

Не столь обнадеживающим был тот факт, что Бетти вернулась от Пыльников всего через пятнадцать минут, с видом смущенным, разочарованным – и нимало не озабоченным. Я свистнул ей с нашего высокого насеста и показал, что мы встретимся на углу у начала подсобного проулка. Там она поведала мне мягко говоря дикую историю: Либби Хатч прибыла к Пыльникам в половине четвертого ночи и немедленно закрылась в комнате Гу-Гу Нокса с Аной Линарес. Кэт, верная обещанию мистеру Муру, тут же побежала наверх и пробралась-таки к Ноксу, спросив Гу-Гу, не нужно ли чем помочь с малышкой. Но Либби слишком хорошо помнила, что Кэт моя подружка, и впала в ярость, заявив, что Кэт – шпионка и настоящая цель ее – выкрасть Ану и привести на нее, Либби, полицию. В обычных обстоятельствах Гу-Гу решил бы сию проблему, оттащив Кэт к реке, убив ее и утопив, но тут Динь-Дон – насколько я понял, как из желания сохранить престиж в банде, так и из какой бы там ни было

заботы о Кэт – вмешался и объявил, что никто не прикончит одну из его девчонок без его на то указания. Тут Нокс с Динь-Доном кинулись в жуткую потасовку, которая, похоже, весьма развлекла всех этих посетителей, что мы видели. Поначалу Кэт присоединилась к драке, пытаясь защитить Динь-Дона: но примерно через полчаса Либби собственной персоной, со всей своей непредсказуемостью, которую мы все так хорошо изучили (и которая обычно не означала ничего хорошего) остановила битву, сообщив, что удовлетворится и тем, что Кэт просто свалит из берлоги. Так Кэт и поступила, убравшись напрямиком за ближайший угол. Я так понял, это означало, что она собирается продолжить наблюдать за событиями снаружи, чтобы суметь рассказать любому из нашего отряда, кто вернется в город первым (она могла сообразить, что мы ненамного отстаем от Либби), куда направится наша противница, если покинет здание, и будет ли при ней по-прежнему девочка.

Но потом, по какой-то причине, которую не понял никто в логове, Кэт вдруг исчезла – незадолго до нашего с Эль Ниньо выхода на сцену. Бетти попробовала выяснить, не знает ли кто, куда она могла деться – и даже побеседовала с самим Динь-Доном, который, лелея свои ссадины да царапины, рявкнул, что не знает, да и знать не желает, где «эта маленькая стерва». Внезапное исчезновение Кэт беспокоило в этой истории больше всего: несмотря на ее нынешнюю недосыгаемость для Либби, Нокс запросто мог прознать, что она шныряет поблизости, и отрядить кого-нибудь о ней позаботиться. Более того, даже будь Кэт в безопасности, оставалось очень мало мест, куда бы она могла пойти, и заведение Фрэнки в этом списке значилось первым. И там ее явно не было. С другой стороны, стоял август, и хотя жаркое тяжелое небо все утро обещало обрушиться грозой, она пока не разразилась, так что Кэт могла прятаться в каком угодно городском парке или любом из дюжин уличных пристанищ, доступных маленьким беглецам в теплые месяцы. Поэтому, раз уж пока у Пыльников внутри все тихо, я решил увериться, что с Кэт все в порядке и она просто где-то залегла на дно: быстренько обегу самые очевидные укрытия в центре, а потом проверю тех своих знакомцев – включая Прыща-Немчуру, – кто в течение дня с ней уже, вероятно, свиделся или вполне мог хотя бы ее приметить.

Прежде чем отпустить Бетти обратно к Фрэнки, я вручил ей домашний номер телефона доктора и заставил пообещать позвонить и продолжать звонить, если объявится Кэт. Потом я вернулся на крышу поведать Эль Ниньо свой план. Я знал, что он захочет остаться где есть и дальше наблюдать за Пыльниками на случай, если Либби что-нибудь предпримет, и

дал номер телефона доктора и ему, хоть и предупредил, что вряд ли покажусь в доме в ближайшие часа два. Но, велел я, если Либби вдруг выйдет и куда-нибудь двинется, надо держаться неподалеку от нее и попытаться об этом сообщить. Потом, сообразив, что абориген без денег, я вручил ему половину выданной мистером Муром наличности и наконец-то отправился в свой поиск.

Первой и самой нервной частью этой работенки было быстрое путешествие на берег Гудзона – проверить, не видел ли кто тем утром борьбы и не замечал ли в воде каких тел. По дороге на пирс «Кьюнарда» я поболтал с кое-какими командами портовых грузчиков, но никто из них не слышал ни о каких непорядках. Я даже забежал к своему старому дружку Носяре, который, как обычно, шатался в толчее кипящей с утра пораньше высадки и разгрузки, но он тоже сообщил, что ни Кэт не видал, ни о смертоубийстве на берегу не слышал. Эта новость, равно как и сведения, полученные от Бетти, одновременно подбодрила меня и заставила еще больше переживать о том, где же Кэт может быть и что делать. Больше всего покоя мне не давал один вопрос: почему Либби Хатч захотела дать Кэт уйти, а не настояла на том, чтобы та разделила участь несчастного глупого охранника Генри и, быть может, мистера Пиктона? Среди множества запутанных свойств Либби милосердие уж явно давало о себе знать не часто, в особенности – когда затрагивались ее собственная безопасность и планы. Почему она отпустила Кэт?

Я обошел центр города и свою старую округу, остановился в полудюжине детских притонов, не слишком отличавшихся от гадюшника Фрэнки, но так нигде не нашел и следа Кэт. Прыщ ошивался у рыбного рынка Фултон – пытался досыта наплаваться с утра, пока надвигавшаяся гроза не обрушилась на город, – и он рассказал мне, что прошлой ночью обработал ряд домов в Вест-Сайде вместе с кучкой наших старых приятелей. Домой они отправились лишь рано поутру и по пути заскочили пропустить пару бадеек пива в подвальном кабаке на Бликер-стрит. Однако и он ничего не видел и не слышал о Кэт, что вполне могло обнадежить: если бы с ней и впрямь что-то случилось, слух этот облетел бы наш круг ой как быстро. Но где же, черт побери, эта девчонка?

Еще раз заскочив к Фрэнки (по счастью, уложенного мною мальчишки-итальянца нигде не наблюдалось), я наконец нашел начало разгадки: подсобив мне у Пыльников, Бетти вернулась и обнаружила, что ее дожидается Кэт. Чувствовала та себя, похоже, совсем из рук вон, почему и прекратила следить за логовом Пыльников: ее скрутила страшная боль в желудке и кишках – странный недуг, который ни она, ни Бетти не смогли

опознать или облегчить. Услышав, что я вернулся в город, Кэт решила направиться в дом доктора и дожидаться меня, поскольку, как она поведала Бетти, я мог достать кой-какие лекарства, которые что надо помогали с такими неладами (она имела в виду докторов запас камфарной настойки). Бетти захотела было пойти с Кэт, которую начало довольно сильно рвать, но Фрэнки до сих пор был зол на ее утренний побег, и потому Кэт пришлось отправиться одной, и сейчас она, видимо, находилась на 17-й улице.

Я кинулся назад к парку Ратуши ловить кэб, рисуя в воображении Кэт, совсем скорчившуюся там, где она однажды уже пряталась, – среди зарослей живой изгороди вдоль границы переднего двора доктора. Тогда она выглядела совсем не ахти, а после странного отчета Бетти я и не ожидал, что сейчас найду ее в лучшем состоянии: внезапный ее уход от Пыльников, видимо, означал очередную нехватку марафета, воздействие коей она сейчас и испытывала. Мы повторим лечение, которое так помогло ей в прошлый раз, пусть это и будет стоить мне очередной нотации доктора – но так я хотя бы смогу помочь ей, когда приведу в дом.

Я нашел ее там, где и рассчитывал: она свернулась, точно новорожденный котенок, в зарослях в углу двора, в обычном своем летнем платье: старой легкой вещице, выдававшей все еще формирующиеся изгибы ее юного тела. Она спала, крепко прижав сумку к желудку, и быстрыми короткими вздохами глотала воздух. На земле рядом с ее кудрявым затылком была пара лужиц рвоты – на самом деле скорее желчи, если вспомнить, сколько ее уже рвало, – а лицо Кэт было цвета старой золы. Под глазами образовались большие угольно-черные круги; а взяв ее руку, я заметил, что ногти начали приобретать странный и тревожный оттенок, как будто на них наступили.

Даже я видел, что сейчас ей куда хуже, чем в прошлый раз.

Я убрал пропитавшиеся потом пряди белокурых волос с лица Кэт и понял, что кожа у нее удивительно холодна на ощупь; а чтобы разбудить ее, мне пришлось добрую минуту осторожно похлопывать ее ладони и звать по имени. Начав приходить в себя, она совсем резко схватилась за живот, потом снова начала тужиться рвотой, но уже ничего не вышло. Я помог ей сесть, голова ее покачивалась, она, кажется, не могла сосредоточить взгляд своих голубых глаз.

– Стиви... – выдохнула она, падая мне на грудь. – О боже, какая ужасная боль в животе...

– Знаю, – ответил я, пытаюсь поднять ее так, чтобы можно было втащить внутрь. – Бетти сказала мне. Сколько ты уже без порошка, Кэт?

Она покачала головой, как могла, совсем чуть-чуть:

– Это не то. У меня целая жестянка, да и без того все утро его дула. Это что-то другое...

Когда она встала, боль в животе вроде как слегка ослабла, и она смогла наконец увидеть мое лицо.

– Ну, – прошептала она, едва улыбаясь, – вечно, как мы видимся, я не в лучшей форме, да?

Я улыбнулся в ответ, как только мог, и убрал другие пряди с ее лица.

– Ты поправишься. Просто надо доставить тебя внутрь и привести в порядок.

Она ту же ухватилась за мою рубашку – с видом очень обеспокоенным и, пожалуй, даже немножко пристыженным:

– Я старалась, Стиви... я сказала твоему другу мистеру Муру, что присмотрю за ребенком, и я вправду старалась, но боль стала такой невыносимой...

– Все хорошо, Кэт, – сказал я, прижимая ее сильнее. – Ты молодец – у нас теперь за этим местом следит другой человек. От которого Либби не сможет убежать.

– Да, но сможет ли он убежать от нее, Стиви? – хрипло проговорила Кэт.

– Этого и не понадобится, – ответил я. – Наш парень не из таковских, Кэт, – он сможет ответить ей сполна.

Кивнув и слегка запнувшись, когда я подтащил ее к входной двери, Кэт попыталась сглотнуть; действие это явно далось ей с немалым трудом.

– Тогда он должен быть хорош, – выдохнула она, покашливая. – Потому что, говорю тебе, Стиви, – эта женщина просто конец этого распроклятого света...

Я достал ключ, открыл дверь и завел Кэт в теплый, застоявшийся воздух дома. Лишь только мы дошли до начала лестницы, она снова согнулась вдвое, изрыгнула еще желчи и вскрикнула в агонии. Но сам этот крик, похоже, потребовал больше сил, чем у нее было, и она, выскользнув у меня из рук, опустилась на ступеньку и тихо заплакала.

– Стиви, – попыталась выговорить она, когда я сел рядом с ней и обнял покрепче, – я знаю, ты не предполагал, и я не хочу втягивать тебя ни в какие неприятности...

Я совсем позабыл о болеутоляющей настойке.

– Сейчас, – выпалил я, прислонив ее к стене у лестницы, и поднялся, собираясь сбегать в смотровую доктора. – Подожди здесь, я принесу лекарство.

Я попытался было отойти и почувствовал, как она вцепилась мне в руку так, будто если отпустит меня, я уже никогда не вернусь. Обернувшись, я увидел, как по ее чудовищно бледному лицу ручьем текут слезы. Она уставилась на меня, словно никогда не видела раньше.

– Я совсем не заслужила такой доброты от тебя, – прошептала она; и что-то в ее словах заставило меня кинуться к ней и сжать с такой силой, какую она только, по-моему, могла выдержать.

– Давай-ка прекрати мне это, – выговорил я, отчаянно стараясь удержать глаза сухими. Может, меня просто добила долгая ночь; может, виной тому было ужасное происшествие с мистером Пиктоном; а может, просто робкая радость от того, что она и в самом деле признала в миг этой безысходной боли какую-то глубокую и чистую связь между нами; каково бы ни было объяснение, мысль о ее потере тогда стала самым худшим, что я только мог вообразить. – С тобой все будет хорошо, – продолжал я, вытирая ей лицо рукавом и заглядывая прямо в голубые глаза. – Мы ведь уже справились однажды, правда? И сейчас справимся. Но на этот раз, – добавил я с улыбкой, – когда все получится, я сам посажу тебя на этот проклятый поезд – и ты уедешь прочь из этого города.

Она кивнула, потом опустила взгляд:

– Может... может, ты даже поедешь со мной, а?

Совершенно не соображая, что говорю, я просто прошептал:

– Да. Может быть.

Кэт пробормотала с чуть пристыженным видом:

– Я вообще не собиралась к нему возвращаться, Стиви. Но от моей тетки не было никаких вестей, и я не знала, что...

– Забудь. Сейчас нам надо беспокоиться только о том, чтобы тебе стало лучше.

На этом я рванул в смотровую доктора и схватил большую бутылку болеутоляющего, существенную порцию которого и влил в Кэт. Она совсем не жаловалась на вкус, помня о благом воздействии, которое сие средство оказало на ее судороги в прошлый раз; но ее нелады с глотанием, кажется, только усиливались, и принять лекарство оказалось совсем не просто. Однако когда она все же справилась, подействовало оно довольно быстро и облегчило боль настолько, что Кэт смогла встать, одной рукой обвила мою шею и начала подниматься по ступенькам. Но действие его оказалось временным: мы добрались только до третьего этажа, как она снова согнулась пополам и закричала, да на сей раз так, что я испугался вести ее дальше. Мы были как раз у двери в спальню доктора, и я решил, что лучше всего будет зайти туда и уложить ее на большую кровать под пологом.

– Нет! – выдохнула Кэт, когда я наполовину занес ее внутрь. – Нет, Стиви, я не могу! Это его постель, он с тебя шкуру спустит!

– Кэт, – отозвался я, укладывая ее поверх тонкого темно-синего покрывала на кровати, – сколько раз тебе надо ошибиться насчет этого человека, прежде чем ты поймешь? Он не такой.

Голова ее утонула в огромной горе мягких подушек из гусиного пуха, я осмотрел комнату, ища, чем бы укрыть ее, и наконец узрел свернутое на диване у окна стеганое одеяло в чехле из зеленого с серебром китайского шелка.

– Вот, – сообщил я, накрыв ее этой штукой. – Тебе надо согреться и дать лекарству подействовать.

Даже при всей своей боли Кэт смогла подтянуть одеяло и провести шелком по щеке.

– У него красивые вещи, – пробормотала она. – Настоящий шелк – воздух нагревается, а он остается прохладным... Как так получается, Стиви?

Я опустился на колени у кровати и с улыбкой дотронулся до ее лба.

– Не знаю. У этих китайцев полно всяких штучек.

Она снова вздрогнула, и я поднес бутылку с болеутоляющим.

– Хочешь еще?

– Да, – сказала она, но как ни старалась, так и не смогла почти ничего проглотить, и в конце концов оставила попытки. Обхватив руками живот, она опять вскрикнула, потом начала пугающе скрежетать зубами.

Только тут до меня начало доходить, что это, возможно, нечто такое, от чего не избавиться дозой болеутоляющего; и я, велев Кэт держаться, побежал в кабинет доктора и раскрыл его книгу адресов и телефонных номеров, где в итоге нашел запись насчет доктора Осборна, славного коллеги доктора, который, как я знал, жил неподалеку и часто оказывал нам добрую услугу, когда в доме кто-то заболел или был ранен. Я помчался к телефону в буфетной, вызвал оператора и велел ей соединить меня, но горничная в доме доктора Осборна сообщила, что он ушел на обход в больницу Святого Луки и вернуться должен лишь через пару часов. Я попросил женщину передать, чтобы он перезвонил, как только вернется, и помчался обратно в спальню.

С огромным облегчением выдохнул, увидев, что болезненные спазмы Кэт, кажется, прошли, по крайней мере – на время, снова опустился на колени у кровати и обеими руками обхватил ее холодную левую ладонь. Кэт повернула голову и улыбнулась мне.

– Я слышала, как ты там внизу. Пытался вызвать мне доктора...

– Он совсем скоро придет, – кивнул я в ответ, потом тихо пошутил: – Уверена, что протянешь?

Кэт кивнула:

– Я еще ой сколько протяну, Стиви Таггерт, – прошептала она, по-прежнему улыбаясь. – Вот увидишь.

Оглядев комнату, Кэт внезапно глубоко вздохнула.

– Никогда ко мне не приходил доктор за мной ухаживать. И уж конечно никогда у меня не было шелкового одеяла. Приятно...

Потом ее улыбка исчезла, и я поначалу испугался, что боль возвращается; но на ее лице проявилось лишь любопытство:

– Стиви... никогда не спрашивала у тебя об одной вещи...

– Да, Кэт?

– Как же так выходит? Ну, в смысле, что ты все это время присматриваешь за мной?

Я сжал ее руку сильнее.

– Что-то не похоже это на девушку с большими планами, которую я знаю. Как же мне надеяться, что ты наймешь меня прислугой, если я не буду сейчас с тобой любезен?

Она подняла правую руку и слабо шлепнула меня.

– Я серьезно. Почему, Стиви?

– Спроси у доктора Крайцлера, когда он доберется сюда. У него уйма объяснений.

– Я спрашиваю тебя. Почему?

Я только покачал головой и слегка пожал плечами, потом опустил взгляд и посмотрел на ее руку.

– Потому что забочусь о тебе, вот почему.

– Может, – выдохнула она, – может, даже и любишь меня чуть-чуть, а?

Я снова пожал плечами.

– Ну да. Может, даже и люблю.

И поднял взгляд, когда она осторожно прикоснулась пальцем к моему лицу.

– Ну, – сообщила она, губы ее сначала недовольно сморщились, но потом нежно улынулись, – ты знаешь, от того, что скажешь это, ты не умрешь... – Потом отвернулась к окну, в голубых глазах отразился серый свет затянутого облаками неба. – Так, значит, Стиви Таггерт, может быть, меня любит, – прошептала она как будто в некотором изумлении. – Да что ты знаешь об этом?..

Окна слегка задрожали, когда с первым ударом грома буря наконец обрушилась на город. Однако Кэт, похоже, ничего не услышала; с этими

последними словами она уснула, и я решил, что сие – признак того, что настойка подействовала. Обеими руками сжимая ее руку, так крепко, что чувствовался пульс на ее запястье, я положил голову на шелковое одеяло и стал дожидаться звонка доктора Осборна...

Но разбудил меня не телефон. То было аккуратное, но твердое прикосновение доктора Крайцлера, отводящего мои пальцы с мертвой руки Кэт.

Глава 53

Не будь мой разум затуманен всеми этими чувствами к Кэт и по ее поводу, я бы, пожалуй, смог понять, в чем на самом деле ошибался, стараясь ей помочь, – и эта мысль все равно так меня с тех пор и преследует. Я был прав, предположив, что для Либби было бы слишком уж просто дать Кэт уйти от Пыльников, слишком милосердно. Когда доктор с остальными прибыл в дом около полудня, Кэт была уже мертва, и, прежде чем они меня разбудили, Люциус, которого навел на мысль ужасный вид Кэт, взял пробу из лужицы рвоты, которую она сплюнула у подножия лестницы на первом этаже, и провел один из своих химических тестов. Результат был однозначным: в порошок, который Кэт нюхала, покинув Пыльников рано поутру, был добавлен мышьяк. Разумеется, никаких вопросов относительно того, кто это сделал, не возникало; загадки не представляло и то, когда это было устроено и как: пока Гу-Гу Нокс с Динь-Доном вышибали друг из друга дух, а Кэт пыталась их развести, Либби завладела ее сумочкой и подсыпала яд в жестянку с кокаином, рассчитывая, что Кэт не сможет различить очень слабую разницу в цвете этих двух порошков.

Все еще оцепенелый от недосыпа и потрясений последних суток, я просто уселся на край докторовой кровати, слушал все это, смотрел на странно умиротворенное лицо Кэт и ждал, когда приедут из городского морга двое мужчин и заберут ее тело. Остальные – за исключением Маркуса, который прямо с вокзала Гранд-Сентрал отправился в Полицейское управление на Малберри-стрит объяснять своему начальству, что беглянка в городе и на свободе, – тихо бродили по дому, обсуждали между собой, что делать дальше, и знали, что мне лучше ничего не говорить, пока я не выберусь из жуткого тумана, в котором пребываю.

Но этого не произошло, даже когда я услышал, как снаружи прибыл фургон из морга. В дом вошли два санитары, и я впервые начал осознавать, что они собираются увезти Кэт и что ее лицо – мертвое или живое – пока еще лежит передо мною, но вскоре навсегда скроется от моего взгляда.

Их нельзя было остановить, я это знал; но в неутраченном смятении своем я обнаружил, что больше всего мне сейчас нужно как-то попрощаться с той, кого отняла у меня Либби Хатч. Я лихорадочно оглядел комнату, и взор мой остановился на изношенной старенькой сумочке Кэт. Я схватил эту вещицу, молясь, чтобы в ней оказалось то небольшое на свете, о

чем она беспокоилась на самом деле: бумажник покойного отца, портрет покойной матери и билет на поезд в Калифорнию – и возблагодарил бога, когда там все это нашлось. Я сказал доктору, что нельзя позволять городу закопать Кэт на первом попавшемся кладбище для нищевродов, без этих вещей, но он успокоил меня, сообщив, что уже заказал для нее пристойное погребение на кладбище «Голгофа» в Куинсе.

Звук слова «погребение» прорезал остатки странной дымки, в которой меня носило с момента пробуждения, и в горле у меня начал явственно наливаться ком. Я выбежал в наконец-то полившийся дождь к фургону морга, остановил санитаров, уже загружавших внутрь тело Кэт, и отдернул покрывавшую ее простыню. В последний раз коснулся ее холодного лица, наклонился и прошептал в дорогое ухо:

– Никаких «может», Кэт – я *точно* любил. И люблю...

Потом медленно вернул простыню на место и отошел, чтобы санитары закончили свою работу. Я смотрел, как фургон отъезжает от дома, и холодная, отчетливая реальность захлестывала меня ужасной волной – такой мощной, что, когда я обернулся и увидел в дверях мисс Говард, взгляд которой говорил, что она знает, как много для меня значила Кэт и каково мне сейчас, я против собственной воли рванул к ней, зарылся лицом в ее платье и по меньшей мере на пару минут дал волю слезам.

– Она и вправду старалась, Стиви, – прошептала мисс Говард и положила руки мне на плечи. – В конце она очень сильно старалась.

– Только все равно не смогла одолеть, – едва пробормотал я сквозь рыдания.

– Да нечего было одолевать, – отвечала мисс Говард. – С ней играли нечестно. С самого начала...

Я кивнул, высморкав столько горя, сколько мог.

– Знаю.

Доктор, увидев, что фургон скрылся из виду, вышел во двор и присоединился к нам.

– Жизнь для нее не была щедра на возможности, – тихо произнес он, стоя рядом с нами и всматриваясь в открытую дверь. – Но последнюю ее возможность отняла в итоге не жизнь. Оставшись сама по себе, она могла бы избежать всего того, что узнала здесь, Стиви. – Он опустил руку мне на голову. – И в ближайшие дни это знание должно преобладать в твоих мыслях.

Я кивнул еще раз, вытер лицо и постарался взять себя в руки; потом меня посетила мысль, которую до того вытеснила вся эта суматоха со смертью Кэт.

– Что с мистером Пиктоном? Он?..

– Умер, – ответил доктор откровенно, но осторожно. – Умер там же, где мы нашли его, – потеря крови оказалась слишком велика.

Я вдруг ощутил, что почва подо мной начинает таять.

– Господи... – застонал я; потом соскользнул по стене на землю, обхватил лоб рукой и снова тихо заплакал. – Почему? За что все это, какого черта?..

Доктор опустил передо мной на корточки.

– Стиви, – проговорил он; глаза его покраснели вокруг черных радужек, – ты вырос в мире, где люди грабят ради денег, убивают ради выгоды или во гневе, насилуют для усмирения похоти – в мире, где преступление выглядит какой-то дикой разновидностью здравого смысла. Но действия этой женщины кажутся тебе совершенно иными. Однако это не так. Все это лишь результат *восприятия*. Мужчина насилует, потому что не видит другого способа удовлетворить срочную ужасную нужду. Либби убивает, потому что не видит другого способа добиться целей, важных для нее, как сам воздух, которым она дышит, кои вбили ей в голову, когда она была еще слишком юна, чтобы понять, что происходит. Она, подобно насильнику, ошибается, чудовищно ошибается, и как раз наша работа – твоя, моя, Сары, всех нас – понять ощущения, повлекшие столь незаконные действия, чтобы у нас могла появиться надежда на то, что мы не дадим им поработить других. – Доктор потянулся, дотронулся до моего колена и заглянул мне в глаза; лицо его выдавало всю боль, которую он чувствовал, когда его возлюбленная Мэри Палмер погибла в считанных шагах от того места, где сейчас сидел я. – Ты потерял человека, который был тебе глубоко безразличен, из-за этих дурных ощущений и порабощения ими. Сможешь ли ты теперь продолжить? Времени у нас немного, и если захочешь держаться подальше от того, что осталось сделать...

Его прервала пара звуков: раскат грома с неба и звон телефона в буфетной. Я не мог и не могу точно сказать, почему, но по какой-то причине совпадение этих двух звуков напомнило мне, что Эль Ниньо до сих пор на улице, за работой, и я до сих пор не получил от него никаких известий. Поняв это, я перестал плакать и постарался подняться на ноги.

– Лучше я отвечу, – сказал я и направился к буфетной. – Это, наверное, Эль Ниньо – я оставил его следить за берлогой Пыльников.

– Стиви!

Я остановился, обернулся и увидел, что доктор по-прежнему пытливо смотрит на меня – сочувственно, но с каким-то явным намерением.

– Если не можешь продолжать, никто винить тебя не станет. Но если

решишь идти дальше, помни, что собой представляет наша работа.

Я лишь кивнул, прошел в дом, миновал кухню, взял трубку и отогнул рупор:

– Ну?

– Сеньорито Стиви? – Так и есть, звонил Эль Ниньо – голос его по-прежнему был очень деловит и сосредоточен. – Есть новости о твоей подруге?

Я вздохнул, пытаясь сдержать новые слезы:

– Эта женщина добралась до нее. Девушка умерла. Мистер Пиктон тоже.

Эль Ниньо тихо пробормотал что-то на неизвестном мне языке: не по-английски, не по-испански, и я решил, что это родной язык его народа.

– Значит, – продолжил он после секундной заминки, – жажда справедливости возросла. Прошу за это прощения, сеньорито Стиви.

– Где ты?

– В конюшнях напротив дома этой женщины. Она вернулась туда с маленькой Анной. Я заплатил человеку здесь, чтобы взять его телефон.

– А Пыльники?

– Повсюду на улице.

– Тогда ничего не предпринимай, – велел я. – Если видишь хоть кого-то из них, значит, есть еще больше, но их ты не видишь. Не показывайся.

– Да. Но если случай настанет – она умрет, да?

Оглянувшись в кухню, я увидел, что туда вошли доктор и мисс Говард. Они смотрели на меня, пока я разговаривал, и, кажется, прекрасно знали, кто на другом конце линии.

– Об этом не знаю, – сказал я, глядя на доктора.

– Но, сеньорито Стиви, – твоя подруга умерла...

– Знаю. Но это может быть сложнее, чем мы думали. Нам надо понять – понять, почему она все это делает.

Абориген на миг задумался и вздохнул, прежде чем ответить:

– Говорю тебе, сеньорито Стиви, – в джунглях в своих странствиях я видел, есть крестьяне, что живут рядом с логовами и охотничьими землями тигров. Некоторые из этих тигров убивают людей – некоторые нет. Никто не знает, почему. Но все знают, что тигры, которые убивают, должны умереть, – потому что раз напившись крови человека, они не могут от нее отвыкнуть.

Я не знал, что ему ответить: половина меня понимала, что в его словах при всем их ужасе есть вполне внятный смысл...

– Сеньорито Стиви? Ты там?

– Я здесь.

– Пойдешь со мной охотиться на тигра или будешь стараться «понять» его?

Я снова покосился на доктора, даже при всем своем горе понимая, как должен поступить.

– Не могу, – сказал я и отвернулся, чтобы доктор и мисс Говард меня не услышали. – Не могу с тобой пойти. Но ты иди. И больше не звони сюда – они постараются тебя остановить.

Наступила очередная пауза; потом Эль Ниньо заговорил:

– Да. Оно так и лучше. Не нам решать, каков путь – только боги и судьба могут определить, кто достанет ее первым. Я понимаю тебя, мой друг.

– Ага, – прошептал я. – Я тоже тебя понимаю.

– Надеюсь, еще увижу тебя снова. А если нет – помни, я до сих пор ношу одежду, что ты мне дал. А когда ее надеваю, вижу твое лицо и чувствую твою дружбу. Я горжусь этим.

От этих слов я чуть было снова не разревелся.

– Мне пора идти, – проговорил я и повесил трубку на маленький крючок, прежде чем Эль Ниньо успел сказать хоть что-нибудь еще.

– Абориген? – спросил Доктор.

Я кивнул и вышел в кухню:

– Она на Бетьюн-стрит. Вернулась туда с Аной. Но все окрестности кишат Пыльниками.

– Ясно. – Доктор начал расхаживать вокруг кухонного стола. – Она вернулась в дом просто собрать вещи? Или избавиться от ноши в виде Аны Линарес в безопасности своего потайного убежища? – Несколько секунд поразмыслив, доктор грохнул кулаком по столу: – Как бы там ни было, время у нас вышло – кризис последует сегодня вечером. Если Маркусу повезет, воспользуемся всей мощью Полицейского управления и проникнем в дом. Если же нет...

– Но даже если и повезет, – добавила мисс Говард, – можем ли мы быть уверены, что она не причинит ребенку вреда до нашего прихода? Или пока мы будем пытаться войти?

– Мы ни в чем не можем быть уверены, – отрезал доктор. – Но должны постараться и сделать все возможное. Памятуя об этом, Сара, предлагаю тебе позвонить сеньоре Линарес. Сообщи ей, что нам настало время действовать и что результаты этого, возможно, не порадуют ее мужа. Может, ей захочется оказаться где-нибудь в безопасности, не у себя дома.

Кивнув, мисс Говард подошла к телефону как раз в тот момент, когда в

кухню вошел Сайрус и положил мне на плечо сильную, успокаивающую руку.

– О – Сайрус, – продолжил доктор. – Думаю, без твоего великолепного кофе не обойтись – сон нам в ближайшее время не светит, а вот светлая голова как раз понадобится.

– Да, сэр, – ответил Сайрус. Потом взглянул на меня. – А тебе, должно быть, хватит времени чуток отдохнуть, Стиви. Мог бы воспользоваться.

Я помотал головой.

– Не хочу спать, – заявил я, вспоминая, что случилось, когда я задремал в прошлый раз. – Только все равно сделай этот кофе покрепче.

– Само собой, – согласился Сайрус. – И, доктор, вот еще что – детектив-сержант просил передать вам, что поехал в штаб-квартиру поддержать брата. Сказал, беспокоится, что так все долго.

– Как и я, – заметил доктор, взглянув на часы. – А на первый взгляд вроде бы казалось таким простым вопросом. Как и столь многое в этом деле...

Я чувствовал, что еще не вполне готов обсуждать подробности предстоящего нам, и потому побрел наверх, где и обнаружил в гостиной мистера Мура. Он развернул одно из мягких кресел доктора к окну, которое открыл, чтобы как следует полюбоваться грозой, продолжавшей месить город. Я плюхнулся на ближайший диван и присоединился к нему в тихом наблюдении за сотрясаемыми ветром деревьями Стайвесант-парка.

– Адская буря, – пробормотал я, заметив, что лицо мистера Мура переполняют те же печаль и смятение, что пожирали мою собственную душу.

– Адское лето, – отозвался он. – Только в этом богом проклятом городе погода всегда безумна... – И на несколько быстрых секунд обернулся ко мне: – Мне правда очень жаль, Стиви.

– Ага. Мне тоже. Ну, насчет мистера Пиктона.

Мистер Мур кивнул и шумно выдохнул, покачав головой.

– Значит, теперь нам положено поймать эту женщину, – буркнул он. – Поймать ее и изучить. Да только что-то у меня душа совсем к другому лежит.

– И у меня, – согласился я.

Он взвел палец, будто выговаривая разъяренным небесам:

– Руперт никогда не верил, что об убийцах можно хоть что-то вызнать после их поимки. Он говорил, это все равно что пытаться изучить охотничьи повадки диких зверей, наблюдая за кормежкой в зверинце. Он бы первым сказал, что мы должны прикончить эту тварь, окажись у нас

шанс.

– Это еще может случиться, – пожал я плечами. – Эль Ниньо до сих пор где-то там. И он не остановится и не станет спрашивать ее, почему она делает то, что делает. Все, что ему нужно – меткий выстрел, когда на руках у нее не будет ребенка.

– Надеюсь, у него получится, – решительно бросил мистер Мур. – Или, коли уж на то пошло, у меня.

Я снова посмотрел на него:

– В самом деле считаете, что сможете убить ее?

– А ты? – отозвался он, доставая сигарету.

Я пожал плечами:

– Уже думал об этом. Если ей суждено умереть, вместо меня может оказаться какой-нибудь электрик из Синг-Синга. Но... Я не знаю. Никого ведь не вернуть.

Мистер Мур прикурил сигарету и выдохнул дым.

– Знаешь, – вымолвил он с по-прежнему грустным, но теперь еще и раздраженным лицом, – я всегда ненавижу эти слова.

Следующие минуты мы сидели тихо, вздрагивая всякий раз при новом оглушительном раскате грома или ударе молнии словно бы в самое сердце города. Потом к нам присоединилась оставшаяся троица, Сайрус принес кофейный сервиз и поставил его на коктейльный столик на колесиках. Доктор достаточно хорошо видел, как настроены мы с мистером Муром, и потому не стал сразу начинать разговор о каких бы то ни было планах, так что еще с полчаса мы просто пили кофе и смотрели на грозу – пока из-за поворота внизу не показался двухколесный экипаж, а из него – два детектив-сержанта. В кэбе они, вполне очевидно, бранились и не прекратили, даже войдя в дом: кажется, дела в городе были не ахти.

– Это трусость! – втолковывал Маркус, после того, как осторожно улучил момент сказать мне, как сожалеет о Кэт. – Абсолютная трусость! О, конечно, они санкционируют ордер, вот только если арест женщины означает стычку с Пыльниками, им это неинтересно!

– Я пытался напомнить брату, – сообщил Люциус, наливая себе кофе, – о том, что случилось при последнем крупномасштабном столкновении Управления полиции с Гудзонскими Пыльниками. В больницу угодило просто какое-то неловкое количество офицеров. Детвора в Вест-Сайде до сих пор дразнит патрульных, распевая об этом песенки.

– И не будем забывать, кого обычно можно встретить у Пыльников, – добавила мисс Говард. – Множество людей с серьезными связями в этом городе любят заскочить туда за кокаином и с пиететом относятся к жизни

бандитов. Придурки.

– Трусости это не извиняет, – настаивал Маркус, подойдя за порцией варева Сайруса. – Да будь оно все проклято, мы же говорим об одной женщине, которая убила массу людей, боже милосердный! А Управление не хочет вмешиваться, потому что они боятся потерять лицо!

– Управление не хочет вмешиваться, – сказал доктор, – потому что не убит пока никто из тех, кого они считают сколько-нибудь важным. Вы не хуже меня знаете, что в этом городе подобное всегда считалось за правило, Маркус, – при Рузвельте мы получили краткую передышку, но ни одна из реформ толком не прижилась.

– И каков же тогда наш ответ? – спросил Люциус, оглядывая комнату.

Я знал, что думаю сам, и знал, что мистер Мур с Маркусом считают примерно так же: если никто не собирается браться за эту работу, только нам и остается пойти туда, вломиться в этот чертов дом на Бетьюн-стрит и сделать то, что должно. Но никто из нашей троицы не собирался подавать голос в пользу сего вывода, пока в комнате находится доктор, поскольку мы знали, как важно для него заполучить Либби Хатч живой.

И потому следующая реплика оказалась просто сюрпризом.

– Военно-морские силы, – тихо произнес доктор, и черные глаза его вспыхнули.

– Какие силы? – ошарашенно отозвался мистер Мур.

– *Военно-морские*, – повторил доктор и обратился к Маркусу. – Детектив-сержант, мы знаем, что Гудзонским Пыльникам конфликт с Полицейским управлением Нью-Йорка только в радость. Каково, по-вашему, им будет, когда они встретятся с Военно-морскими силами Соединенных Штатов?

– Крайцлер, – пробормотал мистер Мур, – у вас определенно в голове что-то сместилось...

Игнорируя мистера Мура, Маркус закивал:

– Осмелюсь сразу предположить, что они отступят – моряки, как вам известно, славятся своей драчливостью. К тому же облечены властью федерального правительства, а не городского – политическим связям и местной борьбе тут делать нечего.

Доктор принялся постукивать костяшками правой руки по губам.

– Да, – сказал он тихо. Потом его, похоже, осенила еще одна мысль. – Пирс линии «Белая звезда» ведь, насколько я помню, всего в нескольких кварталах, за углом от дома Либби Хатч на Бетьюн-стрит, так?

– Да, верно, – озадаченно произнесла мисс Говард. – На 10-й улице. Но к чему это, доктор?

Заметив торчащий у Маркуса из кармана пиджака утренний номер «Таймс», доктор поднялся и выхватил его. Быстро пролистнув, он нашел на вид маленький, но важный кусочек информации.

– В порту сейчас никаких судов «Белой звезды», – наконец кивнул он. – Значит, он сможет причалить там, а мы сможем пробраться к дому с тыла – и вместе захватим банду врасплох.

– Кто сможет? – едва не заорал мистер Мур. – Ласло, что за черт... – И тут вдруг у него отвисла челюсть – до него дошло. – О нет. О нет, Крайцлер, это безумие, вы не можете... только не Рузвельт!

– Да, – ответил доктор, с улыбкой поднимая взгляд от газеты. – Рузвельт.

Мистер Мур вскочил:

– Втягивать в это дело Теодора? Как только он поймет, что происходит, начнет свою проклятую войну с Испанией прямо в этом городе!

– А, собственно, зачем, – ответил доктор, – ему нужно знать обо всех подробностях? Имя и родословная Аны Линарес его касаться не обязаны. Того, что мы пытаемся распутать цепочку убийств и похищение ребенка, не получая при этом никакого исполнения обязательств от полиции Нью-Йорка, будет более чем достаточно, чтобы заинтересовать Теодора.

– Но, – заметила мисс Говард, которая, как и мистер Мур с доктором, знала мистера Рузвельта большую часть своей жизни, – что тут сможет сделать даже сам Теодор? Он, конечно, заместитель военно-морского министра, но...

– И прямо сейчас он командует целым флотом, как своим собственным, – ответил доктор, поднимая конверт. – Письмо от него пришло в наше отсутствие. Похоже, министр Лонг⁵⁹ весь август месяц в отпуске, а Теодор совершает смелые шаги. В Вашингтоне он становится известен как «министр на теплую погоду», коим фактом чрезмерно – и вполне типично – гордится. Не сомневаюсь, на военно-морской верфи в Бруклине сейчас имеется один или два пригодных корабля с командой в придачу – а может, даже и где поближе. Для наших целей людей более чем достаточно. Все, что потребуется, – один приказ Рузвельта.

Мистер Мур осторожно похлопывал себя по щекам, пытаясь совладать с этой идеей.

– Дайте-ка разобраться: вы предполагаете, что Рузвельт прикажет Военно-морским силам Соединенных Штатов вторгнуться в Гринвич-Виллидж и вступить в бой с Гудзонскими Пыльниками?

Рот доктора снова скривился в легкой ухмылке:

– По сути, да.

Немедля вмешался Маркус:

– Может, звучит и абсурдно, Джон, – воскликнул он, воодушевленный идеей. – Но в отчетах все окажется вовсе не так. Приключись какое-нибудь насилие, его попросту воспримут как обычную стычку моряков с бандитами. А пока она будет продолжаться, мы сможем сделать все, что должны.

Доктор сунул письмо от Рузвельта в карман сюртука и кинулся к лестнице:

– Немедля позвоню ему в Вашингтон, – объявил он, направляясь на кухню. – Нельзя терять время – эта женщина уже сейчас должна планировать свой побег из города!

В доме внезапно появилось новое ощущение жизни, рожденное, как я понимал, одной только возможностью пусть даже непрямого вмешательства в дело мистера Рузвельта. Так уж он влиял на людей, этот бывший полицейский уполномоченный: среди всех близких друзей доктора не было никого с более чистой любовью к жизни, к действию – и, что самое главное, к хорошей схватке, будь то бокс, политика или война. Но он к тому же был добрым человеком, мистер Рузвельт, добрее всех, кто побывал в доме доктора, пока я в нем жил; и я сообразил, что даже я, при всем моем опечаленном состоянии, немало приободрился от мысли о том, что он может помочь нам отдать Либби Хатч в руки правосудия. О, идея, конечно, сумасшедшая, тут мистер Мур был прав; но практически любое предприятие, в котором принимал участие мистер Рузвельт, казалось поначалу сумасшедшим, – однако большая их часть увенчивалась не просто важными, но счастливыми результатами. И потому, ожидая возвращения доктора из буфетной, мы принялись обсуждать подробности плана с интересом, граничащим с энтузиазмом – энтузиазмом тем более удивительным, памятуя о том, через что мы все прошли.

Когда доктор вернулся наверх, он казался если и не совершенно взволнованным, то уж, по крайней мере, чрезвычайно удовлетворенным.

– Он это сделает. Он хочет, чтобы мы подождали здесь – кто-то с верфи позвонит нам и сообщит, какой корабль будет в нашем распоряжении и когда. Но он обещает все действие сегодня вечером.

Мистер Мур издал еще один стон недоверия, но к этому моменту улыбался даже он:

– И да поможет нам бог...

Так потянулись долгие часы ожидания. В первые два наше тихое предвкушение, подпитываемое кофе Сайруса, переросло в какое-то

странное нетерпение; но с исходом дня это чувство начало ослабевать, по большей части – из-за исключительного молчания телефона и дверного звонка. Мистер Рузвельт был не из тех, кто тратит время зря; и тот факт, что мы пока не получили известий ни от кого из его людей, ни из Бруклина, ни откуда-то еще, как будто сбивал с толку. Дождь не прекращался, и в конце концов его размеренный ритм помог изнеможению овладеть каждым из нас: сколь бы мы ни рвались в бой, это не отменяло того, что никто из нас не проспал больше какого-то часа с самого субботнего вечера. Один за другим члены нашего отряда начали расползаться по спальням прикорнуть, и все, включая меня, приходили в себя от этих прерывистых дремотных приступов, чтобы узнать неутешительную новость: никаких новостей ни из Вашингтона, ни из Бруклина до сих пор не поступило.

Наконец, когда было уже почти пять вечера, доктор спустился вниз и снова позвонил мистеру Рузвельту – но на сей раз он вернулся в совершенно ином настроении. У него не вышло связаться с другом, но зато из разговора с секретарем мистера Рузвельта удалось вынести отчетливое ощущение того, что этот человек у себя и специально уклоняется от разговора с доктором. Никто не мог вообще ничего понять: мистер Рузвельт никогда не избегал ни с кем прямых разговоров с глазу на глаз, в особенности с теми, кого любил и уважал. Если бы выяснилось, что он не может выполнить ранее данное доктору обещание, он бы, конечно, подошел к телефону и так бы и сказал. Но чем же тогда все это объяснялось? Неужели он каким-то образом обнаружил в деле Либби Хатч связь с Испанией и решил следовать своим собственным курсом?

Вопросы эти были совершенно не из тех, что могли бы оживить ослабевший энтузиазм; и к семи часам вся наша когорта сонно рассредоточилась по гостиной доктора. Дождь наконец утих, я лежал перед одним из распахнутых двустворчатых окон на покрытом ковром полу, позволяя прохладному воздуху, который гроза принесла в город, играть у моего лица и клонить меня в первый настоящий пристойный сон за день. Однако дрема оказалась некрепкой, ее с легкостью прервал звук снаружи – и этот приближающийся звук, услышанный мною примерно в половине восьмого, был одновременно и столь знакомым, и столь неуместным, что я честно не мог сказать, сплю или нет.

То был сильный, высокий голос мистера Рузвельта.

– Ждите здесь! – сказал он; и тогда я услышал звук захлопнувшейся двери экипажа. – Вы отвезете нас на верфь, как только мы сможем поговорить с остальными!

– Есть, сэр! – донесся с готовностью бодрый ответ, отчего я

перекатился и выглянул наружу.

А там – здрасьте-пожалуйста! – стоял заместитель министра военно-морских сил собственной персоной, в своем лучшем черном костюме, бок о бок с человеком постарше в форме морского офицера.

– Господи Иисусе! – пробормотал я, протирая глаза, дабы убедиться, что мне не привиделось. – Господи Иисусе! – повторил я столь громко, что все остальные начали собираться у окон. Совершенно не в состоянии справиться с расплывающейся улыбкой, я вскочил на ноги и начал трясти все плечи, которые только успевал ухватить. – Он здесь! Доктор... мисс Говард... это мистер Рузвельт! Он здесь! Господи Иисусе!

При этой новости все остальные поднялись, с таким же недоумением и недоверием собственным чувствам, что и я, – ну то есть, до тех пор, пока не услышали, как открылась входная дверь.

– Доктор? – рявкнули снизу. – Мур! Да где вы все, разрази вас гром? – Тяжелые шаги застучали по ступенькам, а выкрики не прекращались: – И где блистательная Сара Говард, мой бывший секретарь?

Еще несколько шагов, и вот из тени наверху лестницы начали проступать черты, которые нельзя было перепутать ни с чьими: словно какая-то обратная версия Чеширского Кота мистера Льюиса Кэрролла, мистер Рузвельт начал появляться с усмешки – его крупные зубы сверкали даже в полной темноте. Следующими показались маленькие косящие глаза за небольшими очками в стальной оправе, и, наконец, – квадратная голова, пышные усы и гигантская бочка грудной клетки, причем последняя после ужасной астмы в детстве окрепла так, что стала одной из самых мощных в мире.

– Что ж! – вскричал он, проходя в холл в сопровождении куда более спокойного – и очень мудрого на вид – морского офицера. – Это мне нравится! Преступность и грубый произвол распускаются пышным цветом, а вы все валяете дурака, как будто ничего нельзя предпринять!

Войдя в гостиную, он упер руки в бока, по-прежнему ухмыляясь до ушей; потом резко протянул свою лапищу доктору:

– Крайцлер! Безумно рад видеть вас, доктор, *безз-умно!*

– Приветствую, Рузвельт! – ответил доктор с улыбкой. – Мне, пожалуй, стоило сообразить, что этот шанс вы не упустите.

– Дьявол, – воскликнул мистер Мур, – нам всем стоило сообразить!

Мистер Рузвельт обошел комнату, крепко пожал каждому руку и принял теплое объятие мисс Говард. Мне показалось, он был особенно рад узнать, что братья Айзексоны тоже здесь и все еще на полицейской службе – ведь это он лично привел их туда, стараясь ослабить хватку, которой

ирландский клан наймитов Таммани держал Малберри-стрит. Когда он наконец добрался поздороваться со мной, я уже был настолько взволнован его присутствием и новой надеждой, которую оно принесло, что нервно переминался с ноги на ногу. Но все же на лице у меня, видимо, осталось немало утренней печали, поскольку улыбка мистера Рузвельта слегка угасла, он наклонился пожать мне руку и посмотрел в глаза.

– Ну, юный Стиви, – сказал он с настоящим сочувствием. – Времечко тебе выдалось нелегкое, понимаю. Но не сомневайся, мальчик мой... – И опустил крепкую руку мне на плечо. – Мы пришли сюда увидеть, как торжествует правосудие!

Глава 54

Пока Айзексоны принялись перебирать весь свой арсенал взломщиков и оружие, решая, что нам понадобится для последней атаки на дом № 39 по Бетьюн-стрит, остальные кинулись переодеваться в подходящую для сей миссии одежду: при мистере Рузвельте особо столбом не постоишь и время тратить не станешь. Когда мы снова собрались в гостиной, бывший уполномоченный воспользовался случаем представить нам своего спутника.

– Лейтенант Уильям У. Кимболл, Военно-морские силы Соединенных Штатов⁶⁰, – гордо изрек мистер Рузвельт, почти так, будто офицер был одним из его детей, а не человеком явно его постарше. На самом-то деле порядком постарше: когда настала моя очередь поздороваться с офицером, я подивился, почему в таком возрасте (как выяснилось, почти в пятьдесят) у него до сих пор такое низкое звание. Только потом кто-то объяснил мне, что его положение не было необычным: поскольку Военно-морские силы не принимали участия ни в каких настоящих сражениях со времен Гражданской войны, повышение там было процессом крайне медленным.

– Лейтенант Кимболл читает лекции в Высшем военно-морском колледже, – продолжил мистер Рузвельт, – и ему нет равных в деле планирования военных действий.

– Эй, Рузвельт, – притворно удивился мистер Мур, – вы что, планируете войну?

Мистер Рузвельт поднял палец:

– Ну-ну, Мур, вам не обмануть меня своими репортерскими вопросами. Военно-морские силы всегда разрабатывают чрезвычайные планы на случай конфликта с любой силой.

– Я и не думал, что для нынешнего ночного предприятия нам понадобится стратегическое планирование, – сказал доктор, с любопытством приглядываясь к лейтенанту Кимболлу. – Хотя, конечно же, добро пожаловать, лейтенант.

– Спасибо, доктор, – храбро отозвался лейтенант; но, даже несмотря на то, что у него вроде бы имелась кое-какая моряцкая развязность (вместе с обычными пышными усами), по голосу его можно было заключить, что мозгов у него куда больше, чем у обычного флотского. – Однако мистер Рузвельт решил пригласить меня не из-за планов военных действий. Опыт у меня имеется и в кое-каких других областях, и он счел, что сие может

оказаться полезным.

– В самом деле! – согласился мистер Рузвельт, похлопав лейтенанта по спине. – Кимболл просто опережает свое время. От большинства наших офицеров я только и слышу – линкоры да линкоры, но Кимболл занялся разработкой оружия, кое станет определять путь развития военных действий с использованием военно-морских сил в следующем столетии, а не в уходящем. Торпеды! Подводные лодки! Говорю вам, этот французский романист Верн по сравнению с лейтенантом – сущее дитя.

Это замечание привлекло мой интерес, ведь доктор часто давал мне читать книги мистера Жюль Верна, и за рассказами этого француза о жизни на морском дне, путешествиях на Луну и новом мощном оружии я не раз просиживал за полночь, дивясь, к какому же миру мы все на самом деле идем.

– Это правда, лейтенант? – спросил я со всем возможным уважением. – Мы и вправду будем сражаться под водой, как капитан Немо?

Лейтенант улыбнулся и взъерошил мне волосы:

– О да, юный мистер Таггерт, – но, боюсь, без электрических пушек Немо. По крайней мере – сейчас. Главным оружием подводных лодок станут торпеды, а с торпедными катерами они станут самым смертельным врагом для всех кораблей.

– С торпедными катерами? – повторил я. – Что это такое?

– Это, – ответил мистер Рузвельт, – причина присутствия здесь лейтенанта Кимболла, Стиви. Маленькие, легковооруженные суда, способные развивать поразительную скорость. Пару недель назад я прокатился на таком из Ойстер-бэй до Ньюпорта, и не премину сообщить вам всем – это было великолепно! Такой катер все равно что ретивый конь – проворный, быстрый, способный ударить без предупреждения и тут же исчезнуть. – Он повернулся к доктору. – Как раз то, что надо для вашего сегодняшнего предприятия, Крайцлер.

Доктор задумался.

– Да... да, возможность внезапно появиться и на высокой скорости отступить будет огромным подспорьем. А где сейчас эти суда?

– Кое-какие стоят на верфи, – ответил лейтенант Кимболл. – Команда им требуется относительно небольшая, но на борт можно взять и побольше людей, если решим, что в том есть нужда.

– Чем больше, тем лучше – если мы собираемся выступить против Пыльников, – заметил мистер Мур. – Ведь эти «торпеды» вряд ли сумеют проехать несколько кварталов по суше, лейтенант?

– Боюсь, вы правы, мистер Мур, – с улыбкой отозвался лейтенант

Кимболл. – На берегу нам придется полагаться только на себя.

– Да, – без особого энтузиазма кивнул мистер Мур, – этого я и боялся.

– Мужайтесь, Джон! – воскликнул мистер Рузвельт, хлопая старого друга по спине, как до того – лейтенанта Кимболла. Однако мистеру Муру сие действие особого удовольствия не доставило. – Эй, да мы сможем выставить шесть десятков моряков против этих...

– Тедди, – перебил мистер Мур, воспользовавшись детским именем нашего друга, которое мистер Рузвельт, как известно, недолюбливал. – Вечерок нам светит просто адский, а если вы приметесь сейчас по мне колотить, я потом просто не встану.

– Ха! Вы меня не проведете своей болтовней. Я знаю истинную меру ваших способностей, Мур, – изрядно повидал их в нашем последнем общем приключении!

Подойдя к мисс Говард, мистер Рузвельт сердечно взял ее руки в свои.

– А вы, Сара, – может, это платье и простое на вид, но, готов поспорить, где-то в нем имеется местечко для вашего «кольца» с перламутровой рукоятью!

– А заодно и для существенного запаса патронов, – кивнула в ответ мисс Говард. – Так что даже не думайте рисковать собой, пытаясь за мной как-то по-особому присматривать.

– Можно подумать, мы этого не знаем, – заметил Люциус, качая головой.

– А, вот и мои Маккавеи! – провозгласил мистер Рузвельт, подходя к Айзексонам. – Кимболл, вам никогда не встретить людей, сочетающих отвагу и мозги лучше, чем эти детектив-сержанты. Как только меня не называли за приглашение на полицейскую службу евреев, но я настоял на своем. Эх, будь у нас в военно-морской разведке шестеро-семеро таких ребят, как эти, полагаю... о! – Сообразив, что чуть было не сболтнул лишнего насчет своих дел в Вашингтоне, мистер Рузвельт улыбнулся и поднял руку. – Однако я отвлекся от текущих дел. Сайрус! – продолжил он, приблизившись к моему большому другу. – А ты что скажешь – положишься на одни эти кулаки или прихватишь что-нибудь посущественней?

– Кулаки мне служат исправно, сэр, – ответил Сайрус с улыбкой. – Да к тому же задолжал кое-кому из этих Пыльников парочку каких следует тумачков.

– И ты их вернешь с лихвой, нисколько не сомневаюсь. Знаешь, нам с тобой когда-нибудь непременно стоит встретиться на ринге, провести раунд-другой! – И, сжав кулаки, мистер Рузвельт изобразил несколько

легких ударов в сторону Сайруса. – Поединок выйдет что надо, как по-твоему?

– Я к вашим услугам, сэр, – ответил Сайрус с легким поклоном, по-прежнему улыбаясь.

– Превосходно, – отозвался мистер Рузвельт. – Просто великолепно. Что ж, нам пора на верфь! Команды предупреждены и ждут наготове. Все собрались? Хорошо! У меня внизу экипаж, доктор, он сможет вместить большинство из нас, а остальные, вероятно, поедут в вашем.

– Боюсь, понадобятся кэбы, – сообщил доктор, – у нас нет времени вернуть лошадей с постоя.

– Ну ладно, тогда кто поедет со мной и лейтенантом? – спросил Рузвельт. – Что скажешь, Стиви? Хочешь еще послушать истории об удивительном оружии, которое лейтенант Кимболл мечтает выпустить в мир?

Я быстро и страстно взглянул на доктора, и тот кивнул, понимая, по-моему, как мне хочется поехать с моряком и почему. Обсуждение оружия и разрушений, отнюдь не волновавшее меня, как положено мальчишке, подтверждало темное, решительное желание, порожденное смертью Кэт и нарастающее с каждым часом: надежду на то, что мы наконец сможем нанести Либби Хатч такой удар, к какому подготовиться не сможет даже она.

– Да, сэр, – сказал я мистеру Рузвельту. – Хочу.

– Хорошо! Кимболл, назначаю юного Таггерта вашим помощником на время этой операции. Его не стоит недооценивать – несколько офицеров городской полиции уже совершили сию ошибку, и некоторые из них до сих пор не могут как следует ходить. – Мистер Рузвельт развернулся к доктору, лицо его посерьезнело: – Надеюсь, вы тоже поедете с нами, доктор, – сказал он, потом взглянул на мисс Говард. – И вы, Сара, заодно – признаться, мне бы хотелось побольше узнать об этой дьявольской женщине, на которую мы охотимся.

Обильные серые слои грозových облаков, нависавшие в тот день над городом, теперь распались на отдельные черные клочки, проступающие на залитом лунным светом небе. Мы покинули дом и пошли на угол Второй авеню, а за нами следовало большое ландо мистера Рузвельта, и оба тента были опущены из-за непогоды. Мы поймали два экипажа для мистера Мура, детектив-сержантов и Сайруса, сами же забрались вслед за мистером Рузвельтом и лейтенантом Кимболлом в ландо, и вскоре сие вместительное пространство уже наполнял разговор. Доктор, мисс Говард и мистер Рузвельт говорили о Либби Хатч и ее деле довольно тихо, явно из уважения

к моим чувствам – из уважения, за которое я был чрезвычайно благодарен. А дружелюбный лейтенант Кимболл, похоже, намерен был меня развлекать столь решительно, что я уже подумывал, не мистер ли Рузвельт случаем – очевидно, знавший, по крайней мере, в общих чертах, что мне выпало пережить за день, – выдал ему инструкции постараться поднять мой упавший дух. Если и так, лейтенант следовал сим инструкциям просто превосходно. От описания всех тех удивительных штук, что, по его мнению, должны появиться на морях в ближайшие лет десять-двадцать, он перешел к рассказам о других странах, где служил, и о странных людях, которых там встречал: истории эти, хоть и не могли по существу подбодрить меня, по крайней мере, отвлекали внимание от унылых мыслей, кои по-прежнему готовы были наводнить мою душу.

Мы пересекли нижнюю часть Ист-ривер по Бруклинскому мосту, потом резко взяли влево и поехали вдоль кромки воды, пока не достигли Уоллэбаут-бэй и въезда в грандиозный лабиринт сухих доков, пирсов, кранов, железнодорожных путей, артиллерийских пристаней, литейных цехов и сборочных ангаров, составлявших Бруклинскую военно-морскую верфь. Место это вполне могло считаться одним из неперменных атрибутов Нью-Йорка, отсчет своих лет вело с начала века, и коренным жителям казалось привычным не менее любой другой части гавани; однако тем вечером оно казалось мне почему-то совершенно не таким, как обычно. Может, дело было лишь в моем настроении, думал я, или, может, в том, что нас сопровождал человек, который, с чисто практической точки зрения, был на тот момент самым важным морским чиновником страны. Впрочем, очень скоро я понял, что подлинное объяснение крылось совсем в другом.

Огни – повсюду там были огни, и в их свете всюду трудились десятки людей. И все это – почти в десять вечера в понедельник. А заметив людей, я понял, над чем они работают: бронированные военные корабли – кое-какие наполовину достроенные, а какие-то уже почти готовые к плаванию, но все, большие и впечатляющие, теснились здесь у каждого стапеля, в каждом свободном углу.

– Ох, сколько ж здесь строят-то, жуть просто, мистер Рузвельт, – сказал я, глядя, как подавальщики огня и заклепщики орут друг другу и перекидывают в темноте раскаленные докрасна стальные втулки.

– Да, – ответил мистер Рузвельт, оглядываясь по сторонам, как ребенок рождественским утром. – Два года назад отсюда мы спустили на воду броненосец «Мэн»⁶¹, а с тех пор – еще несколько. А будет-то куда больше!

Краем глаза я заметил, что доктор многозначительно смотрит на мисс Говард: тихое напоминание о том, как важно, чтобы мистер Рузвельт не

узнал, чьего ребенка мы пытаемся спасти и почему вынуждены действовать именно таким образом. Сначала – пропажа дочери высокопоставленного испанского чиновника; потом тот же самый чиновник избивает жену и, похоже, нимало не беспокоится о том, увидит ли теперь когда-нибудь свое дитя; ложь испанского консульства в связи с сим делом – внезапно все это показалось еще как связанным с гудящей активностью на верфи, да притом таким образом, коий обещал куда большие неприятности, нежели те, с которыми нам уже довелось столкнуться.

Торпедные катера, о которых говорили мистер Рузвельт с лейтенантом Кимболлом, притаились у бетонной пристани в дальнем конце верфи – и собрано их там было ой как немало. Суда эти, ненамного крупнее яхт на паровом ходу и катеров, рассредоточенных по гавани, обладали куда более мощным двигателем, для которого требовалось две и даже три дымовые трубы; в то же время они были куда обтекаемее на вид, чем частные и коммерческие суда, обладали изящной формой пули, отчего казалось просто невероятным, что на деле облицованы они сталью. Не то чтобы эта облицовка была на самом деле такой уж серьезной – как сказал мистер Рузвельт, безопасность катеров была принесена в жертву их скорости, и при необходимости они могли развивать оную больше тридцати миль в час. Команду каждого составляло всего двадцать пять – тридцать человек, а в разных местах палубы располагалось смертельное оружие, и давшее лодкам свое имя: торпеды, четырнадцатифутовые стальные цилиндры, заполненные сжатым воздухом и оборудованные мощным взрывным устройством. При высвобождении воздух выстреливал торпеды из стволов в воду на сотни ярдов: масса времени для выпустивших их быстрых маленьких катеров, чтобы убедиться в последующих взрывах. В общем и целом – весьма хитроумное изобретение, крайне отличавшееся от гигантских линкоров с их огромными орудийными башнями, возводившихся в других частях верфи. Наверняка интересно было бы взглянуть, подумал я, как иностранным линкорам однажды нанесут поражение такие же быстрые, мощные маленькие корабли, что и те, на которые мы собирались взойти сим вечером.

Кроме команд торпедных катеров на верфи выстроилось еще около двадцати моряков, вид у которых был такой, будто их специально отобрали для этой работенки еще до нас. Я на своем веку и в своей былой округе повидал немало дерущихся моряков, и полюбовался не на один разоренный кабак и музыкальный салун, когда такой вот команде приходилась не по душе какая-нибудь обещающая с три короба «танцовщица» или шустрый банкомет за партией в фараон; но ни одна из виденных мною орав и

в подметки не годилась тем мальчикам, что ждали нас к вечеру на верфи. Этим парням, сверх меры мускулистым, покрытым шрамами, явно сгорающим от нетерпения в предвкушении какой следует первоклассной потасовки, похоже, нелегко было сдержать свои порывы и встать по стойке «смирно» при появлении из ландо лейтенанта Кимболла и мистера Рузвельта. Лейтенант Кимболл перекинулся парой слов с тремя командирами торпедных катеров, после чего те собрали свои команды на пристани, рядом с вышеупомянутыми мордоворотами. Лейтенант Кимболл шагнул вперед к этим объединенным силам – которые, должен признать, казались достойными соперниками даже для Пыльников – и дал команду «вольно», после чего принялся расхаживать взад-вперед по пристани и объяснять предстоящую в ночи задачу.

– Джентльмены! – выкрикнул он, его сильный голос никоим образом не выдавал ни его почти пятидесятилетнего возраста, ни обычного рода занятий – стратегического планирования. – Не сомневаюсь, большинство из вас знают, что абсолютно невозможно бороздить моря на службе у Дяди Сэма тридцать, десять или даже пять лет, не проникшись чувством того, что Соединенные Штаты Америки – самая прекрасная и прославленная держава из тех, какие видывал этот мир, и что она должна главенствовать – во всем! – На этом моряки разразились одобрительными возгласами, кои сердечно поддержал сам мистер Рузвельт. Мы же воздержались, чувствуя, что нам сейчас вступать не резон – хоть я и испытал такой порыв. – Но, – продолжал лейтенант, – полагаю, что вы точно так же знаете, что Соединенные Штаты не могут во всем главенствовать, пока на пути у них стоят враги. Враги внешние – кои, если повезет, вскоре ощутят всю мощь великих кораблей, что строятся сейчас рядом с нами, – и враги внутренние, кои должны почувствовать нашу мощь в эту самую ночь! – Тут парни снова зашумели, и лейтенанту Кимболлу стоило немалых усилий их успокоить. – А сейчас я прошу вас уделить внимание достопочтенному заместителю министра военно-морских сил, мистеру Теодору Рузвельту!

Выступив вперед, мистер Рузвельт сузил глаза и оценивающе окинул взглядом собравшуюся перед ним компанию.

– Моряки, – произнес он в своей обычной резкой, порывистой манере, – некоторым из вас предстоящая работа может показаться странной. Чего ради, вполне здраво спросите вы себя, нам вдруг дают задание поддержать закон этой великой нации на ее собственной земле? – Мистер Рузвельт сжал кулак и принялся ударять им по другой ладони, продолжив перекрикивать звуки бурлящего во всей верфи строительства: – Ответ здесь, моряки, будет простым – потому что те люди, кому была

доверена общественная безопасность и поддержание справедливости, не справляются с исполнением своих обязанностей! А кого Соединенные Штаты всегда призывают на помощь, когда их граждане оказываются в опасности – в любой точке света, – и никто больше не может или не хочет взять на себя ответственность за их защиту?!

Единым голосом – что одновременно было и крайне поразительно (с учетом людей), и крайне волнующе (с учетом ситуации) – моряки разом проревели:

– Военно-морские силы Соединенных Штатов, сэр!

Звук этот едва не сшиб всех нас, стоящих за мистером Рузвельтом, с ног, однако сам он лишь ухмыльнулся и потряс кулаком в воздухе.

– Верно! Надеюсь, что вы, моряки, будете драться честно, но также надеюсь, что драка эта будет суровой! Благодарю вас всех!

С этими словами мистер Рузвельт отступил в сторону, и снова заговорил мистер Кимболл:

– Офицеры берут носимое оружие, старшины и матросы – дубинки! Силу применять при столкновении с силой! Это военно-полицейская акция, джентльмены, – и я знаю, что вы будете вести себя соответственно. А теперь – разойтись по своим бортам!

С новым мощным ревом, на сей раз исполненным чистого возбуждения и жажды действия, моряки разбили шеренги, кинулись к торпедным катерам и попрыгали в них, тогда как механики уже выпускали громкие, шипящие струи пара из силовых установок каждого корабля. Лейтенант Кимболл провел нашу компанию на головной катер, где мы заняли место аккурат за рулевой рубкой. Заглушая нарастающий лязг паровых насосов, прогремел приказ к отходу, и тогда – как показалось, совсем внезапно, – гребные винты лодок начали взбивать воду залива, и мы рванули к реке – на такой скорости, какую я уж точно ни в жисть не видывал на воде, и от этого даже чуток оступился. Скорость катера все нарастала, воздух мощнее бил нам в лицо, и мистер Рузвельт сильной рукой обнял меня за плечи и помог держаться. Я улыбнулся ему и обернулся глянуть на другие две лодки позади.

Не знаю, смогу ли когда вообще описать чувство, охватившее меня в тот миг, хоть я уже и пытался не раз. Вид катеров за нами воодушевил меня просто не передать как, да еще в придачу – шум мощных двигателей нашего корабля: все эмоции утра и только что минувшего дня – не говоря уже о тех суровых и часто попросту устрашающих неделях, что им предшествовали, – внезапно исторглись у меня изо рта громким кличем, к которому присоединился и мистер Рузвельт. Снова глянув вперед, я узрел

тот самый Бруклинский мост, который мы пересекли какие-то полчаса назад и к которому теперь приближались на скорости, что начинала казаться просто невозможной. Видеть мост снизу было странно, словно во сне, особенно если учесть, как резво мы под ним проскочили; и все равно мы могли двигаться еще быстрее. Когда пронеслись мимо излюбленного места купаний Прыща-Немчуры, Фултонского рыбного рынка, и дальше к оконечности Манхэттена и Бэттери-парку, командир нашего катера дал сигнал полного хода, так что когда в виду появилась Леди Свобода, казалось, что острова ее мы можем достичь за считанные секунды.

Оглядывая остальных, я видел, что их тоже чрезвычайно впечатлила скорость и маневренность нашего удивительного кораблика: доктор, мистер Мур и Айзексоны по очереди засыпали лейтенанта Кимболла вопросами, зачастую с трудом различимыми за ставшим еще громче грохотом мощных моторов. У меня же никаких вопросов не было – только еще больше эмоций, таких же неодолимых, как и то плавучее оружие, на борту которого мы совершали сию поездку. Потом мы повернули на север, чтобы войти в воды Гудзона, и я узрел все те местечки побережья, где так часто предавался размышлениям о Кэт, и дал этим самым эмоциям волю, позволив слезам грусти, ярости и решимости смешаться с теми, что извлекал из глаз сильный поток воздуха, еще резче бивший нам в лицо.

– Теперь-то тебе не уйти от нас, Либби Хатч, – начал шептать я себе сквозь стиснутые зубы. – Не уйти от нас, не *уйти!*

Глава 55

Как доктор и предполагал, гигантское двухэтажное здание пирса линии «Белая звезда» обеспечило нам прикрытие, какого не могла дать обычная открытая верфь. Когда торпедные катера подошли ближе к 10-й улице, командир нашего командовал своему маленькому флоту замедлить ход, мы тихо приблизились к берегу, плавно проскользнули вдоль длинного зеленого навеса пирса и пришвартовались к сваям рядом с лестницами, что вели от воды ко входам в строение. Оставив примерно половину команд сторожить катера – однако взяв с собой всех дополнительных матросов, выделенных для сего задания, – мы быстро вскарабкались по ступенькам этих рискованных подступов, а потом пробрались на нижний этаж пирса: то было отделение выдачи багажа, огромное открытое пространство, обычно представляющее собой настоящий сумасшедший дом какой-то бешеной деятельности. Той ночью оно было пустым и вызывало весьма потустороннее чувство – и впервые мое ощущение того, что мы приступили к непреодолимой задаче, начало смешиваться со здоровой долей нетерпения. Немногих находившихся на месте охранников и чиновников «Белой звезды», похоже, предупредили о нашем прибытии, поскольку они помогли мистеру Рузвельту (чьё лицо и было единственным удостоверением личности, что требовалось ему в Нью-Йорке, а вскоре и во всех Соединенных Штатах – да что там, во всем мире!) и провели нас к главной двери, не задавая вообще никаких вопросов. По пути ко мне подошел доктор.

– Я не стал, – сказал он тихо, – заводить разговор о твоём внезапном отъезде из Боллстон-Спа, Стиви, учитывая события минувшего дня. Не стану и теперь. Прошу лишь об одном: пожалуйста, держись все время поближе к кому-нибудь покрупнее или получше вооруженному, нежели ты сам. Не то чтобы я сомневался в твоих способностях к самообороне, но эта женщина...

– Незачем говорить об этом мне, – ответил я, пытаюсь заверить и его, и себя заодно, когда мы покинули пирс и вышли во тьму на берег. – Я и не собираюсь выступить против нее в одиночку. Хотя и мог бы.

Доктор потянулся и быстро приобнял меня:

– Знаю. Но она – существо безграничной изобретательности. На самом деле, я надеюсь, хоть с этими силами мы будем как следует подготовлены.

По берегу скиталось несколько бригад портовых грузчиков, но они

сочли, что разумнее будет не связываться и не вступать в перепалку с пятьюдесятью, а то и шестьюдесятью вооруженными моряками, вид у которых был столь же целеустремленный, что и у нас. Мы решили держаться Вест-стрит, что на пять кварталов протянулась вдоль реки между пирсом и Бетьюн-стрит, предполагая, что Пыльники не ожидают никакого вторжения на свою территорию с этого направления, и мы сможем хотя бы приблизиться к укрытию Либби Хатч, не будучи обнаруженными. Однако не прошли мы и двух кварталов, как на другой стороне широкой улицы начали перемещаться какие-то таинственные темные силуэты. Поначалу они появлялись парами, но эти пары быстро переросли в целые группки – так поступают шелудивые худющие бродячие псы, когда примечают возможный источник пищи. Похоже, у них не имелось никаких предположений насчет нашего появления, поскольку вскоре до нас со всех сторон стали доноситься обычные идиотские шуточки: так члены банды попросту метили свою территорию, дабы известить всех животных о том, что она занята, уж я-то это знал; только к тому же я знал, что с учетом нашей миссии все это может быстро обернуться чем-нибудь намного хуже.

Когда мы достигли 11-й улицы, число теней возросло примерно до пятнадцати, и обнаглели они уже до того, что стали швырять в нашу сторону камни и бутылки. Мистер Рузвельт и лейтенант Кимболл не могли стерпеть такого поведения, что вскоре вполне ясно и продемонстрировали: лишь только приземлился первый снаряд, мистер Рузвельт рявкнул:

– Кимболл!

После чего лейтенант обратился к одному из своих офицеров:

– Капитан-лейтенант Симмонс! Возьмите десяток людей, сэр, и разберитесь с этим сбродом!

Нет, я вовсе не хотел вмешиваться и объяснять этим флотским ребятам, как им делать свое дело; вот только мне показалось, что это будет ошибочный шаг, ведь Пыльники наверняка не ожидают такого отпора, и его мощь вполне может навести их на мысль, что следят они не просто за какой-то командой матросов, сошедших на берег и направляющихся в город провести ночку за игрой и развратом. И все-таки то было немалое удовольствие – видеть, как командир одного из торпедных катеров и его отряд ускоренным маршем пересекают булыжную мостовую Вест-стрит, с личным оружием и дубинками наготове, и врезаются в ряды нанюхавшихся кокаина озадаченных Пыльников с такой решимостью, что последовавшее, вообще говоря, трудно было назвать дракой. Один или двое членов банды получили по доброй затрещине по башке, а еще парочка – быстрые удары в брюхо; остальные же, встревоженные видом пистолета капитан-лейтенанта,

попросту ретировались. Вот только, к сожалению, я слишком хорошо знал, что сбежали они обратно на Гудзон-стрит – захватить подкрепление и оружие и известить Гу-Гу Нокса с Динь-Доном о том, что здесь творится.

– Ну, началось, – нервно прошептал я, когда мы пересекли Вест-стрит у Бетьюн и к нам присоединился отряд, обративший в бегство первую шайку Пыльников. Неожиданно весь квартал и половина дома Либби Хатч показались мне слишком длинными, а завидев, как мисс Говард и Люциус извлекают свои револьверы, я решил держаться за ними. Сайрус же в это время сунул правую руку в карман сюртука и надел свой кастет: мы оба знали, что впереди скорее всего ждет нечто безобразное.

Мы видели, как из дверей и проулков северной части Бетьюн-стрит, равно как и со стройки нового здания «Телефонных лабораторий Белла» с нашей стороны выскакивают новые темные фигуры. Моряки, что были с нами, похоже, приняли всю эту суету за знак того, что Пыльники уже получили послание и больше не будут помехой; увы, нам, штатским, было виднее.

Как и большинство банд, Пыльники не жаловали потасовок, в которых не могли воспользоваться преимуществом как своего числа, так и оружия, и было вполне очевидно, что они попросту перегруппировываются, надо полагать, для стычки где-нибудь на Вашингтон-стрит. Причем этот сбор сил, как я знал, случится лишь после изрядного принятия марафета, а значит, когда мы столкнемся с бандой, они будут уже до такой степени не в себе, что, на их взгляд, смогут дать какой следует отпор всем Военно-морским силам США, не говоря уже о тех немногих, кои вступили сейчас на их территорию.

Впрочем, несколько долгих минут Бетьюн-стрит перед нами оставалась тихой и пустынной, и это показалось мне странным; нервы мои начало понемногу отпускать, и я позволил себе мысль о том, что, может, я попросту паникер.

Но, разумеется, я им не был.

Не успели мы добраться до перекрестка с Вашингтон-стрит, как они веером выстроились перед нами в широкую линию: больше Пыльников – общим числом шестьдесят, а то, может, и все семьдесят – чем я видел разом за всю свою жизнь. Динь-Дон призвал на подмогу толпу малолеток, и эти юные исчадия ада откалывали те же фокусы, что мы уже видали, когда впервые попали к Либби Хатч: колотили изрядными деревяшками по ладоням, полировали свои кастеты и выглядели так, будто лишь это и удерживает их от того, чтобы сразу ринуться на нас. В довершение всего глаза у каждого члена банды горели, как окна универсама «Маккрири»

вечером в четверг, а значит, я не ошибся, предположив, что, прежде чем выступить против нас, они как следует надерутся своей дрянью.

Предводителями сей крайне опасной на вид толпы были ГуГу Нокс и Динь-Дон, которые, похоже, уже уладили свою утреннюю размолвку – или, скорее всего, отложили одну хорошую прю ради другой, еще лучше. Динь-Дон, как обычно, ухмылялся, что твой идиот, – таким манером, который, к моему вечному недоумению, Кэт считала просто очаровательным. У Нокса же – несмотря на то, что выражение его лица и топорище в руке явственно говорили, что он ко всему этому готов – был такой вид, кой не менее явственно сообщал: он-то получше прочих соображает, с кем имеет дело. Сие было вполне объяснимо: будучи вожаком Гудзонских Пыльников, он не раз сталкивался с мистером Рузвельтом в бытность нашего друга полицейским уполномоченным, и знал – если встречаешь этого крепкого франта в очках, да еще и настроенного на неприятности, можно смело сказать, что все это никакой не блеф.

Нокс был жуткого вида мелким типом, с дикими глазами и, понятное дело, сильными руками, но при этом с такой бледной кожей, что казался настоящим привидением. В некоторой степени виной тому была его наследственность, однако по большей части – тот факт, что он почти никогда не видел дневного света: прежде чем основать Пыльников, он был членом Сусликов, еще одной наводившей страх, непредсказуемой кучки жестоких ирландцев, заправлявших Адской Кухней и получивших свое имя из-за того, что все свое время они проводили в окрестных подвалах, пьянствовали, кутили и творили все прочее, что в их досье сходило за «жизнь». Наружу они выбирались лишь по ночам, устраивали налеты на железнодорожные склады Вест-Сайда, затевали потасовки с другими бандами или предавались своей излюбленной уличной забаве: избивали до полусмерти полицейских и тибрили их форму, которую потом вручали подружкам в качестве трофеев. Именно потому, что многие Пыльники в прошлом были Сусликами, Управление полиции так опасалось этой новой банды: помимо привычки к налетам на вест-сайдские склады, Пыльники сохранили вкус Сусликов к нападению на людей в форме. Я не знал, касается ли сие пристрастие заодно и военно-морского обмундирования – но из выражения Ноксова лица той ночью заключил, что в этом можно даже не сомневаться.

– Мистер Рууузъ-вельт, – крикнул Гу-Гу, когда наш отряд подошел поближе к банде. – А я вот тут слыхал, вы в Вашингтоне, в лодочки, значит, играетесь. И что ж это вас завело на территорию Пыльников?

– Согласно моим последним данным, Нокс, – отвечал мистер Рузвельт, – нью-йоркский Вест-Сайд по-прежнему является частью территории Соединенных Штатов. Перед вами люди из Военно-морских сил США, и они здесь, чтобы помочь детектив-сержантам, – он указал толстым пальцем на Айзексонов, – исполнить свой долг.

– И что ж это за долг? – осведомился Нокс, хотя нетрудно было заметить, что ответ ему уже известен.

– Что это за долг – не ваше дело, – парировал мистер Рузвельт. – Вам и вашим... *последователям* лучше посторониться.

– Вы, мне сдается, не поняли, – объявил Нокс, оглянувшись с улыбкой на своих молодчиков, потом засопел и провел языком по верхней десне. Это был явный признак того, что он перебрал порошка: принимаемый таким образом наркотик приводит к онемению у человека верхней части рта, причем настолько, что приходится ежесекундно проверять, все ли там на месте. – Как я уже сказал, – продолжил он, – это территория Пыльников – сюда не заходят другие банды, сюда не заходят фараоны, сюда не заходит никто, если только не желает быть избитым.

– В самом деле? – уточнил мистер Рузвельт.

– Ага, – уверенно кивнул Нокс. – В самом деле.

– Что ж, – объявил мистер Рузвельт, пристально глядя на Нокса. – Боюсь, вы не заметили, что кое для кого из этого правила имеется исключение.

– Да? И кто же это может быть, ты, кусок...

С этими словами Нокс совершил неожиданно стремительное движение и попытался взмахнуть топориком перед мистером Рузвельтом – но то была большая ошибка. Со скоростью, всегда удивительной для его размеров и полноты, мистер Рузвельт выхватил у Нокса деревяшку, отчего глаза у всех Пыльников полезли на лоб. Следующим быстрым жестом мистер Рузвельт нанес этим орудием страшный удар Гу-Гу по голове.

– *Это* может быть федеральным правительством Соединенных Штатов! – взревел мистер Рузвельт, а Нокс рухнул на колени, завывая, точно раненый зверь.

Прочие Пыльники сделали пару шагов вперед, словно собираясь напасть; но они были еще слишком озадачены, чтобы предпринять какие-то определенные действия. Впрочем, я не сомневался, что вышеуказанная ситуация надолго не затянется – и потому дернул доктора за рукав, кивнул в сторону реки и попытался сообщить ему, что здесь вот-вот приключится самое настоящее побоище, а пока оно будет бушевать, нам лучше вернуться на Вест-стрит и подобраться к дому Либби Хатч с другой стороны. Он все

понял, и пока моряки смыкали ряды и готовились отразить грядущую атаку, весь наш отряд начал медленно отходить – ну, то есть весь за исключением Сайруса, который уставился на Динь-Дона и не стронулся с места.

С каждой секундой напряжение в воздухе все сгущалось; потом Нокс с окровавленным лбом оклемался, глянул на своих парней и заорал:

– Ну? Какого черта вы ждете?

И тут наконец грянула буря. Цельной орущей стеной Пыльники кинулись в атаку, и моряки поступили точно так же. Обе стороны смешались столь быстро, что использовать пистолеты с самого начала не мог ни один из противников. Это было противоборство кулаков и палок, ясное дело, и оно, пожалуй, могло заполнить весь квартал – так что нам надо было сматываться, да поживее.

– Бежим! – сказал я мистеру Муру, он кивнул и вместе с детектив-сержантами рванул на запад. Но мисс Говард с доктором попятнулись, дожидаясь Сайруса.

– Сайрус! – скомандовал доктор, пока мисс Говард со своим «кольцом» прикрывала нашего большого друга. – За нами, немедленно!

Но Сайрус не собирался подчиняться ничьим приказам: лишь только началась драка, он кинулся и схватил Динь-Дона за рубаху, буквально оторвал его от земли и отшвырнул футов на шесть за линию наших моряков, туда, где на помощь ему не мог прийти никто из дружков. Тяжело брякнувшись оземь, Динь-Дон выронил палку, и Сайрус быстро пнул ее прочь. Потом он поднял Динь-Дона на ноги и провозгласил:

– Никаких палок, никаких ножей, никаких револьверов – и я к тому же не четырнадцатилетняя девочка. А теперь посмотрим, на что ты способен.

И с этими словами принялся избивать Пыльника, который что было сил старался прикрыться и заодно как-то ответить ему своими ударами.

Доктор вздохнул и обернулся к мисс Говард.

– Придется его оставить, Сара, – тут сводятся счеты. С ним все будет в порядке, но нам надо идти!

Неохотно кивнув, мисс Говард направилась было к западу, но глаз с Сайруса не сводила – и очень правильно, поскольку, едва мы двинулись прочь, два Пыльника умудрились прорваться из гущи драки на улицу и устремились Динь-Дону на подмогу. У обоих были железные прутья, обернутые в мешковину, а Сайрус находился к ним спиной, так что бандиты могли ударить исподтишка.

Но мисс Говард спокойно обернулась к сражению, подняла «кольт» и, удерживая его обеими руками, дважды выстрелила. Разрывы громогласным

эхом отразились от стен домов и бульжной мостовой. Когда дым рассеялся, оба Пыльника со своими прутьями лежали на земле, каждый хватался за раздробленное колено. Мисс Говард улыбнулась и, убедившись, что Сайрус теперь вполне мог продолжать свои дела с Динь-Доном, последовала за нами.

Заметив, что я с изумлением уставился на нее, она сообщила только:

– Говорила я тебе, Стиви, – ничто так не напоминает мужчинам о хороших манерах, как пуля в ноге! – и кинулась со мной к Вест-стрит.

Теперь вопли ярости и боли разносились уже по всей округе; и когда наша шестерка обогнула угол Банк-стрит, стало казаться, будто на Бетьюн разверзся самый настоящий ад. От сего действия держались поодаль даже портовые грузчики, а местные обитатели позакрывались на все замки у себя по домам: по дороге на Гринвич-стрит мы слышали, как гремят запираемые засовы. Но в целом эффект от этой схватки оказался полезным – ведь, снова свернув на север и приблизившись к Бетьюн-стрит, мы не заметили окрест ни единого Пыльника: все они отвалили поближе к «веселью». Это открыло нам западный подступ к дому Либби Хатч, и спустя считанные секунды мы уже были там.

– Сдается мне, – запыхавшись, выпалил доктор, – что стучать без толку. Детектив-сержанты?

Маркус быстренько извлек фомку и просунул ее под косяк, аккуратно справа от дверной ручки. Они с Люциусом взялись за эту штуковину и приготовились рвануть ее всем своим весом и силой.

– Когда мы потянем, – сказал Маркус, потя уже не меньше, чем брат, – вы разом постарайтесь надавить на дверь. А вы, Сара, лучше держите «кольт» наготове.

Мисс Говард, повинаясь просьбе, отступила, а мы с доктором и мистером Муром сгрудились у двери, напирая на каждый ее доступный участок.

– Собрались? – спросил Маркус, и все мы утвердительно промычали в ответ. – Ну хорошо, тогда – раз... два...

При счете «три!» они с Люциусом с силой потянули ломик, а мы навалились на дверь. Старый косяк почти сразу начал разламываться и трескаться – и еще через пару добрых рывков и ударов правая сторона полностью развалилась. Маркус пинком распахнул дверь, и все мы резво шагнули в сторону, чтобы мисс Говард могла немедленно навести свое оружие...

В пустоту. В узком проходе в дом не было никаких признаков жизни, лестница по правую руку вела во тьму, где человеческая деятельность

также отсутствовала. Мисс Говард вошла первой, по-прежнему направляя «кольт» в темноту, за ней – остальные, напуганные, конечно, но при этом страшно разочарованные.

– Не может быть, – прошептал доктор. – Не может быть, чтобы она снова ускользнула...

Мы осторожно прошли в темный дом и начали рассредоточиваться, Люциус извлек револьвер и сделал пару шагов вверх по лестнице. Он бы поднялся и дальше, в сопровождении мистера Мура и Маркуса – но вдруг мы услышали, как в гостиной хлопнула дверь. Она в той комнате была только одна такая, это я помнил с прошлого визита.

– Дверь в подвал, – зашипел я, и эта троица спустилась с лестницы.

Снова по счету Маркуса мы ворвались в гостиную под предводительством Люциуса и мисс Говард.

Но поначалу в комнате было слишком темно, чтобы хоть что-то различить, не считая общих очертаний ближайшей к нам мебели и входа в кухонный коридор в глубине. И потому голос, донесшийся из полумрака, напугал еще больше:

– Теперь уже не важно, – очень тихо произнесла Либби Хатч. – Вы нашли способ пробраться в дом – но никогда не найдете то, за чем пришли.

Люциус раскрыл было рот, словно собираясь объявить этой женщине, что она арестована, но доктор тронул его руку и спокойно заговорил:

– Послушайте меня, Элспет Фрэнклин, – вам не обязательно встречать смерть...

Но Либби лишь сплюнула и выругалась:

– Будьте вы все прокляты!

И тут мы увидели, как в коридоре, ведущем в кухню, быстро шевельнулась тень. Всего лишь мгновенный смазанный силуэт – за которым, к нашему растущему недоумению и расстройству, последовал топот ног вверх по ступеням.

– Лестница, – бросил доктор. – Там лестница черного хода!

– Вот убей бог – не видел ее там! – выпалил я.

– Она могла устроить замаскированный проход, – предположил Маркус, – когда нанимала Бейтса перестраивать подвал.

– Проникнуть в который, несомненно, будет так же сложно, как и в каморку внизу, – взволнованно кивнул Доктор. – Тогда быстрее – Маркус, вы, Люциус, и Мур, вниз! Посмотрите, как можно вломиться в эту комнату! Сара, вы со Стиви идете со мной!

С улицы до сих пор доносились отзвуки драки; все мы кинулись в указанных направлениях – мужчины вниз по подвальной лестнице, а я и

мисс Говард – вслед за доктором наверх, мимо второго этажа, на третий. Там обнаружилась стальная стремянка, ведущая к люку в потолке. Мисс Говард взобралась первой, открыла крышку люка и постаралась как можно быстрее выскочить на крышу.

Нам бы стоило как следует подумать, прежде чем преследовать такого умного врага, как Либби, столь очевидным способом. Наверх я выбрался последним, и потому мне было трудно разглядеть, что же случилось потом, но позже доктор мне все пересказал. Едва мисс Говард высунула голову из люка, как ее тут же сильно ударили пистолетом, от этого удара она выронила «кольт» (который упал на пол у стремянки) и немедленно потеряла сознание. С поразительной силой – разумеется, возросшей от безнадежности положения, – наша противница затащила тело мисс Говард наверх через люк, положила на просмоленную крышу и направила свой пистолет на доктора:

– Кому как не вам понимать, что я им воспользуюсь, доктор Крайцлер! – услышал я голос Либби. – А теперь давайте сюда, наверх – и двигайтесь очень медленно.

Пока доктор поднимался, я сообразил, что сейчас она меня не видит; тогда я бросился вниз, схватил оружие мисс Говард, сунул его в штаны и прикрыл рубахой, чтобы создать видимость того, что я по-прежнему не вооружен. А потом заспешил обратно к лестнице, надеясь не разуверить Либби в том, что времени на всякие фокусы у меня просто не было.

Это сработало. Как только доктор выбрался на крышу, я увидел, как золотые глаза Либби – уже расширенные и дикие – показались в люке и уставились на меня.

– Ты тоже, мальчик, – сказала она, со всей очевидностью не зная, что теперь я при оружии. – Залезай!

Я повиновался, стараясь двигаться медленно и по возможности естественно, чтобы не выпал «кольт». Когда я выкарабкался из люка, Либби захлопнула его и, целясь поочередно то в доктора, то в меня, свободной рукой оттащила тело мисс Говард на крышку, так что снизу теперь открыть его было непросто. Затем выпрямилась, не переставая переводить ствол с меня на доктора, явно пытаясь сообразить, что теперь делать – я впервые видел ее такой безумной и взвинченной.

– Который же, который, – бормотала она, потом схватила доктора за руку и приставила дуло к его голове. – Руки вверх. И ты, мальчик, тоже, и не шевелись, если хочешь, чтобы великий мозг твоего доктора остался цел!

Я оглянулся, увидел, что мисс Говард, хоть и без сознания, но дышит нормально, и наполовину приподнял руки: еще чуть выше, и обнаружился

бы «кольт», заткнутый за пояс штанов. Убедившись, что и я, и доктор ведем себя так, как нам велено, Либби, похоже, немного расслабилась: сначала одной рукой поправила волосы, потом платье – то же самое, с красным и черным кружевом, в котором мы видели ее в первый раз.

Тут ее безумный вид сменился чем-то, почти похожим на сожаление.

– *Зачем?* – спросила она, глядя на доктора.

– Мне стоило сообразить, что все окажется настолько очевидно, – отозвался тот, не опуская рук.

Но прежде чем Либби успела ответить, с улицы донеслись особенно громкие вопли и крики, и она обернулась на звук.

– Слышите? – выпалила она. – Это все *ваша* вина – всех вас! Ничего этого не должно было случиться!

– Если бы мы позволили вам и дальше убивать детей, хотите сказать? – уточнил доктор.

– Убивать их? – возмутилась Либби, явно оскорбившись. – Все, что я делала, все, что я вообще пыталась делать – *помогала* им!

Доктор покосился на нее:

– Не сомневаюсь, в некотором роде вы этого и хотели, Элспет Фрэнклин, – тихо произнес он.

Она кивнула, в золотистых глазах показались слезы, но вдруг она злобно топнула ногой.

– Если вы в этом не сомневаетесь, то зачем тогда меня так *травите*?

– Послушайте меня, Элспет, – продолжал доктор. – Если вы сдадитесь, то, возможно, получится вам помочь...

Голос Либби стал холодным и неприятным:

– Ну разумеется – попасть на *электрический стул*, лживый ублюдок!

– Нет, – по-прежнему тихо настаивал доктор. – Я могу помочь вам. Я могу постараться объяснить властям, почему вы все это делали...

– Но я ничего не делала! – выкрикнула Либби с новым отчаянием. – Неужели вы не *видите*? – Потом она прервалась, изучая докторово лицо. – Нет. Нет, конечно же, вы не можете. Вы *мужчина*. Куда уж *мужчине* понять, какова была моя жизнь, – почему я вынуждена была делать тот выбор, что делала? Что, по-вашему, я всего этого *хотела*? В том, что это случилось, моей вины нет!

Я решил, что единственный способ достать «кольт» – попытаться еще больше расстроить эту женщину, вывести ее из себя; и, понимая прекрасно, что доктор этого не одобрит, я начал издеваться над ней:

– Да ну? А как же младенчик, которого вы закопали вместе с собакой? Чья в этом вина?

– Заткнись! – взъярилась она. – Ты даже не мужчина – еще мальчишка! И понимаешь ты только свои проклятые потребности, свои проклятые *желанья*! Женщина, наверное, с ног сбивалась, выращивая тебя – и чем ты отплатил ей, не считая плевков в лицо? Непослушанием, нытьем и... – Крепче сжав пистолет, Либби еще возбужденнее, чем прежде, уставилась на меня своими золотыми глазами. – Хочешь знать про мальчика в могиле, да? Я о нем не просила, и я его не хотела. У меня был кавалер – приличный парень из семьи с немалым положением в этом мире, парень из тех, кого я могла бы привести домой к матери, доказать, что я могу... я могу... – Голос ее начал сбиваться, Либби на мгновение опустила взгляд на просмоленную крышу. – Он бы сделал для меня все, что угодно. И я делала для него все – но когда его семья все узнала, и они не... – Она быстро подняла глаза. – И я осталась с его лживым, грязным *семенем* внутри! Не было ничего дурного в том, чтобы предотвратить позор! Кем еще он мог стать, кроме как ублюдком – новой, еще *большей* моей ошибкой? Так что я поступила *правильно* – но даже не могла никому об этом *рассказать*!

Завидев, что мой план дает нужные результаты, я продолжил давить на нее:

– А когда вы застрелили Мэтью, Томаса и Клару? Этого, я думаю, вы тоже не хотели – палец случайно скользнул на курок, или они сами *попросили* вас пристрелить их...

Доктор ошеломленно и встревоженно вытаращился на меня:

– Стиви, что ты...

Но я не обратил на него внимания.

– С *этим-то* как? – резко продолжал я. – Выходит, и *тогда* поступили *правильно*?

Дыхание Либби участилось, она крикнула:

– Так было *лучше* для них! Думаешь, я *хотела* убивать их? Для них было лучше покончить с этим миром...

– Ну да! – завопил я в ответ. – Лучше, чтобы вы могли забрать их деньги и сбежать со своим дружкой-проповедником!

– *Заткнись!* Проклятые дети, *неужели* ни один из вас вообще не способен просто *заткнуться*? – Тяжело хватая воздух, Либби без особого успеха пыталась взять себя в руки. – Ты знаешь, к чему это ведет! Я тебя предупреждала, и теперь я тебе покажу!

Уставившись на меня таким взглядом, каким, наверное, она смотрела на всех этих детей, прежде чем убить их, она подняла пистолет и ударила им доктора по голове; он упал – сознания не потерял, но из раны над виском потекла кровь. И этот ее зверский поступок дал мне то самое

нужное время: Либби рванула доктора за воротник, поднимая его на ноги, обернулась и обнаружила, что я нацелил на нее «кольт» мисс Говард.

– Ладно, – проговорил я, сердце мое колотилось как бешеное. – Хочешь убивать людей – валяй! Но обещаю – ты станешь *следующей*.

Глава 56

Она смотрела на меня с тем же выражением, которое появилось у нее, когда мистер Пиктон объявил, что мы знаем о могилке за хлевом на ферме ее семьи: удивленно и потрясенно. Мне снова показалось, что в подобном положении ей доводилось оказываться нечасто – и я знал, что сейчас она может выкинуть что-нибудь непредсказуемое. Но в рукаве у меня крылась моя личная карта непредсказуемости, и я собирался ее разыграть.

В глазах Либби плясали злоба и страх, рот ее сначала сжался, потом раскрылся, она помедлила, потом наконец проговорила:

– Я убью его! Клянусь, убью!

Я кивнул в ответ:

– Знаю. Вопрос лишь в том, захочешь ли сама отправиться вслед.

– А какой у меня выбор? – выкрикнула женщина. – Будь ты проклят, ты такой же, как все, – ты не оставляешь мне *выбора!*

– Я дам тебе выбор. Ты отпускаешь доктора и бежишь. Мы гнаться не станем.

Доктор, все еще слегка пошатываясь от удара по голове, казался озадаченным не меньше Либби Хатч.

– Стиви, о чем ты говоришь?

Я вновь оставил его без внимания.

– Ну? – повторил я, не сводя глаз с Либби.

Она принялась уже было обмозговывать сказанное – соблазн был велик. И тут ко мне пришла неожиданная подмога – внизу на улице загромыхал голос мистера Рузвельта:

– Они отступают! Лейтенант Кимболл! Отрядите часть ваших людей – я хочу арестовать Нокса!

На этом я позволил себе слегка улыбнуться:

– Слышишь? – спросил я и кивнул в сторону края крыши. – Твой приятель Гу-Гу рвет отсюда когти. Так что же? Будешь умницей и сбежишь вместе с ним?

– Откуда мне знать, что вы не станете меня преследовать?

Следующая часть моего спектакля обязана была показаться безупречной: я глубоко вздохнул, посмотрел ей в глаза и промолвил:

– Можешь взять этот револьвер. Больше у нас ничего нет.

Доктор был не настолько ошеломлен, чтобы этого не понять.

– Нет! – крикнул он. – Стиви, не надо...

Но Либби его перебила:

– Сначала положи его сюда.

Я покачал головой:

– Это ты отпусти его. Пусть отойдет на два шага. А потом уже я.

– Стиви, – настаивал доктор, – не верь...

И осекся, когда Либби с силой прижала дуло к его голове.

– О да, все верно, не так ли, доктор? Вы не верите Либби – нельзя доверять женщине. Она нарушит свое слово. Она выстрелит вам в спину. Она ведь как-никак убила родных детей, разве нет? И всех тех, других, заодно. Как вообще можно верить человеку, способному на такое? Так вот что я скажу вам, доктор Крайцлер... – Либби на пару дюймов отвела пистолет от головы доктора и слегка помедлила, словно все это уже начало ее доставать. – Вот что я вам скажу, – повторила она; голос ее смягчился и как будто обрел невозмутимость. – Для этих детей я делала все. Со своими я прошла через муки рождения. С чужими я прошла через долгие, бессонные, бесконечные ночи заботы. Кормила, мыла, меняла пеленки... и ради чего? Ради чего, доктор? Они вечно ревели. Они вечно болели. Они вечно в чем-то нуждались. – Свободной рукой Либби вцепилась себе в волосы, лицо и голос ее наполнились по-настоящему безысходной яростью и мукой. – Нуждались – всегда нуждались. Этому не было конца. Я делала все, что могла, все, но этому не было конца! Но ведь должно было хватить. Я делала все, что могла, – и этого должно было хватить! Но так ни разу и не хватило... ни разу. Так что – не понимаете? Им становилось лучше, когда я... – Она опустила глаза и пробормотала: – Тогда они уже ни в чем не нуждались... – Потом резко встряхнулась, подняла взгляд, в ее глаза внезапно вернулся золотистый свет умной убийцы. – Хорошо, мальчик. Он делает два шага, потом ты кладешь оружие.

Я кивнул:

– Заметано.

Доктор еще раз попытался остановить меня:

– Стиви, не делай этого...

– Ну же, доктор. – Либби почти хихикнула своим самым зловещим голосом. – Делайте свои два шага...

Доктор тронулся с места; пистолет Либби по-прежнему был нацелен прямо ему в голову. Когда он отошел на достаточное, на мой взгляд, расстояние, я нагнулся и положил револьвер мисс Говард на просмоленную кровлю.

– Стиви, – вновь вмешался было доктор; но я лишь взглянул на него, надеясь, что он сможет прочесть все по моим глазам. Заняло это у него

секунду или две, но в конце концов он все понял, замолк и кивнул.

– Хорошо, – заявила Либби. – Подтолкни его.

Я сделал, как она велела. «Кольт» остановился прямо у ног Либби, она быстро наклонилась и подняла его. Потом снова встала – но не кинулась прочь и не опустила свой пистолет.

– Вообще-то, доктор, – сообщила она с одной из своих самых хитрых, соблазнительных улыбочек, – вы были вполне правы. – Она взвела курок, револьвер громко щелкнул. – Я не собиралась позволять никому из вас...

Закончить она так и не успела. Ночной воздух прорезал тихий свист, я подскочил к доктору, обхватил его за ноги и дернул вниз. Раздался выстрел, но пуля с громким лязгом угодила в железную печную трубу соседнего дома. Мы с доктором подняли головы.

Улыбка Либби уже померкла, но глаза все еще были открыты, она по-прежнему сжимала дымящийся револьвер. Из ее шеи торчала добрая половина маленькой грубо выточенной стрелы, и я знал, что даже еще не рухнув, она, вполне вероятно, уже мертва: стрихнин мог убить раньше, чем успеют расслабиться мышцы ног. Через секунду-другую она и рухнула – сначала на колени, потом, после новой паузы, на бок.

Мы с доктором немедленно кинулись к ней, и я позаботился быстренько извлечь пистолет из ее руки. Доктор же приподнял ее голову и осмотрел глаза, затем пощупал пульс на шее. Он, видимо, что-то почувствовал, потому что произнес:

– Элспет? Элспет Фрэнклин?

Когда последний воздух покинул ее легкие, Либби смогла выговорить только «вечно нуждались». Потом ее не стало, и доктор своей рукой в последний раз закрыл эти золотые глаза.

Не знаю, сколько мы там вдвоем проторчали на корточках, глядя на нее, – знаю только, что окончательно привел нас в себя стук из-под крышки люка.

– Сара? – мистер Мур орал внизу, у закрытого лаза. – Стиви, Крайцлер, – что там у вас за чертовщина творится, с вами все в порядке?

Крышка и тело мисс Говард слегка подпрыгнули – мистер Мур пытался попасть наверх; от этого толчка мисс Говард начала приходить в себя – сперва застонала, потом, открыв глаза, перевернулась и с тихим ворчанием плюхнулась на саму крышу.

– Сара! – торопливо вмешался доктор, быстро опустил тело Либби Хатч и подбежал туда, где лежала мисс Говард, – как раз в тот момент, когда из люка показался и выскочил мистер Мур.

– Иисусе милосердный! – пробормотал он, оглядывая сию картину. –

Что тут, черт возьми, было?

Не обращая внимания на вопрос, доктор извлек из кармана платок, приподнял плечи мисс Говард и положил ее к себе на колени, после чего принялся вытирать и осматривать то место, куда ее ударили, и вскоре убедился, что рана несерьезна. Аккуратно потирая ее щеки и осторожно похлопывая по ним ладонью, он наконец добился того, чтобы мисс Говард сосредоточила на нем взгляд.

– Доктор, – выдохнула она, огляделась и робко попыталась шевельнуться. – Что случилось... где...

Крайцлер удержал ее:

– Спокойно, Сара, – с улыбкой сказал он, убирая волосы с ее лица, а мы с мистером Муром встали рядом. – Все кончено. По крайней мере, эта часть.

И повернул мисс Говард так, чтобы, не слишком вертя головой, она увидела тело Либби.

– Она... мертва? – спросила мисс Говард, и, несмотря на то, что держалась она еще не совсем твердо, я различил в ее голосе слабую тень грусти.

– Да, – осторожно ответил доктор, видимо понимая, каково ей.

Мисс Говард еще несколько секунд смотрела на тело, потом, содрогнувшись, издала звук, в котором будто слились затрудненный выдох и глубокий всхлип. Затем повернула к нам голову, и я заметил слезинку у нее на щеке.

– Простите, – прошептала она, смахнув эту каплю так быстро, как только могла. – Я знаю, я не должна...

Доктор шикнул на нее и еще раз мягко растер ей щеки.

– Не извиняйтесь. Сейчас кто-то *должен* прослезиться. – Помедлил, потом оглянулся на Либби Хатч. – Вот только, признаться, я не могу. Я не могу...

Вдруг мисс Говард что-то озадачило:

– Но... – выговорила она, пытаясь сесть, – кто...

– Это и мне хотелось бы знать, – заявил мистер Мур, косясь на нас с доктором.

– Взгляните на ее шею, – посоветовал я.

Мистер Мур осторожно прошел по крыше, словно Либби все еще могла вскочить и наброситься на него, тщательно осмотрел тело и кивнул.

– О... так значит, это все-таки наш абориген. – Он подобрал «кольт» мисс Говард и оглядел близлежащие крыши. – Где он?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Уже довольно далеко и

останавливаться не собирается, я надеюсь.

– Что ж, нам лучше забрать эту стрелу, – отозвался мистер Мур, аккуратно наклоняясь, чтобы извлечь сей предмет из шеи Либби. – Мне бы не хотелось объяснять ее Рузвельту, – добавил он и швырнул стрелу через край крыши на задний двор. – Не сомневаюсь, сия загадочная рана сможет сбить с толку любого тупицу-коронера, нанятого полицией. – Он быстро пересек крышу и бросил на меня вопросительный, но одобрительный взгляд: – Вы вдвоем это спланировали, Стиви?

– Ну, не то чтобы мы это прямо так и *планировали*, – ответил я.

Доктор посмотрел на меня, и в легкой улыбке его отразились неуверенность и гордость.

– Твои инстинкты игрока, похоже, никак не излечить, Стиви.

– Это была не игра, – ответил я. – Если, конечно, вы бы знали его так, как я.

Мисс Говард, чье сознание прояснилось, прикоснулась к испачканному кровью лицу доктора.

– Вы ранены.

– Тоже благодаря нашему юному другу, – заметил доктор, кивнув на меня. – Но ничего серьезного – это, кажется, тоже входило в план Стиви.

– Эй, минуточку! – быстро запротестовал я. – Я ж не знал, что она и вправду вам *врет*...

Но доктор уже поднял руку:

– Оно того вполне стоило – подобающее наказание за сомнения в твоих знаниях этих вопросов. – Потом эти черные глаза взглянули на меня посерьезнее. – Правда, Стиви. Это был блестящий ход.

Будто чтобы подчеркнуть сие замечание, мистер Мур потрепал меня по голове, а мисс Говард улыбнулась – все это, разумеется, относилось как раз к тому вниманию, от которого у меня по коже всегда бегали мурашки. К счастью, я быстро додумался сменить тему:

– А что с Анной? – спросил я, глядя на мистера Мура.

Его лицо внезапно вытянулось.

– О боже, – пробормотал он в ужасе. – Да, Анна. – И посмотрел на доктора и мисс Говард. – Вы сможете спуститься?

Мисс Говард начала с трудом подниматься на ноги.

– Думаю, да. – Наконец она встала. – Но зачем, Джон? В чем дело?

Мистер Мур, все с тем же, как говорится, загадочным видом покачал головой:

– Я бы рассказал. Но вы ни за что не поверите.

Глава 57

Когда мы спустились на первый этаж, уличные события уже вроде бы чуток подутихли, и, судя по одобрительным возгласам наших моряков, они, похоже, действительно вышли из схватки победителями. Едва мы миновали входную дверь, оттуда появился Маркус и подтвердил, что Пыльники бежали с поля боя – каковой результат ему тоже оказался весьма по душе. Мне пришлось испортить всем удовольствие и сообщить, что, даже исчезнув на время, Пыльники скорее всего вернутся – вскоре, большим числом (вероятно, созовут новое подкрепление) и в лучшей готовности, то есть – при огнестрельном оружии.

– С чего ты взял, Стиви? – осведомился мистер Мур, высунул голову за дверь и осмотрелся. – Эти морячки отделали их на совесть – сомневаюсь, что они пожелают вернуться за добавкой.

– Им придется, – объяснил я. – Мы напали в самом сердце их владений. Оставь они все как есть – потеряют территорию, ее займет любая соседняя банда. Это признак слабости, а они такого позволить себе не могут.

– Логика Стиви снова безупречна, – заметил доктор. – Не будем забывать, что этот мир он знает куда лучше любого из нас. Маркус, советую разыскать Рузвельта. Скажите ему, чтобы забыл об аресте Нокса или кого другого. Просто пусть отрядит людей забрать тело Либби Хатч с крыши. Тогда мы вернемся на катера.

Маркус кивнул и обратился к мистеру Муру:

– Поведете их вниз, Джон? – Мистер Мур тоже кивнул, ни слова не говоря, и тогда Маркус повернулся ко мне: – На разгадку меня навел сад, Стиви. Помнишь, каким он казался запущенным? И какими заброшенными, по твоим словам, выглядели те инструменты внизу?

Я озадаченно нахмурился:

– Ну и?

– Так вот, – объявил детектив-сержант, направляясь к выходу, – на то была причина.

Еще больше недоумевая от сего замечания, доктор, мисс Говард и я последовали за мистером Муром к подвальной двери, а потом и вниз, в пыльную пещеру.

Горела одна электрическая лампочка, и было видно, что все сохранилось примерно таким же, каким осталось после моего прошлого

ночного визита: иными словами, никаких признаков вскрытия потайной двери не было и в помине, что удивило не только меня самого, но и мисс Говард с доктором.

– Мур, – протянул доктор. – Я-то думал, вы имели в виду...

Мистер Мур протестующе поднял руку:

– Мы снова все закрыли для пущего эффекта, – сообщил он, проходя мимо полка с консервами к куче старых и ржавых садовых инструментов. – Мы как могли пытались сдвинуть эту штуку вручную, – указал он на полки. – А на самом деле ты и сам мог запросто ее стронуть, Стиви, если бы только попытался втиснуть туда что-нибудь кроме той дряхлой мотыги.

– К чему это вы? – опешил я, не понимая намека. Мистер Мур указал на два самых длинных орудия – лопату и железные грабли, стоящие бок о бок.

– Открываешь, – кивнул он на лопату. – И закрываешь, – и коснулся граблей.

– Мур, на игры у нас нет времени, – вмешался доктор. – О чем вы, черт побери, толкуете?

Вместо ответа мистер Мур воздел палец, потом взялся за черенок лопаты. Но от его прикосновения инструмент не покинул своего места – вместо этого он повернулся вокруг какой-то оси на полу, к которой, похоже и крепился. А когда мистер Мур наклонил орудие к этой оси – вот те на! – полка с консервами поползла будто сама собой: отъехала от разделяющей кирпичной стены к печи и явила нору в три квадратных фута, ведущую вниз, через каменную дверь, прямо в подземелье под зданием.

– Боже мой, – прошептала мисс Говард, подходя к дыре. Мы с Доктором, лишившись от изумления дара речи, последовали за ней.

– Достаточно велика, чтобы пробрался средний взрослый, – объяснил мистер Мур и подхватил один из переносных фонарей Айзексонов, что лежал неподалеку. – Равно как и проход.

– Проход? – переспросил доктор.

– Идемте, – позвал мистер Мур, спускаясь на несколько ступенек по железной лестнице, прикрученной к стенке глубокой шахты, что вела вниз от дыры. – Я покажу.

И исчез под землей, а мы нервно переглянулись.

– И почему это у меня нет никакого желания туда лезть? – тихо проговорил я.

– Тебе и без того пришлось ой как несладко, Стиви, – ответила мисс Говард, положив руку мне на плечо. – А там, внизу, приятного может оказаться мало.

– Если решишь подождать здесь, все поймут тебя правильно, – подтвердил доктор.

Я покачал головой:

– Ну нет. Я хочу это увидеть, но... – Пытаясь унять зверскую дрожь, я шагнул на лестницу. – О черт, куда уж тут хуже?

И, осторожно перемещаясь, последовал за фонарем мистера Мура, который, кажется, замер футах в пятнадцати ниже.

– Подожди секундочку, Стиви, прежде чем спускаться окончательно, – крикнул мистер Мур, – я отойду в боковой проход. Все остальные должны поступить точно так же.

– В боковой проход? – эхом повторил я.

– Увидишь, когда слезешь.

И я увидел. У основания шахты, стены которой состояли из грубого бетона, имелся проход в узкий тоннель, уводящий в сторону. Он был достаточно высок, чтобы человек мог пройти, согнувшись, так что можно было вроде как пробежать по нему без особых заминок. Я спустился, и мистер Мур отвел туда сначала меня, а потом и мисс Говард с доктором. Потом он повернул фонарь, по моим прикидкам, в направлении заднего двора, и оказалось, что этот лаз – тоже бетонный – тянется еще на сорок футов. Запах там стоял затхлый, но вовсе не настолько спертый, каким по идее должен был оказаться.

– Тут сквозняк? – спросила мисс Говард, облизнула и подняла палец.

– Становится почти бризом, – отозвался мистер Мур; в свете фонаря его лицо напоминало тыкву в канун Дня всех святых, – когда доберешься до другого конца.

– Но откуда ему здесь взяться? – удивился доктор.

– Все это – часть сюрприза, Ласло, – заявил мистер Мур и двинулся по туннелю к слабому отблеску света, озарявшему дальний конец. Потом сложил свободную руку чашечкой и поднес ко рту: – Люциус! Вы еще там?

– Да, Джон, – донесся в ответ шепот Люциуса. – Только тише вы, черт возьми!

Мы пошаркали дальше, сгорбившись, что твои горняки, и по пути меня осенило:

– Но я не слышу детского плача! – мрачно изрек я.

– Вот именно, – подтвердил мистер Мур тем же загадочным тоном, что и на крыше. – Не слышишь.

Еще через несколько секунд мы достигли конца тоннеля и оказались у маленькой деревянной двери. Она была чуть приоткрыта, а из щели струился свет, который мы заметили раньше. Оказалось, что дверь эта

ведет в новую комнату – и когда мы собрались перед ней, меня трясло пуще прежнего. В голове начали сами собой всплывать картинки пыточных камер в подземельях замков: дыбы, железные девы, раскаленные утюги, грязь и крысы – кто знает, чем Либби Хатч могла воспользоваться для воспитания непослушных похищенных деток? Я уже было засомневался, не стоило ли все же остаться и подождать наверху – но вновь подавил сии колебания.

– Ну вот, – объявил мистер Мур. – Все готовы? – Никто не сказал «да», но никто не сказал и «нет», и мистер Мур принял это за знак к продолжению. – Тогда за мной.

Он распахнул дверцу, и мы вошли в комнату.

Первым, что здесь бросалось в глаза, был свет – яркий свет, испускаемый не голыми электрическими лампочками, а весьма симпатичными маленькими светильниками, которые стояли на паре деревянных ночных столиков и комодике, выкрашенном в нежно-розовый цвет. Стены покрывали узорчатые обои с маленькими картинками улыбающихся зверюшек на белом фоне. Обои отражали свет ламп и делали ослепительный свет еще резче – особенно если войти из темного тоннеля. Как мистер Мур и говорил, тяга, которую мы ощущали поначалу, превратилась при входе в комнату будто бы в бриз, причем и впрямь весьма освежающий: как он объяснил нам, его производили электрические вентиляторы внутри небольших вентиляционных шахт, что выходили на задний двор и тянули воздух оттуда. Напротив комода у другой стены расположилась хорошенькая колыбель с белым кружевным пологом. В третью стену была вмонтирована застекленная оконная рама, а за ней какой-то талантливый художник изобразил тихую пасторальную сцену, напоминавшую о покатых холмах и обширных пастбищах округа Саратога. На полу лежал ковер ручной работы, в углу стояло превосходное дубовое креслокачалка, а повсюду, где только можно, громоздились горы чего ни попадя – от дорогой музыкальной шкатулки до кубиков и чучел животных.

И над поверхностью земли все это составило бы первоклассную детскую.

– Господи Иисусе, – пробормотал я, слишком пораженный, чтобы высказаться как-то иначе.

Мое потрясение лишь усилилось, когда я глянул в угол с креслом.

Там сидел детектив-сержант Люциус, осторожно покачиваясь взад и вперед, а на руках он держал довольную Ану Линарес.

При виде трех ошеломленных лиц детектив-сержант чуть покраснел.

– Мне пришлось сменить ей подгузник, чтобы перестала плакать, –

сообщил он с некоторым смущением. – Но все вышло хорошо – с детьми сестры у меня опыт немалый.

– Несомненно, – заметил доктор, приблизился к этой парочке, наклонился и поднес палец к личику Аны. – Вы отлично справились, детектив-сержант. Мои поздравления.

Мы с мисс Говард подошли ближе.

– Значит, с ней все хорошо? – уточнила мисс Говард.

– Ну, она, конечно, недокормлена, – ответил Люциус. – И немного страдает коликами. Но этого, полагаю, следовало ожидать. – Потом в его глазах вспыхнул интерес: – А что с миссис Хатч?

– Ее уложил абориген, – объявил мистер Мур. – Парни из флотских сейчас забирают тело. И, согласно нашему местному эксперту по бандитской жизни, – он указал в мою сторону, – нам всем пора шевелиться, пока не вернулись Пыльники в поисках еще больших неприятностей.

– Да, – нервно отозвался Люциус, осторожно вставая с малышкой. – Думаю, это будет мудрое решение. Сара, не поможете ли...

Однако мисс Говард даже не двинулась с места, чтобы взять девочку; вместо этого она лишь как-то отстраненно улыбнулась.

– У вас самого великолепно получается, Люциус. А мне достался довольно суровый удар по голове – боюсь, я могу потерять равновесие на обратном пути.

– Вы не *против* сами взять ее, детектив-сержант? – спросил доктор, кружа по комнате и, как мне показалось, стараясь перед уходом запечатлеть эту поразительную картину в памяти.

– Нет-нет, – заверил Люциус, по-прежнему качая малютку, после чего окинул нас предостерегающим взглядом: – Я просто не желаю ничего об этом слышать в ближайшие годы, вот и все. – Потом он прошел вперед, остановился рядом с доктором и вместе с ним стал пристально разглядывать комнату. – Как-то даже не верится, правда?

Доктор пожал плечами:

– Разве? Ну, не знаю...

– Что вы хотите сказать, Ласло? – вмешался мистер Мур; он взял чучело собачки и тер игрушкой свой нос. – Памятуя о том, с кем мы имели дело, я бы ожидал чего-нибудь *намного... строже*. Это если выразиться эвфемистически.

– Это была лишь одна ее сторона, Джон, – сказала мисс Говард, пробежав пальцем по улыбающимся зверюшкам на обоях.

– Точно, Сара, – тихо подтвердил доктор.

– Ну, – вмешался я, наконец преодолев изумление, – зато хоть одно

теперь известно наверняка.

– Стиви? – Доктор посмотрел на меня.

Я пожал плечами.

– Она все-таки получила какое-то уединение. Полпути до Китая пришлось прорыть, чтобы его получить, но...

Доктор кивнул:

– Верно. – Затем посмотрел на Ану Линарес. – И все же даже здесь, наглухо отрезанная от мира, она не смогла... не смогла... – Слова доктора смолкли, когда он заглянул в огромные круглые глаза малышки, почти такие же темные, как его собственные. – Ты, – произнес он, позабыв последнюю мысль, положил руку Ане на подбородок, и на лице девчушки появилась та широкая задорная улыбка, которая была нам так хорошо знакома по фотографии, полученной от ее матери. – Ты оказалась юной леди, которую очень трудно найти, сеньорита Линарес. Но, слава богу, ты невредима. Слава богу...

– Вот только, – перебил мистер Мур, – она не останется невредимой, если мы все отсюда не уберем. Так что гляньте напоследок как следует, Крайцлер, – что-то подсказывает мне, что на территорию Пыльников мы вернемся не слишком скоро.

На этом все мы устремились обратно в проход, оставив доктора на несколько секунд позади, чтобы у него оказалось чуть больше времени мысленно зафиксировать странное убежище, ставшее когда-то наваждением Либби Хатч, а теперь, когда она была мертва, – единственным оттиском работы ее запутанного ума, что достался доктору.

Поднявшись обратно, мы обнаружили в доме мистера Рузвельта и лейтенанта Кимболла вместе с Маркусом. Остальные моряки собрались у крыльца снаружи: двое держали складные носилки, которые они, видимо, прихватили на одном из торпедных катеров. К носилкам было привязано тело Либби Хатч, завернутое в простыню. В общем настроении компании торжество, похоже, сменилось тревогой: пара матросов заметила кое-кого из Пыльников, из чьих действий стало ясно, что банда и впрямь готовится к новой атаке. Поэтому мы быстро вышли на тротуар, матросы окружили Люциуса с ребенком на руках, а заодно и тех, кто нес носилки, – и все ускоренным маршем пустились назад к реке.

По пути я подскочил к Сайрусу. Одежда его пребывала в легком беспорядке, но во всем остальном мой друг казался крепким, энергичным – и весьма довольным.

– Немногие способны выйти из стычки с Динь-Доном с таким цветущим видом, как ты, Сайрус, – улыбнулся я.

Он пожал плечами, хотя и сам не смог сдержать легкой ухмылки.

– Потому что немногие способны вынудить его к честному бою.

– Значит, ты победил?

Сайрус бросил взгляд на стройплощадку «Лабораторий Белла», сейчас оказавшуюся по левую сторону, и ответил:

– А это уж тебе судить.

И кивнул на большую грудку кирпичей: к ней привалился Динь-Дон; лицо его представляло собой мозаику синяков, а руки и ноги торчали, так сказать, под разными углами.

– Иисусе, – выдохнул я и тихо присвистнул. – Он жив?

– О, жив, и еще как. Хотя утром, возможно, пожалеет об этом.

Я мрачно кивнул, ощутив какую-то глубинную справедливость; а когда мы снова заспешили к реке, Сайрус бросил на меня выразительный взгляд:

– Знаешь, мне всегда казалось, что от нее одни неприятности, Стиви. Отпираться не буду. Но под конец она правильно вела себя с тобой, с нами и с малышкой – так что, пожалуй, я ошибался.

Я посмотрел на него, и, надеюсь, взгляд мой был полон благодарности.

– Ты не ошибался. От нее и были неприятности. Но и другие вещи – тоже.

Сайрус кивнул:

– Так и есть...

Настроение нашей маленькой армии существенно улучшилось, едва мы снова пересекли Вест-стрит и все тем же скорым маршем поспешили на юг, к берегу. А когда перед нами начали вырастать огромные темные очертания пирса «Белой звезды», можно было просто почувствовать, как нас покидает облако беспокойства; но официальный знак того, что все в порядке и можно вздохнуть легче, подал мистер Рузвельт.

– Ну что ж, доктор, – пророкотал он, когда мы проскочили Перри-стрит. – Похоже, мы одержали победу!

– Я бы отложил финальное заключение, пока мы благополучно не отвалим от берега, – осторожно ответил доктор, по-прежнему следивший за улицами вокруг. – Но предварительные результаты ободряют.

Мистер Рузвельт взорвался хохотом:

– Ей-богу, Крайцлер, в жизни не встречал человека, более склонного к мрачному взгляду на вещи! Ну да, нам не удалось арестовать этого проклятого негодяя Нокса – но мы донесли до них послание, которое эти свиньи позабудут ой как не скоро, причем ценой всего лишь нескольких синяков наших людей! Наслаждайтесь моментом, доктор, смакуйте его!

– А что, наши потери ограничились одними синяками? – уточнил

доктор, все еще не готовый предаться торжеству.

– Ну ладно, хорошо, двоим сломали руки, – признал мистер Рузвельт. – И еще одному разнесли челюсть. Но уверяю вас, преступникам отплатили сполна, да еще и с процентами. Так что я вашу меланхолию не разделяю, друг мой, совершенно не разделяю! Вам стоит научиться радоваться своим триумфам!

Тут доктор все-таки улыбнулся, хотя, думаю, это было вызвано скорее удивлением неисправимой позиции старого друга, чем подлинной радостью от только что случившегося в доме № 39 по Бетьюн-стрит. О, разумеется, он был счастлив, что мы спасли маленькую Ану, я даже не сомневался в этом; но окончательные разгадки того, зачем вообще нужны были все те кошмары, которые нам пришлось пережить, теперь лежали, навеки скрытые, на носилках, которые тащили двое матросов рядом с детектив-сержантом Люциусом. Доктору по закону запретили пользоваться операционной в Институте на время следствия, и потому ему было негде произвести вскрытие мозга Либби Хатч и посмотреть, не было ли в нем каких-то аномалий; а даже если бы его и не сдерживало сие ограничение, детектив-сержанты все равно не смогли бы представить своему начальству тело с рассеченной головой. Я знал, что эти соображения, не говоря уже о смерти Либби, никогда не позволят доктору расценивать этот случай как «триумф» – точно так же смерть Кэт всегда будет придавать моим воспоминаниям об этом приключении особый горьковато-сладкий привкус.

Мы благополучно спустились на катера и погрузили тело Либби Хатч на ближайший. Айзексоны намеревались добраться на этом катере до полицейского пирса ниже у Бэттери, где наконец-то могли закрыть дело, заведению которого так противилось поначалу их отделение. Мисс Говард же собиралась взять Ану Линарес на первый катер, ко всем нам, и сначала вернуться с ней на Бруклинскую военно-морскую верфь, а оттуда в дом доктора. И, благополучно добравшись до дома – позвонить сеньоре, которая с прошлого полудня ожидала известий во французском консульстве, где укрывалась от мужа.

Мисс Говард, уже полностью пришедшая в себя, без труда взобралась на головной катер и стала ждать, когда Люциус спустит ей Ану; но мистер Рузвельт вмешался – не то чтобы неожиданно – и взял эту обязанность на себя.

– Возвращайтесь на свой катер, детектив-сержант, – сказал он, забирая младенца. – У меня опыта в обращении с такими вот маленькими свертками хватает, и можете не сомневаться – на борт я ее доставлю в целости и сохранности!

И мистер Рузвельт, одной рукой баюкая Ану, проворно спустился по длинному трапу от пирса к нашему катеру. Двигался он с куда большей непринужденностью, чем мог бы любой из нас, – учитывая его ношу; и, глядя на него, я вспомнил, что у него самого пятеро детишек, которых он, должно быть, неоднократно уже носил в схожих, если не точно таких же обстоятельствах.

Спустившись в катер и передавая ребенка мисс Говард, мистер Рузвельт улучил момент и рассмотрел привлекательные черты личика Аны.

– Надо же, – промолвил он мягким голосом, совершенно отличным от обычных его манер, – какое необычное лицо. Посмотрите на ее глаза, доктор!

– Да, – сообщил доктор, спрыгнув с лестницы в катер. – Я уже видел их, Рузвельт. Прекрасное дитя.

Игриво водя крупным пальцем перед маленькой Аной, мистер Рузвельт небрежно спросил:

– Чья она?

Все мы – мистер Мур, мисс Говард, доктор, Сайрус и я – разом застыли; но, к счастью, мистер Рузвельт был слишком увлечен, чтобы это заметить.

– Чья? – спокойно переспросил доктор, когда моторы нашего катера ожили, и команда начала отдавать швартовы. – Разве это важно, Рузвельт?

– Важно? – Мистер Рузвельт пожал плечами. – Не знаю, есть ли тут какая-то *важность*, но после того, что мы пережили, я хотел бы встретиться с ее родителями. – Он широко улыбнулся, когда Ана потянулась, стараясь ухватить его за палец. – И рассказать, как им повезло, что они вас всех к этому привлекли.

– Ее родители, – быстро и хладнокровно вмешалась мисс Говард, – чиновники консульской службы. *Французской* консульской службы. К сожалению, они собираются уехать обратно на родину, как только вернут ребенка. Что и понятно.

– А, ну да, – кивнул мистер Рузвельт, на мгновение посерьезнев. – Действительно понятно, что уж тут говорить, – вполне понятно. Но, надеюсь, вы особо подчеркнете им, Сара, что подобные происшествия совершенно нетипичны для нашей страны.

– Разумеется, – отозвалась мисс Говард.

Мистер Рузвельт продолжил рассматривать Ану, снова разулыбался и заметил:

– Французы, говорите? Какая жалость, что не испанцы. В ней есть что-то испанское, в этой малышке. Было бы очень кстати показать этим

мерзавцам, как с такими проблемами управляются *свободные* люди!

– М-м, да, – осторожно проговорил мистер Мур. – Было бы кстати.

– Однако, – продолжил мистер Рузвельт, когда наш катер вышел на середину Гудзона, – как вы и сказали, доктор, совершенно неважно, кто ее семья. Она ребенок, и теперь она в безопасности.

При этих словах Ана снова потянулась, хватая игривый палец мистера Рузвельта, отчего его улыбка расплылась еще шире.

– Знаете, – тихо произнес он, – по-моему, ручка младенца – самая прекрасная вещь на свете.

Глава 58

Когда все мы вернулись на 17-ю улицу, Люциус обнаружил, что в смотровой у доктора имеется детская бутылочка с соской (ею он пользовался во время, если так можно выразиться, чтения лекций женщинам, чьи младенцы не желали отвыкать от груди), и начал готовить в ней смесь, способную, на его взгляд, помочь Ане Линарес справиться с приступами колик, кои, возобновляясь каждые несколько минут, лишили малышку ее обычной счастливой улыбки и веселого смеха. В питье пошли молоко, мед и чуть-чуть болеутоляющего, что осталось от моих стараний напичкать им Кэт, и после того, как детектив-сержант напоил малышку, к ней вроде бы вновь вернулся румянец и бодрость духа. То был настоящий глоток свежего воздуха – довольный, даже счастливый символ новой жизни среди людей, которые дни и ночи напролет не видели ничего, кроме насилия и убийств. На самом деле эффект от присутствия Аны был столь велик, что мы все по очереди брали ее на руки, кормили – и чистая радость малютки от того, что она жива, и наше понимание того, что мы спасли ее от близкого знакомства со смертью, творили целительное волшебство, на которое способны только дети.

В первом часу ночи мистер Рузвельт с лейтенантом Кимболлом покинули нас и отправились обратно в Вашингтон – подводить итоги планирования войны с Испанией, которая, как они верили и надеялись, долго себя ждать не заставит. Я и по сию пору не знаю, рассказал ли хоть кто-то когда-нибудь бывшему полицейскому уполномоченному о том, как сильно то наше ночное предприятие – если бы дела пошли хоть чуть-чуть по-иному – могло повлиять на начало этой войны; что-то подсказывает мне, что они с доктором все же обменялись парой слов об этом перед смертью мистера Рузвельта, которая случилась в начале нынешнего года. Но важнее всего – и тогда, и теперь – был тот факт, что мистер Рузвельт пришел нам на помощь, не зная ничего, кроме того, что его друзья и невинное дитя попали в беду. И потому я лишь еще больше зауважал и полюбил этого человека; и, вспоминая сейчас о нем – как он отъезжает от дома в своем ландо на вокзал Гранд-Сентрал, сверкая нам своей чудесной улыбкой, коя вскорости столь обогатила политических карикатуристов, – я пытался понять, почему так мало мужчин обладают его силой: той самой способностью, с одной стороны, с нежностью и любовью относиться к ребенку, а с другой – крушить черепа бандитам, вроде Гудзонских

Пыльников. Этот вопрос грызет меня до сих пор.

Около половины второго детектив-сержанты вернулись из управления Первого участка, что на Нью-стрит, куда они отвезли тело после прибытия на полицейский пирс. Из участка тело должны были переправить в морг, от чего меня охватила ярость: мне не очень-то по нраву была идея о том, чтобы убийца оказалась хотя бы в одном здании с Кэт, пусть даже обе они были мертвы. Только все равно поделаться тут было нечего, ведь Либби еще должны были вскрыть (позже мы выяснили: результаты сей процедуры оказались «неубедительными», как и предполагал мистер Мур). Что же до Эль Ниньо, то я почти ждал, что он позвонит ночью в дом – просто убедиться, что все закончилось хорошо; но потом я понял, что с его точки зрения так уже и произошло. Его jefe был отмщен, а малютка Ана должна была вернуться к матери; в Нью-Йорке ему остались только неприятности с законом, и когда я как следует поразмыслил над этим, то понял, что пусть уж он лучше поскорей свалит целым-невредимым из города – а то и вовсе из страны, – чем будет медлить и рисковать, пытаясь с нами связаться.

В свою очередь мисс Говард, согласно плану, по возвращении в дом доктора немедленно позвонила во французское консульство и сообщила сеньоре Линарес, что все благополучно завершилось и она вернет ей Ану, как только получит полицейскую охрану. Мы понимали, что для этой работы понадобятся детектив-сержанты и что им лучше бы вооружиться: никто не знал, что за слуг нанял сеньор Линарес после перехода Эль Ниньо на нашу сторону и не следят ли они за домом доктора, как до этого абориген. Но, как выяснилось, сия предосторожность оказалась излишней: мисс Говард, Маркус и Люциус доставили малышку матери без всяких хлопот. Вернувшись, они рассказали, что сеньора сейчас пребывает в раздумьях: то ли вернуться к семье в Испанию, то ли направиться на запад, в ту часть Соединенных Штатов, где новые начинания были делом обычным и где, как я когда-то надеялся, начать жизнь с чистого листа могла бы и Кэт. Но неописуемой бурной радости сеньоры от возвращения Аны, по словам мисс Говард и Айзексонов, оказалось достаточно, чтобы эти ее размышления утратили тогда всякую важность, а трое наших соратников окончательно убедились, что все наши испытания действительно того стоили.

Может, и впрямь так оно и было – для них. А вот для нас с мистером Муром навсегда остался вопрос – о том, насколько мы были правы, вовлекая глубоко небезразличных нам людей в дело, которое в итоге стоило им жизни. Простой ответ на этот вопрос найти нелегко, а избавиться от него и вовсе нельзя: сейчас я сижу, пишу эти слова и вовсе не уверен в том,

что за прошедшие годы сумел утихомирить сии сомнения хоть насколько-нибудь получше, чем в три часа той ночи, когда все наконец разошлись восвояси, а я битый час сидел у себя на подоконнике, в слезах курил и повсюду на звездном небе мне виделись глаза Кэт.

Разумеется, еще предстояли похороны, и после простой церемонии погребения Кэт на кладбище «Голгофа» днем в среду – и я был благодарен за присутствие всем участникам нашего отряда – все мы в четверг с утра пораньше сели на поезд и отправились в Боллстон-Спа, где мистера Пиктона должны были похоронить на том самом кладбище на Боллстон-авеню, которое мы осквернили всего какими-то неделями раньше. Грусть, привязанность и уважение влекли нас в такую даль – в последний раз попрощаться с маленьким возбужденным человеком с вечно дымящейся трубкой, который отказался дать делу об убийствах на Чарлтон-роуд уйти в небытие и своей смертью предоставил нам законное основание для открытого преследования Либби Хатч в Нью-Йорке. Однако на север нас притягивало еще и любопытство: любопытство узнать, что же означали последние слова мистера Пиктона о «разгадке» на кладбище.

Стоя у открытой могилы, в которую опускали его гроб, все мы исподтишка поглядывали на надгробия остальных членов его семьи; и были слегка шокированы, обнаружив, что все они – не только родители мистера Пиктона, но и его младшая сестра и братья заодно – умерли в один и тот же день. Поэтому после церемонии доктор осторожно расспросил миссис Гастингс, и та сообщила, что вся семья мистера Пиктона действительно погибла однажды ночью, во сне, от утечки газа в большом доме в конце Хай-стрит. Когда это произошло, мистер Пиктон был в юридической школе, а в последующие годы он никогда не говорил о случившемся; и хотя миссис Гастингс никак не стала комментировать странное совпадение одновременной утечки газа в стольких комнатах дома Пиктонов, она все же поведала, что именно после трагедии мистер Пиктон решил избрать карьеру обвинителя. Доктору этого оказалось достаточно, ведь он – как, думаю, и миссис Гастингс, – понимал, что такое «совпадение» сразу нескольких газовых утечек было столь невероятным, что просто не шло в расчет. Кто-то намеренно расправился со всей семьей, а тот факт, что, когда это случилось, все двери в доме были закрыты, свидетельствовал: виновник сам был одним из Пиктонов.

А вот дальше и доктор, и все остальные могли лишь строить догадки. Быть может, мать мистера Пиктона в каком-то приступе отчаяния покончила с мужем, потомством и собой посредством газа – по словам доктора, не самая редкая практика среди женщин, подверженных

смертельной меланхолии? Или же мистер Пиктон заподозрил правду, и сие не только сделало его безгранично подозрительным до конца дней, но и вынудило через столько прошедших лет осудить Либби Хатч? Мы так и не узнали. Но уже одной этой возможности вкупе с печальным обстоятельством самих похорон хватило, чтобы все мы на обратном пути в Нью-Йорк пребывали в глубоком молчании.

В последующие дни дела на 17-й улице пошли сверхъестественно тихо – дело закончилось, но никакой возможности вернуться к обычной рутине не имелось, поскольку даже будь наш дух настолько силен, чтобы столь быстро прийти в норму, мы по-прежнему дожидались результатов судебного расследования событий в Институте доктора. Утром в пятницу Айзексоны, отложившие дачу показаний до нашего возвращения в город, наконец предстали перед закрытым судом и поведали свою историю. В тот же день вызвали преподобного Банкрофта, чтобы тот высказал свое мнение о том, как Институт был основан, не был ли персонал способен на убийство, и насколько законным в целом было сие заведение. Суд отложил официальное вынесение решения до понедельника, и я не преувеличу, сказав, что эти два дня оказались одними из самых длинных в моей жизни. Погода стала отвратительно влажной, отчего каждый в городе покрывался словно пеленой обильного пота, от которого невозможно избавиться и который всегда ужасно раздражает. Понедельник оказался не лучше: к десяти столбик термометра уже всерьез перевалил за восемьдесят, а когда мы с доктором и Сайрусом сели в коляску, чтобы к двум прибыть в суд Твида, я не был уверен, что и Фредерик – который за недели простоя несколько обленился, – и мы сами справимся с поездкой.

Но мы все-таки справились – во всех смыслах этого слова. Судья Сэмюэл Уэллс не просто удивил нас, объявив, что дела в Институте в полном порядке, а дело Поли Макферсона – «очевидное отклонение от нормы»; помимо этого он поразил весь зал суда, устроив тем отцам города, которые завели расследование, настоящую головомойку. Методы доктора Крайцлера, возможно, неортодоксальны, заявил судья Уэллс, и некоторым людям они не по душе; вообще-то он и сам не вполне уверен, что все они по душе ему самому. Но с результатами не поспоришь – а заодно и с очевидным фактом того, что за все годы работы доктор потерял одного-единственного ребенка, который, как ясно показало расследование детектив-сержантов, по меньшей мере задумывался о самоубийстве еще до попадания в Институт и при зачислении туда прихватил с собой орудие «преступления». Напомнив критические замечания доктора о том, что нью-йоркским судам есть чем заняться, кроме ведения неоправданных

расследований, судья Уэллс объявил, что дело прекращено.

Мы знали, что Уэллс – тип непредсказуемый; но еще ни один государственный чиновник прежде не делал подобных заявлений в пользу работы доктора, и этого случая было достаточно, чтобы задуматься о возможном наличии в мире хоть какой-то справедливости. Мистер Мур воспользовался оптимистическим шансом заказать по окончании слушания частный кабинет в ресторане мистера Дельмонико (сии комнаты были единственными местами в заведении, где дозволено было есть нам с Сайрусом), и во время этого пира взрослые запихнули в себя больше разнообразной французской еды с удивительными названиями, чем я вообще смог оттарабанить за все последующие годы. Я же обошелся бифштексом и жареной картошкой, и мистер Дельмонико даже раздобыл для меня в придачу бутылочку рутбира (хотя, думается мне, пришлось послать за ней в ближайшую лавку одного из своих помощников). Но пусть мне даже не удастся припомнить, что именно все тогда ели, я точно помню: это был вечер из тех, что нечасто нам выдавались, – не было никаких убийств и похищений, и никакая великая тайна не стала главной темой беседы. На самом деле о преступлениях речь вообще особо-то и не шла – то было просто время насладиться компанией друг друга и вспомнить о том, что связывают нас всех не только ужасные события.

И, раз уж весь день прошел так удачно, нам следовало бы догадаться, что в конце его нас будет ждать какой-нибудь неприятный или по крайней мере тревожный сюрприз. После обеда у Дельмонико доктор снова пригласил всех нас к себе, и, прибыв, мы обнаружили у обочины перед домом весьма симпатичный брогам. Вот только двое мужчин на месте возницы не очень-то соответствовали этому экипажу: одеты они были в грубые матросские куртки, указывающие на знакомство с самыми неприглядными частями портового района, а чрезвычайно смуглые лица, тонкие висячие усы и большие темные глаза немедля наводили на мысль, что родом они из Индии или же из той части света в целом. Я сидел в кэбе с детектив-сержантом Люциусом, и лицо его – обычно беззаботное и румяное после обильной пищи и изрядного количества красного вина у мистера Дельмонико, – внезапно окаменело, даже чуток побледнело при виде этого экипажа и седоков.

– Что за... – прошептал он. – О нет!

– О нет? – спросил я, глядя на брогам, а потом снова на детектив-сержанта. – К чему это «о нет»? Кто они?

Глубоко вздохнув, Люциус произнес:

– Они похожи на ласкаров.

– На ласкаров? – повторил я, уже и сам немного забеспокоившись: даже я знал об этой буйной породе матросов и пиратов, чьими родными водами был Индийский океан и Южно-Китайское море. – Какого черта им здесь надо?

– Угадай, – бросил детектив-сержант. – Ласкары совсем не редкость – на побережье Манилы.

– Ох-х... – выдохнул я, снова косясь на двух типов в брогаме. А потом просто осел на сиденье. – Вот дерьмо...

Тут наш с Люциусом кэб остановился, остальные уже спустились из второго экипажа и докторовой коляски и собрались у двери брогама. Изнутри до тех пор не подавали никаких признаков жизни, а первым таковым стал вопрос:

– Доктор Крайцлер? – спросил глубокий голос с сильным испанским акцентом.

Доктор шагнул вперед:

– Я доктор Ласло Крайцлер. Чем могу быть полезен?

Наконец дверца брогама отворилась, и оттуда появился очень смуглый, привлекательный мужчина среднего роста и комплекции; волосы его были тщательно напомажены. Его одежда, казалось, была из лучшего, что лишь можно купить за деньги, а покрой у нее был официальный, что, похоже, всегда выделяет дипломата. В руке у этого человека имелась трость с весьма тяжелым серебряным шаром-набалдашником вместо ручки.

– Я сеньор Нарсизо Линарес. Полагаю, вы обо мне слышали.

Доктор кивнул с легкой улыбкой, уже догадавшись, как и мы все, кто наш гость.

– Сеньор.

Сеньор Линарес резко указал тростью на дом:

– Там есть, где нам поговорить? Дело крайне срочное.

– Прошу вас. – Доктор показал на входную дверь. Сеньор пошел к ней, доктор следом, а потом точно так же поступили было и мы – но тут оба ласкара спрыгнули с брогама и преградили нам путь у калитки во двор, скрестив руки и, похоже, приготовившись к возражениям.

Доктор обернулся, на лице у него появилось выражение возмущения.

– Сеньор, – весьма сурово проговорил он. – Что означает сие поведение? Эти люди – жильцы и гости моего дома.

На секунду задумавшись, сеньор кивнул и молвил:

– Ну что ж.

Потом что-то сказал ласкарам по-испански, и те угрюмо вернулись к экипажу. Все мы вошли, однако Сайрус чрезвычайно внимательно следил

за этими двумя красавцами у обочины.

Доктор провел сеньора Линареса в гостиную и предложил ему выпить. Посетитель попросил стакан бренди, и мистер Мур принес напиток, пока остальные рассаживались. Сайрус встал у окна и открыл его, по-прежнему наблюдая за ласкарами.

– Доктор Крайцлер, – несколько удивленно изрек сеньор Линарес, увидев, что никто из нас не собирается покидать гостиную. – Мое дело к вам носит приватный характер – и, разумеется, не предназначено для ушей слуг.

– Здесь нет слуг, – ответил Доктор. – Это мои коллеги.

Сеньор покосился на Сайруса:

– И негр тоже?

Изо всех сил стараясь не выказывать открытого раздражения, доктор отрезал:

– Если вы хотите что-то обсудить, сеньор, вам придется сделать это перед лицом всего собравшегося здесь общества. В противном случае я буду вынужден с вами попрощаться.

Пожав плечами, сеньор Линарес выпил бренди и отставил стакан.

– Тогда я перейду к делу. У меня есть причины полагать, доктор, что вам известно местонахождение моей жены и ребенка.

– В самом деле?

– Да. Если это так, я настоятельно рекомендую вам все рассказать мне, если вы не желаете спровоцировать дипломатический инцидент.

Доктор помолчал и извлек портсигар.

– Я всегда считал, что дипломаты – люди тактичные, – заметил он. – Возможно, меня неверно информировали.

– Время для такта давно прошло, – раздраженно отозвался сеньор Линарес. – Мне известно, что некоторое время назад моя жена обратилась за помощью к этой женщине... – Он указал тростью в направлении мисс Говард. – С тех пор моя жизнь обернулась чередой затруднений. Предупреждаю вас, сэр, я вполне искренен, угрожая официальным протестом.

Пока сеньор прикуривал свою сигарету, доктор еще несколько секунд изучающе смотрел на него, а потом откинулся на спинку кресла.

– Ну разумеется, нет.

Вид у сеньора Линареса был такой, словно его ударили.

– Как вы называете меня, лжецом? – осведомился он, вставая.

– Прошу вас, сэр, – парировал доктор, беззаботно взмахнув сигаретой. – Избавьте меня от вашей латинской гордости – или как там это

называют такие, как вы? Ваш *мачизм*? Здесь он бесполезен, уверяю вас.

– Доктор Крайцлер, – ответил сеньор. – Я не из тех, кто сносит такие слова...

– Сеньор Линарес, – перебил доктор, – пожалуйста, сядьте. Полагаю, если бы вы действительно намеревались привлечь к этому делу ваше консульство или правительство, то сделали бы это давным-давно. И уж конечно не стали бы приезжать к моему дому в сопровождении таких созданий, как эти двое, – он чуть взмахнул рукой в сторону окна, – чье присутствие несомненно предназначалось для того, чтобы при помощи физического запугивания добиться от меня нужных вам сведений. К счастью для себя – и к несчастью для вас – я вернулся домой не один. Так что, может, обойдемся без разговоров о дипломатических инцидентах?

Сеньор помедлил пару секунд, потом сел обратно и даже умудрился выдать слабую, что называется, скупую улыбку.

– Да. Я слышал, что вы человек умный.

Лицо доктора неожиданно посуровело:

– А я слышал, что вы, сэр, – человек, не гнушающийся бить женщин, равно как и всех остальных, кто меньше и слабее вас. И что вы были вполне готовы и даже желали скрыть похищение вашего собственного ребенка. Так, может, поведаете мне, сеньор, – зачем вы сейчас явились сюда, словно губернатор какой-нибудь далекой испанской колонии, пытаясь угрозами заставить меня выдать вам сведения, которыми я не располагаю?

Сеньор быстро поднял взгляд:

– Выходит, вы не знаете, что стало с моей женой и дочерью?

– Если бы и знал, сэр, то вряд ли пожелал бы вам рассказать. Но даю слово, что не знаю.

И это соответствовало истине: сеньора Линарес покинула Нью-Йорк в выходные, но до отъезда так и не сообщила мисс Говард окончательное направление. Она собиралась написать, когда обоснуется и все наладится.

Сеньор Линарес, отнесшийся, как мне показалось, к заявлению доктора куда пренебрежительнее, чем можно было ожидать от человека в его положении, оперся на трость и произнес:

– Понимаю. Так. Похоже, приехав сюда, я зря потратил время.

После чего покосился на мистера Мура с выражением, граничащим с досадой от того, что до сих пор не получил еще бренди.

Наливая ему, мистер Мур не смог не вмешаться в происходящее:

– Это все – потому, что она девочка? Они ведь недорого стоят в вашей части света, эти отпрыски женского пола?

Сеньор покачал головой:

– Вы, американцы, – такие провинциальные моралисты. Вы что, вообразили, что я бы повел себя так без вынуждающих к тому причин?

– Какие же причины, – тихо, но при этом словно бы презрительно осведомилась мисс Говард, – могли оказаться достаточно «вынуждающими», чтобы вы бросили Ану?

Оглядев лица всех собравшихся в комнате, сеньор Линарес проглотил второй бренди, а потом медленно закивал:

– Полагаю, мои мотивы могут показаться ужасающими при вашем довольно наивном мышлении.

– Не уверены, что они у вас вообще есть, – предположил Маркус.

– Мы пытались обнаружить их с самого начала, – добавил Люциус. – Но безуспешно.

Все еще кивая, пока мистер Мур наливал ему новую порцию бренди, сеньор Линарес изрек:

– Мне понятно это затруднение. Вы, как и прочие ваши соотечественники, верите в то, что пишут в ваших газетах. Испанская империя – упадочное сборище надменных милитаристов, которых хлебом не корми, дай только доказать свою храбрость любой оскорбившей их нации. Что ж... – Он отхлебнул немного бренди. – Вы правы отчасти – но только отчасти. – Указав на докторову серебряную коробку для сигарет, сеньор спросил: – Позволите? – на что доктор, теперь весьма заинтересованный тем, что говорит этот человек, кивнул. Сеньор прикурил одну, затянулся и с довольным видом выпустил дым. – Очень хороши, – сказал он. – Русские?

Доктор снова кивнул:

– Джорджия. В смеси с Вирджинией.

Сеньор затянулся еще раз.

– Да. И впрямь очень хороши... Скажите, доктор. Вы когда-нибудь слышали о моем кузене, генерале Арсенио Линаресе? – Доктор покачал головой. – Он управляет Сантьягоде-Куба. А об адмирале Паскуале Сервера-и-Топете, командующем нашей морской эскадрой в Кадисе? – Доктор снова реагировал отрицательно. – Я так и думал. Но все вы знаете – вы все знаете – о «мяснике» генерале Уэйлере и о воинственной клике монархистов и военных офицеров, окружающих королеву-регентшу... Об этих людях пишут в ваших газетах. Ваши мистер Херст и мистер Пулитцер – они бы не продали свой товар, напечатав глас разума.

– Разума? – озадаченно переспросил доктор.

Сеньор жестко посмотрел на него в упор:

– Вы ведь на самом деле не думаете, доктор, что мы все настолько

слепы, чтобы не суметь распознать окружающую нас действительность? Да, на Кубе, в Испании, да и на Филиппинах, где я провел отрочество, немало испанцев, убежденных в том, что ваша страна вмешалась в наши дела и оскорбила наших лидеров вне всякой допустимости. И они правы. Но они желают разрешить этот вопрос войной – они хотят этого почти так же, как и многие американцы. Однако в нашей стране есть и те, кто понимает, каким неизбежно станет конец подобной войны. К примеру, это понимают упомянутые мною люди. Понимаю и я.

– Не поделитесь ли этим и с нами? – поинтересовался мистер Мур.

Сеньор Линарес мельком глянул на него и хмыкнул:

– Эта страна... она точно юнец, неожиданно выросший в мужчину, но так пока и не осознавший пределы своей силы. Если Испания начнет войну с вашей страной, сеньор, ее итог окажется гибельным для нашей империи. Мы потеряем то малое, чем еще обладаем в этом полушарии, и даже, вероятно, значительно больше. Но сии аргументы бесполезны для тех, кто желает с оружием в руках защитить нашу гордость. Им нет никакого дела до предостережений опытных офицеров, таких, как мой кузен или адмирал Сервера, понимающих, сколь велика наша слабость. Не слушают они и простых секретарей консульств, видевших ваши огромные корабли, что строятся в Бруклине, Ньюпорте и Вирджинии. – Сеньор Линарес с мучительной тоской посмотрел сквозь стакан. – Они не слушают.

Глаза доктора расширились.

– Вы хотите сказать, – тихо произнес он, – что вы намеренно старались скрыть информацию о похищении дочери, дабы не предоставить политическим экстремистам вашей страны новые доводы в пользу объявления войны Соединенным Штатам?

И, будто совершенно не стыдясь этого, сеньор ответил:

– А что бы сделали вы, доктор? Испанская империя больна – умирает от собственного высокомерия, ищущего любой повод для высвобождения. Я это понимаю. И в то же время я был воспитан как *часть* этой империи. Моя семья служила ей три сотни лет. Я должен сделать все, что в моих силах, чтобы сдержать этот последний крах.

– В том числе допуская и возможную смерть вашей дочери? – спросила мисс Говард.

Сеньор Линарес, не глядя на нее, ответил:

– Испании нужны сыновья – не дочери. Об издержках судят по прибыли, как говорите вы, американцы.

– Выходит, – перебил его Маркус, – вы попросту хотите убедиться, что они нигде не всплывут. Вы хотите удостовериться, что дело действительно

окончено.

Сеньор пожал плечами:

– Мне хотелось бы получить развод от жены, если она ко мне не вернется. Я женюсь снова. Как я сказал, Испании нужны сыновья.

Доктор резко встал, глаза его пылали:

– Я уже говорил вам: мы не знаем ничего о местонахождении вашей семьи, сеньор Линарес. И это правда. А теперь я должен попросить вас покинуть мой дом.

Сеньор, похоже, не слишком-то удивился довольно грубому приказу – он поднялся, оперся на трость, потом кивнул и вышел в холл.

– Сеньор, – позвала его мисс Говард. Он остановился на верхней площадке лестницы и обернулся. – Если мужчина более важной считает свою страну, а не своего ребенка – и если его страна не просто терпит, но еще и поощряет подобный выбор, – не кажется ли вам, что эта страна уже потерпела поражение?

– В ближайшие месяцы, – тихо ответил сеньор Линарес, – полагаю, мы узнаем ответ на этот вопрос.

Быстрой, почти легкой походкой он вышел из дома и сел в экипаж, а нас оставил в тишине и раздумьях об этом последнем недостающем кусочке дела Либби Хатч.

Глава 59

Разумеется, война между Соединенными Штатами и Испанской империей все же началась – через считанные месяцы после того, как мы сидели в гостиной у доктора с сеньором Линаресом; и, несмотря на убежденность впоследствии многих людей в обратном, то, что сеньор называл испанской «надменностью», отвечало за эту кровавую баню не меньше, чем все разглагольствования и неистовство американцев, потворствовавших сей идее.

Предсказания сеньора Линареса об исходе событий оказались столь же точными, как и его представления об их причинах: Испанская империя потерпела изрядное поражение, а Соединенные Штаты оказались обладателем целой череды новых иностранных владений, включая Филиппинские острова. Сомневаюсь, что много кто – даже в самом Вашингтоне – имел действительно внятное представление о том, во что же они ввязались, завладев подобными территориями: как писал тогда мистер Финли П. Данн⁶², остряк-газетчик, до войны большинство американцев и понятия не имело, что такое эти Филиппины – «острова или консервы». У меня-то самого появилась только одна мысль на этот счет – точнее, вопрос, – когда я услышал, что мы стали новыми правителями тех мест: вернулся ли Эль Ниньо на родину до нашего вторжения, и стал ли он одним из солдат местной армии, быстро начавшей сражаться против нашей страны за независимость? Я так никогда этого и не узнал – но это было бы вполне в его духе.

Детектив-сержанты после завершения расследования в Институте доктора вернулись к своим обычным обязанностям в Управлении полиции, но их положение осталось столь же шатким, что и прежде. За эти годы собиралось несколько комиссий, расследовавших коррупцию в департаменте, – на самом-то деле иной раз казалось, будто вышеупомянутую коррупцию *постоянно* расследует какая-нибудь комиссия, – и Маркус с Люциусом давали свидетельские показания перед каждой из них, пытаясь навести порядок хотя бы в Сыскном бюро. Однако единственным стоящим результатом этих усилий стала лишь еще большая изоляция их от «товарищей», и, не сомневаюсь, если бы не блестящие способности, кои они демонстрировали в столь многих делах, их бы давно уже отправили в отставку. Но они держались, скандалили, экспериментировали и, в общем и целом, пытались использовать судебную

науку в дальнейшем продвижении полицейской работы – и мало какой вор, убийца, насильник и сумасшедший бомбист не жалел, что начальственные шишки-ирландцы не сумели до сих пор избавиться от «еврейских мальчиков».

Мисс Говард продолжала вести свое дело в № 808 по Бродвею; по правде говоря, она продолжает вести это дело *до сих пор*, хоть и расширила в итоге свои услуги так, чтобы ее умениями могли воспользоваться и женщины, и мужчины. Со временем она стала своего рода легендой детективного мира – и факт этот является немалым предметом ее гордости, пусть она в этом так и не сознается. И, несмотря на все ее разглагольствования о недостатках мужчин, у нее все-таки нашлось время связаться с одним или двумя из этих представителей рода человеческого, но раскрывать подробности сих событий – вовсе не мое дело. *Могу* лишь сказать, что она остается самой необычной женщиной из тех, кого я встречал, и всегда являет собой комбинацию глубоких дружеских чувств и независимости, коя для многих представительниц ее пола столь же недостижима сегодня, как и для Либби Хатч двадцать два года назад. Сдается мне, положение это сохраняется, как всегда утверждала мисс Говард, из-за всей той ерунды, которой пичкают маленьких девочек, – и, быть может, решением для большинства женщин стало бы ношение оружия, черт его разберет: сама-то мисс Говард за эти годы всадила мужчинам в коленные чашечки преизрядно пуль, но это лишь помогло ей остаться самой собой.

Наша же с Сайрусом дружба, что уж тут скажешь, всегда была одной из опор моей жизни. Он женился – довольно скоро после окончания дела Либби Хатч, – и жена его, Мерль Спотсвуд, переехала жить к нам, положив конец поискам сносной кухарки. Она была и остается одной из лучших, что когда либо видывал мир, а кроме того, она – столь же порядочная и сильная личность, как и ее муж. Я все еще жил у доктора, когда на свет появились трое малышей, и пусть они превратили верхний этаж в шумные ясли (молодые переехали в комнату, некогда принадлежавшую Мэри Палмер), я был вовсе не против. Иногда это чуток бесило доктора, но дети, проходя мимо двери его кабинета, всегда старались двигаться потише, да и вообще детвора в доме изрядно поднимала всем настроение. В те годы 17-я улица была счастливым местечком, и я немало жалел, когда мне настала пора покинуть дом, переехать в комнату за моей лавкой и начать собственную жизнь. Доктор же, после того, как его доброе имя было восстановлено, вновь углубился в дела Института, словно человек, лишенный прежде жизненно важных вещей. Не то чтобы весной и летом 1897 года у него не

осталось никаких вопросов – еще как остались. На некоторые из них – что довело Поли Макферсона до повешения? что на самом деле случилось с семьей мистера Пиктона? о скольких убитых Либби Хатч детях мы так и не узнали? – ответить было невозможно, и со временем они потускнели. Однако прочие имели более личный характер и так ни к чему и не привели. Вообще-то они, похоже, занимают доктора до сих пор, когда он поздним вечером сидит в гостиной и размышляет о сложностях жизни. Вряд ли эти вопросы заронил ему в голову хитроумный Кларенс Дэрроу – ведь доктор и сам всегда терзался тяжкими сомнениями подобного рода; однако умелые утверждения на этот счет мистера Дэрроу во время процесса над Либби Хатч выразили то, что иначе могло остаться невысказанными мыслями. Похоже, труднее всего доктору было вплотную столкнуться с вопросом о том, почему он всегда так усердно старался – и старается до сих пор – найти объяснения ужасным событиям, кои встречаются ему в профессиональной жизни. Видимо, предположение мистера Дэрроу о том, что, быть может, где-то в глубине души работа для доктора была способом утихомирить сомнения на свой счет, нашло в сердце нашего друга немалый отклик, – и пока доктор наблюдал, как его бывший оппонент встречает свою великую славу в залах суда по всей Америке, думаю, мысль сия мучила его все больше. Но она никогда не удерживала его от работы, от продвижения вперед, и, насколько я могу судить, эта способность – работать, несмотря на сомнения в себе, которые испытывает любой мало-мальски стоящий человек, – и есть то единственное, что отделяет осмысленную жизнь от бесцельной.

А что же мистер Мур? Я располагаю роскошью написания сих последних слов лишь потому, что впервые с открытия этой лавки у меня появился помощник – мистер Мур, азартный игрок по натуре, признал свое поражение, прочитав остаток моего манускрипта, хотя и не преминул сообщить, что какой бы там ни был дух у этого повествования, он оказался «прискорбно попорчен вопиющим отсутствием стиля». Кто бы говорил. В общем, сейчас он там, в лавке, в фартуке и прочих причиндалах, продает щеголям сигареты, и, полагаю, наслаждается выпавшей возможностью изводить этих людей таким манером, какой может позволить себе только лавочник: ничто так не радует моего старого друга, как шанс плюнуть в лицо верхушке общества, из которой он сам и произошел.

Его возвращение в «Таймс» после дела Хатч было нелегким: он предпочел бы освещать на страницах газет наши последние изыскания, однако понимал, что редакторы и на милую не приблизятся к этому делу. Потому он решил утешиться освещением судебного разбирательства,

последовавшего за «тайной безголового трупа». Мистер Мур надеялся, что сможет применить в этой истории интимного убийства кое-какие уроки, полученные нами во время преследования Либби Хатч, – хотя ему, конечно, стоило бы поступить умнее. Жертва преступления, расчлененный мистер Гульденсуппе, вскоре оказался позабыт практически всеми, тогда как его бывшая любовница, миссис Нек, и ее последний счастливый избранник и соучастник убийства, Мартин Торн, стали предметом целой публичной мелодрамы. Миссис Нек быстренько обернулась – стараниями прессы, общественности и конторы окружного прокурора – девицей, попавшей в беду: она выдавала себя за страдалицу, сбитую с пути и развращенную Торном, тогда как в действительности сама помогла спланировать убийство и участвовала в расчленении трупа. В довершение этого, выдав правосудию все необходимое для отправки несчастного простофили Торна на электрический стул в Синг-Синге, миссис Нек каким-то чудом добилась, чтобы окружной прокурор ходатайствовал перед судьей применить к ней самое легкое наказание, – что он и сделал: она получила пятнадцать лет в Оберне, которые с учетом хорошего поведения могли скостить – и скостили – всего до девяти.

Когда настал день казни Торна, мистер Мур поехал в Синг-Синг с намерением заполнить какое-нибудь заявление обреченного узника: что-нибудь насчет того, как общество до сих пор с готовностью отпускает женщин, виновных в жестоком насилии, лишь потому, что слишком уж неудобно признать, будто они на такое способны. Он отловил Торна, когда того уже вели в комнату для исполнения приговора, и спросил того, что он думает о мягком наказании миссис Нек.

– Да я не знаю, – ответил сломленный и безропотный Торн. – Мне как-то все равно, что так, что эдак.

Так окончилась маленькая кампания мистера Мура по вынесению на свет божий хоть каких-то истин, полученных нами в ходе процесса Либби Хатч. «Дикарь» Торн и «обманутая, но искупившая вину» миссис Нек (как заклеил их окружной прокурор) оказались на деле совершенно обычными людьми, а «монстры», на которых каждый в городе поначалу списывал вину за преступление – грабители могил, сбрендившие анатомы, кровожадные вурдалаки и тому подобная нечисть – оказались лишь тенями, выдуманнными для восхваления полисменов, продаж газет и запугивания строптивых детей. Как доктор и предполагал, настоящие монстры по-прежнему – что тогда, что сейчас – незамеченными бродили по улицам, верша свои странные и безнадежные дела в лихорадке, коя среднему гражданину казалась не чем иным, как обычным усилением, необходимым

для того, чтобы пережить обычный день.

У меня же самого дела шли лучше, чем, думается, можно было ожидать, – если учесть, с чего я начал. Большая часть моих старых дружков и сообщников кончила дни в каталажке или в подворотне, и, хоть и трудновато сожалеть о подобной участи для таких, как Динь-Дон и Гу-Гу Нокс, все ж таки жаль, что таким добросердечным ребятам, как Прыщ-Немчура, пришлось провести добрую часть жизни, гуляя по двору Синг-Синга. Моя-то жизнь в основном и есть эта лавочка; но хоть табак и неплохо подсобил мне с деньгами, он оплатил мне – ну будто в пример того, что доктор называет «крайне трагической иронией», – этим никудышным кашлем, болячкой, которая, весьма вероятно, продолжит пожирать мои легкие, пока там остается что выкашливать. Порой, сдается мне, доктор винит себя за то, что так и не заставил меня бросить курить; но я-то пристрастился к никотину ой как задолго до встречи с этим человеком, и, несмотря на постоянную его заботу и терпение, были все ж таки кое-какие вещи насчет моей прошлой жизни, которые не под силу было исправить даже его уму и мудрости. Я его, само собой, не виню, люблю его от этого ничуть не меньше и с грустью думаю, что мое физическое положение дает ему очередной повод досадовать на себя – но, говорю же, именно эта досада и способность преодолевать ее ради лучшей жизни нашего ничтожнейшего из видов и делают его таким необычным человеком.

В моей жизни частенько бывали женщины, но ни одна не смогла вселить в меня те мечты, что я однажды разделил с Кэт на кухне у доктора. Сдается мне, все это умерло вместе с ней; и если кому вдруг покажется странным, что такое приключилось со мной столь рано, я лишь скажу, что те, кто вырос на улицах, всё делают слишком рано – слишком рано и слишком быстро. Раз в неделю я доезжаю подземкой до кладбища «Голгофа» и кладу цветы на могилу Кэт, и порой – в последнее время все чаще и чаще – ловлю себя на том, что сижу и болтаю с ней, почти как в то утро, когда она опустошила добрую часть бутылочки камфарной настойки. Где бы она ни была, мне кажется, она знает, что я, похоже, довольно скоро к ней присоединюсь; и, хоть мне и не хочется думать, как я оставлю друзей и особенно доктора, какая-то странная дрожь одолевает меня при мысли о том, что, в конце концов, я снова найду ее – совсем взрослую и свободную от тяги к марафету и светскому обществу. Может, мы даже, в конце концов, сумеем как-нибудь зажить мирной, славной жизнью вдвоем – такой, которой она никогда не знала за свое недолгое пребывание в этом мире. Многие, наверное, решат, что все это лишь глупые фантазии – но родись вы

в таком мире, как мы с Кэт, думали бы вы совсем иначе.

Благодарности

Пока я занимался исследованиями для «Алиениста», первой части этой истории, мне стало ясно, что, вопреки распространенному мнению, женщины склонны к насилию не меньше мужчин. Но их жертвами обычно становятся дети – зачастую их собственные дети – и этот тревожный факт, похоже, несколько противоречит тем сенсационным репортажам, что обычно описывают случаи с участием жестоких мужчин, в особенности мужчин – серийных убийц. Я обсудил этот вопрос с доктором Дэвидом Эйбрамсоном, который немало помог мне в подготовке «Алиениста», и он подтвердил, что женщины обычно мучат или убивают тех людей, с которыми их связывают близкие личные взаимоотношения (в отличие от мужчин, которые в качестве жертв своих жестоких наклонностей часто выбирают посторонних, поскольку им проще сослаться на объективные причины). Я хочу еще раз поблагодарить доктора Эйбрамсона за его помощь и поддержку, без которых этот проект очень быстро сбился бы с пути.

Каждый, знакомый с явлением женского насилия, узнает в деле Либби Хатч элементы преступлений не только прошлого века, но и нашего с вами времени. Это сходство – вполне преднамеренное, и его не удалось бы достичь без существенной работы психоаналитиков, описавших истории некоторых наиболее примечательных современных женщин-убийц. В числе этих авторов я должен упомянуть Джойс Эггингтон за ее яркое исследование Мэрибет Тиннинг, Энн Рул за язвительную работу, посвященную делу Дайаны Даунс, Андреа Пейзер за описание и анализ убийств Сьюзен Смит и моего друга Джона Костона за его освидетельствование Эллен Бём. Всем им следует отдать должное за отказ от социологической рационализации действий изучаемых ими лиц и за настойчивость (если воспользоваться словами Руперта Пиктона) в отношении к ним в первую очередь как к бесчеловечным людям, а потом уже как к женщинам.

Библиотеки, как всегда, сделали терпимой разницу между выдумкой и воссозданием событий. Я должен поблагодарить специалистов Нью-Йоркской публичной библиотеки, библиотеки Общества Нью-Йорка и Нью-Йоркского исторического общества за их безустанныю помощь. Я также благодарен сотрудникам Бруксайдского музея в Боллстон-Спа, штат Нью-Йорк, – наряду с сотрудниками Публичной библиотеки Боллстон-Спа,

Публичной библиотеки Саратоги и Исторического общества округа Саратога.

Перрин Уайт не только оказала мне помощь в проведении исследований, но и составила компанию в ряде мысленных и физических путешествий, которые, при всей их волнительности для меня, для нее были некоторым образом еще беспокойнее. Я благодарю ее за пронизательность, непредвзятость и поддержку.

Доктор Ласло Крайцлер родился давным-давно, когда я ужинал с Джоном Терисом, который продолжал поддерживать меня дружбой и советом. И то, и другое сейчас столь же ценно для меня, как и тогда.

Мой путь в лабиринте судебной системы штата Нью-Йорк конца XIX столетия освещала как всегда пронизательная Джули Глинн, лицензированный адвокат. К тому же она со своим мужем, Энди Мэттсоном, увлеченным исследователем-американистом, всегда была готова обсудить мои идеи и выслушать тирады, и все это помогало удерживать напряжение на взрывобезопасном уровне. Не стоит и говорить, что все вольности, предпринятые мной в отношении судебной процедуры драматизма ради, – мое собственное деяние.

Тим Халдеман вновь обеспечил мне бесценные отклики и предложения, равно как и дружбу, необходимую для поддержки долгого и трудного проекта. Я ему очень обязан.

За величайшее терпение и постоянное содействие я благодарю моего агента Сюзанну Глак и моего редактора Энн Годофф.

Они терпели то, что подчас, должно быть, казалось бесконечными скитаниями измученной души, и, надеюсь, понимают, что без них я бы со всем этим просто не справился. Марсинэй Смит и Энрика Гэдлер тоже сгладили мой путь, и я глубоко ценю их усилия.

Хизер Шрёдер неустанно трудилась, присматривая за судьбой этих историй за рубежом, и всегда проявляла понимание и терпение.

За информирование меня о текущих событиях, а также протянутую руку подлинной дружбы в старушке-Англии я выражаю самую искреннюю благодарность Хилари Хейл.

Я также должен выразить признательность за усилия тем врачам, что взяли на себя труд помочь мне пережить несколько очень тяжелых лет: Эрнестина Сэкстон, Тирсо дель Юнко-младший, Фрэнк Петито и Брюс Яффи проявили такое преданное и чуткое поведение, какое должен воплощать каждый врач, но с которым у большинства, как ни печально, плоховато. Я благодарю их всех. А также выражаю особую признательность Вики Хафнагел, хирургу-новатору, подарившей мне

надежду, когда многие другие не смогли или не захотели этого сделать. За попытки осветить некоторые темные уголки медицины доктора Хафнагел последовательно вознаграждают своей враждебностью медицинские учреждения, продолжающие защищать своих слепых и отсталых членов с тем же усердием, что и сто лет назад.

Пока эта книга находилась еще во младенчестве, ее едва не постигла судьба многих жертв Либби Хатч – благодаря моему блужданию с широко раскрытыми глазами по творческой трясине на другом побережье. За помощь сначала в попытке осознать серьезность положения, а потом и вернуться к написанию книг я хочу поблагодарить – в порядке появления – Рене Гарсию (и Райсу Брэмон Гарсия), Бетти Мус, Майка Финнелла, Джо Данте, Кэти Лингг, Синтию Шулте, Хелен Мосслер, Гарри Харта, Боба Эйзеле, Дэна Дагена, Тома Полицци, Джейми Фрайтага, Сэнди Венециано, Джейсона Ла Падурю, Натали Харт, Дебору Эвертон, Маршалла Харви, Майкла Тау, Кэти Затарга, Билла Миллара, Хэла Харрисона и всех остальных из команды «Парамаунт», а заодно и – потому что о них нельзя забыть – Джона Корбетта, Джона Пайпер-Фергюсона, Рода Тэйлора, Дж. Мэдисон Райт, Дэррил Зейрзи, Кэролин Маккормик (и Байрона Дженнингса с Купером), Марджори Монагэн, Джоэла Суитоу и весь остальной состав «Хроник». Выход этой книги прежде их проекта – свидетельство отнюдь не каких-то недостатков с их стороны, а того, почему Нью-Йорку никогда не следует страшиться одного пустынного поселка в Южной Калифорнии в качестве конкурента в художественных новшествах и культурной мощи.

Специальную благодарность я выражаю Линн Фриер, Джиму Тернеру, а заодно и моему приятелю и утренней немезиде Отто; Джону и Кэти фон Хартц; моему брату Саймону и его жене Кристине вместе с моими самыми надежными советчиками Лидией, Сэмом, Беном и Габриэллой; моему брату Итану и его жене Саре; Марии фон Хартц и Джею Шапиро; Уильяму фон Хартцу; Дебби Дьебль; Иезекилю Винао; Орен Джейкоби; Мэган Халдеман; Эллен Блейн; и неизменно надежному Тому Пивински. Я также хочу поблагодарить Марвина Кокрена и надеюсь, что он услышит меня, где бы ни был.

Завершению этой книги, а заодно и вменяемости ее автора в равной степени помогли восхитительное чувство и чувствительность Элизабет Арнуа.

Уильям Марси Твид (Босс Твид, 1823–1878) – американский бухгалтер, в начале 1850-х гг., будучи бригадиром добровольной пожарной команды, начал заниматься политикой, постепенно добывая для себя и своих дружков все новые и новые посты в администрации Нью-Йорка. Постепенно фактически захватил власть в нью-йоркской организации Демократической партии – Таммани-холле. – *Здесь и далее прим. редактора.*

«Хромая утка» – в американском политическом жаргоне – государственный деятель или крупный чиновник, чье влияние сведено к нулю в связи с предстоящим уходом с занимаемого поста в результате поражения на выборах или отставки. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Имеются в виду предпосылки Испано-американской войны – одной из первых войн за передел колониальных владений. В течение XIX в. сторонники доктрины «предначертания судьбы» сравнивали испанскую колонию Кубу с перезревшим плодом, готовым упасть в протянутые руки США. Восстание кубинцев против испанского господства в 1895 г. ускорило события, а взрыв на американском броненосце «Мэн» в Гаванском порту в феврале 1898 г., немедленно расписанный газетами Уильяма Херста, послужил непосредственным предлогом к войне. 22 апреля 1898 г. американский флот начал блокаду Кубы, а 24 апреля США объявили войну Испании. Военные действия в Карибском бассейне и на Тихом океане продолжались четыре месяца, за которые США одержали крупные победы в Манильской бухте на Филиппинах, где флот под командованием адмирала Дьюи потопил испанский флот, и на Кубе, где части регулярной армии и добровольческие полки (особенно «Мужественные всадники» под командованием подполковника Теодора Рузвельта и Леонарда Вуда) разгромили испанцев в горах Сан-Хуан. 10 декабря 1898 г., подписав Парижский договор, Испания согласилась на передачу США Филиппин, Пуэрто-Рико и о. Гуам, а также предоставила независимость Кубе. США захватили также независимую республику Гавайи. Территориальные захваты США не встретили единодушного одобрения в стране, а в Сенате развернулась борьба вокруг ратификации договора. Против него выступили многие сенаторы-демократы и ряд видных республиканцев. Среди тех, кто решительно выступал против новых «приобретений» США, были Марк Твен и Эндрю Карнеги. Незначительным большинством голосов договор был ратифицирован. «Блестящая маленькая война», как назвал ее госсекретарь Джон Милтон Хэй, закончилась появлением колоний у США. Согласно поправке Платта, ставшей в 1901 г. частью конституции Кубы, остров стал американским протекторатом.

Уильям Маккинли (1843–1901) – 25-й президент США (в 1897–1901 гг.), республиканец, проводил политику территориальной экспансии.

Стиль «ар нуво» (фр. букв. «новое искусство») – в 1890–1900 гг. одно из направлений стиля модерн, оказавшее заметное влияние на дизайн в Европе и США.

«Кьюнард» – крупная судоходная компания, обслуживает линии между Великобританией и Северной Америкой. Основана в 1839 г. и названа именем основателя Сэмюэла Кьюнарда.

«Мавритания» – пассажирский лайнер, водоизмещение 31 950 т; плавал в 1907–1935 гг. «Лузитания» – британский пассажирский лайнер, торпедированный в 1915 г. без предупреждения германской подводной лодкой у берегов Ирландии. Погибло 1198 человек.

По преданию, этот коктейль появился в г. Мартинес, Калифорния.

Генри Кэбот Лодж (1850–1924) – государственный и политический деятель, историк. Член Палаты представителей (1887–1893); сенатор от штата Массачусетс в 1893-1924, председатель Комитета по внешней политике. В 1880-е гг. – один из ведущих «магвампов», сторонник территориальной экспансии США. На рубеже веков выражал интересы консервативного крыла Республиканской партии. Генри Адамс (1838–1918) – американский историк, преподаватель Гарварда, брат историка и политолога Брукса Адамса (1848–1927), который в своих работах выдвигал тезис выживания сильнейших, представлял экономическую историю как серию циклов роста и падения, говоря о неизбежной гибели наций. В частности, предполагал, что в 1950 г. США и Россия будут единственными сверхдержавами, но богатство Америки исчезнет, а ее демократические традиции будут разрушены бесконтрольным бизнесом.

Джон Сингер Сарджент (1856–1925) – американский живописец. Наряду с виртуозными светскими портретами знаменит психологически содержательными образами.

Томас Икинс (1844–1916) – американский живописец, крупнейший в США в XIX в. мастер портрета и жанровых картин.

Алберт Пинкэм Райдер (1847–1917) – американский живописец, поздний романтик, писавший фантасмагории и фантастические видения.

Уильям Мерритт Чейз (1849–1916) – американский художник-импрессионист.

Сесилия Бо (1855–1902) – американская художница, мастер светского портрета.

Элизабет Кэди Стэнтон (1815–1902) – американская общественная активистка, ведущая фигура раннего женского движения в США.

Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) – американский офицер, в ходе войны с индейскими племенами шайенн и сиу в 1876 г. ввязался в бой с превосходящими силами индейцев на р. Литл-Бигхорн; небольшой отряд Кастера был почти полностью уничтожен, сам Кастер убит; битва получила название «Последнего рубежа Кастера».

Ричард Моррис Хант (1827–1895) – американский архитектор, среди самых известных работ которого также числятся корпуса Капитолия и основание Статуи Свободы.

Гамильтон Фиш (1808–1893) – американский политик, в 1869–1877 гг. – госсекретарь США.

Эмануэл Готтлиб Лойце (1816–1868) – американский художник немецкого происхождения. Одна из самых известных картин в американской исторической иконографии «Переправа Вашингтона через Делавэр» была завершена им в 1850 г.

Цезарион – сын Юлия Цезаря и Клеопатры, родился в 47 г. до н. э. Первоначальное имя – Птолемей. После смерти матери в 30 г. был умерщвлен по приказанию Октавиана.

Раннее слабоумие (*лат.*).

Барон Ричард фон Крафт-Эбинг (1840–1902) – немецкий невролог.

Лидия Шерман (фамилия ее последнего мужа, 1824–1878) – американская серийная убийца, отравившая трех мужей и семерых детей, приговорена в 1872 г. к пожизненному заключению.

24

21—22 °C.

Рутбир (пиво из корнеплодов) – газированный напиток из корнеплодов с добавлением сахара, мускатного масла, аниса, экстракта американского лавра и др. Рецепт составлен в конце XIX в. филадельфийским аптекарем Чарлзом Хайрсом, впервые представлен публике на Филадельфийской выставке столетия США в 1876 г.

Франц Боас (1858–1942) – американский лингвист, этнограф и антрополог, исследовал языки и культуру индейцев и эскимосов. Один из основоположников дескриптивной лингвистики.

Имеется в виду Американская революция, она же «Революционная война», или «Война за Независимость» 1775–1783 гг.

Баттерскотч – ирис из сливочного масла и жженого сахара.

Мальш (*исп.*).

Сэмюэл Кольт (1814–1862) – американский изобретатель стрелкового оружия; в 1835–1836 гг. запатентовал свой знаменитый револьвер с барабаном, который автоматически подавал новый патрон к стволу. В 1836 г. основал компанию по производству стрелкового оружия.

Корнель (Корнелиус) Вандербилт (1843–1899) – директор железной дороги, один из наследников финансово-промышленной династии своего деда Корнелиуса Вандербилта.

Герберт Джордж Уэллс (1866–1946) – английский писатель, классик научно-фантастической литературы. Его роман «Машина времени» опубликован в 1895 г.

Город Саратога на востоке штата Нью-Йорк в предгорьях гор Адирондак с XIX в. известен как бальнеологический курорт с более чем 150 минеральными источниками.

Нынешню даму сердца (*фр.*).

Ворот (фр.).

Луис Камфорт Тиффани (1848–1933) – американский художник-декоратор, создатель оригинальной технологии изготовления изделий из цветного стекла.

Лиллиан Нордика (1857–1914) – оперная певица (сопрано), ставшая первой американской звездой, благосклонно принятой европейскими критиками.

Нелли Блай – псевдоним Элизабет Джейн Кокрен (или Кокрейн, 1864–1922), одной из первых американских журналисток-расследовательниц; часто работала под прикрытием.

В 1894 г. Нелли Блай вышла замуж за американского миллионера, владельца железодобывающей компании Роберта Симена (ум. 1904).

Канал Делавэр – Гудзон – канал между поселком Хонздейл, Пенсильвания, и г. Кингстон. Длина 172 км. Построен в 1825–1829 гг. с целью связать пенсильванские месторождения антрацита с долиной р. Гудзон и Нью-Йорком. Действовал с прибылью для владельцев до 1899 г., когда из-за возросшей конкуренции с железными дорогами канал был заброшен, а компания занялась железнодорожными перевозками (в 1829 г. для обслуживания канала из Англии был привезен первый в США паровоз, и эта дата считается началом развития железнодорожного транспорта страны).

41

От *англ.* high – высокий, верхний.

Ноа Уэбстер (1758–1843) – американский лексикограф, создатель большого толкового словаря английского языка.

Большое жюри – расширенная коллегия присяжных (от 12 до 23 человек), решающая вопрос о предании обвиняемого суду и предъявлении ему официального обвинения. После предъявления обвинения большое жюри распускается. В самом судебном процессе участвует малое жюри.

Джеймс Эббот Макнил Уистлер (1834–1903) – американский художник и гравёр.

Джеймс Бьюкенен Брэди («Брильянтовый Джим», 1856–1917) – американский финансист и филантроп, получивший свою кличку из-за пристрастия к бриллиантам и экстравагантного стиля жизни.

Лиллиан Расселл (Хелен Луиза Леонард, 1861–1922) – американская актриса, певица, знаменитая красавица своего времени – «беспечных 90-х». Выступала на сцене в течение трех десятилетий, в основном – в жанре бурлеска и комической оперы.

Джон Уорн Гейтс («Поставь-Миллион», 1855–1911) – американский финансист, сколотивший состояние на производстве колючей проволоки, знаменит своими спекуляциями на бирже.

«Вестерн Юнион (Телеграф)» – крупнейшая и старейшая американская телеграфная компания, принадлежащая одноименной корпорации. Помимо услуг связи, осуществляет междугородные и международные денежные переводы. Создана в 1851 г. Хирамом Сибли и Сэмюэлом Селденом; современное название – с 1856 г.

Кларенс Сьюард Дэрроу (1857–1938) – американский юрист, юрисконсульт муниципалитета Чикаго, адвокат. Стал известен как защитник на процессе над Юджином Дебсом (1895) в связи с забастовкой на заводах Пуллмана; шахтеров – участников знаменитой стачки угольщиков (1902), а также на процессе над «Большим Биллом» Хейвудом и другими рабочими лидерами. Стал особо широко известен в 1925 г. после «обезьяньего процесса» – суда над учителем Джоном Скоупсом, преподававшим старшеклассникам дарвиновскую теорию, в Дейтоне, Теннесси. Выступал против смертной казни. Автор ряда книг.

Пуллмановская забастовка – крупнейшая забастовка на вагоностроительных заводах компании «Пуллман Пэлис Кар», которая перекинулась и на ряд железных дорог; организована Американским профсоюзом железнодорожников во главе с Ю. Дебсом. Забастовка охватила 27 штатов и территорий, тем самым препятствуя торговле между штатами и работе почты.

Юджин Виктор Дебс (1855–1926) – один из лидеров американского рабочего движения начала XX в. В связи с поддержкой железнодорожниками стачки рабочих заводов Пуллмана был осужден на полгода тюремного заключения.

Судебный процесс Дебса начался с вынесения судебного запрета на забастовку. После отказа профсоюза подчиниться судебному запрету Дебс и другие лидеры профсоюза были осуждены за неуважение к суду. В июле забастовка была подавлена войсками по приказу президента Гровера Кливленда в качестве принудительного обеспечения решения федерального суда. Губернатор Иллинойса Джон П. Олтгелд и другие выступили против использования войск. В декабре Дебс был приговорен к нескольким месяцам тюремного заключения за отказ подчиниться судебному запрету. Верховный суд подтвердил правомочность осуждения Дебса и право президента посылать федеральные войска в штат.

Герберт Спенсер (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, основатель органической школы в социологии; идеолог либерализма. Развил механистическое учение о всеобщей эволюции; в этике – сторонник утилитаризма. Томас Генри Гексли (Хаксли, 1825–1895) – английский биолог, соратник Чарлза Дарвина и виднейший пропагандист его учения.

Уильям Алансон Уайт (1870–1937) – американский психиатр.

Обоснованное сомнение – юридический принцип, согласно которому любое обоснованное сомнение в виновности обвиняемого трактуется в его пользу. Обвинение обязано представить такие доказательства, чтобы ни у присяжных, ни у судьи не оставалось ни тени сомнения в виновности подсудимого.

Адольф Майер (1866–1950) – швейцарско-американский психиатр, первым в лечебной практике начал составлять истории болезней своих пациентов, используя интегрированные методы диагностики и лечения душевных заболеваний. Также занимался нейроанатомией и нейропатологией, вместе с Уильямом Джеймсом основал «движение ментальной гигиены».

Йозеф Брейер (1842–1925) – австрийский терапевт, заложивший основы психоанализа.

Начальника (исп.).

Джон Дэвис Лонг (1838–1915) – американский политический и государственный деятель, юрист, активист Республиканской партии. В 1897–1902 гг. – военно-морской министр США.

Лейтенанта (впоследствии – контр-адмирала) Уильяма У. Кимболла называют «отцом американского подводного флота». Будучи офицером военно-морской разведки Военного колледжа (1894–1897) активно продвигал строительство первых американских подводных лодок. В июне 1897 г. закончил разработку т. н. «плана Кимболла» – стратегии блокады Кубы и Манилы с моря в Испано-американской войне, который начал осуществляться в апреле 1898 г.

«Мэн» – американский броненосец, взрыв которого в порту Гаваны в феврале 1898 г. привел к гибели 260 моряков и послужил поводом для Испано-американской войны, боевым кличем которой стал лозунг «Помни о “Мэне”!».

Финли Питер Данн (1867–1936) – американский журналист, юморист.